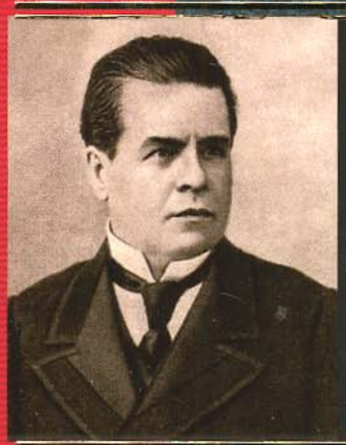

АЛЕКСАНДР ПОЛОВЦОВ

ДНЕВНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

1887—1892

МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ

А.А. ПОЛОВЦОВ

ДНЕВНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ II
1887—1892

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2005

ББК 63.3(2)-8
П52

Серия основана в 2005 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

*Иллюстрации из собрания
А.А. и С.А. Сапожниковых*

Половцов А.А.

П52 Дневник Государственного секретаря: В 2 т. Том II. 1887—1892 / Комментарии. Именной указатель. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 639 с.

ISBN 5-9524-1990-9 (Т. 2)
ISBN 5-9524-1989-5

Дневниковые записки известного государственного деятеля Российской империи конца XIX — начала XX века являются интереснейшим историческим документом своего времени и приобретают особую ценность для современного читателя.

Охватывающий целое десятилетие российской политической и придворной жизни конца XIX века двухтомный дневник государственного секретаря А.А. Половцова открывает новую серию издательства «Центрполиграф» «МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ». Эта серия адресована широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей, а также государственным и общественно-политическим деятелям, ученым, причастным к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

В конце II тома помещен именной указатель к I и II томам «Дневника», расширенный и уточненный по сравнению с изданием 1966 года. В нем добавлено 162 новых имени, сделано более 280 уточнений в кратких биографических сведениях об упоминаемых персонах (в годах жизни, чинах, должностях, родственных связях). Издание впервые снабжено иллюстрациями.

ББК 63.3(2)-8

ISBN 5-9524-1990-9 (Т. 2)
ISBN 5-9524-1989-5

ДНЕВНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

ТОМ II
1887—1892

1887 год

1 января. Чрез кассира Бергмана заказываю маленький пароход для Череменецкого озера. Прогулка с Краузольдом. Получаю известие от Анны из Ниццы, что ее младший сын захворал скарлатиною. В 11 час. в Зимнем дворце. Выход при многочисленном съезде. Многочисленность происходит главным образом от того, что ныне церемонии эти бывают реже, чем прежде. Чиновный люд особенно поражен назначением Бунге. Толстого, Делянова не видать. Во время обедни объезжаю все великокняжеские дворцы и расписываюсь у швейцаров. После обедни их величества принимают дипломатический корпус, затем представляются государю члены Совета, получившие награды, а, наконец, наличные дамы подходят к императрице для целования руки. С приехавшим вчера из Берлина Шуваловым уговариваемся ехать на волков. Вернувшись домой и освободившись от мундира, еду поздравить гр. Бобринскую и кн. Д.П. Оболенскую. Вечером у Абазы.

2 января. Пятница. Шувалов приезжает предуведомить, что должен быть завтра у государя в Аничковом дворце и не может ехать на охоту, которую я и откладываю. Советую ему говорить как можно проще, без фраз, без прилагательных, без воодушевления. Отдаю полученный вчера визит Вышнеградскому. Встречаю вел. кн. Владимира Александровича, который рассказывает мне, что государь прислал ему для прочтения записку Вышнеградского с изложением его программы[1] и замечания на эту записку гр. Толстого, не представляющие ничего замечательного. Вел. князь по прочтении этого сказал государю, что никакое улучшение финансов невозможно, покуда мы в такой мере отягощены военными расходами, что этот милитаризм должен привести к банкротству и сопровождающим его несчастиям, что необходимо стараться сделать возможным уменьшение армий и что велика будет заслуга того государя, который это сделает. *Я:* «Вот это умные речи». Потом разговор касается глубокомысленной мудрости вел. кн. Михаила Николаевича, причем мы оба приводим не-

сколько замечательных тому примеров. Читаю Voltaire «Essai sur les moeurs des nations». Вечером едем в тройке на Каменный остров посмотреть, как устроено в теплицах новое электрическое освещение.

3 января. Суббота. В Государственном совете заседание о передаче московских заведений общественного призрения городскому управлению[2]. Заезжаю к Аракину, к моему старому любимому подчиненному, потом к Всеволожской, только что приехавшей из рязанской деревни для вывоза в свет дочерей. В $5^1/_2$ час. уезжаем на волков в Рапти — Шувалов, Г. Голицын, Фредерикс (конногвардеец), Обер. Шувалов был в этот день у государя, чтобы передать все виденное и слышанное в Берлине. Шувалов поражен тем, что государь выработал себе по внешней политике определенный до подробностей взгляд, который он ему излагал с разъяснением мотивов. Взгляд этот во многом расходится со взглядами Гирса и по некоторым вопросам не останавливается пред довольно смелыми окончательными разрешениями. Весьма большие неудобства представляет это разногласие между императором и министром. Впрочем, Гирс каждый день более и более выказывается нерешительным, неясным во взглядах, подобострастным, заботящимся прежде всего о материальных интересах своего семейства и, следовательно, малополезным человеком. Отношения с Германией в настоящее время отличны, но за продолжительность существования такого порядка ручаться невозможно. С венским кабинетом, напротив, отношения в высшей степени натянуты, и с этой стороны грозит серьезная опасность. Ночуем в Раптях.

4 [*января*]. Воскресенье. Охота в Княжой горе, убиваем трех волков. Возвращаемся ночевать в Рапти.

5 [*января*]. Понедельник. Чудесный, солнечный день. Обер убивает еще одного волка. В $2^1/_2$ часа садимся в вагон и в 6 час. возвращаемся в Петербург, где я по обыкновению нахожу на столе кучу скучных бумаг и неприятных писем.

6 [*января*]. Вторник. Выход в Зимнем дворце. Приезжаю во дворец в 11 час. ровно, но опаздываю к выходу. Разговариваю с вел. кн. Павлом Александровичем, который стоит в карауле гусарского полка, уговариваю его не начинать каких-либо переделок в доме, не поживши в нем год-другой.

В 10 час. назначено танцеванье в каменноостровской оранжерее. Моя дочь, Бобринская, пригласила нескольких юных приятельниц. Вел. кн. Мария Павловна, по обыкновению своему быть как можно более приятною, приглашает к себе на ужин половину дам, долженствовавших приехать к моей дочери.

7 [*января*]. Среда. Сижу целый день дома.

Заходит Победоносцев и делает несколько характерных сообщений. В последнюю субботу было заседание у гр. Толстого, на коем Победоносцев, Островский, Манасеин приняли проект Пазухина, который и будет внесен в скором времени в Государственный совет[3]. О Толстом Победоносцев говорит как о мертвеце, лишенном всякой воли.

Прошлою весною по настоянию Мирского (донского атамана) государь решился присоединить таганрогское градоначальство к земле Донского Войска. У государя было совещание, на коем все министры высказались против проекта, но тем не менее государь настоял на необходимости принять мысль. Для изучения средств к осуществлению ее послана была особая комиссия, и прошлою осенью дело должно было поступить в Совет. Победоносцев, признавая это предположение несообразным, написал в опровержение записку, которую и представил государю. Согласное с этой запиской мнение Победоносцев сообщил Ванновскому, который отвечал ему, что так как мнение это идет вразрез с выраженным государем взглядом, то он, Ванновский, не внесет его в Совет. Победоносцев отвечал ему, что не считает Ванновского вправе так поступить, потому что каждый министр имеет право высказывать свое мнение, которое и имеет силу, одинаковую с мнением прочих его коллег. Получив такую категорическую бумагу, Ванновский не нашел отвечать ничего иного, как что первая его к Победоносцеву бумага была подписана им по ошибке.

Говоря о занятиях своих с цесаревичем, Победоносцев хвалит способности молодого человека и сетует на то, что его держат еще на положении ребенка, а в особенности на то, что ему не позволяют путешествовать. Последнее запрещение он приписывает императрице, которую считает довольно пустою. Заехавший Шувалов рассказывает ссору обер-церемониймейстера кн. Долгорукого с Воронцовым на выходе 1 января.

В нынешнее царствование установился обычай, что в этот день дамы поздравляют императрицу и подходят к целованию руки. До нынешнего года, выстраиваясь вереницею, дамы не соблюдали никакого порядка в старшинстве, и потому, конечно, вперед попадали не старшие, а более нахальные. В этом году решено, чтобы дамы подходили по старшинству чина; согласно этому церемониймейстер Дитмар подошел к гр. Воронцовой и указал ей место. Она очень обиделась за такое указание и пожаловалась мужу, который распек несчастного церемониймейстера, а этот, разумеется, пошел жаловаться Долгорукому. Долгорукий имел объяснение с Воронцовым и подал в отставку, но, разумеется, потом все уладилось.

8 [января]. Четверг. Продолжаю сидеть дома, но, получив приглашение от вел. кн. Михаила Николаевича, еду к нему обедать. Обед с Вланғали и по обыкновению со всеми сыновьями, из коих каждый при встрече со мной чего-нибудь добивается. На этот раз Георгий Михайлович просит о назначении кого-то доктором в Государственную канцелярию. Михаил Михайлович очень недоволен тем, что вел. кн. Павел Александрович купил дом, который размерами гораздо больше того, что строит Михаил Михайлович сам. Делает мне по этому предмету вопросы, на которые я отзываюсь неведением. После обеда непродолжительный разговор с вел. княгинею. Она злобно подшучивает над Марией Павловной. Вернувшись домой, читаю новую книгу Halévy.

9 [января]. Пятница. Прочитываю первый том Вольтера «Essai sur les moeurs des nations». Пользуюсь свободным днем, чтобы очистить долги по переписке. Вечер в Александрийском театре; новая комедия Крылова «Семья». Большой успех против прежнего. Актеры играют весьма согласно, особенно хороши Далматов и Стрепетова. Присутствуют государь и императрица, которые в этот же день провели около часу у Новосильцова, который, по отзыву Боткина, должен на днях умереть. Новосильцов — пустой, ничтожнейший 60-летний танцор, но это занятие и служит ему в глазах императрицы основанием для особого ее благоволения.

10 [января]. Суббота. Завтрак с Винспиером. Между прочим черты, резче и резче выставляющие доблестный характер вел. кн. Михаила Николаевича. Гр. Левашев, его приятель с детства и усердно служивший при нем на Кавказе, попал в немилость покойного императора за какое-то либеральное распоряжение в Одессе. Когда он приехал в Петербург, то вел. князь перестал бывать у него в доме и, встретив его через несколько времени, сказал ему: «Ты понимаешь, что я не могу быть у тебя, потому что государь тобою недоволен». Обед с Штендманом, толкуем о делах Исторического общества. Доклад Ауербаха о работах в Богословске. Новые применения меди.

11 [января]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Паленом, который собирается говорить против представления Манасеина об ограничении судебной гласности или, вернее, против предоставления министру юстиции права закрывать двери всякого судебного заседания. При этом Пален рассказывает, как при покойном государе неоднократно был поднимаем Валуевым и Тимашевым вопрос об уничтожении гласности на суде, как об этом вопросе был созываем Совет министров, причем одним из главных аргументов гр. Палена было то, что до введения гласности, когда все политические следствия производились жандармами, публика постоянно утверждала, что следствия

эти раздуты и преувеличены, тогда как со времени передачи дел этих в руки прокуроров и судей здравомыслящая публика стала на сторону правительства. Обедает Н. Жемчужников, который рассказывает о любопытных примерах зависти и вражды, вызываемых богатством моей жены.

12 [января]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, который в восхищении от танцевального вечера, данного им накануне. Приглашены были лишь самые юные девицы — две Игнатьевы, две Чертковы, две Свечины, Сталь, Мятлева, две Оболенские. Все это сделано для юного Сергея Михайловича, а также для цесаревича; императрица, разумеется, танцевала сама и заставила вальсировать отца Игнатьева. Согласно желанию прихварывающей Ольги Федоровны все было кончено в 1 час. О том же разговор с вел. княгинею. Оба восхищаются любезностью их величеств. Вел. княгиня осуждает заводимый вновь обычай ужинать и поздно ложиться спать по поводу того, что вел. кн. Владимир Александрович с Марией Павловной и Алексей Александрович с Зиною Богарне ужинали в субботу у Дурновых, а их величества и Сергей Александрович с Елизаветою Федоровною в то же время ужинали у Шереметевых, кои живут на хлебах у принцессы Евгении Максимилиановны. В ответ советую вел. княгине прочитать новую книгу Додэ об изгнании Людовика XVIII[4].

В 1 час завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. По обыкновению за столом сидит много посторонних, в том числе гнусный прислужник Перовский, так что разговор, сколько-нибудь интересный, невозможен.

В Государственном совете заседание с поклонами, т. е. при чтении мною указов о новых назначениях все присутствующие встают и отвешивают поклон тому, о ком идет речь, а он делает в свою очередь то же самое.

В кабинете вел. князя обычный шутливый разговор между ним и племянниками. Рассказываю им, как между Танеевым и Куломзиным происходил серьезный спор о том, кому редактировать указ о назначении Бунге председателем Комитета министров, и как Танеев ходил к Победоносцеву выливать свое по этому предмету горе. Присутствующие усердно смеются над этою ссорою двух гоголевских героев.

Получаю от государя посланное мною ему мнение Шестакова об уничтожении чинов с такою заметкою: «Умно, дельно, справедливо».

Вечер в немецком театре, довольно сносная оперетка.

13 [января]. Вторник. В 10 час. иду пешком с вел. кн. Владимиром Александровичем осматривать новые приобретения музея нашего училища. Он передает мне, что государь говорил с ним об уничтоже-

нии чинов и о мнении Шестакова. Я со своей стороны рассказываю, в чем принимал за последние дни участие. Обед с Убри и Винспиером. Глупое представление в Михайловском театре, вечер у Нелидовой.

14 [*января*]. Среда. Прогулка с Татищевым, который рассказывает следующее. Катков больше чем когда-либо решился преследовать Гирса. Независимо от всей его ничтожности и подобострастия он не прощает Гирсу, и совершенно справедливо, что Гирс объявляет, что останется министром до дня празднования юбилея 50-летней своей службы. На место Гирса Катков прочил Павла Шувалова, но вернувшийся на днях из Берлина посланный туда Катковым ген. Богданович (человек самой дурной нравственности и принятый Шуваловым по достоинству) заставил Каткова переменить мнение о Павле Шувалове. Отставные, не лишившиеся надежды на будущее дипломаты гр. Игнатьев и Сабуров, явились к Каткову и передали ему не только личные свои воспоминания, но и сохранившиеся у них бумаги. На основании этих документов Катков замышляет войну против Гирса, а Игнатьев и Сабуров лелеят мысль получить место Гирса. Катков поручил Татищеву писать статьи против Гирса в «Русском вестнике». Уезжая отсюда, Катков хвастал перед своею свитою, что подал государю записку против Гирса и уезжает, получив от государя обещание, что без нового с ним, Катковым, свидания государь не подпишет никакого с Германией соглашения. Записки, полученной от Каткова[5], государь не передал Гирсу. Татищев после тщетных ожиданий не получил обещанного ему места в Управлении по делам печати и уезжает в Москву с тем, чтобы участвовать в редакции «Московских ведомостей».

15 [*января*]. Четверг. Большой двухтысячный бал в Зимнем дворце. Свечи всецело заменены электричеством, сила коего на этот раз определяется в 160 тыс. свечей. Их величества выходят очень аккуратно в $9^1/_2$ час. Полонез очень короток, не так как в прошлое царствование. Императрица идет польским с Швейницем, а затем танцует два кадриля с Шакир-пашою и датским посланником. По обыкновению на этих балах идет целая биржа деловых разговоров. Подвергаюсь нападкам Танеева, который, скрывая от меня поданную им государю записку, старается выведать мои намерения о дальнейшем ходе дела о чиноуничтожении[6]. С Островским говорю о замышляемом им законе об охоте, хвалю ему вице-инспектора Холщевникова, коему он поручил составление этого закона и который приезжал ко мне разговаривать о своих предположениях и при этом высказал несколько здравых мыслей и в особенности ту, что закон должен распадаться на две совершенно различные части: одну, так сказать, любительскую и другую промысловую. Ужинаю по обыкновению с Е.Д. Всеволожской.

Долго ждем кареты при разъезде и, несмотря на то, достигаем дома в $1^1/_2$ часа.

16 [*января*]. Пятница. Иду гулять пешком утром и встречаю вел. кн. Владимира Александровича. Рассказывает, что Мария Павловна получила письмо от Герберта Бисмарка, который горько жалуется на невозможность вести дела с нашим правительством при необузданной влиятельности Каткова.

К завтраку приходит Антокольский, вспоминает о том, как я его напутствовал, когда в 1869 г. он уезжал в Италию. По желанию жены моей решаюсь поручить Антокольскому сделать мой бюст. Антокольский многим обязан заграничной своей жизни, чувствуется влияние культурной среды; говорит умно, дельно, прочувствованно.

Свиданье с Мальцевым по несносному их делу. Решаюсь выждать для разбора записки, Мальцевым составляемой.

В $5^1/_2$ час. уезжаю на волчью охоту с Шуваловым, Фредериксом, Голицыным. Ночуем в Раптях.

17 [*января*]. Суббота. Дальняя поездка чрез Городец, Крицы, Заполье в Городище. Снегу почти нет, осталась тонкая ледяная кора; охота невозможна. Возвращаемся в Рапти. Лежа в санях рядом с Шуваловым, выслушиваю много любопытных от него рассказов, между прочим, один о свидании императоров в Варшаве в 1860 г.[7]

Шувалов в это время был в Париже и получил от Наполеона III приглашение приехать рано утром в сюртуке в Сен-Клу. Император пригласил Шувалова гулять в парке и, отойдя в дальний угол, сел на скамью и, начав разговор с предстоящего варшавского свиданья, кончил формальным предложением полного с Россиею союза, заверяя, что русский император напрасно смотрит на него, Наполеона, как на либерала, что он только по необходимости либеральничал, а в душе предан консерватизму и что, подав друг другу руку, русский император и он сделаются владыками Европы.

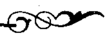
Несколько испуганный такими сообщениями Шувалов немедленно поехал к послу гр. Киселеву, который, разумеется, был крайне недоволен и тотчас потребовал от Тувенеля подтверждения того, что было сказано Наполеоном. Тувенель ничего не знал о сказанном его императором и, разумеется, поспешил объяснить, что Шувалов не совсем понял Наполеона и преувеличил значение слышанного.

Шувалов по приезде в Варшаву, конечно, обо всем доложил государю, от которого получил приказание поехать к австрийскому императору и прусскому регенту (нынешнему императору Вильгельму) и рассказать им обо всем. Австрияк только бранил Наполеона, утверждая, что он — обманщик, с коим нельзя иметь никакого дела, а Виль-

гельм отнесся ко всему равнодушно и чуть не пренебрежительно, не придавая всему этому никакого значения. Самое свидание с австрийским императором было весьма неудачно. Александр II наследовал к Францу-Иосифу вражду своего отца и ехал на свидание скрепя сердце. В Варшаве уже начиналась революционная возня, проделывались неприятные для Александра II выходки, например, театральную залу облили каким-то вонючим веществом, так что спектакль пришлось отменить. На другой день по приезде австрияка было собрание трех правителей с тремя их министрами. В этот день у Александра II так разболелись зубы, что он не в состоянии был внимательно слушать прения. Почти одновременно получено известие о смертельной болезни императрицы Александры Федоровны. Государь захотел немедленно вернуться; с трудом отыскали карету, в которой он и доехал до Динабурга, откуда начиналась железная дорога. Свою мать он застал в живых лишь на несколько часов.

18 [*января*]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Меншиковым, который совсем разваливается, но, несмотря на то, продолжает немилосердно лгать, так, например, в этот раз говорит, что у него в погребе лежит коньяк, поднесенный Наполеону I и находящийся теперь 120 лет в доме Меншикова. Осматриваем серебряный сервиз, продаваемый Щербатовым почти на вес стоимости серебра. Сервиз подарен его жене ее дедом Потоцким. Покупная цена 18 тыс. руб. Чтение бумаг для истории царствования Николая I. Министерство иностранных дел. Собственноручные его резолюции не представляют большого интереса.

19 [*января*]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Рассказ о бывшем накануне в Аничковском дворце вечере для детей с примесью взрослых. Государь, который особенно любит детей, веселился больше, чем на каком бы то ни было бале. Вел. князь спрашивает меня, что делать по докладывающемуся сегодня в Государственном совете делу об ограничении публичности судебных заседаний[8]. Отвечаю, что теперь поздно, что надо было следить за делом раньше, говорить с государем, узнать, что ему было сказано, и опровергнуть неверные разъяснения; между тем в день департаментского доклада его высочество уезжал на охоту. К этому прибавлю, что мое положение трагическое. Я должен слушать безмолвно все, около меня происходящее, потом подписывать государю меморию и видеть, что дело решается криво, потому что, с одной стороны, подлежащий министр видит государя и нашептывает ему, а со стороны Государственного совета упорное молчание, которого я не могу нарушить, так как вел. князь не допускает меня к словесным с государем объяснениям. Слушая все эти комплименты, мой мудрец упорно молчит. Зайдя на поклон к

Ольге Федоровне, отправляюсь завтракать к вел. кн. Владимиру Александровичу, где, кроме Михаила Николаевича, на этот раз заседает еще и Николай Николаевич. Разговор по обыкновению в этих случаях весьма незамысловатый.

В Государственном совете горячие прения по представлению Манасеина об ограничении публичности судебных заседаний. Стояновский говорит неталантливо, а искренно и горячо отстаивая то, что написано в судебных уставах, и прося указать на фактические неудобства, кои могли бы служить поводом к дарованию министру юстиции прав, долженствующих принадлежать лишь верховной власти. Дервиз настаивает на том, что по основным нашим законам Россия управляется на твердом основании законов, а что предлагаемая мера вносит несуществовавшее в нашем законодательстве начало личного произвола. Гр. Пален, как бывший десять лет министром юстиции, утверждает, что в случае принятия предлагаемой меры министр юстиции сделается невольно покровителем всяких безнравственных поступков, совершители коих найдут всегда пути к ходатайствам о закрытии дверей суда, призванного судить их. В доказательство истины слов своих гр. Пален приводит процессы Струсберга[9] и Митрофании[10], в коих по политическим будто бы соображениям добивались от него, Палена, закрытия дверей суда. Против всего этого Победоносцев очень убедительно говорит о недостатках нового суда, недостатки эти он выставляет с тою простотою, ясностью, убедительностью, кои отличают его речь, но заключение его не вытекает из изложения. Манасеин только повторяет: «Non possumus»*, оглядываясь на Победоносцева, который запрещает ему делать какие-либо уступки. Голоса делятся так: 20 членов — за Манасеина, 31 — против. При этом вел. князья — дяди — с большинством, а братья — с меньшинством.

20 [*января*]. Вторник. Чтение николаевских бумаг[11]. В Государственном совете почти нет нерешенных дел и ничего серьезного вновь не поступает. «Фенелла» с Цукки[12]. Вся императорская фамилия налицо и переполняет свои две ложи.

21 [*января*]. Среда. Вечер в каменноостровских теплицах. Сначала поют цыгане, а потом танцы, продолжающиеся до $4^1/_2$ час.

22 [*января*]. Четверг. Захожу к Швейницу и застаю его только что вернувшимся от государя, коему он отвез письмо от императора Вильгельма. Швейниц весьма доволен своим разговором с государем, который очень определительно высказал свой образ мыслей. Согласие между Германией и Россией полное, а при этом европейский мир

* *«Не можем» (лат.).*

представляется обеспеченным. Относительно войны между Германией и Францией Швейниц утверждает, что Германия ни в каком случае не будет нападать на Францию, чему, по его мнению, сильнейшим ручательством служит то, что Германией управляют три человека, коим в совокупности 250 лет от роду. Опасность видит Швейниц в возбуждениях нашей русской прессы, слова коей французы принимают за чистые деньги, а вследствие того могут вообразить во Франции, что Россия будет союзником Франции в случае столкновения с Германией.

Бал в концертном зале. Играли в вист с Абазою, Убри, Сабуровым. Ужинаю на лестнице с милейшей Шиповою.

23 [января]. Пятница. Встречаю на набережной вел. кн. Михаила Николаевича, который передает слышанное накануне от государя известие о многочисленных арестах в военно-учебных заведениях и в особенности Морском училище[13]. Визит Шиповой и гр. Вольгенштейн, которая среди петербургского общества поражает своею непринужденностью, естественностью и культурностью.

24 [января]. Суббота. Сообщение Ауербаха об успешности ртутного рудника в Екатеринославской губернии. Завтрак с благовоспитанным Винспиером. Обед с Влангали, которого, очевидно, Гирс более и более удаляет от дел.

25 [января]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Паленом и Влангали. В $1^1/_2$ [часа] четвертый сеанс для бюста, делаемого с меня Антокольским. Балашев просит дать ему взаймы 500 тыс.! Вечер дома за советскими журналами.

26 [января]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Рассказывает, что вызывал Победоносцев[а] и имел с ним продолжительное объяснение но делу об ограничении судебной гласности. Победоносцев ни на какие уступки не поддается, говоря, что это было бы обидно для министра юстиции. Вел. княгиня выражает удивление, что не видела меня на аничковском бале, рассказывает, что у нее на другой день танцует крайнее юношество, что императрица отказалась приехать, потому что обещала присутствовать у Воронцовых-Дашковых на чтении новой драмы Толстого. Вел. княгиня просила позволить цесаревичу приехать, но императрица отвечала, что не позволяет ему выезжать без нее (!). Тут же вел. княгиня приглашает нас приехать на этот детский вечер (не опасаясь, вероятно, не понравиться ее величеству).

У вел. кн. Владимира Александровича обычный завтрак. В Государственном совете при чтении журнала по происшедшему в прошлый понедельник разногласию[14] Гирс встает и просит позволения прочитать записку, поданную ему советником посольства Мартенсом в ту самую минуту, как он, Гирс, садился в карету, почему он не успел составить

себе еще мнения (sic). В записке Мартенс выставляет, что многие иностранные державы согласились заключить с Россией конвенции о выдаче преступников только потому, что имели уверенность, что выданные преступники будут судиться гласно, а что предлагаемое ныне уничтожение гласности по произволу министра юстиции может иметь последствием требование об уничтожении таких конвенций. Стояновский находит невозможным обсуждать этот вопрос в Общем собрании и предлагает передать дело обратно в департамент. Манасеин заявляет, что не встречает к тому препятствий, хотя не может не заметить, что министр иностранных дел не высказал никакого мнения. Решаем передать дело в департамент.

После заседания иду гулять пешком с вел. кн. Владимиром Александровичем. Говорим о политических событиях. Он утверждает, что государь не хочет войны, будет стараться избегнуть ее, что до сих пор мы никаких к тому приготовлений не делаем, что трудно понять, кому война могла бы быть выгодной, что во всяком случае России выгодно ждать и по возможности отдалять момент драки и что он, вел. князь, всегда в этом смысле говорит с государем. Вел. князь жалуется на Гирса, который не имеет мужества говорить государю правду, что он, вел. князь, не раз говорил государю, что в разговорах с глазу на глаз правды не узнать, а для узнания ее необходимо привлекать к участию в деловом разговоре нескольких лиц. Отправляю вечером свою еженедельную меморию без всяких экстренных писаний.

«Евгений Онегин» в присутствии их величеств. Оркестровка искусная, но вдохновения нет.

27 [января]. Вторник. Юношеский вечер у вел. кн. Михаила Николаевича. Я играю в винт с Евгенией Максимилиановной и домохозяином. В промежутки разговариваю с гр. Игнатьевым, который по обыкновению лжет немилосердно, утверждая, между прочим, что незадолго до его свержения между ним и государем было условлено назначить меня министром юстиции. Обсуждая теперешнее положение дел, очень остроумно замечает, что представителями дворянской эры в рядах высшего правительства служит группа поповичей. Вечер кончается в $1^1/_4$ [часа].

28 [января]. Среда. Читаю проект организации реального образования, внесенный Деляновым[15]. Цель — уничтожение и изуродование этого образования для вящего превознесения классицизма, который, разумеется, превосходен в идее, но неприменим поголовно ко всему русскому населению. Решаемся купить за 180 тыс. дом, что против нас на Большой Морской. Дом этот в прежнее время принадлежал кн. Суворову.

29 [января]. Четверг. Прогуливаясь утром, встречаю кн. Имеретинского, который излагает мне план того, что он называет партией войны, во главе коей стоит Обручев. По мнению этих близоруких людей, война между Францией и Германией была бы выгодна для нас, потому что мы могли бы, пользуясь этой войной, броситься на Австрию и, разбив ее, занять выходы в Карпатских горах. Ведение войны с Австрией именно теперь они считают выгодным, потому что, по их понятиям, усовершенствования в вооружении последнего времени еще не усвоены австрийцами, чем мы и должны воспользоваться. Экономические, нравственные соображения для этих людей не существуют.

Покуда мы разговариваем с Имеретинским, встречается вел. князь, который выражает желание переговорить со мною. Заходим в адмиралтейский сад, где вел. князь передает мне, что имел накануне продолжительный разговор с государем по поводу понедельничного заседания Совета. Разговор начался с того, что государь обвинял Гирса в том, что он имел время приготовиться и ни в каком случае не должен был высказывать мнения, которого не признавал своим. Говоря это, государь выразил желание, чтобы прежний журнал был подписан в следующий понедельник. Услышав это, я сказал, что дело уже возвращено в департамент и послано мною на заключение министра иностранных дел, а следовательно, исполнить этого нельзя, поэтому считаю необходимым спросить вел. князя, объявляет ли он мне по этому предмету высочайшее повеление или нет. На это вел. князь отвечал, что высочайшего повеления не объявляет и самое желание государя было высказано лишь вскользь. Затем вел. князь продолжал свой рассказ о том, что он высказал государю убеждение о необходимости изменений в судебных уставах, но с тем, чтобы изменения эти произведены были не частично, а общим пересмотром всего устава в особой на то призванной комиссии. В частности, относительно предоставления министру юстиции права закрывать двери судебного заседания по его усмотрению вел. князь повторял все то, что было говорено в Совете, но на все его доводы государь отвечал только, что здесь вопрос *принципиальный*. Очевидно, это затвердил Победоносцев. Тогда вел. князь стал уговаривать государя для большого разъяснения этого вопроса собрать небольшое совещание, но государь отвечал, что его мнение по этому вопросу выработано и что всякое совещание он считает излишним. К этому государь прибавил, что Победоносцев не раз его уговаривал собирать Совет министров для предварительного обсуждения вопросов, вносимых в Государственный совет, но государь признает, что таким образом делалось бы известным его личное мнение, которое затем стесняло бы при обсуждении дела в Совете. Быть может, прибавил он, полезно было бы собирать не Совет, а немногочисленные совещания. Вел. князь предложил собрать такое совещание для настоящего дела, но государь повторил, что это лишнее, потому что его мнение непоколебимо.

Выслушав этот рассказ, я поневоле призадумался: что же после этого Совет и какие же мои тут обязанности? Победоносцев и его секретари понесут в Совет что им вздумается, уверив, что вопрос принципиальный, и все, что будет твориться в Совете, не выйдет из пределов пустой формальности. Я должен освободиться непременно от обязанностей государственного секретаря.

Вечером Абаза сообщает, что на докладе Гирса государь его сильно осуждал за его выходку, причем досталось и председателю, который не должен был допускать сделанного Гирсом заявления.

30 [января]. Пятница. Пишу государю, что желаю его видеть по делам Исторического общества, и получаю приказание приехать в воскресенье в час. Утро за советскими делами, вечер за бумагами императора Николая.

31 [января]. Суббота. Утром советские бумаги и в особенности чтение бессмысленного деляновского проекта о реальном образовании. Вечером слушание чтения бумаг императора Николая по Министерству иностранных дел. Ничего серьезного. Заезжает Шувалов и рассказывает, что на последнем бале в Зимнем дворце вел. кн. Михаил Николаевич подошел к императрице и спросил ее, почему мы не приглашены. Она отвечала, что, вероятно, это ошибка, но что она думает, что мы получили приглашение.

1 февраля. Воскресенье. Предпоследний сеанс для бюста Антокольскому. В 1 час еду в Аничков дворец. На лестнице скороход проводит меня в так называемый музей, где, дожидаясь четверть часа, имею время насмотреться на посредственность вещей, сбытых пронырливым Григоровичем. Государь принимает меня чрез несколько минут и начинает разговор с извинений о том, что заставил подождать. Затем, еще прежде чем мы успели сесть, он с большою горячностью начинает говорить о заявлении, которое было сделано Гирсом в последнем заседании Общего собрания Государственного совета; при этом государь повторяет категорически приказание, о коем уже упоминал вел. князь, чтобы прежний журнал был немедленно подписан и мемория представлена.

Я: «Действительно, государь, это заявление было столь неожиданно и столь странно, что все это имело чуть не комический характер. Министр иностранных дел просил позволения прочесть чье-то чужое мнение, не высказывая своего заключения; при этом заявил, что читанная им записка была подана ему в ту минуту, как он садился в

карету, и потому он, министр иностранных дел, не мог выработать себе мнения».

Государь: «Это заявление надо было оставить без последствий».

Я: «Вероятно, государь, так бы и было, если бы Гирс, прежде чем делать свое заявление, предварил меня. Вы, разумеется, не можете требовать от вел. князя, чтобы он был завзятый председатель; чтобы избегнуть сюрпризов, которые могут затруднить председателя, я всегда прошу членов предварительно сообщать мне о предполагаемых ими заявлениях, но в этом случае Гирс этого не сделал, и я ничего о том не знал».

Государь: «На это заявление не надо обращать никакого внимания, а надо подписать прежний журнал».

Я: «Да как же, государь, это сделать, когда согласно предложению вел. князя единогласным постановлением Общего собрания дело возвращено в департамент для нового рассмотрения. Покуда учреждение существует, необходимо соблюдать установленный для него порядок».

Государь: «Но тогда дело опять замедлится».

Я: «Вы знаете, государь, что я вообще не охотник до медленности, а в этом случае ее и нет повода опасаться, потому что от Гирса мнение уже получено и дело будет немедленно доложено в департаменте».

Государь: «Я уверен, что и Мартенса подговорили на эту выходку и вел. князя убедили те, которые говорили против министра юстиции, — Стояновский, Пален, Набоков».

Я: «Сомневаюсь в том. Мартенс, сколько мне известно, с членами Совета никаких сношений не имеет, а относительно того, как сложилось убеждение в вел. князе, могу рассказать Вам, что, приехав к нему недели две тому назад, я услышал от него, что по этому делу он будет поддерживать министра юстиции, полагая, что его мнение согласно с Вашею волею, но вслед за тем, прочитав записку от первой до последней буквы, вел. князь сказал, что не разделяет мнения министра юстиции и не будет его поддерживать. Я очень рад, что имею случай говорить об этом с Вашим величеством, потому что после того, как Вы высказали мне в прошлом году подозрение о том, что записка, написанная Вам вел. князем, была сочинена мною, я опасался, что и теперь Вы подумаете, что вел. князь говорил с Вами по моему наущению, а, между тем, Вы можете быть уверены, что я к Вам никогда не пойду никакою иною дверью, как тою, чрез которую я сейчас взошел, а не чрез кого бы то ни было, не исключая и вел. князя. Я всегда скажу Вам прямо, что думаю. К тому же в настоящем случае я и не разделяю воззрения вел. князя. Он находит нужным учредить комиссию, которая бы пересмотрела судебные уставы».

Государь: «Это затянуло бы дело надолго».

Я: «И, кроме того, повторилась бы прежняя ошибка. Построили бы новую храмину, в которой жить оказалось бы неудобно. Да и вообще я не приверженец теоретического законодательства; я считаю, что гораздо лучше возбуждать законодательные вопросы по мере того, как на них наталкивает жизнь, и разрешать их частными мероприятиями, конечно, в строго обдуманном направлении».

Государь: «На мнение вел. князя, конечно, повлияли те члены Совета, которые говорили, — Стояновский, Пален, Набоков».

Я: «Они бы и не говорили так настойчиво, если бы со стороны защитников проекта не просвечивало так ясно пренебрежение к их мнению, пренебрежение, основанное на том, что воля Вашего величества заранее известна, дело будет решено так, как того желают составители проекта. Под влиянием такой угрозы благородные люди, как, например, гр. Пален пошли, может быть, дальше, чем они бы то сделали при иных условиях. И это весьма понятно. Признаюсь, я со своей стороны нахожу, что этого разногласия весьма легко было избежать. О чем идет спор: о том, предоставить ли министру юстиции дискреционное право закрывать двери суда или в этих исключительных случаях всякий раз должно быть испрашиваемо высочайшее разрешение? Министр юстиции утверждает, что таких дел бывает не более одного или двух в год. Может ли быть какое-нибудь затруднение в том, чтобы в этих немногочисленных случаях испрашиваемо было Ваше, государь, разрешение, а между тем за Вашими подданными сохранилась бы драгоценная гарантия? Какие такие будут случаи, когда министр юстиции признает нужным закрывать двери суда? Или по общегосударственным политическим обстоятельствам, которые должны быть Вам известны, или вследствие какого-нибудь ходатайства властных в Петербурге лиц, желающих скрыть проделки проворовавшегося племянника или тестя (sic). Но, государь, если будет известно, что о всяком таком ходатайстве будет доведено до Вашего сведения, то и ходатайств этих будет несравненно меньше, а от этого де пострадает правосудие. Я бы, государь, на Вашем месте не согласился бы ни с тем ни с другим мнением, а решил бы дело так, что на всякий непредвиденный в законах случай закрытия дверей заседания министр юстиции испрашивает высочайшего разрешения. Но если Вы на это решитесь, то, пожалуйста, не говорите никому про меня, а оставьте вел. князю удовольствие думать, что Вы сделали это по его убеждению».

Мысль эта понравилась государю, и он выразил ей одобрение в уклончивых выражениях, текста коих не помню. Затем он продолжал разговор так: «Победоносцев часто убеждал меня, чтобы по делам, вносимым в Государственный совет, мною был предварительно созыва-

ем Совет министров, но, во-первых, таким образом высказывалось бы мое мнение, которое стесняло бы при рассмотрении дела Государственным советом, а во-вторых, Совет министров [состоит] из такого числа правительственных лиц, что затем и рассмотрение в Государственном совете делалось бы излишним, потому что речь шла бы о мнении той части членов, которые — не министры и не председатели».

Я: «Я вполне разделяю Ваше мнение, государь, и не разделяю мнение Победоносцева. Единство министерства имеет значение в конституционных государствах, где министры противопоставлены народному представительству. Министры преследуют известную цель — вотирование народным представительством законов и в преследовании этой цели должны действовать единодушно. Совсем в ином положении находятся русские министры в нашем Государственном совете; здесь сидят их же сотоварищи, прошедшие одинаковую служебную карьеру, и здесь желательно от всех иметь не искусственное единство, а возможно разностороннейшее обсуждение, хотя бы и при полном разногласии».

Государь: «Да, разумеется. Это достижение единогласия во что бы то ни стало не имеет смысла».

Я: «Но, если созыв Совета министров имеет неудобства для дел законодательных, то, конечно, этих неудобств нет для высших дел управления, где, напротив, единство действия обеспечивает успех. Для дел же законодательных было бы полезно созывать немногочисленные собрания из лиц, до коих дело касается, чтобы выработать правительственный взгляд».

Государь: «Но и в этих совещаниях всегда будет делаться известным мое мнение».

Я: «Почему, государь? Вы можете слушать, что будет сказано, а потом отпустить совещавшихся домой и наедине окончательно решить дело».

После этого характерного разговора мы перешли к делам Исторического общества. Государь выразил желание созвать общее собрание у себя в Аничковом дворце в понедельник на второй неделе поста. Потом я упомянул о своем намерении поместить государственный архив в здании, выстроенном для архива Государственного совета. Поговорили и о бумагах императора Николая. Государь высказал убеждение, что их нельзя печатать позже 1830 г., обещал еще порыться в сундуке, где хранятся бумаги императрицы Марии Федоровны, и прибавил, что поручит это жене, которая менее занята.

В заключение я сказал: «У меня просьба к Вашему величеству: я привык служить добросовестно, а между тем, чувствую, что наступа-

ет время, когда не буду в состоянии продолжать так. Материальная, механическая, канцелярская работа на месте государственного секретаря так велика и обременительна, что мое здоровье и лета начинают отнимать у меня возможность работать, как я к тому привык».

Государь: «Помилуйте, какие же Ваши лета?»

Я: «Мне скоро 55 лет».

Государь: «До 70 лет человек обладает полностью своими способностями».

Я: «Так Вы хотите до 70 лет держать меня государственным секретарем?»

Государь: «Нет, но Вы еще можете послужить».

Я: «Я готов служить и не боюсь умственного труда, но материальный в этих размерах становится мне не по силам».

Уходя, я еще раз остановился в дверях, повторил свою просьбу, но ответ был тот же.

Признаюсь, я вышел весьма недовольный таким исходом.

Я чувствую, что поповичи под предводительством Победоносцева сплочены, не представляя ничего иного, как отрицание, запрещение и угоду их собственному самолюбию. Работать с ними я не хочу, бороться один я не в силах.

За дверями кабинета государя меня ждал служитель от императрицы с приказанием явиться к ней; здесь разговор был приблизительно такой. *Императрица:* «J'ai tant à vous remercier pour avoir accepté de vous charger de l'affaire Maltzoff». *Я:* «Madame, le gen. Richter m'a dit que tel était votre désir et vous ne doutez pas de l'empressement que j'aurai toujours à remplir le moindre de vos désirs». *Императрица:* «Cette pauvre madame Maltzoff se trouve dans une position très pénible et cette administration de la fortune Maltzoff par des employés du ministère des finance a été détestable et pleine d'abus». *Я:* «Il me serait impossible de rien dire aujourd'hui. Votre majesté sait qu'il y a eu des sommes immenses dépensées par le trésor. Il me sera impossible de négliger les interêts du fisc au profit exclusif de la famille Maltzoff». *Императрица:* «Certainement»*.

* *Императрица:* «Я так вам благодарна, что вы согласились заняться делом Мальцева». *Я:* «Ваше величество, ген. Рихтер сказал мне, что вы этого желаете, а вы не должны сомневаться в моем стремлении всегда выполнять малейшие ваши желания». *Императрица:* «Бедная госпожа Мальцева в очень трудном положении, а управление имуществом Мальцева в лице чиновников Министерства финансов ужасно, оно изобилует злоупотреблениями». *Я:* «Сейчас я еще ничего не могу сказать. Ваше величество знает, что казна истратила громадные суммы. Я не смогу пренебречь интересами фиска исключительно в выгодах семьи Мальцевых». *Императрица:* «Конечно».

Потом императрица благодарила меня за присылку переписки императора Николая с вел. кн. Константином Павловичем и в заключение упрекала меня в том, что я не пишу ей ничего о делах Государственного совета.

Я отвечал: «Madame, je prends ce reproche pour un encouragement»*.

2 февраля. Понедельник. Охота в Коломягах с Швейницем, Шуваловым, Паленом, Фредериксом.

3 февраля. Вторник. Еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу и говорю ему следующее: «После того как Ваше высочество передали мне желание государя о том, чтобы журнал по делу об ограничении судебной гласности был немедленно подписан и заявление Гирса принято как бы несостоявшимся, я счел необходимым видеть государя и сделал это под предлогом дел Исторического общества». Затем я рассказал лишь то, что касалось написания журнала, что мне удалось отговорить государя от этого требования, но что я убежден, что без этого объяснения вел. князь получил бы подтверждение об исполнении отданного государем приказания.

«Что бы мы тогда сделали?» — спросил я. *Вел. князь:* «Поехали бы к государю и переубедили бы его». *Я:* «Нет, тогда уже было бы поздно, самолюбие было бы в игре после отдачи приказания. Я повторяю, Ваше высочество, что необходимо разъяснять недоразумения и рассеивать нарекания, возводимые на Государственный совет, и что мне это легче делать, чем Вам, и что в Вашем присутствии мне невозможно говорить то, что я могу сказать с глазу на глаз». Разговор кончился нежным обниманием и целованием.

Узнав, что меня принимала также и императрица, вел. князь сказал: «Изо всего этого я вижу одно, что и государь, и императрица оба хорошо расположены к Вам».

Вслед за тем по окончании заседания Комитета министров вел. князь приехал с визитом к жене моей и просидел более часа.

Разговор со Стояновским, которого с большим трудом уговариваю ограничить пределы обсуждения исключительно заявлением Гирса, не возвращаясь к существу вопроса.

Вечер за бумагами императора Николая.

4 [*февраля*]. Среда. Прогулка с Краузольдом. Разговор с Штремом, управляющим воронежского имения. Три года без урожая и без дохода. В $4^1/_2$ [часа] у Победоносцева, который ни единым словом не проговаривается о том, что говорил государю; обвиняет меня за напечатание мнения Гирса, а потом соглашается, что иначе поступить было

* «Ваше величество, я принимаю ваш упрек за знак поощрения».

невозможно. Уговариваю его в завтрашних прениях не отступать от той точки, что обсуждению подлежит исключительно мнение Гирса. Приходит Манасеин, который, разумеется, присоединяется к этому мнению. Обедают Шувалов и Капнист.

5 [*февраля*]. Четверг. Отправляюсь в Совет заблаговременно, чтобы переговорить с приезжающими членами прежде открытия заседания. Перетца, конечно, заставить молчать нетрудно, но с Набоковым приходится повозиться; он заготовил престрашную речь, долженствующую доказать, что он еще жив и может почесться пригодным для каких-нибудь занятий, связанных с личными для него выгодами. Ставлю вопрос на такую точку, что в случае возобновления прений по существу вопроса весь инцидент Гирса будет истолкован как интрига, и притом затрудняющая правительство международною своею стороною. Гирс в заседании заявляет, что не настаивает на прочитанной им записке Мартенса. Манасеин опровергает ее, и все кончается тем, что постановляют остаться при прежде высказанных мнениях, о чем председателю и предоставляется заявить Общему собранию. После заседания Набоков подходит ко мне и говорит: «Вы видите, я молчал исключительно потому, что Вы меня о том просили, надеюсь, что Вы этого не забудете». Я отвечаю молчанием, опасаясь, что это лишь введение для того, чтобы попросить у меня денег взаймы.

Еду в девятом часу к своему председателю передать ему подробности заседания на тот случай, если бы государь заговорил с ним о том на сегодняшнем бале в Аничковом дворце.

6 [*февраля*]. Пятница. В 10 час. утра еду к киевскому митрополиту Платону, живущему на Васильевском острове в доме подворья Киево-Печерской лавры. Внушающая уважение личность, исполненный духа любви и терпимости блестящий представитель истинно христианской церкви. Горько осуждает близорукий деспотический образ действий Победоносцева.

Обед у вел. кн. Михаила Николаевича; накануне государь ни о чем его не спрашивал. Играли в винт. Государь выиграл 10 руб. и подарил их принявшему их с благодарностью презренному Перовскому!.. Что это за Татария! У вел. князя по обыкновению ничего, кроме мелких сплетен.

7 [*февраля*]. Суббота. Продолжительное в Государственном совете заседание по представлению Делянова о реальном образовании[16]. Оппонируют Грейг, Грот и в особенности Дервиз. Весь проект направлен к тому, чтобы уничтожить реальное образование, допустив лишь несерьезное образование, ремесленное. Реалистам пресекается даже переход в высшие технические училища, кои должны напол-

няться гимназистами классических гимназий. После продолжительных прений и обстоятельной речи составителя проекта Вышнеградского председатель Абаза наводит на необходимость иметь в виду не представленные к делу отзывы попечителей учебных округов и директоров гимназий. Дело, таким образом, затягивается справками в особенности для того, чтобы не докладывать его в отсутствие специалиста по народному образованию бар. Николаи.

Вечер во французском театре, скучная и глупая пьеса «La comtesse Sarah».

После театра ужин у вел. кн. Владимира Александровича во вновь отделанной столовой, ужинаю подле вел. кн. Марии Павловны и после ужина танцую с нею кадриль. Все это происходит в маленькой запасной квартире нижнего этажа.

8 [*февраля*]. Воскресенье. После завтрака у Гагариных едем в Рисовальное училище для переговоров с Месмахером о постройке новой большой залы в доме на Морской. Читаю в «Revue des deux mondes» поразительную статью Тэна о Наполеоне[17]. Бал в концертном зале. Особенно хороша пальмовая декорация ужина; деревья поставлены аллеею посредине залы, а ужинные столы размещены по обеим сторонам этой аллеи.

9 [*февраля*]. Понедельник. Чувствую себя очень нездоровым, но кое-как отправляюсь в Совет, где читается журнал равных мнений по делу об ограничении судебной гласности. Представляя государю меморию, пишу ему такое письмо: «Прошу у Вашего императорского величества позволения повторить в сжатой форме два слова, сказанные мною перед Вами без приготовления, так сказать, врасплох и потому, быть может, не совсем связно. Обдумав их после, по русской пословице «задним умом», я решаюсь просить Вас позволить мне повторить сказанное.

О чем идет спор между двумя высказанными в Государственном совете мнениями: о том, должно ли право закрытия дверей судебного заседания принадлежать бесконтрольно министру юстиции или такое отступление от общего закона должно иметь место не иначе, как с высочайшего разрешения?

К сожалению, такова сущность вопроса, но не такова его форма. Если бы председательствовавшие в департаменте и в Общем собрании власти поставили вопрос так, то я повторяю пред Вами, государь, заверение, что не было бы разногласия при отсутствии такой постановки, одни члены учредили новый сложный для второстепенного инцидента процесс, а другие отвечали, быть может, несколько резким: «Non possumus»*.

*«Не можем» (*лат.*).

Результатом этого создалось представляемое мною Вашему величеству разногласие, поддерживаемое обоюдным самолюбием, но где же, как не на ступенях Вашего трона, должно исчезнуть всякое самолюбие и восторжествовать одна польза отечества? А между тем торжеству этому так легко осуществиться одним почерком Вашего карандаша, столь высоко превозносящегося над самолюбиями людскими.

Отчего не принять мнения меньшинства при самой незначительной, не могущей стеснить министра юстиции добавке: «с тем, чтобы испрашиваемо было высочайшее разрешение»?

Как я докладывал Вашему величеству, министр юстиции засвидетельствовал пред Государственным советом, что таких дел не будет более одного или двух в год; следовательно, Вас, государь, удрученного тысячами дел, эти два дела обеспокоить не могут; министра юстиции и подавно этот ограниченный доклад не стеснит; боящиеся света ходатайства умолкнут, опасаясь сделаться Вам известными, а серьезные государственные побуждения к закрытию дверей суда и без того должны доходить до Вас; журнальная пресса, провинция, говоруны всякого сорта увидят, что мера эта сохраняет характер исключительный и не угрожает, как толкуют ныне, полным уничтожением гласного суда.

Вот на мои глаза выгоды такой свыше грядущей поправки хода и исхода дела, а в чем заключаются ее невыгоды? Того поистине не знает Вашего императорского величества верноподданный *А. Половцов*».

10 [*февраля*]. Вторник. Спектакль любителей у Гирса, министра иностранных дел. Присутствуют величества и все высочества, кои помещаются спереди, за ними усаживаются дамы, а мужчинам за недостатком места предоставляется скитаться в других комнатах. В отдаленной гостиной встречаю только что приехавшего из Парижа Катакази, который очень остроумно доказывает, что европейскому миру угрожают, хотя, впрочем, довольно серьезно, одни «Московские ведомости». Накануне отъезда из Парижа Катакази обедал с Фрейсине у Моренгейма. Когда Фрейсине с сочувствием говорил о симпатиях Каткова к Франции, то Моренгейм возразил, qu'il ne fallait pas attacher d'importance aux élucubrations d'un journaliste*. На это Фрейсине заметил: «Même quand cet élucubrateur a été décoré d'un des premiers ordres de l'empire pour sa manière de penser»**. В Берлине все поголовно уверены, что катковские статьи пишутся по внушению государя. Французы рассчитывают на выражаемые в этой форме симпатии,

*Что не следует придавать значения разглагольствованиям журналиста.

**«Даже когда этот говорун награжден одним из первых орденов империи за свой образ мыслей».

честолюбивый Буланже может воспользоваться этим для какой-нибудь выходки, последствия коей неисчислимы. Я советую Катакази говорить все это погромче и посмелее. Он уверяет, что не только говорит и говорил о всем этом, но даже писал официальные донесения, на коих видел собственноручные отметки государя.

11 [февраля]. Среда. Встречаю на прогулке вел. кн. Владимира Александровича, и мы отправляемся вместе в Академию художеств посмотреть на выставку рисунков учеников на конкурс. Рисунки чрезвычайно слабы. Во всем учреждении какая-то казенная мертвенность. Личность всем заправляющего Исеева постыдна. Передаю вел. князю содержание своего письма государю. Он исключает возможность того, чтобы государь со мною не согласился.

12 [февраля]. Четверг. Прочитав драму Толстого[18], остаюсь от нее в восхищении. Совокупность страстей человеческих схвачена мастерскою рукою. Действующие лица не ограничиваются болтовнею, а живут на глазах у публики. Для меня лично драгоценна искренность автора, который, проповедуя доселе превосходство мужика перед образованным человеком, не остановился перед изображением самых отвратительных сторон этого же мужика, когда, вдумавшись хорошенько, захотел сказать правду. О том, что некоторые подробности могли бы быть опущены без вреда для полноты и красоты произведения, нельзя спорить.

Получаю от государя свою меморию с простою отметкою: «Согласен с мнением 20-ти членов»[19]. Очевидно, он держал меморию три дня, колеблясь относительно того, что делать, и в конце концов был побежден настояниями Победоносцева или его приказчика Манасеина. Предположение мое подтверждается на эрмитажном бале. Шувалов рассказывает, что накануне был дежурным и что Манасеин имел у государя доклад, длившийся около часа, откуда вышел с сияющим лицом. Шувалов поневоле обратил внимание на продолжительность доклада, так как ему надлежало представить государю чуть не 50 человек.

Я очень хорошо понимаю, что мое положение делается невыносимым; я не имею возможности бороться с людьми, постоянно видящими государя, а между тем их торжествующие нашептывания наносят вред ходу дел Государственного совета, к коим я приставлен и за кои я несу нравственную ответственность. Весь вопрос для меня в том, как уйти отсюда, не возбудив особенной против себя злобы.

Самый бал в эрмитажном павильоне превосходен по изображаемой им картине. Зала до утрировки освещена электричеством, что одновременно обеспечивает отсутствие духоты и жары, наряды более или менее отобранной женской публики весьма роскошны, подле залы пространный зимний сад и интересная по коллекциям Петровская

галерея, в которой играют в карты. Я с гр. Воронцовою, Балашевым и Дурново играем в вист на квартире у Трубецкого, обер-гофмаршальская квартира коего расположена под бальною залою. Ужинают в отделении французской школы, после ужина во время продолжительного котильона сажусь разговаривать с умною женщиной Сталь, женою посла в Лондоне, проведшею здесь более двух месяцев для того, чтобы вывозить в свет свою дочь. На вопрос мой, какое она увозит господствующее впечатление, она отвечает: «Меня поражает частое появление, как бы из земли, неведомых, непредвидимых, случайных сил, влияющих на течение жизни».

Разумеется, это меткое замечание равно применимо к самым разнообразным сферам петербургских дел. Над этим можно призадуматься.

13 [февраля]. Пятница. В 2 часа совещание у вел. кн. Михаила Николаевича — гр. Толстой, Делянов, Островский, Победоносцев, Вышнеградский и я. Рассуждают о том, открывать ли университет в Томске, и если открывать, то в составе каких именно факультетов. После упорного отстаивания со стороны Толстого и Делянова решают открыть один медицинский факультет и покамест ни о чем ином не говорить[20]. Оппонируют Толстому Победоносцев и я, Вышнеградский говорит о подробностях, а Островский всячески старается уклониться.

14 [февраля]. Суббота. Делаю визит Стояновскому, который очень возбужден действиями Победоносцева и его приказчика Манасеина по отношению к судебным уставам. Читает представление о предлагаемом Манасеиным порядке увольнения нотариусов[21]. Заезжаю к Мальцевой и даю ей понять безнадежность ее положения. Навещаю хворающего Протасова-Бахметева, прекрасного, но как-то недоделанного во всех отношениях человека. Обедают у нас Скалоны. После обеда Дубасов сильно нападает на Шестакова за произвольное и, по мнению Дубасова, не довольно обдуманное направление, данное Шестаковым нашему флоту. Дубасов критикует постройку блиндованных больших кораблей и отстаивает пользу миноносок. С большою похвалою отзывается о Лихачеве, вышедшем в отставку и проживающем в Париже.

15 [февраля]. Воскресенье. Обычный завтрак у Гагариных. Очень дурные известия о здоровье бедной кн. Меншиковой. Обед с Влангали, который все более тухнет и обескураживается.

16 [февраля]. Понедельник. По недостатку дел доклада в Государственном совете нет. Заезжаю к Месмахеру, с которым и уговариваюсь относительно вновь созидаемого в нашем доме зала. Вернувшись домой, застаю Шувалова, который вдвоем с Тимашевым представлял вчера в царскосельском императорском танцевании нетанцующую публику. Он чувствует себя дурно и хочет уехать в Карлсбад теперь же.

Вечер за чтением вносимого Толстым проекта о местной реформе, т. е. на первый раз о земских начальниках[22].

17 [февраля]. Вторник. Визит французскому послу Лабуле — глупый или, по крайней мере, весьма ограниченный мещанин. Ни о чем дельном разговаривать не может. Выходя оттуда, встречаю вел. кн. Михаила Николаевича, преисполненного попечениями о своих семейных интересах: один сын выздоравливает, другой болен; кто, когда навещает больного и т. п. Продолжаю чтение измышлений Пазухина — государственного мальчишки.

18 [февраля]. Среда. Проработав утро, иду в 3 часа гулять с вел. кн. Владимиром. С самого начала прогулки он говорит следующее: «Я решился иметь откровенный разговор с государем и, воспользовавшись первой неделей поста, высказал ему то, что давно собирался сказать о Каткове, то, о чем мы не раз говорили, а именно, что не следует создавать вне правительства какую-то особую независимую силу, что за последнее время эта сила сделалась особенно выдающеюся; до меня доходят слухи, что Катков хвалится тем, что сместил Набокова, сместил Бунге, а теперь намеревается сместить Гирса, что все это ослабляет правительство, а в деле иностранной политики в особенности не может быть допущено. Иностранная политика всегда была личной политикой царствующего императора, а допускать ее раскритикование в том виде, как ее практикуют «Московские ведомости», — значит подрывать доверие к верховной власти. На это государь отвечал, оправдываясь тем, что увольнение Набокова было решено в принципе прежде начатия полемики его с «Московскими ведомостями».

Владимир Александрович в доказательство особенного внеправительственного положения Каткова ссылался на то, что в «Московских ведомостях» не было перепечатано правительственное сообщение Министерства иностранных дел[23]. Государь отвечал на это, что поручил Толстому передать Каткову неудовольствие и Катков представил в оправдание записку.

Владимир Александрович: «Да, но эту записку знаешь ты, Саша, а публика видит только, что Катков не исполнил требования правительства». Передавая мне этот разговор, вел. князь присовокупил, что все им сказанное казалось для государя совершенно новым и, по-видимому, произвело впечатление.

Выслушав это, я сказал: «Вы оказали большую услугу государю».

19 [февраля]. Четверг. Прославленное многими необдуманными выходками число. До сих пор созывают в Исаакиевский собор или крепость в день смерти Александра Николаевича, Марии Александровны, Николая Павловича, Александры Федоровны, и, разумеется, никто туда не ездит.

20 [февраля]. Пятница. В $3^1/_2$ часа совет Исторического общества. Проверяю по часам продолжительность предполагаемых на понедельник чтений и значительно их сокращаю. В 6 час. приезжает и останавливается у нас Лобанов, уверенный в миролюбии австрийского правительства вообще и австрийского императора в особенности.

21 [февраля]. Суббота. Охота на Пороховых с Шуваловым и Швейницем. Швейниц по-прежнему настаивает на дружественных расположениях Германии и опасности, происходящей от задорного тона наших газет. Шувалов чувствует себя нехорошо и собирается на днях уехать в Карлсбад. Обедают Всеволожские и Шиповы. Дондуков, который по обыкновению болтает без умолку, говорит об Игнатьеве: «Il a résolu le problème d'avoir un toupet immense tout en étant chauve»*, а о Гирсе: «Et celui-là a perdu les cheveux après avoir perdu la tête»**.

22 [февраля]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Лобановым и Влангали. Сетования на ту же тему, что недостатком обдуманной политики окончательно портим свое положение. Бисмарк, добивающийся соглашения с нами и не получающий никакого определительного ответа, говорит: «L'empereur de Russie veut fermement quand il veut, mais il ne sait pas ce qu'il veut»***. Обычное тягостное писание извлечений из мемории, на этот раз исключительно департаментской, т. е. содержащей постановления о непредвиденных сметою расходах.

23 [февраля]. Понедельник. Вел. кн. Михаил Николаевич объявляет мне, что едет в Берлин, поздравлять своего дядю по случаю 90-летия[24]. Я не отвечаю ему, а думаю, что делает неловкость, потому что, разумеется, затеял он это в надежде, что он будет официальным представителем России на берлинском торжестве, а между тем поручение это возлагается на вел. кн. Владимира Александровича. Неудовольствие на последнее обстоятельство выражается тем, что Михаил Николаевич прибавляет: «Владимир этого давно добивался и достиг».

Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича с Мекленбургскими, т. е. братом Марии Павловны, так называемым Аби[25], недавно женившимся на дочери Саксен-Веймарского великого герцога[26]. Он чрезвычайно ничтожен, она очень дурна собою, но в высшей степени любезна, мила и образованна.

---

*«Он решил задачу, как сделать себе огромный чуб, будучи лысым».

**«А этот потерял волосы, потеряв прежде голову».

***«Русский император если чего желает, то желает крепко, но он сам не знает, чего желает».

В 1 час обычное понедельничное заседание без особых, выдающихся инцидентов. После заседания иду гулять пешком с Владимиром Александровичем и рассуждаем о предстоящем ему берлинском путешествии.

В Государственном совете успеваю иметь объяснения с Победоносцевым, Манасеиным и Островским о вносимом гр. Толстым проекте преобразования местного управления, будто бы выработанного по соглашению с ними. Победоносцев говорит, что им сообщены были только общие черты (12 пунктов), но что все дело в подробностях, которые ему совершенно неизвестны, что вообще он в этом вопросе является лицом второстепенным, а главную роль должен играть Манасеин в качестве министра юстиции. Манасеин заявляет мне, что он — противник проекта от начала до конца и будет писать подробное опровержение[27]. Я настаиваю в особенности на том, чтобы не ограничивался одной судебной частью, говорил обо всем и заручился поддержкою Победоносцева. Относительно первого он со мною соглашается, а относительно второго говорит, что Победоносцев передает ему не все, что говорится у государя, и что потому он не может, безусловно, на него рассчитывать. Манасеин обещает сообщить мне свой отзыв вчерне прежде официального представления. Островский сообщает, что уведомил Толстого о невозможности в назначенный ему краткий срок написать подробное заключение, что выражает сочувствие общему, лежащему в основе, началу, но сохраняет за собою полную свободу обсуждения в Государственном совете... Хорошо соглашение!

В 9 час. вечера годичное собрание Исторического общества. Всего 25 человек, в том числе государь, наследник и вел. кн. Владимир Александрович. Собираются все в той же библиотеке Аничковского дворца. Я читаю свой отчет, потом прочитываются образчики биографических статей для приготовляемого нами к изданию биографического словаря[28]. Бычков читает весьма скучную тенденциозную, критическую, а не биографическую статью о С.М. Соловьеве, Веселаго — наполненную анекдотами и характерными чертами статью о Нахимове, Дубровин — весьма живой очерк Ермолова, Грот — единственную, вполне отвечающую назначению биографическую заметку о Пушкине. Все это продолжается два с половиной часа, государь очень заинтересован и дважды благодарит за интересный вечер; сидя возле него, я говорю ему: «Но ведь Вам придется лечь двумя часами позже, сидя за чтением бумаг». Он говорит, что действительно почти каждый день ему приходится работать до третьего часа и что балы очень в этом отношении тягостны. Я замечаю: «Хотел бы я посмотреть на те массы бумаг, что Вам присылают, я уверен, что много бы из них можно бы сократить».

Государь: «Я [и] так очень много сократил». Цесаревич восхищается чтениями и заявляет моему Штендману, что если бы был частным человеком, то посвятил бы себя историческим трудам.

24 [февраля]. Вторник. Вследствие несогласия гр. Толстого с редакцией Победоносцева, желая покончить с совещанием о сибирском университете прежде, чем кто-либо из министров будет еще иметь случай говорить о том государю, прошу вел. князя собрать их еще раз в Мариинском дворце для выслушания редакции. Тут возникают еще новые споры, которые, однако, удается уладить, и несчастному помощнику ст.-секретаря Шмеману поручается просидеть всю ночь над перепискою этого глупого журнала, а на другой день отправляться ко всем участвовавшим в совещании для приложения подписей. Парадный обед в честь вел. кн. Владимира Александровича, Марии Павловны и их гостей — Мекленбургских. После обеда поют певицы Мартенс.

25 [февраля]. Среда. Я, однако, не остаюсь дожидаться укомплектования сих церемоний и уезжаю с Шуваловым на охоту в Ижору, позади Царского Села. Целый день сильный снег. Обед с Ауербахами и Григорием Голицыным, который предпринимает обширное путешествие на крайний север Европейской России.

26 [февраля]. Четверг. В $10^1/_2$ часа утра в Аничковском дворце поздравления императору по случаю дня его рождения. Приглашены Совет, ген.-адъютанты и начальники частей, коих государь состоит шефом, поодиночке подходят к стоящим среди гостиной величествам, целуют руку императрицы и пожимают руку императора. Потом высочайшие особы отправляются в домашнюю церковь, не могущую вместить всех посетителей, кои во время обедни скитаются по комнатам, сплетничают и устраивают кой-какие служебные и личные дела. При поздравлении Бунге, основываясь на том, что в Государственном совете он сидит выше министров, вслед за вел. князьями, пошел впереди прочих членов Совета, что и возбудило неудовольствие стариков, как Адлерберг, Долгорукий, Шувалов. Я поспешил их успокоить, сказав, что это невольная ошибка Бунге, которую и взялся ему объяснить, но что при всем его добродушии ему не понравилось. Тут же во дворце совещаемся с вел. кн. Михаилом Николаевичем, Абазою, Ванновским, Шестаковым о докладе дела о присоединении таганрогского градоначальства к Войску Донскому, как того требует Мирский[29]. Я не допускаю толкования Ванновского, который утверждает, что вопрос решен государем и что, следовательно, Совету остается определить способы осуществления этой меры. Прошу вел. князя спросить тут же у государя, должно ли быть

стеснено обсуждение дела Советом. Вел. князь возвращается с ответом государя, чтобы дело было отложено рассмотрением до приезда сюда Мирского. После обедни завтрак под весьма шумную музыку. В 2 часа в Академии художеств осмотр с вел. кн. Владимиром Александровичем имеющей открыться выставки, не представляющей ничего сколько-нибудь сносного. Господин Исеев доведет Академию и вел. князя до полного осрамления. Сюда же приезжает вел. кн. Сергей Александрович, произведенный сегодня в генерал-майоры, но без назначения в государеву свиту. Из Академии совершаем с Владимиром Александровичем большую прогулку пешком. По дороге встречаем вел. кн. Михаила Николаевича, идущего навестить Меншикова, которого жена умерла вчера. Кн. Меншикова, рожденная кн. Гагарина, была 67-летняя женщина, очень любившая свет, людское общение. Она имела много природного ума, еще более начитанности, но главной прелестью разговора и всякого с нею общения была чрезвычайная ее искренность и прямодумие. Она, не стесняясь, говорила то, что почитала правдою, а это отсутствие расчетливого лицемерия составляет весьма редкое среди нас достоинство. Ее муж, чрезвычайно ограниченный, необыкновенно скупой, тщеславный, очень стеснял ее жизнь; и самая смертельная болезнь ее имела начало в хлопотах и приготовлениях к балу в честь их величеств, причем княгиня простудилась и больше не встала.

27 [февраля]. Пятница. Визиты Гурко, Дрентельну, гр. Шереметеву, Всеволожским. Он собирается играть комедию у вел. кн. Алексея Александровича. В 5 час. вынос тела кн. Меншиковой из дома, что на Английской набережной. Из императорской фамилии — один вел. кн. Михаил Николаевич. Согласно завещанию покойной похороны чрезвычайно просты.

28 [февраля]. Суббота. Охота в Токсове у Шувалова, который вспоминает, как в бытность его обер-полицеймейстером ему пришлось разбирать претензию Бисмарка, схваченного за руку городовым за то, что в руке этой была сигара, обжегшая при этом тогдашнего прусского посланника, еще не сделавшегося известным. Обед с Абазою, Лобановым, Убри, Виелопольским. Вист.

1 марта. Воскресенье. Опять воскресенье, первое в этот памятный день с 1881 г., прошло шесть лет, но в ходе дел государственных не видится улучшения; правда, внутри население несколько успокоилось после сумасбродных выходок Игнатьева, но зато извне наше положение совершенно даром ухудшено благодаря необдуманности, не скажу мероприятий, а просто правительственного поведения. У дел стоят все те же не отвечающие высоте своей задачи люди, за исключением двух-трех второстепенных личностей, как, например, Манасеин или

Вышнеградский, коих не могу я почесть самостоятельными лицами, а только приказчиками поставивших их разнообразных властителей.

В 10 час. еду с Шуваловым в Коломяги стрелять лисиц. На обратном пути в четвертом часу видим вел. кн. Михаила Николаевича, коему комендант Адельсон что-то рассказывает с некоторым оживлением. Вслед за тем узнаю, что в это утро взяты на углу Морской и Невского четыре лица, имевшие при себе разрывные бомбы с целью убить государя[30].

2 марта. Понедельник. На утренней прогулке встречаю товарища министра внутренних дел Плеве, а в 11 час. еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу. От них обоих узнаю следующие подробности: в субботу переодетыми агентами полиции, состоящими под начальством Оржевского, были замечены подозрительные личности, шнырявшие около Аничкова дворца. Личности эти после своей прогулки отправились в трактир, что на углу Малой Морской и Невского, и, снимая верхнюю одежду, дали заметить какие-то подозрительные предметы, при них находившиеся, в особенности обратил на себя внимание том Свода законов, оказавшийся впоследствии начиненным динамитом с разрывными пулями. Лиц этих полиция проследила до их места жительства на Петербургской стороне, и на другой день, когда они вышли из дому, то за ними последовали полицейские агенты. Трех из этих лиц задержали на углу Морской и Невского, где они ожидали возвращения государя с панихиды из Петропавловской крепости, четвертого схватили на Невском, а еще двоих арестовали на квартирах. Лица эти оказались студентами Петербургского университета и Медико-хирургической академии. Это грустное во всех отношениях событие не может не иметь самых печальных последствий.

Обедаю у вел. кн. Михаила Николаевича с Шуваловым, который сообщает о грустном состоянии здоровья Грейга, который уезжает в Берлин для выдержания весьма опасной операции. Шувалов, связанный с Грейгом 45-летнею службою, сопровождает Грейга в Берлин для присутствования при операции.

3 марта. Вторник. У вел. кн. Владимира Александровича раут, что представляет довольно неудачную новизну. Толпа приглашенных толкается в залах; по существующему порядку гости не вправе были бы уезжать с великокняжеского приема прежде, чем их отпустят хозяева, а здесь соблюдение подобного порядка невозможно, потому что толпа эта не может внезапно разъехаться с одного подъезда. На раут приезжают из Гатчины их величества показаться после воскресного покушения, известие о коем, как слышно, государь принял весьма хладнокровно.

4 марта. Среда. Отсылаю меморию, которую не успел дописать в понедельник. Приезжает прощаться дочь, Бобринская, уезжающая на три недели в Париж. В $9^1/_2$ час. с Галлом и вновь произведенным в генералы Красовским еду на волков.

5 марта. Четверг. Удачная охота в Городище (пом[естье] Якимова) со станции Белой. Убиваем четырех волков.

6 [марта]. Пятница. В 8 час. утра возвращаюсь с охоты и, рассмотрев скопившуюся в мое отсутствие груду бумаг и писем, еду завтракать к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Здесь нахожу вел. кн. Николая Николаевича. Разговор, конечно, преимущественно вертится около последних арестов. Вел. кн. Николай, прощаясь с братом, заявляет, что приедет проводить его на железнодорожную станцию, что ставит меня, не имеющего подобного намерения, в несколько неловкое положение. Вел. княгиня неодобрительно отзывается о том, что вел. кн. Мария Павловна из Берлина проследует в Канн после того, как в продолжение всей зимы утверждала, что останется в Петербурге.

В 2 часа приходит ко мне кн. Имеретинский просить о скорейшем докладе в Государственном совете только что внесенного им дела. В ответ показываю ему вчерашний докладной реестр, доказывающий, что дело уже доложено. Имеретинский со слов Дондукова говорит о вражде между Грессером и Оржевским, с новою силою выказавшейся по случаю последнего ареста. Вечером у гр. Левашевой.

7 [марта]. Суббота. Завтрак с Винспиером и Лобановым. В 1 час заседание соединенных Департаментов Совета по представлению министра народного просвещения о плане реального образования[31]. Он хочет в угоду ультраклассицизму Толстого уничтожить всякое реальное образование, стеснив его в рамки промышленного, ремесленного обучения, сохранив доступ в высшие технические заведения исключительно ученикам классических гимназий. Оппонируют Маркус, который просит, чтобы подобный эксперимент не делался разом на всю Россию, а чтобы если это признано будет полезным, то ввести новые порядки в виде опыта в ограниченном числе учебных заведений; Дервиз, который доказывает необходимость рядом с классическим образованием открыть полный, неизуродованный курс реального обучения; Бунге, который доказывает, что создаваемые вновь пятиклассные реальные гимназии дадут только недоучек, непригодных ни для какой практической деятельности. В их же смысле говорят Абаза и Старицкий. На все это Делянов молчит, представляя защиту автору проекта Вышнеградскому, отстаивающему его с большою авторскою горячностью.

Ни к какому на этот раз результату не приходят, уговариваются иметь во вторник после Комитета министров совещание между главными участниками прений.

В 7 час. обед у австрийского посла Вольненштейна. Он довольно бесцветный человек; она мила во всех отношениях. Из присутствующих дам всего менее приятное впечатление производит кн. Оболенская, рожденная кн. Львова, которая, слыв всю жизнь первостепенной красавицей, не может помириться с наступающим 60-летием и немилосердно про всех злословит, не имея обычного в этом случае извинения — некоторой доли остроумия.

8 [марта]. Воскресенье. Заседание Финансового комитета под председательством Рейтерна у него на квартире. Вышнеградский предлагает для пополнения дефицита выпустить бумажный (неметаллический) заем в 82 по 4%. Ставлю ему вопрос, почему он не предпочитает выпустить 5% по 99. Он отвечает, что по подробному расчету казначейство ничего не потеряет, а между тем конверсия может когда-нибудь этим облегчиться. Абаза возражает, что по его понятиям со времени введения купонного налога конверсия не может иметь иной формы, как возвышение этого налога. Рейтерн настаивает на том, чтобы не выпускать нового займа по слишком высокой цене, так чтобы подписчики не потеряли, а скорее что-нибудь нажили на своей подписке и на будущее время расположены были вновь подписываться[32]. Вышеградский не говорит ничего глупого, но и ничего выдающегося. Обед у Бобринских с Балашевыми, Дондуковым, Гротом, Лобановым. Дондуков по обыкновению болтает без умолку.

9 [марта]. Понедельник. Заседание Общего собрания Государственного совета под председательством Абазы. Дела довольно ничтожные. Гольтгойер жалуется, что Рихтер сообщил высочайшее повеление о рассмотрении третейским судом претензии Толстого (Кутузова) к казне, претензии по владению казною присужденным ему имением. Между тем закон прямо запрещает рассматривать третейским судом иски к казне. Третейский суд составлен из товарища министра государственных имуществ, ст.-секретаря Петрова (якобы начальника Толстого, служащего по Министерству двора) под председательством Гольтгойера. Объясняюсь обо всей этой галиматье с Рихтером, глупость коего превосходит неизмеримость добрых его намерений.

Обедаю у вел. кн. Ольги Федоровны. Не знаю, по каким соображениям меня пригласили с Константином Горчаковым, который по обыкновению занят исключительно своей персоною, своими всякого рода интересами. В 9 час. у нас на дому последнее заседание для рассмотрения производимых нами изменений в уставе Рисовального училища.

Рассматриваем также с Месмахером предположения о перестройке дома на Морской и о постройке конюшен с манежем на вновь приобретенном от Галла месте возле Мариинского театра.

10 [марта]. Вторник. Навещаю Краузольда, который, поскользнувшись, вытянул жилу. Разговор о фабриках, дела коих после двух лет принимают совсем иной оборот. Визит уезжающей в деревню Всеволожской. Возвратясь домой, нахожу карточку Грейга, члена совета министра финансов, зашедшего уведомить, что его брат умер накануне в Берлине. Посылаю о том донесение государю.

Самуил Алексеевич Грейг был типичный представитель того времени, в коем жил, и того режима, к коему принадлежал. Без всяких выдающихся сторон ума и характера он, благодаря уменью жить с людьми, а главное — не задевать ничьего самолюбия, достиг влиятельных положений. Вот два слышанные мною рассказа, объясняющие его карьеру. Первый — от сенатора Фишера, который был весьма близким к кн. Меншикову человеком. Однажды во время занятий кн. Меншикова с Фишером Меншикову было доложено о приезде Грейга, в то время молодого конногвардейского офицера; Меншиков после отъезда Грейга сказал Фишеру, что Грейг приезжал просить его, Меншикова, быть принятым к нему в адъютанты. «Расчет его, — продолжал Меншиков, — совершенно верен, я был в таких открыто враждебных отношениях с отцом, что не могу отказать сыну в подобной просьбе».

Другой рассказ кн. Дмитрия Александровича Оболенского. Он был директором Комиссариатского департамента Морского министерства; в одну из частых отлучек из Петербурга вел. кн. Константина Николаевича Грейг (бывший уже его адъютантом) попросил позволения заниматься в канцелярии Комиссариатского департамента. После того как подобные занятия повторились раз-другой, Грейг попросил Оболенского дать ему письменное удостоверение об его прилежании. На основании такой аттестации о способности к письменным делам Грейг был назначен вице-директором канцелярии Морского министерства, а потом и директором. В товарищи его взял Рейтерн, видя в нем приятеля двух враждовавших в то время верховников — вел. кн. Константина и Шувалова. Такое уменье обходиться с людьми при совершенно искренней, природной любезности и готовности услужить всякому (правда, иногда в ущерб интересу общему) довело его до портфеля министра финансов.

В 9 час. вечера уезжаем в Нарву и по дороге в Гатчине берем в свой вагон Лобанова, который принимал участие в обеде у государя по случаю дня рождения германского императора. Приезжаем в Нарву в $1^1/_2$ [часа].

11 [марта]. Среда. В 9 час. отправляемся с Лобановым на медвежью охоту в шести верстах от Нарвы. Медведь прорывается мимо меня весьма быстро. В 4 часа садимся снова в вагон и в 9 час. вечера достигаем Петербурга.

12 [марта]. Четверг. Решившись уехать на праздники в Париж, пишу государю записку, прося меня принять.

13 [марта]. Пятница. Получаю в ответ: «В субботу в 12 час.» В четвертом часу заезжает ко мне Вышнеградский из Гатчины и, не застав дома, пишет записку о том, что желал бы со мною переговорить. Немедленно к нему отправляюсь и узнаю, что он докладывал государю об исходе мальцевского дела, что государь одобрил его предположение дать делу общий законный ход, т. е. объявление несостоятельным товарищества Мальцевых[33]; причем государь назначил Анастасии Николаевне пожизненную пенсию в 30 тыс. руб., а каждому из сыновей пенсию в 6 тыс. руб. Вышнеградский предлагает мне собрать мою комиссию и постановить в таком смысле заключение; я отвечаю, что предпочитаю получить от него уведомление о том, что его доклад высочайше утвержден, и тогда закрыть свою комиссию. В 6 час. еду на Варшавскую станцию железной дороги встречать тело Грейга. На станции собралась толпа народу; еще доказательство, что самолюбие — самая чувствительная струна человеческого сердца, потому что именно ее тщательно оберегал покойный в сношениях с людьми. Приехавший вместе с останками своего товарища Шувалов рассказывает мне, что приезд в Берлин вел. кн. Владимира Александровича имел самые счастливые последствия для обеспечения мира, вследствие не только сближения, но соглашения обоих правительств. В 7 час. обедают Пален и окончательно одуревший Грот.

14 [марта]. Суббота. В 10 час. еду в Гатчину. Со мною в поезде гр. Шереметев, едущий под предлогом доклада императрице о каком-то вдовьем доме, его попечению вверенном. Шереметев рассказывает, что на днях завтракал у государя, который за завтраком при всех спросил Шереметева: «Что сделалось с Вашим Катковым, он, кажется, сошел с ума?» На что Шереметев при всей своей недальности очень тонко отвечал: «Всякая голова, не исключая и головы Каткова, может вскружиться от множества похвал». Шереметев жалуется на то, что Воронцов не отвечает ему на получаемые от него бумаги, подсмеивается над Победоносцевым, который занимается всем, кроме своего духовенства, столь нуждающегося в управлении, рассказывает мне, что в вечер последнего нашего собрания Исторического общества Шереметев слышал, как государь, подойдя к Победоносцеву, сказал ему, что был в Александро-Невской лавре и нашел там большой беспорядок, а

Победоносцев отвечал на это: «Что же мудреного, Ваше величество, там настоятель целый день пьян».

В приемной у государя ожидаю окончания доклада военного министра. В кабинете у государя приблизительно такой разговор. *Я:* «Прошу извинения, что беспокоил Ваше величество просьбою принять меня, но я желал услышать от Вас решение Ваше на доклад управляющего Министерством финансов». *Государь:* «Вышнеградский мне говорил, что согласно Вашему мнению он полагает дать делу законный ход, а Анастасии Николаевне назначить пенсию в 30 тыс. руб.; относительно сыновей увидим после».

Я: «У меня еще никакого нет мнения, потому что я не имел еще времени рассмотреть дело, но Вышнеградский мне говорил, что он его подробно рассматривал; здесь дело цифр, а ведь он, кстати, математик. Если Вы, государь, одобрили его заключение, так я полагаю, что мне следует теперь закрыть свою комиссию».

Государь: «Да, я думаю, что можно будет закрыть комиссию».

Я: «У меня будет к Вам, государь, просьба. Я просил бы позволения съездить на праздниках навестить мою старшую дочь, которая вместе с детьми претерпела за зиму и нездоровье и землетрясение и ныне находится во Франции. По обыкновению я не пропущу ни одного понедельника, ни одной мемории».

Государь: «Разумеется, поезжайте».

Я: «Благодарю покорно, Ваше величество, позвольте еще сказать два слова о делах советских. Я получил от гр. Толстого сообщение высочайшего Вашего повеления о том, чтобы внесенное им представление о земских участковых начальниках было непременно окончено рассмотрением до наступления вакантного времени».

Государь: «Да, это весьма желательно и притом возможно, потому что по этому делу уже последовало между министрами соглашение». *Я:* «Позвольте, государь, Вам рассказать, что мне известно об этом соглашении. Я видел Победоносцева и спросил его, можно ли его считать солидарным с этим представлением. На что он мне ответил, что его спрашивали лишь в общих выражениях, согласен ли он с мыслью о необходимости усилить и объединить власть на местах, на что он отвечал, что согласен, но подробностей проекта он совсем не знает. Это приблизительно, как если бы его спросили, надо ли строить дом — он бы на это согласился и заявил, что необходимо в доме иметь и спальню, и столовую, и гостиную, но что при всем том можно исполнить задачу построения дома весьма различно. Островский точно так же уведомил гр. Толстого (письменно), что согласен с общею мыслью проекта, но оставляет за собою право говорить о частностях. Манасеин высказал мне, что проект гр. Толстого идет вразрез с имевшимися у него предположениями, заключавшимися главным образом в том, чтобы выборных мировых судей заменить судьями, назначаемыми правительством, принимая в основание рекомендацию земств».

Государь: «Гр. Толстой скоро вернется из Москвы, и тогда можно будет с ним переговорить».

Я: «Должно надеяться, что он скоро вернется. У меня будет еще ходатайство по этому делу, а именно, чтобы оно докладывалось непременно при участии вызванных для того нескольких предводителей и губернаторов. Такие лица были вызваны гр. Толстым, но он не сообщил мне их заключения, а я слышал, что некоторые из вызванных представили отдельные мнения. Подобных вопросов невозможно решать чисто канцелярскими силами. Позвольте мне привести Вам, государь, осязательное тому доказательство. В прошлом году у нас рассматривался чиншевой вопрос, весьма трудный к разрешению, будучи спутан историческим и юридическим, а может быть, еще и другими элементами, как национальный и социальный. После переговоров с гр. Толстым были вызваны несколько предводителей и губернаторов. Гр. Толстой был так недоволен этим созывом, что в первое заседание спросил меня: «Довольны Вы театральным представлением, которое устроили?» Результат представления был тот, что это сложное дело было разрешено так, что за истекший с того времени год ниоткуда не слышно жалоб. Все это, как видите, затруднит быстрое разрешение этого дела, а оно столь важно, что лучше несколько помедлить его разрешением, но затем разрешить вполне основательно. Конечно, я первый желал бы скорейшего разрешения столь важного дела, но ввиду всего, что сказал, решаюсь просить Вас не считать безусловно обязательным высочайшее повеление о сроке».

Государь: «Да, конечно, если иначе нельзя».

Я: «Прошу позволения у Вас сказать по этому поводу еще следующее. Обыкновенно Вам известно, государь, о том, что делается в стенах Совета, исключительно по словам министра, внесшего законодательное представление, между тем встречаемая им если не оппозиция, то критика или разбор затрагивают его самолюбие и тем настраивают его несколько враждебно. Так сказать, представителя пред Вами того, что делается в Совете, не существует, и вот почему я по более важным заседаниям буду присылать Вам подробные отчеты, как я сделал это на днях по делу о реальном образовании».

Государь: «Пожалуйста».

Я: «Надеюсь, что Вы бросаете эти листки в огонь».

Государь: «Нет, я сохраняю все, что Вы мне пишете, оно мне бывает полезно для справок, но никто этого не видит, бумаги эти лежат

у меня под ключом. Получив Ваше письмо по делу о реальном образовании, я говорил с Деляновым, Островским, Вышнеградским, но все они говорят, что им невозможно отступить от стройно составленного плана».

Я: «Не знаю, что лучше, отступить ли от их стройного проекта, или продолжать по прежнему пути утрированного классицизма, не допускающего возможности для кого бы то ни было получить законченное образование иначе, как в классической гимназии и университете. Я усердный приверженец классического образования, но для кого? Для моего сына, для людей, имеющих средства к жизни, заранее обеспеченных; для других, я думаю, прежде всего надо их научить так, чтобы они могли зарабатывать себе хлеб и по этому пути образования получить что-либо законченное по курсу наук. Новый проект не оставляет ничего посредствующего между ремесленным образованием и классическим учением. Ведь Вы, государь, не обучаете своих детей ни латинскому, ни греческому, а между тем они призваны царствовать; неужели же никто из их подданных не может получить образования такого, как они получают, неужели надо продолжать привлекать в университеты всякого, кто желает получить сколько-нибудь законченное образование. Кажется, и теперь университеты слишком переполнены студентами-бомбистами».

Государь: «Да, вот и по этому следствию арестован, между прочим, один студент[34], который готовил к поступлению в университет какого-то идиота, побочного сына акушерки»[35].

Я: «Место ли таким людям в университете? Вы видели, что на празднование германского императора съехались из всех концов Германии до четырех тысяч студентов; все они приехали в Берлин и жили там на свой счет, а у нас они все живут на чужой счет».

Государь: «Кажется, Делянов теперь изменил свое мнение: у него было совещание об уменьшении числа стипендий».

Я: «Припомните, государь, что я пятый год пишу Вам в своих извлечениях о настояниях министра просвещения относительно открытия классических гимназий в самых отдаленных и полуазиатских частях империи».

В конце разговора я коснулся переписки, бывшей у меня с государем по вопросу об уничтожении чинов; государь выразился так, что признает совершенно правильным мнение Шестакова и что разделяет мой взгляд на то, что лучше подойти к разрешению дела постепенно, назначив особое совещание. Я предложил в председатели Бунге, на что и последовало согласие. Я сказал, что вел. князь сделает государю доклад в этом смысле.

Уходя, напомнил государю о стоящем в Гатчине ящике с бумагами императрицы Марии Федоровны. Государь повторил обещание на днях заняться разборкою этих бумаг.

Завтракать я пошел к Черевину, где Барятинский, егермейстер, рассказывал любопытные случаи войны медведей с волками. Возвращаюсь в Петербург с Черевиным и Барятинским.

15 [марта]. Воскресенье. В 12 час. еду завтракать к приехавшему накануне из Берлина вел. кн. Владимиру Александровичу. Он возвращается, и завтрак происходит в обществе всякого человеческого хлама, как Васильчиков — директор Эрмитажа и отвратительный Бенкендорф. После завтрака у нас продолжительный разговор, вел. князь сообщает, что имел с Бисмарком продолжительный и обстоятельный политический разговор. Вел. князь по поручению государя заявил Бисмарку, что Россия готова заключить союз с Германией, но под условием гарантирования неприкосновенности земельного пространства Франции и с устранением от участия в союзе Австрии, правительство коей речью Кальноки окончательно возбудило против себя русское правительство.

Бисмарк изложил вел. князю в подробности историю отношений наших двух правительств с 1870 г., доказывая, что он всегда искал союза с Россией и только отказами России был вынужден броситься в объятия Австрии; что относительно Франции бессмысленно было бы мечтать о каких бы то ни было новых для Германии земельных приобретениях, но необходимо вселить во французах убеждение, что потерянная ими территория невозвратима. Германия заключила союз с Италией исключительно с целью обороны против Франции. Теперешнее положение французского правительства по справедливости может внушать опасения в Берлине. Ген. Буланже не покинет поста военного министра при близком, по всей вероятности, падении министерства, он очутится чем-то вроде диктатора, а подобную роль возможно поддержать только какими-нибудь чрезвычайными действиями; вот когда настанет опасность войны, когда надо будет приготовиться к тому, чтобы французы разбились об укрепления Меца и Страсбурга.

Что касается Австрии, то основная мысль Бисмарка заключается в том, что держава эта должна быть сохранена. «После Садовы[36] император и Мольтке хотели идти на Вену, я категорически стал поперек такого шествия; Мольтке от злобы топал ногами, но я все-таки не допустил разрушения Австрийской империи, потому что считаю это политическим бедствием. То же самое я повторяю и как условие нашего соглашения с Россией; не уничтожайте Австрии, сохраните ее территорию, но делайте что хотите в Болгарии, берите Дарданеллы по соглашению или без соглашения с Портою; я понимаю, что вам необ-

ходим ключ от долженствующего принадлежать вам Черного моря. Что касается до речи Кальноки, то тотчас вслед за речью я выразил ему неудовольствие германского правительства, присовокупив, что я считал, что наша армия готова в случае необходимости поддерживать имперское правительство, но никак не подвергаться опасности быть втянутою в войну из-за каких-то мадьярских парламентских комбинаций и интриг, я повторил это еще раз на днях здесь наследному эрцгерцогу Рудольфу, коего мои слова очень опечалили».

Разговор этот кончился, можно сказать, полным соглашением двух правительств.

С императором вел. кн. Владимир также имел деловой разговор, в коем речь шла преимущественно о русской прессе, о «Московских ведомостях» и об опасности, отсюда грозящей нашим международным сношениям. Вел. князь от имени государя обещал, что будут приняты строгие меры, а между тем Катков выпустил еще новые ругательства, и в этот раз не на одного Гирса, а на все правительство, не исключая и самого государя, одобрившего текст разруганного Катковым правительственного сообщения[37]. В день приезда вел. князя я послал ему навстречу номера «Московских ведомостей», содержавшие эти статьи, так что, остановясь в Гатчине, он мог говорить о них с государем, который категорически заверил вел. князя, что ничего подобного больше не повторится. Поговорив о его берлинском пребывании, идем с вел. князем гулять пешком и заходим в Исаакиевский собор посмотреть на реставрированные Кошелевым в алтаре стенные картины, первоначально написанные Бруни.

В $3^1/_2$ часа приезжает ко мне Шувалов и дополняет рассказ вел. князя. Мысль о союзе с Германией без участия Австрии была предложена Шуваловым Бисмарку в декабре месяце. Бисмарк начал с того, что отказал наотрез, но потом, когда Шувалов стал доказывать ему, что такой исход будет в руку национальной катковской политике, то Бисмарк в конце концов согласился и даже в течение того же самого с глазу на глаз разговора предложил ему подписать соглашение. Шувалов отвечал, что никакого к тому уполномочия не имеет, и возвратился в Петербург с предложениями в этом смысле Бисмарка.

По приезде в Берлин теперь Шувалов прежде всего услыхал от Бисмарка жалобы на то, что в течение двух месяцев не было дано никакого ответа на его предложение, и заявил Шувалову, что должен видеть в этом отказ, вынуждающий его искать иных союзников. Во время этого разговора на квартире у Бисмарка приехал вел. кн. Владимир, коего не приняли. На другой день Бисмарк отправился к вел. князю и имел описанный мною здесь разговор. При свидании потом

с Шуваловым он восхищался вел. кн. Владимиром, его умом, определенностью его суждений, ясностью взглядов. Повторяя то, что он говорил вел. князю, Бисмарк высказал Шувалову еще характерное слово. В доказательство своего миролюбия по отношению к Франции он предлагал получить от России обещание в случае нападения Франции оставаться дружественно нейтральною и считать такое обещание действительным только в том случае, если сам русский император признает, что нападение сделано не Германией, а Францией[38]. Такого рода соглашение противно мнению Гирса, который остается сторонником не двойственного, а тройственного союза; но, разумеется, он, несмотря ни на что, сохраняет свое место, жалованье, казенную квартиру и прочие выгоды министерского поста.

16 [*марта*]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Он в восхищении от своего берлинского посещения, от любезности императора и всего семейства. В Берлине вел. князь нашел множество родственников, из коих некоторых не видал 30 лет. При расставанье наследный принц сказал вел. князю: «Dis à ton neveu que je compte sur lui»*. Вел. князь опасается, что Владимиру Александровичу иногда была завидна та чрезвычайная предупредительность, которую выказывали его дяде. Например, в день отъезда их высочеств все иностранные принцы были к обеду разделены на две категории: одну часть пригласили обедать к наследному принцу, а другую — к принцу Альберту; при этом Михаил Николаевич попал в первую категорию, а Владимир Александрович — во вторую. Я успокаиваю Михаила Николаевича, заверяя его, что Владимир Александрович мне высказывал свое удовольствие о том, как между ним и его дядею распределены были обязанности политические и семейные к полному успеху всей поездки. Михаил Николаевич хвалит любезность Владимира Александровича, который пригласил своего дядю жить у него в Берлине в гостях, то есть на его счет. Гофмейстер Скалон был так внимателен, что на каждой станции, где обедали, вел. князь находил бутылку шампанского. Вел. князь восхищается еще вновь созданной Ковенской крепостью, которая по размерам походит на укрепленный лагерь. За завтраком вел. княгиня ссорится со мною за то, что я на праздники уезжаю в Париж. Отвечаю, что ее досада происходит от того, что ей завидно, так как она не в состоянии сделать того же самого.

В Государственном совете вел. князь после заседания приглашает в свой кабинет Плеве и расспрашивает его об инциденте с Катко-

* «Скажи своему племяннику, что я на него рассчитываю».

вым. Плеве с законченностью фраз, свойственною судебному чиновнику, и уклончивостью, отличающею всякого, кто имеет претензию на служебную в Петербурге карьеру, объясняет, что после первой статьи (8 марта) Совет по делам печати стал обсуждать меру взыскания, коей Катков должен бы подвергнуться, но в это самое время появилась вторая статья, и тогда решено было дать предостережение[39]. Выписки из статей Каткова вместе с журналом Совета были посланы государю в пятницу утром, но вернулись оттуда без утверждения постановления Совета, а с весьма резкими замечаниями государя[40]. Председатель Совета по делам печати Феоктистов был послан в Москву показать Каткову эти резолюции.

Я: «Так Вы думали, что Феоктистов может вымыть голову Каткову, когда он привык чистить ему сапоги? Какое же последствие могут иметь резкие выражения государева гнева, когда они остаются неизвестными? Вы едва ли решитесь повторить их его высочеству председателю Государственного совета».

Плеве: «Я не думаю, чтобы его высочество потребовал от меня нарушения служебной тайны и оглашения таких высочайших слов, кои не были его величеством предназначены огласке».

Вслед за тем вел. князь уходит, и Плеве передает мне по секрету содержание резолюции, гласившей приблизительно так, что печатаемые Катковым сведения о Тройственном союзе могли быть переданы ему только изменником и что от Каткова требуется, чтобы он выдал имя этого изменника. После Общего собрания заседание соединенных Департаментов по представлению Посьета о водах общего пользования, которое, как большинство его представлений, бракуется Советом[41].

17 [марта]. Вторник. Доклад Ауербаха об успешности ртутного дела. Совещание с химиком Шнейдером о том золоте, которое остается в шлихах после промывки. Визит Мирскому, который лежит в постели, кажется главным образом для того, чтобы не ехать в субботу в Совет. Продолжительный визит Мальцевой, которая очень рада получению 30 тыс. пенсии, но все еще сохраняет иллюзии относительно имения, для ее семейства более не существующего. Вечером вист у Нелидовой. Играю в вист с Сабуровым, который как будто поджал хвост.

18 [марта]. Среда. Вышнеградский присылает мне вице-директора кредитной канцелярии Шванебаха с проектом всеподданнейшего доклада по делу Мальцевых[42]. Весь доклад написан будто бы по соглашению со мною, и это соглашение приводит к заключению об объявлении их несостоятельными. Затем от имени Вышнеградского, одного,

предлагается выдача Мальцевой 30 тыс. и сыновьям ее 12 тыс., но с тем, чтобы выдача эта была сделана лишь на один год, а дальнейшее ежегодное возобновление этой выдачи происходило не иначе как по особому всякий раз ходатайству министра финансов!..

Выражаю свое удивление Шванебаху, который просит меня лично объясниться с Вышнеградским. Нечего делать, иду в Министерство финансов просительствовать. Объясняю Вышнеградскому, что у нас с ним никакого соглашения не было, что я не могу и заявлять мнения, во-первых, потому, что не изучил еще дела, а во-вторых, потому, что не могу говорить от своего лица, не дав прежде обсудить вопросов комиссии, мною председательствуемой. Он выражает неудовольствие, что таким образом придется ему одному быть предметом жалоб Мальцевых. Ежегодное возобновление пенсии считает средством держать Мальцевых в руках!.. С трудом удерживаю негодование, выслушивая такую фразу. Пробую уговорить его откинуть такую оговорку, но очень важно отвечает... «Я подумаю».

Чтобы не сказать чего-нибудь могущего повредить моим клиентам, перевожу разговор на дела Государственного совета. Вышнеградский объявляет мне, что вносит несколько представлений о новых налогах и, между прочим, новый налог с заграничных паспортов, который будет оплачиваться золотом и от 10 руб. в месяц будет доходить до 1 руб. в день. Спрашиваю, посылал ли он этот проект министру иностранных дел. Такой вопрос возбуждает Вышнеградского, который говорит, что не допускает в этом деле международной стороны. Я ему отвечаю, что если он этого не сделает, то я это сделаю, получив его представление. Вышнеградский смиряется и благодарит меня за полезное указание. Что за нравственная гадость!..

19 [марта]. Четверг. Под впечатлением объяснения с Вышнеградским пишу государю следующее письмо: «Считаю обязанностью доложить Вашему императорскому величеству, что в сообщенном мне вчера для прочтения докладе управляющего Министерством финансов по делу Мальцевых предполагается назначить выдачу А.Н. Мальцевой 30 тыс. руб. лишь на один год с тем, чтобы возобновление этой выдачи ежегодно происходило не иначе, как всякий раз вследствие ходатайства, обращенного Мальцевою к управляющему Министерством финансов.

Не имея на то никакого права, я тем не менее старался убедить управляющего Министерством финансов, что подобное распоряжение совсем не будет отвечать намерению Вашему, государь, оказать Мальцевой монаршую милость, обеспечив безбедное существование последних лет ее жизни.

Не достигнув счастливого результата, я почитаю долгом совести докучать тем же ходатайством Вашему величеству. Делаю это в особенности потому, что считал бы такое мероприятие идущим вразрез и с желанием Вашим помочь Мальцевой и с прямотою чувств и действий, неизменно отличающих Вас, государь».

Записку эту мне государь возвращает с такою надписью: «Я понял тоже, что эти 30 тыс. назначить А.Н. Мальцевой пожизненно. Передайте это Вышнеградскому».

Иду к вел. кн. Михаилу Николаевичу и встречаю его едущим в коляске; он останавливается и сообщает, что был вчера у государя и спросил его, должен ли Государственный совет по делу о присоединении Ростова к Донской области рассуждать обо всей мере или только о способах привести эту меру в исполнение. Государь объявил вел. князю, что в его мыслях эта мера решена и что Совет должен обсуждать только средства приведения этой меры в исполнение.

Я выражаю крайнее свое удивление к такому распоряжению, выражая опасение, что на будущее время по всякому делу министр, делающий представление, будет объявлять высочайшее повеление, чтобы обсуждение касалось только таких, а не иных частей законопроекта.

Мой вел. князь в ответ говорит одно, что государь на этом настаивает, прибавляя, что в этот день государь был особенно любезен с ним, вел. князем, и долго излагал ему как свой гнев на Каткова, так и последние события во внешней политике.

Еду сообщить все это Шестакову, но не застаю его дома. Заехав поздравить именинницу — кн. Дарью Петровну Оболенскую, вхожу к Победоносцеву и прямо направляюсь к его двери, когда курьер таинственно предостерегает меня, что в кабинете у Победоносцева сидит Михаил Никифорович. Меня просят подождать несколько минут в приемной, после чего вводят в кабинет, где Победоносцев, не подозревая, что мне известно имя внезапно скрывшегося куда-то посетителя, сидит за столом и что-то будто бы очень усердно пишет.

Я ему сообщаю полученное повеление. Он объявляет, что если так, то не поедет в заседание, будучи твердо намерен говорить о существе меры, пользу коей отвергает. Решается, отправляясь сегодня в Гатчину, написать по этому предмету письмо государю, надеясь, что вследствие этого письма он будет позван в кабинет к государю[43].

Перевожу разговор на Каткова. Победоносцев распространяется о том, что Каткова надлежало оставить журналистом, а не производить в чины и осыпать лентами, как это сделал Делянов, о чем он, Победоносцев, не раз ему говорил, что, получив предостережение, Катков закрыл свою газету, а между тем она чуть не одна поддерживает правительство и монархию, и прекращение издания «Московских ведомостей» принесло бы вред правительству, что самая форма правительственных сообщений столь неопределительна и допускает возможность под этой рубрикой печатать такие пустяки, что нельзя безразлично обвинять всякого, кто не подчиняется правительственному сообщению; безусловно, что главная беда в том, что нет твердой, а пожалуй, и никакой правительственной политики, что он, Победоносцев, не раз объяснялся с Швейницем о непомерных претензиях Бисмарка, который не допускает никакой свободы для наших журналов, когда его личный орган пишет про нас самые дерзкие выходки.

Я выслушал все это хладнокровно и убедился, что Победоносцев предотвратил предостережения, висевшие над Катковым.

Обед с Голицыным, отправляющимся путешествовать на Север. Вечером Нессельроде за вистом рассказывает, что был у Меншикова (дряхлого старца, только что лишившегося жены), который советовался с ним о том, как бы получить ношение ленты св. Губерта, наследственно принадлежавшей его роду.

Делая визит кн. Волконской (рожденной Волконской), жене товарища министра народного просвещения, Нессельроде слышал от нее такую оценку нашего современного внутреннего политического положения: «C'est un tas d'immondices aspergé d'eau bénite»*.

20 [марта]. Пятница. Получаю от Победоносцева одну за другою две весьма характерные записки такого содержания. Первая: «Вчера, приехав в Гатчину вечером, я послал обстоятельное письмо государю, однако ответа от него не имею и он не позвал меня к себе после урока, что иногда делает в нужном случае. Этот признак не представляется мне благоприятным, однако, судя по прежним примерам, надеюсь получить ответ и, буде получу, сообщу тебе. Но могло быть и помимо меня какое-либо сообщение вел. князя». Вторая: «Вероятно, государь забыл, что я по пятницам в Гатчине. Вернувшись в Петербург, я нашел уже здесь ответ от него, принесенный в 8 час. утра[44]. Я писал ему, что заявление вел. кн. Михаила Николаевича, вероятно, основано на недоразумении, ибо трудно поверить».

А вот что пишет государь: «Действительно в деле о присоединении Ростовского и Таганрогского уездов вышло недоразумение. Я сказал Михаилу Николаевичу, что в принципе я считаю этот вопрос решенным, но можно обсудить, что лучше: прямо присоединить уезды к области Донской или подчинить их наказному атаману на правах ген.-губернатора. Не понимаю, почему Михаил Николаевич понял иначе».

* «Это куча нечистот, окропленных святой водой».

Вот каково избирать себе медиумов не понимающих. Теперь, пожалуй, Михаил Николаевич обидится, что он не так понял.

В 7 час. обед на квартире у Лобанова: вел. кн. Владимир Александрович, Балашевы, Абаза, Убри, Влангали. Вел. князь, видимо, озабочен, совсем не таков, как обыкновенно.

21 [*марта*]. Суббота. Заезжает ко мне Грессер, жалуется на Оржевского, утверждает, что не может продолжать службы в этих условиях и ожидает возвращения гр. Толстого, чтобы просить увольнения. В 1 час заседание соединенных Департаментов по вопросу о присоединении Ростова и Таганрога к Донской области. Абаза открывает заседание, указывая пределы обсуждения. Ванновский упорно поддерживает представление Мирского. Настойчиво оспаривают его Победоносцев, Островский, Шестаков, Тернер, Перетц, Дондуков. Забавен призванный в качестве эксперта бывший наказной атаман Чертков, который выражает свое мнение исключительно словами: «Я, безусловно, согласен с Константином Петровичем Победоносцевым». Во время перерыва прений вел. князь и Абаза силятся убедить Ванновского, который остается один при своем мнении, имея 17 членов против себя.

22 [*марта*]. Воскресенье. По приглашению вел. кн. Владимира еду на птичью выставку в Михайловском манеже, где вел. кн. Николай Николаевич старший, учредитель этого дела, катается в креслах на колесах, не будучи в состоянии долго стоять на ногах. Вел. кн. Владимир Александрович очень озабочен и поражен тем, что государь принимал Каткова и что после этого разговора Катков явился к Гирсу, который, впрочем, заранее приказал швейцару его не принимать.

Гирс приехал советоваться к вел. кн. Владимиру, который скрепя сердце не нашел иного совета, как проситься в отставку, что Гирс и намерен сделать в ближайший доклад, т. е. во вторник.

23 [*марта*]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Выслушиваю сетования по поводу Каткова. Вел. князь повторяет слова, слышанные о Каткове от государя, слова, тождественные с теми, кои я слышал от Победоносцева, как, например, что Катков искренний человек, что ему 73 года, что его нервы так расстроены, что он не спит ночей и т. п.

Вел. княгиня сетует на императрицу за то, что она не читает газет, кои могла бы давать мужу, ныне довольствующемуся чтением подтасованных Феоктистовым выписок.

В Общем собрании заседание без прений, потом заседание Департаментов о канализации и орошении; уговариваю Владимира Александровича в случае отставки Гирса хлопотать о назначении ему

преемником Лобанова, а не Павла Шувалова, который будет слугою Победоносцева.

Вечер у Волькенштейна без высочеств, но при множестве довольно второстепенных гостей.

24 марта. Уезжаю в Париж, оставляя у себя гостить Лобанова.

14 апреля. Возвращаюсь из Парижа, где видел обеих дочерей и настоял на отъезде старшей в Франценсбад для вторичного лечения.

При входе в вагон в Вержболове падаю и ушибаю ногу ниже колена.

В Петербурге ничего не замечаю в течение первых трех дней, но начиная с четверга, 18, развивается продолжительная и мучительная болезнь. Образовавшийся на кости нарыв вскрывает Барч, но вслед за тем переношу тяжкую болезнь.

12 [*ноября*]. Четверг. Возвращаемся в Петербург из Парижа после четырехмесячного пребывания во Франции в Дьеппе, Биаррице и Париже. Проездом через Берлин останавливаемся два часа в «Hôtel Continental», куда приходит посол гр. Павел Шувалов, который передает кое-что о свидании императоров[45]. По его мнению, свиданье это во многом сгладило постоянно увеличивавшиеся шероховатости и столкновения, угрожавшие к весне разрывом. На прощанье Шувалов просит передать Гирсу следующее: «La détente a commencé, le reste est entre vos mains»*; по приезде в Петербург разговоры с главными чинами Государственной канцелярии, а также Стефаницем и Краузольдом. Поселяемся в доме № 47 вследствие значительных перестроек, производимых в доме № 54. Вечером заезжаю к Абазе, чтобы узнать, что делается в Петербурге, но оказывается, что ничего особенного не делается. Два слова о Вышнеградском, об его проектах налогов. Он вполне подчинился Абазе, к которому постоянно является за советами и наставлениями.

13 [*ноября*]. Пятница. В 9 час. утра приходит ко мне гр. П. Шувалов, очень поправившийся после карлсбадского леченья и охоты на волков в Воронеже. Негодует на прессу, усложняющую наши сношения с иностранными державами, удивляется Толстому, который ровно ничего не делает. В 10 час. еду в свое Рисовальное училище, где нахожу Месмахера, изнемогающего от работы и устрашенного выставкой нефтяных продуктов, которая угрожает нам истребительным пожаром ввиду множества лесов и временной деревянной крыши, лежащей на здании вновь строящегося музея. С нашим несносным соседом Кочубеем идет постоянная война. В 2 часа сажусь в карету и делаю визиты всем министрам. Застаю Ванновского, разговаривающе-

* «Началось ослабление напряжения, остальное в ваших руках».

го с сибирским ген.-губернатором Корфом. Ванновский восхищается Кавказом и говорит, что с большим удовольствием поселился бы там, иначе говоря, хотел бы быть назначенным на пост наместника. Нахожу дома Манасеина, который также путешествовал по Кавказу, производя ревизию судебных учреждений. Манасеин жалуется на легкомысленность управления Дондукова, сетует на личный состав судов, в особенности тех судей, кои были назначены вел. кн. Михаилом Николаевичем в бытность наместником. Еще застаю дома Шестакова, которого душевно люблю за возвышенность и прямоту его чувств. По обыкновению сокрушаемся о недостаточности и плохом устройстве правительственных петербургских сил. Расширяя пределы обсуждения, Шестаков рассказывает, что, проведя последние недели в Швейцарии, он пробежал книгу, вновь изданную и содержащую свод бюджетов главных европейских государств. Постоянное увеличение бюджетов правительствами, умножающими налоги для того, чтобы расходовать силы народов на разорительные войны, должно навести людей на мысль о необходимости уменьшить власть правительств, ведущих население к разорению. Современные государственные порядки возвращают человечество к строю античного мира, где государство поглощало человеческую личность. Христианская религия поставила на первый план индивидуальное развитие человеческой личности. Ныне опять отодвигается назад то, что было сделано христианством. Если сознание подобных фактов проникнет в массы, то не угрожает ли великая опасность всему существующему ныне общественному строю.

Кончаю объезд свой посещением внучек Бобринских — Екатерины, Надежды и Домны, которая чрезвычайно выросла. Сюда же приходят старики Бобринские.

Вечер за разбором вновь вступивших в Государственный совет дел.

14 [*ноября*]. Суббота. В 10 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Разговор о путешествии вел. княгини, которая находится в Неаполе, о пребывании в Боржоме, о недостатках Дондукова, о здоровье сыновей, об охотах за последнее время. Относительно дел Государственного совета вел. князь передает слова государя, что, по его желанию, гр. Толстой прежде внесения своего ответа на возражения Манасеина соберет подлежащих министров и постарается прийти с ними к соглашению так, чтобы министры представляли единодушную группу при обсуждении дела в Совете. В $10^1/_2$ часа еду домой, чтобы снять малый и надеть парадный мундир, зная, в какой степени подобные мелочи имеют* в глазах вел. князя, и в 11 час. приезжаю в Аничковский дворец, где собираются поздравители по случаю дня рождения императрицы. В первой комнате возле лестницы стоят военные, а во второй — Государственный совет. Тут по обыкновению начинаются всякого рода деловые переговоры и разговоры, как, например: а) С Островским. *Я:* «Ну, что же, Михаил Николаевич, что Вам известно о внесении гр. Толстым своего возражения Манасеину в Государственном совете?» *Островский:* «Кажется, возражение у него готово, но я говорил государю, что необходимо, чтобы прежде внесения дела в Государственный совет было еще собрано у гр. Толстого совещание для того, чтобы достигнуть единогласия между министрами». *Я:* «Я слышал, что Толстой не хочет делать никаких уступок». *Островский:* «Его подбивает Пазухин, но я уверен, что он сделает значительные уступки». б) С Толстым. *Я:* «Мне говорил вел. князь, что Вы намерены собрать предварительное совещание прежде представления Государственному совету своих возражений[46]. Мне кажется, что вел. князь слышал это от государя». *Толстой:* «Я только вчера говорил об этом с государем, но еще ничего окончательно не решил. Но вот что я хотел Вам передать, что я на днях внесу представление об изменении закона о земских учреждениях, и это представление следовало бы рассмотреть немедленно, не соединяя его с прежним представлением о реформе местного управления...»[47] в) С Исаковым. *Я:* «Николай Васильевич, я видел вчера Месмахера, который очень опасался, что выставка нефтяных произведений Технического общества обратит в пепел наш музей и училище». *Исаков:* «Всего лучше было бы в этом случае обратиться в качестве посредника к полицейской власти». *Я:* «Это прекрасная мысль». Немедленно обращаюсь к тут же стоявшему Грессеру, который обещает на следующий же день лично освидетельствовать на месте приготовления, сделанные Техническим обществом к приготовляемой им выставке. г) С Воронцовым-Дашковым. Сообщаю ему, что привез из Парижа табакерку, которая была подарена императором Николаем певцу Лаблашу за представление, данное в зимнедворцовском театре Эрмитажа. Прошу его сделать об этой табакерке надлежащие справки и показать ее государю. После обедни поздравители подходят к императрице, целуют у нее руку, а также жмут руку стоящему рядом императору. Затем усаживаются за десятиприборные круглые столы и завтракают при звуках придворного оркестра. Выйдя из-за стола, собираются в соседней комнате, куда выходит императрица, любезно разговаривающая с более знакомыми, более важными или более выдвигающимися лицами: со мною два слова о том, что вел. кн. Алексей Александрович охотился у меня в Париже, о том, как дети были больны, о берлинском пребывании, о присланном мною столике, поднесенном ей в подарок вел. кн. Владимиром Александровичем; с вел. кн. Марией Павловной разговор о

***Далее, очевидно, пропущено слово* «значение».

Париже, а также о том, что она сделалась ружейной охотницей; с принцессою Е.М. Ольденбургскою — об Училище правоведения. Она хвалит моего сына, а я осуждаю недостаток дисциплины в управлении училищем.

Вернувшись домой, едем осматривать вновь строящийся манеж с конюшнями; потом идем гулять пешком по набережной. Захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу, который сообщает кое-что о берлинском свидании и о петербургском безлюдье. Потом приходит Мария Павловна с Араповою и германским поверенным в делах Бюловым. Рассказываю им всякий вздор о Франции.

Вечером вист у меня.

15 [ноября]. Воскресенье. Разговор с Шидловским о новом представлении Делянова относительно реального образования[48]. Государь написал на мемории: «Представление оставить без последствий. Я дал М[инистерству] народного просвещения указания». Вслед за тем Делянов внес дословно первое представление, предлагая лишь в реальных гимназиях вместо пяти классов сделать шесть. Необходимо Делянова заставить высказаться относительно полученных указаний и выяснить вопрос с государем прежде вторичного рассмотрения.

Разговор с Штендманом о нашем биографическом словаре. Каталог имен, долженствующих служить основанием словаря, готов, теперь надлежит сделать выборку имен, заслуживающих написания пространных биографий, а затем заняться изготовлением этих самых биографий[49].

В 2 часа заседание Финансового комитета у Рейтерна. Рассматривается незначительное представление Вышнеградского об удлинении срока тиража пятипроцентных билетов[50]. Вышнеградский, по-видимому, очень оперился и ораторствует с большим апломбом. Абаза, к кому он обращается обо всем за советами, его поддерживает.

Захожу в свое училище, где Месмахер, восхищенный тем, что Грессер признал неправильно построенными балаганы, приготовленные Техническим обществом для нефтяной выставки. Навестив австрийского посла[51], который сломал себе ребро, свалившись с лошади, еду к Победоносцеву, который после обычных отзывов о здоровье разражается потоком ругательств по адресу Мещерского. Рассказывает, что тотчас после возвращения государя в Гатчину он, Победоносцев, поехал разъяснять всю нелепость создания какой-то силы в лице Мещерского, безнравственность коего во всех отношениях давно известна[52], а между тем ему дают деньги на издание газеты, к нему постоянно собираются некоторые министры, как Вышнеградский, Делянов, Дурново, Филиппов, которые думают иметь в Мещерском поддержку. Сам

гр. Толстой циркулярно рекомендовал волостным правлениям подписаться на газету Мещерского. Все это Победоносцев высказал государю, предостерегая его против слишком близких с Мещерским сношений. В заключение государь ему отвечал, что имел осторожность ничего не писать Мещерскому. Спрашиваю Победоносцева, что ему известно об указаниях, преподанных Делянову по вопросу о реальном образовании. Отвечает, что не знает, и соглашается со мною относительно необходимости в тесном совещании вызвать Делянова на объяснения.

Вернувшись домой, принимаюсь за мемориальное извлечение, когда приходит Островский. Он точно так же бранит Мещерского, рассказывает, что он за прежнее еженедельное издание «Гражданина» получал по три тыс. руб. в месяц, а теперь попросил 120 тыс. в год, но, кажется, этого не получил, но из меньшей данной ему суммы тотчас завел карету, что произвело весьма невыгодное для него впечатление. Вообще решено при первом случае ему дать предостережение и запретить розничную торговлю, чтобы показать, что он не есть правительственный орган.

16 [ноября]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Рассказывает, что накануне был в Гатчине, обедал там; после обеда, в котором участвовали, кроме семейства, ближайшие лица, как Воронцовы, Оболенские, Шереметевы, все общество, оставаясь вместе, сильно скучало, так что вел. князь ушел играть в биллиард. Возвращаясь в Петербург в вагоне, жаловались на скуку, причем кто-то сказал, что это еще только начало, а когда эти воскресные приемы продолжатся до марта, тогда скука примет исполинские размеры. Вел. кн. Мария Павловна, возвращавшаяся в том же вагоне, очень сожалела, что государь не захотел пригласить ее к охоте, назначенной на следующий день. Передаю вел. князю то, что слышал относительно важнейших находящихся ныне в Государственном совете дел. К завтраку приезжает вел. кн. Николай Николаевич. Заседание Общего собрания по обыкновению весьма непродолжительно. Визиты московскому Долгорукову и пр. Вечер за бумагами.

17 [ноября]. Вторник. В Комитете министров докладывается представление министра путей сообщения о постройке новых железных дорог. Вследствие заявления Вышнеградского о неимении денег отказывают во всяких новых постройках[53]. Визит гр. Игнатьеву, который, болтая без умолку и критикуя все, что делается в правительстве, рассказывает, что в начале нынешнего царствования государь колебался в выборе между Лобановым и Гирсом для назначения на пост министра иностранных дел. Относительно Лобанова была пущена в ход его приятелями выдумка, что он ленив, Гирс в это время фактически уже

управлял министерством и разумеется, низкопоклонничал, чтобы попасть в министры. Однажды в Гатчине, за завтраком в присутствии государя, он сказал Игнатьеву: «У его величества такие ясные и определительные мысли в вопросах иностранной политики, что мне по обязанности министра иностранных дел ничего иного не приходится делать, как держать карандаш и писать под диктовку. Я был директором Азиатского департамента[54], когда Гирс был консулом в Бухаресте, и, пользуясь правом старого начальника, я высказал ему, возвращаясь из Гатчины, к каким печальным последствиям поведет его лесть».

18 [ноября]. Среда. Прогулка с Всеволожским, директором театров. Характерные сплетни о княгине Кочубей, Белосельских, отвратительном Бенкендорфе и т. п. Вечером приезжает Шувалов, который ввиду выпавшего снега предлагает на следующий день устроить охоту на лосей.

19 [ноября]. Четверг. В $9^1/_2$ час. едем по Финляндской железной дороге до кладбища в Новоселках; лоси проходят мимо вел. кн. Михаила Николаевича и Черевина, которые стреляют неудачно. В $5^1/_2$ часа дома. Еще участвуют в охоте вел. князья Владимир и Алексей, Шувалов и Фредерикс.

20 [ноября]. Пятница. Разговор с Д.Б. Голицыным о трудностях ведения сельского хозяйства. Он извиняется в том, что не может заплатить свой долг вследствие оттяжек, намеренно делаемых Министерством финансов при выдаче ссуд Дворянским банком.

Захожу к Штендману, который помещен во вновь купленном на Театральной площади доме. Дела Исторического общества: Дубровин продолжает издавать журналы Верховного тайного совета[55], Сергеевич — наказы Комиссии депутатов[56], Трачевский — документы из Парижского архива, относящиеся к началу нынешнего столетия[57], Карпов — внешние сношения за XVII столетие из Московского архива[58], Штендман — донесения французских посланников за царствование Екатерины I[59], Слепцов — донесения английских посланников[60]. Опять визиты. Сижу долго у члена Государственного совета Бреверна, которому 81 год и который не скрывает от себя приближение смерти.

21 [ноября]. Суббота. Еще раз лосиная охота с Голицыным, который очень интересно говорит о своем путешествии по Северу, и Красовским (акушером), который убивает лося в первый раз в жизни.

22 [ноября]. Воскресенье. Собираемся ехать завтракать в Царское Село к вел. кн. Владимиру, но получаем отказ но случаю смерти Перовского, который воспитывался с вел. князем и нынешним государем вследствие того, что его отец был их воспитателем. Недурной, но пустой человек, преследовавший в жизни одну цель — материальное наслаждение в самом узком смысле.

Визиты, между прочим, Палену, который хворает. Находящийся тут Тимашев сильно критикует действия Вышнеградского, в особенности множество нерациональных налогов.

Заезжаю к Грейндлю, которого знал 22 года назад и который теперь бельгийским посланником в Лиссабоне*.

23 [ноября]. Понедельник. Ехав к вел. князю, встречаю внучек Бобринских, старшей сегодня 4 года.

После заседания Общего собрания заседание в департаментах, о коем, вернувшись домой, пишу государю следующее:

«Спешу доложить Вашему величеству о происходившем сегодня после Общего собрания докладе в соединенных Департаментах дела о реальных училищах, возбудившего прошлою весною столь оживленные прения.

Как изволите припомнить, государь, на мемории Вами было написано, что министр народного просвещения получил от Вас указания. По заявлению министра, указание это заключалось исключительно в том, чтобы число классов в реальных училищах было увеличено с пяти до шести. Согласно сему проект был внесен в прежнем виде с одним лишь изменением числа классов, не отступая от первоначального взгляда о необходимости низвести реальные училища на степень приготовительных заведений к средним техническим школам. Такое, можно сказать, повторение прежнего проекта могло возобновить и прежние прения, но сегодняшнее заседание дало всему делу совсем иное направление.

После речи бар. Николаи, указавшего на недостаточность и несовершенство разработки представленного плана промышленного образования и настаивавшего на невозможности связывать с вопросом о технических школах вопрос о коренном преобразовании реальных училищ, министры народного просвещения и финансов выказали полную готовность отступить от предположений проекта, имевших целью оказать особое покровительство классическим гимназиям. Решено было выделить из представления все касающееся реальных училищ и заняться исключительно промышленными учебными заведениями. Когда затем приступлено было к рассмотрению устава этих училищ, содержащегося в представлении Министерства народного просвещения, возбудилось сомнение, не находится ли в этом уставе слишком много подробностей, не подлежащих законодательному рассмотрению. Министр финансов, принимавший первенствующее участие в составлении проекта, настаивал на необходимости сохранения этих подробностей, но ст.-секретарь Фриш привел на справку постановление Государственного совета

* *В подлиннике ошибочно* Брюсселе.

1877 г., перечисляющее те предметы, кои должны быть вносимы в уставы учебных заведений путем законодательного рассмотрения с отнесением всего остального к сфере административных распоряжений. Ввиду столь определительного, принципиального, законодательного разграничения выяснилась необходимость полной переработки устава, что и возложено было на Государственную канцелярию при участии Министерства народного просвещения.

Таким образом, дело о профессиональных школах отделено от вопроса общего реального (в противоположность классическому) образования. Устав этих вновь создаваемых профессиональных школ подвергнется серьезному обсуждению, преследуя чисто практические цели и оставаясь вне сферы страстного состязания о пользе и вреде системы классического обучения[61].

24 ноября. Вторник. День празднования св. Екатерины, именины внучки Бобринской и Балашевой. Обедает Грейндль, когда-то бывший здесь секретарем бельгийского посольства, а теперь бельгийский посланник в Лиссабоне.

25 [ноября]. Среда. Вел. кн. Владимир Александрович приходит завтракать. Нахожу его весьма грустным и постаревшим. Забавляет нас историей сватовства Михаила Михайловича, который, прося руки дочери принца Валлийского[62], объявил этой девушке, что он, как все люди, стоящие в высоком его положении, никакой любви не чувствует к ней, будущей своей жене. Разумеется, после того об его сватовстве в семействе принца Валлийского никто и слышать не хочет. Иду с Владимиром Александровичем посмотреть (в Общество поощрения художеств) выставку картин, оставленных золотопромышленником Соловьевым; большинство картин очень плохо.

Опять визиты и, между прочим, продолжительный визит гр. Вольценштейн, весьма милой и умной женщине.

Получаю письмо от Лобанова из Вены. Он, между прочим, пишет: «Au point de vue politique il y a un malaise général et nous sommes ceux qui le ressentais plus que d'autres. Notre politique incohérente a abouti à un isolement complet en Europe. Peut-être est-ce un bien, car cela nous empêche de courir les aventures; si même nous voulons faire la guerre, nous ne le pourrons pas, quant à nous attaquer personne n'y songe». Il considère la paix — une paix boiteuse, comme parfaitement assurée*.

*«В политическом отношении чувствуется общая тревога, а мы ощущаем ее больше других. Наша непоследовательная политика привела нас к полной изоляции в Европе. Может быть, это хорошо, так как мешает нам участвовать в авантюрах; если даже мы захотим вступить в войну, то не сможем, а что касается нападения на нас, то никто об этом не помышляет». Он считает, что мир, пускай и хромоногий, вполне обеспечен.

26 ноября. Четверг. Георгиевский праздник, на который не еду, так как нахожу, что гражданским чинам нечего делать на этом военном торжестве.

Первое представление оперы Верди «Отелло» в присутствии всей императорской фамилии. Рассказывают, что после парадного обеда императрица выразила намерение переменить нарядное и вырезное платье на более скромный костюм, причем вел. кн. Мария Павловна объявила, что наряда не переменит и поедет в театр в том же вырезном платье и бриллиантовой диадеме. Государь подошел к Марье Павловне и полушутя-полусерьезно велел ей одеться в одинаковое с императрицей по степени нарядности одеяние.

27 [ноября]. Пятница. Прогулка с Фигнером, горным инженером, заведывающим медным заводом в Богословске. Фигнер едет путешествовать по Европе для осмотра заводов, выделывающих медь.

Получаю от военного министра и от министра внутренних дел уведомления, что кн. Дондуков просит разрешения праздновать 50-летие службы члена Государственного совета кн. Меликова. В телеграмме очень пространной к министру внутренних дел Дондуков выставляет заслуги кн. Меликова и испрашивает для местного кавказского общества позволения открыть подписку для учреждения стипендий в одном из кавказских учебных заведений имени кн. Меликова. Посылаю эти бумаги вел. князю с присовокуплением справки, из коей оказывается, что правилами, изданными в 1886 г., предписано вычитать при праздновании юбилеев время, проведенное в отпусках, свыше одного года продолжавшихся, а Меликов уже девять лет живет в Тифлисе, не участвует в заседаниях Государственного совета.

28 [ноября]. Суббота. Еду в 10 час. с Краузольдом на вновь строящуюся фабрику кручения ниток рядом с Невской бумагопрядильней. Постройка продолжается зимою под защитою отапливаемого сарая. В 1 час заседание соединенных Департаментов: рассматривается дело об изменении управления Кубанской и Терской областями, т. е. уничтожаются слишком либеральные порядки, введенные в царствование императора Александра II[63]. Мой председатель, распоряжавшийся всем этим в бытность свою наместником, крайне опечален таким осуждением его деятельности. Председатель заседания бар. Николаи почти в том же положении.

Вечером обычный, еженедельный вист у меня. Абаза рассказывает, что наследники Каткова нашли в его бумагах доказательства тому, что Поляков платил отцу их ежегодно 35 тыс. руб. Полагая, что эти деньги составляли ренту с помещенного у Полякова капитала, наследники Каткова потребовали этот капитал, но Поляков отвечал, что у него нет

никакого капитала, а 35 тыс. он действительно платил ежегодно Каткову за его статьи в «Московских ведомостях»[64].

29 [ноября]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных. В 2 часа совещание в Рисовальном училище о том, какое участие в Копенгагенской выставке будущею весною может принять наше училище. Решаем исполнить несколько работ по рисункам наших учеников. Получаю от гр. Толстого его возражения на замечания Манасеина относительно его проекта реформы местного управления. Слышав от вел. князя, что государь желает, чтобы министр внутренних дел прежде внесения в Государственный совет своих возражений сделал согласительное между министрами совещание, я пишу записку об этом Манасеину. Получаю такой ответ: «Гр. Толстой мне своих возражений не сообщал, и содержание их мне совершенно неизвестно. Относительно согласительного совещания я также решительно ничего не знаю, и только стороною доходили до меня неопределенные слухи, что такое совещание предполагается и признается полезным».

30 ноября. Понедельник. По недостатку дел нет доклада в Общем собрании Государственного совета. Посылаю государю еженедельную меморию и прилагаю два тома вновь отпечатанного Штендманом указателя имен, долженствующего служить основанием для биографического словаря. Разговор с Дервизом об опеке над его племянником.

1 декабря. Вторник. Пользуясь свободным днем, прочитываю последние статьи Щедрина — «Пошехонская старина». Некоторыми сторонами превосходит Гоголя. Посылаю вел. князю письмо относительно празднования 50-летия службы кн. Меликова, настаивая на том, что нельзя нарушать общего порядка и праздновать юбилей Меликова, живущего девять лет в отпуску, когда в том было отказано Тимашеву, проведшему в отпуску два года.

2 декабря. Среда. Приезжает из Парижа маркиз Бретейль, которого мы поселяем в гостиных дома № 54 на Большой Морской. Обедаю с ним и везу его в балет как наиболее удовлетворительный из петербургских театров.

3 декабря. Четверг. Саша выдерживает с одиннадцатью баллами наиболее страшный для него экзамен уголовного права у несколько преследующего его профессора Таганцева. В 1 час едем к Д.П. Оболенской, которая привезла сегодня из Пензы общих наших внучат. Делаю визиты вместе с Бретейлем и обедаю с ним же в яхт-клубе.

В 8 час. заседание совета Училища для рассмотрения предлагаемых мною изменений в нашем уставе. Изменения принимаются без больших прений.

4 [декабря]. Пятница. Получаю записку от гр. Толстого с уведомлением, что государь приказал поторопиться докладом дела о преобразовании полиции в Остзейском крае. Еще сам Толстой не знает, как устроить полицию в Великороссии, а горит нетерпением переломать прибалтийскую полицию, стоящую сотни лет и стоящую несравненно дешевле иной. Никакого ни в чем государственного взгляда.

Является какой-то чиновник Глуховский, комиссар на Копенгагенской выставке. Кроме чернил и бумаги, никаких отечественных произведений не знает.

В 1 час еду к вел. кн. Ольге Федоровне. Выслушиваю и не могу не разделить грустных впечатлений, внушаемых Петербургом всякому, кто приезжает со свежего воздуха.

Захожу к Шувалову, который возбужден неудобствами предначертаний лесного закона, как он изложен в журнале соединенных Департаментов[65].

Получаю отмеченный государем список членов Государственного совета. Против Абазы отметка: «Еще рано», а лица, как Танеев, Мансуров и т. п., получают награды, хотя награждены одновременно с Абазою в день коронации.

В $5^1/_2$ час. едем по Варшавской железной дороге ко мне в Рапти стрелять волков. Бретейль, Балашев, Голицын, Сабуров.

5 [декабря]. Суббота. Превосходный зимний день. Убиваем шесть волков и в $8^1/_2$ час. возвращаемся в Петербург.

6 [декабря]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных. Ужасная оттепель. Сижу дома за обычным мемориальным извлечением.

7 [декабря]. Понедельник. По обыкновению в 11 час. у вел. князя, которого застаю в оживленном разговоре с профессором Менделеевым. Менделеев доказывает ему неправильность разрешения вопроса об обложении налогом керосина[66]. По его мнению, новый закон убьет русскую нефтяную промышленность, сделав невозможным для честных людей соперничество с мошенниками, кои легко найдут средство получать обратно акциз при вывозе за границу не керосина, а разных смесей, ими составленных. Вел. князь, считая себя насадителем нефтяной промышленности на Кавказе, втайне враждебно относится ко всякому ее обложению и потому сочувствует словам Менделеева, советует ему ехать к Абазе.

Вел. князь передает мне свой разговор с государем о награждении членов Государственного совета. Об Абазе вел. князь сказал, что это труженик, на котором лежит большая тяжесть дел Совета, на что государь промолчал. Вел. князь занят тем, что государь назначил чины действительного тайного советника Манасеину и Вышнеградскому, кои

состоят министрами не более года, тогда как Воронцов, состоявший министром шесть лет, получает бриллиантовые Александровские знаки и остается в третьем классе. Вел. князь намерен выставить это в среду государю.

За завтраком по обыкновению говорю всякий вздор вел. княгине. В Совете довольно оживленные прения по вопросу об обложении керосина. Игнатьев поддерживает то, что я слышал от Менделеева. Рихтер очень ясно и гладко доказывает, что во всех отношениях целесообразнее было бы обложить сырую нефть. На это Вышнеградский возражает, что покровительства требуют малые заводы в противоположность сильным, богатым, коих изображает чуть не врагами человечества. Все та же канцелярская демократическая сентиментальность, наделавшая уже нам много вреда и угрожающая еще весьма гибельными последствиями в будущем.

После Общего собрания в соединенных Департаментах обсуждается законопроект Манасеина о наказании лютеранских пасторов за совращение из православия[67]. Совет силится свести проектируемые мероприятия на минимум, предоставив лишь министру внутренних дел настаивать над лютеранскими консисториями в случае несоблюдения ими закона. Вечером у гр. Левашевой, которая, по обыкновению, очень оживлена и возбуждена, на этот раз университетскими беспорядками[68]. Она рассказывает, между прочим, как покойный государь пригласил к себе Вяземского, в то время молодого офицера, а ныне ее зятя, и предложил ему жениться на княжне Долгорукой, сестре кн. Юрьевской. За последовавшим отказом, разумеется, настала полная к Вяземскому немилость.

9 [декабря]. Среда. Едем по 11-часовому поезду завтракать в Царское Село к вел. кн. Владимиру Александровичу. За завтраком хозяева нападают на меня за то, что я на последнюю свою охоту пригласил Петра Сабурова. Я отвечаю, что мы живем не в раю, что необходима доля снисхождения к людям, с которыми приходится проводить время, но что и в этом есть черта, за которую не следует переступать, потому что есть такие люди, кои превосходят всякую меру. При этом обращаюсь к гофмейстеру Скалону, который отказывается от своей должности, потому что не может далее терпеть положения, созданного в доме вел. князя Бенкендорфу, отъявленному негодяю. Слова эти производят ледяное молчание. Я говорю немного под впечатлением слышанного мною рассказа ювелира Иванова, который передавал мне, что Бенкендорф явился к нему в магазин, взял у него на три тысячи рублей табакерок и затем исчез вместе со взятыми вещами навсегда.

Вел. князь показывает мне рубин, который торгует у Волконского. Камень действительно очень хорош и подарен был деду Волконского

австрийским императором взамен Иоганнисбергского замка, который Волконскому не позволено было принять.

С нами должен был ехать в Царское Село Бретейль, но он получил приглашение ехать в Гатчину явиться императрице и императору. Бретейль возвращается из Гатчины, восхищенный оказанным ему приемом. С императрицей он говорил исключительно о ее датском семействе, государю он передал, что гр. Парижский[69], которого он видел недавно в Англии, поручил ему засвидетельствовать пред государем, что он, гр. Парижский, не принимал никакого участия в тех бумагах, кои были присланы государю в Копенгаген и составляли предмет его разговора с Бисмарком, что вообще гр. Парижский уговаривал своего кузена Кобургского[70] не принимать болгарского престола и остается совершенно равнодушен к дальнейшей его судьбе. Затем, получив от государя выражение удовольствия относительно слышанного, он, Бретейль, передал просьбу гр. Парижского разрешить прислать в Россию принца Орлеанского[71] для службы в русской армии. Государь охотно выразил на это согласие.

Вечером заезжает П. Шувалов. Много разговариваем об англичанах. Бретейль рассказывает, что прошлым летом обедал у Черчилля с Чемберленом и пугал англичан близостью русских к индийской границе, а в особенности тем страхом, который русское имя производит в Индии, чему прошлой зимой Бретейль был очевидцем. Черчилль при этом высказывает, что он готов бы отдать русским Константинополь с проливами под условием отодвинутия нашей границы в Средней Азии на 300 миль назад.

11 [декабря]. Пятница. Еду в 6 час. встречать на станцию Варшавской железной дороги старинного своего приятеля Траффорда, приехавшего с мужем и женою Черчилль.

12 [декабря]. Суббота. Обед у Бретейля в доме № 54 с Черчиллями. Она очень милая, умная, красивая американка. Он очень резок, смел, характерен, но отнюдь не блестящ.

13 [декабря]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных. Показываю Мариинский дворец Черчиллям и по возможности объясняю им ход законодательных дел в нашем отечестве, останавливаясь на выгодах нашего непарламентского производства и предоставив им самим оценивать его невыгоды. Визиты Исакову, кн. Долгорукому, где застаю непривлекательное собеседничество княгини с Тертием Филипповым, навещаю своих внуков Оболенских и просиживаю полчаса у чудака гр. Протасова.

Бретейль в этот день, к крайнему удивлению всего Петербурга, приглашен обедать в Гатчину к их величествам. По воскресеньям бы-

вают семейные обеды с участием самых приближенных лиц, как Воронцовы, Шереметевы, Оболенские, никто никогда из петербургских жителей к этим скромным празднествам не приглашается.

14 [декабря]. Понедельник. По обыкновению начинаю с вел. кн. Михаила Николаевича. Разговор преимущественно касается такого важного эпизода. Государь в списке членов, представляемом для назначения наград, отметил, что Манасеина и Вышнеградского к 1 января следует произвести в чин действительного тайного советника; оба они недавно назначены министрами, тогда как Воронцов-Дашков уже шесть лет состоит министром императорского двора и остается генерал-лейтенантом, получая к новому году лишь бриллианты на Александровскую звезду. Так как начиная со второго класса старшинство между военными и гражданскими считается совместно, а не порознь, то Воронцов навсегда становится по чину ниже двух других министров, гораздо моложе его. Вел. князь разъяснил все это государю и передал мне приказание послать справку о службе этих трех министров. На этом листке была сделана рукою государя такая отметка: «Никого не производить».

Узнав у вел. кн. Михаила Николаевича, что в Царском Селе дети вел. кн. Владимира Александровича захворали корью, захожу к Владимиру Александровичу, и мы вместе едем в Совет. В Общем собрании возникают прения по сенатскому делу о запрещении евреям жить в деревнях или, правильнее, переселяться из одной деревни в другую[72]. Гр. Пален, Рейтерн, Дервиз, Николаи, Рихтер говорят за евреев, Абаза, Вышнеградский — против.

В $9^1/_2$ часа вечера уезжаю с Бретейлем и Фредериксом в Лугу, а оттуда еще за тридцать верст в санях. Вследствие сильного мороза лоси уходят, и мы, не начиная охоты, возвращаемся в Петербург в 6 час. вечера во вторник. По обыкновению нахожу массу бумаг.

16 [декабря]. Среда. Разговор с Ауербахом: цены на медь внезапно поднялись, заключаем контракт, продавая всю богословскую на будущий год выручку по 15 руб. за пуд, тогда как два года тому назад не могли продать и по 9 руб. Заезжаю к Черчиллям. Она только что возвратилась из Таврического дворца, где каталась на коньках. Он в восхищении от оказанного ему в прошлый понедельник в Гатчине приема. Ввиду выражаемого леди Черчилль желания покататься в тройке предлагаю ей сделать это в тот же вечер. Едем в каменноостровские теплицы. Сажусь в сани вдвоем с Черчиллем и выслушиваю от него уверения в дружбе к России и ненависти к Бисмарку.

В этот же день обедаем у вел. кн. Ольги Федоровны с Питом по случаю дня рождения младшего сына Алексея Михайловича. Он премилый, умный, способный мальчик, но обращение с ним братьев и в особенности старшего Николая окончательно испортит его характер. За столом, кроме семейства вел. кн. Михаила Николаевича, находится еще юный Петр Николаевич, весьма милый юноша с более приличными манерами, но сыновья вел. кн. Михаила Николаевича положительно неблаговоспитанны.

17 [декабря]. Четверг. В $10^1/_2$ час. еду в Гатчину, со мною в вагоне Черевин и его секретарь Федосеев. В приемной у государя застаю Рихтера и Дурново, дожидающихся окончания доклада у государя гр. Толстого, который вскоре выходит оттуда чуть не в виде разлагающегося трупа — бледный, усталый; обращается ко мне с напоминаниями относительно скорейшего разрешения дела о переустройстве полиции в Прибалтийском крае. Я спрашиваю его, когда он соберет совещание по делу о земских начальниках, Толстой отвечает наивно, что изучает свою толстую записку, иными словами, то, что он подписал, не читавши, и что было сочинено Пазухиным, он поставлен в необходимость изучать, когда приходится защищать пазухинские измышления. Чтобы окончить предметом разговора, более ему по сердцу, говорю ему, что читаю его статью о Верельском мире, помещенную в последнем номере «Русского архива»[73]; при этом указываю ему на документы, об этом напечатанные в сборнике нашего Общества и упущенные им из виду. После Толстого в кабинет государя входят поочередно Рихтер и Дурново. Покуда продолжается их доклад, я разговариваю с вел. кн. Михаилом Михайловичем, который дежурит в приемной в качестве флигель-адъютанта. Он горько жалуется на свою судьбу, недоволен тем, что ему приходится проводить день в казармах, исполняя обязанности ротного командира, что у него не остается ни времени, ни сил на другие занятия, что по его расчету он не будет произведен в полковники раньше сорока лет, что такое медленное производство отвращает от службы, тем более, что он считает себя не дураком, а умным человеком, сетует на то, что его мать предпочитает старшего брата, который всегда преследовал и дразнил всех своих братьев.

В $12^3/_4$ [часа] вхожу в кабинет государя. Разговор приблизительно такой. *Государь:* «Извините, что я заставил Вас ждать так долго и назначил Вам четверг, когда Вы желали быть принятым в среду». *Я:* «Помилуйте, государь, не все ли равно, в какой день Вам угодно меня принять. Речь шла о среде, потому что это докладной день и вел. князь не мог приехать». *Государь:* «Да, было рождение Алексея Михайловича». *Я:* «Какой милый, умный, способный мальчик и как жаль, что его братья портят ему характер. Я пробовал говорить о том с великой княгиней, но она сама сознает, что ничего не может сделать». *Госу-*

дарь: «Да, это в особенности виноват старший, но с ним нечего делать». *Я:* «Извините за отступление и позвольте начать доклад о наградах, испрашиваемых мною для моих подчиненных». Подаю через стол привезенные мною списки, которые государь внимательно и подробно читает, не встречая никаких препятствий к утверждению всех моих предположений. Окончив доклад касательно чиновников Государственной канцелярии, я останавливаю внимание государя на награде (Владимира 3-й степени), испрашиваемой мною Месмахеру за безвозмездную постройку здания архива Государственного совета, выставляю его заслуги и по работам в Исаакиевском соборе, в особенности последние его труды по починке входных фронтонов. Говорим и о работах, произведенных Месмахером в Аничковском дворце. Государь выражает свое о них удовольствие, прибавляя лишь о личности Месмахера, что он — «копун». На это я возражаю, что он труженик и немедлителен в самой работе, только, подобно большинству русских людей, не умеет распределить работу между подчиненными, а все хочет сделать сам. Окончив вопросы личные, перехожу к вопросам деловым. *Я:* «Я получил от гр. Толстого уведомление о том, что Вашему величеству угодно, чтобы дело о преобразовании прибалтийской полиции было без промедления доложено в Государственном совете. Я немедленно сделал надлежащее о сем распоряжение, но считаю необходимым доложить Вам, государь, почему дело это было до сих приостановлено докладом. В представлении своем гр. Толстой, указывая на недостатки прибалтийской полиции, выставляет необходимость уничтожения сословной полиции и замены ее правительственной, но при этом сознает, что наша общеимперская полиция дурна, и на основании заявления, сделанного Кахановской комиссией (труды коей оставлены без внимания) о том, что коллегиальное начало представляет главный недостаток нашей великорусской полиции, гр. Толстой хочет ввести в Прибалтийском крае русскую полицию без коллегиального начала, т. е. что-то совершенно новое и нигде не испытанное. Мы желаем, государь, объединить и обрусить эти провинции, но в таком случае, думаю, всего благоразумнее выработать один общеимперский тип, а затем допустить в известных местностях известные от общего типа отступления, оправдываемые теми или другими обстоятельствами. Здесь в настоящем случае ничего подобного не делается, а вводится что-то признанное плохим на место векового учреждения, действующего в большинстве своих функций удовлетворительно. Не надо забывать и то, что проектируемое преобразование должно прибавить несколько сотен тысяч расхода». *Государь:* «Необходимо усилить власть губернаторов в этих провинциях и сделать это теперь, хотя бы с тем, что придется переделать

полицию еще впоследствии одновременно с общею. Это необходимо для введения судебной реформы». *Я:* «В таком случае Государственный совет должен смотреть на это преобразование полиции как на временную меру».

Государь: «Да».

Я: «Позвольте перейти к другому делу — о земских начальниках. Сейчас гр. Толстой говорил мне, что намерен созвать согласительное с другими министрами совещание, но если так, то зачем же было вносить в Совет опровержение замечаний Манасеина. Ведь совещание должно устранить или во всяком случае уменьшить пункты разногласия. Не лучше ли было вносить возражения лишь после совещания? Признаюсь, я не понимаю, зачем он это сделал».

Государь: «Я тоже не понимаю. Может быть, для того, чтобы дело не числилось за ним».

Я: «Позвольте по поводу этого дела остановить внимание Вашего величества еще на одном обстоятельстве. Надеюсь, что Государственный совет не будет слушать это дело, не вызвав предводителей и губернаторов, могущих представить полезные с места сведения». *Государь:* «Да, они уже были приглашаемы в Министерство внутренних дел». *Я:* «Я вижу в такого рода приглашении именно в заседания Совета, вижу двоякую пользу. Во-первых, они приносят местный, а не канцелярский материал, а во-вторых, они дают возможность центральному правительству узнавать людей и впоследствии привлекать лиц, обративших на себя внимание, к более серьезным занятиям. Весь этот проект у гр. Толстого составлял Пазухин, который сделался известным, потому что его вызвали в Кахановскую комиссию. Я думаю, что вызов в Совет усилил бы средства выбора людей, коими ныне располагает правительство. При взаимном согласии министров можно бы людей более выдавшихся назначить в Сенат, а оттуда перевести в Совет. Теперь же решительно не знаешь, кого назначить в Совет; по крайней мере, я, знающий весь персонал петербургского чиновничества, не знаю ни единого человека, которого мог бы назвать кандидатом для назначения членом Государственного совета, а между тем с приближением нового года начинаются ходатайства, искательства, просьбы. Позвольте по поводу этого мимоходом остановить внимание Ваше, государь, на том, представляется ли необходимым непременно в такое или иное определенное число назначать членов. Не лучше ли назначать людей тогда, когда люди эти найдутся?»

Государь: «Разумеется. Я совершенно разделяю этот взгляд и объявил, впрочем, всем, что с просьбами о назначении членов надо обращаться к вел. князю».

Я: «Позвольте, государь, доложить Вам еще об одном деле. Проект замены чинов должностями[74]. Я имею письменное выражение Вашего взгляда на это; Вы разделяете мнение Шестакова, но прочие министры, как Вам известно, во взглядах своих совершенно расходятся с Шестаковым. Пускать дело в этом виде значило бы рисковать правительственным разладом. Я думаю, как я и писал Вам в прошлом году, что всего лучше было бы назначить из нескольких членов Совета особую комиссию, которая могла бы предложить ряд административных мер, кои постепенно вели бы к единожды сознанной Вами цели. Весь вопрос в том, кого назначить председателем этой комиссии. Я думал об этом и остановился на Бунге, который по званию председателя Комитета министров, так сказать, стоит во главе чиновного сословия».

Государь: «Но надо знать, какое его мнение».

Я: «Во всяком случае более просвещенное, чем других министров. Он ученый, а не бюрократ. Он не провел жизнь в этой атмосфере чина и не находит наслаждения в том, чтобы выражать свою власть раздачею чинов подчиненным».

Государь: «Попробуйте поговорить с ним».

Я: «Позвольте Вам напомнить, государь, о ящике бумаг императрицы Марии Федоровны, хранящемся в Гатчине, где могут находиться письма к ней императора Николая».

Государь: «Завтра у меня будет Александр Владимирович Адлерберг. Я поручу ему рассмотреть бумаги, хранящиеся в этом ящике».

Я: «Я желал бы знать мнение Ваше, государь, о моем предположении создать центральный петербургский государственный архив для бумаг, имеющих историческое, государственное значение и ныне разбросанных в архивах разных ведомств».

Государь: «Я эту мысль одобряю, но думаю, что у Вас не хватит места». *Я:* «Места у меня хватит во вновь выстроенном здании, но я опасаюсь опять оппозиции чиновников, которые не захотят в каждом отдельном ведомстве выпускать из рук хранящиеся у них бумаги и связанные с этим хранением служебные выгоды. Ввиду этого я думал бы начать с сосредоточения в государственном архиве бумаг, имеющих за прошлое время значение материалов для истории законодательства, значение теперешних мнений Совета. Но и этого скромного намерения не хочу приводить в исполнение, не заручившись Вашим согласием».

Государь: «Я, конечно, согласен».

Потом речь как-то заходит о Черчилле, и я передаю слова, сказанные им Бретейлю после приема у государя: «J'ai emporté la

conviction que l'on pouvait entièrement compter sur la parole de l'empereur et que personne ne le forcera jamais à dire autre chose que ce qu'il pense»*.

В заключение этого получасового разговора государь дарит мне две акварели вида внутри Успенского собора, дарит не мне, а чрез меня моему Рисовальному училищу.

19 [декабря]. Суббота. Получаю от Абазы записку, посланную им государю, такого содержания: «Не осмеливаясь утруждать Ваше императорское величество испрошением личного доклада, почитаю долгом всеподданнейше представить на высочайшее воззрение краткий перечень достигнутых результатов при рассмотрении смет и составлении Государственной росписи на 1888 г. в Департаменте экономии.

1. Государственная роспись обыкновенных доходов и расходов сведена без дефицита и даже с превышением доходов на $^1/_2$ млн. руб., причем все бывшие разногласия между министрами соглашены.

2. В число государственных расходов внесено 6 млн. руб. на экстренные потребности вместо вносимых прежде 3 млн. руб.; предполагаемые же к поступлению суммы по главным отраслям государственных доходов исчислены без преувеличения.

3. На чрезвычайные расходы по сооружению железных дорог и портов назначено $34^1/_4$ млн. руб. из разных наличных средств с таким расчетом, что на покрытие этих производительных затрат не потребуется прибегать к новым займам.

А. Абаза».

На этой записке такая высочайшая резолюция: «Эти результаты весьма утешительны и очень меня радуют. Слышал от управляющего Министерством финансов, что Департамент экономии и в особенности Вы лично весьма помогли ему в этом утешительном составлении Государственной росписи. *Александр*».

20 [декабря]. Воскресенье. В 2 часа глупая самохвальная выставка осветительных материалов, устроенная Кочубеем в Техническом обществе. Приглашенным предписано быть во фраках и лентах. Начинается церемония с молебна и хвалебной Кочубею речи, сказанной священником, потом секретарь Общества восхваляет достоинства Кочубея, потом сам Кочубей разъясняет толпе свои чрезвычайные заслуги. Вел. кн. Михаил Николаевич разыгрывает роль императора. Обход весьма незамечательных предметов выставки среди толпы надоедателен, и я уезжаю домой писать свое мемориальное извлечение.

* «У меня сложилось убеждение, что можно полностью положиться на слова императора и что никто никогда не побудит его сказать не то, что он думает».

В $7^1/_2$ часа еду с Бретейлем в Гатчину на спектакль. В вагоне с нами сидят Черчилли. В 9 час. театральная зала наполняется приглашенными. В первом ряду сидят императрица с вел. княгинями; за ними рядом пять дам, а затем мужчины. Это разделение полов напоминает допетровскую Русь и ничуть не содействует оживлению праздника. На сцене представляют сначала ничтожную французскую комедию Октава Фейе, потом поют квартет из «Риголетто» и дуэт из «Гугенотов», потом Савина очень мило играет двухактную русскую комедию, а в заключение тянется нескончаемый глупый, пошлый французский фарс. В 1 час идут ужинать в большую белую залу с превосходными старинными бронзами. По обыкновению гости размещаются за небольшими десятиприборными столами. За столом императрицы сидят вел. кн. Мария Павловна, Екатерина Михайловна, Елизавета Федоровна и старшие наличные чины гр. Гейден, Тимашев и Абаза, а также Черчилль, что, может быть, уже слишком для него почетно. Я ужинаю между Балашевой и Извольской. Возвращаюсь домой в 4 часа.

21 [декабря]. Понедельник. Встаю пораньше, чтобы окончить свое довольно обширное мемориальное извлечение и в 11 час. по обыкновению еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Разговор, конечно, преимущественно касается вчерашнего вечера. В 12 час. завтрак и болтовня с вел. княгинею. В 1 час заседание Общего собрания. В деле о наказании лютеранских пасторов встают Рихтер и Пален, сильно противящиеся предложениям Толстого и Победоносцева. Дело возвращается в Гражданский департамент для нового рассмотрения к крайнему неудовольствию Победоносцева[75].

В 3 часа собираемся на станции Балтийской железной дороги. Вел. кн. Владимир Александрович, Михаил Николаевич, Николай Николаевич младший, Евгений Лейхтенбергский, Рихтер, Черевин, Граббе, Б. Голицын (обер-егермейстер), Барятинский (егермейстер), Васмунт, Бретейль и я. Доехав в экстренном императорском поезде до Ораниенбаума, пересаживаемся в тройки и доезжаем до Лоцманского селения, где обедаем и ночуем.

22 [декабря]. Вторник. В 10 час. выезд в маленьких мужицких санях, один круг лосей, совершенно неудачный, очень роскошный завтрак в Шишкине, еще круг на медведя, в которого стреляет, но не попадает вел. кн. Владимир Александрович, снова огромный обед, вист и сон.

23 [декабря]. Среда. День теплее, но охоту нельзя назвать удачною. На меня выходят шесть лосей, по которым я не стреляю, потому что на них нет более рогов. Возвращаемся в Петербург в 9 час. Застаю у нас дома дочь мою Анну, приехавшую из Пензы, где муж ее окончательно отказался от предводительства.

24 [декабря]. Четверг. Приехавший из Берлина Петр Шувалов, ездивший туда, чтобы навестить брата посла, заходит рассказать подробности своего там пребывания. Бисмарка-отца не было в Берлине, но Бисмарк-сын по поручению отца имел продолжительные с Шуваловым разговоры, заявляя ему миролюбие германского правительства и горько сетуя на нашу прессу и на наши заигрывания с Францией. Сам император говорил в том же тоне и от старости не раз путался в болтовне, например утверждая, что он говорил лично нашему государю, что в ноте «Инвалида» содержатся неправильные против прусского правительства обвинения, как, например, обвинения в укреплении Грауденца, которые приказано срыть*; а между тем свидание императоров было в ноябре, нота же «Инвалида» в декабре месяце[76].

25 [декабря]. Пятница. В 7 час. утра родилась у дочери моей Бобринской четвертая дочь, названная София.

В 3 часа елка для детей и внучат. По давнишнему обыкновению присутствует Влангали.

26 [декабря]. Суббота. Получив первый экземпляр изданного нашим Рисовальным училищем альбома кн. Г.Г. Гагарина, посылаю эту книгу в Гатчину императору при следующей записке:

«Прошу у Вашего императорского величества позволения представить первое художественное издание штиглицкого рисовального училища. Кн. Г.Г. Гагарин постоянно собирал образцы византийского орнамента, могущие служить основанием для русского церковного архитектурного украшения. С этой точки зрения, настоящий альбом будет не только интересен, но и действительно полезен. Типографское выполнение имевшейся в виду задачи доказывает, что и у нас могут быть делаемы порядочные иллюстрированные издания и притом гораздо дешевле, чем за границею.

Прошу извинения за мою докучливость, которой Вы сами изволили подать повод, выразив сочувствие последним Вашим подарком».

В таком же смысле пишу письмо с приложением книги императрице.

Вечером получаю от государя такую телеграмму: «Императрица и я искренно благодарим Вас за присланную книгу, издание действительно художественно и исполнено отлично».

Сижу целый день за изготовлением рескриптов и грамот. Писать их составляет ужасную трудность. Прежде всего надо стать на точку зрения государя, потом не хочется говорить пошлостей, не хочется

* *Так в подлиннике.*

хвалить то, что не заслуживает похвалы, а при этом еще необходимо разнообразие и желательно изящество форм.

27 [декабря]. Воскресенье. Обычный завтрак у Гагариных. Показываю Бретейлю выставку произведений учеников нашего Рисовального училища; оттуда заезжаем к Воронцову, взглянуть на чучелы двух громадных медведей, убитых им в тамбовском имении. Пишу свое мемориальное извлечение.

28 [декабря]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя. Читаю ему сочиненные мною выражения высочайшего удовольствия. Стараюсь уговорить вел. князя возвратиться к вопросу об Андреевской ленте Абазе, разъясняя ему, что с его стороны был промах выпрашивать Андреевскую ленту Тимашеву, потому что государь не мог дать двух Андреевских лент на Совет и, следовательно, получил ее в Совете человек, ничего не делающий, тогда как действительно работающий остается в стороне.

За завтраком обычный разговор сплетен с вел. княгинею; на этот раз темой служит корь, коею заразилась гр. Богарне от вел. кн. Алексея Александровича.

В 1 час заседание Общего собрания. По поводу бюджета, сведенного не только без дефицита, но с превзойдением доходов над расходами, говорят речи: Вышнеградский, доказывающий, что в экономическом положении есть поворот к лучшему и что финансовая будущность наша всецело зависит от торжества мирной политики; Бунге, предостерегающий от оптимистических увлечений; Сольский, по примеру прежних лет утверждающий, что все идет превосходно; Грот, делающий нападки на ход финансовой политики правительства за последние годы, в особенности за частое повышение пошлин и недоведение до конца уничтожения подушной подати тем, что не изменена доселе паспортная система. Абаза, почитающий себя главным виновником всего, что за последнее время делалось в сфере финансового законодательства, оживленно возражает Гроту. По его убеждению, таможенные изменения составляют результат искусственных мер соседних с нами держав, направленных к подрыву русской промышленности. Наша таможенная политика, естественно, должна возбуждать иностранцев, будучи направлена против них. Что касается довершения отмены подушной подати, то Абаза не понимает, в чем довершение это должно заключаться, потому что реформа паспортной системы, ослабление или уничтожение круговой поруки суть мероприятия отдельные от уничтожения подушной подати. Все финансовое законодательство последнего времени Абаза считает блестящей страницей царствования Александра III и продолжением блестящей страницы царствования императора Александра II — освобождения крестьян.

Посылаю государю свою обычную еженедельную меморию, пишу письмо, в котором излагаю сущность произнесенных в Совете речей. Одновременно посылаю изготовленные мною рескрипты и грамоты; при этом равным образом пишу письмо, в коем прошу государя внимательно прочитать эти акты, касающиеся ближайших исполнителей его видов и потому имеющих быть встреченными усиленною критикою.

29 [декабря]. Вторник. Показываю выставку своего училища вел. князьям Владимиру и Михаилу. Владимир — тонкий ценитель искусства, но под влиянием своих академических подчиненных сдержан в выражении своего одобрения; Михаил ничего не понимает, но хвалит все, сколько может. Получаю обратно подписанными все накануне отправленные мною бумаги без малейшего изменения.

30 [декабря]. Среда. Заехавший ко мне с визитом Оржевский рассказывает подробности своего назначения и отставки. При назначении его гр. Толстой хотел, чтобы он был назначен главноуправляющим государственной полицией, т. е. чем-то вроде прежнего шефа жандармов, но с тем, чтобы общая полиция оставалась в заведывании министра внутренних дел. Оржевский настоял на том, чтобы вся полиция оставалась в одних руках, хотя бы с подчинением лицу, подвластному министру внутренних дел. С самого вступления его в управление оберполицмейстер, а впоследствии градоначальник Грессер силился занять самостоятельное независимое положение, и эта борьба, покровительствуемая тем, что Грессер постоянно видел государя и являлся во дворце, окончилась тем, что Оржевский должен был уйти тотчас по одержании значительного успеха — арестования 1 марта лиц, принесших на Невский проспект бомбы, чтобы бросить их в государя. Поведение при этом гр. Толстого было самое презренное, он совершенно равнодушно относился ко всему этому и заботился лишь о том, как бы сохранить портфель, квартиру и огромное содержание.

В шестом часу приезжает ко мне прямо из Гатчины вел. кн. Михаил Николаевич. Он восхищен приемом государя, а в особенности тем, что государь, внимательно просмотрев список членов Совета, признал справедливым дать Андреевскую ленту Абазе, за что вел. князь и принес искреннюю свою благодарность императору. Одновременно вел. князь рассказывает, что государь сильно возбужден за наложение Комитетом министров опеки по делу Дервиза, говоря, что он был по этому делу обманут[77].

Получив приказание написать рескрипт Абазе, немедленно принимаюсь за дело и помещаю в нем лишь оценку государственной деятельности Абазы в качестве председателя Департамента экономии

без единого слова личного расположения или симпатии от самого государя.

31 [декабря]. Четверг. Посылаю рескрипт вел. князю, который с своим фельдъегерем отправляет в Гатчину.

Навещаю обеих своих дочерей. В 4 часа возвращаюсь домой; приходит ген. Галл, бывший адъютант вел. кн. Николая Николаевича старшего, впоследствии опекун его старшего сына, доселе заведующий имущественными делами этого князя. Галл очень встревожен слухом, будто бы государь разрешил Николаю Николаевичу младшему жениться на некой Бурениной, дочери гостинодворского лавочника, состоящей поныне в замужестве за каким-то другим лавочником, имеющей от него двух дочерей, но никогда не имевшей детей от вел. князя.

Тотчас по уходе Галла фельдъегерь приносит мне возвращенный из Гатчины рескрипт мой с такою надписью государя: «Меня это не удовлетворяет, много лишнего. Вообще я нахожу, что рано ему давать св. Андрея и лучше подождать». Одновременно фельдъегерь передает мне приказание вел. князя немедленно приехать к нему, прибавляя, как это бывает в экстренных случаях, чтобы я не надевал вицмундира, а ехал в том платье, в каком меня застанет приглашение. Отправляюсь к вел. князю и застаю его чрезвычайно встревоженным. Сетует на государя за то, что он не сдержал слова и поставил его в ложное положение, но еще более его возмущает распространившийся в городе слух, будто государь разрешил вел. кн. Николаю Николаевичу младшему жениться на его любовнице, какой-то Бурениной. Женщина эта дочь какого-то гостинодворского лавочника, состоящая до сих пор замужем за каким-то царскосельским купцом, от которого имеет двух взрослых дочерей, достигла уже сорокалетнего возраста. «Я не знаю, — говорит вел. князь, — почему же тогда не разрешить моим братьям Константину и Николаю точно так же жениться на своих любовницах. Я вижу, что у царствующего императора есть желание по возможности всех членов своего семейства, кроме братьев и сыновей своих, отодвинуть в толпу; что я стану делать с шестью своими сыновьями — всякая кокотка, имея пред глазами примеры, будет иметь основательную надежду выйти за одного из них замуж».

1888 год

1 января. Обычный выход в Зимнем дворце. Ликование украшенных наградами и печаль тех, коих надежды не сбылись. Императорское семейство в полном сборе, кроме Николаев Николаевичей — отца и сына. На хорах разрешено государем Черчиллю с женою и Бретейлю посмотреть на шествие. Во время обедни успеваю объехать великокняжеские передние и записаться в хранящихся там книгах. В залах дворца по обыкновению идут всякие разговоры, обделываются дела в самых различных сферах. Победоносцев, Островский выражают мне благодарность за лестный тон их рескриптов, Игнатьев подшучивает над тем, что Толстого благодарят за то, что он занимается текущими делами, когда для ведения таких дел у него есть три товарища.

Черчилли и Бретейль остаются в восхищении от виденной ими церемонии. Бретейль передает мне, что Черчилль получил письмо из Лондона, уведомляющее его, что Солсбери решился подписать соглашение о вступлении Англии в союз Германии, Австрии и Италии[1]. Черчилль негодует на возможность подобного факта и намерен поспешить возвращением в Англию для противодействия Солсбери. Впрочем, после получения этого письма возвратился из Англии здешний посол Морьер, рассказавший, что порывы Солсбери были сдержаны всеми людьми его партии, с коими он совещался в особенности по такому соображению, что Англия никогда не подписывала с континентальными державами договоров на случай могущих возникнуть событий, а исключительно ввиду реальных фактов.

2 [января]. Суббота. Еду в $10^1/_2$ час. к вел. кн. Владимиру Александровичу. Рассказываю ему подробности приключения с рескриптом Абазы и печаль по этому случаю вел. кн. Михаила Николаевича, упоминаю о намерении жениться вел. кн. Николая Николаевича и заявляю Владимиру Александровичу, что его обвиняют в покровительстве видам его двоюродного брата. Владимир Александрович не только не отнекивается, но, напротив, утверждает, что он выхлопотал это разре-

шение у государя и сделал это, потому что Николай Николаевич уже десять лет живет с этою женщиною, никакого расположения к разгульной жизни не имеет, а, напротив, стремится к одному лишь — иметь свой домашний очаг, которого он лишен теперь. В случае его женитьбы он не претендует вводить свою жену в императорское семейство. *Я:* «Все, что Ваше высочество говорите, совершенно человечно, но немонархично и неполитично, подобный брак вредил бы престижу Вашего семейства». *Вел. князь:* «Отчего же это делалось и делается в Пруссии и не вредит царствующему там дому?» *Я:* «Вы не можете сравнивать конституционной Пруссии с Россией. Под Вами стоят сто миллионов дикарей, которые должны быть убеждены, что Вы сделаны из другого, чем они, теста; если они утратят это убеждение (а браки с гостинодворскими женщинами не укрепят этого убеждения), то они потеряют всякое к Вам уважение».

Мои доводы, по-видимому, не очень убедили вел. князя, хотя он никаких аргументов мне противопоставить не мог.

В $1^1/_2$ [часа] Бретейль уезжает обратно во Францию, чрезвычайно довольный оказанным ему в Петербурге приемом.

3 [января]. Воскресенье. Прогулка с младшим моим сыном. Поневоле приходится предостерегать его против сплетен, коими изобилует дом вел. кн. Михаила Николаевича, не исключая детской. Сижу целый день за мемориальным извлечением. Обед у стариков Бобринских с Павлом Шуваловым, только что приехавшим из Берлина. Графиня делает нелестное описание берлинского общества, которое строго разделяется на превосходительное и непревосходительное. Эти две категории лиц подвергаются совершенно различному обращению, и придворная и общественная жизнь лишена во всех отношениях какого бы то ни было изящества и утонченности.

4 [января]. Понедельник. Приходится сидеть целый день за скучным, но длинным мемориальным извлечением. Чтобы отдохнуть, вечером прочитываю в «Вестнике Европы» прелестную статью Гончарова[2].

5 [января]. Вторник. Завтрак с обоими Черчиллями, Шуваловым и Влангали. Шувалов по обыкновению весел и словоохотлив. Черчилль исполнен симпатии ко всему виденному в России и сожалеет о необходимости уезжать прежде начала великосветских сборищ.

Оболенский приходит от Толстого и удивляет рассказом о любезном оказанном ему приеме. Вероятно, Толстому сделано было внушение за нелюдимость.

Я забыл записать, что на днях я написал письмо Толстому, в коем указал ему на множество документов первостепенной важности, давно напечатанных и относящихся к Верельскому миру и шведской войне 1789 г., о чем гр. Толстой напечатал на днях статью в «Русском архиве» на основании какой-то легонькой немецкой книги и двух-трех бумаг, переданных ему гр. Игельстромом[3].

6 [января]. Среда. Обычный крещенский выход в Зимнем дворце. В $9^1/_2$ часа вечера уезжаю охотиться на волков в Городище за 60 верст от Луги, со мною Шувалов, Голицын и Васмунт, командир первого стрелкового батальона, который рассказывает интересные подробности о балканском переходе.

7 [января]. Четверг. Убиваем трех волков. После обеда Шувалов сообщает интересные подробности о прошедшем и в особенности о том, как он производил следствие о краже, произведенной вел. кн. Николаем Константиновичем[4].

8 [января]. Пятница. Метель делает охоту невозможной. Возвращаемся в Лугу к $2^1/_2$ часа ночи.

9 [января]. Суббота. В 8 час. приезжаем в Петербург. Завтрак с Винспиером. В 2 часа заседание комиссии об устройстве государственного архива. Получаю представление гр. Толстого об изменении в земских учреждениях[5].

10 [января]. Воскресенье. Шувалов уговаривает ехать с ним на Пороховые, где мы тщетно гоняемся за рысью. Невероятное нахальство испанского посланника Кампо-Саградо, который, не думая о возврате должных им 16 тыс., является просить еще 25 тыс. на уплату карточных долгов.

11 [января]. Понедельник. По обыкновению, в 11 час. у вел. князя. Уговариваю его не касаться более Андреевской ленты Абазы, а при первом разговоре с государем вызвать его на объяснение о том, какие его виды относительно браков вел. князей, доказывая необходимость установить определенный взгляд на это дело. Внушение мое является последствием разговора о несостоявшейся свадьбе вел. кн. Николая Николаевича младшего[6]. Оказывается, что дело было так: на основании заявления вел. князя о том, что его отец разрешил ему эту женитьбу, государь дал с своей стороны позволение; между тем раздосадованный Николай Николаевич старший сказался больным. Посетивший его Михаил Николаевич узнал от брата, что тот никогда своего согласия не давал, и сообщил это Воронцову. В субботу 2 января у вел. кн. Алексея Александровича был обед для всех своих братьев. С обеда государь поехал в Аничков дворец, а императрица в Михайловский театр, откуда вернулась домой в сопровождении вел. кн. Сергея Александровича. Дорогою вел. кн. Сергей Александрович рассказал императрице всю историю женитьбы Николая Николаевича. Императрица была тем более возбуждена этим повество-

ванием, что ей никто еще ни слова об этом не говорил. Вернувшись в Аничков дворец, она имела горячее объяснение с мужем, в коем, между прочим, высказала, что подобное дело затрагивает и ее, так как у нее тоже есть сыновья. Под впечатлением этого объяснения государь немедленно написал письмо своему дяде, в коем три раза говорил, что просит у него извинения. Николай Николаевич был очень обрадован таким письмом; на другое утро в воскресенье в десять часов надел мундир (sic) и поехал в Аничков, но государь одевался в это время и приказал ему явиться в 1 час. Тут последовало дружеское объяснение, вполне удовлетворившее Николая Николаевича.

К завтраку приезжает Павел Шувалов с обычною своею внешнею простотою и чрезвычайною в действительности хитростью. Разговор идет об умирающей кн. Кочубей, для свиданья с коей будто бы приехал Шувалов. На самом деле он приехал для того, чтобы упрочить за собою наследство после Гирса и уничтожить возможность конкуренции в этом отношении со стороны Лобанова. Приглашаю Павла Шувалова ехать вместе на охоту в Нарву, но он отказывается, потому что государь предварил его, что позовет на днях к себе для пространного политического разговора. После завтрака разговариваю с вел. княгинею, которая высказывает убеждение, что лучшею преемницей кн. Кочубей была бы Е.А. Нарышкина, нынешняя гофмейстерина вел. княгини.

Приехав в Совет, застаю там вел. кн. Алексея Александровича, явившегося в первый раз по выздоровлении от кори. По поводу истории Николая Николаевича начинаем говорить о необходимости допустить морганатические браки[7]. Алексей и вошедший в это время Владимир находят это необходимым, но Владимир не разделяет моего мнения о том, что на этот случай необходимо установить известные правила. Он думает, что на каждый отдельный случай должно последовать отдельное распоряжение верховной власти. Я, напротив, доказываю, что подобный образ действий повлечет за собою нескончаемые посягательства, пререкания, ссоры, смуты, пагубно отражающиеся не только на семейном согласии, но и на престиже династии.

После кратковременного заседания иду гулять пешком с вел. кн. Владимиром Александровичем. Он возвращается к вопросу о женитьбе Николая Николаевича и говорит, что здесь все дело было в согласии Николая Николаевича отца. Вел. князь сын утверждает, что согласие отца было высказано в таких памятных для сына выражениях: «Если бы твоя мать не была в живых, то я сам сделал бы то же самое».

Владимир Александрович уверен, что слова эти были сказаны и что, отрекаясь от них, Николай Николаевич отец говорит неправду. В продолжение прогулки Владимир Александрович еще раз выслушивает от

меня неприятные вещи относительно презренного Бенкендорфа; сердится на то, что я утверждаю, будто бы Скалон оставил свои гофмейстерские обязанности исключительно из-за Бенкендорфа.

Вечером у дочери Бобринской. Посылаю государю меморию с припиской о необходимости подогнать Толстого в деле о земских начальниках[8].

12 [января]. Вторник. Обычный, еженедельный, продолжительный разговор с Краузольдом о фабриках и, в частности, о вновь строящейся нитяной фабрике. Визиты, между прочим, Манасеину, которого застаю весьма изнуренным последней болезнью, а еще более — глупым образом жизни. В 9 час. уезжаем в Нарву: Шувалов, Голицын, Балашев и я.

13 [января]. Среда. Удачная охота. Шувалов убивает медведя и двух рысей, я одного рыся. Обед в нарвском доме, после обеда песенники и доклад Пельцера о ходе суконной фабрики.

14 [января]. Четверг. Захожу в Совет, чтобы переговорить с бар. Николаи, который отказывается от рассмотрения в Департаменте законов двух дел: а) о товарных складах и варрантах[9], б) о введении судебных учреждений в Прибалтийском крае[10] на том основании, будто первое есть дело финансовое, а второе — должно быть рассмотрено Гражданским департаментом, коего председатель Стояновский — юрист. Не застав Николаи в Совете, еду к нему на квартиру и с трудом убеждаю, что дела распределяются не по личным свойствам председателей, а по предметам ведомства департаментов. В 9 час. двухтысячный бал в Зимнем дворце. Ужинаю возле гр. Толстой (рожденной Щербатовой), которая весьма умна и приятно разговаривает. По счастию, это утомительное развлечение оканчивается ровно в час.

15 [января]. Пятница. Провожу день за чтением проектов Толстого о земских начальниках и об изменениях в земских учреждениях. Невероятное легкомыслие и самодурство. Обедаю у вел. кн. Михаила Николаевича и, опоздав так, что застаю их высочества сидящими за столом, не нахожу иного извинения, как что у меня упала дорогою лошадь, чему, разумеется, никто не верит. После обеда заезжаю к гр. Левашевой, где нахожу, между прочим, Дмитрия Мирского, вызванного для участия в собирающемся у вел. кн. Николая Николаевича совете об управлении армиею и хозяйством ее во время войны[11].

16 [января]. Суббота. Мирский завтракает у нас и, по обыкновению, поражает меня светлостью и широтою взглядов. Продолжение чтения толстовских измышлений. Вечером обычный, субботний вист.

17 [января]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Влангали. Навещаю хворающего Павла Шувалова. На последнем придворном бале

государь подошел к графине и спросил ее, когда она с мужем собирается ехать в Берлин. На ответ: «В понедельник» государь спросил: «Зачем так скоро?» Гр. Шувалова отвечала: «Чтобы принимать». Государь расхохотался и возразил: «В настоящее время там нет никаких спешных дел, если Вы хотите видеть своих детей, это другое дело». Вслед за тем увидав Шувалова, государь повторил ему разрешение остаться еще на неделю в Петербурге. Распоряжение это привело в отчаяние Гирса, который стал подозревать, что час его отставки настал, и на следующий день прислал к Шувалову своего товарища с настойчивою просьбою поскорее уезжать в Берлин.

Шувалов, говоря о своей деятельности в Берлине, горько жалуется на прессу, препятствующую успешному ведению дел, рассказывает, что на одной из его депеш о сем государь написал: «Что за наказание эта пресса».

В 5 час. заходит ко мне Островский с совещания у Толстого. По его рассказу, совещание происходило так: Победоносцев, Манасеин, Вышнеградский и он, Островский, настаивали лишь на двух пунктах, составляющих основание опровержений Манасеина, а именно излишняя обширность компетенции проектируемых вновь должностных лиц и подчинение их не Сенату, а министру внутренних дел. Гр. Толстой выразил готовность сделать уступки и по той и по другой статье и начал, держа какой-то лист бумаги в руках, перечислять те предметы занятий, от коих он отказывается для земских начальников. При этом произошла комическая сцена, потому что присутствующие потребовали прочтения всего, что на листе было написано, но этому воспротивился Пазухин, говоря, что это лишь беглые и неокончательно сделанные им наброски. В конце концов совещание не пришло ни к какому заключению и оппонирующие гр. Толстому лица решили еще раз собраться без Толстого, чтобы окончательно прийти к заключениям, формулировать их и затем предъявить Толстому свои требования[12].

Не есть ли все это выражение бессвязности, умственного бессилия, политической бездарности?

Вечером бенефис танцовщицы Цукки, которой подносится множество подарков. Две царские ложи набиты битком, в нижней — император с братьями и сыновьями, а также императрица, Мария Павловна и Елизавета Федоровна. Остальные члены фамилии наверху.

18 [января]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Замечаю, что в доме кутерьма. Михаил Михайлович решительно задумал жениться на второй дочери гр. Игнатьева, что, разумеется, далеко не радует вел. князя и вел. княгиню. Кроме неравенства, в этом браке пугает сближение с семейством, состоящим из завзятых интриганов. Сам

Михаил Михайлович, сидя возле меня во время завтрака, молчит и вследствие того высказывает менее глупостей. После кратковременного заседания в Совете иду гулять пешком с вел. кн. Владимиром, заходим посмотреть на кавказские древности, продающиеся у приехавшего с Кавказа фотографа, потом осматриваем вновь устроенный в Эрмитаже музей, составленный главным образом из коллекции Базилевского и вещей, взятых в Царскосельском арсенале. Вещи расставлены ненаучно, но приятно для глаза. Уходя из Совета, оставляем вел. кн. Михаила Николаевича в беседе с А.В. Адлербергом, что еще более подтверждает мои подозрения относительно Михаила Михайловича.

Кончаю день у английского посла. Разговариваю с гр. Левашевою и Е.А. Нарышкиною. Проходя мимо бальной залы, вижу, что вел. кн. Николай Михайлович танцует с старшею дочерью Игнатьевых.

19 [января]. Вторник. Исполняю тягостную обязанность отдавать визиты, что в особенности невесело при 20° мороза. Застаю дома Каханова, который, разумеется, горько критикует проекты Толстого о земских начальниках и земских учреждениях. Заехавший ко мне Шувалов передает, что вел. кн. Михаил Николаевич поехал к государю говорить о матримониальных замыслах сына и что от государя последовал категорический по сему предмету отказ.

20 [января]. Среда. Продолжаю визиты, но на этот раз никого не застаю дома, кроме Кочубея, который очень занят своею осветительною выставкою. Вечером у Левашевых, где надо быть осторожным в разговоре потому, что часто появляются лица малознакомые. Сегодня утром скончался кн. Петр Дмитриевич Гагарин, женатый на гр. Стенбок. Он был недурной, но довольно пустой человек, любивший рассуждать и говоривший много вздора, в особенности на тему народной политики.

21 [января]. Четверг. Отказываюсь от охоты с вел. кн. Владимиром Александровичем на Пороховых и иду в департаментское заседание Совета, где слушается проект о промышленных училищах[13]. Делянов без затруднений соглашается на отделение этого вопроса от общего вопроса о реальном образовании, о чем прошлою весною под давлением Каткова не хотел слышать. Уговариваюсь с Бунге, что если мне не удастся провести в государственные секретари Шидловского и если против всех моих усилий в преемники мне будет назначен Куломзин, то Бунге возьмет Шидловского в управляющие делами Комитета министров.

Вечером панихида по Гагарине в их доме, что на Михайловской площади, рядом с театром.

22 [января]. Пятница. Является глупый француз baron de l'Espée, который ничего ни в чем не понимает. Вечером просматриваю вновь

появившиеся исторические книги, ничего интересного, впрочем, не представляющие, между прочим, письма Марии-Луизы[14]. Можно ли быть до того ничтожным!

23 [января]. Суббота. Похороны Гагарина. Получаю от Винспиера уведомление о том, что ночью внезапно умер гр. Николай Левашев. Оказывается, что накануне вечером он играл в винт у вел. кн. Михаила Николаевича, почувствовал себя нездоровым, в сопровождении домашнего доктора вел. князя вернулся домой и в четвертом часу скончался. Левашев был типом великосветского человека своей эпохи, всегда любезный, вежливый, обходительный, он всегда и всюду был охотно приглашаем, не принося с собою ничего выходящего из ряду, но и ничего нарушающего приятное и веселое в обществе настроение. Он имел много приятелей в самых различных и даже противоположных слоях петербургского населения, хлопотал о городском хозяйстве, занимался фотографией, усердно посещал клуб и театр, внутренне сетуя, что не попал на высшие государственные должности, к чему, впрочем, он был совсем непригоден. Будучи орловским и петербургским губернатором, а впоследствии товарищем шефа жандармов Шувалова, он прославился кой-какими произвольными выходками, кои упрочили за ним репутацию неделового и врага законности. Он оставляет значительное состояние, которое несколько порасстроил причудливыми распоряжениями. Его единственный наследник — брат его Владимир.

В 1 час заседание департаментов. Обсуждается представление Дрентельна о выделе поземельных наделов вольным людям[15]. Абаза говорит, что, преклоняясь перед 19 февраля 1861 г., он находит, что пора перестать постоянные экспроприации (так в подлиннике. — *Ред.*) на эту тему и что следует надеяться, что это — последняя.

Встречаю вел. кн. Михаила Николаевича, который очень поражен смертью Левашева. Я забыл записать, что в четверг после советского заседания вел. князь передавал мне содержание своего разговора с государем относительно намерения Михаила Михайловича жениться на гр. Игнатьевой, что государь, отказав наотрез в разрешении на подобный брак, назвал Михаила Михайловича дураком, сколько я могу догадаться, потому что он, не спросив родителей, обещал гр. Игнатьевой на ней жениться. Михаила Михайловича посылают за границу.

В $8^1/_2$ час. панихида у Левашевых. Приехав несколько ранее и ожидая в гостиной у графини, разговариваю с Марией Васильевной Дурново, которая рассказывает, что императрица, навещая кн. Е.П. Кочубей, между прочим сказала ей, что государь намеревается постановить, что вел. князь, женившийся на частном лице, лишается своих великокняжеских прав.

24 [января]. Воскресенье. Обычный завтрак у Гагариных с Вангали. В 2 часа крестины четвертой дочери Софии у Бобринских. Присутствует самый ограниченный кружок родственников. Дарю Бобринскому фарфоровую с портретом Екатерины II булавку, подаренную ею Завадовскому и полученную мною от покойной гр. Е.М. Завадовской. Покуда пишу мемориальное извлечение, заходит Манасеин, рассказывает, что имел с государем объяснение все по опеке Дервиза, напомнил ему о многих опеках, наложенных таким же порядком по его же воле. Оказывается, что государя в особенности возбуждает все тот же гр. Шереметев (В.А. Шереметев не был графом. — *Примеч. ред.*), который заключил с неким таким же известным мошенником нотариусом Маляхинским условие о разработке серебряных руд в Семипалатинске; условие было весьма разорительно и угрожало несостоятельностью Шереметеву, который сумел уговорить Дервиза (влекуемого ныне) заменить его, Шереметева, в договоре с Маляхинским. Со времени такой замены Дервиз потерял в этом деле более 200 тыс. и, вероятно, потеряет еще очень много, но одновременно приобрел в Шереметеве союзника, с коим дружба покоится на металлических связях.

Прочитав превосходную статью Тэна о переходе Франции от республики к империи[16], еду на бал в концертном зале, где играю в вист с своими обычными партнерами и ужинаю между Е.А. Нарышкиной и Голицыной, рожденной Борх. Разговор с Воронцовым о морганатических браках.

25 [января]. Понедельник. В $9^1/_2$ часа у Левашевых. Вынос тела в присутствии государя, вел. князей Владимира Александровича, Алексея Александровича, Михаила Николаевича. Военные почести: Конногвардейский полк, один батальон пехоты и одна батарея артиллерии. Иду пешком до Александро-Невской лавры, откуда уезжаю в Мариинский дворец на заседание, впрочем весьма незначительное, Общего собрания. Еще забавные подробности истории Михаила Михайловича.

1) Уезжая весною в Англию для того, чтобы жениться на дочери принца Валлийского, он просил императрицу не давать шифра Игнатьевой, потому что намеревался взять ее во фрейлины к будущей своей супруге, а вернувшись, вздумал жениться на этой же Игнатьевой.

2) Вел. кн. Михаил Николаевич, вернувшись от государя, категорически отказавшего в согласии на брак Михаила Михайловича, послал за отцом Игнатьевым и сказал ему: «Извини, пожалуйста, глупость моего сына, этот дурак вздумал жениться на твоей дочери!..» Посылаю государю свою обычную меморию с такой припиской: «Считаю долгом донести, Ваше величество, что на этой неделе в соединенных Департаментах рассмотрено дело о промышленных училищах и при-

том без разногласия, так как министр народного просвещения отступил от тех видов, *коих упорно держался прошлою весною*».

Я мог бы прибавить — вследствие смерти Каткова.

26 [января]. Вторник. Простудившись, сижу целый день дома за чтением сочинений гр. Толстого, к сожалению, не Льва, а Дмитрия[17].

В $6^1/_2$ час. обед у вел. кн. Екатерины Михайловны. Неизменный характер тяжелой скуки, коим эти обеды отличаются, на этот раз несколько облегчается присутствием Мирского и Абазы, но при всем их уме и остроумии дух хозяйки тяготеет над собранием. Я стараюсь по возможности оживить беседу шутками, но тщетно; точно так же тщетно пробую получить доступ к хранящейся у вел. княгини переписке отца ее, вел. кн. Михаила Павловича, с императором Николаем Павловичем.

27 [января]. Среда. Разговор с Ауербахом о том, что Богословск за прошлый год дал 5%, чего еще не было.

Разговор с Месмахером о новом большом зале и убранстве его стен. Осматриваю рисунки, исполняемые учениками с вещей, присланных государем для издания иллюстрированного каталога дворцовой движимости. Навещаю внучат Оболенских. Вечером заезжает Шувалов, который осуждает речь Бисмарка и дивится тому, что публика ею восхищается. Интересный рассказ о том, как в 1879 г., возвращаясь из Англии, он заезжал к Бисмарку в Варцин и читал там подлинный текст договора, между Германией и Австрией заключенного[18], когда же, вернувшись в Петербург, он передал это государю, то Александр Николаевич не поверил существованию виденного Шуваловым акта и даже не счел нужным говорить о том с Гирсом.

28 [января]. Четверг. В соединенных Департаментах дело общества поземельного кредита[19]. Бал в Аничковом дворце, на который мы, впрочем, не приглашены.

29 [января]. Пятница. Целый день за чтением вновь внесенных в Совет представлений, вечером в Александрийском театре замечательное по совершенству представление комедии Крылова «Разлад». В императорской ложе сидят император, императрица, Шереметевы — муж и жена. Видно, при всяком дворе большом или малом должен непременно быть присяжный подлец.

30 [января]. Суббота. Завтрак с замечательным по уму Мирским, который сообщает, что в последнем заседании их высшего военного совещания[20] вел. кн. Владимир Александрович говорил очень дельно.

Обедают Влангали и Николай Саввич Абаза.

31 [января]. Воскресенье. Узнаю о смерти бар. Фелейзена. Это был человек чрезвычайно ограниченный и во всех отношениях посредственный. Его отец был ничтожным приказчиком в конторе у старика Штиглица и по ходатайству Штиглица-сына достиг более высокого положения, а впоследствии сделался управляющим его делами. Благодаря щедрости бар. А.Л. [Штиглица] он приобрел значительное состояние, но за несколько лет до смерти перессорился с своим благодетелем, открыл самостоятельный банкирский дом, который и был продолжаем его сыном. Вскоре после открытия наследства была произведена значительная покража у Фелейзена (1600 тыс. руб.), расхищены были фонды, находившиеся у него на хранении, что значительно уменьшило его основной капитал; впоследствии дела его были весьма не блестящи, так что, вероятно, он оставляет весьма посредственное состояние.

Завтрак у Гагариных с Паленом, который нападает на лесной законопроект[21].

Встречаю на прогулке вел. кн. Владимира Александровича, который передает свои впечатления по поводу речи Бисмарка. В его словах отзывается, несмотря на весь его ум, господствующее в нашем правительстве раздражение на то, что другие правительства нас не любят, к нам не расположены. Да за что, спрашиваю я, им любить нас и есть ли международная политика дело чувств и личных симпатий?

Захожу к Воронцову-Дашкову, который лежит в подагре недвижим. Толкуем про великокняжеские морганатические браки. Воронцов справедливо говорит, во-первых, что подобные браки не должны иметь влияния на финансовое положение брачующегося и, во-вторых, что умножение такого рода браков уменьшит число лиц, имеющих права престолонаследия, и может подвергнуть русский престол опасности достаться по женским линиям каким-нибудь чужеземным принцам. Вечер по обыкновению у Абазы.

1 февраля. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Он чрезвычайно расстроен тем, что какой-то артиллерийский вопрос (сущность коего он умалчивает) предрешен по соглашению военного министра с государем, тогда как принятое решение идет вразрез с коренными взглядами артиллерийского ведомства и высших его представителей, начиная, разумеется, с самого генерал-фельдцейхмейстера[22].

Я тщетно силюсь доказать, что государь должен следовать общему плану своего военного министра и что вел. князь только напрасно будет воевать по артиллерийским вопросам, а что я не могу оставаться равнодушным к такой войне, потому что она будет иметь вредные для хода дел советских последствия. Разумеется, мои слова никакого впечатления не производят. Потом рассуждаем об ожидаемых Островскому возражениях в лесном деле. Советую вел. князю отделить вопрос о возвращении дела в департамент от рассмотрения дела в существе. Захожу к вел. княгине, покуда вел. князь надевает мундир, чтобы идти

завтракать к вел. кн. Владимиру Александровичу. Стараюсь уговорить вел. княгиню удержать вел. князя от вспышек по артиллерийскому вопросу. Она начинает говорить об игнатьевском деле, я пеняю за то, что она при всяком случае разговаривает об этом приключении, когда, напротив, следовало бы молчать, потому что я уверен, что женитьба эта все-таки состоится. В 12 час. приходим к вел. кн. Владимиру Александровичу, где застаем еще вел. кн. Николая Николаевича. На завтраке присутствуют дети. В 1 час в Государственном совете; доклад начинается с мелких дел, после коих докладывается лесной законопроект. Начинается с обсуждения записок Мансурова, предлагающих постановить лишь, что должны быть назначены лесоохранительные комитеты и что только после определения ими количества и качества лесов приступлено будет к изданию мер для их охранения. Предложение это отвергается. Тогда гр. Шувалов настаивает на стеснительности параграфа, воспрещающего опустошительные рубки, без разъяснения того, что надо разуметь под этим словом, и с предоставлением лесным чиновникам решать этот вопрос в каждом отдельном случае. Желая оградить от чиновничьего произвола лесовладельцев, ведущих правильное хозяйство, Шувалов предоставляет всякому лесовладельцу представить в лесоохранительный комитет план своего леса с заявлением, что он поведет правильное лесное хозяйство. Такое заявление должно освободить его от вмешательства лесничих, опеке коих останутся подвергнутыми все лица, хищнически пользующиеся лесами. Предложение это принимается Советом. Затем гр. Пален указывает на отсутствие процессуальных правил и в особенности на то, что решения лесоохранительных комитетов будут рассматриваться не Сенатом, а министром. 17 членов соглашаются с ним, а 32 — с проектом Островского[23].

Заседание кончается в 6 час. Выхожу из Мариинского дворца одновременно с вел. кн. Владимиром Александровичем, который говорит мне, что, разбирая на днях свою переписку, он нашел письмо, написанное ему мною 17 лет назад и доказывающее, что отношения наши с тех пор не изменились. *Я:* «Я думаю, что пора бы мне перестать». *Вел. князь:* «Нет, пожалуйста, продолжайте меня толкать под бока». Письмо так характерно и столько напоминает мне прошлого, что решаюсь переписать его здесь.

«10 апреля 1871 г. Ваше императорское высочество. Веками освящен обычай по поводу праздничных дней высказывать свои пожелания. Сегодняшнее вступление Ваше в один из лучших годов человеческой жизни дает право любящим Вас среди обычных поздравлений остановиться на мысли об осуществлении для Вас задушевных своих надежд.

Здоровье, красота, ум, именитость, могущество — вот чего люди привыкли желать, но чего мне сегодня желать невозможно, потому что всем этим Господь Бог щедро одарил Вас. Сказать ли, что такое скопление даров обезоруживает желание? Нет. Такая речь была бы лишь льстивым изворотом житейской пошлости, а не глаголом сердечного избытка. Нет, такое богатство не обессиливает внушений разумной преданности, напротив, оно обязывает к вящей искренности.

Все эти и не эти одни Богом данные Вам силы составляют только драгоценные средства к украшению жизни Вашей. Позволено желать, чтобы, не поддаваясь случайным влечениям обыденной суеты, а повинуясь одному сознанию долга, силы эти вполне достигли своего назначения. Позволено надеяться, что, укрепляясь в борьбе с житейскою тиною материальной мелочности, что, совершенствуясь чистительным действием труда, они оставят плодотворный след в жизни других людей. Но на пути этого желанного преуспеяния для Вашего высочества больше преград и трудностей, чем для иного человека. У Вас нет (и да хранит Вас от него провидение) одного из успешнейших наставников человеческих — нужды. Вы сами заметили, что незабвенные двигатели нашей родной земли, незабвенные предки Ваши — Петр и Екатерина Великие, годами тяжких испытаний в молодости закалили свою волю на позднейшую деятельность. Но разве одною ценою несчастий приобретается та нравственная твердость, которая ведет к истинно человеческим целям?

Да будет жизнь Ваша отрицательным ответом на этот вопрос, вот исходящее из глубины сердца пожелание того» и т. д. «10 апреля 1871 г.»

Посылаю государю обычную еженедельную меморию, присовокупляя описание заседания и прений о лесном законе. В $9^1/_2$ час. уезжаю на охоту в окрестности Порхова с Шуваловым, Голицыным, Сабуровым. Охота около имения Хилово, принадлежащего помещику Балавенскому.

4 февраля. Четверг. 7 час. 20 мин. возвращаюсь с охоты, надышавшись свежего воздуха и убив медведя и четырех волков. Вечер в Александрийском театре. Довольно посредственная пьеса «Сорванец», привлекающая публику. Савина. Театр полон.

5 [февраля]. Пятница. Город занят положением, в коем оказались дела Фелейзена. Не только не оказалось никакого состояния, но все лица, что-либо ему доверившие, потеряли все доверенное состояние, не исключая и вкладов, отданных на хранение. Почти все сколько-нибудь известные и имущие лица потеряли здесь деньги. Любопытно, до чего невежественны, легкомысленны эти люди. Фелейзен начал свою

банкирскую деятельность с того, что составил вместе с братом и сестрами капитал около миллиона, вслед за тем один из его приказчиков украл у него 1600 тыс., так что уже в это время он был в действительности несостоятельным; между тем около 15-ти лет он проживал тысяч семьдесят ежегодно, следуя примеру своего вора-приказчика и забирая нужные для жизни средства в ящиках, где хранились вверенные ему фонды[24].

Вечер у дочери Анны. Играют quatuor* Моцарта и другой Бетховена.

6 [февраля]. Суббота. Мирский приходит завтракать и, по обыкновению, самым разумным образом отзывается о том, что поражает в Петербурге его, приезжающего из провинции. В соединенных Департаментах вопрос об иностранцах, поселившихся в Юго-Западном крае, и мерах к их обрусению[25]. Вечером еженедельный у меня вист.

7 [февраля]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных, которые порядочно потеряли денег у Фелейзена. Целый день сижу за своим мемориальным извлечением.

8 [февраля]. Понедельник. В 11 час. по обыкновению у вел. князя. Читаем вместе подлежащие статьи учреждения Государственного совета как относительно возможности возвращения к обсуждению вопросов, рассматривавшихся в предыдущем заседании, так и относительно возвращения государственным секретарем представлений, внесенных без соглашения с подлежащими министрами, о чем я заготовил всеподданнейший доклад. Захожу на минуту к вел. кн. Ольге Федоровне, а затем отправляемся с вел. кн. Михаилом Николаевичем завтракать к вел. кн. Владимиру Александровичу. Оттуда в 1 час едем в Мариинский дворец, где продолжается обсуждение закона об охранении лесов. Мансуров продолжает нападать на каждый параграф. Абаза, у которого не всегда хватает нервов, заявляет, что это значит тормозить дело. Мансуров, обиженный, протестует против обвинения, что он имеет какие-либо личные виды. Гр. Пален присоединяется к протесту Мансурова, говоря, что в течение 20-летнего своего участия в делах Совета он не слыхал подобного обвинения. После заседания Шувалов мирит Абазу с Паленом. Вечер в английском посольстве. Играю в вист с гр. Воронцовой, вел. кн. Владимиром Александровичем, Балашевым и Долгоруким (А.С.).

9 [февраля]. Вторник. Поездка на Невскую бумагопрядильню, чтобы посмотреть на вновь возводимую постройку нитяной фабрики. В этот день Комитет министров рассматривает вновь дело об опеке над Дервизом, и, придравшись к тому, что старший брат отказывается от попечительства над младшим, Комитет отменяет первоначальное свое постановление о наложении высочайше утвержденной опеки на обоих[26].

10 [февраля]. Среда. Приезжает ко мне Галл просить взаймы денег для производства своих золотопромысловых дел, в чем я, проученный многократным опытом, категорически отказываю. Бал у вел. кн. Владимира Александровича, более многочисленный, чем когда-либо.

11 [февраля]. Четверг. Еду к Бунге, который просил меня зачислить в Государственную канцелярию некоего Шванебаха, бывшего вице-директором Кредитной канцелярии и взятого в гофмейстеры вел. кн. Екатериной Михайловной. Я отказываю категорически, так как со дня вступления преследую подобные факты совместительства. Любопытна квартира Бунге. Он поселился в квартире некоего Теплякова и сохранил в комнатах многочисленные изображения прежних хозяев и детей их рядом с самыми некрасивыми и вместе с тем претенциозными предметами искусства.

Встречаю на прогулке вел. кн. Владимира. Толкуем об упадке наших ценностей за границей, я стараюсь убедить его, что упадок этот есть результат нашей экономической и международной политики, но он остается при убеждении, что упадок этот есть результат вражды Бисмарка, который руководит еврейскими проделками.

12 [февраля]. Пятница. Посылаю государю обширную департаментскую меморию не в очередь.

13 [февраля]. Суббота. В 1 час заседание соединенных Департаментов для обсуждения проекта гр. Толстого о полиции в Прибалтийском крае. Заседание начинается с обсуждения вопросов, поставленных предводителям и губернаторам этих провинций от имени бар. Николаи. Ответы ясны, категоричны, читаются предводителями с сильным немецким выговором, за исключением эзельского предводителя Экспара, который в прекрасной речи очень метко возражает на обвинения министра внутренних дел. После предводителей говорит замечательно хорошо лифляндский губернатор Зиновьев. С большим знанием дела очерчивает картину административного управления губерниею и без увлечения в ту или другую сторону говорит о возможности усиления правительственной власти без уничтожения вотчинной полиции, приносящей большую пользу. Рядом с Зиновьевым курляндский губернатор Пащенко и в особенности эстляндский кн. Шаховской поражают своим ничтожеством. Не менее любопытно присутствие ген. Шебеко, товарища министра внутренних дел, который в течение пятичасового заседания не произносит ни единого слога. Общее впечатление не в пользу проекта, а в особенности его составителя. Гр. Шувалов говорит, что по дружбе к Толстому он надеется, что Толстой никогда не прочитает этого подпи-

* Квартет *(итал.)*.

санного им законопроекта, идущего вразрез со всеми началами, кои всю жизнь проповедовал Толстой[27–28].

14 [февраля]. Воскресенье. За завтраком у Гагариных продолжительный разговор с Паленом о последних делах в Совете. В $2^1/_2$ часа в дворянском собрании концерт придворной капеллы; исполнение превосходно. Между прочим, поют отысканную недавно молитву, музыка коей написана Иоанном Грозным, — бессмысленное мычание одичалого до грубости своенравца. Сижу рядом с В.В. Зиновьевым, который столько лет был гофмаршалом цесаревича, нынешнего государя. Речь заходит о том, кто будет преемницей умирающей обер-гофмейстерины. Зиновьев называет тут сидящую кн. Вяземскую. Я замечаю, что она уж слишком глупа, на что Зиновьев возражает: «Нам таких и надо».

Обед у вел. кн. Михаила Николаевича с Вердером, который, пробыв в Петербурге 16 лет военным агентом, приехав теперь из Берлина по приглашению императора, навестит своих многочисленных петербургских приятелей. Разговор об умершем принце Баденском и застрелившемся советнике германского посольства Гогенлоэ. Вел. кн. Михаил Николаевич пристает ко мне с просьбою вел. кн. Екатерины Михайловны причислить к Государственной канцелярии назначенного ею в гофмейстеры чиновника Шванебаха, а Георгий Михайлович с свойственною ему назойливостью требует отведения в Мариинском дворце квартиры смотрителю дворца Михаила Николаевича, выгнанному отсюда за воровство. Разумеется, отказываю обоим.

15 [февраля]. Понедельник. Завтракаю у вел. кн. Владимира с Михаилом Николаевичем, но без Марии Павловны. Осматриваю выставку картин и предметов в Академии художеств в пользу вдов и сирот. Есть очень хорошие бронзы, принадлежащие Кочубею. Посылаю государю обычную меморию с описанием субботнишнего заседания.

16 [февраля]. Вторник. В 2 часа на панихиде по кн. Елене Павловне Кочубей в ее квартире на Миллионной в доме Игнатьева. Императрица, всякие вел. князья, множество народа, военные в лентах, гражданские в вицмундирах. Покойница во всю свою жизнь была олицетворением чванства, любви к роскоши всякого рода и изысканным земным удовольствиям. Несмотря на то, благодаря уму и деньгам, умерла, окруженная всевозможным почетом. Ни ума, ни денег она своему сыну (кн. Белосельскому-Белозерскому. — *Примеч. ред.*) не оставила.

В 10 час. бал у вел. кн. Сергея Александровича и притом во дворце, выстроенном княгиней Кочубей, долго служившем пьедесталом ее великосветской славы, составлявшем рамку, без которой изображение покойницы представлялось бледным, неполным и для многих неинтересным. Обстоятельство это вредит успеху бала особливо, потому что

императрица, а за нею и все истые царедворцы не приезжают, государь появляется на несколько минут. Я играю в вист с В.А. Воронцовым, Балашевым, Долгоруким в кабинете хозяина и остаюсь до конца бала, т. е. до $3^1/_2$ час., разговаривая после ужина с любезною тамошнею гофмейстериною кн. Голицыной.

17 [февраля]. Заезжаю к вел. кн. Владимиру Александровичу показать рукопись XIV столетия, доставленную Винспиером. Вел. князь видел такую же, но менее роскошную у герцога Омальского. Осматриваю фотографическую выставку. Вечером с обедавшим у нас Вангали едем смотреть новый балет. Во время представления повалившийся светильник зажигает декорацию, но выбежавшие на сцену пожарные успевают затушить огонь.

18 [февраля]. Четверг. Переезжаем в большой дом № 54. Вечером «Псковитянка», драма Мея, поставленная с великим тщанием на сцене Александрийского театра.

19 [февраля]. Пятница. Квартетный вечер у Анны. Она сама отлично играет трио Бетховена.

20 [февраля]. Суббота. Второе заседание соединенных Департаментов по проекту Толстого о преобразовании прибалтийской полиции. Приглашены одни губернаторы без предводителей; до обсуждения самого проекта дело еще не доходит. Вел. кн. Михаил Николаевич приезжает слушать доклад дела, но очень опаздывает, потому что сначала участвует в параде, потом завтракает у государя, а после того, увидя, что императрица не имеет при себе фрейлины, просит позволения проводить ее величество до Аничковского дворца, а уже исполнив эти многоразличные обязанности, приезжает на заседание Государственного совета.

В $7^1/_2$ час. обедают мои обычные партнеры виста, после чего приезжая актриса Тенар дает нам небольшое представление.

21 [февраля]. Воскресенье. Еженедельный завтрак у Гагариных. Захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу; застаю вел. княгиню сильно кашляющею; все ее семейство страдает легкими. В ее гостиной за чайным столом приехавшие, по-видимому, без приглашения Новосильцов и Адлерберг (лондонский секретарь). Вел. княгиня желает в свободное от великокняжеских обязанностей время разыгрывать роль великосветской женщины. Это как-то не вяжется и обыкновенно кончается неприятностями.

Вел. князь рассказывает, что на основании сообщения обер-гофмаршала было отдано в приказе, что после вчерашнего парада ротные и эскадронные командиры приглашаются к завтраку. Государь, не зная о состоявшемся распоряжении, сказал, что их приглашать не надо; ему

не решился никто доложить, что приглашение уже объявлено, и всем этим лицам на самом параде приказано во дворец не приходить. Вел. князь рассказал все это государю, который с парада приехал навестить вел. кн. Владимира Александровича.

22 [февраля]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. После непродолжительного разговора о делах Государственного совета обращаюсь к нему с такими словами: «Ваше высочество так добры в отношении меня, что я решаюсь высказаться перед Вами очень смело. Вы видите, как около нас вымирают наши сверстники, подумали ли Вы о написании духовного своего завещания». *Вел. князь:* «Я написал духовное свое завещание, когда находился под стенами Карса, но Адлерберг объяснил мне, что теперь, по наступлении мирного времени, это духовное завещание делается недействительным. Притом я все думаю о том, чтобы сделать майорат или даже два майората, но меня останавливает мысль о несправедливости в отношении прочих сыновей, не получающих майората. Я желал бы одно имение отдать в качестве майората старшему сыну, одно (полтавское) — продать по недоходности, а третьим — распорядиться так, чтобы все мои сыновья, кроме старшего, делили между собою получаемые с него доходы». *Я:* «Последнее распоряжение трудно исполнимо. По нашим законам имущество должно быть завещаемо или в собственность, или в пожизненное владение, поэтому Вы можете завещать имение одному сыну с обязательством выплачивать известные суммы другим братьям, но не завещать доходы с имения. Впрочем, говоря с Вами об этом предмете, я имел в виду иное; я думал, что Ваше высочество должны в особенности не потерять из виду необходимость обеспечить навсегда существование вел. княгини и с этой целью назначить ее пожизненной владелицей Вашего состояния». *Вел. князь:* «Конечно, я это имел в виду, но как же сделать это при учреждении майоратов». *Я:* «Одно другому нисколько не препятствует. Решитесь и поручите мне все это сделать, а затем поднесите все прямо государю, который утвердит все это, даже если хотите так, чтобы Ваши распоряжения сделались известными лишь после Вашей смерти так, чтобы не производить недоразумений между Вашими сыновьями».

Прежде чем отправиться завтракать к вел. кн. Владимиру Александровичу, захожу к вел. кн. Ольге Федоровне. От нее выслушиваю горькие сетования на сына Михаила Михайловича, который постоянными пространными телеграммами настаивает на разрешении вернуться в Петербург с тем, чтобы жениться на Игнатьевой. На вопрос, что делать — отвечаю, что, по моему мнению, надо отстраниться родителям и выставить авторитет главы семейства — императора. Вел. княгиня

рассказывает, что накануне младший сын ее Алексей играл в Аничковом дворце и за завтраком государь обратился к нему с словами: «Твой брат Михаил — кретин». Передавая это родителям, ребенок прибавил: «Мини (императрица) покраснела и сказала: «Sacha, ne dis pas de bêtises»*, но он, стуча по столу, продолжал: «Je ne dis pas de bêtises, c'est un crétin»**, и обращаясь к мальчику: «Когда ты захочешь жениться, то приходи ко мне, я тебе дам хорошие советы».

У вел. кн. Владимира Александровича завтрак без Марии Павловны, которая продолжает быть нездоровою. Зайдя в ее кабинет, уговариваю ее при этой стуже не ездить 26-го на поздравления в Аничков дворец.

В Государственном совете заседание по представлению министра внутренних дел о даровании ему права удалять от должностей пасторов, коих он найдет неблагонадежными. Соединенные Департаменты сузили это право, предоставив министру лишь предписывать консистории, чтобы она сделала надлежащее постановление, причем Победоносцев, настаивавший на том, чтобы предписание министра внутренних дел было обязательно для консистории, отказался от подписания этого журнала, а Пален и Рихтер настаивали на необходимости сохранить за Сенатом право, которое желает присвоить себе министр. В Общем собрании прения начались с того, что Мансуров настаивал на том, что никакой новый закон не нужен и права Сената достаточно ограждают порядок. В том же смысле говорили Дервиз, Пален, Шестаков, Фриш, Посьет и в особенности Шувалов, который указал на то, что важен не вопрос об устранении пасторов, а вопрос о том, что вследствие существовавшего прежде и ныне отмененного правила о крещении детей, происходящих от смешанных браков, в лютеранскую или православную веру, в прибалтийских губерниях умножилось население, не принадлежащее к православию, а между тем распоряжением православного духовенства записанное в православные метрические книги. Вот это население, обращающееся к лютеранским пасторам при исполнении религиозных своих обязанностей, и возбуждает преследования и православного духовенства, и административных властей, поэтому Шувалов настаивал на необходимости положить конец этой неопределенности, разрешив населению записаться в те или другие книги по своему усмотрению. На все эти нападения отвечал Плеве, защищая во что бы то ни стало каждую букву представления гр. Толстого. При голосовании 16 членов были за постановление департаментов, а 28 признавали излишним представление гр. Толстого[29].

---

* «Саша, не говори глупостей».
** «Я не говорю глупостей, он кретин».

Когда после заседания мы вошли в кабинет председателя, то я стал доказывать вел. князю, в какой мере неприлично поведение гр. Толстого, который внес представление, подписанное одним товарищем (Гагариным), прислал другого товарища (Плеве) защищать это представление. Разумеется, Плеве не смеет отступить ни на шаг от исполнения возложенной на него задачи, таким образом, взаимные уступки делаются невозможными и самое обсуждение дела в Совете излишним. Вел. кн. Алексей Александрович, слушая меня, обратился к председателю с словами: «Что же, дядя, нам, конечно, нет никакого удовольствия видеть здесь гр. Толстого, но ведь это необходимо для дела, и ты должен бы сказать это государю». Вел. кн. Михаил Николаевич: «И скажу так: из этого ничего не выйдет».

Посылаю меморию при записке о том, угодно ли его величеству назначить годичное заседание Исторического общества. Записка получается с такою отметкою: «К сожалению, наступает Масленица и свободных вечеров у меня нет». Вечер у посла Лабуле, где провожу, впрочем, не более четверти часа.

23 [февраля]. Вторник. Разговор с Краузольдом о бумагопрядильных*, которые на этот год дали весьма хороший результат. Бал у вел. кн. Сергея Александровича. Вследствие того, что в этот вечер последнее заседание военного совещания у вел. кн. Николая Николаевича[30], опаздывают на бал вел. кн. Владимир, Михаил и ген.-ад. Рихтер, составляющие обыкновенно партию государя, приглашают в качестве заместителей меня и Балашева. Играем в винт, я выигрываю один рубль. Государь рассказывает о содержании прочитанного им письма Долгорукого из Персии об охоте, данной ему шахом. Рядом с нами в кабинете хозяина играют в винт Евгения Максимилиановна и Александр Петрович Ольденбургские с вел. кн. Михаилом Николаевичем, Влангали и Сольскою. Ужинаю возле А.М. Скалон, причем она горько сожалеет, что вел. кн. Владимир Александрович продолжает находиться под влиянием такого негодяя, как Бенкендорф.

24 [февраля]. Среда. Неудачная охота на рыся в Коломягах.

26 [февраля]. Пятница. В $10^1/_2$ [часа] в Аничковом дворце, в полной парадной форме. Поздравления приносятся в таком порядке: дамы, т. е. ст.-дамы, гофмейстерины и фрейлины малых дворов, жены адъютантов государя до вступления на престол, Государственный совет, первые чины двора, ген.-адъютанты, командиры полков гвардии и еще несколько лиц, втершихся происками и нахальством, как, например, шталмейстер Новосильцов, два или три сановника и т. д. Воронцов сообщает мне, что получил от гр. Толстого запрос о том, какое его мнение об устройстве неотчуждаемой крестьянской собственности[31] (Bauerland), что Толстой намерен войти об этом с представлением в Государственный совет, но одновременно хочет дать подписать государю указ о запрещении крестьянам отчуждать землю лицам других сословий впредь до рассмотрения закона Советом. Островский подтверждает это сведение и выражает сочувствие предположениям Толстого. Во время обедни Гирс получает телеграмму из Берлина от Шувалова, извещающую о смерти императора Вильгельма. Завтрак проходит в тишине; музыкантов отправили домой. Я завтракаю за столом, где сидят приезжие ген.-губернаторы Гурко, Дондуков, Рооп, Дрентельн, с трудом удостаивающиеся чести видеть гр. Толстого. Обращаясь к гр. Шувалову, я говорю: «Как человечество несправедливо, вот императора Вильгельма признали мертвым, а гр. Толстого никто не решается признать мертвецом». Все присутствующие сочувственно хохочут. После завтрака ген.-адъютантам объявляется приказание ехать расписаться у Швейница.

Вечером квартет у Анны. Рубинштейн восхитительно играет Шопена.

27 [февраля]. Суббота. Заседание соединенных Департаментов по делу о прибалтийской полиции. Товарищ министра внутренних дел Шебеко решается говорить и не находит сказать ничего иного, как, что великорусская полиция имеет один лишь недостаток — ограниченность денежных окладов, что он, Шебеко, пробыв 8 лет губернатором в Подольской губ., не имел ни одного случая подвергать взысканию какого-либо полицейского чиновника, что это доказывает совершенство русской полиции, которую потому и следует ввести в Прибалтийском крае. Ему очень резко возражает Шувалов. Старицкий предлагает отложить дело о полиции впредь до рассмотрения судебной в крае реформы. Манасеин горячо восстает против этого. Решают сделать лишь временные изменения ввиду того, что вся великорусская полиция должна быть преобразована, чему доказательством прочитываются многочисленные по этому предмету высочайшие повеления.

Сидящий возле меня председатель сообщает мне, что уезжает в Берлин на похороны императора.

28 [февраля]. Воскресенье. Поручив накануне младшему Мансурову переговорить со старшим своим братом о том, чтобы он не упрямился относительно редакции мнений по делу о пасторах, устраняемых от должностей, получаю от старшего Мансурова письмо, в коем настаивает на том, чтобы из мнения большинства было исключено все то, что говорилось Шуваловым о неправильностях вероисповедной регистра-

Далее, очевидно, пропущено фабриках.

ции в Прибалтийском крае на том основании, что (по его выражению) баллотировалось мнение его, Мансурова, а не Шувалова.

Отвечаю ему, что журнал Государственного совета содержит мнение не того или другого члена, а совокупность сказанного в защиту такого или другого заключения, что все говорившие в заседании и читавшие журнал члены присоединились к его редакции, что без сомнения Государственный совет не имеет права учить министра, как управлять страною (в чем упрекает большинство Мансуров), но поэтому в заключении и не возлагаются на министра обязанности ни назначать комиссию, ни определять срок, как предлагал Посьет, что никто не вправе стеснять мнений Совета и принуждать его ограничиваться частичкою вопроса, что от Мансурова зависит по 80-й статье приложить отдельное мнение, но что я сомневаюсь, чтобы председатель разрешил ему возбудить новые по делу прения. На это Мансуров новой запиской отвечает мне, что завтра будет настаивать на том, чтобы обсуждалось его особое мнение.

29 [февраля]. Понедельник. Обращаю внимание вел. князя на опасность разрешения Мансурову возбудить вновь прение о том, в какой степени Государственный совет был вправе говорить о мерах, необходимых для урегулирования вероисповедной регистрации. По приезде в Совет вел. князь вызывает Мансурова и заявляет, что не позволит ему говорить по существу дела, а разрешит лишь заявить, что по 2-му пункту 80-й статьи представляет дополнительные соображения к тому или другому из двух мнений.

По прочтении журнала Победоносцев говорил против нескольких выражений в мнении большинства, которые просил исключить, на что и последовало согласие лиц, принадлежавших к этому мнению. Мансуров остался один, и после заседания я пригласил к себе в кабинет Победоносцева и Шувалова, и по взаимному согласию установилась редакция и не дошло до возбуждения вопроса, будто Совет вышел по этому делу из границ своей власти. В $9^1/_2$ час. вечера уезжаю в Рапти с Шуваловым, Голицыным и Андреем Бобринским.

1 [марта]. Вторник. Охотимся около дома, убиваем волка. За обедом Шувалов рассказывает, как в 1872 г. был с покойным государем в Берлине[32], и на большом парадном обеде Александр Николаевич до того распек сидевшую рядом с ним кронпринцессу Викторию, что после обеда Рейсс и Швейниц пришли к Шувалову сказать, что наследный принц намерен явиться к государю за личными объяснениями.

2 [марта]. Среда. Возвратясь утром в Петербург, еду на молебствие в Исаакиевский собор, где, впрочем, из высших гражданских чинов застаю одного Победоносцева, да и того в шубе поверх мундира, но зато военные и во главе их вел. князья в полном сборе. Мороз сильнейший. Даем обед в честь австрийского посла Волькенштейна. Провозглашаю тост: «Le c-te et la c-sse Wolkenstein, je n'en doute pas, s'associeront à nous pour prendre à l'occasion de l'heureux anniversaire d'aujourd'hui la santé de sa majesté l'empereur»*.

3 [марта]. Четверг. Читаю довольно безграмотные записки одного из моих предместников Марченки. Может быть, был и работник, но по запискам — не более как невежественный подьячий, радеющий о своих служебных выгодах. В Александрийском театре «Вторая молодость»[33]. Невероятно глупо и бездарно.

4 [марта]. Пятница. Просматриваю новое издание писем Петра I[34]. Читаю замечательную статью Щедрина в «Вестнике Европы»[35]. Вечером прекрасный квартетный вечер у Анны.

5 [марта]. Суббота. Заезжает ко мне председатель Департамента законов бар. Николаи, чтобы рассказать, что был у гр. Толстого для того, чтобы склонить его к изменениям в первоначальном проекте о прибалтийской полиции, что гр. Толстой вполне согласился на предположение бар. Николаи и что, следовательно, теперь рассмотрение в Совете окончится весьма легко и скоро.

В 4 часа еду по приглашению к вел. кн. Ольге Федоровне. Разговор о сыне Михаиле, который телеграфирует то, что не может жить без своего ангела Кати (гр. Игнатьевой), то, что желает вернуться в Петербург, а не оставаться в ссылке за границей, и если препятствием к его возвращению служат Игнатьевы, то надлежит выслать их. Умная вел. княгиня смеется над этим недоумком. Разговариваем о других ее сыновьях, об имущественных интересах, о сплетнях, как, например, фелейзенском деле, никогда не возвышаясь к общим высшим истинам, лежащим в основе суетливого движения людской мелкоты.

6 [марта]. Воскресенье. Обычный завтрак у Гагариных с Влангали. Целый день я занят писанием длинного мемориального извлечения, в коем пространно излагаю сущность победы, одержанной Советом над Деляновым в вопросе о промышленных училищах, кои учреждаются теперь без ломки реальных училищ. Обедаем с Убри и едем вместе в Панаевский театр слушать Мазини в «Фра-Диаволо».

7 [марта]. Вместо Общего собрания заседают соединенные Департаменты для рассмотрения дела о прибалтийской полиции. В начале бар. Николаи в длинной речи передает содержание и результат своего свидания с гр. Толстым. Ему немедленно отвечает Шебеко, что

* «Я не сомневаюсь, что граф и графиня Волькенштейн присоединятся к нам, чтобы выпить по случаю торжественной годовщины за здоровье его императорского величества».

тут недоразумение и что гр. Толстой не выражал согласия на все то, что говорит бар. Николаи, в особенности на то, чтобы уездные начальники имели помощников, а не самостоятельных агентов и притом непременно с обязательным раз навсегда определенным местом жительства в уезде. По этому вопросу положено Шебеко еще раз переговорить с Толстым. Точно так же и по вопросу о сохранении вотчинной полиции на вотчинных землях.

Вернувшись домой, дополняю свое мемориальное извлечение назидательным об этом заседании повествованием.

Получаю от вел. кн. Владимира Александровича записку с уведомлением, что Боткин приказал вел. кн. Марии Павловне поспешить отъездом в Канн.

8 [*марта*]. Вторник. Разговор с Краузольдом о фабриках и о Саше. Квартет у Анны. Вечером после дел Государственного совета слушаю чтение вновь вышедшей биографии кн. Паскевича[36].

9 [*марта*]. Среда. Заезжаю в 4 часа проститься к вел. кн. Марии Павловне, от которой выходят приехавшие за тем же их величества. Является Боткин, настаивающий на скорейшем отъезде, хотя вид у вел. княгини гораздо лучше. В $9^1/_2$ час. уезжаю с Шуваловым и Голицыным в Лугу охотиться на волков.

10 [*марта*]. Четверг. Чудный день, убиваем одного волка, но дышим вдоволь чистым воздухом.

11 [*марта*]. В 8 час. возвращаюсь с охоты. В 1 час еду в Царское Село, где на даче сгнили все балки. В 4 часа по приглашению вел. кн. Марии Павловны еду к ней еще раз и застаю множество посетителей.

12 [*марта*]. Суббота. В 1 час последнее заседание соединенных Департаментов по делу о прибалтийской полиции. Шебеко выражает от имени Толстого согласие на все предложения Николаи. Встречаю на прогулке Имеретинского, который передает подробности о пребывании наследника цесаревича в Берлине. Сначала он был несколько застенчив, но потом очень хорошо себя держал и произвел превосходное на всех видевших его впечатление. Прием со стороны Фридриха III был в высшей степени сердечный, что касается до наследного принца Вильгельма, то он при безупречной вежливости был очень сдержан. Вел. кн. Михаил Николаевич сделал какую-то глупую, необдуманную, невежливую выходку относительно состоявшего при цесаревиче Гогенлоэ и должен был ездить к нему с извинениями.

13 [*марта*]. Воскресенье. Прогулка с Питом, разговор об его экзаменах. Съезд у меня внуков Оболенских и внучек Бобринских. Визит старикам Бобринским, которые представляют выходящий из ряду пример почтенной семейной жизни. Заезжаю проститься к Анне,

уезжающей сегодня в пензенскую деревню. Обедают Убри и Голицын.

14 [*марта*]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, который передает мне свое восхищение о всем происходившем в Берлине, причем не высказывает ничего нового или сколько-нибудь выдающегося. Сообщаю о переписке между Мансуровым и мною относительно его отдельного мнения и при этом обращаю внимание вел. князя на [то, что] подобное недоразумение могло произойти потому только, что вел. князь, председательствуя в Общем собрании, не ставит вопросов, а просто приказывает чиновникам отбирать мнения. Вел. князь обещает на будущее время ставить вопросы, советуясь для этого с сидящими возле него председателями департаментов. После заседания, в котором при чтении журнала по лесному делу Мансуров снова пытается возбудить прения по поводу редакции мнения большинства, к коему он не принадлежит. После заседания вел. князь приглашает Николаи и Абазу для обсуждения дальнейшего хода дела о земских начальниках. Николаи передает содержание своего разговора с гр. Толстым. После обсуждения возражений, изложенных бар. Николаи в своей записке, причем, разумеется, каждый из двух беседовавших остался при своем мнении, гр. Толстой настаивал на скорейшем докладе дела в Совете. Тогда Николаи сказал ему, что в Департаменте законов лежит до двадцати дел и что, следовательно, надо сделать выбор между этими делами и делом о земских начальниках, что притом дело о земских начальниках займет весь апрель и май месяцы и может затянуться до июня. Эта перспектива испугала Толстого, мечтающего лишь о том, как бы поскорее уехать в рязанскую деревню, и он охотно согласился отложить рассмотрение дела до осени, но при этом сказал, что государь настаивает на скорейшем окончании дела и что потому вел. князь или государственный секретарь должны сделать о том всеподданнейший доклад. Бар. Николаи полагал, что вел. князю будет не трудно доложить это государю, а вел. князь заявил, что словесно он решительно не может об этом докладывать, не надеясь на себя, и поручил мне составить об этом всеподданнейший доклад. Я находил такой исход дела самым неудовлетворительным и поехал совещаться с Победоносцевым о том, что делать.

Я начал разговор так: «Ты 25 лет прогуливаешься в этих высочайших мозгах, скажи, как достигнуть благоприятного впечатления?»

Победоносцев: «В высочайших мозгах всегда есть новые, вновь открывающиеся закоулки». В конце концов, Победоносцев вполне разделял мое мнение, что представить такой доклад, какой предлагает Николаи, значило бы внушить подозрение, что в Совете есть предвзя-

тая мысль затормозить представление гр. Толстого. Победоносцев разделяет мое мнение, что необходимо приступить к обсуждению и первыми же прениями доказать невозможность немедленного в настоящем виде рассмотрения.

Посылая вечером государю весьма краткую на этот раз меморию, прилагаю записку бар. Николаи, послужившую темою разговора гр. Толстого.

15 марта. В Комитете министров слушается представление министров юстиции и финансов об учреждении администрации по делам Фелейзена. Неслыханное и постыдное для русских правительственных порядков дело. Банкир мошенничал, крал, а теперь вследствие того, что он был приятелем гр. Шереметева, которого с удовольствием видят в Аничковом дворце, Комитет министров изобретает способы, как бы поменьше огласить мошенничеств этого банкира, а в особенности скрыть имена его приятелей, получивших от него деньги, иначе говоря, сообщников его мошенничеств[37].

16 [марта]. Среда. По приглашению вел. кн. Михаила Николаевича еду к нему в 11 час. ввиду его еженедельного доклада или, правильнее, завтрака в Аничковом дворце. Настаиваю на том, что предложение Николаи неудобоисполнимо, а предлагаю вел. князю созвать совещание из тех же лиц, кои совещались уже у гр. Толстого с присоединением трех председателей департаментов Совета; в этом совещании полагаю полезным возбудить вопрос о том, не следует ли дело о земских начальниках докладывать одновременно с делом об изменении земских учреждений; не сомневаюсь, что Победоносцев и Манасеин воспользуются первым попавшимся предлогом, чтобы затянуть дело в длинный ящик, и тогда будет представлен государю не единоличный доклад председателя, а журнал совещания, в коем высказан будет взгляд большинства причастных министров. Советую при разговоре с государем вскользь упомянуть о том, что такое совещание будет созвано.

В $2^1/_2$ часа вел. князь приезжает из Аничкова дворца очень довольный тем, что исполнил свою программу. От вел. князя еду к бар. Николаи, чтобы поставить его в известность о происходящем.

Вечером слушаю чтение интересной и хорошо написанной биографии кн. Паскевича.

17 [марта]. Четверг. Продолжительный разговор с управляющим моршанским имением Воронцовым-Вельяминовым. Обедают Шувалов, Всеволожский, Зографо. Читаю книгу Flammarion «l'Atmosphére»[38].

18 [марта]. Пятница. В 6 час. приезжает из Вены Лобанов провести три или четыре недели в Петербурге, останавливается, по обыкновению, у нас. Он очень недоволен ходом дел в нашем Министерстве иностранных дел, говорит, что если бы мы в болгарском вопросе стали (год тому назад) на ту точку, на которой стоим теперь, то не было бы никакого болгарского вопроса. Беда в том, что Гирс по своей бесхарактерности не пользуется никаким авторитетом в глазах государя. Лобанов при отсутствии всякой симпатии к берлинскому послу Шувалову сознается, что его назначение министром иностранных дел принесло бы пользу делу. По словам Лобанова, в Вене положение таково: Кальноки повинуется Тиссе, который не выражает открытой враждебности к России, но всячески поддерживает независимость балканских славян, независимость, прежде всего, от России.

19 [марта]. Суббота. В заседании соединенных Департаментов обсуждается проект приамурского ген.-губернатора, предоставляющий ему право издавать распоряжения о новых налогах[39]. Вышнеградский восстает против предоставления ген.-губернатору права, принадлежащего верховной власти, ген.-губернатор Корф приводит примеры невероятной проволочки в министерских канцеляриях по таким вопросам, которые он не решил своею властью, а представил на разрешение в Петербург.

Сижу целый день за весьма объемистой меморией. Вечером еженедельный вист.

20 [марта]. Воскресенье. После обычного завтрака у Гагариных с Паленом, Лобановым, Влангали в 2 часа заседание Финансового комитета у Рейтерна. Обсуждается представление Вышнеградского о том, чтобы по недостатку средств сократить выдачи ссуд из Дворянского банка. Разумеется, ничего иного сделать нельзя, но делается это так неоткровенно, что, конечно, еще более запутывает лица, долженствующие прибегнуть к помощи банка[40]. Я спрашиваю, какие же исчисления сделаны, о том, на какую сумму придется банку выдать займов в итоге. На это никто отвечать мне не может. В 4 часа с Месмахером прикидываем гобелены в большом новом зале и убеждаемся, что более четырех поместить невозможно. Нас прерывает визит вел. кн. Михаила Николаевича, который сообщает свои берлинские впечатления. Между прочим, передает, что, быв свидетелем того, в каких дурных отношениях живут члены германского императорского семейства, в особенности дамы, он поставил им в пример наше царствующее семейство. Я с трудом выслушиваю это повествование без улыбки. После обеда долго беседуем с Лобановым о независности петербургских порядков.

21 [марта]. Понедельник. Предваряю вел. князя, что писал Толстому о желании его видеть, но получил ответ, что он болен. В Государственном совете вел. князь объясняется с Плеве относительно выходок «Гражданина» против Совета[41] вследствие отзыва Плеве, что

о делах Совета передает сведения Мещерскому Филиппов — товарищ государственного контролера. Вел. князь поручает мне объясниться о том с Сольским. Сольский объявляет мне, что Филиппов участвует в редакции «Гражданина» с высочайшего разрешения, что, конечно, он, Сольский, находит сообщение статей в газеты от лица, участвующего в заседаниях, неуместным, но я очень хорошо вижу по тону его речи, что он ровно ничего не сделает. Сольский намекает на то, что желал бы избавиться от своего товарища, но хотел бы спустить его в Совет для того, чтобы не нажить неприятеля.

Посылаю государю обширные мемории и, между прочим, новый лесной закон.

22 [марта]. Вторник. Получаю обратно все объемистые, посланные вчера вечером мемории. Обед с Левашевым и кн. Радзивиллом.

23 [марта]. Среда. Прогулка с Ауербахом и разговоры о Богословске. Чтение записок Falloux[42]. В 9 час. вечер у вел. кн. Екатерины Михайловны. Живые картины, из коих каждая изображает нечто с наименованием, начинающимся одною из букв слова Parnasse* в последовательном порядке. Все это как-то тяжеловесно, бессвязно и задумано чересчур хитро. Сама вел. княгиня тревожно прогуливается между приглашенными, в числе коих состоит, разумеется, прежде всего императорское семейство в полном составе.

Из картин всего удачнее «Les deux sibylles»** — повторение известных фресок Рафаэля.

24 [марта]. Четверг. Большой обед в честь Лобанова. Палены, Голицыны, Шуваловы (Боби), Толстая (рожденная Щербатова). После обеда поет Барби.

25 [марта]. Пятница. Рассмотрение богословской сметы с Ауербахом и годичного баланса с Стефаницем. Заезжаю к хворающему Манасеину, которого убеждаю приехать в понедельник на совещание о земских начальниках. Захожу к Островскому поговорить о том же. Он мне отвечает, что дела откладывать до осени нельзя потому, что мы живем в самодержавном правлении, где министры и Государственный совет должны исполнять волю государя, а ему, Островскому, известно, что государь хочет, чтобы дело было доложено до каникул. Точно так же он, Островский, знает волю государя относительно возвышения дворянского сословия, а потому он, Островский, и не разделяет опасений бар. Николаи о неуместности дворянского ценза при выборе в участковые начальники. Все недостатки проекта гр. Толстого

* *Так в подлиннике.*

** «Две сивиллы».

он, Островский, сознает, находит, что реформу управления надо бы вести иначе, начав с организования уездной единицы (это заимствовано им из записки Старицкого[43]), но, несмотря на все это, невозможно не уважить представление лица, занимающего столь авторитетное, как гр. Толстой, положение, а потому надо свести проект его на частное изменение, долженствующее войти в общий план преобразования, которое преемник гр. Толстого не замедлит привести в действие.

Смысл этой речи таков: я, Островский, вижу, что хочет государь, я ему обещал, что помогу провести дело, но лишь как часть того плана, который существует у меня в голове на тот момент, когда я, Островский, буду назначен министром внутренних дел.

26 [марта]. Суббота. Заседание соединенных Департаментов о том, как организовать заведывание тарифами железных дорог. Члены Совета единогласно высказываются в пользу того, чтобы Министерству финансов было поручено изучение и разработка вопросов, а железнодорожному совету окончательное их разрешение. Когда дело было почти окончательно решено, Вышнеградский, приготовивший против Посьета громовую речь, произносит ее, хотя и без надобности, и при этом изображает такую жалкую картину тарифных порядков в Министерстве путей сообщения, что Посьет, не умеющий ответить, просит слова только для того, чтобы заявить, что все сказанное министром финансов *неосновательно*[44].

Николаи, видя, что прения переходят на почву грубости, спешит окончить заседание.

27 [марта]. Воскресенье. В 10 час. прогулка с Питом; разговор об его экзаменах и степени готовности к ним. Заходим навестить маленьких Бобринских. Целый день за писанием нескончаемой мемории.

28 [марта]. Понедельник. В 10 час. получаю от Победоносцева уведомление, что он позван в 12 час. к государю и потому опаздывает на наше совещание с гр. Толстым. Заезжаю к нему передать содержание слышанного мною от Островского на тот случай, если бы разговор коснулся нашего совещания. У вел. князя устанавливаем программу заседания. За завтраком вел. княгиня нападает чресчур резко на хозяина за то, что он слишком медленно ест. Я заступаюсь за бедного вел. князя. В Совете ничтожное заседание, после коего собираемся у вел. князя — Толстой, Островский, Манасеин, Победоносцев, Вышнеградский, Абаза, Николаи. Вел. князь после комплиментов Толстому ставит прочим министрам вопрос о том, во всем ли они согласны с проектом о земских начальниках. Островский принимает на себя роль лидера и отвечает, что согласны в общих линиях, но не в мелких подробностях, о коих сохраняет за собою свободу слова в Совете. Мана-

сеин указывает на то, что до сих пор не разграничена компетентность между участковыми и мировыми судьями, а Вышнеградский настаивает на том, что никогда не согласится на высокий оклад (2500 руб.), присваиваемый новым должностям. По последнему поводу возбуждается общий финансовый вопрос, о коем Толстой не заботится. Тягость эту для народа Толстой оценяет в $2^1/_2$ млн., а Николаи в 4, что мудрено возложить на земство, уже и теперь обремененное земскими налогами. Вышнеградский говорит, что налоги эти в некоторых местностях доходят до 40% с чистого дохода и он, Вышнеградский, в своем министерстве вырабатывает правила о порядке земского обложения. Гр. Толстой утверждает, что эту же цель, между прочим, преследует его проект о реформе земских учреждений. Возбуждается вопрос о связи этих двух проектов, которая признается не довольно важной, чтобы связать доклад обоих дел. Потом бар. Николаи говорит, что в Департаменте законов с 1 января 1888 г. вступило 68 дел преимущественно в начале марта, что на доклад этих дел до каникул еле хватит остающегося времени. Абаза дополняет это сведениями о делах Департамента экономии, кои должны рассматриваться при участии членов Департамента законов. Все это, по мнению Николаи, доказывает, что доложить дело об участковых начальниках до наступления каникул невозможно. Островский предлагает начать доклад теперь, остановиться при наступлении каникул и затем продолжать осенью. Абаза настаивает на том, что по своей 11-летней опытности в качестве председателя такое разделение рассмотрения до и после каникул очень дурно отражается на труде. Люди и самые взгляды меняются, приходится одним начинать то, что другие кончают, и т. д., поэтому он считает правильным или вовсе не начинать рассмотрения, или, начав, довести это рассмотрение до конца, хотя бы пришлось заседать не только в мае, но в июне и в июле.

Перспектива оставаться в Петербурге вместо, чем наслаждаться прелестями рязанской деревни, устрашает Толстого, и он спешит заявить, что согласен с Абазою и находит лучше не начинать доклада до осени. Этим оканчивается заседание, в котором не представлялось бы надобности, если бы председатель Совета пользовался авторитетом.

29 [*марта*]. Вторник. Пишу нечто вроде журнала заседания, который мог бы служить памятною запискою для вел. князя при докладе государю. Приходит Победоносцев, которому и прочитываю свой журнал для того, чтобы не было с его стороны опровержений. Победоносцев рассказывает, что накануне речь касалась и предстоявшего заседания, причем Победоносцев сказал государю, что проект написан так легкомысленно, что его бы и рассматривать серьезно не следовало

бы, что гр. Толстой — по своему здоровью совсем разлагающийся человек и что он, Победоносцев, все-таки с ужасом смотрит на тот момент, когда гр. Толстой перестанет быть министром внутренних дел, потому что не видит, откуда взять человека, который бы, по его выражению, стоял на собственных ногах.

30 [*марта*]. Среда. В 3 часа освящение нового здания архива Государственного совета. Молебен в присутствии вел. князя, членов Государственного совета и строителей. Обходят здание в подробности и осыпают похвалами Месмахера, коему исключительно принадлежит честь успеха.

31 [*марта*]. Четверг. С Лобановым осматриваем музей и классы училища, а также вновь строящееся грандиозное здание. Освидетельствовав шкафы, оставшиеся в Сенате, после вывоза советского архива, решаю отдать их М[инистерству] юстиции, о чем и заявляю Аракину, которого захожу попросить об ускорении представления о гагаринском майорате.

10 ноября. Возвращаемся из Парижа вечером в 6 час., выехав оттуда за три дня перед тем 7-го, в понедельник вечером, в 8 час. Лето я провел так: уехав из Петербурга по окончании сессии Государственного совета во второй половине июня, я отправился в Вильдунген, где пил всегда приносящие мне большую пользу воды. Из Вильдунгена чрез Баден-Баден я проехал в Париж, где встретил жену, и мы вместе переехали в Диепп, но так как погода продолжала стоять очень холодная, то она переселилась в Биарриц, а [я] поехал в Англию, где сначала прогостил два дня у Рандольфа Черчилля, а потом достиг Шотландии (Forsatz Balintore castle [?], станция Kerrymure). Здесь в течение четырех дней охотился у Berteux, мы стреляли граузов в живописной и привлекательной местности. Из Шотландии я проехал в Манчестер, осматривал здесь фабрики, видел Ливерпуль, остров Англези и вернулся во Францию 15 сентября к началу охот, которые так веселы, общительны, легки и обильны в окрестностях Парижа. Пользуясь последним годом нанятой мною в Сиври охоты, часто приглашал туда сначала вел. кн. Алексея Александровича, а потом и Владимира Александровича с Марией Павловной, которые лишь по приезде в Париж на третий день после боркского крушения узнали об этом несчастии[45].

Имея отпуск до 15 ноября, я вернулся 10-го для того, чтобы успеть съездить в Гатчину поклониться их величествам прежде дня принесения поздравлений в день рождения императрицы 14-го ноября.

В самый вечер приезда отправляюсь к бар. Николаи, который за отсутствием вел. кн. Михаила Николаевича исполняет обязанности председателя Государственного совета. Застаю Николаи в его скром-

ной квартире (28, Мойка), совсем расхворавшегося. Прошу его сказать мне, в каком положении находятся проекты гр. Толстого о земских начальниках и земстве. Оказывается, что бар. Николаи намеревается приступить к докладу этих дел в последних числах месяца. Вот и все. Гр. Толстого он не видал, заняться соглашением мнений, высказанных уже Воронцовым, Мансуровым, Старицким, Кахановым, он, бар. Николаи, не считает уместным для председателя, который таким образом как бы заранее высказал свое мнение. Бар. Николаи совершенно согласен со мною в том, что представлять государю одну критику проектов гр. Толстого невозможно, потому что в этом случае может выйти нечто вроде решения по вопросу о присоединении Ростова к Донской области. Бар. Николаи считает необходимым выработать нечто похожее на контрпроект, приведя оппозицию гр. Толстому к соглашению, но подобного рода задачу всецело предоставляет мне. Какими для этого средствами могу располагать я, мне не совсем понятно. Обещаю бар. Николаи сообщать ему все, что сделается мне известным о ходе дела, для успешного его разрешения. От Николаи еду к другому председателю — Абазе. Застаю его весьма довольным тем, что государь его назначил председателем в два высшие совещания: одно — по бюджетным спорам между министрами военным и финансов, а другое — по вопросу, что делать в отношении Персии, которая получила от Англии предложения о постройке железных дорог и вследствие наших давнишних обещаний спрашивает: «Желаем ли мы помочь ей в этом деле или должна она броситься в объятия нашей соперницы?» Абаза очень доволен приемом, оказанным ему их величествами при проезде на юг, а также вниманием, оказанным ему государем на станции при возвращении из путешествия. Абаза еще весьма доволен тем, что Вышнеградский во всяком вопросе спрашивает у него совета. Во всем этом удовольствии для меня чувствуется надежда получить Андреевскую ленту к новому году.

11 ноября. Пятница. В $10^1/_2$ час. еду в Гатчину и, встретив на станции Посьета, сажусь с ним вдвоем в приготовленный для него вагон. Разумеется, с первых слов начинается повествование о крушении. Посьет старается доказать мне, что причиною крушения никак не состояние железнодорожного пути, а бессмысленное составление царского поезда по приказаниям Черевина в качестве главного начальника охраны. Назначенный из инженеров охранный инспектор Таубе не мог делать при этом ничего иного, как повиноваться. На это я возражаю Посьету, что он сам должен был потребовать от государя подчиниться разумным требованиям осторожности и в случае отказа просить увольнения от обязанностей, а отнюдь никак не сопровождать госуда-

ря в путешествие. С этим Посьет соглашается, говоря, что в этом исключительно считает себя виноватым. Относительно своей отставки Посьет утверждает, что, возвратясь в Петербург, сказал государю: «Я опасаюсь, что потерял Ваше доверие. В подобных условиях совесть моя запрещает мне продолжать службу министра». На это государь будто бы отвечал: «Это дело Вашей совести, и Вам лучше, чем мне, знать, что Вам следует делать». *Посьет:* «Нет, государь, Вы мне дайте приказание, или оставаться, или выйти в отставку». На такую фразу государь ничего не отвечал. «Вернувшись домой и обдумав все это еще раз, я написал государю письмо, прося об увольнении. На это в ответ последовал приказ о моем увольнении».

По приезде в Гатчинский дворец отправляюсь в комнаты императрицы внизу, где застаю множество военных и гражданских чинов, чающих представления. У государыни в это время находится гр. А. Мусин-Пушкин, корпусный командир. Вслед за ним вхожу я к великому неудовольствию сидящего тут бывшего начальника певчих Бахметева, который позволяет себе даже громко высказывать свое порицание, причем дежурящий на случай представлений гофмейстер кн. Голицын разъясняет Бахметеву, что я в качестве чина второго класса должен быть принят прежде его.

Императрица принимает меня чрезвычайно любезно. Она не может говорить ни о чем ином, как о железнодорожном своем несчастии, которое и рассказывает мне в подробности. Она сидела за столом против государя. Мгновенно все исчезло, сокрушилось, и она оказалась под грудою обломков, из которых выбралась и увидела перед собою одну кучу щепок без единого живого существа. Разумеется, первая мысль была, что и муж ее, и дети более не существуют. Чрез несколько времени появилась таким же манером на свет дочь ее Ксения. «Она явилась мне как ангел, — говорила императрица, — явилась с сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался мне голос сына моего Георгия, который кричал мне, что он цел и невредим, точно так же как и его брат Михаил. После них удалось, наконец, государю и цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненных около нас. Во всем этом была осязательно видна рука провидения, нас спасшего». Рассказ этот продолжался около четверти часа, почти со слезами на глазах. Видно было, что до сих пор на расстоянии почти месяца ни о чем другом императрица не может продолжительно думать, что, впрочем, она и подтвердила, сказав, что каждую ночь постоянно видит во сне железные дороги, вагоны и крушения. Окончив свое представление в нижнем этаже, я отправился

наверх в приемную государя. Здесь были те же генералы, коих я видел внизу.

В кабинете у государя был вновь назначенный министр путей сообщения ген. Паукер. Потом пошли одиночные представления остальных генералов, потом всех военных меньшего чина поставили в одну комнату и отпустили огулом. В заключение я ожидал, что позовут меня, но в первый раз в нынешнее царствование я был принят не отдельно, а вместе со всеми гражданскими чинами. Чтобы еще больше дать мне почувствовать свое неудовольствие (за что, я в первую минуту никак не мог догадаться), государь позвал к себе в кабинет стоявших в ряду представлявшихся того же Бахметева, а затем вышел и очень отрывистым и взволнованным голосом спросил меня, где я был летом, а потом перешел к следующим лицам. Я хотел остаться в комнате, покуда кончится представление, но занимавшийся этим представлением гофмаршал кн. Владимир Оболенский сделал мне знак, чтобы я удалился в соседнюю комнату, чему я и должен был повиноваться к крайнему моему удивлению, потому что по моим понятиям вежливость требовала бы оставаться в комнате, доколе в ней находился император, что, впрочем, всегда и соблюдалось в прошлое царствование.

Из разговора с Оболенским я понял причину того неудовольствия, которое выказано мне было в довольно грубой форме. Дело в том, что на вел. князей Владимира и Алексея негодуют в Гатчине за то, что они тотчас после боркского несчастия не возвратились немедленно в Петербург, а продолжали жить в Париже, причем тамошние охоты, в коих я принимал деятельное участие, были описаны в несносных французских газетах как ряд каких-то необычайных праздников. Оболенский, предаваясь негодованию относительно такого поведения вел. кн. Владимира Александровича, заключал так: «Ведь если бы мы все были там убиты, то Владимир Александрович вступил бы на престол и для этого тотчас приехал бы в Петербург. Следовательно, если он не приехал, то потому только, что мы не были убиты». Таким оригинальным логическим выводам трудно дать серьезный ответ. Я отвечал общими местами и понял, что на меня, как на первого попавшегося представителя парижских праздников, было вылито негодование, которого, вероятно, братьям своим он не решится вовсе выказать.

Такого рода подстреканиями окружающие государя сделают из него Павла Петровича.

Я очень доволен тем, что слышал в Париже сетования вел. кн. Алексея Александровича на то, что не знает, как исполнить поручение императрицы, которая желала, чтобы он, Алексей Александрович, купил ей вещь, которую она могла бы подарить на елку государю, я рекомендо-

вал вел. князю купить мраморный медальон, изображающий Павла Петровича в профиле, что и было сделано.

Позавтракав с Гагариным, который был свидетелем милостивого приема, оказанного мне государем, возвращаюсь в Петербург опять вдвоем с Посьетом, который, впрочем, ничего любопытною об аудиенции своей не сообщает.

Возвратясь в Петербург, заезжаю к Победоносцеву, с коим приблизительно такой разговор. *Победоносцев:* «Боркское крушение должно бы послужить государю уроком. Нельзя так управлять делами, что ни с кем не говорить, никого не допускать, а только приказывать то, что нравится. Во всем этом деле виноват, конечно, Посьет, в том, что не имел мужества настаивать на исполнении разумных требований своих подчиненных, но главным виновником все-таки является охрана с пьяным Черевиным во главе, который требует беспрекословного исполнения своих приказаний».

Я: «Боркское крушение могло окончиться весьма трагически, но в результате оно представляет весьма счастливое в политическом смысле событие. Впрочем, боркское крушение не входит в пределы моей компетентности, а у меня теперь на руках дело, угрожающее политическою катастрофою, и вот об этом-то деле — проектах гр. Толстого — я и хотел поговорить с тобою».

Победоносцев: «Да что же говорить об этих проектах? В сущности, исход должен бы быть один, сделать государю ясным, что у него нет министра внутренних дел, но кто же может это сделать? Как это можно сделать?»

Я: «За невозможностью это сделать, мне представляется необходимым выставить слабые стороны проекта, но не ограничиваться этим, чтобы не случилось того, что было по проекту о присоединении Ростова к Донской области, когда государь согласился с военным министром против всего Совета. Надлежит одновременно с критикой выработать нечто вроде контрпроекта».

Победоносцев: «Я совершенно с этим согласен».

Я: «Но в таком случае позволь на тебя рассчитывать».

Победоносцев: «Я не могу идти против гр. Толстого, но ты можешь рассчитывать на полную с моей стороны поддержку».

Я: «Значит, при случае, когда возникнет разногласие, ты будешь уговаривать гр. Толстого перейти к другому мнению».

Победоносцев: «С удовольствием».

Я: «Позволь предложить еще одну мысль. Ты читал курс науки правоведения цесаревичу. Если бы его пригласить присутствовать при слушании проектов Толстого, то это послужило бы прекрасной иллюст-

рацией твоих лекций. Он самым живым и наглядным образом получил бы рельефные сведения и о реформах Александра II, и о теперешней неурядице, и о том, чего желать для будущего».

Победоносцев: «Кто же в этом сомневается, что это было бы весьма полезно. Но это возможно было бы сделать только тогда, если бы в Гатчине было *больше свежего воздуха*».

Прежде чем разойтись, по обыкновению, толкуем о прочитанных нами обоими книгах. Я особенно выхваляю ему Lecky «Историю Англии»[46].

Вечером Месмахер. Разговор об успехах постройки музея училища, Ауербах — о Богословске и удачности результата в нынешнем году вследствие возвышения цены на медь.

12 ноября. Суббота. Вследствие болезни бар. Николаи нет заседания в Департаменте законов. Еду осматривать постройку здания нового музея училища. Потом визиты Ванновскому — выслушиваю подробности катастрофы и горькие сетования на Посьета, который будто бы утверждал, что причиною крушения — злоумышление. Еще два хороших рассказа о глупости Посьета. Когда после происшествия он вследствие ушиба ноги сидел безвыходно в своем вагоне, то государь и императрица пришли его навестить. Видя Посьета плачущим, государь стал его утешать, но Посьет сказал ему: «Я плачу, государь, потому что опасаюсь, что вы теперь потеряете доверие к железным дорогам». Ванновскому на другой день после катастрофы Посьет сказал: «Сегодня Вы меня видите очень успокоенным, потому что боркское несчастие застало меня в очень тягостную минуту, я уже два дня перед тем не имел известий от жены, а сегодня получил, наконец, телеграмму».

Государь до сих пор постоянно возвращается мыслью к жертвам катастрофы и не позже как сегодня прислал доклад Ванновского о важных мероприятиях по народной обороне с расспросами о том, где похоронены убитые при катастрофе солдаты, какой над их могилой будет поставлен памятник, и т. д.

Говоря о гр. Толстом, Ванновский рассказывает, что в последний доклад его государь отказал ему, Толстому, в назначении директором Медицинского департамента на место умершего Мамонова некоего чиновника Иерусалимского, сказав, что на такое место следует назначать какого-либо известного профессора, о выборе коего приказал Толстому посоветоваться с Ванновским. К вопросам личным и касающимся его власти Толстой очень чувствителен, хотя, конечно, прелесть 60-тысячного содержания и казенной квартиры заставят его переносить безмолвно и не такие неудачи. Продолжая визиты, застаю дома

Островского. Мне всегда забавно видеть этого мелкого канцеляриста во дворце, построенном для украшения площади пред жилищем любимой дочери императора Николая, дворце, вмещавшем блестящего гр. Киселева[47].

Островский подробно рассказывает, как он провел лето в Крыму, занимаясь оценкой имения Балашевой Массандра, покупаемого государем, как он, Островский, оказался на станции Лозовой, когда туда прибыли император с императрицей, и т. д. Разумеется, при этом воздается должная аттестация добродетелям царствующих особ, а затем и Господу Богу, исполнившему в этом случае свои обязанности охранения не хуже какого-нибудь Грессера.

Переходя к обсуждению толстовских проектов, Островский соглашается со мною, когда я упоминаю о слабых сторонах измышлений Пазухина, но заявляет, что он считает себя солидарным с гр. Толстым и будет его защищать в Совете. При этом выражается так: «Я буду, как всегда, говорить, что думаю».

Я не могу удержаться не сказать: «Что же именно Вы будете думать, то ли, что говорилось в Ваших совещаниях с Толстым, или то, что Вы думаете, говоря со мною, или то, что Вы будете думать в заседании?» Островский говорит, что им будет руководить мысль, имеющая возникнуть в заседании.

В заключение Островский высказывается в пользу введения мероприятий, предлагаемых Толстым, несмотря на их несовершенство, но с тем, чтобы чрез 2 или 3 года были введены уездные начальники согласно предложению Старицкого. При этом всячески уговаривает меня постараться устроить совещание у государя. Иными словами, он желал бы иметь возможность объяснить государю, что он, Островский, берется немедленно применить проекты гр. Толстого, но с тем, чтобы он, Островский, был назначен министром внутренних дел и немедленно мог бы снова переделать всю толстовскую реформу.

«А Россия? — невольно спросит всякий читающий эти строки. — Неужели ей приходится глотать и переваривать все пошлости этих чиновников-фантазеров?» Увы! Она тут совсем в стороне. Кончаю дообеденное время в доме старых и малых Бобринских. Вечером за партией виста Абаза рассказывает, что Икскуль, разбитый параличом, настаивает на том, чтобы ему разрешили возвратиться к своему посту посла в Риме. Гирс, не имея мужества даже в таком ничтожном случае и желая, по обыкновению, все свалить на государя, предложил государю принять Икскуля, чтобы убедиться в неудовлетворительности его физического и нравственного состояния. На это государь ему сказал: «Да ведь я не доктор».

13 ноября. Воскресенье. Охота на лосей в Коломягах. Заезжаю за Воронцовым и, ехавши туда вдвоем, разумеется, толкуем о толстовских проектах. Из нашего разговора оказывается, что в записке Воронцова[48], главным образом, содержатся мысли, заявленные ему в моршанском его имении соседями-помещиками и в особенности Андреем Евграфовичем Воронцовым-Вельяминовым, братом управляющего куликовским имением жены моей. Это несомненно очень умный человек, проведший жизнь в деревне. Вследствие сего основные мысли записки Воронцова очень дельны, но изложение их неудовлетворительно, туманно. Записки этой государь еще не читал, но Воронцов имеет обещание государя, что записка будет им прочтена. Воронцов намерен отстаивать свое мнение и для того ездит в заседания Государственного совета. Я обещаю ему полную поддержку со стороны членов. Он в свою очередь обещает мне сообщать всякое сведение о фактах, могущих споспешествовать удачному разрешению этого важного дела.

В настоящее время, по его словам, государь на основании утверждаемого Толстым убежден в необходимости безотложно, немедленно ввести начальников на местах, чтобы положить предел безначалию и неурядице. Все это подтверждает в моих глазах необходимость не ограничиваться критикою проекта Толстого, а непременно выработать известные заключения в качестве контрпроекта.

Говоря о том, что вел. князья Владимир и Алексей не приехали из Парижа после катастрофы 17 октября[49], Воронцов видит в этом manque d'égards pour l'empereur*. Я повторяю ему, что, толкуя таким образом обязанности братьев императора, нельзя не привести самого императора в состояние его прадеда, при встрече с коим дамы должны были выходить из карет и приседать в грязи. Где пределы этих égards?** Что касается до вел. князей Владимира и Алексея, то государь не имеет более преданных слуг, а Воронцову неуместно повторять такие речи, потому что он по рождению и воспитанию вельможа и ему следовало бы подобные татарские выходки оставить татарам, вроде Володи Оболенского или Володи Шереметева, желающих конфисковать в свою исключительную собственность приятности и выгоды царского собеседничества.

День чудесный, светлый, но охота удается наполовину, потому что лоси хотя и выходят на линию, но вследствие дурной стрельбы избегают незаслуженной смерти.

* Недостаточную почтительность в отношении императора.

** Почтительности.

14 [ноября]. Понедельник. К 11 часам съезжаются на малый выход в Аничковский дворец поздравлять императрицу. За последние годы приглашаются Совет, ген.-адъютанты, офицеры полков, коих императрица состоит шефом, лица, бывшие адъютантами государя, когда он был вел. князем, с их женами и еще несколько человек, по тому или другому поводу втершихся в собрание. По обыкновению здесь происходит служебная биржа, на которой чиновники, живущие каждый в своем углу, обмениваются вопросами и ответами, выходящими из сферы узко канцелярской переписки; разумеется, при этом обделывается много делишек совершенно приватного свойства. На этот раз я поставлю себе главною задачею по возможности склонить членов Совета, высказавших мнения по проекту Толстого, склонить их ко взаимным частным пожертвованиям, часто столь тяжелым для самолюбия. Мансуров безусловно соглашается принять мнение, высказанное Воронцовым, жертвуя при этом высказанною им приверженностью к характеру чисто полицейскому обсуждаемой реформы, Каханов обещает приехать ко мне для более обстоятельного разговора. Воронцова я предваряю, что записка его внушает общее сочувствие, и он обещает мне ездить в Совет, чтобы отстаивать свое мнение. Проект гр. Толстого бранят все, с кем приходится говорить, не исключая Тимашева, который выставляет себя опорою консерватизма. Разговаривая с Вышнеградским, поздравляю его с успехом нового займа[50], советую продолжать ту же скаредность в сбережении казенных денег. Вышнеградский в заключение разговора выражает надежду, что Господь Бог даст России третий хороший урожай, хотя прибавляет он: «Молить Его о том было бы почти дерзостью». *Я:* «Ну, это уже выходит из сферы Вашей компетентности, это дело Победоносцева». *Вышнеградский:* «А вы думаете, что у него будет больше дерзости, чем у меня?» Гр. Толстой приезжает к концу обедни. Он смотрит мертвецом, опускается в кресло, подходит с поздравлениями к императорской чете и тотчас вслед за тем уезжает, не допуская мысли о подвергнутии себя непосильной тягости просидеть в течение получаса за завтраком. Мне он еле кланяется, вспоминая, вероятно, нелестное высочайшее повеление, официально мною ему сообщенное в разрешение его представления об ограничении ссылки[51]. Вернувшись из Аничкова дворца, иду гулять пешком в мокрых потемках. Захожу к Балашеву, который по нездоровью сидит дома.

Вечером ко мне приезжает Дервиз, и мы с ним толкуем о предстоящем обсуждении толстовского проекта.

Высказываю ему мысль, что реформа должна быть совсем иная, что нужно не обособлять крестьянское управление, а слить его с управле-

нием общим, что основою этого нового порядка управления должна служить идея, руководившая императрицею Екатериною при издании дворянской грамоты, а именно, вверить управление местными делами лучшим людям на местах, которые в то время могли быть взяты только из дворянского сословия, а теперь должны быть взяты из среды местного землевладения под условием имущественного и образовательного ценза. Дервиз обещает мне поддерживать предложения Воронцова и его единомышленников.

15 [ноября]. Вторник. В 9 час. прогулка с братом Федором. Всегда тягостные сообщения о различных членах семейства. Осмотр дома на Морской, который благодаря медленности достопочтенного Месмахера еще весьма отстал отделкою. После завтрака посещение вновь строящегося здания ниточной фабрики возле Невской бумагопрядильни. Здание будет грандиозное. Вечером разговор с Кахановым, который тоже обещает присоединиться к программе Воронцова, но при этом настаивает на необходимости сохранения выборного начала.

16 [ноября]. Среда. В 11 час. возвращаются из Крыма Оболенские с детьми, значительно укрепившими здоровье морским воздухом. Доклад Кауфмана об издании тома архива Государственного совета за время царствования императора Павла. Несносные и многочисленные визиты. Обед с Сашею (которому военная служба рядовым в Конном полку подошла кстати) и дочерьми.

17 [ноября]. Четверг. Прогулка с Штендманом и разрешение сомнений, касающихся дел нашего Исторического общества. Формат и шрифт нашего биографического словаря[52]. Приезжает Розенбах, ташкентский ген.-губернатор, заявляет, что в скором времени будут внесены им в Государственный совет два дела: одно — о преобразовании Ферганской области, другое — о раздаче казенных земель в Ташкентской области частным лицам. Розенбах утверждает, что Ташкент имеет огромную экономическую будущность и что он, Розенбах, употребляет все усилия для мирного развития сил этого края, избегая всяких военных столкновений или усложнений. Хлопок, вино, фрукты — вот произведения, кои Ташкент будет в изобилии доставлять России. К сожалению, политика центрального правительства не имеет достаточно ясности и твердости. Вот тому пример. В нынешнем году вспыхнуло восстание в Афганистане[53]. Исакхан восстал против Абдурахмана и прислал к Розенбаху просить о помощи. Розенбах телеграфировал в Петербург, высказывая мнение о невозможности оказывать пособие бунтовщику, который несомненно будет разбит, и тогда нам придется не только иметь неприятную переписку с Англией, но для поддержания нашего престижа на Востоке может даже легко явиться необходимость поддержать покровительствуемое нами дело силою оружия. На телеграмму Розенбаха было получено от Гирса уведомление, что государь одобряет взгляд Розенбаха, но вслед за тем военный министр Ванновский пошел докладывать государю о том же и телеграфировал Розенбаху, что, однако, для поддержания нашего престижа, быть может, было бы полезно оказать просимое у нас пособие. Розенбах повторил первоначальное свое заявление, и тогда повелено было созвать совещание, состоявшее из Гирса, Ванновского, Зиновьева и каких-то будто бы знатоков азиатских дел. На этом совещании, разумеется, Гирс и Ванновский остались, конечно, каждый при своем мнении. Журнал об этом разногласии был представлен государю, который дал такую резолюцию: «Так как единогласие не было достигнуто, то предоставить ген.-губернатору Розенбаху и начальнику Каспийской области Комарову действовать по их усмотрению».

Между тем усмотрение этих двух лиц совершенно различно — Розенбах, управляя Ташкентом и заботясь лишь о гражданском развитии и экономическом преуспеянии этой плодоносной страны, далек от мысли каких бы то ни было военных усложнений. Комаров, напротив, начальствуя над бесплодной степью, так и рвется к овладению соседними более производительными территориями. Какое же тут единство действий, какая правительственная политическая программа?! Розенбах сетует на отягощение его обязанностей необходимостью наблюдать за вел. кн. Николаем Константиновичем. Розенбах убежден, что этот несчастный, хотя и не может быть назван сумасшедшим, тем не менее страдает расстройством душевных способностей, чему служат доказательством несообразные от времени до времени выходки, как, например, что он однажды отправился к сосланному в Ташкент нигилисту и предложил ему войти с ним в союз. За такую проделку Розенбах посадил виновного под арест дома на месяц, а затем приставил к нему полковника, который почти не отходит от него. Николай Константинович женат и имеет двух детей, хотя брак его не признан государем. Он получает 12 тыс. руб. в месяц содержания и тратит свои деньги на устройство ирригации в степи. Занятие это его очень интересует, но Розенбах опасается, что занятие это ему надоест и тогда неизвестно, на что он бросится. Я советую Розенбаху устроить так, чтобы ирригационные занятия приносили Николаю Константиновичу выгоду и могли служить обеспечением его семейства, тогда будет менее опасности, что он бросит это занятие[54]. Разъезжая по городу для отдачи визитов, удивляюсь пустоте петербургских улиц, отсутствию всего, что могло бы быть похоже на щегольство и изящество.

18 [ноября]. Пятница. Прогулка с Краузольдом. Обсуждение порядка управления новой ниточной фабрикой. Я не хочу компании на акциях, чтобы избегнуть гласной отчетности пред финансовым управлением и следующей за тем зависти, которая возбуждает разные затруднения и препоны.

Здоровье Пита так поправляется, что сегодня он встал и мы играем с ним первый его роббер виста. Скучные визиты. Застаю Гирса, который неумолкаемо хвалит прелести финляндской жизни. Как-то совестно за Россию видеть этого бездарного и пугливого жидка в палатах министра иностранных дел. Продолжительный разговор с бар. Николаи о земских начальниках, с Манасеиным — о том же.

Получив уведомление от Победоносцева о том, что он был в Гатчине и передал государю записку Мансурова, столь резко критикующую проект Толстого, еду к Победоносцеву, надеясь узнать что-либо полезное для ведения этого трудного и щекотливого дела, но мой хитрец собеседник на этот раз ничего говорить не хочет. Он говорит приблизительно следующее: «Когда мне нужно видеть государя, то я обыкновенно пишу ему, что приеду на следующий день к двенадцати часам. Обыкновенно выбираю день, когда у государя бывает поменьше докладчиков, так я сделал в этот раз и поехал в четверг, но тут оказались гр. Толстой, Рихтер, Воронцов и Островский, привезший доклад, коего он был лишен в понедельник, в день рождения императрицы. Меня позвали к государю, когда уже был час без двадцати минут. У меня было записано на бумажке пять дел, о коих я должен был докладывать, все свои церковные дела, о духовном завещании вел. кн. Александры Петровны, главным образом, о порядке погребения ее, потом о достройке собора в Херсоне, на который Государственный совет отпустил нам 300 тыс. руб. — сумма достаточная для того, что остается сделать, если бы не вмешался Исеев, который хочет устроить комиссию из своих протеже с большими содержаниями, а тогда и денег не хватит. Потом еще говорил о нашем военном духовенстве, которое безобразничает, потому что не состоит в правильно организованной дисциплине, а Бобриков не хочет подчинить нам это духовенство, желая сохранить власть в своих руках. Вот я и говорил государю, что мне мудрено иметь дело с таким человеком, как вел. кн. Владимир Александрович, потому что от него мудрено получить категорический и самостоятельный ответ, потому что ответ дает какой-нибудь человек, сидящий у него за спиною.

О двух следующих делах Победоносцев умолчал, а в заключение сказал: «Смотрю, уже скоро час, час их завтрака, а Воронцов еще не докладывал, ну и ухожу, да уже в дверях вспомнил, что у меня с собою записка

Мансурова, которую я прочитал и отметил карандашом выдающиеся места. Записку эту отдал государю с просьбою внимательно прочитать. C'est la vérité, mais pas toute la vérité et pas rien que la vérité*».

19 [ноября]. Суббота. Продолжительная прогулка с Ауербахом и разговор о делах в Богословске. В $12^1/_2$ час. еду завтракать к вел. кн. Алексею Александровичу. Вел. князь принимает в своем кабинете и начинает разговор так: «После Вашего отъезда из Парижа я всячески уговаривал Владимира приехать сюда ко дню рождения императрицы, Мария Павловна поддерживала меня, но Владимир ни за что не хотел согласиться и настоял на том, что вернется в день истечения своего отпуска 20 ноября».

Я: «Это очень жаль, Ваше высочество, потому что именно против вел. кн. Владимира Александровича в лицах, окружающих государя, распространено сильное возбуждение, а так как лица эти служат лишь отголоском того, что говорится в тесном, интимном кружке их величеств, то я имею основание думать, что и у государя расположение к Владимиру Александровичу в настоящее время не особенно хорошо».

Алексей Александрович: «Да я говорил и с государем, и с императрицей очень долго и ничего такого не заметил».

Я: «А я, Ваше высочество, слышал от близко стоящего к ним, как Вам самому известно, кн. Оболенского такое суждение, что если бы боркское крушение оставило на месте катастрофы всех путешественников, то вел. кн. Владимир Александрович, вступая на престол, приехал [бы] в Петербург, а если он не приехал, то единственно потому, что престол ему не достался».

Алексей Александрович: «Это уж чресчур глупо».

Я: «А в подтверждение того, что и государь смотрит на все это не так, как Вы думаете, расскажу Вам, как был принят я». (Следует рассказ.) «Я очень хорошо понял, что я тут ни при чем, а что на мне вымещают неудовольствие против Владимира Александровича».

Алексей Александрович: «Это должно быть какое-то недоразумение».

Дальнейший разговор продолжался за завтраком преимущественно на те же темы. Я высказываю такую мысль, что, к сожалению, государь окружен людьми, желающими конфисковать его в свою исключительную собственность для своих личных целей. Во главе таких лиц, по моему мнению, стоят два Володи, Оболенский и Шереметев, с женами. Они стараются оттереть от государя даже ближайших его родственников, а между тем на родственниках государя и в особенности на его братьях лежит, могу сказать, вящая политическая роль.

* Это правда, но не вся правда и не одна только правда.

Прежде около трона была родовитая аристократия, которая могла высказывать государю правду, если не в официальных служебных делах, то в ежедневных житейских сношениях и на увеселительных сборищах. Теперь аристократия уничтожилась, самая великосветская жизнь почти не существует более. Государь доступен только для подобострастных чиновников, видящих в нем средство для достижения личных себялюбивых целей. При таких условиях жизни весьма естественно поднимается значение тех сообщений, взглядов, кои могут быть высказаны людьми независимыми и преданность коих в глазах императора не может подлежать сомнению.

Естественным образом беседа касается боркского несчастья[55]. Вел. князь выражает надежду, что виновники катастрофы будут наказаны, при этом относительно Посьета находит, что он потерпел уже наказание тем, что потерял место. Вел. князь рассказывает, что, говоря с государем о Посьете, он сказал государю: «Ты, конечно, никогда не имел высокого мнения о его дарованиях, но, вероятно, и теперь сохранил уважение к нравственному его характеру». На это государь отвечал: «К сожалению, в этом отношении мое мнение должно было измениться». *Вел. князь:* «Почему?» *Государь:* «Потому что после этого несчастия он старался свалить вину на кого-нибудь другого и возбудить подозрение, что при этом было злоумышление». *Вел. князь:* «Да кто это тебе говорил? Сам Посьет?» *Государь:* «Нет. Ванновский и Воронцов, которые слышали это от самого Посьета». *Вел. князь:* «Ну это незавидный поступок со стороны их обоих. Это лягание осла, и я бы на твоем месте не придавал бы значение словам лиц, которые поступают так в отношении своего давнишнего товарища».

Разумеется, наш завтрак не кончился без воспоминания о нашем пребывании в Париже и времени, столь приятно проведенном на охотах.

От вел. князя еду в Совет, где слушается представление министра юстиции об установлении предельного возраста для лиц судебного ведомства[56]. Почти все члены соединенного присутствия настроены враждебно к этому представлению и откладывают его под предлогом дополнительных сведений. Вечером слушаю доклад посланного нынешним летом в Богословск Струкова относительно положения там поземельного вопроса, имеющего для заводовладельца особенную важность, потому что с правом собственности на поверхность наше законодательство неразрывно связывает право на недра земли, что в горнозаводском округе может парализовать горнозаводское дело.

20 [ноября]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Влангали. Совещание с Месмахером в училище. Заезжаю навестить младших сыновей вел. кн. Михаила Николаевича Алексея и Сергея. В $5^1/_2$ [часа] уезжаем в Рапти: Оболенские, Саша, Андрей.

21 [ноября]. Понедельник. Приятная охота облавою, погода чудесная, возвращаемся в Петербург в $11^1/_2$ час. вечера.

22 [ноября]. Вторник. Разбирая бумаги, полученные накануне, нахожу уведомление от Танеева о том, что государю императору угодно на будущее время предоставить личному своему усмотрению награждение министров и главноуправляющих отдельными частями, а также членов Совета, что поэтому высочайше повелено на будущее время сосредоточить переписку о сем в собственной канцелярии, и для того Танеев просит меня в возможной скорости сообщить ему список членов Совета с обозначением последней полученной награды. Вслед за тем, как первый пример нового порядка, Танеев сообщает мне выписку из приказа по Собственной канцелярии, объявляющую высочайшую благодарность гр. Палену за труды по председательствованию в еврейской комиссии[57].

Дело в том, что в предшествовавшее царствование министры всегда награждались по личному усмотрению государя. Когда я был назначен государственным секретарем, то пред отъездом в Москву на коронацию получил от вел. князя приказание написать рескрипты лицам, коим государь назначил награды по списку членов Государственного совета, списку, в коем включены были и министры. С тех пор вел. князь ежегодно представлял государю список членов Совета и награды продолжали назначаться, как перед коронацией. Все прежние председатели Государственного совета имели право говорить государю о деятельности членов Совета и, следовательно, о заслуженных ими поощрениях. Лишение этого права будет чрезвычайно чувствительно вел. князю, который им дорожит, быть может, больше, чем иными своими прерогативами. Объявление же высочайшей благодарности члену Совета в приказе собственной канцелярии будет принято членами Совета почти за оскорбление. До сих пор выражение такой благодарности объявлялось прочтением в Общем собрании Совета и письмом председателя.

В 11 час. еду в церковь Адмиралтейства присутствовать на панихиде по умершем вчера в Севастополе Шестакове. То был истинный сын отечества, горячо любивший добро, его искренность, правдивость для меня были в высшей степени привлекательны и ставили этого человека весьма высоко над прочими его сверстниками и сотоварищами. Смерть Шестакова тяжелая народная, государственная утрата. На панихиде, кроме вел. кн. Алексея Александровича, множество моряков, присутствуют Гирс и Бунге. Последний в теплых выражениях оцени-

вает личность умершего. Как иллюстрацию его достоинств Бунге вспоминает о том, как два года тому назад во время пререканий с Англией, близких к разрыву, было собрано у государя совещание, на коем государь настаивал на том, в какой степени Англия была не права; разумеется, никто не смел прекословить и обсуждение клонилось к объявлению войны, когда Шестаков имел мужество сказать государю, что хотя право и на его стороне, но что из любви к отечеству надлежит забыть свое право и, так сказать, пожертвовать своим самолюбием. Этой смелой речью Шестаков, быть может, отвратил великие от России бедствия.

В 2 часа еду к П[етру] Шувалову, возвратившемуся из Берлина. Он с большим интересом выслушивает то, что я имею сказать ему о петербургских обстоятельствах, и, в свою очередь, рассказывает не лишенные интереса подробности пребывания цесаревича в Берлине. Цесаревичу приказано было, возвращаясь из Копенгагена, остановиться в Берлине не более как между 8 и 11 час. вечера и в это время сделать визит императору, который нашел это пребывание слишком коротким и просил Шувалова (посла) телеграфировать о том в Петербург. Вследствие такой телеграммы цесаревичу разрешено остаться в Берлине сутки.

Узнав о том, император решил оказать цесаревичу всякие почести, выписал с Рейна почетный караул, от полка коего цесаревич состоит шефом, объявил, что сам поедет встречать его на станцию, что даст ему на следующий день парадный обед, и прислал гр. Шувалову сказать, чтобы в день приезда цесаревича был ужин в русском посольстве.

Шувалов стал готовиться к ужину, когда к нему явился флигель-адъютант императора объявить, что император желает сидеть за столом между Шуваловыми — мужем и женой, вслед за тем адъютант явился с приказанием приготовить комнату, в коей император мог бы переодеться. Ему указана была комната во втором этаже, но через час тот же адъютант привез приказание императора отвести ему уборную комнату в нижнем этаже. На другой день обед в честь цесаревича был назначен в 4 часа для того, чтобы император мог тотчас после обеда уехать куда-то на охоту. Все это обличает какую-то самодурную мужиковатость, и Петр Шувалов весьма опасается, что, оставаясь верным своей причудливой буйности, этот господин еще наделает нам много хлопот. Ума в нем Шувалов не признает.

Заезжаю к Николаи поговорить о заседании 3 декабря.

Вечером русский театр — «Правительница София» — превосходная постановка, художественные и исторически верные декорации и костюмы.

23 [*ноября*]. Среда. Получаю записку от Победоносцева, предваряющего меня, что зайдет из Синода, чтобы сделать мне сообщение. Приходит в 3 часа и рассказывает следующее: «Две недели тому назад, в четверг, прямо с доклада из Гатчины приехал к Победоносцеву Толстой и передал ему приказание государя написать рескрипт Делянову по случаю 50-летнего его юбилея, при этом Толстой говорил, что согласно выраженному Деляновым желанию он выхлопотал ему у государя графское достоинство, что государь сначала смеялся над этим желанием, а потом согласился. При этом стали говорить о рескрипте, и государь велел обратиться к Победоносцеву, сказав, что Половцов опоздал представлением к подписи рескрипта Гирсу, несмотря на то что давно имел об этом приказание. В заключение государь сказал: «Я его распущу». Все это происходило накануне того дня, когда я так любезно был принят в Гатчине. Я заверил Победоносцева, что никогда никакого приказания не получал, что я уехал в Германию в июне месяце, а юбилей Гирса был 13 октября, что этими вопросами с особою любовью занимается вел. князь председатель, коему я и оставил это дело, и что во всяком случае оно до меня во время моего отпуска ничуть не касалось. По совету Победоносцева, прошу гр. Толстого меня принять и немедленно к нему отправляюсь. Застаю его в полумертвом состоянии сидящим пред стаканом чаю. Он, по обыкновению, начинает с того, что хвастает отсутствием каких бы то ни было бумаг на стоящих в кабинете его столах. Потом гр. Толстой буквально повторяет мне все сказанное Победоносцевым, но предварительно выражает свое неудовольствие на то, что Победоносцев передал мне слова, слышанные от него, гр. Толстого. Я ему объясняю, почему меня невозможно было в чем-нибудь обвинять. Гр. Толстой вызывается объяснить все это государю завтра на докладе с тем, чтобы я прислал ему подробную справку. Затем речь касается обсуждения в Государственном совете проекта о земских начальниках, и он, гр. Толстой, настаивает на том, чтобы дело было поскорее доложено, говоря, что он никаких уступок не сделает, и выражая как бы заранее уверенность, что государь согласится с его предположениями, а что, следовательно, вся болтовня в стенах Совета никакого значения не имеет.

Еду к Бобринским праздновать рождение старшей моей внучки. Застаю здесь П. Шувалова, разумеется, шуткам насчет графства Делянова нет конца. Вечер за советскими бумагами.

24 [*ноября*]. Четверг. Прогулка с Анатолием Половцовым, его рассказы об археологическом институте и успехах в изучении истории искусства. Панихида по Шестакове. Еду поздравлять Е.А. Балашеву, но не застаю дома. Сижу за чтением проекта о земских начальниках,

когда ко мне является чиновник от гр. Толстого передать, что граф вернулся из Гатчины и поручил сказать мне, что он доложил государю присланную мною ему, Толстому, справку о том, в каком порядке изготовлялся проект рескрипта Гирсу. Подобная присылка — верх дерзкого нахальства, но мне ничего не оставалось делать. Не мог же я требовать удовлетворения от этого трупа.

В 4 часа еду в Царское Село навестить вел. кн. Владимира Александровича. Застаю вел. княгиню в постели. Сидим в ее спальне и разговариваем полтора часа о приятных впечатлениях парижского и тягостных — петербургского пребывания. Вел. князь повторяет, что не надо обращать никакого внимания на петербургские сплетни, выражает уверенность, что ничто не поколеблет его отношений к старшему брату. Напротив, вел. княгиня и я доказываем ему, что нельзя ручаться за то, что окружающие государя лица, желающие конфисковать его в свою пользу, могут наговорить. Во время разговора получается весьма любезная телеграмма от государя, который благодарит за какой-то особенно вкусный соус, привезенный ему Владимиром Александровичем из Парижа. В 7 час. возвращаюсь к обеду в Петербург. Обедают Влангали, Н. Абаза, Шидловский.

25 [*ноября*]. Пятница. У Краузольда разговор о ниточной фабрике, которая обещает необыкновенные результаты. Доклад Маршнера о постройке дома в Раптях. Визиты, и, между прочим, заезжаю к Воронцову. Рассказываю ему проделки гр. Толстого. Он советует написать письмо государю. В 5 час. еду к вел. кн. Алексею Александровичу, рассказываю ему то, что со мною произошло; он также советует написать письмо государю и апробует* следующую приготовленную мною редакцию: «Ваше императорское величество. Прошу извинения у Вас в том, что впервые дерзаю утруждать Вас ходатайством, лично меня касающимся. Я имел горе слышать из уст гр. Толстого непосильно тяжелые слова Ваши о службе моей. Долг мой обязывал меня немедленно представить фактические данные в оправдание взведенного на меня обвинения. Находясь в неизвестности о том, как было представлено мое оправдание, испытав в течение долгого ряда лет Вашу любовь к правде, дерзаю просить Вас дозволить мне выслушать от Вас правду».

Вел. кн. Алексей Александрович объявил мне, что желает, чтобы я вместе с Чихачевым взялся за разбор бумаг, оставшихся после покойного Шестакова. Разумеется, я принял это поручение с удовольствием.

26 [*ноября*]. Суббота. В 10 час. утра получаю от государя мое письмо обратно с такою надписью: «Я не вами был недоволен, но нерас-

* *От латинского approbare — одобрять.*

порядительностью Государственной канцелярии по поводу рескрипта к юбилею Н.К. Гирса. Впрочем, справка, представленная мне через гр. Толстого, объяснила дело».

Еду на выход в Зимний дворец по случаю Георгиевского праздника. По обыкновению, членов Государственного совета немного. Люди более близкие расспрашивают меня о том, правда ли, что государь меня так дурно принял. Всем отвечаю: «Правда». Относительно причины отвечаю, что она мне неизвестна. Люди менее близкие допрашивают людей более мне близких. Все это очень скучно и понапрасну отнимает время. Так как письмо было написано по совету вел. кн. Алексея Александровича, то посылаю ему прочитать резолюцию, присовокупляя, что эти холодные строки служат в моих глазах доказательством нерасположения ко мне государя, что при таких обстоятельствах я не могу быть полезным для ведения серьезных, стоящих на очереди государственных дел и что поэтому я как милости прошу у вел. князя разъяснить государю необходимость скорейшего удаления меня от обязанностей государственного секретаря.

На это получаю от Алексея Александровича такую записку: «Любезный Александр Александрович. Не хотите ли заехать ко мне завтра около пяти часов, и мы переговорим об интересующем Вас деле. Я никак не могу согласиться с Вашим мнением, но писать об этом слишком долго. До свиданья. Весь ваш *Алексей*».

27 [*ноября*]. Воскресенье. В 11 час. еженедельное собрание — три внука Оболенские и три внучки Бобринские. Одновременно возвращаются из Москвы родители последних, ездившие на похороны гр. Алексея Васильевича Бобринского. Весьма добрый, честный человек, долго служивший московским губернским предводителем, а последние пять лет числившийся членом Государственного совета.

Завтрак с Влангали у Гагариных. Прогулка с Велио, который после семилетнего отсутствия в деревне возвратился на житье в Петербург. В 4 часа приходит Вышнеградский. Пробую говорить с ним о предстоящем обсуждении законопроекта о земских начальниках, но решительно ничего иного не могу добиться, как что он никак не согласится назначить этим лицам более 1500 руб. жалованья, тогда как гр. Толстой настаивает на цифре 2500. Свои соображения Вышнеградский опирает в особенности на том, что у него есть деревня около станции Торбино и в этой местности около него живут несколько соседей, которые охотно пойдут на службу из-за 1500 руб.

В 5 час. еду к вел. кн. Алексею Александровичу. Разговор приблизительно такой. *Вел. князь:* «Решительно не разделяю Вашего мнения. Если бы случилось что-либо такое по моему министерству, то я считал

бы себя вполне удовлетворенным полученным от государя ответом». *Я:* «Может быть, и я тоже считал бы себя удовлетворенным, если бы не было всего предшествовавшего — приема в Гатчине, какого не видал еще ни я, ни один из моих предшественников, журнальных помоев и, наконец, похвальбы гр. Толстого об обидных слышанных им словах. Наконец, я состою 20 лет в сношениях с государем и отлично чувствую, что за всем этим есть еще не высказанное неудовольствие, но в чем оно заключается, я решительно не могу догадаться. По всей вероятности, Толстой, а может быть, и Победоносцев рассказали какую-нибудь небылицу, которой я никогда не узнаю. Ведь мой предшественник Сперанский по наговору предшественника гр. Толстого был сослан в Пермь, и до сих пор мы не знаем за что».

Вел. князь: «Послушайте, Александр Александрович. Я Вас считаю очень умным человеком, могущим быть полезным государству, я готов сделать все, что могу, чтобы разъяснить это недоразумение».

Я: «В таком случае, Ваше высочество, говоря с государем о предположении поручить мне разбор бумаг Шестакова, спросите его, имеет ли он что-нибудь против меня, так как в городе ходят слухи об оказанном мне приеме».

Вел. князь: «Я обещаю Вам это сделать и уверен, что государь мне скажет, что ровно ничего против Вас не имеет».

Я: «А уверены ли Вы, что если он это скажет, то что оно действительно так?»

Вел. князь: «Безусловно уверен. Но заранее предваряю Вас, что если он скажет мне что-либо нелестное для Вас, то я передам Вам это целиком».

Я: «Только об этом и прошу Вас. Моя совесть так чиста, что мне решительно нечего бояться, а всего неприятнее неизвестность».

В заключение разговора вел. князь рассказывает, что приехавший из Парижа кн. Евгений Лейхтенбергский привез вырезку из какого-то журнала, сообщающую, что государь император чрезвычайно сердит на братьев, которые не вернулись в Петербург тотчас после катастрофы 17 октября. К этому прибавляют, что вел. кн. Мария Павловна написала своему дяде Рейссу письмо, в коем говорила о катастрофе и упоминала о том, что, благодаря этому случаю, ей мог достаться трон. Одновременно Евгений рассказывал, что будто бы подобное письмо Марии Павловны было перехвачено французскими чиновниками, и известный американский журналист-миллионер Беннет, почему-то преданный русскому царствующему дому, всячески старается выкупить это письмо. Вел. кн. Алексей Александрович намеревается завтра же расспросить Марию Павловну о том, писала ли она когда-либо подобные письма.

Расстаемся с тем, что во вторник в 5 час. я приеду выслушать результат его разговора с государем.

28 [ноября]. Понедельник. Обычное заседание Общего собрания Государственного совета с весьма небольшим числом довольно пустых дел. После Общего собрания в соединенных Департаментах слушается представление министра юстиции о переустройстве судебной части в Прибалтийском крае[58]. Манасеин с свойственною ему запальчивостью отстаивает каждую букву своего проекта, причем мысль об улучшении отправления правосудия в этой местности не играет никакой роли, а идет речь исключительно о распространении русского языка, об объединении окраины с империей и т. п. Обедает Винспиер, который сообщает грустные подробности о семейных отношениях вел. кн. Михаила Николаевича.

29 [ноября]. Вторник. Получаю от вел. кн. Алексея Александровича такую записку: «Любезный Александр Александрович, я остаюсь сегодня здесь на охоте и потому Вас не увижу. Мое предположение было совершенно справедливо; государю угодно было сказать, что он никаких причин не имеет быть Вами недовольным и что гр. Толстой объяснил все недоразумение насчет канцелярии. До свиданья. Весь Ваш *Алексей*». Отвечаю так: «Ваше императорское высочество. Не знаю, как выразить Вам мою сердечную благодарность и за милостивое Ваше участие, и за любезную записку Вашу.

Никогда я не забуду, с какой добротой, человечностью Вы поступили в отношении человека, не избалованного подобным обращением, но который ставит верное, снисходительное чувство и уместное его проявление выше всего в жизни.

Думаю, что в словах моих Вы не заподозрите ничего иного, как то, что они прямо значат, и не теряю надежды когда-нибудь не словами, а делом доказать Вам беспредельную благодарность и сердечную преданность Вашего покорного слуги».

30 [ноября]. Среда. Завтрак с Оболенскими. Он читает мне свою записку против проекта гр. Толстого. В 4 часа еду с Шидловским к Воронцову толковать о предстоящем в субботу заседании. Вечером смотрю начало балета «Весталка», а потом возвращаюсь к чтению проектов.

1 декабря. В 1 час у бар. Николаи. Убеждаю его произвести разногласие по вопросу о том, рассматривать ли проект о земских начальниках или признать необходимым поставить шире задачу и признать необходимым учреждение (согласно заявленным в отдельных мнениях запискам) уездного начальника[59]. Разногласие это нести чрез Общее собрание к государю и после разрешения им сомнения или возвратиться к обсуждению проекта, или возложить на гр. Толстого

полную его переделку. Он напоминает мне первоначальное мое мнение о том, чтобы составить контрпроект, на что я возражаю, что я убедился в невозможности составления такого проекта по недостатку орудий и сил, вследствие чего подобная попытка даст гр. Толстому возможность разбивать все, что будет выдумано в Совете, который в таком случае променяет выгодное свое положение на весьма невыгодное. Поэтому я считал бы наиболее целесообразным начать с того, что выслушать мнения тех, кои не разделяют мнения гр. Толстого, кои не хотят обособлять крестьянского управления, а желают, напротив, организовать орган местного для всех сословий управления, и за оказавшимся разногласием отобрать голоса, и, прежде чем переходить к дальнейшему рассмотрению законопроекта, представить это разномыслие чрез Общее собрание на высочайшее разрешение.

Бар. Николаи сначала отказывается допустить голосование, но потом сознает необходимость это сделать, хотя утверждает, что в случае согласия государя с мнением гр. Толстого Совет очутится в невыгодном положении, потому что ему нельзя будет возвратиться к мысли об устройстве органа общего управления, а придется ограничиться рассмотрением по параграфам толстовского проекта. Я не совсем разделяю это мнение, полагая, что и затем Совет сохранит свободу критики, из которой может вытекать необходимость иного, чем предлагаемое гр. Толстым, устройства. Посидев у дочери Оболенской, еду к Мансурову убеждать его, чтобы вел прения к разногласию и не возбуждал частных вопросов, в коих разноречие должно ослабить значение группы оппонентов гр. Толстому.

От Мансурова захожу к живущему рядом с ним Победоносцеву, желая и его иметь на стороне противников проекта.

Победоносцев говорит, что по первому впечатлению он будет против Толстого, но что не может связать себя категорическим обещанием по невозможности предвидеть заранее ход прений. До него доходит слух, что гр. Толстой намерен отступить от своих требований и сделать из своих земских начальников каких-то совершенно ничтожных попечителей над крестьянским сословием. Если так, то Победоносцев охотно перейдет на его сторону. Признаюсь, этого я совсем не понимаю, хотя, конечно, не считаю нужным спорить.

Победоносцев рассказывает, что был в этот день в Гатчине, что ехал, главным образом, чтобы видеть императрицу, но что пошел и к императору. Докладов было много, и он получил на свою долю лишь 20 минут, чтобы поговорить о двух-трех спешных делах. Несмотря на это, Победоносцев рассказывает, что сказал государю, что, видя, как неприятно подействовал на меня оказанный мне государем по возвращении моем прием, он, Победоносцев, счел необходимым передать мне слышанное от гр. Толстого о неудовольствии государя по поводу рескрипта Гирса, что при этом государь сказал ему, что я (Половцов) приехал в Гатчину в такой день, когда у государя было множество людей и дел, так что он был засуечен и не обратил внимания на то, как меня принял.

Я: «Ну, а о толстовских проектах ты говорил?»

Победоносцев сказал только, что нас в субботу ожидает пытка разбирать такие не соглашенные с общим строем и отрывочные предположения. К этому прибавил, что, конечно, гр. Толстой не может продолжать быть министром долее нескольких месяцев, а потом? Кому придется приводить в действие все эти его предположения?

Победоносцев: «Сказал я еще государю: «Вот я прочитал в приказах по Государственной канцелярии, что объявляется высочайшая благодарность члену Совета гр. Палену. Как приедет вел. кн. Михаил Николаевич, то явится к Вам, государь, с претензиями», а на это государь говорит: «Да он постоянно доказывает мне, что он обязан аттестовать членов Совета, а я ему говорю, что в его аттестации я не нуждаюсь, потому что сам слежу за их деятельностью». (Я упорно молчу.)

Победоносцев: «Да вот еще стали говорить о том, что некого назначать в члены Совета, могущих принести пользу. Государь говорит, что многие претендуют на это, хотя не могут принести никакой пользы, так, например, Бреверн-Делагарди ни за что не хотел быть назначен в члены Военного совета, а непременно требовал быть членом Государственного совета. По этому поводу я (т. е. Победоносцев) указал ему на Дмитриева, который не только умный, но и разумный человек, не поддающийся увлечениям. Государь отозвался о нем хорошо».

При этом надо упомянуть, что я первый говорил Победоносцеву о кандидатуре Дмитриева, желая только получить уверенность, что он не будет мне противодействовать. Поэтому я предложил Победоносцеву доложить вел. князю председателю после его возвращения с тем, чтобы он испросил согласие государя на это назначение, но Победоносцев просил этого не делать на том основании, что вел. князь напутает, а пускай лучше государь сам о том вспомнит.

Иными словами: «Не хочу, чтобы Дмитриев считал себя обязанным вел. князю, пускай будет почитать меня своею креатурою». Вечером в Рисовальном училище заседание совета. Вступление совета в обязанности на основании нового нашего устава.

2 [декабря]. Пятница. Визиты. а) Каханову, который немедленно входит в мои виды, тут же Стояновский, который обещает и свое содействие. б) Перетцу, который добивается узнать одно: на чьей сто-

роне более шансов, чтобы поступить сообразно. Передает подробности совещаний по этому вопросу, бывших у Сольского и Грота. в) Абазе, которого уговариваю не приезжать, чтобы не дать Толстому права говорить, что он, Абаза, увлек Совет.

3 декабря. Суббота. Продолжительный разговор с Ауербахом о возможности увеличения производства меди в Богословске. В 1 час заседание соединенных Департаментов под председательством бар. Николаи, который начинает с комплиментов труду гр. Толстого, труду, отвечающему всеобщему желанию упорядочения сельской жизни, затем просит гр. Толстого отвечать тем лицам, кои считают нужным поставить вопрос иначе, а именно вместо земского начальника — органа обособленного крестьянского управления создать орган общего на месте управления для всех сословий.

Гр. Толстой отвечает, что у него все подробно изложено в представлении и что он ничего прибавить не имеет, а просит позволения говорить, выслушав опровержения; Манасеин на вопрос о том, могут ли последовать сокращения в числе мировых судей, отвечает, что нет. Гр. Воронцов-Дашков указывает на то, что настоящий проект, вероятно, составляет лишь первый шаг на пути изменения порядка местного управления, первое звено целой цепи учреждений. Вероятно, министр внутренних дел имеет в этом отношении определенный план, но так как он этого плана не сообщает, то Государственному совету невозможно обсуждать условия, в которые следует поставить земского начальника, не зная, как он будет соприкасаться с прочими учреждениями. Во всяком случае, он, гр. Воронцов, не находит возможным учреждать должность земского начальника так, как предлагает ее гр. Толстой, а думает, что следует выработать тип местного администратора участкового начальника для всей территории участка и для всех сословий, а не для одних крестьян. Разрешение этого основного вопроса гр. Воронцов считает необходимым предпослать обсуждению проекта. Островский и Победоносцев заявляют желание высказать свой взгляд после. Тимашев, спрошенный, как министр внутренних дел, находившийся во власти в 1874 г., когда уничтожены мировые посредники и введены нынешние крестьянские присутствия, долженствовавшие, по мнению Главного комитета, служить переходной мерой для обращения специального крестьянского управления к общему гражданскому строю, заявляет, что тогда было время увлечений, что тогда думали, будто не следует касаться крестьянского самоуправления, вмешиваться в него, что последующие события не оправдали этого взгляда и теперь надлежит безусловно принять проект гр. Толстого и немедленно его ввести в действие. К.К. Грот выставляет, что при той неопределенности, в которую проект ставит земских начальников относительно полиции, власть полиции будет ослаблена, а этим произойдет не умножение, а уменьшение порядка на местах.

После обычного перерыва, посвященного чаепитию, заседание возобновляется. Исаков с обычной его высокопарной туманностью говорит о прежних мировых посредниках, о том, что земские начальники будут вторгаться в жизнь крестьянских обществ и т. п., но все это, по обыкновению Исакова, говорится бессвязно, бездарно. Фриш настаивает на необходимости прежде всего решить вопрос, поставленный бар. Николаи и поддержанный Воронцовым, о том, сочинять ли новую должность для обособления крестьянского самоуправления или выработать тип участкового начальника. Дервиз, к сожалению, впадает в несвоевременную еще критику некоторых сторон проекта, и бар. Николаи останавливает его. Старицкий говорит что-то, чего я решительно не могу расслышать. Сольский находит, что ввиду всего того, что было высказано в заседании, и при несомненной уверенности, что гр. Толстой не будет отстаивать упорно малейшую подробность проекта, было бы всего практичнее произвести переработку проекта в среде Государственного совета. Перетц подхватывает эту мысль, думая таким образом понравиться гр. Толстому и заручиться его содействием для получения председательского кресла в Департаменте законов, так как бар. Николаи категорически заявил о своем намерении удалиться. Последнее предложение Сольского и Перетца не подвергается обсуждению, и заседание прекращается в $4^1/_2$ [часа].

Пред концом заседания гр. Толстой отходит с Плеве в угол комнаты и говорит ему по секрету, но так громко, что мои чиновники слышат это: «Я устал и уеду; они, кажется, хотят устроить комиссию для переработки проекта. Вы можете соглашаться, но с тем, чтобы председателем комиссии был назначен Старицкий. Впрочем, я посоветуюсь еще об этом сегодня вечером с Пазухиным».

Вернувшись домой, немедленно пишу государю и посылаю в Гатчину подробный отчет о всем происходившем в заседании.

В 7 час. приезжает из Канн вел. кн. Михаил Николаевич. Хотя он мне телеграфирует, что просит не приезжать встречать его на станцию, но я понимаю это, разумеется, в обратном смысле. На станции нахожу сыновей вел. князя, его адъютантов и товарища фельдцейхмейстера Софиано. Вел. князь очень доволен тем, что я приехал, и приказывает приехать на другой день завтракать в $12^1/_2$ часа.

4 [*декабря*]. Воскресенье. Завтрак у вел. кн. Михаила Николаевича по обыкновению с детьми и воспитателями. После завтрака идем в кабинет вел. князя для разговора о делах, но в это время приезжает

вел. кн. Николай Николаевич, и мне приходится прождать добрые полчаса в обществе вел. кн. Николая Михайловича, которого я всегда упрекаю в невоздержанности языка.

Вел. князю читаю бумагу Танеева о том, что на будущее время вел. князю запрещается делать государю представления о награждении членов Совета. Вел. князь этой бумагой очень опечален и намеревается просить государя об увольнении от председательствования. При этом он с искренней скромностью говорит, что чувствует, что председательствование не по его способностям, что, вероятно, государь хочет назначить кого-нибудь другого, например вел. кн. Владимира, и что это, вероятно, будет очень хорошее назначение, что покинуть председательствование нисколько не будет тягостно для него, вел. князя. Я вполне соглашаюсь с ним, но прошу не сердиться в разговоре с государем, а высказать все это таким тоном, каким он это говорил мне.

Вел. князь расспрашивает меня об оказанном мне приеме. Стараюсь по возможности представить это как факт безразличный, который во всяком случае не должен усложнять главного вопроса — о его собственном положении.

Вечер сначала за меморией, а потом у Абазы. Город занят назначением обер-гофмейстерины гр. Строгановой, рожденной Бутурлиной. Она и муж ее гр. Павел Сергеевич очень скромные и пользующиеся уважением люди, уже около десяти лет удалившиеся от света и уединенно живущие в своем роскошном доме на углу Сергиевской и Моховой, ими построенном и устроенном. Одни говорят, что сама императрица возымела мысль о подобном назначении, другие утверждают, что и этому назначению не чужд Победоносцев, бывающий по воскресеньям в домашней церкви Строгановых.

5 [*декабря*]. Понедельник. В 12 час. приезжает завтракать вел. кн. Владимир Александрович с Марией Павловной и вел. кн. Михаил Николаевич. Шувалов, приехав, так дурно себя чувствует, что немедленно уезжает. Завтрак проходит весело в воспоминаниях о Париже, а вел. кн. Михаил Николаевич восхищается своим пребыванием в Канне. В 1 час Государственный совет. Николаи заявляет мне, что в субботу не будет заседания, потому что на этой неделе будет на квартире у Перетца совещание с Плеве ввиду возможности соглашения с гр. Толстым. Я очень хорошо понимаю происки Перетца и настаиваю лишь на том, чтобы все было известно вел. кн. Михаилу Николаевичу. Вследствие моего настояния бар. Николаи после заседания приходит в кабинет председателя и рассказывает, что вследствие разговора между Толстым и Перетцем будет совещание у последнего завтра, во вторник, и затем, если между ними при участии Старицкого, Мансурова,

Фриша, Дервиза состоится соглашение, то придется доклад дела отложить, а если не состоится, то дело будет докладываться в субботу. Вслед за тем Перетц подходит ко мне и изображает все дело, как будто инициатива исходит от гр. Толстого. На вопрос о том, какое мое мнение, отвечаю, что ничего не имею сказать, если все это сделано с соизволения председателя.

Обед с дочерьми, Всеволожским, Убри и Зографо.

6 [*декабря*]. Вторник. В 2 часа в квартире покойного Шестакова. Вдова, Чихачев и я открываем его столы, но не находим ничего особенного в бумагах, исключая дневника, который он вел с молодости, но в особенности писал аккуратно за последние годы[60]. По завещанию дневник этот должен быть сдан для хранения в публичную библиотеку, директору коей предоставляется определить время, когда возможно будет издать этот дневник в свет[61].

В 4 часа еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу и передаю ему дерзкую и лживую статью, напечатанную сегодня в «Гражданине» о субботнишнем заседании Совета по законопроектам Толстого[62]. Доказываю вел. князю необходимость объявить Мещерскому предостережение и невозможность продолжать работу в Совете при подобных условиях. Все подобные статьи пишутся по внушению приближенных гр. Толстого, потом вырезываются и посылаются государю. Таким образом, ему подносятся инсинуация и клевета, кои сам Толстой не решается сказать.

Мой вел. князь, слушая это, только повторяет: «Какой нахал!» Вел. князя занимает вопрос, о коем он намерен говорить завтра с государем, вопрос о пенсии графине Адлерберг. Я удостоверяю, что более 5 тыс. руб. не получила ни одна вдова члена Совета. Вел. князь выражает надежду, что ей дадут 5 тыс. и сохранят 15 тыс. пожизненной пенсии, завещанной ее мужу покойным государем.

Я предсказываю, что этого не будет ни в каком случае. Вечер за бумагами.

7 [*декабря*]. Среда. Похороны Жомини. Человек неглупый, начитанный в общем смысле, без всяких убеждений, по мнению современников, искусно владевший своим французским пером, но это искусство тогда только ценно, когда оно облегчает воплощение ясных широких мыслей и искренних честных чувств; ничего такого у Жомини не было, да и самый слог его, особливо под конец жизни, сделался очень дребезжащим, а не звучным. Получаю от бар. Николаи такую записку: «La séance de samedi prochain sera consacrée à l'affaire des земских начальниках. La conférence privée qui a eu lieu chez Peretz avec le concours de Plevé n'a pas pu amener un résultat de conciliation assez marqué pour

que l'on puisse bâtir là-dessus un édifice d'unanimité; il est done nécessaire de continuer à discuter en séance»*.

Заходит ко мне Фриш и рассказывает, что в совещании их накануне Плеве в качестве представителя гр. Толстого выразил согласие на то, чтобы участковый начальник был поставлен не как заведующий обособленным крестьянским управлением, но как администратор над всею территориею и над всем без различия сословий населением участка. Затем разногласие коснулось дальнейшей иерархии этого нового управления. Гр. Толстой отвергает подчинение участкового начальника уездному начальнику; в этом отношении предложено соглашение, всех удовлетворявшее, а именно предложено подчинить участкового не единоличной власти уездного начальника, а целой коллегии под председательством уездного предводителя. Разногласие обострилось на том, предоставлять ли этому новому начальнику право отменять всякие постановления сельских и волостных сходов, решения волостных судов. Гр. Толстой настаивает на этом праве, а другие утверждают, что это равнозначительно уничтожению всего крестьянского положения и может вызвать народное неудовольствие.

8 [декабря]. Четверг. В 9 час. еду с Шуваловым охотиться в окрестностях Лесного института; убиваем трех лисиц. Дорогою Шувалов рассказывает, что гр. Толстой хвалился ему тем, что воспрепятствовал в прошлом году пожалованию Андреевской ленты Абазе тем, что уверил государя, будто сведенный без дефицита бюджет ложен и что лучшим доказательством ложности будет то, что в течение года для покрытия издержек понадобится новый заем. Хотя заем был сделан лишь для конверсии и уменьшения суммы платимых процентов, тем не менее гр. Толстой ныне приводит государю факт займа как доказательство справедливости сказанного им год назад. Шувалов рассказывает еще, что гр. Толстой на днях жаловался государю на меня, как на главного оппонента его проекту в Государственном совете.

Вернувшись домой, нахожу бумаги, присланные вел. князем и доложенные им государю с отметкой: «Списки надо представить». Находя такое уведомление недостаточным, пишу ему записку с просьбою назначить время, когда он может меня принять. Ответ: «Сегодня в 10 час.»

Обедают Шиповы, Тимашев, Имеретинский, Влангали, который утверждает, что о назначении его послом в Рим Гирс еще не говорил государю, но что предстоит необходимость ускорить этим назначением, потому что Эрнест Мейендорф, исполняя обязанности поверенного в делах, чрезвычайно восстановил против себя Криспи.

---

* «В следующую субботу заседание будет посвящено вопросу о земских начальниках. Частное совещание, происходившее у Перетца при участии Плеве, не привело к настолько очевидному соглашению, чтобы можно было надеяться не единодушие; поэтому придется продолжать обсуждение на заседании».

Имеретинский по обыкновению бойко рассказывает забавные истории, например: Игнатьев был послом в Константинополе в то время, когда Посьет, плавая с вел. кн. Алексеем Александровичем, потопил «Александр Невский» на берегах Дании. Султан, познакомившийся с вел. кн. Алексеем в то время, когда он проходил чрез Дарданеллы, пригласил к себе Игнатьева для объяснения подробностей кораблекрушения. Игнатьев, не имевший иных подробностей, кроме газетной телеграммы, объяснил султану, что это крушение было произведено Посьетом намеренно для окончания морского воспитания вел. князя.

Говоря о наглых выходках Мещерского в «Гражданине», Имеретинский рассказывает, что когда появилась статья против военносудного ведомства, то военный министр написал гр. Толстому, спрашивая, что он намерен сделать. Гр. Толстой отвечал, что запретит розничную продажу на четыре месяца, но при этом просил Ванновского согласиться на смягчение этого наказания, чего Ванновский не сделал, несмотря на то что Мещерский немедленно написал опровержение против первоначальной статьи.

Имеретинский рассказывал еще со слов Ванновского, что назначение его министром путей сообщения было совсем решено и только по проискам Вышнеградского был назначен Паукер.

В 10 час. еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу и застаю его в очень веселом настроении. *Михаил Николаевич:* «Ну-с, все кончилось очень благополучно. Начался мой доклад с разговора о проекте гр. Толстого. Я рассказал государю, что происходило на субботнишнем заседании, потом показал ему статью Мещерского и объяснил всю несправедливость обвинений, взводимых на Совет, объяснил, что более одного заседания в неделю на дело о земских начальниках Совет не может дать, потому что по понедельникам бывает Общее собрание, по вторникам Комитет министров, где председатели департаментов обязаны присутствовать, сверх того один день отдается Гражданскому департаменту, где теперь рассматривается проект введения судебной реформы в Прибалтийском крае, и один день Департаменту экономии, так что старикам Совета приходится иметь в шесть дней недели пять заседаний, не говоря о времени, необходимом для приготовления к этим заседаниям. В заключение я просил государя приказать министру внутренних дел дать Мещерскому предостережение. Государь отвечал, что поговорит с гр. Толстым.

После того я сказал государю, что в мое отсутствие получена бумага от Танеева с высочайшим повелением препроводить к нему списки

членов Совета и т. д. Государь отвечал, что он давно имел в виду сосредоточить в Собственной канцелярии награждение министров и членов Совета, что этим будет положен конец всяким ходатайствам и притом не произойдет более того, что случилось нынче летом во время отсутствия Половцова с рескриптом Гирсу. Тогда я сказал: «Позволь, Саша, тебе напомнить, что тут заменявший Половцова Вильсон не виноват, а я тебе напоминал при встрече на Кавказе в такие-то дни». На это государь повторил безошибочно ту справку, которая была послана мною через гр. Толстого. «Скажи мне, Саша, — продолжал вел. князь, — не есть ли это указание на то, чтобы я уходил из председателей Совета; я просил тебя об этом в прошлом году, я очень хорошо сознаю, что у меня нет нужных для того способностей, познаний; я с удовольствием уступлю это место другому лицу, которое ты изберешь и которое будет гораздо успешнее нести эти обязанности».

Государь: «Я не сомневаюсь, что ты охотно откажешься от этих обязанностей, но я тебя прошу оставаться». При этом, — добавлял вел. князь, — я очень хорошо видел, что он искренно желает, чтобы я оставался».

В заключение доклада был испрошен отпуск гр. Игнатьеву, что очень радует вел. князя, потому что, таким образом, семейство Игнатьева проведет зиму вне Петербурга, и, наконец, зашла речь о пенсии графини Адлерберг.

Государь сказал вел. князю, что ему известно, что у графини Адлерберг есть личное значительное состояние. Вел. князь с наивностью отвергал это. Государь выразил согласие дать 10 тыс., а вел. князь просил 20 тыс., чему, я думаю, не было примера. Для разрешения вопроса мне поручено взять у Воронцова справку о том, какая пенсия была назначена вдове кн. Петра Михайловича Волконского. В дополнение к этому вопросу вел. князь сообщил мне, что был в это самое утро у графини Адлерберг, которая заявила ему такую претензию — сохранить пожизненное владение домом и все то содержание, коим пользовался ее муж. Содержание это составляли: 36 тыс. жалованья, 25 тыс. на ремонт дома и 15 тыс. пожизненной пенсии по духовному завещанию покойного государя. Претензию свою графиня основывает на статье учреждения Министерства двора, в коей сказано, что вдовы придворных служителей, прослуживших 50 лет, сохраняют в пенсию жалованье мужей. Здесь, конечно, разумелись лакеи, но на этот раз графиня Адлерберг готова подвести своего мужа под их категорию.

9 [декабря]. Пятница. Гуляя утром, в $9^1/_2$ часа захожу к Воронцову и нахожу у него уже в этом часу множество просителей и докладчиков. Он рассказывает мне, что, когда он принимал от гр. Адлерберга

кассу Министерства двора, то в ней оказалась хранившаяся сумма 450 тыс. руб., принадлежавшая графине Адлерберг; что о том, как она составила себе это состояние разного рода темными аферами, есть доказательства в делах кабинета.

Воронцов обещает приехать в субботу на советское заседание. Передает, что на докладе у государя накануне говорил о проекте Толстого, показывал статью Мещерского и добавил, что такие статьи объясняются тем, что редакции получили от гр. Толстого заявление, что государь безусловно одобрил его проект и что потому они обязаны писать в его смысле. При этом государь выражает на лице большое удивление.

Провожу вечер у дочери Анны, которая внезапно захворала горлом.

10 [декабря]. Суббота. В 1 час заседание соединенных Департаментов. Толстой говорит против учреждения должности уездного начальника, преимущественно потому, что это унизило бы положение уездного предводителя. Старицкий старается возвратить прения к обсуждению вопроса, поставленного в прошлое заседание, о том, какого начальника следует учреждать, начальника обособленного крестьянского управления или для всей территории участка и для всего проживающего в участке населения.

Каханов держит длинную, заранее приготовленную речь, в коей излагает ход работ по составлению проектов для реформы местного управления, и, останавливаясь на том, что сенаторские ревизии и его комиссия ясно указали недостатки местного управления, кои он и перечисляет; Каханов доказывает, что устранение этих недостатков возможно лишь при начертании общего плана переустройства провинциальных учреждений. Толстой отвергает и возможность быстрого начертания такого плана, и пользу его. Он указывает на то, что почти все реформы — судебная, крестьянская, земская, университетская — произведены без общего плана, и находит, что одновременная слишком обширная и быстрая перемена опасна, потому что надо считаться с умственными привычками населения.

Мансуров возвращается к поставленному для разрешения вопросу, доказывает невозможность учреждения власти земского начальника исключительно для крестьянских дел, критикует то, что земским начальникам предоставляется отменять всякие распоряжения крестьянских властей, не исключая и распоряжения хозяйственные. Мансуров находит, что вопрос об изменении порядков крестьянского самоуправления требует более серьезного изучения, для коего ныне Государственный совет не имеет даже надлежащего материала. Гр. Толстой восклицает, что теперь он понял мысль Мансурова, который считает,

что правительство не вправе касаться хартии, единожды данной крестьянам.

Мансуров возражает, что никогда этого не говорил, но гр. Толстой продолжает на ту же тему и кончает заверением, что земские начальники должны быть учреждены исключительно для крестьянского управления и что он, Толстой, от этой мысли не отступит.

Вернувшись домой, посылаю государю довольно подробный отчет о всем, что было сказано в заседании.

Вечером Абаза рассказывает, что ездил в Гатчину докладывать о результате трех совещаний, в коих он председательствовал, а именно: а) о персидских делах[63], б) о сети стратегических железных дорог[64], в) о разногласии между министрами военным и финансов по предмету нормального бюджета Министерства военного[65]. Государь принял Абазу очень любезно, двукратно благодарил за труды и обстоятельно расспрашивал подробности о его дочери и внуке.

11 [декабря]. Воскресенье. Целый день за мемориальным извлечением, а вечером в Александрийском театре, плохая пьеса Суворина «Татьяна Репина».

12 [декабря]. Понедельник. В 11 час. по обыкновению у вел. князя, уговариваю его не горячиться за графиню Адлерберг в вопросе о ее пенсии, так как государю известны и цифра ее состояния, и средства, коими состояние это приобретено. О статьях «Гражданина» говорю, что начать судебное преследование неосторожно, не заручившись обещанием государя, что он не велит прекратить преследование. Если это обещание не будет получено, то лучше ограничиться просьбою, чтобы Мещерский был вызван к Феоктистову и получил запрещение описывать заседание Государственного совета. За завтраком вел. кн. Михаил Михайлович говорит, что едет на праздники навестить больного брата Георгия в Канне, причем сетует, что ему придется провести целый день в Париже. Я советую ему зайти в музей Лувра, но он отвечает, что зашел туда один раз и у него закружилась голова и с тех пор он туда не возвращается, чувствуя, что недовольно к тому приготовлен. К этому он прибавляет, что предпочитает пойти в салон, так как в Париже, по его мнению, каждое первое число месяца открывается салон!!!

В Совете вел. князь по моему наущению приглашает после заседания Общего собрания бар. Николаи с тем, чтобы он объяснил ему, как он намерен вести дальше дело о земских начальниках. При этом присутствуют Абаза, Старицкий и я. Николаи обещает поставить в следующее заседание категорически вопрос о том, что желательно — один крестьянский начальник или общий для участка администратор.

Обед у Нессельроде. Вечером у Анны.

13 [декабря]. Вторник. Страшная стужа, сижу целый день дома и наслаждаюсь чтением записок Шестакова о его молодости. Замечательна литературная отделка[66].

14 [декабря]. Среда. Провожу утро за чтением записок Шестакова. В 5 час. заходит вел. кн. Владимир Александрович; сообщает о восхищении вел. кн. Сергея Александровича Египтом. Разговариваем о непомерных требованиях графини Адлерберг относительно пенсии. Она доказывает, что вдовы придворных служителей, прослуживших 50 лет, получают в пенсию полное содержание мужей, не боясь поставить своего мужа в категорию придворных лакеев. В $6^3/_4$ часа приезжает из Гатчины вел. кн. Михаил Николаевич. Жена моя принимает его и велит разбудить меня, покоящегося в предобеденном сне. Вел. князь очень доволен своим обычным свиданием с государем. Он передал мысль гр. Толстого о том, чтобы преследовать судом Мещерского за его статьи против Государственного совета, при этом сказал, что, так как мера эта резка и до сих пор не была принимаема, то вел. князь счел нужным испросить предварительное одобрение государя и что в том случае, если бы государь предпочитал этого не делать, то можно было бы ограничиться тем, что призвать Мещерского в Главное управление по делам печати и объявить ему, чтобы он не смел на будущее время печатать известий о том, что происходит в заседаниях Совета. Выслушав все это, государь сказал: «Это можно сделать».

После сего вел. князь сказал государю, что я (Половцов) прошу быть принятым для того, чтобы доложить о наградах чиновникам Государственной канцелярии, а также об устройстве во вновь отстроенном архиве отделения для дел государственной важности. Государь, не задумываясь, отвечал, чтобы я приехал на следующий день в 12 час., и при этом вел. князь не заметил никакого со стороны государя неприятного выражения.

Графине Адлерберг назначил 15 тыс. руб. пенсии.

15 [декабря]. Четверг. В $10^1/_2$ [час.] еду в Гатчину. В вагоне сижу вдвоем с Воронцовым. Передаю ему приказание представить доклад о пенсии графине Адлерберг. В приемной у государя ожидает Рихтер; выходит с доклада гр. Толстой и показывает пустой портфель, как бы щеголяя тем, что государь оставил у себя все важные дела, ему привезенные; в действительности же никаких важных дел нет, доклад имел целью испрошение наград, и государь, не доверяя Толстому, приказал оставить у себя бумаги для того, чтобы легче отказать в том, о чем Толстой просит, а просит обыкновенно и несправедливо, и не в указанных размерах.

В $12^3/_4$ [часа] вхожу в кабинет; разговор приблизительно такой: *Государь:* «С чего Вы взяли, что я Вами недоволен?» *Я:* «Ко мне приходит Победоносцев и передает слова Толстого о том, что он слышал от Вас, в заключение коих Вы, говоря про меня, сказали: «Я его распущу». *Государь:* «Я никогда этого не говорил, а упоминал о Государственной канцелярии, которую надо бы распечь за допущенную медленность. Вел. князь говорит, что напоминал мне летом о юбилее Гирса, но если так, то и следовало прислать мне рескрипт тогда же. Во всяком случае, если бы я был Вами недоволен, то ни в каком случае не объявлял бы Вам о том чрез третье лицо, а сказал бы Вам прямо».

Я: «Позвольте, государь, благодарить Вас за ту уверенность, которую Вы мне даете на будущее время, что Вы всегда выскажете мне прямо всякое Ваше неудовольствие. Прошу Вас и сегодня сказать, имеете ли Вы и сегодня какой-либо повод быть недовольным ходом дел в Совете или Государственной канцелярией». *Государь:* «Нет, никакого».

Переходим к моему докладу. Я напоминаю, что четыре года тому назад по высочайшему повелению собрана была под моим председательством комиссия для выработки проекта передачи в архив Государственного совета послепетровских дел, имеющих государственное значение. Представители ведомств, в коих хранятся такие бумаги, высказались так враждебно, что я свел свои предположения на минимум и предлагаю сосредоточить в новом здании лишь дела таких учреждений, кои в прошлом столетии несли законодательные обязанности, а затем еще такие дела, кои угодно будет государю императору повелеть передать сюда же. О чем и прошу разрешения войти с представлением в Государственный совет.

Государь: «Лучше в Комитет министров, потому что в Совете немедленно подымутся прения».

Я: «Напротив, государь, я опасаюсь прений Комитета, где каждый министр захочет удержать состоящий в его ведении архив, а Совет легко убедится доводами, кои я Вам представил».

Потом государь рассмотрел списки наград моим чиновникам и все утвердил. Настало молчание, которое я решился не прерывать.

Государь: «У Вас в субботу опять будет заседание по делу о земских начальниках?»

Я: «Точно так, Ваше величество. На этот раз, вероятно, будет поставлен вопрос о том, чем должен быть этот начальник. Управителем специально крестьянских дел или администратором по пространству всей территории участка? Вероятно, будут говорить Победоносцев, Островский, Манасеин. Все они, хотя участвовали в совещаниях у гр. Толстого, но тогда старались только помирить два ведомства, так

сказать, решали вопрос, какие пуговицы будет носить новый начальник. Самого основания предлагаемой реформы никто не касался, и потому я не удивлюсь, если по существу вопроса эти министры выскажутся против гр. Толстого. Мне кажется, что нет повода производить разногласие, а следует при рассмотрении параграфов подробно определить компетентность участкового начальника».

Государь: «Отчего же не быть разногласию? В существенных вопросах оно, напротив, полезно».

В заключение этого разговора государь дважды благодарит меня за те письма, кои я посылаю ему тотчас после каждого сколь-нибудь значительного заседания. При этом он говорит, что о существовании этих писем не сообщает никому, а когда ему приходят говорить о заседании, то все, что ему сообщают, уже известно ему и всегда бывает представлено ему мною верно.

Я: «Такие отчеты можно писать только тогда, когда имеешь уверенность, что пользуешься доверием того, кому пишешь. Если бы я мог думать, что Вы подозреваете меня в том, что я пишу под влиянием своих личных симпатий или антипатий, то, конечно, я не решился бы говорить так смело. Прошу Вас, государь, принять еще во внимание и то, что я пишу, вернувшись домой, то, что слушал в течение нескольких часов; при этом память может несколько изменить, но думаю, что я представляю факты в истинном их свете. У меня цель одна, чтобы Вы знали все, что делаете в Совете, и знали истину».

После меня идет с докладом Воронцов, который приглашается к высочайшему завтраку, я же отправляюсь завтракать к Черевину; там же завтракают другие докладчики Рихтер и Дурново. За завтраком Черевин рассказывает подробности увольнения Игнатьева от обязанностей министра внутренних дел. Игнатьев, почитая себя на высоте могущества, сидел в своем кабинете; ему объявили о приезде Танеева, которого он принял в общей приемной, но Танеев настоял на том, чтобы быть принятым в кабинете, и здесь показал ему проект указа об увольнении, прося указать надлежащее выражение о том, что Игнатьев сохраняет звание ген.-адъютанта[67].

Возвращаюсь в Петербург с Рихтером, который печалится о гатчинском уединении и его последствиях.

В $5^1/_2$ час. у вел. кн. Михаила Николаевича повествование о путешествии в Гатчину.

16 [декабря]. Пятница. Сильный мороз; сижу дома и наслаждаюсь чтением записок Шестакова о николаевском времени. В 3 часа заседание совета Исторического общества. Бычков, Феоктистов, Сергеевич. Толкуем об издании биографического словаря[68]. Уговариваюсь с Феок-

тистовым о редактировании бумаги с изъяснением высочайшего повеления о том, чтобы призвать Мещерского и строго ему запретить выдумывать описания заседаний Совета. Я ничего бы не имел против публикования стенографических отчетов, но распространять бранную ложь и клевету без возможности знать истину не может отвечать видам правительства.

Вечером заезжаю к Победоносцеву, который утверждает, что вследствие соглашения с Островским и Мансуровым будет вотировать против гр. Толстого.

17 [декабря]. Суббота. Заседание о земских начальниках. Победоносцев доказывает, что нет повода производить разногласие, Островский и Мансуров заявляют, что если министр внутренних дел утверждает, что ждать более нельзя и ничего иного также сделать нельзя, то Совету нельзя поступить иначе, как принять мнение Толстого. Сольский красноречиво и противно привычке на этот раз энергически оппонирует Толстому, доказывая необходимость сделать из земского начальника общеадминистративную власть. Толстой заявляет, что ни в чем не отступит от своего проекта, и требует голосования, давая понять, что заранее уверен в поддержке государя. Николаи в длинной речи объясняет, почему им был поставлен вопрос, приводя сомнения, возбуждаемые в нем проектом. Упоминая о сословном дворянском начале, лежащем в основе проекта, Николаи приводит свидетельство ярого поборника дворянских интересов саратовского предводителя Кривского об опасности такой постановки.

Гр. Толстой запальчиво прерывает председателя, требуя, чтобы кн. Гагарин (его товарищ), председательствовавший в комиссии, где Кривским было заявлено, объяснил Совету поведение Кривского. Николаи хочет продолжать речь, но Толстой не дает ему говорить, тогда Абаза произносит следующее: «Когда один член прерывает другого, то председатель его останавливает, но когда председателя прерывают, то его положение очень трудно». Толстой извиняется в нарушении порядка. В конце заседания производится голосование, причем 4 министра и 2 члена Совета Философов и Мансуров 2-й соглашаются с Толстым, а 18 членов — против[69].

Обедают Абаза, Убри, Нессельроде, Балашев; после обеда сцены Горбунова и вист.

18 [декабря]. Воскресенье. Целый день сижу за изложением своего мемориального извлечения и донесения государю о субботнишнем заседании.

19 [декабря]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. В 12 час. он и вел. кн. Владимир Александрович приезжают

завтракать. В Совете Мансуров оспаривает Вышнеградского по вопросу о выдаче полугодовых патентов[70]. Упрекаю Манасеина в том, что он согласился с гр. Толстым, на что он мне отвечает, что, таким образом, «они» провалили проект гр. Толстого, потому что по утверждении государем мнения меньшинства о том, что земский начальник должен быть исключительно крестьянской властью, весь проект при дальнейшем его обсуждении будет сведен на нуль.

Как полезны для России такие нулевые законы! Музыкальный вечер у Анны. Она сама играет сонату с Вержбиловичем.

20 [декабря]. Вторник. Еженедельный доклад Краузольда о фабриках. Чтение книги Шнейдера о Вильгельме[71], вечер у Нелидовой.

21 [декабря]. Среда. Просматривая записки Шестакова, нахожу в них такую критику участников прений в Комитете министров: наш Комитет in corpore* более** взаимные уступки, спихивание дел в Государственном совете из лени или боязни ответственности, даже коллективной. У умного и строго говорящего Сольского первая идея — № какой-нибудь предшествовавшей бумаги; иногда в словах его есть суть, но больше теория. Островский — сердитый чиновник, мечтающий, что от него только свет и пристойность, а кругом тьма и бурлачество. Гр. Толстой — ему хоть трава не расти, за исключением гонения на прессу. Диктатор по тону только, но легко сдается. Победоносцев — красно всхлипывающая кликуша. Бунге — честный, с лучшими намерениями, но по уступчивости способный сделать недолжное. Посьет — не умеющий употребить на пользу дела познаний, честности и усердия, qu'il ne sait pas faire valoir***. Рейтерн опытен, en concilliant il avance et fait avancer ses idées****. Военный министр никогда не бывает (в другом месте Шестаков пишет: «Ванновский — pauvre ivre»*****).

Обедаем у Анны.

22 [декабря]. Четверг. В 1 час у вел. кн. Михаила Николаевича. Генерал, заведующий артиллерийским музеем, представляет остатки древнего оружия, найденные при раскопке курганов на юге России, а также рисунки пушек, найденных на морском берегу, недалеко от Очакова; пушки заряжаются с казенной части и, вероятно, принадлежали генуэзцам в XV столетии. Вел. князь рассказывает подробности своего доклада государю накануне: вел. князь представил государю надлежащие соображения в подтверждение того, что происшедшее в

*В полном составе *(лат.)*.
***Далее одно слово не разобрано.*
***Которые он не умеет проявить.
****Идя на соглашение, он продвигается и продвигает свои идеи.
*****Упоенный бедняга.

соединенных Департаментах разногласие по делу о земских начальниках должно быть выслушано в Общем собрании и представлено государю из Общего собрания, а не из соединенных Департаментов. Что учреждение Государственного совета всегда соблюдалось так, служит доказательством свидетельство бывших государственных секретарей Сольского и Перетца. На это государь согласился. Когда стали говорить о самом существе дела, то государь повторял слова, произнесенные Толстым в заседаниях, особливо относительно невозможности учреждения уездных начальников. Доказательством необходимости возможно быстрого введения земских начальников государь приводит показание Толстого, что если это не будет сделано, то в предстоящее лето непременно вспыхнут крестьянские бунты[72]. Достоинство предположений Толстого подкрепляется свидетельством губернаторов (!), кои единодушно одобряют предлагаемые Толстым мероприятия. Словом, весь вопрос предрешен и государь высказывает удовольствие о происшедшем в Совете разногласии.

Говоря о необходимости назначить юриста в Гражданский департамент, вел. князь сослался на министра юстиции Манасеина, с коим только что разговаривал, прося указать достойного кандидата; при этом Манасеин, не обинуясь, назвал исключительно Саломона, председателя Гражданского кассационного департамента.

На это предложение государь сказал: «Я соберу о нем сведения». Читай: «Спрошу отзыв Победоносцева».

Рассказ этот вел. князь заключил словами: «Я очень хорошо вижу, что он хочет, чтобы я сидел на председательском кресле, как индийский петух, не имея в сущности никакой власти». Не могу воздержаться, чтобы не прибавить, что при таких условиях служба в Государственном совете ничего привлекательного не представляет. Выйдя от вел. князя, гуляю пешком и встречаю Чихачева, который говорит, что шел ко мне для того, чтобы я предуведомил вел. князя, что по Морскому министерству собираются дать бриллиантовые Андреевские знаки гр. Гейдену, а между тем Новосильский старше Гейдена, так придется дать и Новосильскому. Объясняю, что это дело больше нас не касается, а передано Танееву.

Во время разговора встречаем вел. кн. Михаила Николаевича, которому я тут же докладываю о домогательстве Чихачева. Вел. князь выражает согласие на награждение Новосильского, которое ни в каком более отношении от него не зависит.

В 9 час. заседание совета Рисовального училища, рассмотрение порядка счетоводства и расходования сумм. За коллекцию Beurieley решено предложить 500 тыс. франков.

23 [декабря]. Пятница. Получив от Гирса уведомление, что Моренгеймом сделано распоряжение к охранению бумаг гр. Лорис-Меликова, но что по показанию его семейства большинство бумаг хранится в Петербурге у младшего сына — кавалергарда, пишу о том государю. Получаю ответ: «Необходимо пересмотреть его бумаги и все, что не касается семейства, отобрать для подробного осмотра, а потом увидим, что с ними делать»[73].

На это пишу, что надо сказать, кому именно поручается это дело; прибавляю, что полезно бы к этому привлечь военного. Ответ: «Поручаю это Вам и ген.-адъютанту Рихтеру, предупредите его».

Вечером еду к Рихтеру. Телефонируем и узнаем, что оба сына Лорис-Меликовы уехали. Решаем опечатать помещения, в коих бумаги их хранятся.

В 5 час. у вел. кн. Алексея Александровича, коему повествую прием свой в Гатчине.

Совещание с двумя адвокатами и Всеволожским об устройстве его дел.

Обедает Долгорукий, возвращающийся в Персию. Хотя и оправдан в последних делах касательно допущения английского влияния, но очень обескуражен порядком дел в своем министерстве; вообще постарел, хандрит, ничего похожего на прежнего блестящего Ники.

24 [декабря]. Суббота. Отвратительная погода, сижу целый день за мемориальными извлечениями и чтением записок Шестакова.

25 [декабря]. Завтрак у Гагариных. В 3 часа елка для внуков и внучек. Утомительное по размерам извлечение из мемории. Мучительна и бесполезна моя служба.

26 [декабря]. Понедельник. Вел. кн. Михаил Николаевич присылает пригласить к завтраку. Застаю его сияющим вследствие получения от государя такой записки: «Любезный дядя Миша. Я полагаю назначить членами Совета Саломона и Менгдена, а об остальных еще нахожу нужным собрать сведения. От души твой племянник *Саша*».

Читая это, вел. князь говорит мне: «Сознайтесь, что Вы писали об этом государю».

Я даю слово, что этого не делал и вообще в личные вопросы никогда не вмешиваюсь.

Еду к Манасеину сообщить эту приятную для него новость. Он, разумеется, восхищен. Я настаиваю, чтобы он спустил на место Саломона своего товарища Маркова, на которого я же указал Набокову при назначении его товарищем министра юстиции, но который за время служения моего государственным секретарем опротивел мне своим преступным равнодушием к самым важным делам. Манасеин соглаша-

ется, что это так, но говорит, что ему очень тяжело будет объяснение по этому предмету с Марковым. Я полушутя ему говорю, что такие объяснения составляют тяжелую, но необходимую часть его обязанностей, обязанностей пред русским народом, который платит за все выгоды сопряженною с наслаждением министерской властью. Говорим об ответственности за боркское крушение, я ему доказываю необходимость поставить обвинение пошире и привлечь людей посильнее. Помиловать потом всегда возможно, но для России важно иметь убеждение, что не всякое дело можно задушить в Петербурге, а ему, Манасеину, не следует упускать случая поднять роль правосудия и явить пример почти несуществующей для высшего чиновного сословия ответственности. Манасеин со всем этим соглашается, но всего этого побаивается и во всяком случае не намерен ничего предпринимать без какого-либо высшего совещания и государем санкционированного о том определения.

Разговор с Рихтером о лорисовских бумагах[74].

Рассмотрение богословского отчета. Обед с детьми.

Читаю в записках Шестакова под 27 апреля 1885 года: «После доклада (в Гатчине) я дал Алексею время выйти, а сам вернулся и попросил позволения говорить откровенно. Государь ласково дозволил. Начал как моряк, выставил всю безнадежность на успех, сказал, что мы, конечно, будем умирать, но без пользы. Все планы государя о возрождении флота пойдут прахом. Деньги, которые теперь дают с охотою, возьмут назад, ибо истратят на войну. На Турцию надеяться нечего. Возрождающийся Севастополь сожгут; там нет укреплений. Перешел к общим вопросам. В случае неуспехов отношения могут перемениться, и Европа, теперь к нам расположенная, пожалуй, повернется к англичанам. В случае неудач гидра революции опять поднимет голову. «Я предвижу бедствия и умоляю кончить миром. Всем известно, государь, что Вы одни без чьей-либо помощи стали за честь России; пора сдать в упорстве, тем более, что англичане ищут отступления». Государь слушал внимательно с доброй улыбкой и, когда я сказал, что вопрос о мире и войне зависит единственно от него, что ответственность столкновения громадная, показалось мне, что начал склоняться и вошедшему после меня Островскому сказал: «Я думаю им что-нибудь уступить».

30 апреля 1885 года. Пятница. Шестаков пишет: «В 11 час. по предварительному приказанию явился в кабинет государя с вел. князьями Владимиром и Алексеем, военным министром, Гирсом, Зиновьевым и Бунге, который был с докладом. Гирс предварительно просил государя собрать совет. Государь согласился, сказавши, что сам даст знать тем, кого позовет. Я получил приказание чрез ген.-адмирала.

Началось чтением депешей, из которых выказалось, что английское правительство совершенно отказалось от следствия (о столкновении при Кушке) над Комаровым[75] и ищет выхода в согласии на арбитраж коронованного лица, которое решит, кто прав, et propose une solution conforme à l'honneur des deux pays*.

Эдинбургский был у Сталя и объявил ему, что согласятся только на последнее, государь отклонил заведенную Ванновским речь о правоте действий Комарова и предложил прямо вопрос, согласиться ли на предложение английского правительства? Что примеров подобного согласия в русской истории не бывало; что скажет Россия? И обратился прямо ко мне за мнением. Я повторил то, что говорил в понедельник: «Не секрет, государь, что Вы отстаиваете честь России, когда о ней шло дело. Вы, одни Вы, отстаивали ее упорно. На мой взгляд, нечего вводить комаровское дело; оно Вами бесповоротно отсечено. Наступил другой фазис вопроса: английское правительство, до сих пор отступавшее, очевидно, ищет выхода из своего положения. Отступать далее оно не может. Но и в этом положении оно продолжает искать выхода и предлагает Вам средство, которое если может быть неприятно, то только Вам лично, Вашему самолюбию, а им Вы пожертвуете, чтобы устранить от России бедствия войны, и на вопрос Ваш, что скажет Россия, отвечу, что, благодарная за поддержку до сих пор чести, опять повторю, упорную, она присоединит к ней благодарность за личную жертву с Вашей стороны». Начали говорить — а ежели по решении Англия станет требовательнее? А даст ли она arbitre все бумаги? Нужно указать на это. Я возражал, что этим наведут ее на мысль быть требовательнее. Ванновский домогался входить в военные подробности, но государь отклонил. Владимир говорил очень разумно и неоднократно повторял, что совершенно разделяет мои взгляды. Бунге указал на разорение и на то, что гидра вновь может поднять голову. Решили согласиться на предложение Англии и предложить посредником датского короля, что, по-моему, докажет, что государь вводит в вопрос душу. Мысль о датчанине принадлежит Гирсу. Говорили о германском императоре, как о другом возможном arbitre. Чтобы не быть слишком обязанными Германии, следовательно, зависимыми от нее, чего с Данией случиться не может, Германию отстранили. Боже милосердый! Может быть, день сей, по воле Твоей, будет радостным днем для моей родины! Помилуй, что дерзаю гордиться участием моим».

В октябре 1885 года: «Н.Н. Обручев представил записку, в которой, вдаваясь в историю сформирования России, указав отпадение от

* И предлагает выход, отвечающий достоинству обеих стран.

нее части, доказывает, что только ложная политика бесцельного вмешательства в европейские дела заставила нас до сих пор выносить отпадение от России Галиции и Буковины, что это в соединении с польским вопросом только и составляет существенные для России политические цели. Все остальное, даже заступничество за славян — сети, в которые нас втягивала Европа для ослабления. Еще цель — завладение Босфором защиты ради, но не Константинополем и Дарданеллами, которые должны остаться за султаном malgré tons et contre tous*[76]. Странно, что автор жаждет разрешения польского вопроса окончательно, и, находя нужным для того предъявить исторические права наши на части Австрии, не ставит занятие Босфора на первый план. Война с Австрией значит борьба с Европой — а это возможно, только защитив Юг босфорною позициею. Государь, прочтя и пометив «Согласен», велел дать прочесть Гирсу и мне».

27 декабря. Вторник. Оканчиваю чтение записок Шестакова и возвращаю их Чихачеву. Любопытно, как такой умный, просвещенный, честный человек в среде петербургской деятельности духовно слабеет, влюбляется в придворные милости, делается недоверчивым и даже злым. Ни о ком в его записках нет доброго слова, кроме как о «добром царе».

28 [декабря]. Среда. В 1 час бюджетное заседание в Общем собрании Государственного совета. Вышнеградский представляет цифровые доказательства тому, что экономическое и финансовое положение государства совершенно изменилось. Бунге говорит, чтобы показать, что не мстит за то, что его прогнали. Сольский по обыкновению силится все изобразить в крайне розовом, приятном для взоров власти свете. Абаза похваляет Вышнеградского: 1) за то, что отстаивает кассу от нападений, чему лучшим доказательством служит уничтожение сверхсметных кредитов, 2) за то, что он неуклонно следует финансовой политике Бунге. Вышнеградский относит успех: а) к начинаниям Абазы и Бунге, б) к миролюбивой политике государя, в) к благословению Божию, выразившемуся двумя урожаями и спасением августейшего монарха в Борках!! После заседания вел. кн. Михаил Николаевич призывает в свой кабинет Островского и Победоносцева и просит их объяснить, почему они в деле о земских начальниках вотировали с Толстым, не одобряя его проекта. Победоносцев повторяет то, что говорил в последнем заседании, напирая на то, что с гр. Толстым разговаривать нельзя, потому что он — умирающий человек, который, конечно, этого закона применять не будет, а хлопочет исключительно

* Наперекор всему и всем.

об удовлетворении своего самолюбия. Островский повторяет то же самое, доказывая, что они оба как министры не могли вотировать против Толстого, но что они оба убеждены в необходимости произвести переорганизацию всего уездного управления, но так как Толстой объявил, что он не в состоянии этого сделать, то им, Победоносцеву и Островскому, не остается сделать ничего иного, как постараться свести к самым малым размерам проект о земских начальниках так, чтобы преемник Толстого мог совершить переустройство уезда, не будучи стеснен в том земскими начальниками.

Говорили о пользе совещания по сему предмету у государя, но все выразили убеждение, что государь такого совещания не соберет.

Присутствовавший при всем этом вел. кн. Владимир в заключение совещания оказал: «Все мы хотим введения порядка в уезде. Путешествуя, я часто слышал от губернаторов весьма справедливые жалобы на бессилие их для восстановления порядка в деревне, но все, что я сегодня слышу, убеждает меня, что проект гр. Толстого при том направлении, которое будет ему дано, поведет не к уничтожению, а умножению беспорядка. Будет создан орган, не поставленный в согласие с прочими и сведенный по возможности к ничтожеству. Такой закон не прославит царствование моего брата, а, напротив, обесславит его, и я считаю своею обязанностью ему говорить о том тем более, что государю очень легко говорить правду, и я не раз вмешивался в дела, до меня не касавшиеся, причем говорил государю вещи, прямо противоречащие его взглядам, а он при этом не выражал никакого неудовольствия и даже не возвышал голоса».

Я: «Вам, ваше высочество, будет это тем легче сделать, что Вам придется только повторить слышанное Вами здесь сегодня».

Победоносцев совершенно согласился со мною, но Островский испугался и стал указывать вел. князю, что именно надо сказать государю так, чтобы он не принял его, Островского, за вертушку. Вел. кн. Михаил Николаевич был очень доволен тем, что нашел в племяннике союзника, принимающего на себя тяжелую роль объяснений с государем.

Из Совета я вышел вместе с вел. кн. Владимиром и еще подкрепил его в добром намерении.

Приезд Ridgivaiy.

29 [декабря]. Четверг. Охота в Коломягах при полном бесснежии. Чувствуешь себя другим человеком, проведя день на свежем воздухе.

30 [декабря]. Пятница. Читаю в «Revue des deux mondes» хорошую статью — «L'entrevue de Stuttgardt»[77]. Читая описание глупостей, делаемых правительствами других народов, несколько утешаешься тем, чему доводится быть свидетелем дома.

31 [декабря]. Суббота. В $1^{1}/_{2}$ [часа] еду с графинею Волькенштейн и дочерью Анною осматривать выставку своего Рисовального училища, хороши рисунки и акварели, присланные путешествующими за границею учениками, интересна Копенгагенская выставка, успехи в натурном классе, но слабее класс акварельный и класс композиции. Возвращаясь из училища, встречаю вел. кн. Владимира Александровича, который повторяет непременное намерение говорить с государем о толстовском проекте. Захожу к Шувалову, который рассказывает, что Толстой прислал ему Пазухина, в течение двух часов убеждавшего его, Шувалова, согласиться с проектом о земских начальниках, к чему он, Шувалов, впрочем, совершенно склонен. Пазухин говорил, что в течение целого года Толстой на каждом докладе объяснял государю подробности своего проекта и по возвращении домой повторял всякий раз Пазухину, что государь безусловно во всем согласен с Толстым, приказывает ему производить разногласие всякий раз, как Совет не будет с ним соглашаться, и обещает ему, Толстому, во всем соглашаться с ним.

Что за недостойная в таком случае комедия — слушание дела в Совете! Шувалов, умудренный опытом, тщетно пробовал внушить Пазухину, что нельзя безусловно полагаться на такие обещания, а что если государь не согласится с Толстым, то ему придется покинуть место. В этих видах Шувалов думал, что возможно согласить последовавшие в Совете разные мнения, предлагая, чтобы проект гр. Толстого был принят, но затем введение его в виде опыта было произведено на три года в трех губерниях. Я ему отвечаю, что Совет, разумеется, принял бы такое предложение, но Толстой, конечно, при подобных обстоятельствах его не примет.

В доказательство того, что не следует всецело полагаться на царей, Шувалов рассказывает, что когда составлялся новый закон о воинской повинности, то он, Шувалов, просил покойного государя сохранить для дворян учреждение юнкеров при поступлении их на военную службу, доказывая, что весь вопрос будет состоять в том, что невинный галун будет отличать сына его, Шувалова, от извозчичьего сына. Государь вполне одобрил это предложение. Вслед за тем предположения Милютина были утверждены государем. Настало лето. Государь находился в Красном Селе; Адлерберг был болен, и Шувалов исполнял его обязанности. В один прекрасный день государь сказал Шувалову, чтобы на следующее утро назначить смотр юнкеров. Шувалов отвечал, что юнкеров более не существует. Государь сначала не поверил, но потом на заявление Шувалова, что между его сыном и сыном извозчика никакой служебной разницы не существует, государь прибавил: «Для меня эта разница всегда будет существовать»[78].

Получаю вечером от Танеева список наград, высочайше пожалованных членам Совета. Председатели департаментов Абаза и Стояновский обойдены, а люди, как Чертков, приезжающий на зимний сезон и еще ни разу не открывший рта в Совете, награждены Владимирскою лентою. Государь, очевидно, хочет выказать не только пренебрежение, но неудовольствие главным работникам в Совете. Вообще за последние месяцы положение Совета делается более и более затруднительным. Министры требуют безгласного одобрения предлагаемых ими мероприятий, государь слушает то, что они ему говорят при еженедельных свиданиях под предлогом докладов, Совет же не имеет при государе иного представителя, как вел. кн. Михаил Николаевич, который и не решается, и не умеет представлять государю дела в настоящем виде, а тем менее опровергать россказни людей, заинтересованных в распространении неверных известий.

1889 год

1 января. Воскресенье. Обычный в Зимнем дворце выход. У государя вид усталый, почти измученный. Дипломатический корпус принимают впервые не в Петровской, а в Георгиевской зале.

Победоносцев рассказывает, что был накануне у гр. Толстого, который громогласно приписывает неуспех своего дела в Совете интригам Абазы, что порождает смех даже в самом Победоносцеве, несмотря на всю его ненависть к Абазе.

2 января. Понедельник. По недостатку дел нет доклада в Общем собрании Совета. Делаю визиты. Читаю любопытную статью Rothan «Entrevue de Stuttgardt»[1]. Вечером у Анны. Прелестный квинтет Бетховена.

3 [*января*]. Вторник. Опять визиты и, между прочим, продолжительный почтенному 83-летнему старику Бреверну. Воспоминания о вел. кн. Елене Павловне.

4 [*января*]. Среда. По дороге к больному Шувалову встречаю Феоктистова, председателя Главного управления по делам печати, и благодарю его за то, что освободил меня от опасности быть ежедневно и безнаказанно обруганным и оклеветанным на страницах «Гражданина». Феоктистов рассказывает мне, что по получении от меня бумаги с изъяснением высочайшего повеления, запрещающего на будущее время печатать фантастические отчеты о заседаниях Государственного совета, происходящих при закрытых дверях, он, Феоктистов, вызвал Мещерского и объявил ему, чтобы такое повеление было строго исполняемо, пригрозив наказанием в случае нового нарушения; при этом Феоктистов прибавил запрещение писать о личностях того или иного государственного человека. Рассказывая это, Феоктистов прибавил, что прошлым летом он дал предостережение Мещерскому; государь вытребовал журнал Совета по делам печати, содержавший изложение поводов к предостережению. Журнал вернулся испещренный неодобрительными помарками карандашом, и в конце концов было сказано,

что решительно не было основания давать Мещерскому предостережение[2].

Государь покровительствует Мещерскому, почитая его журнал консервативным органом. В прошлом году Мещерский просил государя дать ему 300 тыс. руб. на издание консервативной газеты. Государь дал Дурново на обсуждение записку Мещерского. Дурново доложил, что находит такое притязание чрезмерным, и Мещерский получил 100 тыс. руб.; причем государь сказал: «У нас хотят консервативные журналы за двугривенный. Смотрите, что Бисмарк тратит на прессу». Два года тому назад, однажды Феоктистов вызвал Мещерского в три часа; Мещерский приехал в восемь и поспешил заявить, что он был в Гатчине, где, по его выражению, провел весьма счастливые часы, потому что государь позволил ему с полною откровенностью представить критику финансового управления Бунге; причем Мещерский указал на Вышнеградского как на преемника Бунге. Содержание этого разговора Мещерский просил Феоктистова передать гр. Толстому. Гр. Толстой, услыхав это, называл Мещерского наглым лжецом и обо всем этом сообщил Победоносцеву, который впоследствии, жалуясь государю на Мещерского, передавал ему, что Мещерский похваляется тем, что указал кандидата в министры финансов. Слушая это, государь не отрицал того, что говорил Мещерский.

Мудрено работать при таких правительственных порядках.

От Шувалова захожу к вел. кн. Владимиру и застаю его отправляющимся в Аничков дворец к государю рассказать слышанное от Победоносцева и Островского на совещании в среду. Вел. кн. Владимир Александрович говорит мне, что слышал от государя о непременном его намерении предать суду виновных в боркском крушении[3], не исключая и Посьета. Вел. кн. Владимир повторил государю мои слова, что если этого не будет сделано, то вся Россия подумает, что жиды заплатили вновь и все злоупотребления инженерных чиновников остались безнаказанными.

Вечером в немецком театре вел. кн. Владимир Александрович вызывает меня в императорскую ложу и рассказывает, что нашел государя очень возбужденным против Совета, что со слов Толстого почитает, что Совет в деле о земских начальниках делает намеренно оппозицию[4]. Вел. кн. Владимир Александрович старался разубедить его, но, по-видимому, тщетно.

5 [*января*]. Чтение записок Шестакова.

6 [*января*]. Обедаю у вел. кн. Михаила Николаевича с бар. Николаи. После обеда разговор о делах Совета. Я говорю, что никогда еще положение Совета не было столь принижено; это выражается

во всем, даже в наградах, например, Стояновский, председатель Гражданского департамента, усердно работающий, не получил никакой награды, несмотря на то что был награжден 15 мая 1883 г. одновременно с Чертковым, получившим в тот день чин и с того времени никогда ничего не делавшим, находившимся много лет в бессрочном отпуску и приезжающим последние годы в Петербург только для того, чтобы помолчать в Совете, покуда его дочери танцуют на балах.

«Все это, — продолжал я, обращаясь к Николаи, — происходит оттого, что против Совета государю говорит ежедневно каждый министр, докладывающий дела своего министерства, тогда как в пользу Совета государю не говорит никогда никто».

По уходе Николаи вел. кн. Михаил Николаевич разговаривает по обыкновению о великосветских и придворных пустяках и рассказывает, что в день рождения вел. кн. Алексея Александровича он был приглашен к нему обедать, нашел там императора с императрицей, Владимира Александровича с Марией Павловною, Сергея Александровича с Елизаветой Федоровной и...* Евгения Максимилиановича с гр. Богарне, державшей себя вроде хозяйки. Присутствие ее весьма не понравилось императрице, которая после обеда отпустила ей маленькую пику насчет ее туалета.

Уходя, спрашиваю вел. князя, не собирается ли он вечером в театр, и, чтобы ввести его в соблазн, сообщаю ему, что их величества едут в Александрийский театр. Вел. князь с грустью говорит мне, что он перестал спрашивать у их величеств, в какой театр они собираются, потому...* что они не отвечают!

7 [*января*]. Суббота. В $12^1/_2$ [час.] в Мариинском театре представление оперы Рубинштейна «Купец Калашников». Представление имеет целью решить, можно ли давать эту оперу. Решение должно быть высказано самим государем, который смотрит на представление, сидя в 6-м ряду кресел, окруженный своим семейством. В ложах двух нижних рядов сидят лица, приглашенные Всеволожским с высочайшего разрешения. Мне досталась ближняя к сцене ложа внизу, так что я имел двойное представление: одно на сцене, другое в партере.

Император был очень доволен представлением, всех благодарил и разрешил дальнейшие представления, чего бы я никогда на его месте не сделал бы. Отсутствие такой оперы в репертуаре не составляло бы большой потери, потому что музыка, подобно всем произведениям

* *Многоточие подлинника.*

Рубинштейна, бездарна и шумна. Правда, что вся обстановка роскошна, но самые сцены могут возбудить в толпе одно лишь отвращение к дикому произволу. Все это представление нечто вроде: «Le roi s'amuse», переложенное на татарские нравы. Какая надобность отождествлять это с принципом верховной власти и притом по возможности в наглядной форме?!

8 [*января*]. Воскресенье. Разобранные мною с Рихтером бумаги до сих пор не представляют ничего интересного. Любопытного попалось мне лишь одно извлечение из газеты, представленное Лорис-Меликовым нынешнему государю в первые дни царствования.

Газета говорит, что не следует назначать адвокатов для защиты на суде цареубийц 1 марта. Против этих строк такая высочайшая отметка: «Я желал бы, чтобы наши господа юристы поняли, наконец, всю нелепость подобных судов для такого ужасного и неслыханного преступления».

9 [*января*]. Понедельник. По обыкновению в 11 час. у председателя. Завожу речь о тягостном положении Совета, о необходимости высказывать государю полную и бесприкрасную правду и о том, что вел. князь не решается этого делать. Напоминаю о том, что несправедливо обошли Стояновского, и советую возвратиться к этому вопросу, так как государем разрешено по председательской обязанности напоминать о заслугах наиболее трудящихся членов. Вел. князь отвечает, что сделает это в конце. Я возражаю, что тогда это будет излишне, потому что тогда Стояновского наградят и без него.

Спрашиваю вел. князя, часто ли он пишет вел. княгине. Отвечает, что ежедневно. *Я:* «Надеюсь, что Вы с осторожностью упоминаете о всех наших делах». *Вел. князь:* «Вот еще. Зачем я буду стесняться?» *Я:* «В таком случае Вы посылаете гр. Толстому ежедневные сообщения о всем, что у нас происходит». *Вел. князь:* «Я приказываю посылать письма прямо в почтовый вагон, а не на почту». *Я:* «Да в вагоне сидят чиновники, кои немедленно списывают копии с Ваших писем. Убедительно прошу Вас по крайней мере не упоминать моей фамилии». *Вел. князь:* «Пожалуй». *Я:* «Ваше высочество, я никаких иллюзий относительно своего положения не имею. Я желаю уйти как можно скорее, и вся моя претензия заключается в том, чтобы уйти потихоньку без скандала».

В 12 час. идем завтракать к вел. кн. Владимиру Александровичу. Сижу подле Марии Павловны, которая говорит мне: «L'autre jour en vous voyant au théâtre, nous avons eu l'idée de vous demander de nous donner une soirée dans vos terres aux îles». *Я:* «Votre ordre suffit, madaine, et ma femme viendra vous demander votre jour, mais j'aurai

une demande à vous faire: invitez ce soir-là le soldat mon fils qui est propiétaire de ces terres»*.

Утвердительный ответ был изложен в форме больших для Саши комплиментов.

По приезде в Государственный совет нахожу там Рихтера, который дает мне подписать донесение относительно разбора бумаг Лорис-Меликова[5] и сообщает, что виделся с вдовою Шестакова, которая согласилась оставить дневник мужа во время управления Морским министерством в руках правительства, но с тем, чтобы дневник этот был положен на хранение под печатью. Вошедший на этот разговор Алексей Александрович сообщает, что читает дневник этот и находит также необходимым запечатать его. По уходе Алексея Александровича его брат Владимир Александрович спрашивает, почему дневник Шестакова подлежит сокрытию. Отвечаю, что в нем говорится много нелестного обо всех вообще его современниках и в особенности о самом вел. кн. Алексее Александровиче, например, рассказывается, как на одном из всеподданнейших докладов Алексей Александрович просит государя принять на казенное содержание яхту герцога Лейхтенбергского «Зину» и получает отказ, несмотря на упорное домогательство. Вел. кн. Алексей Александрович постоянно величается лентяем, а Евгений Лейхтенбергский — ce gueux de mari**. Владимир Александрович хохочет, не ожидая услышать такую оценку.

После ничтожного доклада в Общем собрании вел. князь вызывает в свой кабинет Островского и спрашивает его наивно, было ли в этот день на его докладе говорено о земских начальниках. Островский, разумеется, сначала отнекивается, но потом не может устоять пред удовольствием похвастать, что разговор был и что он внушил государю мысль ввести проект гр. Толстого в виде опыта в трех или четырех губерниях на три или на четыре года.

Обед с дочерьми.

Посылая меморию, пишу государю о том, что ко мне на днях явился дотоле неизвестный мне кн. Друцкой-Соколинский, просящий позволения поднести государю бумаги гр. Закревского, на дочери коего он был женат.

Государь отвечает выражением благодарности и готовностью принять Друцкого.

* «В прошлый раз, увидав вас в театре, мы подумали, что надо попросить вас устроить вечер на вашей даче на островах». *Я:* «Приказания вашего высочества достаточно, моя жена будет у вас, чтобы вы указали день, но у меня есть к вам просьба: пригласите на этот вечер моего сына-солдата, которому принадлежат эти земли».

** Мужем-негодяем.

10 [января]. Вторник. Скучные визиты. Чтение статьи Щедрина в «Вестнике Европы»[6]. Мне памятны описываемые им времена, но людям, осуждающим реформы прошлого царствования, полезно читать подобные рассказы.

11 [января]. Среда. Заезжаю к Анненкову, вернувшемуся с своей Закаспийской железной дороги.

В $9^1/_2$ [час.] хор Архангельского поет старинные XVI столетия музыкальные произведения. Отлично исполненный septuor* Бетховена. Приглашенных 50 чел. Вел. кн. Михаил Николаевич горько жалуется Влангали на то, что будто бы в последнее заседание Комитета министров Победоносцев, не вставая для поклона, а привстав лишь немного, сказал: «Какая язва эти вел. князья!» Михаил Николаевич слышал это от вел. кн. Алексея Александровича, рассказывавшего все это в присутствии императрицы.

12 [января]. Четверг. Плеве приходит от имени гр. Толстого просить о допущении в залу Общего собрания двух его товарищей и двух чиновников. Еду к вел. князю, читаем вместе статьи учреждения Государственного совета и не видим в них препятствия к удовлетворению этого ходатайства, хотя за время моего здесь служения примера тому не было.

Приходит Каханов и выражает неудовольствие относительно редакции мнения большинства в деле о земских начальниках. Грот, Фриш, Старицкий и Каханов изложили свое мнение в замену того, что написано было Железниковым и одобрено бар. Николаи. В $9^1/_2$ [часа] вечера уезжаю стрелять волков с Риджуе, Фредериксом, Голицыным, Сабуровым.

13 [января]. Пятница. Прекрасный день. Сорок верст в санях до деревни Городище. Убиваем 6 волков и к 2 час. возвращаемся на станцию Плюсу.

14 [января]. Суббота. В $8^1/_2$ часа дом на Большой Морской. Завтракают Винспиер и А.М. Скалон, которая рассказывает подробности увольнения вел. кн. Марией Павловной своей несчастной и вполне безупречной фрейлины Темботовой, подробности, не делающие чести Марии Павловне. В 3 часа у Манасеина совещание о порядке предания суду Посьета. Манасеин, не желая брать на себя ответственности, хочет просить, чтобы рассмотрение этого вопроса было поручено особому совещанию из трех председателей департаментов Государственного совета, меня и нескольких министров. Затруднения представляют обветшалость или даже отсутствие законов об ответственности мини-

* Септет *(итал.)*.

стров. Все основано на статье учреждения министерств 1811 г. и должно делаться Общим собранием Совета, что ныне, очевидно, невозможно.

Обед с Риджуе, который поражен выбором общества, окружающего вел. князей Владимира и Алексея.

15 [января]. Воскресенье. У гр. С.А. Бобринской разговор о бедном ее брате, преследуемом ушными нарывами, а еще пуще женою. Прогулка на Каменный остров. Мемориальное извлечение.

16 [января]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Он рассказывает следующее: вел. кн. Алексей Александрович сказал ему в присутствии императрицы, что в последнее заседание Комитета министров, когда вел. кн. Михаил Николаевич взошел в комнату заседания и все члены Комитета встали, чтобы поклониться вел. князю, Победоносцев этого не сделал и сказал так громко, что четыре вокруг сидевшие члена это слышали: «Настоящая язва эти вел. князья». Вел. кн. Михаил Николаевич, очень возбужденный этим рассказом, намеревался вызвать Победоносцева в свой кабинет в Мариинском дворце и с ним объясниться. *Я:* «Какой же результат подобного объяснения?» *Вел. князь:* «Раз навсегда знать, с кем имеешь дело». *Я:* «Это Вы и теперь можете знать, а если у Вас произойдет подобное объяснение, то Победоносцев пойдет к государю жаловаться на то, что невозможно ездить в Комитет и Совет, потому что в них занимаются сплетнями, и государь ответит: «Да, очень жаль, что вел. князь занимается сплетнями, а не делом». *Вел. князь:* «Так Вы думаете, что лучше этого не делать?» *Я:* «Совершенно в том уверен и думаю, что лучше никому об этом инциденте и не рассказывать». За завтраком у вел. кн. Владимира Александровича сижу возле Марии Павловны, которая просит вел. кн. Михаила Николаевича сопровождать ее завтра вечером вследствие болезни вел. кн. Владимира Александровича, который сильно простудил шею и зубы, но, несмотря на то, решается ехать в Государственный совет.

В Совете передаю Алексею Александровичу разговор с Михаилом Николаевичем. Он отвечает мне: «Очень жаль, это было бы Победоносцеву (которого он называет кликушею) здорово». На что я возражаю: «Да нашему председателю нездорово».

При этом вспоминаю историю, рассказанную мне Алексеем Александровичем прошлою осенью в Париже.

Вскоре после вступления на престол нынешнего государя Победоносцев подал ему записку, в коей доказывал необходимость разделения управления флотом и Морским министерством. Государь передал записку Алексею, который при следующем докладе сказал государю, что если бы это сделалось, то он никогда не согласился остаться ген.-

адмиралом, чтобы подчиняться канцеляристам Морского министерства, а будет в таком случае просить, чтобы ему дали командование отдельной эскадрой, где угодно. Государь согласился с доводами Алексея Александровича, а записка была изорвана séance tenante*. Через несколько дней Алексей Александрович, встретив Победоносцева, сказал ему: «Вы не посетуете на меня, Константин Петрович, если я подам государю записку о преобразовании Синода» — и прибавил: «В прошлое царствование в Ваши расчеты входило ссорить наследника с государем под предлогом обличения неправильностей управления флотом вел. кн. Константином Николаевичем. Теперь государь поручил управление флотом людям, к коим он имеет доверие. Я стою во главе их и не позволю Вам в это дело вмешиваться».

С тех пор непримиримая вражда. В Общем собрании Совета продолжительные прения по вопросу, как поставить предлагаемую гр. Толстым должность земского начальника. Как исключительно крестьянскую или общеадминистративную? Каханов говорит длинную речь, доказывая необходимость одновременной перестройки всего местного управления. При этом, говоря о трудностях, кои в этом случае представляются для гр. Толстого непреодолимыми, указывает на законодательные труды царствований Екатерины II, Александра I и II, когда обширность и сложность не представлялись непреодолимыми препятствиями. Перетц повторяет то, что мы слышали в департаменте. Островский отвергает правильность мнения большинства тем, что мнение это приводит в основание статьи проекта, которые могут всецело подлежать уничтожению. Такой аргумент странен. Гр. Толстой с запальчивостью настаивает на том, чтобы его противники представили ему законченный проект их предположений. Бар. Николаи отвечает на это, излагая различие взглядов двух противоположных мнений.

В 4 часа перерыв и чаепитие. По возобновлении заседания Сольский читает первоначальный текст проекта гр. Толстого, вполне отвечающий мнению большинства. По заявлению Сольского, гр. Толстой отступил от своего первоначального мнения вследствие опровержений Манасеина. Теперь большинство возвращается к основной мысли гр. Толстого, с которою он, Сольский, согласен.

Гр. Толстой возражает весьма слабо своим противникам, настаивая на пользе восстановления должности мировых посредников и отвергая сказанное в мнении большинства, что мировые посредники были уничтожены главным образом потому, что между ними и полицией установилось вредное для порядка двоевластие.

---

* Немедленно.

На это ему возражает Тимашев, что посредников первого призыва[7] можно сравнить с охотниками, идущими на приступ, но что подобный подвиг совершать ежедневно нельзя и что гр. Толстой не найдет надлежащих людей для исполнения обязанностей уездных начальников в тех условиях, кои создает проект.

Фриш, участвовавший в редактировании мнения большинства, читает подлинные донесения губернаторов и заключение Министерства внутренних дел (Тимашева) о существовании и вреде двоевластия, что послужило основанием закона 1874 г. об уничтожении посредников.

Старицкий доказывает, что все согласны в необходимости организования сильной на месте власти, все согласны в том, что власть эта должна главным образом наблюдать за крестьянским благосостоянием, все согласны с тем, что новые органы власти обязаны, кроме дел крестьянских, ведать известными делами управления вне крестьянской территории, весь вопрос в размере этой общеадминистративной компетенции, и этот размер может быть определен только при подробном обсуждении параграфов проекта. При таких обстоятельствах нет надобности производить разногласие. Абаза поддерживает мнение Старицкого, отмечая мимоходом, что мнение гр. Толстого защищал в этом заседании один Островский, да и тот в основание своего мнения приводит вероятие уничтожения большей части проекта. Председатель пытается провести выраженный двумя последними лицами взгляд, но гр. Толстой настаивает на голосовании и получает в свою пользу голоса Делянова, Посьета, Корнилова, Набокова, Долгорукого, Зубова.

Заседание кончается в 6 час. Вернувшись домой, посылаю государю подробное донесение, которое он получает в 8 час., прежде чем ехать на большой бал в Зимнем дворце, куда на этот раз приглашено 3200 человек. Устраиваюсь ужинать со старинными приятельницами Всеволожскою и Шиповою, но церемониймейстер указывает место за одним из полукруглых столов, стоящих пред большим столом, за коим сидят императрица, вел. княгини, послы, их жены, статс-дамы и старейшие чины.

Возле меня оказывается сидящею дотоле неизвестная мне гр. Бреверн-Делагарди, рожденная Воейкова, умная, злая, толстая баба, которая между прочим рассказывает мне неизвестный дотоле факт, что после смерти императрицы Елизаветы Алексеевны Николай Павлович принес на вечер к императрице Александре Федоровне ящик черного дерева с серебряным крестом и вынул оттуда любовную переписку императрицы Елизаветы Алексеевны[8], сказав: «Voyez ce que c'était que cette prétendue sainte»*.

* «Посмотри, какова была эта мнимая святая».

17 [*января*]. Вторник. Делая визиты, заезжаю к почтенному Андрею Сабурову, который попал в гражданский кассационный суд и (к удивлению моему) очень разумно рассуждает о значении гражданского права и гражданского судопроизводства, признавая вредным кодификацию гражданских законов в форме уложения, как над тем работает устроенная Набоковым комиссия[9].

Визит гр. Толь, приехавшей из Копенгагена, чтобы позабавить танцами дочь. И он, и она милые и простые люди. Вел. кн. Екатерина Михайловна поселила своего друга детства в своем роскошном дворце. Заезжаю к вел. кн. Владимиру Александровичу узнать о его здоровье. Застаю его в разговоре с достойным презрения Хитровым. На мой вопрос о здоровье вел. князь, у которого распухли железы шеи и щеки, говорит, что ощущает чувство «свинки». Я, останавливая взгляд на Хитрове, отвечаю, что чувства «свинки» довольно гадки. Входит вел. княгиня и вскоре одновременно с Хитровым уезжает к Зине Богарне, которая празднует свое рождение.

С глазу на глаз начинается по обыкновению откровенный разговор. Вел. князь рассказывает, что в этот день приезжали их величества поздравлять по случаю рождения дочери Елены Владимировны, что он, Владимир, успел поговорить с государем о вчерашнем заседании Совета и выразил удивление, почему гр. Толстой непременно требовал голосования или, скорее, разногласия. При этом в государе уже не было того раздражения, которое вел. князь заметил в последний раз.

Разговаривая о любимом нашем предмете — исторических воспоминаниях, я напоминаю вел. князю о том, что покойная императрица — его мать состояла в постоянной переписке с своим братом принцем Александром Гессенским и что следовало бы этими письмами завладеть и водворить их обратно в Россию. Воспоминание о матери приводит вел. князю на память подробности ее кончины. Государь, живший с Долгорукою в Царском Селе, запретил прислуге уведомлять родственников о смерти императрицы, когда она последует, так что вел. кн. Владимир узнал о смерти матери от встретившейся ему на прогулке вел. кн. Ольги Федоровны, когда императрица умерла среди ночи. По поводу этого вел. князь говорит, что его дядя вел. кн. Константин Николаевич всегда ненавидел императрицу Марию Александровну, и подтверждает справедливость сцены, описанной мне когда-то Шестаковым, а именно, что Константин Николаевич, несмотря на просьбы сыновей императора Александра II не уезжать в Царское Село ввиду близкой смерти императрицы, напротив, уговаривал своего старшего брата уехать в видах необходимого ему отдохновения.

Говоря о смерти отца, вел. кн. Владимир рассказывает, что одним из первых явился к смертному одру и был здесь свидетелем жестокой сцены: стоявший на коленях Константин громко рыдал, а нынешний государь в припадке нервного раздражения кричал: «Выгоните отсюда этого человека (указывая на Константина), он сделал несчастие моего отца, омрачил его царствование» и т. д. Владимир схватил за руки своего старшего брата и тщетно старался его успокоить.

В заключение вел. кн. Владимир Александрович сказал, что ужасно переживать грустные тяжелые сердечные потери, но всякое горе можно переносить в душе своей, а невыносимо при таких событиях быть связанным с личностями (намекая на Долгорукую), кои своими низкими сторонами унижают самое горе и заставляют поневоле осуждать тех, кого хотелось бы только любить и уважать.

Не могу утерпеть, чтобы не сказать, что лицам, у коих есть дети, необходимо быть разборчивыми относительно людей, с коими они проводят жизнь.

Вечер на Каменном острове у Саши: цыгане, танцы, ужин, цветы. Вел. кн. Мария Павловна приезжает с Михаилом Николаевичем, а уезжает с Алексеем Александровичем. Зина хвастает большим брилиантом, полученным сегодня в подарок от Алексея по случаю дня своего рождения.

18 [января]. Среда. Еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу, который, только что вернувшись с доклада от государя, рассказывает, что государь совсем иначе говорит о Толстом и земских начальниках. Разногласие признает излишним и считает нужным рассматривать проект по параграфам, о Толстом говорит, что он смотрит на все это дело как [на] личное с болезненным самолюбием. Вообще нота совсем иная. Вел. кн. Михаил Николаевич очень доволен, что государь назначил его председателем совещания для обсуждения вопроса об ответственности Посьета за боркское крушение. Членами назначаются: три председателя департаментов Совета, государственный секретарь, министры внутренних дел, юстиции, двора, путей сообщения, а также вел. кн. Владимир Александрович.

Вел. кн. Михаил Николаевич объяснялся с государем относительно возможности морганатических браков вообще и, в частности, для вел. кн. Михаила Михайловича, который хочет жениться на Игнатьевой. Решено созвать совещание из Михаила Николаевича, Владимира Александровича и Воронцова.

Захожу к Шувалову, который, несмотря на болезнь, очень интересуется заседанием Совета. Встречаю здесь Черткова, который не поумнел с 1880 г., когда мы ссорились в Киеве.

Обедает банкир Бетман, предсказывающий понижение цен на медь.

19 [января]. Четверг. В 1 час еду показывать наше Рисовальное училище финляндскому сенатору Мехелину, который заведует Департаментом промышленности и торговли и в этой должности печется о школах прикладного художества. По-видимому, прямодушный и преданный делу человек; восхищается нашим училищем.

В $2^1/_2$ часа у Манасеина; передает мне подробности своего доклада относительно обсуждения вопроса о предании суду Посьета; сообщает, что следствие печатается и толстая эта книга с сокращенною из него запискою будет разослана членам совещания не ранее как дней через десять.

Заезжаю к Воронцову, чтобы узнать, насколько траур по австрийском наследном принце[10] перечит нашему намерению дать представление италианской оперы «Elicsir d'amore», но Воронцов по обыкновению ничего положительного сказать не может, несмотря на то что сегодня имел доклад у государя.

От Воронцова захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу, который продолжает хворать. Сюда же приходит вел. кн. Михаил Николаевич. Разговор касается морганатических браков. Вел. кн. Михаил Николаевич, между прочим, спрашивает вел. кн. Владимира Александровича, правда ли, что он, женясь на Марии Павловне, которая сохранила лютеранскую веру, подписал отречение от престола? На это Владимир Александрович отвечает, что ничего не подписывал, но что по действующему закону императрицей не может быть лицо неправославное и что, следовательно, если бы этот несчастный случай представился, то, конечно, вел. княгиня немедленно приняла бы православие par raison d'état*.

По уходе вел. кн. Михаила Николаевича разговариваем о предании суду Посьета; вел. князь выражает намерение быть весьма строгим. Читаем законы, устаревшие и к делу трудно применимые. Нас прерывает приехавший накануне принц Гессенский, привезший, как говорят, показывать цесаревичу свою младшую дочь.

20 [января]. Пятница. Пространдав всю ночь почечным камнем, сижу целый день дома и занимаюсь переделкою мнения большинства по делу о земских начальниках, мнения, весьма плохо написанного канцеляристом Железниковым.

21 [января]. Суббота. Продолжаю плохо себя чувствовать и сижу дома.

22 [января]. Воскресенье. Прогулка с Краузольдом и разговор о ниточной фабрике; еду с Влангали смотреть новую картину Семирад-

* Из государственных соображений.

ского «Фрине». Рисунка никакого. Это не картина, а театральная декорация. Приезжает гофмаршал Оболенский и объявляет, что в четверг будут танцевать в Аничковом дворце в черных платьях, что особенно приманивает пустую домохозяйку. Заезжаю к Победоносцеву, чтобы узнать, нет ли чего нового, но он говорит, что был болен, сидел дома и никого, а в особенности государя не видал. Танцеванье в черных платьях он называет кощунством.

Тяжелое писание обширного мемориального извлечения.

23 [января]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Он рассказывает, что его пятый сын Сергей был взят вчера их величеством на вечер к Воронцовым. Должны были играть в игры (petits jeux*), но по желанию цесаревича танцевали и притом до 3 час. ночи. Вел. кн. Михаил Николаевич рассказывает, что в прошлую среду государь долго говорил с ним о том, что вел. князья должны жениться исключительно на православных, и в доказательство неудобства противного ссылался на то, что могло произойти в случае иного исхода боркской катастрофы. Если бы все они были убиты, то, по мнению государя, на престол должен бы вступить не Владимир Александрович, отказавшийся от престола при женитьбе на лютеранке, а старший сын его — Кирилл. Какую бы все это произвело путаницу! Вел. кн. Михаил Николаевич собирается переговорить обо всем этом с министром двора Воронцовым, но я убедительно прошу его сохранить этот разговор с государем в глубокой тайне. Михаил Николаевич настаивает на том, что переговорит об этом с Алексеем Александровичем, что и делает по приезде в Совет.

Алексей Александрович говорит мне, что слышал уже этот разговор от императрицы, что, по его мнению, государь не прав, потому что ни Владимир, ни Сергей, женясь на лютеранках, никаких отречений не подписывали, что закон ясен: ни наследник престола, ни император не могут быть женаты на лице неправославном, но из этого не следует, чтобы лицо, женатое на неправославной, не могло вступить на престол, причем жена его немедленно примет православие.

В Совете чтение мнений по делу о земских начальниках. Посылаю государю меморию по этому делу тотчас после заседания.

Вечером у Анны играет Рубинштейн, превосходно.

Рубинштейн объясняет мне, что подаренный консерватории большой театр слишком мал, потому что Рубинштейн считает необходимым иметь в здании консерватории одну залу на 2 тыс. слушателей,

* Салонные игры.

одну — на 800 и одну — на 300, 52 класса, не говоря о квартирах служащих, это по-русски — через край.

24 [января]. Вторник. Навещаю Шувалова, у которого прорвался нарыв в ухе. Приглашаю, расписываясь в книгах вел. князей, на вечер 31 января. Читаю дело о суде над кн. Горчаковым[11]. В 5 час. у вел. кн. Алексея Александровича. Приглашаю его на вечер. Разговариваем о том, может ли трон достаться лицу, женатому на неправославной. Он сообщает, что разъяснял уже императрице, что такой брак не может лишать престола, если жена вступающего на престол примет православие.

25 [января]. Среда. Скучная рассылка приглашений и любопытные размеры человеческой подлости. «Panem et circenses»*. Моренгейм, приехавший из Парижа месяц тому назад, живущий рядом с нами, игнорировал наше существование до дня посылки приглашений и прибежал с женою и детьми на другой же день после рассылки. Встречаю на набережной вел. кн. Михаила Николаевича, который передает сегодняшний разговор свой с государем, когда они остались вдвоем после завтрака и ухода лиц, в завтраке участвовавших. Начали говорить о наследовании престола для лиц, женатых на неправославных. Михаил Николаевич заявил государю, что взгляд его об отречении, будто бы подписанном вел. князьями Владимиром и Сергеем, несправедлив, как они оба то ему высказали. Государь утверждал, что он понимал это иначе и что в этом его утвердил Воронцов. Вел. князь настаивал на своем мнении. Хотели прочитать текст статьи учреждения об императорской фамилии, но, как обыкновенно в этих случаях бывает, книги под рукою не оказалось, и государь окончил разговор тем, что высказал намерение смысл этого постановления выяснить.

Потом вел. князь стал говорить о том, что государь утвердил мнение 13 членов[12], стал говорить о существе вопроса, но государь, не вдаваясь в подробности, настаивал на той точке зрения, что гр. Толстой le dernier des mohicans** в поддержке монархического принципа, а что большинство членов Совета имеют заднюю мысль, мысль о конституции.

Вел. князь возражал, что этой мысли ни у кого нет, а если у кого из либералов прежнего времени и была, то опытом последних 25 лет не могла не измениться, потому что неудовлетворительность действий земских и судебных учреждений доказала, что ко многому мы еще не приготовлены. «Неужели ты можешь подозревать таких людей, как бар. Николаи или Старицкий?»

* «Хлеба и зрелищ» *(лат.)*.
** Последний из могикан.

Государь: «Нет». *Вел. князь:* «Или твоих собственных братьев?»
Государь: «Они ничего не понимают».

Вел. князь: «Твоего собственного министра двора?» *Государь:* «У Воронцова нет никаких убеждений».

Весь разговор происходил отрывками. Государь стал настаивать на том, как жаль, что гр. Толстой отступил от первоначальной своей точки зрения — предоставления земским начальникам власти мировых судей. На это вел. князь возражал, что по проекту гр. Толстого власть земских начальников вручается лицам, совершенно неспособным нести обязанности мировых судей. В конце разговора вел. князь настаивал на пользе созвания совещания для обсуждения вопроса о земских начальниках. Государь изъявил согласие и назвал членами Николаи, Старицкого, Победоносцева. Вел. князь произнес имя Островского, но оно не удостоилось высочайшего одобрения. Впрочем, вел. князь не считал еще этого согласия окончательным и опасался, что гр. Толстой расстроит осуществление этого предположения.

Пред этим вел. князь разговаривал с императрицей, которая сказала о Победоносцеве, что она его ненавидит, потому что это человек, который во все вмешивается и ничего не в состоянии сотворить, в особенности же не может его видеть после слов, сказанных им о вел. кн. Михаиле Николаевиче. «Надеюсь, дядя, — продолжала она, — что ты имел с ним объяснение». — «Нет, — смиренно отвечал вел. князь, — мне отсоветовали».

Захожу к вел. кн. Марии Павловне, где нахожу приехавшего из Варшавы Августа Потоцкого, утверждающего, что наследный австрийский принц был убит лесником, коего возбудил ревность.

26 [января]. Четверг. По приглашению вел. кн. Михаила Николаевича еду к нему в 8 час. Он меня встречает словами: «Ну, гр. Толстой нас оседлал, слушайте» — и затем читает только что полученную от государя записку такого содержания: «Любезный дядя Миша, посылаю тебе мою окончательную резолюцию на журнал Общего собрания Государственного совета по проекту гр. Толстого. Прошу тебя прочесть ее членам Совета в первом общем заседании и принять все зависящие от тебя меры к успешному окончанию этого важного дела.

От души твой племянник *Саша*».

При этом на малой четвертушке почтовой бумаги написана была такая резолюция: «Соглашаясь с мнением 13 членов, я желал бы, чтобы мысль об упразднении в уездах мировых судей была восстановлена для того, чтобы обеспечить нужное количество надежных участковых начальников в уезде и облегчить уезду тяжесть платежей. Часть дел мировых судей может перейти к участковым начальникам и в волостные суды, а меньшая часть, более важные дела, могла бы отойти к окружным судам. Во всяком случае, непременно желаю, чтобы эти изменения не помешали окончанию рассмотрения проекта до летних вакаций. *Александр*». Мой вел. князь был совершенно сбит с толку и просил меня обдумать все это и на другой день в 11 час. приехать сказать, что, по моему мнению, следует сделать.

От вел. князя заезжаю к Победоносцеву, полагая, что ему что-либо известно. Оказывается, что он ничего не знает, поражен до крайности, начинает ходить по комнате из угла в угол с воздыханиями и на мой вопрос, что же окончательно сделать, отвечает, что это чисто вопрос* борьбы между Толстым и вел. князем и что вел. князь не должен бы ни одного часа оставаться на председательском месте, а обязан немедленно просить увольнения.

К моему удивлению, событие это до того меня взволновало, что я всю ночь не мог заснуть.

27 [января]. Пятница. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, который выражает намерение ехать к государю и, попросив его перенести свою резолюцию на страницы мемории, обещать быстрое исполнение полученного приказания. На вопрос, что я думаю, я отвечаю, что, по моему мнению, случай этот подходит под 149-ю статью учреждения, когда государственный секретарь обязан изготовить исполнение высочайшей резолюции, не утвердившей ни мнения большинства, ни мнения меньшинства; что если так, то я должен поехать к государю для поднесения ему мемории, на которой он сделает надлежащую надпись; при этом я могу попытаться просить об изменении некоторых выражений, кои отчасти не отвечают обычному слогу высочайших резолюций, отчасти просто содержат противоречия и неверности. Вел. князь находит такое предложение слишком смелым, а сверх того думает, что нам надо ехать обоим вместе. Я настаиваю на том, что его присутствие будет для меня стеснительно, что он должен будет или молчать, или, если будет говорить, то может сказать что-нибудь идущее вразрез с моим домогательством и тем испортит дело. В заключение, напомнив ему о деле элеваторов[13], высказываю надежду успеха и убеждаю его в особенности тем, что я повезу лишь бумагу к подписи, как канцелярский чиновник, и что важность его положения даже не согласна с такою скромною деятельностью.

Согласившись на мое предложение, вел. князь пишет государю записку приблизительно так: «Любезный Саша. Желая по возможности

* *Так в подлиннике.*

немедленно исполнить полученное мною от тебя приказание, прошу тебя принять, если можно сегодня, государственного секретаря для испрошения твоих указаний относительно некоторых существенных подробностей исполнения твоей воли.

Сердечно тебя любящий *дядя Миша*».

Ответ получается в форме записки от государя о том, что сегодня некогда, а чтобы я приехал завтра в субботу, в 12 час.

Заходит Победоносцев, по желанию коего обещаю приехать к нему сегодня вечером для совещания с Манасеиным.

В 10 час. у Победоносцева Манасеин рассказывает весь ход этого дела между ним и Толстым, причем заявляет, что с государем он, Манасеин, никогда по этому вопросу не говорил ни слова. (Напрасно.) Пред отъездом обращаюсь к Победоносцеву и Манасеину со словами: «Ну что же, сами Вы виноваты, наускивали на Государственный совет, вот Вам и плоды. Государь считает Совет какой-то оппозиционной корпорацией, ну и подписал распоряжение, внушенное Толстым, а завтра, может быть, будет министром внутренних дел какой-нибудь Чертков, тогда и не такие будут приказания».

Манасеин стал утверждать, что никогда ни слова против Совета не говорил, а Победоносцев воскликнул: «Да что же Совет? Ни тпру ни ну».

Я: «А это лучше?»

Победоносцев: «Ну кто же мог этого ожидать!» Какая близорукая бездарность.

28 [января]. Суббота. В 12 час. приезжаю в Аничков. В приемной дожидаются Буслаев, приехавший благодарить за ленту по случаю 50-летия деятельности, Цанков, возвращающийся в Болгарию. У государя сидит с докладом военный министр. Является Воронцов, приехавший с докладом. Я ему сообщаю причину моего появления. Желает мне от души успеха. Говорит, что Островский потерял всякий кредит, меня зовут в $12^3/_4$ [часа] в кабинет, где происходит приблизительно следующее.

Государь: «Я только что хотел за Вами послать, когда получил от вел. князя записку о том, чтобы Вас принять».

Я: «Я привез Вам, государь, меморию, переписанную с новым, чистым заглавным листом с тем, чтобы Вы могли написать на этом листе ту резолюцию, которую Вам угодно было прислать вел. князю».

Государь: «Да, я прислал это лишь в дополнение к первой». *Я:* «Но по учреждению Государственного совета высочайшее утверждение должно выразиться в собственноручном Вашем написании на мемории, которая составляет законодательный памятник, единственный правильный документ, выражающий Вашу волю».

Государь: «Хорошо. Я это сделаю».

Я (вынимая бумаги из портфеля): «Моя обязанность доложить Вам при этом, государь, что в резолюции Вашей есть фактическая неверность. Там говорится, что Вы желали бы возвратиться к первоначальной мысли об упразднении мировых судей, но мысль эта никогда никем заявлена не была».

Государь: «Как не была? Гр. Толстой говорил мне, что это было первоначальное его предположение».

Я: «Но это не так. Может быть, об этом были только словесные предположения, но формального представления положительно не было. В доказательство я привез Вам печатное представление гр. Толстого. Вот оно». Государь читает и убеждается в справедливости мною сказанного.

Я: «Если так, то позвольте, государь, изложить мысль эту (которой я вполне сочувствую) не в виде идей гр. Толстого, а в форме Вашего державного повеления. Позвольте показать Вам несколько набросанных мною проектов резолюций».

Показываю несколько таких проектов и читаю один: «Я желаю, чтобы должность участкового начальника была соединена с должностью мирового судьи с соответствующим изменением предметов ведомства, пределов подсудности и порядка назначения сего последнего».

Государь берет в руки мою бумагу и, прочитав внимательно, соглашается изменить первоначальную редакцию, но прежде окончательного ее написания останавливается исполнением этого намерения и говорит, что желает еще предварительно переговорить с гр. Толстым. Я докладываю, что резолюция должна быть объявлена в понедельник, а потому необходимо поспешить окончательным ее изложением. Тогда государь выражает намерение немедленно вызвать по телефону гр. Толстого к 2 час., а меня приглашает остаться завтракать.

За завтраком сижу по левую сторону императрицы, а Воронцов по правую руку. Возле императора сидят направо кн. Оболенская (жена гофмаршала), а налево — старшая дочь Ксения, тут же находятся остальные дети и гофмаршал кн. Оболенский. Разговор, разумеется, самый поверхностный и пустой. Я как-то мимоходом спрашиваю императрицу, была ли она в Италии. Она отвечает, что никогда не была, а теперь, побывав на Кавказе, и не желает более путешествовать, не считая возможным видеть что-либо лучше.

Государь говорит, что его интересовало бы видеть одну страну — Америку, при этом выражает удивление, что до сих пор я не совершил этого путешествия.

После завтрака докладывают о прибытии гр. Толстого. Императрица говорит: «Adieu, je m'en vais»* и дает мне поцеловать руку, причем я говорю: «Souhaitez-moi de la chance, madame»**.

Императрица: «Je vous la souhaite, ne sachant pas pourquoi»***. Государь стоит рядом и смеется.

Я забыл упомянуть, что я сам просил позволения у государя остаться при разговоре его с гр. Толстым. Дозволение мне было дано, но роль моя была пассивная; чтобы изменить эту роль, я сказал государю до входа гр. Толстого: «Государь, Вы меня поддержите против гр. Толстого?» *Государь*, смеясь: «Ага, испугались гр. Толстого?» *Я:* «Как же не испугаться, он Ваш доверенный министр, а я секретаришка».

При входе в кабинет государя Толстой очень был озадачен моим присутствием, особливо когда мы оба сели у государева стола и я изложил, чего я прошу. Государь начал с того, что упомянул о моей просьбе не говорить в резолюции о волостных судах. Я с своей стороны мотивировал это ходатайство тем, что неудовлетворительность этих судов единогласно сознана, а высочайшая резолюция как бы закрепляет их существование и даже выражает намерение расширить их компетенцию.

«Ну что ж, — возражал гр. Толстой, — если назначенная мною комиссия под председательством Любощинского признает даже, что волостные суды надо упразднить, слова высочайшей резолюции упадут сами собою».

Я: «Вот именно это я и желаю предотвратить. Я не понимаю, чтобы высочайшие слова могли упасть, а желаю, чтобы они сохранились навсегда».

Чувствуя, что дело принимает кривое направление, я счел необходимым напомнить о главном недостатке резолюции — изложении неверного факта о существовании первоначальной мысли — слиянии мировых судей с участковыми, тогда как этой мысли никогда никем выражаемо не было. Когда я обратился с этим заявлением к гр. Толстому, то он сказал мне, что он желал по возможности сузить их компетенцию. По-видимому, он не усматривал большой разницы в этих двух мыслях. Не отрицая правильности моего замечания, он согласился в необходимости изменять согласно сему резолюцию. Продолжая развитие своей идеи, я говорю Толстому, что новая мысль, таким образом, исходит теперь от самого государя, что все дело становится на новую точку, что на первый план выступает теперь державная воля,

*«Прощайте, я ухожу».
**«Ваше величество, пожелайте мне удачи».
***«Желаю ее вам, не зная, о чем речь».

что при этом мнения большинства и меньшинства исчезают, а потому и редакция должна быть иная.

Гр. Толстой со всем этим соглашается, и я вижу счастливую минуту, когда государь изменит свою резолюцию, так что она не будет больше представлять ни противоречия, ни тех сомнений относительно ее исполнения, кои неизбежно должны возникнуть, но я слишком рано обрадовался.

Государь прежде, чем написать резолюцию на новом листе мемории, объясняет гр. Толстому, почему это делается в такой форме.

Тогда гр. Толстой выразил сначала желание, чтобы прежняя резолюция, соглашаясь с 13 членами, была оставлена без изменения, а новая резолюция была объявлена в дополнение к прежней, но, не успев в этом, гр. Толстой обращается к государю с убедительною просьбою непременно сохранить слова: «Соглашаюсь с 13 членами».

Государь начинает колебаться, и я чувствую, что мое дело портится и мне не удастся уберечь государя от легкомысленной резолюции. Стараюсь доказать, что в таком сопоставлении есть явное противоречие, что нельзя приказать, чтобы земские начальники были простыми крестьянскими попечителями с прибавкою, чтобы они заменили мировых судей. Это все равно, что сказать: пускай стена эта будет белая, но с тем, чтобы она была черная.

Государь берет журнал Государственного совета и перечитывает конец мнения меньшинства, чтобы убедить меня в том, что мнение это не настаивает на необходимости ограничиться исключительно крестьянскими делами. Я представляю, что если этого слова и нет в последних заключительных словах, то оно вытекает из общего смысла всего изложения, а смысл этот получает высочайшее утверждение. Гр. Толстой продолжает настаивать и одерживает победу. После такой победы Толстой совершенно переменяется и начинает настаивать на всецелом сохранении резолюции в прежнем ее виде.

Возвращаемся к вопросу о передаче дел в окружные и волостные суды. Я доказываю, что если куда-нибудь передавать дела, то, разумеется, или вверх, или вниз, а следовательно, об этом и говорить не стоит, но Толстой внушает государю подозрение, что если этого не сказать, то в Совете могут выдумать какую-нибудь непредвиденную новую комбинацию. Этот аргумент убеждает государя.

Во время спора об этой приписке, видя мою настоятельность, государь полушутя обращается к Толстому со словами: «Дмитрий Андреевич, Государственный совет что-то очень настаивает на этом. Я думаю, нам следует ее удержать». Тогда я, как можно серьезнее и торжественнее, говорю: «Государь! Никто из Государственного совета, кроме пред-

седателя и секретаря, не видал написанных Вами слов, но у меня одна мысль, чтобы державная Ваша воля была выражена в кратких, сильных словах и не содержала ничего сомнительного, спорного, могущего быть неисполненным в будущем».

Потом я начинаю просить исключить слова о том, что такая мера даст контингент земских начальников и облегчит тяжесть платежей. Доказываю, что такие побуждения понятны сами собою, а значит, и нет надобности их повторять.

На это гр. Толстой мне говорит: «Да разве Вы не знаете истории царствования императрицы Екатерины II? Как писала она свои манифесты с изложением подробно своих политических видов?»

Я: «Она в этом случае обращалась к темному народу, а Вы хотите, чтобы государь, высказывая волю свою Совету, вместе с тем высказал пред 50 чиновниками оправдание или извинение в том, что не принял их мнение. Этого я совсем не понимаю».

Такое горячее прение, коего я упомянул здесь лишь весьма немногие моменты, продолжалось ровно два часа — с 2 до 4 часов.

Гр. Толстой был бледен от усталости и только упорно повторял те же слова, причем иногда говорил невероятные глупости, так, например, на вопрос мой, куда же я должен буду обратиться с иском в 25 руб. к нему, Толстому, после уничтожения мировых судей, гр. Толстой сначала очень категорически отвечал, что в волостной суд, но когда я сказал, что предоставляю ему, гр. Толстому, судиться в таком суде, где за стакан вина безграмотные мужики сделают что угодно, то гр. Толстой, чувствуя, что сказал большую глупость, поправил ее, сказав другую глупость, а именно что все это подробности, обсуждение коих надлежит предоставить комиссии, созванной из членов Государственного совета.

Когда пробило 4 часа и заседание наше кончилось, а государь выразил намерение оставить у себя меморию и на свободе изложить резолюцию, то мы с гр. Толстым удалились, причем, спускаясь по лестнице, я поддерживал под руку этого бездушного, бесчестного искателя почетного благоденствия. Когда мы дошли до низу лестницы, то он сказал мне: «Ведь это мысль самого государя, я никогда бы не имел смелости ее предложить. Резолюцию я вижу сегодня в первый раз».

Уставив в него взгляд, я сказал: «Вы видели ее в четверг». *Гр. Толстой:* «Да, да, ну так сегодня это второй раз!»

На этом мы расстались. Я поехал к вел. князю, который ожидал меня в смущенном нетерпении и встретил словами: «Я велел закладывать и хотел ехать к Вам, будучи уверен, что государь наговорил Вам таких неприятностей, что Вы слегли в постель». Передаю ему в общих выражениях происходившее.

29 [января]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных. В 1 час репетиция домашнего спектакля «Elicsir d'amore». Мазини прекрасен, и я успокоен относительно судьбы нашего предприятия. В 9 час. бал в концертном зале Зимнего дворца. Играю в вист с Балашевым, Абазою и гр. Воронцовой. Пред балом заезжаю к вел. кн. Владимиру, чтобы передать ему о вчерашнем совещании и предварить о необходимости присутствия его в Совете завтра в заседании, а в особенности после заседания.

Во время бала идут в углах шептания и шушуканья, очевидно, дело о резолюции проникло в публику.

30 [января]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Доказываю ему необходимость после заседания собрать совещание и достигнуть, во-первых, чтобы разработка вопросов судоустройства была возложена на подлежащих министров, т. е. юстиции, финансов и внутренних дел так, чтобы гр. Толстой расхлебывал сам кашу, которую заварил, а не спихнул эту задачу на Совет с тем, чтобы после жаловаться государю, что Совет тормозит дело. Во-вторых, постараться доказать невозможность и нецелесообразность рассмотрения Советом дела в настоящем его виде.

Для этого совещания предлагаю пригласить тех самых министров, с коими Толстой вырабатывал свой проект и коих так угостил новой резолюцией, что без сомнения должно доставить им удовольствие. Из своих думаю привлечь только Николаи и Старицкого.

Вел. князь на все согласен и сомневается только в том, что делать, если гр. Толстой, несмотря на посланное ему мною приглашение, не приедет. «В таком случае, — говорит вел. князь, — мы все из Совета поедем к нему».

Я: «Вы сделаете, как Вам угодно, но ни я, ни, надеюсь, никто из членов Совета такого унижения не потерпит».

Вел. князь сетует на то, что в среду государь обещал ему собрать по этому делу совещание и даже назвал лиц, коих следует пригласить, тогда как на другой же день сделал тому противное, послушавшись гр. Толстого.

Вел. князь сознает невозможность вести дело при таких условиях и намеревается сказать это государю.

Обычный завтрак у вел. кн. Владимира Александровича и потом заседание в Общем собрании.

Прочтение мною неожиданной и беспримерной резолюции производит почти оцепенение среди членов; некоторые до того путаются в понятиях, что поздравляют меня, считая, что это моя увенчанная успехом интрига.

После заседания председатель приглашает в свой кабинет следующих лиц: Толстого, Манасеина, Победоносцева, Островского, Вышнеградского, Николаи, Старицкого и меня — и предлагает этому собранию вопрос о том, как наилучше привести в исполнение резолюцию.

Толстой повторяет уже слышанное мною, что надо составить комиссию из членов Совета, которая распределила бы лежащие теперь на мировых судьях судебные обязанности между окружными и волостными судами, утверждая, что это представляет незначительный труд.

Манасеин заявляет, что по проекту гр. Толстого предполагалось за передачею земским начальникам известной доли судебных дел оставить в 36 великороссийских губерниях 300 тыс. гражданских и 200 тыс. уголовных дел в заведовании мировых судей. Куда же теперь при упразднении мировых судей надлежит девать эти дела? Волостной суд состоит из трех обыкновенно безграмотных мужиков при бесчестном писаре; хотя идет речь об улучшении волостного суда, но едва ли такому суду можно будет поручить что-либо, кроме мелких крестьянских, не касающихся других сословий, дел. Что касается окружных судов, то увеличивать число производящихся в них дел значит удалять суд от населения и удорожать суд и для тяжущихся, и для казны. До сих пор правительство следовало совершенно обратной политике, изменить такой порядок не будет согласно с высказанной в высочайшей резолюции целью — экономии в людях и облегчения в платежах. Кроме чисто судебных обязанностей, на мировых судьях лежат обязанности по охранительному судопроизводству, на них же предполагалось возложить и опекунскую, и нотариальную, и ипотечную части. Куда же теперь девать все это? Все это обширное переустройство судебной части требует обстоятельного изучения. Старицкий говорит приблизительно в том же смысле. Победоносцев, развивая ту же мысль, с большою смелостью говорит, что оператор, отрезывающий руку или ногу, знает, как вести нож так, чтобы не задеть нерв или мускул, а не обращая на то внимание, можно убить организм. Возвращаясь к тексту резолюции, которая предписывает окончить все дело в четырехмесячный срок, Победоносцев говорит, что прежде всего всякое, а тем более такое важное дело должно быть исполнено добросовестно, а что касается до срока, то государь может приказывать нам исполнять только то, что в наших силах. Если бы государь приказал ему, Победоносцеву, поднять камень в 20 пудов, а у него, Победоносцева, мускульной силы всего на 5 пудов, то, разумеется, высочайшее повеление останется неисполненным. Островский начинает свою речь так: «По принципу я совершенно согласен с К.П. Победоносцевым, но в данном случае, ввиду высочайшего повеления, я совершенно согласен с

гр. Толстым». Затем виляет во все стороны, а относительно неудобоисполнимости задачи говорит, что для того, чтобы доказать эту неудобоисполнимость, мы должны попробовать поднять камень и бесплодностью наших усилий доказать государю и нашу готовность, и невозможность исполнения его воли!..

Вышнеградский категорически заявляет, что дело совсем изменяется в существе и что Совет не в состоянии его теперь рассматривать, а должен возвратить министру внутренних дел, который по соглашении с министром юстиции внесет его на новое рассмотрение.

Бар. Николаи обращает внимание на то, что рассмотрение дела в Совете до окончательной выработки предположений, имеющих быть составленными м[инистрами] внутренних дел и юстиции, ни к чему не приведет, во-первых, потому что большая часть статей будет находиться в связи с переустройством судебной части, а во-вторых, потому что и окончательная разработка частей, касающихся крестьянского управления, не может быть введена в действие до окончательной законодательной разработки всего касающегося судебной части, потому что невозможно определить в законе то, что касается интересов крестьянского управления, и оставить, так сказать, на воздухе существенные для всего населения интересы гражданского и уголовного правосудия.

В заключение признано необходимым в видах исполнения высочайшей резолюции продолжать в соединенном присутствии рассмотрение законопроекта гр. Толстого исключительно в частях, касающихся крестьянского управления, разработку же предположений об изменении судебной части возложить на совещание министров внутренних дел, юстиции и финансов.

Вернувшись домой, посылаю вместе с мемориею подробный отчет об этом заседании.

31 января. Вторник. В 11 час. еду приглашать герцога Гессенского[14], который живет у своего зятя вел. кн. Сергея Александровича. Человек он немудреный. Главное удовольствие его гулять пешком в отдаленных частях Петербурга, что и делает три раза в день. Библиотеки же и музеев не видал.

В 1 час отправляюсь в Мариинский дворец, где в тишине своего кабинета пишу журнал вчерашнего совещания в форме всеподданнейшего доклада председателя. Вел. князь, Николаи и Победоносцев, выходя из Комитета министров, выслушивают, впрочем без всяких замечаний, редактированное мною писание. Вечером в 10 час. во вновь выстроенном ужинном зале Мазини поет «Elicsir d'amore». Приглашенных 250 человек; в 1 час ужин. Все сходит довольно благополучно.

1 февраля. Среда. Вел. князь возвращается от государя, чрезвычайно доволен. Государь утвердил его всеподданнейший доклад о возложении на гр. Толстого с Манасеиным той работы, которою гр. Толстой хотел раздавить Совет. По этому поводу вел. князь настаивал перед государем на пользе собрания им совещаний, доказывая, что это было бы полезно даже и в настоящую минуту по вопросу о земских начальниках. Государь возражал, что дело уже и так длится семь лет. На что вел. князь отвечал, что если бы не на седьмом году, а на первом государь собрал такое совещание и высказал мысль свою, то, вероятно, теперь дело было бы уже давно окончено. С этим соглашается и государь.

Вел. князь пеняет ему на то, что он по делам Совета ставит между ними обоими посторонних людей, как, например, здесь Толстого. Продолжая при этом обращать внимание государя как на свою личную преданность, так и на то, что он, вел. князь, по своему рождению и положению не может иметь личных счетов и видов, как имеют остальные члены Совета, не принадлежащие к царскому семейству.

Государь отвечает: «Поверь, что между нами никогда не пробежала никакая черная кошка». Вел. князь прослезился, обнял племянника, и вслед за тем пошли завтракать, так как императрица с детьми уже прошла чрез кабинет государя в столовую.

Рассказав все это, вел. князь прибавил: «А все-таки я не уверен, что гр. Толстой, приехав на доклад в пятницу (в четверг на этой неделе праздник), не уговорит государя изменить данную сегодня резолюцию. Поэтому я думаю лучше подождать до субботы рассылкою уведомления о высочайшем повелении относительно возложенного на трех министров поручения».

Я: «Напротив, Ваше высочество, это надо сделать как можно скорее. Когда высочайшая воля будет оглашена, то вновь изменять ее, да еще после сегодняшнего Вашего объяснения, изменять ее* будет трудно». Вел. князь согласился с моими доводами и даже пожелал, чтобы, противно существующему в Совете порядку, бумаги с уведомлением министров были подписаны не мною, а им самим, чему, разумеется, я был очень рад.

2 [*февраля*]. Четверг. Читаю присланные Манасеиным печатные материалы из следствия о боркском крушении[15]. Обед с Влангали, который в pendant** к упразднению мировых судей рассказывает, что государь, желая увеличить число наших консулов в отдаленных краях,

* *Так в подлиннике.*

** В дополнение.

приказал нужные на это средства взять от уничтожения должностей вторых секретарей посольств. Опять отрезал.

3 [*февраля*]. Пятница. Продолжительный обмен записок с бар. Николаи, чтобы убедить его не читать журнал совещания, а упомянуть лишь о высказанных пред вел. князем сомнениях, послуживших основанием всеподданнейшего доклада его высочества. Дело в том, что гр. Толстой потребовал бы копии с журнала о заседании, в коем сам участвовал, и я не мог бы ему отказать; он же понес бы все это государю в извращенном виде; всеподданнейшего же доклада никто от меня требовать не может. Чтобы убедить в таких пустяках честного, но тупого Николаи, нужны огромные усилия. Трудно вести людей!.. По приглашению Абазы заезжаю к нему и узнаю, что у него был Вышнеградский, приехавший с доклада от государя и рассказавший, что государь собрал у себя совещание из трех министров для обсуждения возбуждаемых после его резолюции вопросов. Гр. Толстого Вышнеградский почитает просто невменяемым, так, например, Вышнеградский, думая, что в будущем всякого рода власть сосредоточится в руках земского начальника, заявлял Толстому, что найдет денежные средства для значительного умножения числа этих должностных лиц, а гр. Толстой отвечал, что этого не надо делать.

У Абазы застаю трех советских председателей в сборе, чтобы условиться относительно подвергнутия ответственности Посьета. Меня Абаза не пригласил, зная заранее мое мнение, которое прямо противоположно его взгляду.

4 [*февраля*]. Суббота. В соединенных Департаментах рассмотрение по параграфам проекта Толстого[16]; причем, разумеется, более половины параграфов резервируется до выработки совещанием министров предположений об изменении в судебной части. Манасеин рассказывает, что на своем докладе в среду перечислил все трудности, возникающие при исполнении резолюции, и при этом упомянул о кратковременности четырехмесячного срока; при этом государь сказал, что этим не надо стесняться. Жаль, что меня не послушал, когда я его просил этого не писать. В перерыв заседания доказываю Стояновскому, до какой степени неполитично было бы освобождать Посьета от всякой ответственности теперь же. Император, которого чуть не убили, ищет правосудия, а ему отказывают идти в суд, это самый бестактный во всех отношениях déni de justice*.

В течение заседания гр. Толстой держит себя совсем иначе, чем прежде. Любезен, вежлив, сговорчив. Я обращаюсь к Воронцову со

* Отказ в правосудии.

словами: «Ты не замечаешь, что он совсем другой человек — шелковый». Это всегда бывает так с истинно благородными людьми, когда они получат оплеуху.

5 [*февраля*]. Воскресенье. Доклад Ауербаха о ртутном деле, весьма утешительный. Не то, что медь, которая опять угрожает страшным падением цен. Вечер за чтением следствия о боркском крушении.

6 [*февраля*]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя совещание с вел. кн. Владимиром Александровичем и министром юстиции Манасеиным. Установляем порядок сегодняшнего заседания, и читается доклад министра юстиции с отметками государя. В 12 [час.] еженедельный завтрак у вел. кн. Владимира Александровича, на этот раз присутствует вел. кн. Николай Николаевич. Разговор о вчерашнем концертном зале и о том, как Нессельроде растянулся на полу, отходя от царского стола, за которым ужинал. В 1 час заседание Общего собрания весьма кратковременное, а потом у вел. князя совещание по вопросу о привлечении министра путей сообщения Посьета и действ. тайн. сов. Шернваля к ответственности за крушение 17 октября.

В начале заседания обер-прокурор Кассационного департамента Сената Кони докладывает о результатах произведенного им следствия. Он слишком много говорит о том дурном состоянии, в коем находилась линия, и о плохом управлении со стороны Министерства путей сообщения. Для нас важен только вопрос о причинах крушения. В этом отношении оказывается, что в 1878 г. были самим Посьетом написаны подробные правила касательно императорских поездов, определено и число осей, и длина, и вес поезда, и пределы скорости. Ничего из этих правил соблюдено не было; вес был вдвое больше, длина в полтора раза, скорость более 60 верст вместо 37, локомотивы были двух различных типов, и все это Посьет знал, видел, сам утяжелил царский поезд, поместившись со своим вагоном, когда его не только не приглашали, а всячески давали чувствовать, что он лишний. Манасеин ввиду всего этого обвиняет Посьета в бездействии власти по 338-й и 341-й статьям Уложения о наказаниях.

Председатель спрашивает мнение членов. Бар. Николаи выставляет, что Посьет — не техник, что он сопутствовал государю в качестве приглашенного, бар. Николаи настаивает на том, что он сам не юрист, а утверждает, что по совести не считает возможным привлекать Посьета. Абаза еще сильнее поддерживает это мнение на том основании, что совещанию предоставлено рассмотреть дело во всех отношениях, т. е. не исключительно с юридической или формальной точки зрения, а более широкой — политической. В этом же отношении не следует забывать, что Посьет был четырнадцать лет министром и его публичное предание суду выставит то, что он незаслуженно пользовался монаршим доверием.

Толстой, отстаивая это же мнение, читает выписку из сочинения Карамзина о древней и новой России, где говорится, что увольнение министров, равно как и назначение их, должно быть всецело делом государя. Чихачев настаивает на том, что министр не есть техник, что, когда он, Чихачев, начинал службу, то морскими министрами были кавалерийские офицеры, как Перовский и Меншиков. Если бы случилось несчастие на корабле, где находился бы государь в их сопровождении, то никто не подумал бы подвергать их ответственности. Стояновский признает необходимым назначение исследования и допрос Посьета в качестве обвиняемого. Паукер (преемник Посьета) утверждает, что нельзя подвергать Посьета ответственности, не выяснив побуждений, коими он руководствовался. Воронцов заявляет, что Посьет во всех царских путешествиях распоряжался как полновластный хозяин, и считает его непременно подлежащим ответственности.

Я доказываю, что еще сегодня не идет речь о предании Посьета суду, что это будет дело обвинительной камеры, а что сегодня надо только решить вопрос, представляется ли достаточно оснований по следствию для того, чтобы возбудить обсуждение обвинительной камеры.

Настаиваю на том, что формы процесса, установленного восемьдесят лет назад для предания суду министров, не могут быть ныне безусловно соблюдаемы. Тогда Общее собрание Совета состояло из 14 членов, а теперь из — 60. Тогда считали необходимым всякое следствие производить коллегией, а теперь теория и практика уголовного судопроизводства оставляют это в руках единоличной власти. Поэтому я считаю необходимым установить облегчительные для обвиняемого формы процесса или разъяснением, или высочайшим указом, считаю это тем более необходимым, что относительно порядка предания суду членов Совета в законах полный пробел. Оба вел. князя почитают необходимым привлечь Посьета к ответственности, но председатель, усматривая, что разномыслие категорически высказалось, и находя нежелательным в таком деле представлять государю разные мнения, предлагает, согласно высказанной Стояновским мысли, потребовать объяснения от Посьета.

На этом дело и останавливается; министру юстиции поручают изготовить проект вопросных пунктов.

Обед у Скарятиных в честь вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны. Музыкальный вечер у Анны.

7 [*февраля*]. Вторник. Прогулка на Каменный остров для осмотра дачи, на которой предполагалось дать праздник, но она оказывается

неотопимою. В 5 час. у вел. князя. Доказываю ему неудачные последствия принятой совещанием резолюции о том, чтобы дать Посьету вопросные пункты. Мы из себя делаем трибунал; придется, пожалуй, спрашивать еще и других; мы отягчаем судьбу Посьета, удлиняя и без того длинный процесс предания его суду. Вел. князь выражает намерение говорить в этом смысле государю.

Бал у английского посла Морьера с присутствием их императорских величеств, чего Морьер усердно добивался, желая этим явить нравственную себе поддержку против оскорбительных обвинений, взведенных на него немецкою прессою по приказанию Бисмарка.

8 [февраля]. Среда. Опять объезжаю великокняжеские передние, записывая, что такой-то просит сделать честь пожаловать на вечер в понедельник. В 3 часа у вел. кн. Михаила Николаевича, который передает, что в присутствии Манасеина рассказал государю весь ход совещания о Посьете и возбудил сомнение о пользе сделания ему допроса в совещании. Государь, твердо изучивший статьи закона, спросил, заменит ли этот допрос тот допрос, который будет предстоять Посьету в качестве обвиняемого, и на отрицательный ответ сказал, что не видит надобности два раза его допрашивать.

Затем выставлены были возбужденные мною процессуальные сомнения и признано необходимым обсудить все это в особом совещании при участии Фриша.

От вел. князя еду к Манасеину и уговариваюсь с ним собрать это совещание на другой же день в 3 часа на квартире у Стояновского, о чем и предваряю его, получая немедленно его согласие.

В 4 [часа] приезжает наш хороший парижский знакомый — олицетворение любезности и желания одолжить — гр. Тюренн.

9 [февраля]. Четверг. В 3 часа собираемся у Стояновского на весьма скромной и тесной квартире 19 на Знаменской. Манасеин, Фриш и я. Совершенно согласны все четверо в необходимости изменить ныне существующий порядок предания суду членов Государственного совета и министров. Судебные уставы оставили без изменения порядок, установленный в 1811 г. при издании учреждения о министерствах; порядок этот требует обсуждения в Общем собрании Государственного совета вопроса об ответственности, избрания из среды Совета особой следственной комиссии[17]. При увеличившемся составе Совета, при изменившихся взглядах относительно порядка производства уголовных следствий все это ныне неудобоисполнимо.

Вырабатываем проект изменения статей учреждения Государственного совета и учреждения министерств согласно с статьями устава уголовного судопроизводства.

Вечером бал в Эрмитаже. Этот мавританский павильон, наполненный щеголеватою толпою, представляет в этот день вид редчайшего праздника. Зрелище поистине изящное. Ужинают в картинных залах французской школы. Ужинаю между Балашевой и Шиповой. Во время ужина приходит и садится за тот же стол государь между гр. Воронцовой и гр. Стенбок, рожденной Апраксиною.

10 февраля. Вел. кн. Михаил Николаевич обедает у нас в тесном кружке. Копенгагенский посланник гр. Толь с семейством и пр.

11 [февраля]. Суббота. Заседание по делу о земских начальниках. Так же как и в последний раз, приходится откладывать окончательное рассмотрение параграфов впредь до выработки тех соображений, кои возложены на совещание, а между тем совещание министров ничуть не подвигается вперед. Манасеин говорит, что имел один лишь разговор с Плеве, который передал ему неофициально кой-какие наброски сочинения Пазухина, а затем утверждал, что обязанность выработать предположения лежит главным образом на Министерстве юстиции, предметы коего здесь затрагиваются, тогда как министр юстиции утверждает, что предположения должен писать министр внутренних дел, от инициативы коего проект исходит. Все это доказывает великое умственное бессилие.

12 [февраля]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных. Рысистый бег на Семеновском плацу. Наши воронежские лошади на этот раз ничего не выигрывают. Продолжительное посещение бедного Петра Шувалова, которого положение кажется мне весьма серьезным. В Аничковом дворце был назначен детский бал, который внезапно заменен вследствие болезни Ксении Александровны танцами у вел. кн. Сергея Александровича.

13 [февраля]. Понедельник. Прогулка с племянницей Варушкою. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Разговариваем о предстоящем окончательном заседании совещания по делу Посьета. Вел. князь сообщает, что государь признал излишним давать ему вопросные пункты, так как этот допрос был бы неокончательный и повторился бы в случае назначения следствия. Поэтому остается лишь изложить разные мнения и представить их на высочайшее благоусмотрение. Завтрак у вел. кн. Владимира без хозяйки, но с вел. кн. Николаем Николаевичем. Разговор больше о параде, об отличном состоянии войск, о том, что войска были в парадной форме, чего до сих пор не делалось. Видно, прошла эпоха упрощений[18], настает время величаний. В 1 час заседание Государственного совета и после того посьетовское совещание. Вел. князь объявляет об отказе государя производить допрос и просит окончательно высказаться, прибавляя, что следует помнить, что мы еще

не предаем суду, а только предаем дело на улажение Государственного совета, который может или прекратить дело, или назначить следствие, а после следствия или ограничиться административным взысканием, или предать суду, или освободить от всякого взыскания.

Бар. Николаи отрицает это, цитируя статьи учреждения министерств 1811 г., требующие рассмотрения дела Общим собранием и т. д.

Я заявляю о необходимости согласования этих статей с статьями судебных уставов, порядки эти параллельно существовать не могут уже потому, что рассмотрение дела Общим собранием в качестве обвинительной камеры исключает возможность составления Верховного уголовного суда[19]. Поэтому я полагаю, что необходимо будет разъяснить порядок, которому в подобных делах надлежит следовать. Председатель свидетельствует, что о всех этих неудобствах было доложено государю, который считает нужным выяснить порядок, долженствующий быть принятым.

Абаза: «Ввиду заявления, сделанного государственным секретарем, о важности неудобств, представляемых существующим порядком, возможно ли предлагать государю подвергнуть такому порядку Посьета. Не лучше ли просить государя ограничиться административным взысканием?»

Я: «Неудобства такой меры хуже неудобств существующего порядка. Карать, наказывать должны мы, слуги государевы, а верховной власти должна принадлежать роль благодеющего провидения, рассыпающего милости на подданных. Следуя предложению Александра Аггеевича, мы возложили бы на государя тяжелую обязанность наложения кары, да еще в деле, к коему он сам прикосновен, а от себя мы отстранили бы возложенную на нас задачу. Разъяснение порядка и притом в смысле облегчительном для Посьета я считаю весьма легким и применимым к настоящему случаю, так как правило об обратной силе законов не относится до законов судопроизводственных».

В конце заседания все соглашаются дать делу дальнейший ход, если представлена будет удовлетворительная в сем отношении редакция журнала.

Бал у нас в доме на 200 приглашенных.

14 [февраля]. Вторник. Спектакль в Мраморном дворце. По обыкновению вел. кн. Павел Александрович играет превосходно, остальные весьма плохи. «Горящие письма» и «До поры до времени»[20]. Вел. кн. Константин Константинович играет роль, игранную мною на домашнем спектакле у нас 15 лет тому назад.

15 [февраля]. Среда. Заседание Департамента законов о земских начальниках. Все тем же порядком откладывают окончательное рассмотрение параграфов до выработки министрами внутренних дел и юстиции оснований брошенной на воздух реформенной мысли.

16 [февраля]. Получаю от Вышнеградского его всеподданнейший доклад о новом займе в 700 млн. франков для конвертирования второго консолидированного займа[21]. Меня поражает то, что из 23 млн. фунтов стерлингов, составляющих заем, 11 млн. идут на конверсию второго выпуска консолидированных, а 12 млн. будут внесены подписчиками из консолидированных займов всех выпусков. Последнее условие составляет мошенническую штуку Вышнеградского, который заранее согласился о том с группою банкиров, получив, разумеется, участие в барышах, которые, по моему мнению, должны составлять около 2 млн. Конечно, на всю сумму 12 млн. фунтов стерлингов облигации будут внесены не кем иным, как банкирами из друзей Вышнеградского, кои, будучи предуведомлены им заранее, скупили эти облигации по низшей против номинальной цене[22].

Получаю от вел. князя подписанный государем указ Государственному совету о порядке рассмотрения дел об ответственности министров и членов Государственного совета[23]. Думаю, что, добившись этого по поводу посьетовского дела, я оказал услугу своему отечеству. Посылаю указ для прочтения бар. Николаи и Абазе.

17 [февраля]. Пятница. На утренней прогулке встречаю Бунге, который разделяет мое мнение относительно условий займа, выражаясь так: «Это сделано, чтобы в мутной воде рыбу ловить». Уговариваю его заявить отдельное мнение, но он полагает, что достаточно оставить этому мнению след в журнале. Так как Вышнеградский оправдывал пред Бунге это распоряжение ссылкою на условия последней австрийской конверсии, то я еду к Николаеву, чтобы получить от него текст этой конверсии. Николаев окончательно убеждает меня в справедливости моих подозрений, рассказав, что у него, Николаева, на днях был начальник штаба вел. кн. Владимира Александровича[24] ген. Бобриков, известный пройдоха, аферист, который говорил ему, что по этому делу устроен синдикат, в коем и ему была дана часть, но что в последний момент Вышнеградский забрал себе львиную долю и лишил выгод прочих участников, в том числе и его, Бобрикова. Продолжительное посещение все еще в тяжелом положении находящегося Шувалова. В $9^1/_2$ час. отъезд на волчью охоту с Голицыным, Фредериксом, Тюренном, Сашею.

18 [февраля]. Суббота. Чудный день, но не совсем удачная охота в окрестностях станции Плюса. Фредерикс, лежа в санях рядом со мною, рассказывает несколько характерных анекдотов.

1) Командир 1-й кавалерийской дивизии[25] ген. Эттер получил приглашение на первый концертный в Зимнем дворце бал, но приглаше-

ние было без поименования жены его. Он поехал к корпусному командиру принцу Ольденбургокому и объявил, что готов жертвовать жизнью своему государю, но обидеть жены своей никому не позволит. Принц Ольденбургский поехал к императрице и выхлопотал приглашение, но при этом от гофмаршала кн. Оболенского было объяснено, что приглашения военным делаются чрез Гвардейский штаб и что он за правильность их не отвечает. На следующие два бала Эттера опять пригласили без жены, он не поехал под предлогом болезни, а затем подал просьбу об увольнении от службы.

2) На рыбной выставке занимаются соленьем рыбы какие-то полунагие крестьянки, при виде их государь сказал вел. кн. Марии Павловне, что, зная ее расположение к костюмированным балам, советует ей в следующий раз остановиться на этом костюме. Вообще отношения этих двух лиц ежедневно обостряются.

3) В прошлом году, когда шла речь об изменениях в управлении учреждениями императрицы Марии[26], секретарь нынешней императрицы Оом предложил ей выслушать составленную им записку о смысле предполагаемых изменений. Последовало согласие. Оом чрез несколько дней пришел читать записку; после нескольких минут слушания императрица сказала, что желает видеть детей, ушла в детскую и более не возвращалась, страшась скуки.

19 февраля. Воскресенье. В 2 часа на квартире у Рейтерна в его собственном доме на Английской набережной, рядом с домом Дурново, собирается высший Финансовый комитет для обсуждения предложения Вышнеградского о новом заграничном займе, заключенном для конверсии части консолидированных железнодорожных облигаций[27].

Вышнеградский выставляет главные черты того, что нам уже известно из всеподданнейшего доклада, предварительно разосланного. Абаза восхваляет такую меру, которая не только выгодна для казначейства, но еще, расширяя наш фондовый рынок, уничтожает ту политическую окраску, которую имели прежние займы, так как здесь являются подписчиками одновременно и Париж, и Берлин.

Сольский тоже делает комплименты.

Я указываю на то, что следовало бы погасить не один второй выпуск, а и еще какой-либо определенный выпуск, тогда как вместо того представляют на 12 млн. фунтов стерлингов внести облигаций различных выпусков, чем воспользуются лишь банкиры, заранее получившие на то обещание от министра финансов.

Бунге меня поддерживает.

Я желаю произвести разногласие, что приводит в ужас Рейтерна. Бунге хочет ограничиться помещением моего заявления в журнале.

Я соглашаюсь под условием, чтобы помещены были мои соображения и заявление министра финансов, что мое предложение в случае его принятия делает невозможным заем.

Вышнеградский красный, задетый за живое уверяет, что это условие поставлено Ротшильдами, как sine qua non*.

Бунге меня не поддерживает, а довольствуется заявлением, что желал бы сохранить в журнале след тому, что было мною говорено. Я выражаю готовность удовольствоваться редакциею журнала, не производя разногласия в том случае, если будет категорически изложено заявление Вышнеградского, что заем не состоится вовсе в том случае, если последует отмена того условия, которое я признаю нежелательным. Вышнеградский выражает согласие на такое изложение журнала. Я при этом прошу, чтобы высказаны были и основания, на коих мнение мое основано.

20 февраля. Понедельник. Мне приносят журнал, подписанный уже Рейтерном, Бунге и Сольским, но без изложения соображений, принятых мною в основание моего мнения. Не находя возможным вновь производить разногласие, подписываю журнал совещания, а вместе с тем, посылая государю свое еженедельное извлечение из мемории, делаю на том же листе следующую приписку: «Прошу позволения у Вашего императорского величества представить Вам объяснение об участии моем во вчерашних прениях заседания Финансового комитета, журнал коего сохранит *лишь* весьма бледное и, может быть, не совсем удобопонятное указание сделанного мною заявления.

Вот в чем дело. Новый заем заключается на сумму приблизительно 23 млн. фунтов стерлингов, из коих 11 млн. — погасят второй выпуск консолидированных займов, а относительно 12 млн. — предлагается такая комбинация: эти 12 млн. не будут употреблены на погашение какого-либо иного выпуска и подписчики внесут их не деньгами, а облигациями 5% консолидированных займов всех остальных выпусков, причем прием таких облигаций прекратится, как скоро будут представлены эти 12 млн. Так будет объявлено в условиях подписки, и каждый владелец подобной облигации будет вправе думать, что он может представить свою облигацию для погашения ее с выгодою в полной сумме. В действительности же будет не так. Вся сумма 12 млн. будет представлена полностью группою банкиров, совершающих заем, кои несколько недель тому назад, заручившись уверенностью, что им будет предоставлена эта выгода (могущая в сложности составлять цифру

* Не подлежащее обсуждению *(лат.)*.

около 2 млн. руб.), стали закупать облигации консолидированных займов по более низким ценам.

Вот это заявление, делаемое как будто всякому владельцу русских консолидированных займов, а в действительности долженствующее служить интересам только тесного кружка заранее предуведомленных людей, показалось мне недостойным правительства, коего каждое публичное слово должно быть правдою, показалось мне новизною, не долженствующею служить прецедентом на будущее время, не говоря о той запутанности, которую должно произвести в дальнейших расчетах казначейства извлечение из каждого выпуска неизвестного и неопределенного заранее количества сумм.

Мнение мое всецело разделял Н.Х. Бунге, и мы готовы были произвести разногласие, когда министр финансов засвидетельствовал, что такое изменение контракта с Ротшильдами, уже подписавшими оный, невозможно, что это выгодное дело может не состояться и что Вашим величеством уже выражено предварительное согласие на немедленное приведение всех этих условий в исполнение.

Не неся ответственности за успешность столь важной ветви управления и не желая препятствовать делу несомненно выгодному, я тем не менее считаю верноподданническим долгом высказать перед Вами, государь, руководившие мною побуждения, не нашедшие места в журнале и могущие быть представленными Вам по недоразумению в неверном виде»[28].

21 февраля. Вторник. В $8^1/_2$ час. вечера уезжаем в Боровичи, а оттуда еще 50 верст по Устюженской дороге с Балашевым и Тюренн.

22 [*февраля*]. Среда. Убиваю медведя. Ночуем в деревне.

23 [*февраля*]. Четверг. Убиваю еще одного медведя, в 6 час. возвращаемся в Боровичи.

24 [*февраля*]. Пятница. В 8 час. возвращаюсь домой и по обыкновению нахожу множество писем. Стояновский просит заехать, чтоб переговорить о том, как вести процесс Посьета. Обедает Николай Саввич Абаза.

25 [*февраля*]. Суббота. Продолжительный разговор с Краузольдом о ниточной фабрике. Разбираю бумаги Закревского, поднесенные государю Друцким. Читаю статью Соловьева[29] о конгрессах. Обычный вист.

26 [*февраля*]. Воскресенье. В 11 час. в Аничковом дворце. Шатание по залам и сплетни во время обедни. Поздравления в дверях двух гостиных; государю жмут, а императрице целуют руку. Забавное протискивание тех, кои желают завтракать поближе к их величествам.

После завтрака cercle*. Императрица разговаривает с Набоковым, Посьетом, Глинкою-Мавриным, Чертковым. Cela s'appelle savoir choisir son monde**. Вечер у Абазы.

27 [*февраля*]. Понедельник. Обычный разговор у вел. кн. Михаила Николаевича. Уговариваю его ехать в Канн к семейству. Здесь нечего жевать земских начальников. Завтрак у Владимира Александровича. Мария Павловна выражает сожаление о тех, кои здесь остаются, когда она уезжает на солнце в Ниццу. *Я:* «C'est très charitable». *Она:* «Pas pour tout le monde; je suis bien indifférente à ce que fait m-me Narychkine»*** (которая не пригласила вел. княгиню на вечер, данный в честь императрицы).

В 1 час заседание Общего собрания Совета. Вернувшись домой в пятом часу, нахожу записку от гр. Шереметева, который пишет, что был сегодня у государя и государь приказал ему передать мне повеление, чтобы завтра в 9 час. собрать в Аничковом дворце годичное собрание Исторического общества. У меня ничего не готово. По счастью, Штендман дома. Поручаю ему оповестить членов и приготовить мне материал, из которого я мог бы составить отчет.

В $8^1/_2$ час. домашний спектакль у кн. Паскевич. Княгиня после десятилетнего перерыва снова выступает на сцене и теперь в старушечьей роли. Превосходны два брата кн. Голицыны. Плох, как всегда, записной актер кн. Иван Голицын, точно так же однообразно грубо играющий стариков, как в прежнее время играл первых любовников.

28 [*февраля*]. Вторник. Встав пораньше, сажусь за писание отчета, который и поспевает к заседанию. В четвертом часу заходит из Комитета министров Победоносцев рассказать о выходках Роопа, который считает, что правила об охране ставят ген.-губернатора навсегда выше всяких законов[30].

В 9 час. в библиотеке Аничкова дворца. Все по-старому. Я читаю отчет. Кобеко — биографическую заметку об екатерининском ген.-прокуроре кн. Вяземском, Дубровин — о Багратионе, Грот — о Карамзине. Государь очень доволен, много расспрашивает о биографическом словаре[31], утверждая, что мы до него не доживем. Все кончается в $10^1/_2$ [час.]. Цесаревич, сидящий по мою левую руку, очень мил и выказывает много интереса к тому, что слышит.

Гр. Толстой еле движется, но, несмотря на то, взбирается на высокую и крутую лестницу Аничкова дворца.

---

*Церемониальные беседы с приглашенными ко двору.

**Это показывает умение создавать себе общество.

****Я:* «Это очень милосердно». *Она:* «Но не ко всем; я совершенно безразлична к тому, что делает г-жа Нарышкина».

1 марта. Среда. В 1 час доклад управляющего моршанским имением Воронцова-Вельяминова. По счетам имение дает $4^1/_2$%, но все эти доходы остаются в имении и не доходят до кассы главного управления. Не понимаешь, чем может жить современный русский землевладелец. В 5 час. у вел. кн. Марии Павловны, уезжающей завтра в Ниццу. Вел. кн. Владимир Александрович передает, что вчера цесаревич после нашего заседания сказал ему, что, состоя членом Общества, он хотел бы тоже приготовить что-нибудь для прочтения на будущий год, и Владимир Александрович советовал своему племяннику взять в основание труды Попова, который в качестве нашего члена Общества делал весьма интересные сообщения об Отечественной войне[32].

Вечер у Анны, которая хорошо играет трудную сонату Бетховена.

2 марта. Восшествие на престол императора. Обязательное для меня присутствование на богослужении в Исаакиевском соборе, где по обыкновению находятся налицо все вел. князья, множество военных и весьма мало гражданских чинов. Молебен кончается в $1^1/_2$ [часа], когда обедня началась в 10 час. Заезжаю проститься с Е.Д. Всеволожскою, отправляющеюся в деревню. Навещаю П. Шувалова, здоровье коего ежедневно ухудшается.

3 марта. Пятница. Обедает вел. кн. Владимир Александрович и Дондуков, который сильно бранит Островского, в особенности за нефтепровод, в котором, по его мнению, приятели Островского получили много взяток.

4 марта. Суббота. Заседание соединенных Департаментов по делу о земских начальниках. Подлежащие министры все еще ничего не выработали; Государственному совету приходится откладывать все существенные вопросы, а лишь условно утверждать ничтожные подробности внесенного гр. Толстым законопроекта.

Обычный, еженедельный вист.

5 [марта]. Воскресенье. В 9 час. еду с Месмахером на Каменный остров. Объясняю ему свои мысли о перестройке теплицы камелий с присоединением галереи для столовой.

В 2 часа концерт в Мраморном дворце у вел. кн. Александры Иосифовны. Сын ее Константин Константинович играет концерт Моцарта на фортепиано; причем отец — вел. кн. Константин Николаевич играет на виолончели в оркестре. Затем исполняются хорами «Requiem» Моцарта; причем соло отлично поют принцесса Елена Мекленбургская и Новосильцова, рожденная Оболенская, сестра моего зятя.

В 8 час. вечера еду в консерваторию слушать прекрасно в музыкальном отношении исполненную оперу Моцарта «Волшебная флейта».

Здесь опять присутствует вел. кн. Константин Николаевич, с которым мы не кланяемся.

6 [марта]. Понедельник. Обычные в 11 час. разговоры с вел. кн. Михаилом Николаевичем, завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. Кратчайшее заседание Общего собрания и продолжительные бессодержательные прения по делу о земских начальниках. Вечер за мемориею. Ужасно надоела мне вся эта пустая деятельность.

7 [марта]. Вторник. Посылаю Балашеву редакцию статей устава Нового клуба. В $4^1/_2$ часа приезжает из Вены и поселяется у нас старинный наш приятель кн. Лобанов, рассказывает ужасные и нравственно отвратительные подробности о личности самоубийцы эрцгерцога Рудольфа.

8 [марта]. Среда. Продолжительное объяснение с Краузольдом о хищнических попытках Бека. Визит гр. Адлерберг, желающей продать коллекцию табакерок, принадлежавшую покойному ее мужу. Отвратительны в этой женщине притворство, ложь, напускные ужимки и порывами смешные попытки важничать. Табакерки ничего не стоят. Читаю прекрасную статью Тэна о Франции в 1800 г.[33] Раут у обер-церемониймейстера кн. Долгорукого в прекрасном доме Пашкова, что на Гагаринской набережной.

9 [марта]. Четверг. Обед у Балашевых в честь вел. кн. Владимира Александровича — Воронцовы, Долгорукие, Скарятины, Лобанов, Тюренн, Новосильцов, Лопухин-Демидов. После обеда вист. Во всем большая изысканность и нарядность.

10 [марта]. Пятница. В $2^1/_2$ час. приезжает дочь Бобринская с известием о смерти гр. Петра Шувалова. Последние [дни] не оставляли в моих глазах никакой надежды на иной исход. В прошлом году у него образовался нарыв в правом ухе и счастливо прорвался наружу; теперь образовался нарыв в левом ухе, врачи не могли или не сумели привлечь наружу скопившуюся в большом месте материю, которая бросилась на мозг, отравила кровь, что и произвело довольно быструю смерть.

Шувалов был далеко недюжинный человек. При чрезвычайно статной, красивой, изящной наружности он отличался редким умом, сметливостью, уменьем схватывать существенные стороны вопросов и оценивать общее их значение. Проведя раннюю молодость в стенах Зимнего дворца, где отец его был обер-гофмаршалом императора Николая, получив весьма поверхностное образование, прослужив сначала в Конногвардейском полку, а потом в свите государя, он выделился из толпы товарищей в 60-х годах при покойном государе. Сопровождая кн. Орлова в 1856 г. на Парижский конгресс, он изу-

чил полицейское устройство Парижа и вскоре был назначен петербургским обер-полицмейстером, начав здесь обновление прежних кулачных и взяточнических порядков прежнего галаховского времени. Отсюда он назначен сначала начальником штаба корпуса жандармов, а потом прибалтийским ген.-губернатором. Когда после каракозовского выстрела честный, но бездарный кн. Василий Андреевич Долгорукий просил увольнения от обязанностей шефа жандармов, то Шувалов, собиравшийся уехать в Ригу, был внезапно призван к государю и вместо отъезда в Ригу поселился у Цепного моста, где в звании шефа жандармов скоро сделался влиятельнейшим из окружавших государя лиц. Он стал во главе тех, кои не разделяли передовых увлечений Милютина, и, хотя, конечно, правда была в принципе на стороне Шувалова, но его неприготовленность, легкомыслие, бесцеремонность в обращении с мыслями и быстрота в ведении дел лишили его деятельность той доли пользы, на которую выдающиеся его способности могли давать право надеяться. Он не сумел найти и выдвинуть людей труда, не будучи приучен сам к труду. Такие люди, как Пален, Тимашев, Толстой, гр. Бобринский, опошлили и сделали ненавистным то, что величалось консерватизмом.

В 1876 г. Шувалов поехал послом в Лондон[34]. Он не раз говорил мне, что чувствовал необходимость удалиться от дел вследствие ненависти к нему любовницы государя кн. Долгоруковой, в отношении коей он всегда держался с большим достоинством, несмотря на то, что она делалась всесильною у государя.

После несчастной Болгарской войны[35] Шувалова послали на Берлинский конгресс[36], и тут мнимое общественное мнение и бесчестные крикуны всякого звания обрушили на него несоответствие результатов с понесенными Россиею жертвами, но при этом никто не хотел знать тех ужасных обстоятельств, хорошо мне памятных, в коих находилось наше несчастное отечество, коим так преступно распорядились журналисты, святоши, кликуши и всякий безмозглый сброд.

Александр Николаевич сначала говорил, что останется чужд войне, потом, желая оказать любезность императрице и получить за то некоторое отпущение грехов личных, стал мирволить косвенному вмешательству, затем после плотного завтрака произнес московскую речь[37] и, наконец, мечтая о воссоединении утраченной по Парижскому трактату бессарабской территории, заказал три фельдмаршальских жезла (для себя и двух братьев) еще прежде объявления войны. Когда же Европа разразилась смехом над Сан-Стефанским договором, то Александр II не на шутку струсил, видя истощенное и беспомощное состояние своего правительства.

В присутствии государя Милютин говорил уезжавшему в Берлин Шувалову, что мы решительно не в состоянии вести войны, что Англия знает это и Биконсфильд делает громадные вооружения. Сообразно сему, даны были Шувалову инструкции, а для помехи дан в спутники впавший в детство и ненавидимый Бисмарком кн. Горчаков. На конгрессе Россия получила все условия, о достижении коих было предписано Шувалову и, несмотря на то, Александр Николаевич стал бранить Шувалова как виновника нашего политического унижения. Журналисты, и в особенности московские, говорили в том же тоне, забывая, что они же втягивали Россию в войну, якобы бескорыстную, войну освободительную и т. п.

Такая неблагодарность возмутила меня, и я с этого времени сблизился с Шуваловым. Я встретился с ним в Париже вскоре после окончания Берлинского конгресса. За несколько дней пред этою встречею я обедал у маршала Мак-Магона, где после обеда разговорился с Дюпре, бывшим секретарем конгресса. Он не мог надивиться уму, талантливости, находчивости Шувалова и долго рассказывал мне о том, как велики были услуги, оказанные России Шуваловым.

С этого времени и до самой его смерти я был очень близок с Шуваловым; мы часто с ним охотились, а еще чаще в продолжительных беседах разбирали настоящее и прошедшее. Его живая, умная речь, полная сведений, почерпнутых из личного опыта, всегда доставляла мне большое удовольствие. За последние годы он хорошо понимал свое положение, чуждое каких-либо надежд на политическую деятельность, и это соделывало его суждения еще более твердыми, беспристрастными.

Рядом с обширным умом его в нем говорило снисходительное, прощающее, увлекающееся, но всегда незлобивое чувство. Он столько видел на своем веку лжи, притворства, корысти, неправды всякого рода, что, конечно, с трудом мог верить совершенно чистым побуждениям, хотя не отвергал их огулом. Он всегда был расположен оказать услугу, сказать доброе слово, помочь нуждающемуся совершенно бескорыстно. Он был врагом религиозных, племенных, сословных преследований и годами мыслящей жизни усвоил широту взгляда, гораздо более надежную, чем оглушительные крики либеральничающей умственной челяди. Оценивая свою деятельность он, не раз повторял мне весьма меткое слово: «On m'a employé comme fruit vert et mis de coté à l'état de fruit mûr»*.

11 марта. Суббота. Панихида по Шувалову в его доме на Миллионной. Присутствующих множество.

* «Меня использовали в незрелом состоянии и отбросили, когда я созрел».

В 2 часа в Департаменте законов оканчивается рассмотрение законопроекта гр. Толстого относительно обязанностей земских начальников по крестьянскому управлению. Теперь дело останавливается и, вероятно, надолго за совещанием министров внутренних дел и юстиции, которые, впрочем, для этого не собираются да и никаких для обмена мыслей не имеют. Уезжаю вечером на медвежью охоту.

12 [марта]. Воскресенье. Охота около станции Любань. Воронцов, Балашев и я убиваем каждый по одному медведю, причем на мою долю достается самый большой.

13 [марта]. Понедельник. Вынос тела Шувалова. Император и императрица приезжают из Гатчины. Полки Конный и Павловский следуют за колесницею до Троицкой церкви, откуда тело увозят в фургоне.

14 марта. Вторник. Похороны в Вартемягах, куда едем на тройках. Отпевание в церкви; тело опущено в землю рядом с церковью. На обратном пути сильная снежная метель.

15 марта. Среда. Бранная на Шувалова статья в «Новом времени» за Берлинский трактат, как этого, впрочем, и следовало ожидать[38]. Его вдова посылает свою дочь Барятинскую к императрице просить защиты против выходок прессы.

16 [марта]. Четверг. Государь на докладе гр. Толстого приказывает ему напечатать в «Правительственном вестнике» статью, которая для этого составляется в Министерстве иностранных дел с целью оправдать роль Шувалова на Берлинском конгрессе[39].

17 [марта]. Пятница. Обед с вел. кн. Михаилом Николаевичем и скромный винт с Влангали и Лобановым.

18 [марта]. Суббота. Еще заседание по делу о земских начальниках. Споры относительно порядка обжалования решений сельских сходов. Толстой хочет лишить их всякой самостоятельности и отдать крестьян в полное распоряжение земских начальников. Все это весьма легкомысленно. Вечером «Валькирия» Вагнера.

19 [марта]. Воскресенье. За завтраком у Гагариных оживленный с княгинею спор о предметах видимых и невидимых. В 4 часа в доме Игнатьева на Миллионной собираются учредители Нового клуба, рассматривают устав и решают нанять дом Черткова на Дворцовой набережной.

20 [марта]. Понедельник. В 11 час. по обыкновению у вел. кн. Михаила Николаевича, который рассказывает следующее. Накануне, т. е. в воскресенье, государь собрал у себя в Гатчине семейный совет из четырех братьев, вел. князей Михаила Николаевича и Константина Константиновича, а также наследника цесаревича и предложил на их обсуждение вопрос о том, допускать ли для вел. князей морганатические браки. Вел. князья Владимир и Алексей говорили за это допущение, Сергей, Михаил, Воронцов — против. Государь, прослушав прения в течение полутора часов, категорически объявил свою волю о том, что никогда таких браков в своем семействе допускать не будет. Михаил Николаевич добавил этот рассказ тем, что остался после ухода прочих членов семейства втроем с императором и императрицею. Причем, обнимая императора, сказал ему: «Ты поступил, Саша, как тебе приказывал твой долг. Я вполне одобряю твое решение, как оно ни тяжело лично для меня».

Тогда стали говорить про Михаила Михайловича и решили отправить его вместе с отцом в Ниццу для того, чтобы несколько рассеяться и, если можно, позабыть предмет его страсти — девицу гр. Игнатьеву.

После этого заседания вел. кн. Михаил Николаевич пошел гулять с императрицею и вел. кн. Елизаветою Федоровною, а государь отправился гулять с братьями, но Михаил Николаевич встретил отделившегося от них и гулявшего одиноко с своею собакою вел. кн. Алексея, который, вероятно, размышлял, что сегодняшний день ставит препятствие браку его с гр. Богарне после быстро приближающейся смерти пьяницы, мужа ее.

Вернувшись домой, Михаил Николаевич передал это решение сыну, который сказал, что никогда не отступит от воли государя и долга присяги.

После разговора о делах — завтрак, на который явился, глядя мертвецом, Михаил Михайлович. Короткое заседание Общего собрания, при открытии коего вел. князь говорит несколько слов об утрате, понесенной Советом в лице Шувалова.

21 [марта]. Вторник. Несмотря на приглашение вел. кн. Михаила Николаевича, не еду к нему завтракать, чтобы прощаться, потому что его провожают в большом параде состоящие при нем военные, а я никогда еще этого не делал, да и вообще ненавижу эти проводы и встречи, коими у нас привыкли злоупотреблять.

Вечером Анна играет отлично концерт Бетховена с оркестром, а Лиза Новосильцова поет старинные арии.

22 [марта]. Среда. Читаю новую книгу маркиза Вогюе о Вилларе[40]; зная автора, ожидал больше.

23 [марта]. Четверг. Визит Бобринским. Разговор с Шуваловым о трудностях, создаваемых петербургскими порядками нашим представителям за границею. Заседание совета Училища.

24 [марта]. Пятница. Последнее заседание по делу о земских начальниках. Обед в честь вел. кн. Владимира Александровича у Ло-

банова, гостящего в нашем доме, обед готовит его венский повар, слуги одеты в его парадную, фамильную ливрею. После обеда вист с Владимиром Александровичем.

25 [марта]. Суббота. Конногвардейский праздник. Саша весьма кстати захворал. Доклад Штендмана о первом томе биографического словаря.

26 [марта]. Воскресенье. Прогулка с Анною, которая желает провести лето в Раптях, чему я очень рад. Мемориальное извлечение. Забыл записать здесь, что посылал меморию государю на прошлой неделе; я приложил копию с ответов Посьета на предложенные ему Гражданским департаментом Государственного совета вопросы[41]. Государь возвратил мне эту бумагу при такой записке:

«Очень благодарен, что прислали мне прочесть эту записку Посьета. Из смысла этой записки Посьет ничем не виноват, а главные виновники министр двора и Черевин! Прекрасно! Многое совершенно неправильно и несправедливо».

27 [марта]. Понедельник. Объяснение с вел. кн. Владимиром Александровичем по поводу его оценки Бобрикова, начальника штаба. Доказываю ему, что он не прав, крася людей в один цвет, что в его положении надо уметь оценивать оттенки и пользоваться людьми сообразно с их качествами и недостатками. Это труднее, но без этого безрезультатна будет его деятельность.

1 апреля. Суббота. Еду в Гатчину. Дорогою в вагоне вдвоем с Воронцовым, который везет свои награды на Пасху. Добиваюсь от него переписки Николая Павловича до вступления на престол; он уверяет, что надо искать у Гримма в библиотеке государя. В $12^1/_2$ часа от государя выходит военный министр Ванновский, зовут меня. Разговор приблизительно такой.

Я: «Извините, государь, что я Вас беспокою, но за отсутствием вел. князя есть некоторые вопросы, кои мне не хотелось откладывать, чтобы не давать кому бы то ни было права сетовать на отсутствие вел. князя.

Прежде всего ст.-секретарь Философов представляет о награждениях чиновникам, занимавшимся в председательствуемой им комиссии о начертании законоположений для казенных поставок».

Государь берет наградной список и красным карандашом вычеркивает почти всех представленных лиц на том основании, что они представлены прежде истечения двухлетнего срока. В частности, о тайн. сов. Мамонтове, коего Философов хочет назначить сенатором, государь выражает ту мысль, что сенаторов уже и теперь назначено слишком много и их некуда девать.

Я: «Не позволите ли, государь, чтобы позолотить пилюлю, объявить самому Философову высочайшее благоволение».

Государь: «Это лучше сделать после рассмотрения его проектов Государственным советом, который может еще отвергнуть все его предположения».

Я: «Позвольте представить Вам книгу, вновь отпечатанную трудами Государственной канцелярии. Это том архива Государственного совета за время царствования императора Павла[42]. Я не знаю, могу ли ходатайствовать пред Вами, государь, о награждении двух лиц, этим занимавшихся, — это помощник ст.-секретаря Кауфман и известный Вам по Историческому обществу Штендман».

Государь берет в руки книгу, рассматривает ее и выражает мнение, что один том не представляет достаточного повода для награждения, а что это можно будет сделать после напечатания следующего тома.

Я докладываю об отпусках членов Совета. Дервиз просит об отпуске по болезни — вследствие усиленных занятий у него головокружения. Кауфман желает ехать в Ташкент, где прах его брата будет перенесен в собор. Наконец, Мансуров 1-й просит об отпуске за границу на одиннадцать месяцев с сохранением содержания для того, чтобы сопровождать больную дочь.

Государь: «Это можно будет сделать. В его отсутствие будет меньше разногласий».

Я: «Государь, Мансуров человек не обширного ума, но чрезвычайно добросовестный, имеющий мужество высказывать свои мнения, каковы бы они ни были. Ведь нельзя же предпочесть таких людей, как его младший брат, который сидит седьмой год в Совете и еще никогда ни по какому делу не открывал рта. Таких членов легко набрать десятками, да будет ли от них польза».

Государь: «Да. Но Мансуров уж слишком часто говорит по всякому пустому делу».

Я: «Позвольте, государь, доложить Вам об одном вопросе, о коем я не имею права говорить. В январе месяце был 50-летний юбилей службы члена Совета Любощинского. Не получив никакого выражения Вашего одобрения, Любощинский считает себя подвергшимся опале, заперся, захворал и больше не показывается. На днях гр. Толстой присылал ко мне начальника Тюремного управления[43], чтобы сообщить, что по случаю увольнения Любощинского от председательствования в совете Тюремного управления ему будет дан рескрипт и, таким образом, будет снята с него эта тень опалы. Ввиду этого я решаюсь остановить Ваше внимание на том, что в настоящем году будут праздновать

50-летие службы еще три члена Совета Убри, Исаков, Кауфман. Я не прошу у Вас, государь, для них каких-либо отличий, но по сложившемуся служебному обычаю для этих стариков будет очень грустно, если в день юбилея они не получат от Вас ласкового, милостивого слова. Почему бы Вы не согласились дать им рескрипт?»

Государь: «Я требовал справок, из коих оказалось, что в прежнее время при Николае Павловиче юбилеи праздновались только в исключительных случаях, точно так же и рескрипты давались только при особых отличиях».

Я: «Но что же делать, государь, если в царствование покойного государя этот обычай укоренился. Нельзя же отрезать разом и обрушить это на голову несчастных членов Совета. Ведь самые рескрипты можно писать и длинно, и коротко».

Государь: «Если бы это мне было так доложено вел. князем, то я бы согласился. Хорошо, скажите Танееву, что я согласен давать рескрипты членам Совета в их 50-летия и чтобы он представил мне о сем справки».

Я замолчал, не имея ничего более к докладу, но государь стал говорить про дело о земских начальниках. Я выразил желание, чтобы министры юстиции и внутренних дел внесли в Совет что-либо законченное, а не одни общие предположения. Государь настаивал на том, что можно будет окончить дело до каникул и что если и будут недомолвки, то не беда, потому что все это будет введено в действие лишь в виде опыта в нескольких губерниях.

Я: «А в скольких?»

Государь: «Граф Толстой говорил мне, что хочет ввести от 6 до 8».

Я: «Его авторское самолюбие будет, конечно, стремиться к увеличению этого числа, которое для пользы дела следовало бы, напротив, сократить по возможности».

Прощаясь, я вспомнил, что хотел прислать государю полученную из Парижа книгу — издания коллекции Шпицера. Государь с благодарностью принял это предложение.

Говоря об этой коллекции, я не мог вспомнить имени владельца и по этому случаю сказал: «Вот видите, государь, что значит шестой десяток на исходе; положительно я старею, и на мое место следовало бы назначить кого-нибудь помоложе». Это замечание он пропустил, не сказав ни слова. Возвращаюсь в Петербург в одном вагоне с ген. Лобко, который читает наследнику лекции о военной администрации и искренно восхищается не только способностями и прилежанием ученика, но еще и уменьем его установить приятные, истинно человеческие, а не сухие, формальные отношения.

Александр Александрович Половцов, автор дневника

Император Александр III

Император Александр III в кругу семьи и родственников

Великий князь наследник-цесаревич Николай Александрович

Великий князь Георгий Александрович

Великий князь Михаил Николаевич

Император Вильгельм II

Черногорский князь Николай

Черногорские княжны Милица Николаевна и Анастасия Николаевна

Великий князь Николай Николаевич младший

Великий князь Петр Николаевич

Великий князь Сергей Александрович

Великая княгиня Елизавета Федоровна

Великий князь Павел Александрович с супругой Александрой Георгиевной

Великий князь Константин Константинович

Великий князь Николай Михайлович

Великий князь Сергей Михайлович

Великий князь Александр Михайлович

Великая княжна Ксения Александровна

Светлейшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская

Графиня Зинаида Дмитриевна Богарне

Князь Леонид Дмитриевич Вяземский

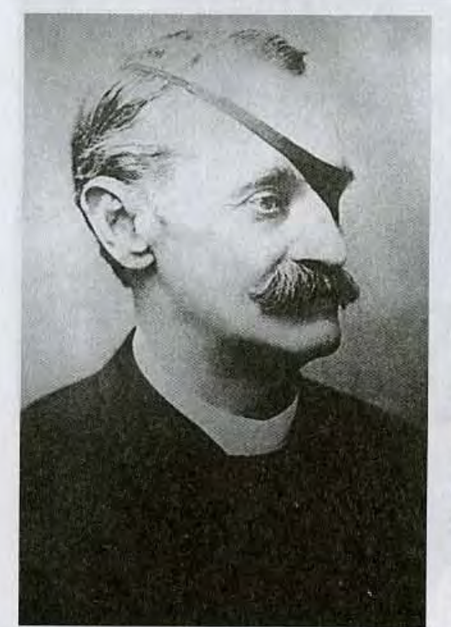

Светлейший князь Дмитрий Борисович Голицын

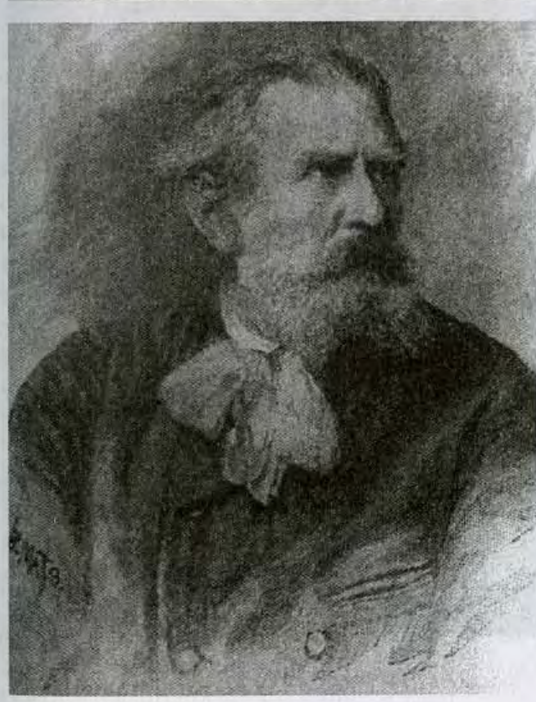
Князь Григорий Сергеевич Голицын

Князь Дмитрий Иванович Святополк-Мирский

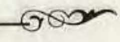

Князь Николай Алексеевич Орлов

Борис Григорьевич Глинка-Маврин

Николай Валерьянович Муравьев

Алексей Петрович Боголюбов

Сергей Петрович Боткин

Приехав в Петербург, заезжаю в Государственный совет, где узнаю, что Гражданский департамент решил сделать Посьету и Шернвалю строгий выговор.

Мое представление об устройстве государственного архива откладывается по просьбе Гирса, который заявляет, что в последнюю минуту ему представлено было множество каких-то новых справок, изменяющих первоначально высказанный им взгляд.

Обедаю с Лобановым, к которому является придворный ездовой с таким приглашением: «Государь император приглашает Вас завтра в Гатчину на семейный концерт по четырехчасовому поезду в вицмундире без ленты».

2 апреля. Воскресенье. В 2 часа еду к Танееву. Подобные свиданья для меня всегда очень тягостны, потому что, имея полное презрение к человеку, у которого нет другой цели в жизни, как собственное благополучие, и иных средств для достижения его, как утонченное низкопоклонство, я всегда с трудом воздерживаюсь от слов, кои могли бы выказать ему единственное внушаемое мне им чувство — презрение.

На этот раз дело обошлось благополучно. Танеев четверть часа говорил о своем здоровье, а потом в течение пяти минут выслушал приказание представить справки о службе празднующих 50-летие членов. Он хотел не представлять рескрипта Убри, опасаясь, что участник Берлинского конгресса несимпатичен государю, но я рассказал ему, что государь по поводу смерти Шувалова одобрительно отзывался о его деятельности в Берлине. Это изменяет настроение Танеева, который при расставании язвительно благодарит судьбу за случай, доставивший ему удовольствие меня видеть. От Танеева захожу к живущему на той же Михайловской площади Философову. Взобравшись в четвертый этаж, начинаю передавать ему содержание резолюций государя на его представления о наградах, стараюсь сделать это в самой мягкой для него форме, но каково мое удивление, когда он с первых слов выказывает полное к этому вопросу равнодушие. Очевидно, его подчиненные написали о себе представление; он подписал его, потому что так поступить для него удобнее, а что с его подписью сделается, ему решительно все равно.

В 3 часа собираются учредители Нового клуба в нанятом для сего помещении (дом Черткова на Дворцовой набережной). Избирают в председатели комитета Убри, а в члены Гагарина, Орлова-Денисова, Черткова, Влангали, Балашева, Долгорукого. Комитет усердно принимается за дело. Вражда яхт-клуба выражается газетными выходками.

3 [*апреля*]. Понедельник. В 2 часа похороны Паукера в Анненской лютеранской церкви. Почтенный и честнейший человек, падший жертвою боркского крушения.

Лобанов рассказывает свое времяпрепровождение в Гатчине. Выехав отсюда в $4^1/_4$ часа, он был около 6 час. в отведенных ему комнатах Гатчинского дворца. Кроме жительствующих при дворе лиц, были приглашены гр. Строганова с мужем, Долгорукие с двумя дочерьми, из коих одна объявлена невестою Трубецкого, и persona gratissima* ее величества 60-летний Ванечка (sic) Новосильцов — воплощение утонченной пошлости.

В 7 час. эти лица были приглашены в залу театра, куда явились также все вел. князья и княжны. Их величества обошли присутствовавших, затем на сцене появились хор придворных певчих и оркестр придворных музыкантов, кои исполнили четыре или пять пьес старинной итальянской музыки. В 8 час. концерт окончился, и все отправились в так называемую арсенальную залу, где был накрыт стол на сорок приборов. Лобанов как старший сидел по правую руку императрицы, от коей не слыхал ни единого путного слова. Какая глупая, бездарная женщина! После обеда Лобановым овладел вел. кн. Сергей Александрович, прося его мнения об устройстве выставки старинных русских портретов, как это было сделано нами 18 лет тому назад.

В это время государь ушел заниматься в свой кабинет, а вслед за тем кн. Оболенский доложил императрице, что пора отпустить гостей, кои должны уехать по поезду в 10 час.

4 [*апреля*]. Вторник. Осматриваю выставку картин в Академии. Нахожу закрытою коллекцию картин Кушелева-Безбородко, тогда как он в завещании своем определительно высказал как условие пожертвования, чтобы публика допускалась к осмотру его коллекции ежедневно и притом без всяких стеснений в одежде и т. п. Наличный консерватор объясняет, что Академия не имеет средств для надлежащего охранения этих картин. Я возражаю, что в таком случае Академия, не могущая исполнять условий полученного ею дара, должна от него отказаться.

9 [*апреля*]. Воскресенье. Праздник Пасхи. Накануне вечером гостящему у нас Лобанову присылают Андреевскую ленту при рескрипте, в котором пространно говорится о личных качествах Лобанова и тщательно избегаются всякие политические намеки. Отправляемся вместе в Зимний дворец. Здесь узнаю от Манасеина, что Андреевская лента дана еще Абазе, а также что министром путей сообщения назначен Гюббенет, бывший несколько лет тому назад товарищем Посьета. Это человек неглупый, но без всякого образования, без всяких выдающихся способностей, а особливо, лишенный всякого

* Пользующийся милостью (*лат.*).

чувства порядочности, благородства. Когда Бунге, покидая Министерство финансов, добился назначения своего товарища Николаева членом Государственного совета, то Гюббенет возмечтал о мысли достигнуть того же и под каким-то предлогом просил увольнения от должности товарища министра путей сообщения. Комбинация не удалась, и Гюббенет попал не в Совет, а в Сенат. Тогда он начал происки, доходившие до смешного. Он стал объезжать членов Совета и просить их, чтобы они ходатайствовали о приобретении такого полезного, как он, Гюббенет, сотрудника. Меня он удостаивал, кроме посещений, записками на тему его назначения. Таких лиц следовало бы не пускать дальше обязанностей начальника отделения. В Сенате он надоел своим коллегам многоречивым тупоумием.

По случаю болезни Паукера председатель Комитета министров Бунге счел нужным послать государю доклад о том, что журналы Комитета остаются неподписанными вследствие болезни Паукера и нахождения в отпуске его товарища Селифонтова. Государь возвратил журнал с приказанием об изготовлении указа, коим Гюббенет назначался временно управляющим министерством. Покуда писали указ, Паукер умер и указ получил совсем иное значение. На первом и единственном всеподданнейшем своем докладе Гюббенет представил в самом черном виде положение Министерства путей сообщения и упомянул о необходимых преобразованиях. Государь, восстановленный против порядков, введенных Посьетом, конечно, опробовал всякую критику и соглашался с мыслью о необходимости реформ. Гюббенет тотчас выставил невозможность для него что-либо сделать ввиду кратковременности предстоящих ему занятий. Ответом на эту инсинуацию последовал указ о назначении его министром путей сообщения.

Такое назначение весьма печально. Оно понижает умственный уровень правительства, подрывает и без того поколебленное к нему доверие, вводит в высшие административные сферы нежелательный элемент узкости взглядов и подобострастия.

Отстояв заутреню, похристосовавшись с государем, объехав швейцарские всех вел. князей, возвращаюсь к концу обедни, зная, что число выдержавших это утомление членов Совета будет весьма невелико. Действительно, на возвратном шествии их величеств нас не более шести.

Опасаясь, чтобы кара Посьета не совпала с праздником Пасхи, пишу в четверг письмо государю, предуведомляя его, что журнал Гражданского департамента о сделании Посьету и Шернвалю строгого выговора изготовлен и что по обязанности своей я должен бы представить его немедленно, причем опасаюсь, что несвоевременно

представлять журнал, содержащий распоряжение о карательной мере, к такому дню, «когда подданные Вашего величества веселятся величайшему годичному празднику и с высоты Вашего трона сыплются щедроты и милости».

Записка моя была написана так, что я ожидал приказания немедленно представить постановление для того, чтобы в ответ на него последовало помилование, но вместо того письмо мое вернулось с такою высочайшею резолюцией: «Конечно, теперь не время представлять подобные журналы».

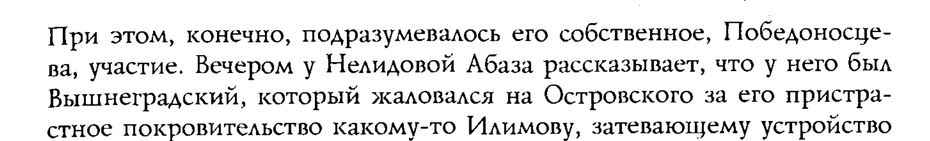
Разговаривая об этом инциденте с вел. кн. Владимиром, я высказал предположение, что резолюция служит доказательством нежелания простить Посьета, но он не разделил моего взгляда, а думал, что резолюция просто служит ответом на поставленный мной вопрос.

10 апреля. Понедельник. Рождение вел. кн. Владимира Александровича. Не еду поздравлять его, но пишу ему такую приблизительно записку: «Ваше императорское высочество, года идут, цифра Ваших лет меняется, а с этим изменением меняются и поздравительные мои пожелания. Позвольте мне сегодня сосредоточить их на Ваших детях. Они прелестны, Вы любите их всею силою Богом данного Вам любвеобильного сердца, но этого еще недовольно, нужны условия и обстоятельства, в Вашем положении, быть может, труднее достижимые, для того, чтобы создать нравственные существа, твердые в добре, не поддающиеся сделкам с низшими влечениями».

Продолжая в этом смысле, настаиваю на том, что детское чувство чрезвычайно чутко ко всему окружающему и потому важно, чтобы детей окружали люди возвышенной, нравственной природы, которых они не имели повод никогда презирать за что-либо. При этом, разумеется, делаю намеки на то, что он дурно себя окружает.

Ограничиваюсь этим наставительным поздравлением и не еду к обедни и мундирному завтраку, на коих тратится так много времени.

11 [апреля]. Вторник. Сижу за чтением жизнеописания Burke[44], приходит Победоносцев, который рассказывает, что видел гр. Толстого, который вернулся из Москвы починенный Захарьиным и заявил ему, Победоносцеву, что намерен пробыть в Петербурге до конца июля, чтобы непременно добиться окончания рассмотрения Государственным советом дела о земских начальниках. Победоносцев рассказывает еще, что накануне ездил поздравлять вел. кн. Владимира и видел там государя, который, обращаясь к Победоносцеву, сказал про архимандрита Паисия, что он — скот. Победоносцев счел нужным напомнить государю, какое участие в снаряжении Ашиновской экспедиции имели Рихтер и Шестаков (ближние к государю люди)[45].

При этом, конечно, подразумевалось его собственное, Победоносцева, участие. Вечером у Нелидовой Абаза рассказывает, что у него был Вышнеградский, который жаловался на Островского за его пристрастное покровительство какому-то Илимову, затевающему устройство нефтепровода. На этом вопросе как будто между двумя приятелями предвидится война.

12 [апреля]. Среда. Обед у новопожалованного Андреевского кавалера Абазы в честь новопожалованного же Лобанова. Приглашены, кроме меня, Тимашев, Гирс, Влангали, Капнист, Балашев, Долгорукий. За столом старики по обыкновению вспоминают прошлое, причем Гирс рассказывает весьма любопытные подробности о том, как кн. Горчаков поехал на Берлинский конгресс. Государь жил в Царском Селе, и Гирс находился при нем. Однажды государь отправился в Петербург и, взойдя в вагон, в присутствии Милютина, Тимашева и Гирса сказал: «Сегодня тяжелый для меня день, я еду в Петербург, чтобы объявить Барятинскому, что он не будет командовать армиею в случае войны, и Горчакову, что он не поедет на Берлинский конгресс». Вместе с тем государь приказал Гирсу поехать к Горчакову и предуведомить его, что государь будет у него в такой-то час. Гирс застал Горчакова в постели по обыкновению за чтением какого-то грязного, современного, французского романа. Узнав о предстоящем высочайшем посещении, Горчаков вскочил с постели, стал мыться, бриться, всячески охорашиваться и в момент приезда государя встретил его в швейцарской, выражая свое удовольствие по тому поводу, что провидение позволяет ему, Горчакову, принести еще последнюю жертву отечеству поездкою в Берлин.

Государь, несколько озадаченный такою встречею, прошел в кабинет Горчакова, приказав Гирсу ждать в соседней комнате. Чрез несколько времени Гирс был позван в кабинет и был свидетелем пошло подобострастных выходок, поразивших даже его самого. Горчаков уверял Александра Николаевича, что он пред историею будет стоять выше Петра Великого, потому что он не только великий монарх, свершивший великие дела, но еще и святой. При этом Горчаков просил государя благословить его, потребовал распятие, вероятно заранее приготовленное, преклонил голову и получил от императора просимое благословение.

Вслед за тем государь уехал, а Горчаков объявил Гирсу, что, несмотря на заботы государя о здоровье его, Горчакова, он решился ехать в Берлин, причем приказал тотчас же послать Убри, послу в Берлине, телеграмму с уведомлением, что он, Горчаков, будет первым полномочным на конгрессе.

Гирс, не веря ушам своим, потребовал в канцелярии копии с этой депеши и затем поспешил возвратиться в вагон, везший государя обратно в Царское Село. Каково было его удивление, когда дорогою Александр II стал выражать свое удовольствие о том, что оба старика подчинились императорскому внушению, хотя, по словам государя, Барятинский сделал это легче, чем Горчаков.

Услыхав это, Гирс вынул из кармана копию с посланной Горчаковым телеграммы. Александр Николаевич сначала изумился, но вслед за тем подчинился свершившемуся факту, и Горчаков уехал в Берлин.

После обеда разговор продолжался о событиях того же времени и, конечно, должен был скоро коснуться Сан-Стефанского договора и деятельности Игнатьева. Лобанов спросил, каким образом возможно было заключение мирного договора без участия Австрии, когда мы формально условились с нею пред начатием войны не заключать мира без участия Австрии[46]. Кто-то заявил, что Игнатьев доселе утверждает, будто о соглашении с Австрией ему ничего известно не было и в инструкции, ему данной, упомянуто не было. Гирс сказал при этом, что последнее обстоятельство весьма возможно, потому что в это самое время он, Гирс, поспешно уехал в Голландию на свадьбу (очень было нужно, да если так, то пусть бы лучше его сын оставался навеки холостым). Когда он, Гирс, уехал, то Игнатьеву было поручено написать инструкции себе самому; инструкции эти были написаны в одну ночь Цертелевым, Губастовым и т. п. учениками игнатьевской школы. Государь немедля утвердил эти измышления[47], и Игнатьев уехал. Вслед за тем Гирс, возвращаясь в Петербург, представлялся в Берлине императору Вильгельму, который объявил ему о полученном известии относительно заключения мира, при этом Вильгельм выразил сожаление о том, что Австрия была совершенно отстранена от этого дела[48]. Гирс выразил Вильгельму сомнение в возможности такого отстранения, но германский император настаивал на достоверности сообщаемого им известия и в заключение разговора несколько раз повторил слова: «Pauvre Autriche»*.

Приехав в Петербург, Гирс отправился к Горчакову, которого застал в порыве болтливого хвастовства по предмету Сан-Стефанского договора. Услыхав сказанное Вильгельмом, он внезапно переменил тон и приказал Гирсу тотчас отправиться к государю и рассказать слышанное в Берлине. Отзыв дядюшки привел Александра Николаевича в смущение.

Как доказательство чрезвычайного легкомыслия, с коим велись тогда эти мировые дела, интересны еще следующие рассказы, слышанные мною в тот же вечер.

* «Бедная Австрия».

Лобанов и Гирс говорили, что на совете у государя после Сан-Стефанского договора слышали, как Александр Николаевич говорил своему брату Николаю Николаевичу, что все тогдашние затруднения происходят от того, что он, Николай, не занял Константинополя, на что вел. кн. Николай Николаевич отвечал: «Помилуй, Саша, да у меня хранятся телеграммы, коими ты запрещал мне входить в Константинополь». «Никогда я этого не запрещал» — был ответ государя[49].

Пред войною государь находился в Крыму. При нем находились Горчаков, Адлерберг, Милютин и Игнатьев. Получается телеграмма, вызывающая туда Рейтерна, тогдашнего министра финансов, очевидно, для обсуждения финансовых мероприятий в случае войны. Рейтерн пред отъездом выслушивает Гирса и везет туда записку, конечно направленную всеми силами против объявления войны[50]; записку эту по прибытии передает государю, который, ознакомившись с нею, собирает совет из наличных своих советников и на совете этом, нарушая свойственные ему привычки вежливости, швыряет эту записку чрез стол Рейтерну, говоря, что теперь нужны не записки, а дела. По возвращении из Ливадии Рейтерн приехал к Гирсу и сказал ему: «À l'exception d'Adlerberg ils sont tous fous là-bas»*.

Абаза передает мне подробности последовавшего в этот день высочайшего приема. Государь принял его стоя и стал благодарить за обширные труды. Абаза отвечал, что с улучшением за последние годы финансового положения труды по этому предмету облегчаются. Государь стал хвалить Вышнеградского за то, что он искусно воспользовался обстоятельствами. Абаза, отдавая справедливость Вышнеградскому, напомнил о начинаниях Бунге, коими Вышнеградский воспользовался. Государь, соглашаясь с этим, заметил, что у Бунге не хватало твердости характера. Говоря о Вышнеградском, у которого эта твердость есть, государь сказал, что Вышнеградский узко смотрит на деятельность министра финансов, заботясь исключительно о сбережениях, что до сих пор он, государь, вполне поддерживал Вышнеградского и категорически отказывал во всех требованиях военного министра, но что теперь с изменением обстоятельств к лучшему необходимо будет удовлетворить некоторые из этих требований. Так, например, прежде всего на очереди стоит вопрос о доставлении средств существования жителям Варшавы в случае осады. Разрешение этого и тому подобных вопросов государь полагает возложить на совещания под председательством Абазы, который остался весьма доволен оказанным ему приемом.

* «За исключением Адлерберга, они там все сошли с ума».

13 [*апреля*]. Четверг. Лобанов передает сущность последних разговоров своих с Гирсом. Гирс не хочет долее оставаться министром иностранных дел и надеется, что преемником ему будет назначен Лобанов; независимо от физической и нравственной усталости, главною причиною желания покинуть пост министра Гирс выставляет финансовые соображения. Продолжая много лет дипломатическую службу, Гирс прожил состояние, принадлежавшее жене его. Покойный император пожаловал ему в Херсонской губернии землю, которую он продал за 250 тыс. руб. На эти деньги он купил дачу в Финляндии и имение в Могилевской губернии, но доходы с этого имения, несмотря на получаемое им содержание 35 тыс. руб., недостаточны для жизни в тех условиях, кои навязывает ему его положение. Каждый год его состояние уменьшается в ущерб будущности детей его. А между тем от нынешнего государя Гирс не считает возможным ожидать тех щедрых подарков, кои жаловались его предками, да и вообще Гирс чувствует, что никаких выходящих из ряду отличий ему не предстоит. На 69-м году он получил Владимирскую ленту, чрез 6 лет ему дадут Андреевскую ленту, а на 82-м году бриллианты на Андрея, стоящие 5 тыс. руб. Лучше прожить остающиеся годы скромно, оставляя если не приумноженным, то во всяком случае неприкосновенным состояние, которое останется детям.

Как ни ничтожны все эти соображения, я нахожу их слишком характерными во всех отношениях, чтобы не записать.

Лобанов очень сожалеет о таком намерении Гирса. Ему вовсе не хочется вернуться в Петербург при теперешних царствующих в нем порядках, а между тем положение Лобанова может сделаться невыносимым при каком-нибудь преемнике Гирса, особливо если он будет взят из пошлых представителей псевдонародной политики.

Я думаю, что Гирс останется еще гораздо долее, чем говорит, и найдет средство вытянуть у государя рубли для улучшения благосостояния своего потомства.

Обедает вел. кн. Владимир Александрович на прощанье с Лобановым.

14 [*апреля*]. Пятница. В $1^1/_2$ часа уезжает Лобанов, и я провожаю его до Луги. Он уезжает, сохраняя уверенность, что наше правительство не намерено ничего предпринимать на Востоке.

15 [*апреля*]. Суббота. Накануне вечером тяга на вальдшнепов. Прогулка до Солнцева берега. Вечером опять охота.

16 [*апреля*]. Воскресенье. В $2^1/_2$ часа на станции в Луге встречаю вел. кн. Михаила Николаевича, возвращающегося из Франции. Передаю ему подробности того, что происходило в его отсутствие, он мне в свою очередь передает кой-какие сплетни о своем пребывании в Канне, причем старается по возможности выгородить от нареканий свою жену и дочь, а оставить ответственность за некоторые излишества веселья на вел. кн. Марии Павловне.

В Гатчине расстаемся. Он едет являться государю; причем остается в сюртуке, а не надевает парадной формы, как это делалось прежде. Это нововведение составляет предмет продолжительного обсуждения.

17 [*апреля*]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя, который очень доволен оказанным ему приемом. «Их величества пригласили меня обедать, почему я и приехал в Петербург позже».

Рассказывает, что застал их величества за чаепитием, в коем принимали участие вел. князья Владимир и Сергей с женою. Когда Владимир вышел из комнаты, то государь спросил, когда вернется вел. кн. Мария Павловна, и, узнав, что она приедет 1 мая, накануне дня своего рождения, был этим очень недоволен, повторяя, что с ее стороны неделикатно заставлять его, государя, ехать в Петербург на другой день после ее приезда, и вообще осуждая то, что она уехала за границу.

Вел. кн. Сергей Александрович сетовал в разговоре с вел. кн. Михаилом Николаевичем на грубость своего корпусного командира — принца Ольденбургского в обращении с офицерами гвардейского корпуса, которые более и более против него ожесточаются, относя неудовольствие это, конечно, и на государя, назначившего и сохраняющего на месте подобного командира. Завтракаю у вел. кн. Михаила Николаевича с вновь назначенным в Киев командиром армейского корпуса артиллерийским генералом Овандером.

В Совете после Общего собрания идут в кабинете председателя частные совещания: 1) по делу об уничтожении присяжных в делах об ответственности должностных лиц, стараемся помирить Стояновского с Манасеиным и в известной степени этого достигаем[51]; 2) бар. Николаи заявляет вел. князю о необходимости выяснить взгляд государя о спешности рассмотрения в Совете дела о земских начальниках. Абаза и я, напротив, доказываем, что лучше для Совета остаться в выжидательном положении; 3) вел. князь совещается с Манасеиным относительно представления государю доклада особого присутствия Гражданского департамента относительно сделания выговора Посьету и Шернвалю. Опасаемся, что государь найдет меру слишком снисходительною.

20 [*апреля*]. Четверг. Являюсь по приглашению к вел. кн. Михаилу Николаевичу, который объявляет мне, что государь оставил у себя доклад о Посьете и выразил намерение освободить от судебного преследования всех остальных должностных лиц, о виновности коих в

крушении императорского поезда производилось следствие. Вел. князь предложил подвергнуть вопрос этот обсуждению в совещании под его председательством. (Это главное.) Получаю приказание созвать такое совещание, пригласив к присутствованию и Черевина, против чего тщетно представляю замечания.

24 [апреля]. Понедельник. Привожу к вел. князю ст.-секретаря Красовского, который ему объясняет, кто именно те подчиненные должностные лица Министерства путей сообщения, о коих мы должны рассуждать сегодня. Завтракаем у вел. кн. Владимира Александровича, который передает слышанное накануне от государя, что Захарьин объявил ему о близкой кончине гр. Толстого. После заседания Общего собрания совещание обсуждает, в каком порядке исполнить волю государя об административном наказании второстепенных чиновников. Решают, конечно, отдать это на распоряжение Гюббенета.

25 [апреля]. Вторник. Пред обедом входит курьер с объявлением о смерти гр. Толстого. Иду в 8 час. на панихиду и застаю довольно много высших и средних чиновников. Ни в ком ни малейшего признака печали, а исключительно любопытство относительно преемника.

Толстой был действительно таким человеком, что никогда, даже в лета молодости, не возбуждал ни в ком сочувствия, симпатии, человеческого чувства. Это был человек жесткий, самолюбивый, холодный, весьма дюжинного ума и чрезвычайного упрямства, которое вследствие ничтожества современников Толстого с успехом заменяло в нем твердость характера. Это был типичный петербургский чиновник с некоторым лоском исторического образования. Своих собственных взглядов он не выработал; он заимствовал их от того или другого человека вследствие такого или иного стечения обстоятельств, но, раз усвоив их, никогда от них не отступал, хотя бы и чувствовал их ложность. Впрочем, чтобы сознать неправду, надо углубиться мыслью в ту или другую сферу мышления, а он этого никогда не делал просто потому, что ему было некогда это делать, он слишком был занят личными своими интересами карьеры, самолюбия, тщеславия. К тому же так поступать было проще. Усвоенное убеждение он оставлял без изменения, точно так же как однажды подписанную бумагу, хотя бы в ней и оказывались неправильности.

Первоначальной своей карьерой Толстой обязан был своему дяде гр. Дмитрию Николаевичу Толстому, которого я близко знал. Он был большой чудак, но весьма прямой, умный и честный человек. На старости лет он глупо женился и тем лишил племянника родового своего имения с. Толстые. Этого Дмитрий Андреевич никогда не простил дяде, заступавшему в детстве место отца, и на другой день после смерти гр. Дмитрия Николаевича гр. Дмитрий Андреевич давал в своем министерском отеле праздник в присутствии императорского семейства. Такой черствый характер и посредственный ум отразились на всей его деятельности и сделали для России весьма горестные плоды этой деятельности.

Реформа классического образования, которую он задумал по внушению Каткова, — проведена им в такой утрированной и непрактической форме, что дала России больше нигилистов, чем образованных людей. Упорствуя в ней, Толстой наслаждался тем, что осуждал Головнина, а не тем, какую пользу дадут его мероприятия.

То же самое было и в последние годы его жизни с несчастным законопроектом о земских начальниках. Толстой этим законом хотел отмстить либеральной эпохе реформ царствования императора Александра II, отмстить Лорису и Абазе, прогнавшим его, Толстого, с поста министра народного просвещения. Будучи назначен министром внутренних дел после Игнатьева, он одним своим появлением успокоил взволнованное этим интриганом русское общество, но прошло несколько лет, и от министра внутренних дел стали требовать что-то больше, чем обыденную отчистку текущих бумаг. Будучи лишен всякого творчества, Толстой с восхищением ухватился за бранную записку, сочиненную г. Пазухиным против всего, что сделано было в минувшее царствование[52]. Пазухин назначен правителем канцелярии, а его записка родила проект о земских начальниках, пропитанный* к судебному строю, крестьянскому самоуправлению, словом, ко всему, что могло быть раздвинуто в слишком широкие рамки, но что в основе имело целью устранить произвол, столь долго тяготеющий над населением.

Вражда плохой зиждитель, а болезненное самолюбие полумертвеца представляет еще меньший залог успеха. С самого начала криво поставленное дело стало подвигаться еще кривее. Другие министры, спрошенные лишь впоследствии, высказались против Толстого, который и против них, и против Совета стал возбуждать несчастного государя, убежденного, что речь идет о спасении отечества от угрожающего ему мужицкого восстания. В течение трех лет на каждом из своих еженедельных докладов Толстой твердил государю о совершенстве своих предположений, не имея ни единого при этом слова какой-либо критики. Для дела и для Совета, а в лице его для России положение делалось крайне натянутым и, скажу, опасным. При таких обстоятельствах нельзя не почесть смерти Толстого весьма счастливым событием.

---

* *Далее, по-видимому, пропущено слово* «ненавистью».

26 [апреля]. Среда. В 2 часа панихида в квартире министра внутренних дел. Присутствуют государь и прочие лица его семейства. Разумеется, присутствующих множество. Рассказывают, что накануне смерти Толстого из Москвы приехал его сын, которого отец его отказался видеть. Юноша нашел, что в отцовском доме скучно, и отправился в театр. После панихиды заседание Финансового комитета на квартире у министра финансов Вышнеградского. Постановляем окончательно конвертировать остальные консолидированные займы[53]. Сольский утверждает, что условия обременительны, потому что банкиры получают около 30 млн. выгоды. Я настаиваю на том, чтобы не делать новых затруднений, а поскорее окончить дело. Абаза еще сильнее поддерживает эту мысль, и Сольский по обыкновению ретируется, бормоча что-то в таком смысле, что он всегда готов жертвовать своими мнениями пред мнениями людей им уважаемых. Вообще вслед за этим объяснением Сольский смущен, расстроен, у него слезы в глазах и он просит позволения уехать, потому что его мать очень больна!!!

27 [апреля]. Четверг. Заезжаю к Манасеину узнать, в каком положении его проект. Он говорит, что у него все готово и что он ждет лишь соглашения с министром внутренних дел, при этом сообщает, что Дурново был в этот день в Гатчине, и, следовательно, не может быть сомнения, что он назначается министром внутренних дел. Манасеин говорит, что свой проект внесет в Совет, но искренно желает, чтобы его уничтожили.

28 [апреля]. Пятница. Управляющий Абеля, коего сын служит помощником садовника в Гатчине, рассказывает со слов своего сына, что третьего дня в одной из оранжерей, мимо коих ежедневно проходит государь, была схвачена пачка каких-то зарядов, кои были запрятаны под полом. Немедленно дом этот был наполнен солдатами и офицерами, кои стали производить обыск[54]. Дальнейших подробностей он не знал.

Отпевание Толстого в Почтамтской церкви. Присутствуют государь и вся императорская фамилия. Идя за колесницею, оказываюсь возле товарища государственного контролера Филиппова, который говорит мне: «А вы заметили, что никто из архиереев не участвовал в панихидах и отпевании?» *Я:* «Отчего?» *Филиппов:* «Оттого что духовенство ненавидит его за то, что он, будучи обер-прокурором, обращался с ним почти так же дурно, как обращается теперь Константин Петрович» (Победоносцев). Обедает вел. кн. Владимир Александрович. В 10 час. вечера садимся в экстренный поезд Финляндской железной дороги и едем стрелять глухарей в Коломяги. Вел. князь передает мне слышанное от Дурново, назначенного на место Толстого, о непременном желании государя, чтобы законопроект о земских начальниках был окончен рассмотрением в Государственном совете до наступления вакаций. Объясняю ему всю несостоятельность подобного приказания. Закон этот должен быть обдуман, он имеет целью утвердить порядок в России. Возможно ли поспешно сочинить что-нибудь только для того, чтобы издать закон, не заботясь о последствиях? Совет призван обсуждать вносимые на его рассмотрение законопроекты, а здесь Совету придется сочинять совсем новый закон, и все это с фельдъегерскою быстротою в течение трех или четырех недель. Такой образ действий привычен революционным коллективным правительствам, а никак не самодержавным монархам, преемственно из поколения в поколение сидящим на троне.

На обратном из Коломяг пути, разговаривая о жизни вообще, вел. князь высказывает свое расположение к тому, чтобы жить и действовать *просто*. Я возражаю, что я понимаю это в смысле внешней деятельности, но что внутренняя духовная жизнь вовсе не так проста, что необходимо вникать в смысл духовных побуждений своих и чужих и что, не делая этого, легко можно впасть или в равнодушие, снисходительно потакающее нашим слабостям, либо в презрение к ближнему, коего он не заслужил и которое его обидит подчас и небезнаказанно. Вел. князь жалуется на взводимые против него клеветы. Я ему объясняю, что корень кроется в том, что он окружает себя негодными людьми.

29 [апреля]. Суббота. Выставка охотничьих собак и лошадей, преимущественно принадлежащих государю и вел. князьям. Вечером разговор с Абазою, который настаивает на необходимости быть очень осторожным в деле о земских начальниках и выказать всякое усердие для поспешного окончания дела.

30 [апреля]. Воскресенье. Сижу за писанием своего мемориального извлечения, когда приезжает Дурново и рассказывает, что государь объявил ему свое намерение назначить министром внутренних дел ген.-губернатора Восточной Сибири гр. Алексея Игнатьева, причем просил его, Дурново, принять на себя временное управление Министерством внутренних дел в течение нескольких месяцев. Дурново отказывался от такого назначения под предлогом здоровья и, наконец, согласился под условием оставленья за ним управления Собственною канцелярией императрицы Марии с тем, чтобы возвратиться туда при первой возможности. Относительно Игнатьева приказано телеграфировать ему, что ему предлагается пост товарища министра внутренних дел на место кн. Гагарина, который отсылается в Сенат. Если же Иг-

натьев откажется от места товарища министра, то Дурново приказано тотчас предложить по телеграфу тому же Игнатьеву место министра внутренних дел. Я уверял, что Игнатьев примет место товарища, но Дурново весьма в том сомневался.

Несмотря на то что Дурново назначен на короткое время, государь объявил ему, что требует непременно, чтобы дело о земских начальниках было окончательно решено до каникул. Дурново пытался представить государю, что, не будучи в ходе дела, он с трудом может защищать неизвестный ему законопроект, но государь с горячностью требовал, чтобы это было сделано, утверждая, что, если этого не произойдет, то Государственный совет будет «ликовать победу» над ним, государем. Вот какие пустяки ему наговорил гр. Толстой!..

Узнав, что я обещал Победоносцеву быть у него в 4 часа, Дурново едет со мною, и здесь происходит комическая сцена. Дурново уговаривает Победоносцева содействовать тому, чтобы законопроект этот рассматривался в Государственном совете полегче на том основании, что ввести закон полагают лишь в виде опыта, на что Победоносцев возражает, что больше сорока лет возится с законами, но никогда не слыхал о том, чтобы законы разделялись на легкие и тяжелые, что мы будем сидеть в Совете, если прикажут, до окончательного рассмотрения закона, но что запретить говорить кому бы то ни было невозможно.

1 мая. Понедельник. По обыкновению приезжаю к вел. кн. Михаилу Николаевичу в 11 час. и застаю Дурново. Разговаривают о земских начальниках. Они оба резюмируют задачу, предстоящую Государственному совету, так — надо исполнить желание государя и добросовестно рассмотреть проект. Я позволяю себе заметить, что если то и другое несовместимо, то, полагаю, надо сосредоточиться на второй части задачи, но мое замечание приходится не по нраву моим собеседникам. После ухода Дурново продолжается с вел. князем разговор на ту же тему, и я высказываю довольно резко вел. князю ту бесспорную истину, что вследствие недостатка мужества его пред государем и дела принимают печальное направление. Вел. князь безмолвно соглашается со всем, что я говорю. Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. В Совете гр. Николай Павлович Игнатьев уже знает о предстоящем назначении брата и, самодовольно ухмыляясь, высказывает мне сожаление о предстоящих ему трудностях, сам же, по всей вероятности, наслаждается перспективою о кампании, которую под покровительством своего брата начнет в печати против нашей дипломатии в надежде добиться места министра иностранных дел. Рассказывают, что Островский, вернувшись из Гатчины и не услыхав от государя ни единого слова о наследстве гр. Толстого, захворал от горя.

После заседания Общего собрания собирается особое совещание для обсуждения того порядка, в коем должны быть подвергнуты взысканию низшие чины Министерства путей сообщения, обвиняемые в небрежности при боркском крушении. Независимо от подвергнутия их ответственности, решено о всем событии сделать правительственное сообщение в форме рескрипта на имя председателя Комитета министров.

Заезжаю к Воронцову, который вернулся из деревни, убив 2 глухарей, и с свойственной ему переменчивостью хвалит назначение Игнатьева, который был у него эскадронным командиром в гусарском полку и которого он доселе постоянно бранил. Здесь встречаю Черевина, который совершенно противоположного мнения.

В 4 часа собрание в Новом клубе, на Гагаринской набережной в доме Черткова. В четыре недели, благодаря умелости и расторопности С. Гагарина, клуб устроен и открывается в этот день.

2 [мая]. Вторник. Рождение приехавшей накануне из Канн вел. кн. Марии Павловны. Многочисленный прием поздравителей (человек около 200). Обедня. Присутствуют все члены императорского семейства, кроме их величеств, на что публика обращает большое внимание, зная нерасположение государя к Марии Павловне. После принесения поздравлений — завтрак, от коего я осторожно удаляюсь.

Тимашев рассказывает, что, будучи в Гатчине на спектакле в прошлое воскресенье и ужиная возле императрицы, он сказал ей: «On disait en ville que Plevé voulait quitter le ministère de l'intérieur. Il faudrait faire tout ce que l'on pourrait afin de le retenir, car le bon Дурново a besoin d'être aidé». *Императрица:* «Oui, j'aime de tout mon coeur le bon Ивана Николаевича, mais il a besoin d'être aidé». *Тимашев:* «On disait encore une bien plus mauvaise nouvelle, que ce serait Ostrovsky qui remplacerait Tolstoï». *Императрица:* «Quelle idée! Rien qu'à voir cette figure!»*

3 [мая]. Среда. Умирает Танеев, начальник Собственной его императорского величества канцелярии. Самая ничтожная во всех отношениях личность, дошедшая до степеней известных только потому, что любят бессловесных. Самое изысканное подобострастие, соединенное с полною бездарностью, — вот справедливая характеристика этого

* «В городе говорили, что Плеве хочет оставить Министерство внутренних дел. Надо сделать все возможное, чтобы его удержать, потому что Дурново хотя хорош, но нуждается в помощи». *Императрица:* «Да, я люблю от всего сердца доброго Ивана Николаевича, но ему надо помогать». *Тимашев:* «Передавали еще гораздо худшую новость, будто Островский заменит Толстого». *Императрица:* «Что за мысль! Надо только посмотреть на него!»

канцеляриста, который не имел в жизни иной цели, как обделывание своих личных делишек вроде прибавки жалованья, устройства казенной квартиры или получения какой-нибудь ленты.

Дочь Бобринская уезжает с мужем и двумя старшими дочерьми в Париж на всемирную выставку.

4 [мая]. Четверг. По вызову вел. князя являюсь к нему в одиннадцать часов. Он прочитывает мне записку государя, который уведомляет о желании своем назначить Ники (цесаревича) членом Государственного совета в день 6 мая, когда ему минет 21 год. Беру справку в архиве о назначении двух предшественников нынешнего наследника престола. Оказывается, что всякий раз в Совете получался указ, написанный собственноручно государями Николаем I и Александром II. Доношу об этом, представляя указ, который мне велено представить, но получаю подписанным указ, написанный писарем в Государственной канцелярии.

5 [мая]. Пятница. Придя в Совет, чтобы слушать рассмотрение представления министра юстиции об уничтожении суда присяжных для дел о преступлениях по должности[55], узнаю от Ренненкампфа, назначенного на место Танеева, что ночью в два часа получил от государя приказание прислать указ о назначении Дурново министром внутренних дел с отчислением от управления Собственною канцелярией по учреждениям императрицы Марии. Плеве в свою очередь рассказывает, что на последнем докладе в Гатчине государь прямо сказал Дурново, что просит его помочь ему, государю, исправить свою ошибку, разумея под ошибкой намерение назначить министром внутренних дел гр. Игнатьева. Очевидно, государя убедили, и несомненно наибольшее старание приложил Черевин, убедили в том, что подобное назначение возобновит агитацию, которую производил гр. Игнатьев-старший.

Во время доклада дела входит Победоносцев в белом галстухе и бриллиантовой звезде, что доказывает, что он был в Гатчине.

Действительно он сообщает мне, что получил от государя приказание написать рескрипт Дурново и ездил возить проект, причем объяснялся о неуместности включать в него упоминание о манифесте, изданном в апреле или мае 1881 г.[56] Решено ограничиться указанием на то, что Дурново назначается как ближайший сотрудник Толстого и будет неуклонно следовать тому же образу действий.

Вел. князь привозит в Совет полученные от государя журналы об ответственности лиц, виновных в боркском крушении. Посьет и Шернваль помилованы, остальные низшие чиновники будут подвергнуты административному взысканию по распоряжению их начальства.

6 [мая]. Суббота. В $9^1/_2$ час. утра отправляюсь в Гатчину; везу с собою указ о назначении цесаревича членом Государственного совета. В вагоне сижу с Гирсом, Трубецким (псевдообер-гофмаршалом), Победоносцевым и двумя братьями Долгорукими, обер-церемониймейстером и посланником в Персии. По приезде иду в комнаты цесаревича, но уже не застаю его там, он принимает поздравления казацких депутаций и бывших своих профессоров, окончивших в этот день его курс наук. В большой зале, чрез которую их величества проходят в церковь, собрано вдоль стены множество военных, а между окнами стоят немногие гражданские чины, в том числе и я. После обедни императрица обходит военных и гражданских чинов, безмолвно целующих ее руку. Обмена мыслей, слов, чувств незаметно, все происходит, так сказать, исключительно во внешних телодвижениях. Прием оканчивается завтраком в арсенальной зале, за круглыми десятиперсонными столами. За главным столом сидят император, по правую сторону его вел. кн. Мария Павловна, потом вел. кн. Алексей Александрович, черногорская княжна, вел. кн. Владимир Александрович, императрица, цесаревич, вел. кн. Екатерина Михайловна, вел. кн. Михаил Николаевич, вел. кн. Елизавета Федоровна. Все они, видимо, скучают давно надоевшим обществом родственников. За моим столом бар. Будберг, гр. Воронцова, кн. Белосельская (неизвестно почему). Вообще дам много: гр. Строганова, гр. Богарне, Шереметева, Бартенева, кн. Оболенская, Рихтер и пр.

После завтрака столы отодвигаются к окнам, и их величества разговаривают с теми из присутствующих, кои побойчее пробираются на середину комнаты. Пред отъездом захожу еще раз к цесаревичу и вручаю ему указ о его назначении, а также подписанное председателем уведомление его о том.

В $3^1/_2$ часа поезд, набитый поздравителями и поздравительницами, возвращается в Петербург. На станции вижу Алексея Александровича, который садится в открытую коляску с графинею Богарне и супружески шествует но улицам города.

7 [мая]. Воскресенье. Похороны Танеева в Александро-Невской лавре. Присутствующих почти никого, несмотря на то что было объявлено о приезде государя, приезде, не состоявшемся, впрочем.

Целый день сижу за писанием объемистого мемориального извлечения.

8 [мая]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, предлагаю ему церемониал приема цесаревича в Государственном совете. О делах не говорим, не стоит. Расспрашиваю о здоровье членов его семейства. Сплетничаем. Вел. князь передает мне, что был у

гр. Елены Ивановны Шуваловой, которая передавала ему, что слышала, как гр. Толстой, приезжая к покойному ее мужу, хвастался тем, в каком виде он представлял или скорее поносил Совет пред государем, изображая Совет как сборище революционеров, стремящихся ограничить самодержавие, и т. п. вздор.

В 12 час. завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. Приезжает цесаревич. Я встаю из-за стола до окончания завтрака и еду в Мариинский дворец устраивать церемонию приема. Цесаревич приезжает с вел. кн. Владимиром Александровичем, в 1 час я встречаю его у подножия большой лестницы рядом с сенями. При встрече обращаюсь к нему с следующими словами: «Ваше императорское высочество, позвольте мне иметь честь приветствовать Вас на пороге вступления Вашего в область дел государственных. В лице Вашем государь император удостаивает великой чести Государственный совет. Участвуя в трудах Совета, Ваше высочество, увидите, что все усилия его направлены к пользе отечества и славе государя императора».

Затем представляю стоящих тут же ст.-секретарей Департамента законов Железникова, экономии — Вильсона и Шидловского, гражданского — Боголюбова и отделения дел государственного секретаря — Красовского. Поднимаемся по лестнице, и на верхней ее площадке цесаревича встречает председатель Совета. Проходим в его кабинет, где ожидаем, чтобы члены Совета выстроились по старшинству в большой зале. Здесь председатель представляет их новому коллеге. После того входим в круглую залу Общего собрания, я прочитываю указ о назначении вел. князя. Он прочитывает негромко присягу на звание члена Совета и, перекрестясь, прилагает под нею свою подпись. В конце заседания, весьма, впрочем, пустого, я читаю журнал относительно приема вел. князя.

Во все время цесаревич держался очень скромно без излишней застенчивости, но вследствие непривычки не нашелся никому ничего сказать, что несколько задело самолюбие старейших членов Совета.

Разговариваю в Совете с Игнатьевым, который передает, что во время бытности его министром внутренних [дел] Мещерский (издатель газеты «Гражданин») был трижды обличен в мужеложстве. Государь, говоря об этом человеке, постоянно называл его подлецом и считал себя обязанным выказывать ему некоторую снисходительность, потому что собственноручно вытолкал его однажды с лестницы за то, что Мещерский как-то похитил два письма, написанные государем родственнице Мещерского княжне Мещерской, в которую тогдашний цесаревич был влюблен и писал ей, что готов отказаться от престола для того, чтобы на ней жениться. Письма эти Вово Мещерский представил императрице, вследствие чего фрейлина кн. Мещерская была отослана за границу и вышла замуж за Демидова Сан-Донато.

9 [мая]. Вторник. Приезжает ко мне с визитом назначенный на место Танеева Ренненкампф. Незлой человек, товарищ мне со школьной скамьи. Пошлое, безличное, ничтожное существо, вся его забота в том, чтобы получить побольше жалованья и устроить свои делишки. По его словам, вся деятельность Танеева заключалась в раздаче по приказаниям государя 400 тыс. руб., на то ежегодно ассигнуемых. Кроме этих денег, Собственная канцелярия имеет еще капитал в 2 млн. руб., с коих проценты также идут в раздачу.

10 [мая]. Среда. В Новом клубе члены дают обед директорам Убри, Гагарину, гр. Орлову за отличное устройство клуба. Присутствуют вел. князья Владимир, Алексей, Михаил и принц Александр Петрович Ольденбургский.

11 [мая]. Четверг. Приезд шаха персидского[57], которого государь сначала вовсе не хотел принимать, а потом принял на три дня, потому что Англия предложила шаху провезти его на Парижскую выставку, минуя русскую территорию. Государь встречает его на станции в обыкновенной заложенной парою лошадей коляске и везет в Зимний дворец между двух шпалер войска, выстроенного без оружия.

В $6^1/_2$ часа парадный обед в концертном зале на 180 кувертов. Шах сидит по правую сторону императрицы, а черногорский князь[58] — по левую. Приглашенные дамы сидят за царским столом, который имеет форму [буквы] П. Остальные четыре стола для мужчин стоят перпендикулярно к главному столу. Обед начинается при дневном свете, а оканчивается при электрическом освещении. Шах, увидав освещение, говорит императрице: «Electrique — magnifique»*.

Воронцов мне рассказывает, что пред обедом он провожал шаха по коридорам дворца, освещенным электрическими лампами, при виде коих шах спросил Воронцова: «Machines électriques faites ici ou Europe?»**

После обеда проходят в малахитовую гостиную, где их величества обходят присутствующих. Шах одет просто, но с большими бриллиантами вместо пуговиц. У него скверное, хищническое лицо, и вообще он производит неприятное впечатление. При нем огромная свита (кажется, 37 человек), большинство коей состоит из богатых персиян, заплативших шаху крупные суммы для того, чтобы прокатиться по Европе со всякими удобствами и почестями.

* «Электрический — замечательно».

** «Электрические машины сделаны здесь или в Европе?»

12 [мая]. Пятница. Отдавая визиты, захожу к Дурново, живущему на Владимирской улице в ожидании переезда во дворец министра внутренних дел. Он совершенно переменил тон со времени назначения министром, а не управляющим. Повторяет, что государь настоятельно требует немедленного рассмотрения закона о земских начальниках и введения в 8 губерниях нисколько не в виде опыта.

Я говорю ему, что возвращу ему для представления его заключения дело об изменениях в земских учреждениях, он наивно отвечает мне, что, хотя и не знает дела, но безусловно соглашается с мнением гр. Толстого. При этом просит не возвращать всего дела, потому что тогда оно будет числиться за ним (sic), а лишь спросить его заключения так, чтобы дело продолжало числиться за Государственным советом. Тщетно пробую уверить его, что он — министр, а не канцелярский чиновник.

Парадный в Мариинском театре спектакль в честь шаха, который с большою неповоротливостью, близкою к нахальству неблаговоспитанности, подчас заслоняет императрицу от публики.

13 [мая]. Суббота. Спектакль в Эрмитаже, где не было представления с 1866 г. во время свадьбы нынешнего государя. Дают балет «Сон в летнюю ночь». Превосходны костюмы времени Людовика XV и Людовика XIV. Удачный выбор цветов и соблюдение при этом исторической верности сообщают всему представлению истинно художественный характер. Императорское семейство сидит в первом ряду, за ним во втором ряду послы с их женами, а позади посланники. Прочие приглашенные размещаются на скамьях, расположенных постепенно возвышающимся полукружием. После представления ужин в гербовом зале за круглыми десятикувертными столами при звуках чресчур оглушительной музыки.

14 [мая]. Воскресенье. В $1^1/_2$ [часа] уезжаю в Рапти навестить дочь Анну, которая проводит там лето. Спускаю на Череменецкое озеро первый в этом краю пароход.

15 [мая]. Понедельник. Возвращаюсь в $8^1/_2$ часа вечера, окончив чтением новую книгу Yriarte «César Borgia»[59], какое насилование истории, из корыстного властолюбца, попросту разбойника, делают политического объединителя Италии, почти так же как из гр. Толстого сделали великого государственного человека.

16 [мая]. Вторник. У вел. кн. Михаила Николаевича приблизительно такой разговор. *Вел. князь:* «Я получил письмо от бар. Николаи, который просит увольнения от обязанностей председателя Департамента законов». *Я:* «Изумляюсь одному, что все члены Государственного совета не просят о том же». *Вел. князь:* «Почему?» *Я:* «Потому что положение Государственного совета делается невыносимым. Последние распоряжения об обязательном рассмотрении закона о земских начальниках напоминают мне время моей молодости. Когда я начинал службу в Сенате, то там доживал обычай отнимать у писарей сапоги с тем, чтобы они не могли уйти, не окончив заданной им работы».

Вел. князь: «Да разве я в этом виноват?» *Я:* «Уж не знаю, кто в этом виноват, но только результат ясный. Против Совета идут постоянные наговоры, а за Совет никто ему не говорит. Вот теперь Вы имеете в руках показание гр. Шуваловой о том, что она слышала из уст Толстого. Вам бы теперь непременно следовало воспользоваться этим и сказать государю, что если он почитает Совет сборищем вольнодумцев, желающих ограничить его самодержавие, то Вы не хотите оставаться во главе подобного учреждения».

Вел. князь: «Покорнейше благодарю. Я довольно говорил и больше говорить не буду».

Я: «Припомните, Ваше высочество, что было при вступлении моем в должность. Я Вам сказал, что государь уполномочил меня являться к нему для объяснений, когда по важности дел признаю это нужным. Вы отвечали мне, что желаете, чтобы я этого не делал, потому что это доказывало бы недоверие государя к председателю. Вот я и молчал, а Вы тоже молчали. Теперь мы и оказываемся в незавидном положении. Характер государя таков, что ему можно и должно говорить открыто правду, не стесняясь ничем. Гр. Толстой так и делал и пользовался его уважением».

Все это вел. князь выслушивает, разумеется, без всякой пользы. Потом возобновляется разговор о том, кого назначить преемником бар. Николаи.

Вел. князь: «Барон советует мне указать на Перетца или Фриша».

Я: «То есть на таких людей, которые в глазах государя олицетворяют чиновничий либерализм. Ваше высочество, я Вам говорю неприятные вещи, но всегда постараюсь помешать Вам сделать что-либо вредное для Вас и для Совета; по моему мнению, Вы должны рекомендовать таких лиц, которые представляли бы самый незаподозренный консерватизм, рекомендуйте Палена или Тимашева».

19 [мая]. Пятница. Обедаю у вел. кн. Михаила Николаевича по случаю прибытия накануне из Ниццы вел. кн. Ольги Федоровны. Спрашиваю вел. князя, как прошел его доклад. Отвечает, что очень хорошо, а именно, государь сказал ему, что против двух предлагаемых кандидатов ничего не имеет, хотя полагает, что Тимашев обленился. При этом прибавил, что сам подумает о назначении. Ины-

ми словами, сказал председателю, что и это не его дело. Председатель это понимает и находит подобное с ним обращение естественным.

За обедом много говорят о свадьбе вел. кн. Петра Николаевича. Государь чрезвычайно доволен тем, что в его семейство входит не немецкая принцесса, а православная, хотя и черногорская или даже несколько чернокожая и отнюдь невзрачная.

Вел. кн. Ольга Федоровна в восхищении от Франции и полна рассказов, неблагоприятных для вел. кн. Марии Павловны.

22 [*мая*]. Понедельник. Цесаревич опаздывает несколько минут приездом в Государственный совет по случаю панихиды в крепости (день смерти императрицы Марии Александровны) и говорит Михаилу Николаевичу: «Извини, пожалуйста, я несколько опоздал», а председатель отвечает: «Ваше императорское высочество, никогда не можете опоздать». Стоя возле, я не могу воздержаться от восклицания: «Voilà une théorie toute nouvelle!»* А цесаревич прибавляет: «Je croyais que l'exactitude était la politesse des rois»**.

Вот с каких лет и от каких лиц начинается нравственная путем подобострастия порча этого юноши!

Докладывается дело о судебной реформе Прибалтийского края. Манасеин[60], к коему я перед заседанием намеренно заезжал для того, говорит речь с изложением exposé des motifs***, Стояновский отвечает довольно слабо.

После Общего собрания доклад в соединенных Департаментах проекта о волостных судах[61]. Дурново больше молчит и не поддерживает своего адвоката Плеве. Чрез все заседание проходит совсем иная нота добродушной согласительности в противоположность желчному, раздражительному лаю гр. Толстого.

Прелестная прогулка в море на своем пароходе.

23 [*мая*]. Вторник. Посылаю государю подробный отчет о вчерашнем заседании. Абаза рассказывает в клубе, что Дурново ему передал о намерении государя назначить Игнатьева на место Шебеко начальником жандармов и полиции.

24 [*мая*]. Среда. В 2 часа почетные члены Академии, в том числе и я, являются новому президенту вел. кн. Константину Константиновичу в Мраморном дворце. Тут я встречаю Валуева, Абазу, Николаи, Делянова, Островского, Семенова, Ванновского, Обручева, Гирса, Веселаго, Кауфмана.

*«Это совершенно новая теория!»
**«Я считал, что точность — это вежливость королей».
***Доводов.

Вел. князь несколько сконфужен, все садятся около него, и разговор принимает довольно странный характер: говорят о погоде, о здоровье, об эпидемиях, Валуев рассказывает о своих наблюдениях над холерою в бытность свою министром внутренних дел. Делянов глубокомысленно замечает, что это ужасная болезнь. При прощании вел. князь старается сказать каждому любезное слово, но не всегда удачно его находит. В 4 часа переезжаем в Царское Село.

25 [*мая*]. Четверг. На утренней прогулке встречаю полуслепого Рейтерна. Вспоминая о покойном государе, передает характеристику его, сделанную ему, Рейтерну, при назначении его министром финансов. Бар. Петр Казимирович Мейендорф сказал ему: «Si l'empereur en entrant dans son cabinet y trouvait un de ses ministres en train de voler quelque chose, la seule impression qu'il aurait ressentie eut été le mécontentement du manque d'égards vis-à-vis de sa majesté»*.

Спрашиваю у Рейтерна, сохранил ли свою переписку. Отвечает, что по принципу все уничтожил.

Заседание в соединенных Департаментах. Оканчивают рассмотрение проекта о волостных судах. Прения, в особенности о том, как образовать вторую инстанцию для рассмотрения апелляционных жалоб. Старицкий предлагает собирать всех председателей волостных судов земского участка под председательством земского начальника. Дурново и Плеве утверждают, что это даст земскому начальнику диктаторскую власть. Согласно их представлению решают для рассмотрения апелляций собирать в уездном городе всех земских начальников уезда.

Во время перерыва разговариваю с Дурново. Он сообщает, что государь непременно хочет назначить Игнатьева товарищем министра по полицейской части. Не хочет посылать его в Киев, куда хотели назначить Имеретинского, но он отказался по непривычке и нерасположению к представительству. Дурново докладывал о назначении Павла Шувалова. Ответ: «Мать была полька!» Вероятно, назначат генерала Генерального штаба Мирковича. В Сибирь назначили на место Игнатьева корпусного ген. Горемыкина, который был уволен от должности волынского губернатора вследствие записки шефа жандармов Петра Шувалова о том, что он, Горемыкин, был груб с поляками вообще, но в особенности с польскими дамами. Как видно, теперь грубость, напротив, составляет причину к повышению.

26 [*мая*]. Пятница. День отдыха в Царском Селе. Прогулка верхом в Павловске. Обедают Убри, Балашев, Н.С. Абаза.

*«Если бы император, входя в свой кабинет, увидал, как один из его министров там что-то ворует, то он почувствовал бы только неудовольствие от недостатка почтительности в отношении его величества».

27 [мая]. Суббота. Оживленное и знаменательное заседание в соединенных Департаментах Совета. Рассматривается представление Манасеина о замене мировых судей, упраздненных государем, следственными судьями. Никто, даже сам министр юстиции, этой легкомысленной выдумки не защищает. Дурново уступает все то, что, по его мнению, тень гр. Толстого позволяет ему уступить. Плеве очень остроумно защищает то, что Дурново говорит в виде довольно отрывочных и бессвязных фраз. Абаза по обыкновению овладевает ходом прений и приводит к благополучному исходу, указывая Дурново, что Министерство внутренних дел может принять. Бар. Николаи председательствует с обычною добросовестностью и некоторою наивностью. Юристы пристают с мелочами и поклонением судебным уставам, что подчас грозит успеху рассмотрения, раздражая противников. В итоге на земского начальника переносятся почти все обязанности мирового судьи с освобождением от угнетающих ныне ход правосудия многочисленных подробностей, навязанных кассационною практикою, благодаря ее служителям, чуждым жизни канцеляристам, хотя и проходящим службу по судебному ведомству. Разумеется, до осуществления этой мысли еще далеко, но уже одна постановка идеала в такой форме чрезвычайно важна[62].

28 [мая]. Воскресенье. В Царском Селе писание мемориального извлечения.

29 [мая]. Понедельник. То же.

30 [мая]. Вторник. Завтрак с вел. кн. Михаилом Николаевичем в Новом клубе. По приезде в Совет вел. князь принимает Николаи и для того входит в свой кабинет. В это время приезжает цесаревич. Объясняю ему значение председателя Департамента законов, отставку Николаи, необходимость назначить человека независимого по характеру, если не по положению. Указываю на главный в этом отношении недостаток личного состава Совета и бессмыслие нареканий гр. Толстого, утверждавшего пред государем, что Совет есть собрание либералов, стремящихся ограничить самодержавие.

Входит вел. кн. Владимир. Объясняю им обоим значение изменений, произведенных в проектах гр. Толстого Советом.

В Общем собрании Абаза спорит против Вышнеградского, желающего регламентировать деятельность банкирских контор, а затем против предложения, им внесенного, но исходящего от Островского, о том, чтобы деятельность крестьянского земельного банка распространить на приобретение земель переселенцами и притом не единолично, а целыми обществами[63].

Цесаревич умными глазами внимательно следит за прениями. После Общего собрания заседание соединенных Департаментов по делу о земских начальниках. Много спорят о том, кому председательствовать в съезде, и оставляют за предводителем председательствование обязательное в административных делах и факультативное, которое будет номинальным в делах судебных.

Манасеин обо всем спорит и во всем уступает.

31 мая. Мне сегодня 57 лет. Завтракают у нас в Царском Селе вел. кн. Владимир Александрович и вел. кн. Мария Павловна. По обыкновению в разговоре моем с нею идет критика всех членов ее семейства. Я выхваляю виденного мною накануне, вернувшегося из двухлетнего плавания вел. кн. Александра Михайловича и прибавляю, что ожидаю от его матери стараний женить его на старшей дочери государя Ксении. Вел. княгиня отвечает, что эта вакансия уже занята и, вероятно, Ксению выдадут за принца Ольденбургского, который будет очень богат как единственный сын весьма богатых родителей.

Приезжает Саша из Красного Села, удовлетворительно сдав топографическую работу и, таким образом, окончив офицерский свой экзамен.

1 июня. Четверг. Еду в Петербург. Слушаю обсуждение дела о земских начальниках. Жара. Члены Совета истомлены продолжительною работою. Дурново думает только о том, чтобы ни с кем не поссориться. Абаза оформляет разногласия так, что Дурново в конце каждого прения соглашается.

2 [июня]. Пятница. Оканчивают рассмотрение устава о наказаниях, налагаемых волостными судьями, а также и правила о введении в действие. Дурново остроумно прозвали Лжедмитрием. Во время заседания ко мне подходит Исаков и, указывая на вдохновителя Дурново Плеве, говорит: «А у Лжедмитрия есть и Мнишек». Дурново приезжает на доклад из Петергофа и рассказывает мне, что государь очень доволен ходом дела в Государственном совете, что я приписываю отчасти подробным моим донесениям о ходе каждого заседания.

3 [июня]. Суббота. Торжественный въезд невесты вел. кн. Павла Александровича, дочери греческого короля Александры Георгиевны. Все императорское семейство приезжает из Петергофа на пароходе и высаживается на берег у Английской набережной. Оттуда начинается шествие в золотых каретах мимо Сената и Исаакиевского собора по Морской и Невскому к Казанскому собору, а оттуда в Зимний дворец. По обеим сторонам улиц стоят войска и толпится народ. Благодаря яркому солнцу вся эта церемония представляет великолепное зрелище.

Принадлежа к числу лиц, собранных в Зимнем дворце, я смотрю в окно на площадь, по которой шествие прибывает в Зимний дворец.

Прежде всего приходит рысью конвой и становится по обеим сторонам ворот. Вероятно опасаясь опоздать (не знаю почему), казаки становятся у ворот дворца прежде, чем шествие показывается под аркою Главного штаба. Точно так же придворные лакеи, шествующие попарно и довольно беспорядочно, прибегают, оторвавшись от других частей шествия. Вслед за ним появляются на площади золотые кареты гофмаршалов и церемониймейстеров и, вместо чем направляться прямо к въезду в Зимний дворец, берут направление влево с тем, чтобы обскакать кругом дворец и быть на Иорданском подъезде в ту минуту, когда высочайшие особы прибудут туда чрез внутренний двор. Не привыкшие к быстрой езде в этих сбруях, лошади идут беспокойно, одна начинает упорно лягать, а так как на запятки не было поставлено лакеев, которые шли только возле лошадей и отстали, когда лошади пошли вскачь, то помочь неприятному упрямству лошадей оказывается некому. Все это производит довольно безобразную картину, ясно выставляющую на вид, как современная придворная челядь отстала от того времени, когда подобные церемонии были обычными. Распорядители церемонии заботятся лишь о том, чтобы не прогневить их величеств своею мешкотностью, но не имеют ни малейшей заботы о том, чтобы церемония происходила величаво и достойно пред глазами толпы, для которой в сущности все это делается. Впрочем, то же самое происходит во всех частях всех управлений. Чиновники думают лишь о том, чтобы понравиться высшему начальству, не заботясь о том, чтобы дело шло поистине удовлетворительно.

На всю эту картину беспорядка я смотрю в окно вместе с Игнатьевым и при виде блестящего, красного на белых лошадях лейб-гусарского эскадрона напоминаю ему, как он парадировал в таком же одеянии. Потом пристаю к нему с тем предположением, что его следовало бы снова одеть таким манером по примеру Тимашева, получившего кавалергардский, и Шувалова — конногвардейский мундиры. Игнатьев серьезно пугается такого предположения и умоляет меня не предлагать вел. князю испрошения подобной награды.

По прибытии в церковь Зимнего дворца все члены императорского семейства подходят поочередно к кресту, что вследствие их многочисленности продолжается довольно долго, при этом и мужчины и женщины целуют руку священника, который целует в свою очередь их руку. Обряд этот довольно странен. После краткого молебствия императорское семейство возвращается во внутренние комнаты. Мы стоим на проходе и кланяемся. Императрица по обыкновению отдает поклон всем, кроме меня, за то, что я отказал Шереметеву в 200 тыс. руб. Вечером прогулка по Неве на своем пароходе.

4 [*июня*]. Воскресенье. К $12^1/_2$ часа съезжаются в Зимний дворец, где нас заставляют ждать до $1^1/_2$ [часа] прежде начатия свадебной церемонии. Государственный совет опять собирается в церкви и смотрит на ту же церемонию взаимного рукоцелования. Церемония бракосочетания тянется по обыкновению весьма долго, шаферами у жениха — наследник, вел. князья Алексей Александрович и Александр Михайлович, у невесты — два брата ее и вел. кн. Дмитрий Константинович. Молодые имеют весьма довольный вид. Не менее их выражает удовольствие государь, который не раз высказывал убеждение о политической необходимости для вел. князей жениться не иначе как на православных. Уехав из Зимнего дворца в 3 часа, возвращаемся туда в $4^1/_2$ часа к обеду. За большим столом сидят императорское семейство, высшие духовные лица, статс-дамы, Государственный совет. Остальные приглашенные сидят за столами, перпендикулярно к первому поставленными. Поют и играют артисты русской оперы.

В $9^1/_2$ [часа] куртаг в Георгиевском зале, т. е. приглашенные стоят шпалерами, оставив довольно тесный в середине проход, по коему гуляют попарно под звуки польского танца члены царской фамилии, послы и их жены. Все это продолжается менее часа, а затем молодых отвозят в их дом при столь же торжественной, как утром, обстановке. Погода превосходная, ночь совсем светлая. Смотрю из окон Зимнего дворца на это по пышности выходящее из ряду зрелище.

5 [*июня*]. Понедельник. Отправляюсь в 11 час. к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Разговариваем о здоровье его, его жены, его детей. Касаемся и Государственного совета. Я пробую ему доказать, что после окончания чрез несколько дней рассмотрения дела о земских начальниках необходимо, по заверению Железникова, четыре недели для написания журнала, что, следовательно, заседание Общего собрания может последовать не ранее середины или конца июля, что держать для этого несчастных стариков Государственного совета немилосердно, тем более, что вводить этот закон нельзя прежде, чем будет выработан закон об упрощенном для земских начальников судопроизводстве, а между тем никто не мешает министру внутренних дел принимать все те приготовительные меры относительно выбора людей, распределения территорий и т. д., меры, для коих вовсе не требуется текст обсуждаемого закона. Ввиду всего этого члены Совета могли бы быть распущены на каникулы, а дело по обстоятельном, а не спешном изготовлении департаментского журнала могло бы быть доложено в первое после каникул заседание Общего собрания.

На это председатель Государственного совета отвечал мне: «Покорнейше благодарю, я по этому делу не скажу больше ни единого слова

государю». А затем, чтобы прекратить этот неприятный разговор, вел. князь прибавил, что на следующий день приезжают его сыновья Михаил и Георгий, и пригласил меня завтракать. Я был так рассержен, что попросил позволения уйти, опасаясь сказать ему грубость.

В 3 часа открытие памятника принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, памятника, сооруженного по добровольной подписке.

Это был в полном смысле слова человек добра, одушевленный искренними, душевными стремлениями на пользу ближнего.

Для меня лично память его навсегда священна. Благодаря ему я получил кой-какое образование в основанном им Училище правоведения, а без него я провел бы годы учения в каком-нибудь кадетском корпусе, что было бы для умственного моего развития великим несчастием.

Церемония происходит под палящим зноем в присутствии императора и всего его семейства. Духовенство, придворное и канцелярское чиновничество, учебные и благотворительные учреждения, облагодетельствованные покойным принцем, Преображенский полк, мундир коего он носил постоянно, возгласы священнослужителей, крики певчих, командование военных начальников, барабанный бой и трубные звуки, коленопреклонение пред статуею, несмотря на то что, по словам законоучителя нашего Богословского, православная церковь издревле чуждалась ваяния как искусства, униженного суеверием и идолопоклонством, все это вместе взятое производит довольно пестрое впечатление. При отъезде государя и государыни воспитанницы Екатерининского института, смотрящие на церемонию из своего сада, кричат по-солдатски: «Здравия желаю, Ваше величество», что составляет одно из нововведений просвещенного управления И.Н. Дурново.

В $8^1/_2$ часа парадный в мундирах спектакль в Мариинском дворце. Мы сидим в ложе с какою-то никому не известною женщиною. Подобные знаки внимания со стороны гофмаршала кн. Оболенского неистощимы.

6 [июня]. Вторник. Поздравление новобрачных в их дворце, бывшем доме бар. Штиглица. Я помню, как этот дом строился, хозяева поручили постройку дома архитектору Кракау приблизительно так, как заказывают пару сапог, т. е. предоставив исполнителю весьма широкий простор в замыслах. Постройка вышла до некоторой степени удобна и хозяйственна, но лишена всякой художественности. Я тщетно пробовал предлагать архитектору на выбор лучшие книги моей библиотеки, он мне отвечал постоянно, что всякий художник должен иметь свой собственный стиль. Подобное мнение отразилось на всей постройке. Купив дом за половину того, что он стоил, а именно

1600 тыс. руб., вел. кн. Павел Александрович вместо, чем сохранить все без изменения и ограничиться переделкой сеней, не соответствующих размерам лестницы, для чего Месмахер и сделал прекрасный проект, по совету брата своего лицемерного святоши Сергея вздумал строить церковь, которую поместил неудачно возле самой кухни.

Прием поздравлений происходит довольно торжественно, причем, однако, дам, приглашенных к часу, заставляют ждать чуть не до половины третьего. Отбыв тяжелую церемониальную повинность, возвращаемся в Царское Село.

8 [июня]. Четверг. Заседание соединенных Департаментов по делу о земских начальниках. Обсуждается вопрос об условиях выбора. Я переговорил предварительно с Манасеиным, Кахановым, Перетцем, Абазою. Все соглашаются с тем, что должность не может быть исключительно сословною дворянскою, а что к ней должны быть допущены лица других сословий. Каханов начинает об этом говорить, но Николаи прерывает его, говоря, что вопрос этот уже решен[64]. После заседания объясняю ему, что было условлено говорить в его смысле, а он отвечает, что боялся, что по этому вопросу возникнет разногласие, которого не хотел допускать, чтобы не затягивалось дело, и очень сожалеет, что я его ранее не предуведомил.

Обедаю в Новом клубе, и после обеда, сидя на балконе с Зубовым, смотрим на купленную вел. кн. Александром Михайловичем в Англии яхту, а получив разрешение капитана, осматриваем яхту в подробности. Заплачено фунтов стерлингов 19 тыс.

9 [июня]. Пятница. Спокойное утро в Царском Селе. Дочь Бобринская приезжает с мужем прощаться, уезжая завтра на лето в Смелу[65]. Обедают парижане Риджуе и Бретейль, отправляющиеся в Памир стрелять диких баранов.

10 [июня]. Суббота. Последнее заседание соединенных Департаментов. С первых слов единогласно забраковано предложение министра юстиции о том, чтобы городовые судьи, назначенные правительством, рассматривали жалобы со всего уезда от 300 до 500 руб., по городу же до 500 руб., а также уголовные дела до краж со взломом включительно. Манасеин не защищает правильности своего проекта, а повторяет лишь, что все судебное здание разбито, остались кой-какие куски, из которых ему приказывают выстроить что-то такое. Присутствие полагает оставить городских судей в одинаковых с земскими начальниками пределах власти, а затем члену окружного суда, командированному в уезд, предоставить в первой инстанции со всего уезда дела от 300 руб. до 500 руб. и более важные кражи. Жалобу на этого члена окружного суда или, правильнее говоря, уездного судью предпо-

лагается приносить в окружной суд. На это министр юстиции говорит, что его останавливает лишь то, что этот единоличный судья будет судить по уставу о мировых судьях, а апелляция на него в окружном суде будет рассматриваться по общему уставу судопроизводства. Манасеину возражают, что как первая, так и вторая инстанции должны судить по общему уставу.

Министр юстиции соглашается, хотя указывает на то, что это должно вызвать значительную переделку судебных уставов. Такую переделку Совет возлагает на него, министра юстиции.

По финансовому вопросу о том, что будет стоить государственному казначейству введение земских начальников, горячо спорят Дурново и Вышнеградский. Последний настаивает на том, что всякое представление о введении должно рассматриваться во всех подробностях Советом, ограждающим казначейство от излишних трат.

11 [июня]. Воскресенье. Сижу целый день в Царском Селе за своим мемориальным извлечением, которое по обыкновению разрастается по мере приближения к концу сессии. Обедают m-me Scalon и кн. Мария Барятинская.

12 [июня]. Понедельник. Посылаю государю составленную по моим указаниям записку о Комитете 1826 г.[66] На Николая Павловича привыкли смотреть как на деспота, но из записки этой явствует, что серьезные законодательные предположения рассматривались разностороннее и основательнее, чем дело о земских начальниках, переменяющее весь строй низших органов административного и судебного управления. Посылаю записку при письме, в коем прошу позволения напечатать записку тем же порядком, каким печатаемы были подобные записки бар. М.А. Корфом[67].

Захожу к вел. кн. Марии Павловне и застаю ее и вел. князя играющих в саду в мячик lawn-tennis*. Мария Павловна рассказывает, что была накануне в Петергофе на семейном обеде у государя, что все их семейство возбуждено появившимся в газетах указом о запрещении лицам, могущим иметь право на престолонаследие, жениться на иноверках[68]. Вел. кн. Николай Николаевич старший громко говорил, что нельзя постоянно обижать подобными выходками свое собственное семейство. Такой закон после запрещения вел. князьям вступать в морганатические браки равнозначителен обречению вел. князей на холостую жизнь и все связанные с тем беспорядки. О моем председателе вел. княгиня рассказывает, что он обиделся тем, что его жена не была приглашена к морскому смотру в Кронштадте, где государю пред-

* Лаун-теннис (*англ.*).

ставлялся корабль «Рында», на коем два года плавал вел. кн. Александр Михайлович, произведенный в этот день в лейтенанты. О такой обиде вел. кн. Михаил Николаевич нашел храбрость пойти объясняться... с императрицею. Не то что дела Государственного совета.

14 [июня]. Среда. В 2 часа уезжаем в Рапти.

15 [июня]. Четверг. Поездка по озеру на пароходе в Черменецкий монастырь, где окончен постройкою монумент на могиле матушки.

16 [июня]. Пятница. Прогулка на лошадях до мызы Солнцев Берег по дороге, вновь мною вдоль озера проведенной.

17 [июня]. Суббота. В $5^3/_4$ [часа] возвращаемся в Царское Село. Найдя здесь уведомление от Абазы, что он желает меня видеть, отправляюсь к нему в Петербург. Абаза рассказывает, что ездил в Петергоф докладывать о нескольких высших финансовых вопросах, улажение коих было поручено специальной комиссии под его председательством[69–70]. Один из главных — обезопасение продовольствия Варшавы на случай осады — отложен до приезда в Петербург ген.-губ. Гурко. Говорили о многочисленных требованиях на расходы, заявляемые со всех сторон министрами. Абаза выразил одобрение тому высочайше утвержденному докладу министра финансов, коим повелевается все подобные вопросы сообщить к 15 сентября министру финансов с тем, чтобы способы удовлетворения заявляемых нужд были рассмотрены в особой под председательством Абазы комиссии. К этому Абаза прибавил, что улучшение нашего финансового положения главным образом зависит от двух урожайных годов, которого в нынешнем году не предвидится, что министр финансов удачно воспользовался этими двумя годами, произведя конверсию, которая убавила на 2 млн. руб. тяжесть платимых казначейством процентов по долгам, но что в сущности Вышнеградский никаких новых особенных мер не принял. Он продолжал лишь порядок действий предшеств[ующего]. Его главная заслуга заключается в том, что он энергически защищает казначейство от производимых на него нападков. Вышнеградский отвечает типу министра финансов, о коем Тьер говорил, *qu'il doit être féroce**.

Окончив свой финансовый разговор, Абаза просил у государя позволения уехать в отпуск, не ожидая заседания Общего собрания по делу о земских начальниках. Государь благодарил его за участие в этом деле. Абаза отвечал, что участие его лично было второстепенное, одинаковое с прочими членами, что первоначально Совет был очень затруднен рассмотрением этого дела, потому что исходною точкою законопроекта было желание утвердить власть, уничтожив многонача-

* Что он должен быть свирепым.

лие, между тем вновь проектированная должность лишь умножала начальство и, следовательно, не укрепляла порядка и власти. После высочайшей резолюции, уничтожившей мировых судей, задача упростилась, но три министра, изготовившие проект исполнения этой резолюции, предложили меры, не отвечавшие намерениям резолюции, и Совет уничтожил их представление, начертав проект, согласный с резолюцией, посредством объединения в одних руках низшей административной и судебной власти.

Тотчас по возвращении в Петербург Абаза получил визит министра внутренних дел Дурново, который приехал узнать, не говорил ли государь с Абазою о вопросе, который заботит Дурново и о котором он в этот самый день докладывал государю, вопросе о том, чтобы помочь тем многочисленным дворянам-помещикам, земли коих должны продаваться с публичного торга за невзнос следующих с них Дворянскому банку платежей. Абаза отвечал, что подобное снисхождение было бы поощрением неисправным плательщикам, после чего никто аккуратно платить бы не стал, но что, впрочем, государь ни слова не говорил ему об этом.

При дальнейшем разговоре Дурново передал, что государь говорил с ним о кандидатуре на место председателя Департамента законов, причем сказал: «Мне предлагают двух кандидатов — гр. Палена и Тимашева, но о первом, как о немце, не может быть речи, а Тимашева, конечно, я весьма бы желал назначить». Дурново произнес имя Сольского, но государь отвечал: «Человек без всяких убеждений».

Абаза прибавил к этому, что Тимашев открыто говорит, что, прослужив более 50 лет, считает себя вправе отказаться от новой служебной тягости, которая не принесет ему ни прибавки содержания, ни казенной квартиры, ни всеподданнейшего личного доклада (sic).

18 [июня]. Воскресенье. Сижу днем за мемориею, вечером у А.М. Скалон. Вернувшись оттуда, нахожу любопытное письмо от вел. кн. Михаила Николаевича. На мой вопрос о том, что же, наконец, решено о преемнике бар. Николаи, имя коего должно быть включено в расписание членов Совета, подлежащее обнародованию 1 июля, вел. князь мне отвечает: «Государь сегодня отправился в шхеры недели на две; при последних моих с ним свиданиях не касался разговор вопроса выбора нового председателя Департамента законов, поэтому расписание членов на 1 июля нужно отложить до возвращения их величеств». И это председатель Совета!..

19 [июня]. Понедельник. Иду утром в 10 час. к живущему рядом с нами вел. кн. Владимиру Александровичу. Застаю его за чтением после утренней прогулки. Разговариваем сначала о начинающейся сегодня в Париже продаже картинной галереи Секретан, потом о нашей поездке в Рапти и о строящемся там доме. Вел. князь сообщает мне, что принц Александр Петрович Ольденбургский оставляет командование гвардейским корпусом вследствие того, что недоволен всем ходом управления армиею, недоволен распоряжениями военного министра и начальника Главного штаба. Он требовал, чтобы Владимир Александрович передал государю все поводы к его, принца Ольденбургского, неудовольствию, но вел. кн. Владимир Александрович отказался это сделать, сказал, что невозможно допустить, чтобы каждый корпусный командир представлял государю критику управления военного министра. Принц Ольденбургский обиделся этим ответом и подал рапорт об отпуске на 11 месяцев с отчислением от должности. После всего этого вел. князь спросил принца, имеет ли он что-либо лично против него; принц отвечал, что находит, что вел. князь недовольно уговаривал его остаться на службе.

В сущности, Владимир Александрович был, я думаю, очень рад уходу этого доброго, но несколько шалого человека.

Говорим о новом указе относительно браков вел. князей с иноверками. Вел. князь находит, что, кроме формы, которая во всех отношениях неудовлетворительна, сущность указа неудобоисполнима, в чем государь должен будет убедиться на своих собственных сыновьях.

Рассказываю последние эпизоды из жизни Государственного совета, доказывающие отсутствие всяких сколько-нибудь достойных около трона советников, что может повести к печальным последствиям. Высказываю намерение удалиться. Владимир Александрович горячо убеждает меня остаться, в особенности ввиду моих прямых и частых государю писем, могущих рано или поздно иметь влияние на его взгляды. В доказательство приводит, что он сам неоднократно с ним спорил, вначале встречал большое сопротивление, а впоследствии мало-помалу видел, что государь изменял свои взгляды и присоединялся к взгляду его, вел. князя.

Отвечаю, что со мною наоборот, в начале царствования я имел по некоторым делам влияние, а с тех пор завистливые наговоры презренных личностей, как гр. Толстой, Шереметев и т. п., напротив, значительно ослабили мое влияние. А в мои годы, прослужив 38 лет трем государям и никогда не отказавшись ни от одного поручения, становится скучно продолжать безрезультатную, канцелярскую, секретарскую службу.

Вел. князь утверждает, что если я уйду, то с таким председателем, как вел. кн. Михаил Николаевич, никакому порядочному человеку нельзя будет ездить в Совет.

Еду в Петербург для свидания с управляющим конторою, архитекторами и т. п. Приезжает ко мне Манасеин умолять, чтобы журнал по делу о земских начальниках был написан поскорее, потому что он, Манасеин, обещал государю не уезжать, покуда не подпишет журнала соединенного присутствия и покуда дело не будет выслушано в Общем собрании, а между тем жена его очень больна и врачи требуют немедленного отъезда за границу. Покуда мы разговариваем, входит курьер, который приносит ответ от Железникова на посланный мною запрос относительно хода работ по изготовлению журнала соединенного присутствия. Железников пишет, что окончит все к 30 июня, а потому если дать присутствовавшим время внимательно просмотреть редакцию, то можно бы назначить заседание Общего собрания на 14 или 15 июля. Манасеин приходит в отчаяние, но находящийся при этом Красовский, ст.-секретарь, управляющий отделением государственного секретаря, говорит Манасеину: «От Вас, Николай Авксентьевич, зависит ускорить ход дел. Уполномочьте меня объявить Железникову, что Вы сделаете его в новый год сенатором».

«Не только сенатором — первоприсутствующим!» — восклицает Манасеин. Я прибавляю, что Железников давно тайный советник, что он три года носит ленту Белого Орла и что я могу лишь сочувствовать его назначению.

Вечером заезжаю к Абазе, он рассказывает, что бывший у него Вышнеградский озабочен настоятельным требованием государя оказать помощь неисправным заемщикам Дворянского банка.

20 [*июня*]. Вторник. Целый день сижу за обширною меморией. В шестом часу заезжает вел. кн. Михаил Николаевич проездом в Павловск, куда едет обедать к вел. кн. Константину, о котором говорит, что здоровье его очень плохо, что он подвергся онемению пальцев, кривизне рта, ухудшению памяти, т. е. признакам приближающегося нервного удара.

Мой председатель ничего ни о ком не знает. Спрашивает меня, не слыхал ли я чего о назначении председателя Департамента законов. Я отвечаю, что, по моим сведениям, о Палене, как немце, не может быть речи, Сольский — креатура Константина Николаевича и притом — не тверд в господствующих ныне убеждениях, думаю, что государь из всех кандидатов предпочтет Тимашева, который, однако, категорически заявляет, что после 50-летней службы он не считает себя обязанным принимать новую тягость, тем более, что, недостаточно зная законы, он, председательствуя, будет играть жалкую роль. Но независимо от всего этого Тимашев находит, что ему нет расчета принимать такую должность, которая не даст ему ни прибавки жалованья, ни казенной

квартиры. В заключение прибавляю, что, по слухам, Тимашев желал бы получить должность обер-шталмейстера с квартирою, которую занимал Владимир Дмитриевич Голицын в Конюшенном доме.

Выслушав все это, вел. князь сказал лишь следующее: «Так он (Тимашев) не знает, что квартиру эту разбили на мелкие помещения для чиновников».

Велев заложить коляску, провожаю вел. князя до Павловска. Дорогою он сообщает плохие известия о здоровье своего брата Константина.

21 [*июня*]. Среда. Обедает Винспиер, рассказывает, что на днях он обедал у кн. Барятинской с вел. кн. Мариею Павловною, которая после обеда поехала кататься, правила сама лошадьми, имея возле себя флигель-адъютанта Кауфмана. В Павловске она остановилась слушать музыку. К ней подошел вел. кн. Константин Николаевич, начал с нею разговаривать и, обратясь к Кауфману, сказал: «А ты кто?» Думаю, что, несмотря на теории Победоносцева, настанет скоро время, когда на подобный вопрос отвечать будут: «Я человек, лучше тебя воспитанный».

22 [*июня*]. Четверг. Заезжает Фриш и привозит справку о том, как печатаемы были сочинения бар. М.А. Корфа в типографии II отделения.

Любопытно, что его записку о 14 декабря напечатали в 1848 г. в 25 экземплярах[71], причем часовые охраняли двери комнаты, где записка печаталась. В 1857 г. та же записка напечатана в 8 тыс. экземплярах. Сведения эти я хотел иметь, потому что государь разрешил мне напечатать представленную мною ему записку о Комитете 6 декабря 1826 г.[72]

23 [*июня*]. Пятница. Всегда тяжелая в чудесную, как нынешний год, погоду поездка из Царского Села в Петербург. Обходили весь дом для указания того, где и как должно быть устроено электрическое освещение. Заезжаю проститься с Абазою, который рассказывает, что накануне обедал у Дурново на Аптекарском острове вместе с Бунге, Влангали, Нессельроде и Рихтером, который гостит у Дурново.

25 [*июня*]. Воскресенье. Провожаю на станцию Варшавской железной дороги Скалона и его жену. Он едва ли вернется; чахотка делает быстрые шаги. Оба они предостойные люди, — не могли оставаться при дворе вел. кн. Владимира из-за грязных интриг Бенкендорфа, человека самой зазорной нравственности. Саша приезжает из Царского Села в своем новом мундире эстандарт-юнкера.

26 [*июня*]. Понедельник. В 2 часа заседание финансового комитета Рисовального училища под моим председательством: Краузольд, Ильин, Месмахер. Утверждаем смету на будущий 1890 г., по кото-

рой истрачивается весь наш доход 353 тыс. руб. Проверяем расходную смету 1888 г. Решаем держать текущий счет в Государственном банке, несмотря на то что он прекратил платеж процентов по текущим счетам.

27 [июня]. Вторник. Завтракает вел. кн. Владимир. Вел. княгиня в постели; граф и графиня Волькенштейн весьма любезные люди. Анненков рассказывает, что в Министерстве путей сообщения сделан расчет о постройке железной дороги до Владивостока в 12 лет. Он же, Анненков, берется построить в 4 года и, притом быв на днях в Париже, убедился, что там весьма легко найти нужные для постройки этой дороги 300 млн. руб.[73]

28 [июня]. Среда. Едем в Петербург и осматриваем новую ниточную фабрику, которая не без затруднений, впрочем, начинает, однако, производить нитки. Заходит ко мне на Большую Морскую Зубков, сам он был товарищем моим, когда я начинал службу в Сенате, а его отец был обер-прокурором I департамента, где я служил помощником секретаря. Вследствие сего между нами сохранились отношения, Зубков провел жизнь в игре; сначала много выиграл, потом много проиграл; неоднократно прибегал к моей помощи и на этот раз пришел говорить о своих расстроенных денежных обстоятельствах. При этом он рассказал любопытную и характерную историю.

Находясь нынешнею зимою в последней крайности, Зубков обратился к Воронцову с просьбою исходатайствовать ему у государя пособие под видом займа на 250 тыс. руб. Основанием ходатайства служило то, что в последние дни жизни покойного императора ему, Зубкову, была обещана чрез Лорис-Меликова значительная сумма денег на уплату долгов М. Долгорукого, брата кн. Юрьевской. За наступлением 1 марта обещание это не было исполнено, и Зубков потерял деньги, кои Долгорукий был ему должен. Воронцов (приятель по яхт-клубу) взялся ходатайствовать, и чрез несколько дней Зубков получил 250 тыс. руб. При этом Воронцов рассказал, что ходатайство увенчалось успехом вследствие совершенно исключительных обстоятельств. Эти исключительные обстоятельства заключались в том, что Воронцов передал письмо Зубкова жене своей. Графиня нашла письмо столь трогательным, что, читая его, расплакалась; то же самое сделала находившаяся при этом и слушавшая чтение Елена Шереметева. Покуда эти две глупые женщины плакали, вошла императрица и тоже расплакалась, и все три женщины вместе осадили императора, который и сдался.

Точно слушаешь историю из султанова гарема!..

29 [июня]. Четверг. Окончив объемистое извлечение из мемории по делу о реформе прибалтийских судебных учреждений[74], приписываю в качестве послесловия следующее: «Прошу у Вашего императорского величества извинения за столь пространное на этот раз извлечение, содержащее, впрочем, лишь существенные черты реформы. Я считал своею обязанностью, независимо от важности этого дела, выставить перед Вами, государь, ту чрезвычайную внимательность и добросовестность, с коими Совет его рассматривал.

Простите, если прибавлю, что когда бы во всех вопросах утверждения исконно русского главенства над многоразличными по историческому происхождению подданными Вашего величества, когда бы во всех дорогих русскому сердцу вопросах политического объединения окраин с отечеством возможно было умалить намеренно раздражающие страсти вмешательство журналистов и карьеристов-чиновников, ограничиваясь серьезным обсуждением мероприятий, то достижение государственных задач было бы легче в настоящем и плодотворнее в будущем.

Позвольте мне надеяться, что в представляемом мною труде Государственного совета Ваше величество усмотрите именно такой, не шумливый, а истинно полезный образ действия».

Извлечение свое я дал прочитать вел. кн. Владимиру Александровичу, который возвратил мне его при такой записке: «Вполне одобряю и сердечно сочувствую Вашим заключительным словам. Искренно Ваш *Владимир*».

30 [июня]. Пятница. Захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу узнать о здоровье вел. княгини, которая, по всей вероятности, прикидывается больной для того, чтобы уехать во Францию, а бедный вел. князь этому верит и серьезно озабочен. Разговариваем про современный ход дел; он соглашается, что я прав, решаясь просить увольнения от секретарских обязанностей. Повторяет слова вел. кн. Сергея Александровича, что на службе теперь ничего, кроме неприятностей, и что государь особенно храбр, когда пред ним лист бумаги. Рассказывает хорошее тому доказательство: вел. кн. Николай Николаевич старший на днях призвал командира Конногвардейского полка Блока и сказал ему, что, любя этот полк, желает определить в него на правах вольноопределяющегося своего незаконного сына (от танцовщицы Числовой). Блок донес об этом дивизионному ген. Эттеру, Эттер — корпусному — принцу Ольденбургскому, который явился с докладом о том к главнокомандующему. Вел. кн. Владимир Александрович ввиду существующего законного порядка наотрез отказал. Вслед за тем явился к Владимиру Александровичу его дядя и стал усиленно просить об исполнении его просьбы. Владимир Александрович выразил Николаю Николаевичу удивление, что он, прослужив так долго, не знает зако-

нов, запрещающих принимать в гвардейские полки незаконных детей. Тогда Николай Николаевич объявил, что обратится с просьбою к государю. Владимир Александрович уговаривал его этого не делать, потому что государь чрез вел. кн. Михаила Николаевича уже запретил Николаю Николаевичу обращаться к государю по вопросам о его незаконном семействе иначе как чрез третье лицо. Опасаясь неприятной сцены с государем, Владимир Александрович предложил дяде передать все это дело государю, но прибавил: «Я это сделаю не как ходатайство главнокомандующего, а сообщу ему это как разговор».

Чрез несколько дней Владимир Александрович поехал в Петергоф, и каково было его удивление, когда к нему приехал Николай Николаевич прямо от государя, восхищенный оказанным ему приемом. Государь разговаривал с ним очень любезно, сказал, что Конногвардейский полк слишком на виду, но что против вступления в Конногренадерский полк[75], расположенный вблизи от Знаменского (летнего местожительства Николая Николаевича), он, государь, ничего не имеет.

1 июля. Суббота. За последние годы вследствие высказанного императрицею желания я писал ей по-французски письма, в коих излагал содержание важнейших решаемых Государственным советом дел. За последнее время, видя, что мое писание нисколько ее не интересует, я прекратил это писание, но ввиду оканчивающегося сезона, опасаясь, чтобы она не истолковала этого молчания отместкою за ее постоянную в отношении меня нелюбезность, я пишу ей письмо с изложением существенных черт прибалтийской судебной реформы. Не в коня корм.

Обедающий у нас в этот день Влангали рассказывает, что при вступлении в должность управляющего учреждениями императрицы Марии Зубова он заметил, что императрица весьма неласково и нелюбезно его принимала. Не зная, чему это приписать, Зубов обратился за советом к Дурново, только что назначенному с этой должности на пост министра внутренних дел. Дурново объяснил ему тайну — доклад не должен продолжаться долее четверти часа, а потом о пустяках можно болтать сколько угодно.

Зубов не замедлил последовать этому совету, и с тех пор все идет отлично.

2 [июля]. Воскресенье. Длинная прогулка с Краузольдом и разговор о медленных успехах нашей ниточной фабрики. Проливной дождь. Читаю переписку Мотлея[76]. Тяжело читать его впечатления, когда он приезжает в 1841 г. в Петербург в качестве секретаря посланника Американских Штатов, и чрез несколько лет его же впечатления по прибытии в Лондон. Что за духовная нищета здесь и какое умственное богатство, какая полная впечатлений человеческая жизнь там!

3 [июля]. Понедельник. Отправляюсь на лошадях в Михайловское к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Приезжаю к 12 час., так что мы имеем полчаса на разговор. Господствующее приятное впечатление то, что вел. кн. цесаревич по приглашению вел. кн. Александра Михайловича прокатился с ним на его новой английской яхте до Гельсингфорса, где пробыл несколько часов с родителями, оттуда же оба молодых человека приехали в воскресенье прямо в Михайловское обедать. Таким визитом наследника цесаревича мой бедный старый вел. князь очень польщен!!! Толкуем о преемнике бар. Николаи. Я уговариваю вел. князя настаивать на назначении Сольского, в случае же неуспеха этой кандидатуры просить о назначении Фриша, но ни в каком случае не Перетца, который все продаст за какое-нибудь отличие. Вел. князь говорит о намерении предложить и меня в кандидаты.

Я благодарю за его любезное намерение, но предваряю, что из этого ничего не будет, потому что гр. Толстой всеми способами старался очернить меня в глазах государя. Не знаю, на какую именно тему, но думаю, что темою служило так называемое западничество, т. е. отвращение к религиозным и племенным преследованиям.

Пред и после завтрака болтаю с вел. княгинею, которая по обыкновению бранит всех без исключения. Чтобы позабавиться, спрашиваю, довольна ли она новым товарищем по полку, который будет дан ее сыну Сергею.

Она рассказывает по этому поводу, что вел. кн. Михаил Николаевич пожелал ехать 25 июня в день рождения Николая Павловича на его могилу и предложил Николаю Николаевичу ехать вместе. Последний телеграфировал ему, что приедет, «если дома все будет благополучно и положение дочери, больной тифом, не ухудшится». Все это разумело[сь] о доме Числовой и ее дочери.

Дорогою в Петербург Николай Николаевич рассказал Михаилу Николаевичу, что государь очень любезно позволил сыну его вступить в Конногренадерский полк.

На днях вел. кн. Екатерина Михайловна, приехав к Ольге Федоровне и сетуя на ход современных событий, утверждала, что она ничему больше не удивляется, но когда Ольга Федоровна показала ей вышеупомянутую телеграмму, то ее собеседница взяла назад сказанное ею.

Из Михайловского еду в Петербург, думая попасть на совещание для обсуждения замечаний, представленных министрами внутренних дел, финансов и юстиции, но оказывается, что председатель департамента бар. Николаи лишь в этот день вечером возвращается из Финляндии. Посылаю к нему ст.-секретаря Железникова условиться о времени совещания на следующий день. Обедаю в клубе с Влангали и

косым Толстым, который рассказывает, что каждый вечер ездит к вел. кн. Константину Николаевичу играть в винт и что теперь Константин Николаевич громогласно восхищается личностью и действиями государя. О подлость человеческая!

Из клуба вместе с Влангали на своем пароходе отправляемся кататься по Неве к взморью; заезжаем к Дурново, живущему на министерской даче на Аптекарском острове. Застаем его за письменным столом, но свечи только что зажжены и бумаги не подписано ни одной. Спрашиваю его, какие он имеет замечания на журнал департаментов, и убеждаюсь, что замечания самые пустые, преимущественно редакционные и не могущие повести к разногласию.

Говоря о деле земских начальников, Дурново весьма самодовольно говорит, что в настоящем виде закон будет гораздо лучше, чем первоначальный проект гр. Толстого, как будто он, Дурново, тому причиною. К этому Дурново преважно и глубокомысленно прибавляет: «Теперь я займусь переработкой проекта об изменениях в земстве»[77–78].

На это я ему замечаю, что полезно было бы прежде формального внесения его мнения сделать интимное совещание, на что он, Дурново, выражает полное согласие.

4 [*июля*]. Вторник. В 11 час. совещание в комнатах Мариинского дворца в сюртуках. Бар. Николаи, который непременно хочет на другой день уехать, хотя бы и накануне заседания Общего собрания, и соглашается остаться до пятницы только потому, что вел. князь останется в таком случае без суфлера. Дурново, который прочитывает представленные ему письменно подчиненными замечания на журнал соединенных Департаментов. Когда приходится защищать словесно, то он по бездарности, отсутствию образования, а также вследствие приобретенного со дня назначения министром апломба говорит так грубо, что по ничтожному вопросу оскорбляет Вышнеградского, который по обыкновению говорит умно и всеми своими силами отстаивает во что бы то ни стало интересы казначейства, из чего не следует, чтоб он был государственным человеком. Манасеин не спорит ни о чем, соглашается на все, лишь бы его поскорее отпустили. Фриш делает несколько незначительных замечаний, преимущественно по устройству судебной части.

После двухчасового спора решают переделать несколько статей и сообразно с тем изменить рассуждения журнала. Я спрашиваю ст.-секретаря Железникова, к какому времени журнал в окончательной редакции может быть в руках членов; Железников отвечает, что не ранее как поздно вечером накануне доклада. Я пробую уговорить бар. Николаи остаться в Петербурге еще на сутки, но тщетно.

5 июля. Среда. Приезжаем из Царского Села в Рисовальное училище, где в 2 часа собирается совет. Утверждаем исполнение сметы 1888 г., утверждаем бюджет на 1890 г., назначаем сумму для поездки учеников и учителей на Парижскую выставку, убеждаем Месмахера съездить туда же.

6 июля. Четверг. В 12 час. завтракаю у вел. кн. Михаила Николаевича с Ольгой Федоровной и дежурным адъютантом. Пищу приносят из клуба. В 1 час заседание Общего собрания Совета по делу о земских начальниках. Замечания делаются пустые, и журнал департаментов остается без изменения, так что в это же заседание подписывается журнал Общего собрания, утверждающий журнал департаментов. С такою поспешностью решал дела Национальный конвент, когда отечество было объявлено находящимся в опасности. Захожу после заседания в кабинет председателя и уговариваю вел. князя, не теряя времени, ехать к государю и просить о назначении председателем Департамента законов Сольского. Сделать это поспешно я считаю необходимым для того, чтобы не дать времени разыграться всяким проискам.

Делаю визит бар. Николаи, который, как ребенок, радуется тому, что освободился от служебных занятий. Обедаю в клубе с Влангали и Сабуровым. Разговариваем о корреспонденции Мотлея, Сабуров рассказывает, что когда Мотлей приехал в Берлин, пред конгрессом, то Бисмарк сказал ему: «Нам предстоит сделать то, что мы делывали в молодости. Когда товарищ слишком сильно напивался, то мы давали ему для облегчения рвотное. То же самое надо теперь сделать с Россией».

7 июля. Пятница. Получаю от вел. кн. Михаила Николаевича телеграмму с уведомлением, что Сольский назначен председателем Департамента законов. Хотя он человек совершенно бесхарактерный, но тем не менее в настоящем случае нельзя было сделать лучшего назначения. Он имеет несомненно обширные дарования, привык участвовать в совещательных собраниях и руководить прениями, он весьма образован и чужд той дикости, которая отличает современных высших чиновников.

8 июля. Суббота. Получаю от вел. кн. Михаила Николаевича телеграмму с приглашением приехать в Павловск к 4 часам. По приезде сюда меня вводят в роскошную гостиную нижнего этажа. Изучая ближе эту комнату, вижу, что она устроена в настоящем виде в прошлом столетии под впечатлением путешествия графа и графини Северских* (comte et comtesse du Nord) в 1783 г.[79] К сожалению, теперешние

* *Так в подлиннике. Должно быть* Северных.

владельцы этой гостиной обращаются с ней весьма неуважительно. Ткани на креслах и стульях испачканы, изорваны, а на стеклах средней двери начерчены камнем имена детей вел. князя и даже изображена уродливая фигура, точно в какой-нибудь плохонькой гостинице. Минут чрез десять входит камердинер и приглашает меня выйти в сад, где меня ожидает вел. кн. Михаил Николаевич. Он объявляет мне, что вел. кн. Константина Николаевича в этот день разбил нервный удар и что с часу на час ожидают его кончины.

Мы идем вместе в галерею, так называемую гонзаговскую, по имени известного ее строителя. Здесь вел. князь рассказывает мне, что в прошлую пятницу поехал к государю и, взойдя, спросил его: «Кого же ты, Саша, намерен назначить председателем Департамента законов?» *Государь:* «Я много думал и окончательно остановился на Сольском». *Вел. князь:* «Это именно тот кандидат, которого я хотел тебе предложить, и я очень счастлив, что твой выбор на нем остановился».

Затем стали разговаривать о другом.

Выслушав этот рассказ, я невольно спросил, не было ли говорено о Государственном совете вообще и в частности о последнем деле о земских начальниках.

Вел. князь отвечал отрицательно.

В конце нашего разговора я спросил, была ли речь о преемнике Сольского. На это вел. князь отвечал, что государь высказал категорическое намерение назначить Филиппова, который 11 лет несет обязанности товарища государственного контролера. Так как в последний день заседаний Государственного совета Победоносцев расспрашивал меня о том, кто будет, вероятно, преемником Сольского, и выражал опасение, чтобы не попал в контролеры Филиппов, к коему он, Победоносцев, питает большое презрение и отвращение, то, возвратясь из Павловска домой, я написал Победоносцеву записку с извещением об этой кандидатуре.

На это я получил от Победоносцева на другой день ответ, столь характерный, что переписываю его целиком:

«К сожалению, я бессилен и меня уже мало слушают, если сколько-нибудь слушают»[80].

Вчера я половину ночи не спал от крайнего смущения по поводу известия*.

Говорил с Сольским в ином смысле, чем предполагается, настаивал, настаивала и жена его, которая понимает все, но он слаб волею и почему-то считает делом чести отстаивать товарища.

* *Так в подлиннике.*

Я не утерпел, ездил сегодня в Петергоф, хотел говорить, но докладов было много, и мне выслали сказать, что примут в среду.

Завтра Сольский беседует с товарищем, а в понедельник является в Петергоф.

Буду еще завтра говорить ему. Тяжкие времена!

*9 июля**. По поезду 1 час едем в Петербург для присутствования на свадьбе кн. Долгоруковой, выходящей замуж за кн. Трубецкого. Она (дочь обер-церемониймейстера) — первостепенная красавица, жених (сын военного при посольстве в Париже атташе) — очень милый юноша, но, к сожалению, весьма малого роста, что для конногвардейца некстати. Кроме того, Трубецкой чрезвычайно молод; ему всего 21 год. Свадьба происходит в домовой церкви гр. Воронцова-Дашкова в присутствии императора, императрицы, их детей, вел. князей Владимира и Михаила. Во время продолжительного богослужения в весьма небольшой церкви присутствующие поневоле остаются в соседних залах. Я подхожу к вел. кн. Михаилу Николаевичу и говорю ему, что так как я имею основание думать, что Победоносцев назовет мое имя в числе кандидатов на место Сольского, то, опасаясь, чтобы это известие не дошло до него, вел. князя, стороною, я считаю обязанностью его о том предуведомить, предоставляя ему действовать *за* или *против* этого назначения, как ему заблагорассудится.

Такое сообщение весьма изумляет вел. князя, и он начинает уговаривать меня отказаться от подобной кандидатуры, но я настаиваю на мысли, что устал от канцелярской деятельности и более продолжать ее не намерен.

10 июля. Понедельник. В 2 часа уезжаем в Рапти, где находим в цветущем состоянии Анну с ее детьми и Пита.

11 июля. Вторник. Едем на пароходе в Черменецкий монастырь служить панихиду по матушке, которая скончалась в этот день. Возвращаемся в Царское Село в 8 час. вечера.

12 июля. Среда. Употребляю пять часов на чтение мемории о земских начальниках и посылаю ее государю вместе с меморией по возбужденному гр. Толстым представлению об организации крестьянского переселения[81]. По поводу последнего дела пишу письмо такого содержания:

«Прошу позволения у Вашего величества прибавить от себя несколько слов, касающихся этого дела первостепенной важности, которое я

* *Далее зачеркнуто:* В ответ на предыдущую записку я написал Победоносцеву, что если он непременно будет продолжать предпринятую войну и не будет иметь кандидатов для замещения Сольского, то я представляю ему право назвать и меня, потому что моя канцелярская служба, которую я несу семь лет, мне порядочно надоела.

имел случай изучить при ревизии Черниговской губернии и на которое слишком легко и, может быть, слишком сочувственно смотрят петербургские чиновники, в чем я и позволяю себе видеть большую опасность.

Крестьянское переселение почти всегда есть последствие ложного и вредного понятия, установленного Положением 19 февраля 1861 г. В то время был провозглашен принцип, что каждый крестьянин потому только, что он существует, имеет безусловное право владеть известной площадью земли — наделом. Если в то время было сочтено невозможным поступить иначе, то теперь событие это должно бы давно отойти на страницы истории. На деле, однако, крестьянин хранит память о таком провозглашении, почитает, что каждое умножившееся крестьянское семейство имеет право на соответственное умножение владеемой им земельной площади, а правительственные распоряжения, несмотря на слова Ваши, государь, сказанные волостным старшинам, поддерживают в крестьянском населении эти ложные понятия, эти смутные надежды, могущие когда-нибудь перейти и в преступные, толпливые движения.

Чиновник по природе своей любит разбивать на мелочь подведомые ему интересы, он — враг всякой крупной самостоятельной единицы, могущей дать ему отпор, чиновник создается бумажной и книжной деятельностью, легко ведущею к сентиментальному либерализму, и вот под впечатлением таких побуждений с самого дня небывалой по размерам отдачи крестьянам земельного пространства в них поддерживается свыше убеждение, что каждый из них имеет право на такой-то надел в какой бы то ни было части России. Этим духом пропитано даже и представляемое мною Вам, государь, мнение Государственного совета, несмотря на значительные против первоначального проекта изменения. Тут прямо уничтожается прежнее ограничение переселенцев известными категориями крестьян, ласкается мысль о перенесении общинного владения в Сибирь, где оно, по счастью, не существует доселе, земли отдаются не на праве полной собственности, а в пользование, наконец, предоставляется трем министрам деньгами и иначе поощрять переселение.

Все это, простите за смелость, совершенно ошибочно и с экономической и с политической точки зрения. С *экономической* точки зрения производит и частное, и государственное богатство только тот, кто владеет на праве собственности и знает, что плоды трудов его обеспечат благосостояние его детей.

Стремиться исключительно к водворению мелкого поземельного владения ошибочно, потому что при широких размерах всякого хозяйства результаты всегда сравнительно обильные.

Я знаю местности, где помещик снимает 200 пудов с десятины, а крестьянин рядом с ним 50. Одна из причин, почему Америка опережает нас в хлебной производительности, заключается именно в том, что там хозяйство ведется на обширных площадях с затратой больших капиталов.

С *политической* стороны также нельзя желать, чтобы постоянно умножалась доля серой толпы и сокращалось достояние землевладельца высшего класса, землевладельца-помещика, которого связывают с землей не одни меркантильные расчеты, а множество духовных, сердечных интересов того земледевладельца-помещика, которого я считаю в России наиболее надежным элементом порядка.

Если это так, то пора перестать говорить о наделах, пора без насилия, но и без замедления переходить к подворной собственности, пора упрочить в каждом семействе любовь к родному куску земли, а в случае чрезмерного умножения членов семейства дать выход младшим на другие, чем местное, земледельческое, поприща, что сделается само собою с изменением паспортной системы.

Тогда исчезнет периодически раздуваемый переселенческий вопрос в теперешней острой его форме».

13 июля. Четверг. Получаю от государя посланные накануне вечером мемории и в том числе меморию о земских начальниках. Пишу об этом деле пространное извлечение на французском языке для императрицы. В 5 час. меня вызывает в Павловск по телефону вел. кн. Михаил Николаевич. Он приехал туда с вел. княгинею Ольгою Федоровной, получив телеграмму об опасном состоянии здоровья Константина Николаевича, которое, впрочем, в течение дня изменяется к лучшему. Михаил Николаевич передает мне, что видел Сольского, что Сольский, услышав от государя о намерении назначить преемником ему Филиппова, заявил государю, что это человек неподходящий, несмотря на то что он 11 лет был его товарищем, неподходящий, потому что он расположения к контрольным вопросам не имеет, а занимается вопросами народного просвещения и церковного права, потому что он в сношениях очень груб. На вопрос, кого в таком случае назначить, Сольский назвал меня, что весьма удивило государя, и он выразил сомнение о том, желаю ли я такого назначения. Говорили еще о Каханове и о Петрове как о возможных кандидатах. В заключение, согласно мысли, заявленной Вышнеградским, решили отложить назначение государственного контролера до осени, после того как будет составлен и подписан Сольским контрольный отчет за 1888 г.

14 июля. Пятница. Еду на лошадях в Красное Село проститься с вел. кн. Владимиром Александровичем. Застаю его с вел. княгиней за

чтением писем от детей, находящихся в Гапсале. В присутствии ее разговор, конечно, пустой. Между прочим, они рассказывают, что вел. кн. Николай Николаевич, чтобы добиться от государя назначения своего побочного сына в Конногренадерский полк, бросился на колена пред своим племянником. Говоря о Константине Николаевиче, я им рассказываю, что он, гуляя в Крыму и встречая знакомых, старался знакомить их со своей танцовщицей Кузнецовой и при этом говаривал: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь собственная».

Во время нашего разговора слышится музыка полков кирасирской дивизии, возвращающихся с учения, Мария Павловна немедленно выбегает на балкон. Полковой и эскадронные командиры салютуют ей и подъезжают к балкону, выжидая, чтобы полк прошел. Она очень довольна разыграть роль императрицы, несмотря на то что это бесит государя. В 1 час завтрак на манер обеда, участвуют адъютанты с женами, Оболенский, Штакельберг, а также Кочубей.

После завтрака Мария Павловна хнычет о том, что ей нельзя будет ехать в Биарриц. Я выражаю о том сомнение, и она в конце разговора соглашается, что, вероятно, поедет.

Из Красного Села еду к Сольскому (дача Стобеуса, на петергофской дороге, рядом с Сергиевским монастырем). Он подтверждает мне то, что говорил уже вел. князю. В сущности он недоволен своим назначением; для него чувствительна потеря казенного дома. От Сольского захожу к живущему рядом Победоносцеву. Ему монахи Сергиевой пустыни устроили уютный дом или даже два дома, в коих он живет окруженный множеством жениных родственников, среди зелени, цветов, с очень красивым видом на море.

Застаю его за письменным столом, пред ним лежит записка Делянова. Издали узнав этот крупный почерк, я спрашиваю Победоносцева: «А это от Деляшки?» *Победоносцев:* «Да, не может пальца поднять, не написав предварительно записки, чтобы получить совет (!)»[82].

Победоносцев ведет меня гулять по своему садику и рассказывает, что писал государю о неудобствах назначения Тертия Филиппова, а затем в среду отправился сам под предлогом синодских дел и решился не затрагивать вопроса о назначении на пост контролера, если государь сам не заговорит о том. Что и случилось. Тогда Победоносцев повторил на словах то, что писал. «Что касается до твоей кандидатуры...»

Я: «Позволь, ты, вероятно, прежде чем обо мне, говорил о Каханове?»

Победоносцев: «Да, я сказал, что, хотя государь имеет против него предубеждение, но что он был бы здесь на месте».

Я: «Что же государь отвечал?»

Победоносцев: «Молчал. Тогда я стал говорить о тебе и в особенности на такую тему, что хотя у Вышнеградского финансовые дела идут хорошо, но что все-таки полезно иметь рядом с ним в лице контролера человека самостоятельного, независимого, который мог бы его проверять».

Я очень хорошо понял, что Победоносцев говорил обо мне только с отчаяния видеть Филиппова на контролерском месте. Каханов писал бы ему, Победоносцеву, такие же записочки, как Делянов, и вот таких-то людей он желал бы иметь на всех деятельных постах, чтобы таким образом быть первым и вместе безответственным министром.

Я спросил его, что значат слова его записки ко мне, что его больше не слушают. Он отвечал, что это действительно так, но что, несмотря на то, он будет продолжать писать государю обо всем том, что может принести государю пользу. Так на днях он писал о необходимости уничтожить на скачках тотализаторы, обратившиеся в развращающую народ лотерею.

В заключение нашего разговора Победоносцев попросил, чтобы нарвские фабрики пожертвовали 1 тыс. руб. на устройство в Нарве церковно-приходской школы; я, разумеется, согласился.

15 июля. Суббота. Открытие охотничьего сезона в Колтушах. Диц заводит меня слишком далеко, и я опаздываю домой к обеду.

16 июля. Воскресенье. Длинная прогулка с Краузольдом. Несмотря на то что ниточная фабрика подвигается туго, решаем начать постройку второй половины здания, так как спрос на произведения весьма велик; Россия потребляет 20 млн. гросс, а мы на фабрике в полном ее составе будем производить лишь $1^1/_2$ млн.

Целый день спокойно в Царском Селе. Последняя горловая операция моей жене.

17 июля. Понедельник. В 9 час. утра выезжаю из Царского Села на четверке лошадей. Около дворца встречаю Рейтерна, как Велизария, возвращающегося домой, ведомого служителем. Несмотря на слепоту, он ясно оценивает чиновников. Рассказываю ему переговоры последних дней. Он выражает убеждение, что Вышнеградский придумал отсрочку для того, чтобы провести в контролеры своего друга, также семинариста-поповича. Я припоминаю ему мой спор с Вышнеградским по поводу конверсии, причем говорю, что я имел факты, дававшие мне право подозревать чистоту его действий. «Я в этом не сомневался», — говорит Рейтерн, который, однако, не хотел допустить с моей стороны разногласие.

В 11 час. приезжаю в Петергоф в кавалерский дом и, получив придворную карету, отправляюсь в Александрию, проезжая сквозь строй многочисленных зорко смотрящих на меня солдат.

В передней крошечного дома, занимаемого их величествами, нахожу одного лишь флигель-адъютанта, который сообщает мне, что у государя находится с докладом вел. кн. Алексей. Вызываю камердинера императрицы и прошу доложить обо мне. Императрица немедленно принимает меня в своей гостиной, принимает стоя. Расспрашивает о том, куда еду. Отвечаю, что в Англию куда-нибудь на берег моря обливаться морской водой, а также поохотиться в Шотландии. Передаю написанное мною извлечение из дела о земских начальниках. Молчание... Тогда начинаю выхвалять нового члена Государственного совета — наследника. Говорю, что он внимательно слушает и все понимает, что мне, сидя в заседании, весело смотреть на эти умные глаза, которым нужны только новые впечатления, а овладеть этими впечатлениями юноша сумеет. «C'est un à propos, une politesse, un sentiment de dignité simple et vrai»*. Рассказываю, как, опоздав на несколько минут в заседание и извиняясь в том пред председателем, он получил в ответ: «Ваше высочество не можете никогда опоздать», на что цесаревич ответил: «А меня учили: l'exactitude est la politesse des rois»**. Императрица замечает, что, вероятно, слова председателя были сказаны в шутку, но я отвечаю: «Hélas, non, madame»***. Нас прерывает вел. кн. Алексей, внезапно вошедший в комнату, не ожидая кого-либо встретить.

В 12 час. и 10 минут меня зовут к государю наверх в его кабинет.

Государь меня встречает вопросом, зачем я в таком параде (в мундире).

Я отвечаю, что надел мундир, потому что хотел откланяться императрице.

Государь: «Вы в Царском Селе?»

Я: «Точно так».

Государь: «Когда Вы намерены ехать?»

Я: «Думаю в конце недели, окончив все служебные дела, в том числе послав исполнение по мемории о земских начальниках».

Государь: «Да, очень хорошо, что дело это окончено. Абаза мне говорил, что можно бы отложить рассмотрение департаментского журнала до осени, но тогда бы нельзя было приступить к приготовительным действиям, к коим будет приступлено тотчас».

*«Это такой такт, вежливость, чувство простого и истинного достоинства».
**Точность — это вежливость королей.
***«Увы, нет, ваше величество».

Я: «Журнал этот был написан с такой поспешностью, что несомненно на практике обнаружатся недосмотры и промахи, но во всяком случае ст.-секретарь Железников, который производил это дело, заслужил полного одобрения».

Государь: «Вы ему поручили это?»

Я: «Да, государь, это было в производстве Департамента законов».

Государь: «Если окажутся недосмотры, то при практическом применении их можно будет исправить».

Я: «В особенности неудовлетворительна судебная часть. Как можно установлять новую должность, новую инстанцию для производства дел от 300 до 500 руб.! Еще с тех пор, как свет стоит, я полагаю, не учреждали особой инстанции для такой узкой компетенции. Эту компетенцию необходимо будет расширить. Да и почему этот чин назван членом окружного суда? Исключительно из подобострастия пред Вашей резолюцией. Я бы назвал его уездным судьей».

Государь: «Вообще предположения министра юстиции были до того неудовлетворительны, что я полагаю, что его намерение было провалить весь проект».

Я: «То есть Вы думаете, что он считал возможным после смерти гр. Толстого уничтожить весь законопроект?»

Государь: «Да».

Я: «Не думаю этого, государь. Присутствуя при обсуждении этого дела, я вынес такое впечатление, что министр юстиции и министр внутренних дел спорили почти исключительно о том, в чьем ведомстве будут местные органы, какой на них будет вицмундир, а государственная польза совсем упущена была из виду.

Но независимо от судебной части я вижу в законе еще один существенный недостаток. Не буду больше говорить о разномыслии между большинством и меньшинством; в соединенных Департаментах говорилось о полиции благоустройства, и гр. Толстой утверждал, что не допустит наложения на земских начальников полицейских обязанностей. Следовало, может быть, говорить о попечении о благоустройстве, и тогда бы дело, может быть, уладилось. Позвольте мне говорить не как государственному секретарю, а как помещику из личного моего опыта. У меня в деревне озеро, в котором мужики вылавливают всю рыбу снастями запрещенного законом образца; они моют коноплю в ручье, коею отравляют воду, они не содержат в исправности дороги. Как я защищусь против подобного самоуправства? До сих пор я должен был просить в подобных случаях полицию, чтобы она составила акт и послала его к мировому судье. Теперь мировой судья уничтожен, а земским начальникам гр. Толстой хотел передать только дела о по-

травах и найме рабочих. Необходимо в этом смысле расширить компетенцию земских начальников...

Другой вопрос, не составляющий недостатка нынешнего закона, но долженствующий несомненно подлежать разрешению в будущем, — это вопрос об организовании уездного управления. В той или другой форме необходимо создать уездного начальника, который будет служить средоточием уездных интересов. Россия слишком велика, чтобы ею управлять посредством одних губернаторов, с умножением народонаселения, с развитием промышленности, торговли, необходимо перенести некоторые категории дел из губернии в уезд. Мысль эта была заявляема в среде Государственного совета, но гр. Толстой утверждал, что это предположение несогласно с русской историей; между тем уездные начальники существуют во многих частях России, ныне и Вы могли видеть, государь, в присланной мною Вам записке, что мысль эта уже заявлялась Комитетом 1826 г.»

Государь: «Да, я видел это. Записка меня очень интересовала».

Я: «После дела о земских начальниках у нас теперь на очереди представление о преобразовании земских учреждений. Я очень опасаюсь, что и в производстве этого дела будет медленность и проволочка, кои опять подадут повод к обвинениям в том, что Государственный совет и в особенности государственный секретарь намеренно задерживают дело. Ведь прошлой осенью я вернулся в Петербург несколькими днями позже гр. Толстого, и это было истолковано как интрига с моей стороны».

Государь: «Нет, гр. Толстой не против Вас был восстановлен, а против Абазы».

Я: «Абаза — полезнейший член Совета, это не Абаза 60-х годов с милютинскими увлечениями, а опытный умный человек, владеющий обширной поземельной собственностью, он проводит каждое лето в деревне, близко знаком и с народным бытом, и с нуждами народной жизни».

Государь: «Это все так, но в 1881 г. он уже совершенно сбился с толку»[83].

Я: «Во главе того, что делалось, стоял Лорис-Меликов, искавший популярности».

Государь: «Лорис-Меликов, живя в провинции, совсем не имел таких мыслей, а все это ему внушили в Петербурге»[84].

Я: «Я хотел обратить внимание Вашего величества на то, что необходимо требовать от министров, чтобы они вносили свои представления после соглашения с коллегами. В деле земских начальников этого не было сделано, и потому дело производилось так медленно».

Государь: «Это произошло от того, что здоровье гр. Толстого в последнее время не позволяло ему выезжать, но дома он занимался с большой энергией».

Я: «Да, его энергия была замечательна. Но я хотел сказать, что теперь легче будет устраивать такие соглашения, теперь я думаю, что назначение Сольского много облегчит в этом отношении дело. Он привык участвовать в таких совещаниях; он имеет талант соглашать противоположные мнения. Точно так же как Абаза председательствует ныне в частных совещаниях по финансовым предметам, Сольский может председательствовать в совещаниях по законодательным предположениям административного свойства».

Государь: «Да, конечно».

Я: «Вообще, государь, назначение Сольского большое приобретение для Совета. Нечего скрывать, что за последнее время государственно-умственный уровень Совета весьма понизился. На что нам эти судебные чиновники, которые знают только статьи свода законов? Нам нужны люди, знающие по соприкосновению с нею народную жизнь».

Государь: «Такие люди нужны на местах».

Я: «Конечно, учреждение Государственного совета написано так, что от каждого председателя департамента зависит пригласить в заседание всякого человека, могущего принести пользу своими сведениями, но этим не пользуются, как будто боятся, чтобы не вышел какой парламент. Можно ли серьезно говорить о подобном обвинении?» После краткого молчания государь сказал мне: «Я совершенно разделяю тот взгляд, который Вы высказали мне по поводу переселенческого вопроса, но ведь этого сделать невозможно».

Я: «Почему?»

Государь: «Потому что представление о переходе к подворному владению встретит упорное сопротивление в Совете».

Я: «Да коренное изменение разом и нежелательно, но министр внутренних дел может принять то или другое направление и идти постепенно к разрешению вопроса». После этого снова наступило молчание, и так как государь еще не отпускал меня, то я стал говорить о цесаревиче, повторяя то, что сказал императрице. Государь при этом высказал, что старший сын его одарен от природы талантом, без затруднения, без робости находится среди неизвестных ему людей, там где надо представительство. «Это уж дается от рождения», — повторял владыка над 100 млн. людей, видимо делая обращение к себе самому. «Вот фельдмаршал Барятинский, ведший войны, выигрывавший сражения, не раз говорил мне, что для него наказание являться в многочисленное собрание.

Старший сын мой не таков. Вы увидите, что он будет говорить речи в Совете. Второй — напротив, совсем иной; привык прятаться за брата, ужасно застенчив».

Я: «Вот теперь в плавании переменится».

Государь: «Я приказал капитану корабля посылать его вперед, давать всякие поручения, долженствующие развить самостоятельность».

В заключение я благодарил государя за ту свободу, с которой он позволяет мне писать. Государь просил продолжать, говоря, что это для него очень удобно.

На вопрос, когда я вернусь, я отвечал, что мой отпуск кончается 1 ноября, но что я всегда готов вернуться по первому приказанию. «Я служу 39-й год, — сказал я, — и еще никогда не отказывался ни от какого поручения по службе».

На этом мы расстались.

Из Александрии, разумеется, приходилось отправиться в Михайловское. Там застал вел. князя с вел. княгиней, двумя сыновьями и двумя воспитателями за завтраком. После завтрака, когда мы остались втроем, то начался допрос. Конечно, я сообщил лишь частичку и притом в весьма общих выражениях.

Потом вел. князь повел меня в свой кабинет. Я старался говорить о его здоровье, о погоде, о планах на осень и об артиллерии, но он возвратился к вопросу о моей службе; я категорически заявил ему, что больше не намерен оставаться государственным секретарем.

Он стал убеждать меня соображениями о приносимой мною пользе и в особенности последствиями тех разговоров, кои я имею с государем о делах. «С моего разрешения», — прибавил вел. князь.

Я ему возражал, что таких разрешений в течение семилетней моей службы я имел три и что, следовательно, я должен рассчитывать на такие случаи каждые два года, да и то, когда дело окончательно испорчено нашими противниками.

Тогда вел. князь спросил, кого я рекомендую на свое место. Я отвечал, что, по моему мнению, заменить меня может лишь один Шидловский — ст.-секретарь Департамента экономии, а если бы его не захотели назначить, то я советовал бы взять Герарда как честного и прямого человека. Во всяком случае, я советовал вел. князю вырешить этот вопрос до отъезда на Кавказ, а то ему могут назначить человека, который будет его продавать лицам, власть имеющим, как, например, Куломзина или Саблера.

Вел. князь решился в будущую среду просить у государя, чтобы в случае назначения меня государственным контролером замещение меня не последовало без участия его, вел. князя.

Отсюда к Сольскому, который выслушал то, что касалось его, воссиял, видя себя, так сказать, главой правительства; он стал убедительно уговаривать меня остаться, указывая на возможность при тесном между нами союзе приобрести влияние на ход дел. Я ему отвечал, что не переменю решения, а именно, останусь теперь за границей до того дня, когда вырешится вопрос о его преемнике; потом, если меня оставят государственным секретарем, то буду просить увольнения к новому году, если увольнение не получу, то захвораю и уеду.

В конце нашего разговора явилась его жена, которая сетовала на перемену положения мужа.

18 июля. Вторник. Утро в Петербурге за окончанием пред отъездом всякого рода мелочных дел. Обед с Влангали. Разговор бессодержательный.

19 июля. Среда. Целое утро провожу за этим дневником, считая нравственною обязанностью сохранить для потомства те любопытные и характерные сцены, коих мне доводится быть свидетелем.

Вечером заезжает из Павловска вел. кн. Михаил Николаевич сказать, что государь обещал ему в случае назначения меня государственным контролером не назначать никого на мое место без соглашения с вел. князем. В этом же разговоре решено сохранить Сольскому 18 тыс. содержания и дать 10 тыс. руб. на обзаведение.

20 июля. Четверг. В 12 час. уезжаю из Царского Села за границу.

31 октября. Накануне в $4^1/_2$ [часа] возвращаюсь из заграничного путешествия. Выработка закона о земских начальниках задержала меня до самых последних дней июля месяца. Проехав чрез Париж, я отправился в Шотландию, к Берте в замок Балинтор, где несколько дней охотился на граузов, хотя, впрочем, довольно неудачно вследствие какого-то на них в этом году мора. Из Шотландии, осмотрев Йорк и Скарборо, я приехал в Лондон, откуда вместе с женою я проехал в Девоншир, в Sedmouth. Здесь мы прожили около трех недель, осматривая эту прелестную страну, а в сентябре месяце возвратились в Париж, где я до конца октября охотился в окрестностях, осматривал выставку, виделся с вел. кн. Владимиром Александровичем, сообщившим интересные подробности о берлинском свидании[85], в особенности о том, как император Вильгельм попросился в ген.-адъютанты к русскому государю. Из Парижа я проехал на Вену, где прожил полтора дня в доме посольства с милейшим, старинным приятелем Лобановым, и затем вернулся в Петербург в понедельник, 30 октября в $4^1/_2$ часа. В тот же день обедал у дочери Оболенской вместе с прочими детьми, а затем в 9 час. поехал к Абазе, чтобы разузнать, что делается в чиновном Петербурге. Абаза рассказал прежде всего эпизод

последнего дворянского займа. Пред отъездом на каникулы Дурново сообщил Абазе непременную волю государя, чтобы заемщикам Дворянского банка оказано было облегчение. Абаза, уехав пить воды в Гомбурге, придумал там комбинацию займа с выигрышами и послал о том записку Вышнеградскому с просьбою представить ее государю. Вышнеградский исполнил это не без настояний Абазы, но сам явился противником подобной меры и предлагал просто дать Дворянскому банку 19 млн. руб. на 40 лет без процентов. За болезнью Рейтерна Абаза созвал под своим председательством Финансовый комитет, который, конечно, принял его мнение, за исключением Бунге, заявившего, что, по его мнению, ничего подобного делать не следует[86]. При утверждении журнала Финансового комитета государь сказал Вышнеградскому относительно Бунге, что его, вероятно, подбили бывшие подчиненные.

Говоря о Вышнеградском, Абаза сообщил, что в последнее время на него направлены нападки многих из его сотоварищей министров, а в особенности Дурново, Гюббенета и Ванновского. По поводу притязаний Военного министерства Абаза рассказал, что летом Обручев послал государю в Копенгаген записку, доказывавшую необходимость усиления оборонительных средств и горько, хотя и не совсем верно критиковавшую финансовое управление Вышнеградского[87]. Государь написал на записке Обручева, что совершенно с нею согласен и что желательно привести предположения ее в исполнение. Вышнеградский представил государю опровержение записки Обручева, но опровержение это удостоилось лишь резолюции: «Читал».

Все требования Военного и Морского министерств сводятся к 400 млн. руб., а требования Министерства путей сообщения, состоящие также в связи с предположениями о народной обороне, составляют 600 млн. Комиссия под председательством Абазы будет обсуждать настоятельность и постепенность этих требований[88].

Желая выяснить на этот вопрос взгляд государя, Абаза испросил аудиенцию и был принят в Гатчине. Из разговора с государем Абаза вынес убеждение, что главная забота должна относиться к западной нашей границе. Абаза настаивал на том, что чрезмерные расходы могут расстроить финансы, и ставил примером Италию, но государь утверждал, что не допустит до расстройства финансов. Абаза был обласкан и остался весьма доволен оказанным ему приемом.

Вторник. Гуляя пешком, захожу утром к Воронцову-Дашкову, чтобы узнать, будет ли прием в Гатчине завтра. Прошу у него совета о том, как бы выхлопотать себе увольнение от несносных обязанностей государственного секретаря, но Воронцов утверждает, что государь меня не выпустит, почитая меня полезным и почти необходимым. Захожу еще к Влангали, переехавшему на новую квартиру в дом Министерства иностранных дел на Мойке рядом с домом Кочубея. Не еду на празднование 50-летнего юбилея школы Общества поощрения художеств, опасаясь встретить государя прежде, чем успел ему представиться. Осматриваю вновь отстроенные конюшни и манеж у Большого театра.

В пятом часу заходит ко мне Победоносцев, который горько жалуется на то, что лишился всякого влияния и что люди презренные, как Филиппов, Гюббенет и т. п., получают высшие назначения, что унижает правительство. Победоносцев выражает решимость не вмешиваться более ни во что, кроме своих синодальных дел. Я его обвиняю в том, что он сам виноват в своем несчастии, потому что слишком вмешивался в дела, до него не касающиеся. На это он в противоположность тому, что говорил прежде, отвечает: «Да ведь ты не знаешь, какие были прежде отношения. Когда я не видал его недели две, то он писал мне записки в таком роде: «Я Вас давно не видел, заходите, я хочу с Вами переговорить о многих делах» и т. п.»

В 7 час. обед у принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. В большой зале стол приборов на сто. Поздравлений и тостов без конца. Виновник торжества Григорович, неумолкно восхваляющий свое бескорыстие и получивший в этот день чин действительного статского советника. После обеда он мне горько выговаривает за то, что от нашего Училища не было прислано поздравлений.

1 ноября. Среда. По поезду в $10^1/_2$ часа отправляюсь в Гатчину. В том же поезде едет принцесса Евгения Максимилиановна благодарить за высочайшие милости, оказанные накануне ее Рисовальной школе. По приезде во дворец отправляюсь прежде всего к императрице, где ожидает толпа представляющихся военных и гражданских чинов. От императрицы выходит Розенбах, после чего принимают меня. Разговора никакого. Я рассказываю, где был, стараюсь объяснить, в чем заключается прелесть Шотландии и Девоншира, а также чем любопытна Парижская выставка. Останавливаюсь на благотворительных заведениях, больницах, богадельнях, новых усовершенствованиях деятельности Красного Креста, но все это малоинтересно, и потому перехожу к модным лавкам и магазинам, что гораздо интереснее. Дожидаясь в приемной у государя, расспрашиваю Розенбаха о причинах его отставки. Он отвечает, что сказал лишь, что климат Туркестана вреден для здоровья его жены, а затем был уволен и посажен в Военный совет наравне с такими лицами, кои были прогнаны за злоупотребления; а между тем он пробыл генерал-губернатором шесть лет, провел много

нововведений, оказавших несомненную пользу, и главное — умел избежать военных усложнений, кои могли бы неоднократно перейти в войну.

Государь принимает меня в кабинете, разговор касается преимущественно местности, где я провел лето. Заявляю, что в Государственном совете в настоящее время нет никаких дел, кроме неважного дела о судопроизводственных правилах для земских начальников[89]. Государь отвечает, что министры внутренних дел, финансов, государственных имуществ внесут значительные законопроекты. Я прошу только, чтобы им подтверждено было о скорейшем внесении своих представлений так, чтобы не повторилась ежегодная весенняя гонка. В заключение настаиваю на том, что буду писать по-прежнему. Государь отвечает: «Пишите всегда, когда нужно». *Я:* «Да, кажется, я никогда не писал Вам о ненужном». *Государь:* «Конечно».

Завтракаю у Черевина и возвращаюсь в Петербург в одном вагоне с Манасеиным, который, по-видимому, чувствует ослабление своего положения как вследствие нападок Дурново, так и вследствие того, что положение Победоносцева пошатнулось. Обедаю в Новом клубе с Чихачевым, Влангали, Убри.

2 ноября. Четверг. В $12^1/_2$ [часа] еду осматривать здание нового нашего музея, которое за лето довольно значительно подвинулось. Вместе с Н.С. Абазою осматриваем и самое училище. Захожу к Анне, а после того к Сольскому, который весьма доволен своим положением.

Обед у Абазы с Убри, Чихачевым, Манзе, Гюббенетом.

3 [ноября]. Пятница. Продолжительный осмотр новой ниточной фабрики. Дело подвигается, но медленно вследствие недостаточного знакомства с требованиями рынка. Визиты Дурново, Островскому, Вышнеградскому и т. д. Обед и вечер дома с детьми.

4 [ноября]. Суббота. Вел. кн. Михаил Николаевич приезжает из Крыма по экстренному поезду в 8 час. утра. Я не еду встречать его на станцию, как это было установлено моими предшественниками, но отправляюсь к нему в 11 час. Он очень со мною мил и любезен. Разговор по обыкновению самый пустой.

5 [ноября]. Воскресенье. Целый день на охоте в Колтушах с Норсу и Питом. Погода ужасная, темнота с мокрым снегом.

6 [ноября]. Понедельник. Долженствовавшее быть в этот день первое заседание Общего собрания Государственного совета отложено до завтра по случаю гусарского праздника, на коем вел. князь считает обязанностью быть. Делаю кой-какие визиты. Город темен, грязен, уныл, отвратителен.

7 [ноября]. Вторник. Первое заседание Общего собрания Государственного совета. Дела самые пустые, и доклад их занимает четверть часа времени. После доклада вел. князь посылает моего курьера предварить своего брата Николая Николаевича, что навестит его, и, давая это поручение курьеру, говорит: «Ты знаешь, что вел. князь живет не у себя во дворце, а на квартире на Почтамтской улице?» (т. е. у своей любовницы Числовой). Курьер отвечает, что знает, и отправляется по назначению, но возвращается с ответом, что Николай Николаевич только что переехал в свой дворец. Дело в том, что он, будучи болен, ожидает посещения государя, который сегодня на два дня приезжает из Гатчины в Петербург.

8 [ноября]. Среда. Празднование почему-то 500-летнего юбилея существования русской артиллерии[90]. Некий ген. Бранденбург изобрел этот юбилей и, чтобы выслужиться, произнес длинную речь, в которой ругал немцев, вероятно начиная с Бертольда Шварца, за что, однако, получил ленту. Я воздерживаюсь от присутствования на этом торжестве и слушания этого вздора. Еду в 4 часа к вел. кн. Михаилу Николаевичу поздравить с именинами и узнать, благополучно ли сошел его праздник. Вел. князь в восхищении от любезности государя, который у него завтракал со всем семейством. Читает мне полученный от государя рескрипт, но при этом указывает на ошибку, сделанную в изложении рескрипта, а именно, в нем сказано, что вел. князь назначен в ген.-фельдцейхмейстеры в 1856 г., когда назначение это последовало в 1852 г., в день его 20-летия. «День этот для меня памятен, — прибавляет вел. князь, — потому что, хотя я и был младшим сыном Николая Павловича, тем не менее в день моего совершеннолетия все мои братья получили назначения: Николай Николаевич назначен генерал-инспектором инженеров, Константин — генерал-адъютантом, Александр — командующим гвардейским и гренадерским корпусами».

9 [ноября]. Четверг. По обязанности председателя Исторического общества отправляюсь с своим секретарем Штендманом вместе с другими депутациями читать вел. князю Михаилу Николаевичу поздравительное приветствие. Все это происходит в зале Арсенала за Петропавловской крепостью. Вел. князь в нескольких словах, очень удачно сказанных, благодарит присутствующих за выраженное к артиллерии сочувствие.

10 [ноября]. Пятница. Рождение дочери Анны, которую иду утром поздравлять, а вечером обедаю со всею молодежью братьев и сестер как ее, так и Оболенского.

11 [ноября]. Суббота. В 1 час начинается в соединенных Департаментах Государственного совета обсуждение законопроекта о произ-

водстве дел у земских начальников[91]. Председатель Сольский просит высказать лишь общие соображения с тем, чтобы приступить к подробному рассмотрению проекта без участия Департамента экономии, слишком обремененного рассмотрением смет. Делаемые замечания о том, что лучше бы не издавать специального кодекса, а издать лишь отступления от порядка, существующего у мировых судей, Сольский не допускает обсуждать под тем предлогом, что это может выясниться лишь при рассмотрении текста в подробности. Словом, принципиальной критики проекта Сольский не допускает. Подробный отчет о всем сказанном в заседании посылаю государю.

Обед и вечер в Новом клубе, который еле жив.

12 [ноября]. Воскресенье. Вернувшись с завтрака от Гагариных, получаю от вел. кн. Михаила Николаевича приглашение явиться. Застаю его хворающим от бронхита. Мирно пьем чай вдвоем, когда появляются два старшие его сына, которые пристают ко мне, в особенности старший, все на тему его мнимого ничтожества и моего мнимого могущества. Огрызаюсь кое-как, хотя тут надо быть очень осторожным. Обед дома.

13 [ноября]. Понедельник. Пред заседанием Государственного совета еду завтракать к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Завтракаем с его сыновьями Михаилом, Александром, Сергеем, которые, сидя за столом, перекидываются кусками хлеба и бранными словами. Удивительное воспитание. После краткого заседания Общего собрания разбирается проект производства дел у земских начальников.

После заседания разговариваю с министром внутренних дел Дурново о кандидатуре Николая Саввича Абазы в члены Государственного совета. Он обещает полное, в случае надобности, содействие, основанное на симпатии к Абазе. Абаза (Александр Аггеевич) сообщает, что недавно, по приказанию государя, было дано сто розог какой-то женщине из нигилистов, находившейся в Сибири на каких-то работах. Женщина эта была виновна в том, что дала пощечину жандармскому офицеру. На другой день после наказания женщина эта отравилась и умерла, а за нею отравились и все находившиеся в этом месте ссылки женщины-нигилистки. Подобный нравственный факт не может не иметь серьезных политических последствий, и только подобострастный чурбан, носящий звание министра внутренних дел, мог допустить случившееся[92].

14 [ноября]. Вторник. Заболеваю царствующей эпидемией. Рождение императрицы. Приема нет потому, что государь лежит в постели, но императрица приглашает нескольких избранных поздравителей, вероятно отличающихся пленяющими ее нравственными качествами,

так, например, приглашен пошлый лакей Новосильцов, а оставлен без приглашения министр иностранных дел.

15 [—17 ноября]. Среда и следующие дни, продолжаю хворать, сидеть дома, разбирать полученные мною от Друцкого бумаги Закревского[93], читать журналы Совета и роман Троллопа, талант коего весьма ценю.

18 [ноября]. Суббота. До 25-го, субботы, целую неделю провожу еще не совсем хорошо себя чувствуя, сидя, по возможности, дома.

24 [ноября]. Пятница. Охота на лосей близ Лисьего носа. Воронцов ранил рогача, который убит окончательно военным министром, никогда еще не видавшим лося. Дорога ужасная вследствие бесснежья. Еду в коляске с Воронцовым, который по обыкновению находит, que tout est pour le mieux dans le meilleur des Gatchino[s] possible[s]*.

25 [ноября]. Суббота. Встречаю на утренней прогулке товарища министра внутренних дел Плеве, который сообщает мне как крупную новость, что на докладе у государя в четверг Дурново испросил высочайшее повеление об уничтожении для земских начальников условия об образовательном цензе[94]. Я немедленно отправляюсь к вел. кн. Михаилу Николаевичу и доказываю ему необходимость быстрого и энергического сопротивления. Вел. князь выражает намерение поговорить об этом с Дурново в понедельник, но я убеждаю его в необходимости предупредить подписание государем какого-нибудь по сему предмету указа. Посылаю к Дурново спросить, может ли он меня принять. Ответ, что теперь у него доклад, но что в 5 час. он сам ко мне будет. Действительно, Дурново является ко мне в 5 час., и я объясняю ему, что ехал к нему по поручению вел. князя узнать, в какой мере справедливо дошедшее до него сведение об испрошенном у государя высочайшем повелении. Дурново утверждает, что, действительно, таково было первоначальное приказание государя и что даже в пятницу при представлении губернаторов государь сказал им, что правило об образовательном цензе для земских начальников уже отменено, но что, несмотря на то, он, Дурново, по этому предмету войдет с представлением в Совет и вообще обещает мне, что никогда никаких докладов по делам, в Совете находящимся, не будет представлять государю без предварительного со мною соглашения. В заключение нашего разговора я извиняюсь пред Дурново в необходимости немедленно ехать к вел. князю, который ожидает уведомления об исходе нашего разговора.

Вел. князя застаю раздетым и укладывающимся на диван для предобеденного сна.

* Что все к лучшему в этой лучшей из возможных Гатчин.

26 [*ноября*]. Воскресенье. Еду в Зимний дворец на военное торжество георгиевского праздника, еду потому, что в этот день присягает вел. кн. Сергей Михайлович, пятый сын нашего председателя, и вел. князь счел бы невежливостью с моей стороны, если бы я этого не сделал. Молодой человек с большой развязностью читает свою присягу и в церкви, и в Георгиевском зале. Из членов Государственного совета, за исключением военных, присутствуют немногие. Разговариваю с гр. Игнатьевым, который по обыкновению беспощадно врет. На этот раз темою его болтовни тот почет, с которым его встречают везде, где он показывается в иностранных государствах, откуда слушатель должен вывести заключение о недостаточности почета, оказываемого ему в отечестве.

Дурново говорит мне, что встретил вел. князя в коридоре Зимнего дворца, причем вел. князь ему издали лишь сказал: «Успокоен», — разумея вчерашние переговоры.

Вернувшись из Зимнего дворца, нахожу дома известие о смерти Железникова, ст.-секретаря Департамента законов.

Железников весьма типичная и характерная фигура из петербургского чиновничьего мира. Получив университетское образование, он служил первоначально во II отделении Собственной канцелярии в то время, когда товарищем главноуправляющего был Сольский, который с переходом на должность государственного секретаря перевел вслед за тем Железникова в Государственную канцелярию. Здесь Железников, благодаря своим замечательным способностям при редактировании журналов, скоро получил выдающуюся роль и был главным деятелем при вступлении моем на пост государственного секретаря. Отсутствие в этом человеке твердых, сколько-нибудь просвещенных убеждений, чиновничье подобострастие пред высшими и грубость в отношении подчиненных всегда делали его для меня мало симпатичным, и я не замедлил свести его на роль исключительно редактора без всякого серьезного влияния на ход важных дел. Этого он не мог простить мне до последнего времени, когда я выхлопотал ему у министра юстиции назначение в сенаторы. Его чувства ко мне были бы иные, если бы он знал, что при первом моем представлении по случаю назначения на должность государственного секретаря я получил от государя приказание его уволить, приказание, которое никогда и не думал исполнять.

27 [*ноября*]. Понедельник. По обыкновению в 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, прошу его ускорить всеподданнейшим докладом по просьбе Черткова, который ходатайствует о разрешении ему присутствовать в Государственном совете во время нахождения своего

в Петербурге, а в остальное время проживать внутри России и за границей впредь до восстановления расстроенного здоровья.

По моим отношениям к Черткову со времени киевской ревизии Чертков почитает меня своим врагом и всякую проволочку сочтет моей интригой. Прошу вел. князя показать государю собственноручную записку Черткова, совершенно выходящую из общеустановленного порядка отпусков.

Между деловым докладом и завтраком захожу к вел. княгине и на постоянный вопрос ее о том, что нового, отвечаю, что вел. кн. Александра Петровна сделала 450 тыс. руб. долга и что теперь в Министерстве двора не знают, как поступить, долг этот тем менее простителен, что она, кроме обычного своего содержания, получает ежемесячно 14 тыс. руб., назначенных ей покойным государем.

Услышав это, Ольга Федоровна в сильных выражениях осуждает не только Александру Петровну, но и государя, который без сомнения заплатит этот долг, потому что Александра Петровна низкопоклонничает пред ним. «А я, — прибавляет Ольга Федоровна, — всегда говорю в глаза правду, и если бы я сделала 50 тыс. долгу, то никто бы их не заплатил, несмотря на то, что я вчера поставила пятого сына на военную службу». В это время вел. князь ходит из угла в угол по комнате и просит вел. княгиню прекратить этот разговор и, во всяком случае, не употреблять о своих родственниках таких сильных выражений, но это только увеличивает словоохотливое ее неудовольствие.

За завтраком присутствуют Граббе, Трубецкой, Толстой, служившие в нижегородских драгунах, коих сегодня празднуется полковой праздник[95].

В Совете присутствует приехавший для сего из Гатчины наследник цесаревич. После очень краткого заседания по обыкновению нахожусь в кабинете у вел. князя с высочайшими особами, на этот раз председателем и его племянником, ожидающим своей коляски. Стоя пред картою России, Михаил Николаевич рассматривает часть, посвященную Кавказу, и по великокняжескому обыкновению разговор сводится к тому, где, кто, когда путешествовал, прибавляя к этому имена лиц, принимавших какое-либо участие в событиях, о коих идет речь. Не видя большой пользы от такого разговора, я упоминаю о том, что вел. кн. Михаил Николаевич путешествовал не только по России, но также и за границей. Вел. князь оживляется при воспоминаниях о молодости и рассказывает подробно, как по воле отца своего был послан путешествовать по всей Европе и доезжал до Неаполя; разумеется, в революционную Францию ему не позволено было ехать. По поводу отвращения Николая Павловича к Франции Людовика-Филиппа я вспо-

минаю рассказ гр. Баранова о том, как он, будучи одним из любимых флигель-адъютантов государя, отпросился у него в Париж, чтобы повеселиться, как государь отпустил его под условием описать ему, государю, по возвращении подробности своего парижского пребывания и как после возвращения в Россию государь послал Баранова на Кавказ, чтобы выветрить следы парижских впечатлений.

Наследник, слушая этот рассказ, выражает интерес и сочувствие к этой эпохе, ввиду чего я немедленно стараюсь ослабить подобное сочувствие, говоря приблизительно следующее: «Теперь, Ваше высочество, в моде восхищаться царствованием Николая Павловича и представлять его каким-то идеальным временем. Не верьте этому, Ваше высочество, я воспитывался при Николае Павловиче и четыре года служил ему; то было царство лжи, обмана, подобострастия, всякой неправды. Никогда не забуду я своих школьнических впечатлений, когда начальство наше в Училище правоведения снимало с нас лохмотья и надевало новое платье в те часы, когда государь мог приехать. Не забуду, как, приехав однажды, он вытащил из фронта одного из моих товарищей, поза коего показалась ему непочтительной. Вы можете видеть этого товарища до сих пор, это кривобокий, весьма уродливо сложенный сенатор Извольский. Все, что делалось в последние годы царствования Николая Павловича, делалось напоказ, все сосредоточивалось на внешности, а внутренняя сущность отсутствовала». Такая оценка представляется молодому человеку совершенно новой.

Узнав, что вел. кн. Владимир Александрович нездоров, отправляюсь к нему в Царское Село. Застаю его зараженным инфлюэнцею, т. е. распростудившимся во время своего путешествия из Канн сюда. О Марии Павловне сообщает, что она приедет в Петербург к рождественским праздникам, что она не хотела отпускать его из Канн и после отъезда телеграфировала ему, что она захворала, так что вел. князь сомневается, не придется ли ему на днях снова вернуться в Канн, а я не сомневаюсь в том, что все это новая комедия.

28 [ноября]. Вторник. Заезжаю к Велио, который может в качестве представителя административного элемента быть назначен членом Государственного совета с большей пользой (или во всяком случае без вреда), чем многие другие. Он всегда был безукоризненно честен, добивался введения лучших порядков и преследовал злоупотребления во время управления почтовым ведомством; его упрекали лишь в некоторой грубости форм при сношениях с подчиненными, но так как у члена Государственного совета нет подчиненных, то этот недостаток и не представляет при назначении его неудобств. С места начальника Управления почт он был переведен на должность директора Департа-

мента полиции, потому что, когда Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел, то решился прогнать директора канцелярии Перфильева, который был другом оставшегося во главе почтового Управления Макова. Маков пожелал устроить судьбу приятеля и сообщника, а для того уговорил государя перевести Велио и отдать его место Перфильеву. После 1 марта 1881 г. при увольнении Лориса Велио был назначен сенатором и прожил семь лет в своей ямбургской деревне. Гр. Толстой твердил, что, покуда он жив, он не пропустит в Совет лицо, бывшее начальником полиции в день убийства императора; теперь после смерти гр. Толстого кандидатура Велио сделалась снова возможной. Чтобы заявить мысль о том у вел. князя, уговариваемся с Велио, что Рейтерн (дядя его жены) обратится по сему предмету с ходатайством к председателю Государственного совета.

Заезжаю к Н.С. Абазе. О кандидатуре его я уже говорил с Дурново, прося при случае упомянуть о нем государю. Государь при последнем докладе Дурново отозвался об Абазе: «Очень хороший человек, я буду иметь его в виду», а при представлении Абазы, тщательно справившись о его здоровье, сказал ему: «Надеюсь, что Вы еще мне послужите».

Абаза передает мне, что Дурново не доверяет мне даже в деле назначения его, Абазы, вообще расположен ко мне недружелюбно и не может простить мне, что я не приглашал его на свои вечера, когда приятели собирались у меня играть в вист!.. Какое ничтожество!

29 [ноября]. Среда. В $9^1/_2$ [часа] на Мытной набережной в квартире Железникова. Вынос тела в собор Св. Владимира, церемония отпевания по обыкновению весьма продолжительна. Приезжаю домой в час. Во время похорон имею разговор с Иваном Ивановичем Шамшиным о возможности назначения его членом Государственного совета. В первое мое свидание с Сольским, после назначения его председателем Департамента законов, я получил от него заявление о желании видеть Шамшина, которого он близко знает, членом Совета. Шамшина я считаю умным, честным, трудолюбивым человеком, но не могу заводить речи о его кандидатуре без обвинения меня в том, что я руковожусь соображениями товарищества, так как мы одновременно были ревизующими сенаторами. Поэтому советую ему обратиться к Сольскому с тем, чтобы Сольский сделал о том заявление вел. кн. Михаилу Николаевичу. Обед в Новом клубе.

30 [ноября]. Четверг. Решаюсь назначить на место Красовского управляющим моим отделением помощника ст.-секретаря Яковлева, честного труженика, но без административных способностей, так что он будет вести дело меморий, но вся распорядительная часть опять

ляжет на меня; обойти Яковлева я бы не мог без явной несправедливости.

В 1 час еду навестить хворающего в Царском Селе вел. кн. Владимира Александровича, который передает мне, что имел очень неприятное посещение гр. Воронцова, приехавшего сказать ему, что конференц-секретарь Академии Исеев обвиняется в денежных злоупотреблениях и что об этом производится следствие. Существование в делах Академии злоупотреблений, не исключая и денежных, не подлежит сомнению, и я много лет не перестаю твердить о том вел. князю, но на этот раз доказательства злоупотреблений показались мне весьма шаткими: Исеев обвиняется в том, что выдал художнику Клеверу удостоверение в том, что ему, Клеверу, причитается такая-то сумма за купленную у него Академией картину. Самый же факт существования долга был верен.

1 декабря. Пятница. Крестины у моего двоюродного брата Анатолия, где я, впрочем, являюсь лишь заместителем государя, согласившегося быть крестным отцом. Ненавижу я подобные церемонии, на коих мучат начинающего жизненную карьеру человека, как бы в доказательство того, что право сильного требует безусловно подчинения. Анатолий очень честный, твердый человек с примесью идеализма, подчас весьма комичного. После смерти его родителей я имел о нем попечение, помог ему окончить курс в университете, поступить на службу сначала в Сенат, а потом в кабинет к Ребиндеру, с которым я был очень дружен; теперь Анатолий сделался фаворитом всемогущего в Министерстве двора Петрова.

2 [декабря]. Суббота. Завтрак с Влангали. Визит Палена, который говорит, что приехал из деревни для испрошения нового отпуска. О себе говорит, что он, пробыв в прежнее время десять лет министром, теперь вследствие вводимых в Прибалтийском крае реформ сделался подданным второй категории. Отдавая визиты, заезжаю к гр. Толю, назначенному губернатором, в видах отдания почестей тени его тестя. Выборы в Новом клубе; поступают десять новых членов.

3 [декабря]. Воскресенье. Шамшин приезжает сказать, что Сольский опасается даже вел. князю заявить о кандидатуре Шамшина, отказывает под тем предлогом, что вел. князь по своей бездарности может в неверном виде передать государю слова его, Сольского. Сверх того, Сольский считает необходимым предварительно чрез Дурново узнать, какое впечатление оставила в уме государя ревизия Шамшина под влиянием наговоров гр. Игнатьева, бывшего в то время министром внутренних дел. Иными словами, Сольский опасается получить отказ, тогда как, будучи назначен председателем Департамента законов почти против своей воли, он легко мог бы создать себе независимое положение, а не начинать с первых шагов уступками и отступлениями.

Заседание Финансового комитета у Рейтерна, лишенное, впрочем, серьезного значения[96].

В 3 часа еду опять в Царское Село к вел. кн. Владимиру Александровичу и застаю его поправляющимся. Осыпаю его упреками за то, что имел легкомыслие отправить в Канн старшего сына с таким пошлым сопровождателем, как Ушаков; это просто преступление, и я написал ему пред тем резкое письмо, оставшееся без последствий. Обед у Оболенских. Писание мемориального извлечения.

4 [декабря]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, который несколько озабочен смертью Числовой, ех-танцовщицы, любовницы вел. кн. Николая Николаевича, осталось четверо детей. Женщина эта была такого несносного характера, что не впускала к себе в комнату вел. князя, на которого, вероятно, сердилась за безденежье и бессилие устроить надежным образом судьбу детей ее. Пред смертью старшая дочь (21 года) успела уговорить мать принять вел. князя. За завтраком вел. княгиня по обыкновению злословит и смеется над всеми, на этот раз всех больше достается ген. Петерсу, который долгое время был адъютантом вел. князя и воспитателем его детей. На вопрос мой: «Имеет ли он средства к жизни?» — вел. княгиня рассказывает, что по окончании воспитания каждого из сыновей Петерс отказывался от получения пожизненной пенсии, но соглашался принять капитал в 50 тыс.; следовательно (50 × 3), должен иметь обеспеченное по своему положению состояние. «Alors vous n'avez pas à vous en inquiéter»*, — говорю я. «Croyez-vous donc que je m'inquiète jamais pour personne?»** — отвечает вел. княгиня. В Государственном совете после краткого заседания Рейтерн идет в кабинет председателя хлопотать о назначении Велио членом Совета. В это время у меня в соседней комнате разговор с цесаревичем, приблизительно такого содержания. Говоря о заседании Общего собрания, о том, что серьезное рассмотрение дел происходит в департаментах, а что заседание Общего собрания сводится чисто к формальности, я выражаю сожаление, что мой собеседник не принимает участие в заседаниях Сената, как это делал вел. князь Владимир Александрович. Рассказываю, как произошло его назначение, как мне поручено было покойным государем готовить его к заседаниям;

* «Следовательно, вам не о чем беспокоиться».
** «Неужто вы думаете, что я когда-нибудь о ком-нибудь беспокоюсь?»

при этом отмечаю, что я при первом знакомстве с Владимиром Александровичем был поражен недостаточностью его образования.

Цесаревич: «Но с тех пор он так много читал».

Я: «Владимир Александрович человек замечательного ума, а впоследствии пополнил пробелы своего образования постоянным и обширным чтением».

Цесаревич: «Не правда ли, Вы несли в Сенате приблизительно такие же обязанности, как здесь?»

Я: «Да, я продолжительное время был обер-прокурором I департамента, и вообще я всю службу свою проходил в Сенате, оставаясь верен желанию принца Петра Георгиевича Ольденбургского, коему обязан был полученным мною воспитанием, что я ему повторял при всяком случае. Вам, может быть, неизвестна служба этого замечательного по нравственным качествам человека. По приезде из-за границы, где он воспитывался, принц был назначен офицером Преображенского полка. Однажды ему пришлось вести свою роту для публичного наказания шпицрутенами (т. е. палками) женщины. Вернувшись с подобной экзекуции, принц написал письмо тогдашнему министру внутренних дел гр. Блудову, доказывая ему, что ни у какого народа, самого жестокосердого, каким были, например, римляне, не существовало такого установления, чтобы солдаты били женщин.

Государь Николай Павлович, называвший своего племянника бар. Пултерникл, с некоторым презрением перевел его в члены консультации при министре юстиции, а затем назначил его сенатором в I департаменте, где принц, убедившись в неудовлетворительности и недобросовестности канцелярии, основал Училище правоведения с крупным пожертвованием собственного своего состояния.

Жизнь этого человека, — заключил я, — служит вящим доказательством, что не ум, а сердце и воля дают плодотворные результаты человеческой деятельности».

5 [декабря]. Вторник. Предполагая, что Исеев будет уволен из Академии, и опасаясь, что Владимир Александрович возьмет секретаря без разбора, я на всякий случай совещаюсь с Месмахером о том, кого бы назначить. Он находит, что на этот пост должен быть назначен во всяком случае не художник, а человек с общим образованием, имеющий общие понятия о делопроизводстве и некоторые способности к ведению административных дел.

В 3 часа у меня на дому заседание совета Исторического общества: Бычков, Грот, Сергеевич, Феоктистов. Главным образом обсуждается издание биографического словаря. Заезжаю к Левашеву, который чрезвычайно угнетен делом Обуховского завода, в которое он с братом положил более миллиона руб., коих никогда не получит обратно[97]. Вечером занимаюсь разбором бумаг Каразина, найденных в Государственной канцелярии. Бумаги эти были в обертке, запечатанной печатью кн. В.П. Кочубея, а несмотря на то, оказываются напечатанными уже Семевским в «Русской старине»[98]. Читаю в последнем номере этого журнала записки Никитенки. Какая верная и характерная оценка николаевского царствования![99]

6 [декабря]. Среда. Именины цесаревича. Величества приезжают в Петербург для присутствования на параде частей, празднующих в этот день свой полковой праздник. Государственный совет не приглашается к обедне и завтраку в Аничковом дворце; некоторые усердствующие лица расписываются в этот день в книге у именинника. Я держусь правила, что в этих случаях усердствовать не следует, и потому уезжаю в деревню.

7 [декабря]. Четверг. В Раптях осмотр производящихся работ и охота, впрочем неудачная вследствие бесснежья.

8 [декабря]. Пятница. В 2 часа на Лугской станции встреча жены, приезжающей из По, откуда ее выжил мороз.

9 [декабря]. Суббота. Приезжает совсем опошлившийся Марков, сделавший вместе с Волконским огромный вопрос из того, как представиться цесаревичу, потому что товарищи министров не были в Совете в тот день, когда ему представлялись члены Совета. Заседание соединенных Департаментов Государственного совета по представлениям Дурново относительно земских начальников[100]. Разногласие по вопросу о гласности заседаний губернского присутствия, рассматривающего в кассационном порядке жалобы на решения съезда. Присутствующий вместо военного министра кн. Имеретинский после заседания говорит мне: «Как я рад, что отказался от места киевского генерал-губернатора. Мне пришлось бы иметь дело с министром внутренних дел, а сегодня я убедился, какой Дурново осел».

10 [декабря]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Паленом. Его удивление о том, что ему доводится видеть и слышать в Петербурге. Покуда пишу свое мемориальное извлечение. Приходит Н.С. Абаза. Передает, что дурак Дурново продолжает подозревать меня в двуличии по вопросу о назначении Абазы членом Совета. Дурново пользуется полным доверием государя и каждый день получает более и более влияния. Любопытный рассказ о злобной нахальности гр. Толстого, который однажды просил государя приказать Петрову, ездящему в Гатчину с докладами по Министерству двора, ездить в другой, а не в тот день, когда ездил сам гр. Толстой.

11 декабря. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича обсуждаем кандидатуры членов Совета. Прежде всех рекомендую ему Н.С. Абазу, которого здоровье поправилось так, что он мог возвратиться к занятиям в I департамент Сената. Это человек несомненных нравственных качеств, весьма благородного характера и, хотя получивший образование по медицинскому факультету, тем не менее прошедший длинную и весьма почтенную административную карьеру. Потом речь идет о Велио, который также имеет за собою продолжительную административную службу, безукоризненную честность. Обвинение в том, что он был директором Департамента полиции 1 марта 1881 г., лишено основания, так как он стоял в стороне от полицейских мер, принимавшихся против заговорщиков самим Лорис-Меликовым при исключительном участии Скальковского (директора канцелярии) и Федорова (градоначальника). Говорим еще о Дмитриеве, которого в прошлом году государь называл сам по внушению Победоносцева, и об Имеретинском, которого хочет провести в Совет военный министр. Называю еще Шамшина, о коем намерен был просить Сольский. В заключение высказываю еще раз просьбу, если найдется малейшая к тому возможность, освободить меня от тяжелых и делающихся каждый день более для меня непосильными обязанностей государственного секретаря. Повторяю то, что не раз уже говорил, а именно, что никаких честолюбивых помыслов не имею и что вся моя амбиция заключается в том, чтобы спокойно провести остаток дней, занимаясь своими собственными делами, научными и художественными вопросами. Прибавляю, что я вовсе не требую немедленной отставки, чтобы не затруднить государя назначением секретаря, и во всяком случае могу только благодарить вел. князя за те отношения, кои он установил со мною. Вел. князь все это выслушивает и в доказательство того, что не сердится на меня, начинает рассказывать интимные подробности о своем брате Николае Николаевиче, как он, Михаил Николаевич, выпросил у государя разрешение для Николая Николаевича принимать у себя во дворце незаконных своих детей, что вследствие этого разрешения и по убедительной просьбе своей дочери Николай Николаевич переехал из квартиры Числовой на жительство в свой дворец, что Михаил Николаевич с Ольгой Федоровной посетили его там и во все время посещения Николай Николаевич силился получить их согласие на то, чтобы познакомить их с своими незаконными детьми, спрятанными в одной из соседних комнат, и т. п.

Приехав в Совет, застаю там цесаревича, который благодарит меня за присланную ему накануне брошюру о Секретном комитете 1826 г.[101]

Заседание Общего собрания представляет интерес. Слушается представление министра народного просвещения о том, чтобы удлинить

срок существующих ныне для учебных заведений каникул в видах облегчения слишком утомляемых ныне занятиями учеников. На это Делянову возражают Вышнеградский, Бунге, Редкин, что ежели не будет одновременно сокращено число учебных часов и объем преподаваемых предметов, то подобное распоряжение не облегчит, а отягчит судьбу учеников, которым придется проходить те же курсы наук в более краткое пространство времени. Делянов утверждает, что эти два вопроса ничего общего не имеют, а что для сокращения числа учебных часов учреждена комиссия, занятия коей продолжаются независимо от вопроса об удлинении каникул. В заключение, признав связь этих вопросов, собрание возвращает дело в департамент для нового рассмотрения по истребовании надлежащих сведений. За возражениями, делаемыми Делянову, слышится вражда к толстовскому классицизму и готовность при первой возможности его низвергнуть[102].

После заседания цесаревич осуждает систему классицизма, признавая излишним знание древних языков. Я возражаю ему, что изучение это весьма полезно, но не в тех размерах и не в тех способах преподавания, кои были установлены гр. Толстым. Гр. Толстой, закрыв все остальные пути к образованию, сделался отцом нигилизма и наших общественных бедствий.

Из Совета вел. кн. Михаил Николаевич приезжает сделать визит моей жене.

В $9^1/_2$ часа квартет у Анны. Сама она хорошо играет квартет Моцарта.

12 [декабря]. Вторник. Жена хворает инфлюэнцей, сижу дома.

13 [декабря]. Среда. Обед в Царском Селе у Скалона в честь вел. кн. Владимира Александровича, который рассказывает мне, как состоялось назначение Бобринского вице-президентом Академии. Он, вел. князь, получил от государя письмо с уведомлением, что он желает уволить Исеева и назначить Бобринского вице-президентом. Владимир Александрович, разумеется, поспешил выразить согласие, но при свидании с государем сетовал на то, что министр двора, коему вел. князь подчинен в качестве президента Академии, не счел нужным переговорить с ним, а прямо обратился к государю. После того Воронцов приехал в Царское Село извиняться пред Владимиром Александровичем, но Владимир Александрович сказал ему, что никогда этого не забудет и ему не простит. Я поспешил рассказать вел. князю, что назначение это застало Бобринского совершенно врасплох. В субботу вечером Воронцов прислал за ним, предложил ему от имени государя место вице-президента Академии художеств и дал ему одну ночь на размышление, предварив, что на другое утро в

воскресенье, отправляясь в Гатчину к обедни, должен иметь для государя ответ его, Бобринского.

14 [декабря]. Четверг. Читаю вновь вышедший VII том сочинений Самарина[103].

15 [декабря]. Пятница. Завтракают вел. кн. Владимир Александрович, граф Пален, Убри, Балашев, уезжающий в Канн к семейству на всю зиму. Вечером у меня заседания с Ауербахом и Стефаницем о порядке продажи меди.

16 [декабря]. Суббота. В соединенных Департаментах представление Дурново об образовательном цензе, как о лишнем, по его мнению, условии при выборе на должность земского начальника[104]. Во время заседания иду домой для свидания с Черевиным, которого хотел видеть, по поводу того, что вел. кн. Михаил Николаевич просил его de préparer le terrain pour la nomination de Velio (!)*. Черевин утверждает, что не имеет возможности говорить с государем, когда и о чем хочет, потому что разговаривает лишь за столом при детях, а если имеет сделать какое-либо сообщение, то догоняет государя, когда тот уходит в свой кабинет после завтрака или после обеда. О Велио уже пробовал говорить под тем предлогом, что завтракал с ним на прошлой неделе, но кроме восклицания «А!» это заявление ничего не вызвало.

Чтобы развязать язык Черевина, приказываю подать бутылку вина, и, действительно, это удается, потому что он рассказывает несколько характерных из гатчинского быта анекдотов, например, что когда была высочайше пожалована аренда Вышнеградскому, то Владимир Оболенский при многих других, в том числе и Черевине, упрекал государя в этом пожаловании, говоря, что Вышнеградский богат, как покойник Штиглиц, и нисколько в деньгах не нуждается, а что этими деньгами можно было бы осчастливить действительно нуждающегося человека. Государь на это с полным презрением ко всему высшему чиновному люду отвечал: «Да ведь они все получают аренды».

Вообще Черевин никакого сочувствия к своему владыке не выказывает, несмотря на свое исключительно приближенное положение. Между прочим, он выразился так, что за время своей службы при государе только один раз слышал слово благодарности, а именно после того, как в него, Черевина, стрелял нигилист. О кандидатуре Велио в Совет Черевин говорил весьма сочувственно. Обо мне лично выразился так, что никогда не слыхал от государя ни лестного, ни иного отзыва, но что меня государь считает трудно заменимым на должности

* Подготовить почву для назначения Велио.

государственного секретаря и потому будет стараться удержать меня здесь как можно дольше.

Весьма осуждает нерешительность и медлительность в некоторых случаях, как, например: генерал Данилович, окончив воспитание цесаревича, написал прошлой весной письмо государю, прося категорического увольнения от считающихся за ним обязанностей. Ответа на письмо это до сих пор не последовало, но цесаревич, разумеется, освобожден от всякого педагогического наблюдения, а Данилович, праздно скитаясь по гатчинским коридорам, от нечего делать занимается с вел. княжной Ксенией Александровной, которая не имеет никакой воспитательницы, а проводит время номинально с матерью, в действительности же с старшей горничной.

18 [декабря]. Понедельник. В Общем собрании рассматривается дело о введении в действие учреждения о земских начальниках и обсуждается происшедшее в Департаментах разногласие о том, допускать или не допускать гласность при рассмотрении дел в губернских присутствиях по кассационным жалобам на решения съездов. Говорят: Дервиз — сдержанно, практически, не заносясь ни в какие теории, не задевая ничьего самолюбия, словом во всех отношениях прекрасно; Стояновский — все на ту же ноту превосходства и непоколебимости судебных уставов, в составлении коих участвовал, говорит он, по обыкновению, весьма честно, но довольно неясно, сбивчиво, запутанно; Саломон — довольно тупо, бездарно; Манасеин — с меньшею, чем обыкновенно, желчностью и заносчивостью. Гр. Пален, отбросив всякие юридические соображения и заявив о сочувствии своем к новому учреждению, опасается за его будущность, если двери губернских присутствий будут закрыты для народа, привыкшего за последние 25 лет видеть своих судей при разбирательстве имущественных и личных интересов населения. Недоверие народа к тайному производству, которое, конечно, впадет во все безобразия, коих мы были свидетелями, вызовет неудовольствие, которое падет на верховную власть.

На все это отвечает Дурново, отвечает, конечно, весьма жалко. Милейший цесаревич с обычною ему внимательностью слушает все, что говорится, и увлеченный Паленом принимает его мнение, несмотря на то что сидящие по обеим сторонам старейшие его родственники, наученные опытом, беспрекословно соглашаются с министром, внесшим дело в Совет.

После заседания вел. князь, председатель, спрашивает: «А ты, Ники, какого мнения?»

Ответ: «Я за сохранение гласности». *Председатель:* «Вот как, молодец».

Прощальный в Новом клубе обед Балашеву, уезжающему на всю зиму к семейству в Канн. Обедают Абаза, Убри, Винспиер, Мордвинов, Сабуров, Влангали.

19 [декабря]. Вторник. Целый день за бумагой Государственного совета.

20 [декабря]. Среда. Визит гр. Софии Андреевне Бобринской, которая несколько оправляется от мучительных болей в лице. Визит кн. Е.А. Барятинской, у которой (на Миллионной) остановился приехавший из-за границы сын ее, несмотря на то что владеет обширным и богато устроенным домом на Сергиевской, где живет его непривлекательная ни в каком отношении жена. В восьмом часу отправляюсь к вел. кн. Михаилу Николаевичу, чтобы выслушать рассказ о поездке в Гатчину. Государь охотно согласился на прибавку Стояновскому — 2500 руб. жалованья. Когда вел. князь предложил в члены Совета бар. Велио и Николая Абазу, то о первом государь сказал, что он, сколько ему, государю, известно, грубого обращения, а о втором, что он достойный человек. В заключение государь прибавил: «Впрочем, я еще переговорю». Опасаясь, что переговоры будут происходить с министрами внутренних дел и юстиции, так как оба кандидата состоят сенаторами, вел. князь просит меня побывать у того и другого, чтобы заручиться их благоприятными отзывами. Немедленно еду к Дурново, который обещает завтра с доклада из Гатчины приехать прямо ко мне.

21 [декабря]. Четверг. Еду к Манасеину, который весьма сочувственно относится к назначению Абазы и сожалеет, что я не сообщил ему об этой комбинации раньше, так как он вчера докладывал государю о наградах сенаторам и, представляя Абазу к синей ленте[105], мог при этом замолвить слово о его качествах. Про Велио отзывается неодобрительно, говоря, что он ни на что не годен, добивался получения чина действительного тайного советника, но Манасеин отклонил эту претензию.

О себе Манасеин говорит, что решился просить увольнения от министерских обязанностей, но что сделает это не ранее весны, потому что теперь такое ходатайство было бы принято за выражение неудовольствия с его стороны по поводу закона о земских начальниках и того, как с ним, Манасеиным, в деле этом было поступлено. Вся его амбиция — попасть в Совет с сохранением получаемого ныне содержания. В $3^1/_2$ часа приезжает со станции железной дороги Дурново, утверждающий, что ему ни слова о кандидатах в члены Совета государем сказано не было.

22 [декабря]. Пятница. Несмотря на отвратительную погоду, делаю многочисленные визиты, между прочим умной и милой Е.А. Нарышкиной, которая показывает мне статуэтку из севрского фарфора, изображающую Марию-Антуанетту и подаренную последнею деду Нарышкиной Куракину, сопровождавшему в 1782 г. вел. кн. Павла Петровича во время путешествия его по Европе.

23 [декабря]. Суббота. По поезду $10^1/_2$ часа отправляюсь в Гатчину с докладом о награждении чиновников Государственной канцелярии. На станции встречаю кн. А. Барятинского. Несколько лет тому назад, командуя Конным полком, он явился на бал в день именин императрицы не в свитском, а в полковом мундире, вследствие чего должен был выйти в отставку; теперь, встретившись в Париже с принцем Валлийским[106], он выразил ему готовность явиться с повинною, что и сделал в этот день, явясь императору и императрице. Едущий в Гатчину с докладом Воронцов приглашает нас обоих взойти в его вагон. Дорогою разговариваем о назначении Бобринского вице-президентом Академии, о беспорядках, открытых в управлении Исеева, и т. п.

В приемной у государя мне долго ждать не приходится. Вслед за выходом из кабинета военного министра Ванновского вхожу и, сев по другую сторону письменного стола, начинаю докладывать. На мою беду я каждый раз что-нибудь напутаю в этих несносных представлениях. На этот раз я забыл сделать обязательную по закону собственноручную отметку в особо назначенной для сего графе, представляя ст.-секретаря Боголюбова к Владимирской звезде. Государь очень любезно разрешает мне воспользоваться его пером и чернилами и сделать эту отметку тут же на его столе. На все мое представление последовало беспрекословное согласие. Одним из представленных мною докладов я испрашивал ежегодно отпускающуюся, но лишь с высочайшего разрешения сумму 15 тыс. руб. на усиление Государственной канцелярии. При этом я сказал, что хотя испрашивается эта сумма ежегодно, но она включена уже в смету. На это государь мне заметил, что если так, то проще было бы включить эту сумму в штат, на что я возражал, что в таком случае пришлось бы переделать штат, а по службе моей в Совете мне известно, что всякая переделка штата оканчивается умножением числа должностей и увеличением отпускающихся на них сумм, между тем как представленною мною при этом справкою удостоверяется, что за семь лет службы моей в Совете сметы всех управлений по статье личного состава значительно увеличились, тогда как сокращены исключительно сметы Государственного совета на 69 тыс. и Государственной канцелярии на 11 тыс. руб.

Окончив свой деловой доклад, я присовокупил, что мною окончены разбором бумаги гр. Закревского, присланные из Италии Друцким-Соколинским, что бумаги эти не представляют первостепенного инте-

реса и что я представлю письменный доклад с предложениями о том, что с этими бумагами делать[107].

По поводу архивных бумаг государь вспомнил, что я писал ему о разрешении рассматривать секретные бумаги государственного архива для написания биографии Николая Павловича, и сказал, что дал на то разрешение Гирсу. Я отвечал, что Гирс передал мне это и что я весьма за то благодарен, но что в государственном архиве находится мало материалов для истории юности и молодости Николая Павловича и что располагаю поискать о сем материалов в собственной библиотеке государя[108].

И на это последовало согласие. Заговорив об архиве, я не мог не упомянуть о том, что выстроенное по моей инициативе здание для государственного архива стоит пустое, потому что никто из министров или, скорее, из их чиновников не хочет отдавать туда хранимых ими дел, опасаясь с делами лишиться поводов к улучшению личного своего благосостояния.

Окончив это, я замолчал, ожидая увольнения, но государь как будто искал сказать еще что-нибудь и заговорил о том, что дело о земских начальниках окончилось успешно и что по одному только вопросу произошло разногласие.

Опасаясь, чтобы в этом разногласии он не заподозрил чего-то похожего на оппозицию, во главу коей советские либералы ставят наследника престола, я немедленно сказал что-то в таком роде: «Да, государь, и разногласие, в котором цесаревич принадлежит к другому мнению, чем вел. князья Михаил Николаевич, Владимир Александрович и министр внутренних дел». Не принимая участия в прениях и следя лишь за происходящим около меня, я видел, что цесаревич впечатлился не речами говоривших в начале заседания юристов, а речью гр. Палена, сущность коей и передаю при этом, настаивая на том, что тут нет предвзятых либеральных мыслей, а только желание успеха учреждению земских начальников.

Государь: «Увижу, как это все будет написано».

Я: «Позвольте мне, государь, упомянув о цесаревиче, коим я не могу довольно налюбоваться, позвольте мне повторить Вам то, что я говорил ему самому. Присутствуя в Общем собрании Совета, он ничему не научится, здесь одно театральное представление, а дело делается в соединенных Департаментах, и вел. князю следовало бы ездить туда, что нынешнею зимою, когда у него нет более ни уроков, ни службы, было бы возможно».

Государь: «Да, у него нет ни уроков, ни службы».

Я: «А еще лучше было бы, если бы цесаревич ездил в I департамент Сената в те дни, когда там докладываются дела с участием министров

об ответственности администрации по протестам губернаторов на постановления земских собраний, городских дум и т. п. Впрочем, — прибавил я, не получая никакого ответа, — это уж дело не мое, а министра юстиции, говорю же я об этом, потому что еще на днях у меня был об этом разговор с Победоносцевым (который преподавал цесаревичу юридические науки)».

После нового молчаливого промежутка я сказал: «Да, в настоящее время в Государственном совете рассмотрены все бывшие у нас дела, но в январе месяце министр внутренних дел вносит проект изменения земских учреждений, и для рассмотрения его, да и вообще для более успешного хода дел необходимо было бы подкрепить Департаменты гражданский и законов. Слабость состава Гражданского департамента не так важна, потому что всякое серьезное дело этого департамента рассматривается в соединении с Департаментом законов, где присутствуют записные юристы, но самый Департамент законов вследствие болезненного состояния Старицкого ныне весьма уменьшен в составе. Может быть, Вы, государь, имеете кого-нибудь в виду?»

Государь: «Вел. князь называл мне двух лиц, Абазу и Велио. Ну какая может быть польза от назначения Велио? Это был бы только лишний балласт. Вот Абаза мог бы быть действительно полезным и служил бы представителем административного элемента, которого не хватает в Департаменте законов, но его здоровье, кажется, слабо».

Я: «Его здоровье весьма поправилось, но с этой точки зрения Абазе будет легче присутствовать в Совете, где собираются раза три в неделю, чем в Сенате, где заседания бывают ежедневные».

Государь: «Впрочем, зачем назначать непременно 1 января; это можно сделать и в течение года».

Я: «Но для члена Департамента законов желательно, чтобы он начал обсуждение земского законопроекта с самого начала вступления его в Совет, в январе месяце».

Тут государь встает, но пред моим уходом возобновляет вопрос о Велио, говоря: «Это, конечно, вел. князь просил меня вследствие ходатайства Рейтерна».

Я: «Конечно, впрочем, ведь эта кандидатура не новая; она повторялась несколько лет сряду, но гр. Толстой всегда повторял, что, покуда он жив, не будет членом Совета лицо, занимавшее пост директора Департамента полиции 1 марта 1881 г.»

Государь: «Я это слышу в первый раз!»

Я: «Я знал все это, но не видел необходимости Вам о том докладывать».

Иду после аудиенции завтракать с Барятинским, который очень доволен оказанным ему приемом, и дежурным флигель-адъютантом Шуваловым (Боби), который по обыкновению хвастает и привирает.

На обратном пути в вагоне В. Оболенский (гофмаршал) немилосердно нападает на наш клуб.

С железной дороги заезжаю к Дурново сообщить ему без всяких подробностей, что имею надежду видеть Абазу назначенным в Совет. Дурново выказывает чрезвычайную о сем радость.

24 [декабря]. Воскресенье. Бобринский рассказывает о неимоверных беспорядках в Академии художеств. Исеев объявил, что у него приходных книг не велось, а одни расходные и что это делается будто бы по распоряжению вел. князя. На вопрос Бобринского, где хранится вдовий капитал, Исеев отвечал, что такого никогда не существовало, а потом на другой день объявил, что вспомнил о существовании такого капитала, и указал на ящик, в котором капитал этот хранится. В ящике, действительно, оказался пакет с деньгами, и на пакете только что сделанная Исеевым надпись, что капитал этот составляет 11 500 руб. По вскрытии пакета в нем оказалось не 11, а 7 тыс., на что Исеев объявил, что, укладывая вчера вечером деньги, он принял пятисотрублевые пачки за тысячные. Таких невероятных рассказов Бобринский передал мне несколько.

Покуда Бобринский разбирает дела Академии, одновременно с ним Петров приводит в известность суммы, собранные на постройку храма в память 1 марта 1881 г. Там также оказываются растраты. Исеев отвечал об этих суммах, что не помнит, в каком кредитном учреждении они хранятся, и что чековая на эти суммы книжка куда-то затерялась. Впоследствии, разумеется, это показание неоднократно изменялось.

25 [декабря]. Понедельник. Первый день праздника. Спокойно сижу дома.

26 [декабря]. Вторник. В 10 час. отправляюсь осматривать открытую сегодня выставку ученических произведений в нашем Рисовальном училище. Замечательны произведения, присланные учениками, кои в настоящее время находятся за границей. Успехи в акварельном классе.

Из училища иду к дочери Анне и захожу к живущему в том же доме Черевину, который передает, что видел накануне в Гатчине вел. кн. Михаила Николаевича, который сказал ему, что Абаза имеет более шансов быть назначенным членом Совета, чем Велио; разговаривал с ним также вел. князь о назначении Имеретинского.

Черевин весьма хороший человек, но проводит жизнь в яхт-клубе, где после первой рюмки вина начинает рассказывать все, что ему

известно. Вел. кн. Михаил Николаевич ведет с ним подобные разговоры единственно из подобострастия, чтобы расположить к себе влиятельного гатчинского домочадца. Извольте с таким председателем дела делать!

Приезжает ко мне Гейден, просит дать помещение в Мариинском дворце и делопроизводителя для комиссии, имеющей разработать вопросы о слиянии Финляндии с Россией в таможенном, почтовом и денежном отношении. Сам он смотрит на это недоброжелательно, но, как всегда, оканчивает разговор стереотипною фразою: «Такова воля государя, что же, разумеется, она будет исполнена».

Еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу объясняться о слышанном от Черевина. Сначала уверяет, что никому ни слова не говорил, а потом, когда называю Черевина, то отвечает: «Да ведь он все знал, так я с ним обо всем и говорил».

Когда я передаю слова Черевина, что он редко имеет возможность говорить о делах с государем, то вел. князь в доказательство того, с какою смелостью Черевин говорит, рассказывает, что на последнем мечкинском ужине[109] 28 ноября Черевин, правда в пьяном виде, при всех приставал к государю за то, что он не любит Дмитрия Мирского, который выходит из ряду во всех отношениях и, напротив, покровительствует Николаю Мирскому, который просто глуп. Государь сначала отмалчивался, а потом стал оправдываться.

27 [декабря]. Среда. Представление (довольно плохое) учениками консерватории «Свадьбы Фигаро». Оттуда заезжаю к Всеволожским.

28 [декабря]. Четверг. В 11 час. приезжаю к вел. кн. Михаилу Николаевичу, который не может меня принять потому, что у него докладывает товарищ фельдцейхмейстера Софиано. Вел. князь передает мне для прочтения только что полученную от государя записку, сколько помнится, такого содержания: «Любезный дядя Миша! Я решился назначить членом Совета Абазу. Что касается Велио, то, по собранным мною сведениям, это был бы бесполезный и излишний для Совета член. Надеюсь, что тетя и Георгий окончательно поправились».

В Совете. После нескольких дел, оканчивающихся утвердительным молчанием, на вопрос председателя: «Угодно утвердить?» — докладывается, или, правильнее, слушается, представление Департамента экономии о бюджете на 1890 г.[110] Вышнеградский в форме речи излагает содержание всеподданнейшего доклада, при коем представляет бюджет государю. Вышнеградский говорит умно, дельно и имеет полное право похвастать тем, что за время его управления министерством финансовое положение России всецело изменилось. Конечно, много ему помогли два чрезвычайно урожайных года, но заслуга Вышнеград-

ского все-таки весьма велика в том, что он защищал Государственное казначейство от всякого рода притязаний. Никакой новой финансовой политики Вышнеградский не выдумал, продолжал действовать в том же смысле, как и Бунге, но с чуждою последнему энергиею он уничтожил сверхсметные расходы и умел вызвать государя на громкое провозглашение мирной политики. Вот в чем, по моему понятию, его заслуга, но заслуга эта очень велика.

После Вышнеградского говорил в хвалебном для него тоне Бунге, так сказать, чтобы засвидетельствовать, что не сердится на то, что Вышнеградский получил отнятый у него, Бунге, портфель.

Говорил еще Абаза на ту тему, что успехи нашего финансового положения не должны вскружить нам голову, что мы не должны увлекаться теориями тех, кои хотели бы вовлечь наше правительство в большие расходы под предлогом, что расходы имеют в виду развитие сил России в будущем. Тут досталось Обручеву, хотя, конечно, он не был назван. Особенное значение при нашей задолженности Абаза придает тому, что наш коммерческий баланс представляет за последние три года 900 млн. руб. в нашу пользу.

Тотчас после заседания вел. кн. Михаил Николаевич уезжает в Берлин на похороны императрицы Августы, получив на то приказание от государя в этот самый день. Доволен этим поручением, как ребенок.

29 [декабря]. Пятница. Еду в Царское Село завтракать к вел. кн. Владимиру Александровичу. Приехав, настаиваю на том, что приехал вследствие его отсутствия во вчерашнем бюджетном заседании; при этом умалчиваю о несносной Марии Павловне, которая здесь уже неделю, что я игнорирую.

Вел. князь отвечает, что совсем забыл о Государственном совете, хотя был в Петербурге, где имел продолжительный разговор с Петровым об обнаруживающихся злоупотреблениях Исеева. На этот раз вел. князь более не защищает его, а даже рассказывает такую мошенническую его попытку впутать вел. князя. Исеев, когда началось открытие его воровства, представил к подписи вел. князю бумагу, предписывавшую передать в контору вел. князя на хранение все имевшиеся на руках Исеева капиталы, как по Академии, так и по постройке храма. Таким образом, он надеялся свалить с себя всякую ответственность за эти капиталы. Я уговариваю вел. князя всячески выказать, что он нисколько не защищает Исеева, и для того назначить формальное чрез прокурорскую власть следствие. «Если Вы этого не сделаете, — говорю я вел. кн., — то на Вашей репутации навсегда будет лежать темное пятно, как на репутации Ваших дядей Константина или Николая. Говорю это я Вам потому, что считаю Вас безукоризненно честным человеком, а если бы я не был в том убежден, то Вы бы меня здесь и не видели».

В заключение разговора вел. князь восхищается рекомендованной мной ему книгой: «Parallèle des trois premiers rois Bourbon» par le duc de S.-Simon[111].

Рекомендовал эту книгу я давно, но настоял на ее прочтении теперь для того, чтобы под предлогом прочтения этой книги вел. кн. Владимиром Александровичем рекомендовать это чтение цесаревичу, не рискуя тем, что меня обвинят в неподлежащем вмешательстве в дело его развития, приписывая это, разумеется, каким-нибудь личным целям, когда у меня одна цель — постараться поднять умственный уровень сил, правящих нашим отечеством, в котором постоянно начинает чувствоваться несоразмерность в этом отношении между правящими и управляемыми силами.

Завтракаю с вел. князем, вел. княгинею, детьми; возвращаюсь по поезду в 1 час и не попадаю на годичное собрание Академии наук.

[30 декабря]. Суббота. Вышнеградский надоедает записочками о скорейшем представлении государю бюджета, который уже представлен вчера. Одновременно с бюджетом представляю разные дополнительные о земских начальниках законоположения, в том числе и разногласие о гласности в губернских присутствиях.

31 [декабря]. Воскресенье. Ауербах приносит известие о вновь открытых в Богословске залежах меди. Вечером получаю от Ренненкампфа список наград членам Совета. Награды даны щедро, чувствуется отсутствие Толстого. В одиннадцатом часу заходит ликующий Николай Саввич Абаза.

1890 год

1 [*января*]. Понедельник. Обычный выход в Зимнем дворце. Наград очень много, несмотря на постоянные повторения, что ими злоупотребляют. Чтобы произвести в действительные тайные советники Дурново, производят Манасеина и Вышнеградского. Ванновский получает Владимирскую ленту, несмотря на то что в течение предстоящего года будет праздноваться 50-летний юбилей его службы. Князь М. Волконский, товарищ министра народного просвещения, назначается обер-гофмейстером. Кличка его «грязный Волконский», потому что он не совсем чисто нажил деньги по Грязе-Царицынской железной дороге, где обманул земство, от которого имел поручение добыть концессию. Если ввиду особой талантливости дают занятия людям, закрывая глаза относительно их честности, то едва ли представляется основание делать это при назначении на придворные должности.

Назначение членом Совета Николая Абазы принято весьма сочувственно. Во время обедни сажусь в карету и объезжаю великокняжеские передние, а именно: вел. кн. Владимира Александровича, вел. кн. Михаила Николаевича, вел. кн. Константина Константиновича, Ольденбургских, вел. кн. Сергея Александровича, вел. кн. Екатерину Михайловну, цесаревича и Георгия Александровича, Алексея Александровича, Павла Александровича, Николая Николаевича. Уф!.. Возвращаюсь в Зимний дворец задолго до окончания обедни и приема дипломатического корпуса.

2 [*января*]. Вторник. От вел. кн. Владимира Александровича приезжает Бобринский, который очень доволен разговором с ним, но не решился говорить о необходимости возбудить против Исеева судебное преследование. Репетиция нового балета «Спящая красавица». Государь со всем семейством сидит в креслах, ложи розданы лицам более или менее известным. Я сижу с Убри, Влангали, Винспиером. Балет превосходит по богатству и изяществу постановки все мною доселе виданное. Встречаю здесь Воронцова, который настаивает на необходимости

предать Исеева суду, но заявляет, что инициатива о том должна исходить не от него, а от вел. кн. Владимира Александровича и что государь рад будет получить выражение желания о том вел. князя.

3 [*января*]. Среда. Прогуливаясь утром, захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу. Убеждаю его возбудить судебное преследование против Исеева, разъясняя, что в настоящее время еще не может идти речи о суде, а только о назначении следствия, по рассмотрении коего можно будет дать делу административный или судебный исход. Вел. князь обещает в этот же день переговорить с государем и затем дать надлежащее приказание Воронцову. От Владимира Александровича захожу к приехавшему накануне из Берлина вел. кн. Михаилу Николаевичу, который очень доволен своею поездкою. По обыкновению ничего характерного сообщить не может. Когда я ухожу, то говорит мне: «Je vous remercie pour votre visite»*. На что я отвечаю: «Il ne peut pas être question de visite; je suis venu prendre les ordres de votre altesse impériale»**.

4 [*января*]. Четверг. Ауербах привозит сибирского пароходовладельца Игнатова, который установил не существовавшее там доселе правильное пароходство. Любопытные рассказы об исполинских шагах, коими идет вперед промышленное и всякое иное в Сибири развитие. Четыре года тому назад кабинет его величества получал в известной местности 800 руб., где теперь вследствие применения переселения те же земли дают 200 тыс. руб. Хлеб чрезвычайно дешев, но не может попасть в европейскую Россию по недостатку дешевых путей сообщения. Разговариваем о железной дороге с Сосьвы чрез Богословск на Каму. Игнатов почитает эту дорогу чрезвычайно выгодной. К завтраку приходит И.И. Шамшин. Объясняю ему, что по вопросу о назначении его членом Совета вследствие трусливости Сольского ничего сделать было нельзя.

Еще раз осматриваю выставку в центральном училище***. Пред обедом заезжает Имеретинский, равным образом несколько сконфуженный, что не попал в Совет. Объясняю ему, что со стороны председателя не было противодействия, не могло быть и содействия. О действиях военного министра мне ничего не известно.

5 [*января*]. Пятница. Приезжает ген. Шильдер-Шульднер, директор Инженерного училища. Говорим об истории царствования императора Александра I, которой он занимается[1]. Симпатическая личность

---

*«Благодарю вас за визит».

**«Не может быть речи о визите; я прибыл, чтобы получить приказания вашего императорского высочества».

****Имеется в виду Рисовальное училище.*

этот Шильдер. У Вышнеградского: объясняю положение новой ниточной фабрики ввиду шотландского синдиката тамошних фабрикантов. Обещает набавить таможенную пошлину.

6 [января]. Суббота. Выход в Зимнем дворце. Ванновский сообщает, что говорил государю о назначении Имеретинского членом Совета. Государь отвечал: «Да ведь Вы довольны его службой в настоящей должности» (главного прокурора). *Ванновский:* «Да». *Государь:* «Ну, так зачем назначать его в Совет, где он ничего не будет делать?» *Ванновский:* «Он и там будет полезно работать».

Государь: «Пускай бы прежде принял должность генерал-губернатора и там себя показал». *Ванновский:* «Вам известно, что он не мог принять этой должности по семейным обстоятельствам» (его жена в высшей степени причудлива).

Посылаю государю доклад о результате рассмотрения мною бумаг гр. Закревского. Особенно интересного мало. Личность второстепенная. Выдающиеся могущественные современники: Волконский, Киселев, Меншиков и пр. смотрели на него свысока в нравственном смысле.

7 [января]. Воскресенье. Охота с Питом в Колтушах. Ужасное происшествие в Гатчине. Охотничьи собаки растерзали ребенка, семи- или восьмилетнего мальчика, сына управляющего охотою Дица.

8 [января]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. По обыкновению никакого серьезного о делах разговора. Прошу дать мне записку, представленную Дурново, о восстании нигилистов в Сибири и о том, как была высечена женщина, которая отравилась, а по ее примеру и другие, опасавшиеся подвергнуться той же участи[2].

Дурново на мое замечание, что эти факты, появясь в заграничной печати, могут подать повод к парламентским запросам, отвечает, что это невозможно, потому что закон разрешает сечь ссыльнокаторжных женщин. Я ему возражаю, что оправдание хуже тяжести первоначального обвинения, что, разумеется, войны из-за таких парламентских интерпелляций никто не объявит, но что это придаст нравственный авторитет нигилистам в собственных их глазах.

У вел. кн. Ольги Федоровны. Покуда вел. князь пошел одеваться, я рассказываю вел. княгине подробности назначения Абазы. Вел. князь входит в ту минуту, как я окончил рассказ и наступило молчание, хотя и кратковременное. Он останавливается посреди комнаты и очень серьезно говорит: «Как только вы оба вместе, так уж непременно смеетесь надо мной».

У вел. кн. Владимира Александровича. Мария Павловна не выходит к завтраку.

В Совете. Разногласие в сущности пустое о том, облагать ли земскими сборами земли, отданные в Саратовской губернии офицерам Астраханского казачьего войска. Пред упорством военного министра Государственный совет чувствует свое бессилие и решает передать дело в Военное министерство для нового обсуждения.

После заседания вел. кн. Владимир Александрович заезжает к нам и сидит часа полтора, дружески болтая о всяких пустяках. Уходя, сообщает, что переговорил с государем о намерении возбудить против Исеева судебное преследование и, по воспоследовании государева согласия, передал о том министру двора.

9 [января]. Вторник. Одесский профессор Трачевский пристает, чтобы ему доставить пенсию и работу в Историческом обществе. Мой двоюродный брат Татищев, приехавший из Парижа, когда-то влиятельный советник посольства в Вене, а теперь бедствующий корреспондент «Русского вестника».

В 4 часа делаю визит вел. кн. Марии Павловне, которая жалуется на здоровье, но по обыкновению не может устоять пред прелестью выездов.

Встречаю здесь герцогиню Эдинбургскую, гр. Перовскую, Бока.

10 [января]. Среда. После продолжительных с моей стороны у Оома домогательств наконец получаю обратно от императрицы два тома переписки императора Николая Павловича с цесаревичем Константином Павловичем[3]. Очевидно, императрица их не читала, хотя бы потому, что она никогда ничего не читает.

11 [января]. Четверг. Получив от вел. кн. Михаила Николаевича доклад об отпуске, испрашиваемом стариком кн. Долгоруким, с такой резолюцией: «Высочайше разрешено, но без содержания», еду к вел. князю узнать о подробностях доклада.

Вел. князь рассказывает, что, придя к государю, сел в кабинете и стал говорить о вел. кн. Николае Николаевиче, о его здоровье, о его незаконных детях, о необходимости для вел. князя поехать за границу и т. д. Во время разговора вошли императрица, вел. кн. Алексей Александрович и герцогиня Эдинбургская[4]. Тогда все вместе отправились в столовую завтракать, и на пути вел. князь доложил государю как о назначении Абазы в Департамент законов, так о бессрочном отпуске, испрашиваемом Долгоруким. По последнему вопросу государь согласился, но отказал в содержании, утверждая, что и у Долгорукого и у жены его значительное имение.

Зная, что объявление такого повеления будет принято всем семейством Долгоруких как выражение неодобрения государя, уже не раз выказывавшегося по отношению к этому старику, которого государь

подозревает во взяточничестве по его прежней должности ст.-секретаря у принятия прошений, я, желая избегнуть по этому поводу шума, прошу вел. князя не объявлять этого повеления, а дозволить мне прежде переговорить с Долгоруким, к которому никакой симпатии не чувствую, но считаю неуместным, с одной стороны, делать скандал в Совете, а с другой, умножать число недовольных и притом в многочисленном семействе, почти поголовно состоящем и на службе, и на списке приглашаемых ко двору.

12 [января]. Пятница. Обед у вел. кн. Владимира Александровича с герцогом[5] и герцогиней Эдинбургскими. После обеда Владимир Александрович с сестрою уезжают в Александрийский театр на бенефис Савиной, а я остаюсь обреченным на вист с Эдинбургским, который играет несносно, пьет сначала пиво, а потом коньяк, раскладывает пасьянс, и все это после того, как утомленная хозяйка уходит спать.

13 [января]. Суббота. Приходит член Совета маленький Мансуров, которого звали в молодости стеклышко с мальчиком, в противоположность старшему брату, именовавшемуся мальчик со стеклышком. Мансуров в несчастии — 15 января истекает срок получаемой им двухтысячной аренды. По моему докладу вел. князь писал Островскому о том, чтобы Мансурову прибавить третью тысячу. По дошедшим до Мансурова сведениям, дело не выгорело и по всеподданнейшему докладу Островского Мансуров оставлен на двух тысячах. Спрашивает меня, что делать? Я отвечаю: «Получать две тысячи». Но он спрашивает меня, нельзя ли ему пойти просить защиты у Дурново. Отвечаю утвердительно, удваивая свое к нему презрение. Вечером получаю от Мансурова записку о том, что Дурново принял его очень любезно, немедленно отправился к Островскому и настоял, чтобы дело было передоложено, причем доведено до сведения государя, что о том просит он, Дурново.

Приходит Велио, чтобы выказать, что не сердится за то, что не попал в Совет, при этом с удивительной наивностью сохраняет надежду на назначение впоследствии, так как в избрании Николая Абазы видит уничтожение влияния покойного Толстого, а из дошедшего до него сообщения знает, что государь отзывается о нем, Велио, как о человеке замечательного ума!..

Объяснение с Стояновским по делу гр. Плятера.

Баллотировка в Новом клубе. Забаллотировывают Галкина-Врасского, который с свойственным ему медным лбом лезет, несмотря на предостережения, ему сделанные. Un cuistre collant*.

* Навязчивый хам.

14 [января]. Воскресенье. Большой, так называемый двухтысячный, бал в Зимнем дворце. Все по заведенному шаблонному порядку, играю в вист с гр. Воронцовой-Дашковой, Скалоном и Дурново, который приходит в отчаяние от проигрыша в 220 руб. Ужинаю между кн. Волконской и гр. Левашевой за столом, стоящим против царского. Любопытно послушать в этой обстановке критику этих двух дам относительно всего творящегося в правительственных и придворных сферах.

15 [января]. Понедельник. С Михаилом Николаевичем едем завтракать к вел. кн. Владимиру Александровичу. Сижу за столом возле Марии Павловны, которая по поводу моих комплиментов относительно поистине милейших детей ее горько критикует воспитание детей государя, в особенности дочери Ксении, которая не имеет никакой воспитательницы. Императрица говорит, что сама воспитывает дочь свою, но между тем ребенок проводит время в одиночестве, сидит в пустых комнатах без занятий, что, конечно, не может принести пользы ее нравственному развитию.

По приезде в Совет подхожу к Долгорукому и, предварив его, что государь отказал в сохранении содержания двум членам, желавшим получить бессрочный отпуск, спрашиваю его, настаивает ли он на заявленном требовании. Он благодарит меня за предварение и просит оставить его ходатайство без движения.

Вечером квартет у Анны. Она сама отлично играет трио Шуберта.

16 [января]. Вторник. С большим удовольствием читаю новую книгу Бильбасова «История Екатерины II»[6]. Цензура не хотела выпустить в свет эту книгу потому, что в ней есть постоянные ссылки на мемуары Екатерины, потому, что в ней упоминается о рождении Бобринского и, наконец, потому, что рассматривается вопрос, действительно ли Петр III был отцом Павла, или Салтыков. Причем Бильбасов отвергает последнее предположение.

Государь признал возможным допустить продажу книги этой, отбросив первые два обвинения и значительно сократив изложение того места, которое подало повод к третьему.

В $5^1/_2$ часа утра уезжаю в Рапти с Фредериксом, Голицыным, Абазою (адъютантом вел. кн. Алексея Александровича) и Андреем Гагариным.

17 [января]. Среда. Утром в 8 час. выезд из Раптей, неудавшаяся охота в Княжей горе.

18 [января]. Четверг. В 8 час. возвращение в Петербург.

26 февраля. Понедельник. Рождение государя. В этот день бывает молебствие в Исаакиевском соборе, на которое приглашается весь слу-

жащий военный и гражданский люд, в Аничковом же дворце происходит малый выход, на который приглашаются члены Государственного совета, генерал-адъютанты, командиры частей гвардейского корпуса, адъютанты государя, состоявшие при нем, когда он был наследником, и еще некоторые более других искательные лица, во главе коих при всяком случае стоит шталмейстер Новосильцов. Находящиеся в настоящее время послы Лобанов и Сталь были приглашены, но не иначе как вследствие особого высочайшего повеления по докладу Гирса.

После одиннадцати часов залы Аничкова дворца наполнились толпою в парадных мундирах. В это время государь со всем семейством чрез внутренние комнаты прошел в церковь, которая весьма невелика, поэтому поздравители преспокойно остались в гостиной и продолжали разговаривать с доходившею иногда до неприличия шумливостью.

После обедни император и императрица остановились в главной гостиной, что выходит окнами в сад, для принятия поздравлений, при этом каждый из присутствовавших подходил к государю, пожимал его руку, потом целовал руку императрицы и, отвесив поклон, проходил в те комнаты, где были накрыты столы для завтрака.

Во время завтрака играл весьма оглушительный придворный оркестр, императорское семейство сидело все за одним столом. Дамы в довольно большом числе также сидели почти все вместе на азиатский манер. Мне пришлось сидеть с членами Совета и генерал-адъютантами. Сидевший рядом со мною Павел Шувалов, разочаровавшийся в возможности попасть на Кавказ и недавно еще говоривший мне, что решительно покинет берлинский пост, на этот раз сообщил, что совершенно помирился с мыслью возвратиться в Берлин.

После завтрака в соседней с танцевальною зале императрица и император разговаривали с раздвинувшеюся по стенам толпою. Я очень скромно стоял в углу, разговаривал с Николаем Абазою, когда к нему подошла кухарка, жена обер-камергера Нарышкина, рожденная Чичерина, и намеренно старалась выказать мне грубость за то, что мы отказали пригласить к себе на вечер проживающую у нее, Нарышкиной, дочь бывшего французского посла Appert, о чем Нарышкиною было заявлено довольно грубое требование. «Quel personnage mal élevé que cette femme persona grata»*, — сказал я ей в лицо и повторил еще раз весьма громко, к крайнему удовольствию толпы слушателей.

27 [*февраля*]. Вторник. Застаю вел. кн. Михаила Николаевича и вел. кн. Ольгу Федоровну в большом расстройстве. Из совокупности их сообщений и других, полученных мною из верных источников сведений оказывается, что произошло следующее: вел. кн. Михаил Михайлович, уже два года влюбленный в дочь гр. Игнатьева, отправился к государю, бросился на колени и стал умолять его разрешить ему этот брак. Разжалобленный своим двоюродным братом, государь сказал, что постарается это устроить. Разумеется, Михаил Михайлович просил об этом разрешении под условием выезда за границу и даже полного отречения от всех своих великокняжеских прав и преимуществ.

* «Как дурно воспитана эта высокопоставленная особа».

После такого, хотя и несколько уклончивого, но, без сомнения, весьма знаменательного в устах самодержца ответа, влюбленный князь прождал несколько дней и, не видя ни малейшего осуществления данного ему обещания, послал своего брата Александра (persona grata* в Аничкове) напомнить государю о данном обещании. Ответ был такой же. Чрез несколько новых дней цесаревич со слов государя повторил то же самое. Так прошло дней десять, после коих 26 февраля, пред разъездом из Аничкова дворца после выхода, государь пригласил к себе вел. кн. Михаила Николаевича и объявил ему, что по здравом размышлении он полагает всего лучше отправить Михаила Михайловича служить в отдаленный угол империи!..

Такое неожиданное решение Михаил Михайлович передал вел. князьям Владимиру и Алексею, кои вознегодовали на поведение старшего брата, причем последний решился высказать ему всю правду.

Семейство полагает, что такое изменение произошло под влиянием императрицы, которая опасается морганатических браков для своих сыновей. Что за чудовищное во всех отношениях ничтожество изображает из себя эта датчанка!

Завтрак рядом с Ольгою Федоровною, которая еле может удерживать слезы.

Заседание Совета. Комичный инцидент с ржевским мещанином Тертием Филипповым, который, будучи спрошен о ничтожной подробности его собственного представления о преобразовании контрольных учреждений, стал в тупик и не может ничего ответить.

В $7^1/_2$ часа обед у Лобанова в нашем доме № 47 на Морской (будущем жилище моего сына после женитьбы). Обед в честь вел. кн. Марии Павловны и вел. кн. Владимира Александровича. Еще присутствуют Скарятина (племянница Лобанова), кн. Барятинская, всегда глупая, чванная, памятующая величие своего отца кн. Чернышева, дочь ее гр. Шувалова, весьма милая и весьма супружески несчастная, Долгорукие, А. С. и его жена, рожденная Шувалова, неумолкающий Дондуков, пьяный Черевин, умный Ники Долгорукий, довольный тем, что

* Высокопоставленная особа (*лат.*).

отделался от Персии, торжественно ничтожный Убри, пышный Абаза, тонкий по-неаполитански Винспиер, заботящийся о том, чтобы присутствовать возле Влангали.

После обеда три роббера виста с вел. кн. Владимиром Александровичем.

1 марта. Четверг. Будучи очень занят делами все утро, не еду на панихиду в Петропавловский собор, где, впрочем, как слышно, на этот раз собирается много народу.

Обед в отдельном помещении Нового клуба с Дондуковым и Велио. Дондуков по обыкновению врет напропалую и хвастается тем, что презирал все похожее на законность, будучи главноуправляющим на Кавказе, как, например, что, по его приказанию, дорогою застреливали преступников, присужденных судебными местами к ссылке, из опасения, чтобы они не возвращались на родину из места ссылки.

2 марта. Пятница. Восшествие на престол, четырехчасовое торжественное служение в Исаакиевском соборе, приезжаю туда к молебну. Присутствуют все вел. князья, исключая Алексея, который в этот день участвует в совещании у государя относительно Севастопольского порта.

В 3 часа у меня на квартире заседание совета Исторического общества. Бычков, весьма состарившийся и уже мало к чему годный, Грот, всегда милый, благородный, искренно любящий свое дело, Феоктистов, хныкающий о нелепом положении, которое создается негодяю Мещерскому, Веселаго, почтенный старик, трудящийся над историей флота, Дубровин, всегда полный огня и трудолюбия, Штендман, сияющий полученною звездою, но довольно плохой по неуменью излагать мысли секретарь.

Всем их хочется медку лизнуть — посидеть в библиотеке Аничкова дворца, а мне, признаюсь, это надоело, хотя это единственная в моей власти приманка для участвующих в издании сборника ученых.

Раут у Швейница. Толпливо, неэлегантно, плоховато и скучно. Не понимаешь, для чего это делается, если не для того, чтобы посол мог сказать своему правительству, что несет жертвы на представительство.

3 марта. Суббота. В 1 час заседание соединенных Департаментов по законопроекту министра внутренних дел о земских учреждениях. Большинство членов говорят против господствующей в проекте мысли уничтожить теперешнее значение земских учреждений, их самостоятельность, выборное в них начало. В особенности нападают на предположение отдать всецело в руки администрации земское обложение. Абаза настаивает на том, что население доселе облагалось или высочайшею властью, или путем самообложения[7]. Дурново чувствует себя

сбитым с позиции, которую вследствие высочайшего покровительства почитал неприступною.

Пишу государю подробное о заседании донесение и в 8 час. уезжаю на охоту.

4 марта. Воскресенье. На расстоянии сорока верст от Борович убиваю двух медведей.

5 [*марта*]. Понедельник. Переночевав в крестьянской избе, беру еще четыре круга и убиваю еще четырех медведей. В первом часу ночи достигаю Борович, перехожу через Мсту пешком по пояс в воде.

6 [*марта*]. Вторник. В $10^1/_2$ часа возвращаюсь в Петербург. В 2 часа заседание у Рейтерна Финансового комитета. Нельзя не отдать справедливости энергической находчивости Вышнеградского. Конверсия займа 1862 г. и новый железнодорожный заем[8].

По приезде в клуб узнаю от Лобанова о том, что отставка Бисмарка принята.

Крупное для нас событие. Получаю письмо от Ауербаха из Ирбита о том, что собравшееся там сибирское купечество решило просить министров финансов и путей сообщения о постройке железной дороги из Филькина в Чердынь, так чтобы дать сибирскому обильному и дешевому хлебу выход к Архангельскому порту.

7 [*марта*]. Среда. Пишу государю письмо, спрашивая, желает ли он назначить у себя собрание нашего Общества, но нисколько на том не настаиваю, а, напротив, даю понять, что без этого весьма легко обойтись. Государь отвечает, что с большим удовольствием соберет у себя Общество в субботу.

8 [*марта*]. Четверг. Получаю утром от государя записку о том, чтобы собрание сделать не в субботу, а в понедельник.

Обед с Скарятиною, Лобановым, Всеволожским, Вердером, последний говорит, что до отъезда его из Берлина все дело об отставке Бисмарка и замещении его ген. Каприви было слажено. Вердер, между прочим, говорит, что отставка Бисмарка-сына утешает его, Вердера, относительно отставки Бисмарка-отца.

9 [*марта*]. Пятница. Обед у вел. кн. Владимира Александровича: кн. Бетси Барятинская, супруги Сталь, кн. Голицына — гофмейстерина Елизаветы Федоровны, Скарятины, Оболенские, Б.Ф. Голицын, окончательно разваливающийся. Обед слишком вычурный. Претензии бесконечные.

10 [*марта*]. Суббота. Второе заседание по вопросу о земских учреждениях. Пред этим прощальный обед Лобанову, который уезжает в Вену чрез Берлин. Накануне он был весьма милостиво принят их величествами в Аничковом дворце и приглашен к завтраку. Разговор дружествен-

ный и довольно бессодержательный. Отставка Бисмарка в первую минуту очень встревожила государя, но впоследствии получены были самые миролюбивые уверения от императора Вильгельма[9]. В заседании Государственного совета были поставлены два вопроса: 1) о праве губернатора протестовать против постановлений земских собраний; 2) о составе вновь учреждаемых губернских по земским делам присутствий. По первому вопросу Дурново настаивал на том, чтобы губернатор имел безусловное право рассматривать по существу всякое постановление земства и даже предписывать к исполнению противоположные сему распоряжения. После долгих прений и нападений со стороны Н. Абазы, Фриша, Дервиза, Б. Мансурова, Вышнеградского постановлено, что губернатор может останавливать постановления земства: а) когда в нем есть нарушение закона; б) когда затронут государственный интерес; в) когда нанесен явный ущерб населению. Конечно, это весьма слабая узда, налагаемая на фантазирование чиновников, но все-таки подобное изменение представляет улучшение проекта.

По второму вопросу о составе губернских присутствий министр финансов доказывал необходимость участия в делах управляющего казенною палатою, коему близко известны платежные силы населения. Другие члены настаивали на пользе привлечения кого-либо из представителей местного земства и решили приглашать председателя управы или одного из губернских гласных по выбору председателя присутствия[10].

11 [марта]. Воскресенье. Продолжительное объяснение с Беком относительно ниточной фабрики и составившегося в Шотландии для ее разорения синдиката.

Обычное и тяжелое писание мемориального извлечения.

12 [марта]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Настаиваю на том, что государь не говорит ему ни слова о производящихся в Совете делах. Предлагаю собрать после заседания совещание о том, связывать или не связывать земский законопроект с уставом министра финансов о земском обложении. Ему все равно; на все согласен, во всем безгласен.

У вел. княгини возобновляется разговор о влюбленности сына Михаила Михайловича в гр. Игнатьеву. Я говорю, что дело не может не кончиться женитьбою и что она, т. е. вел. княгиня, напрасно противодействует. Она отвечает мне: «Что Вы говорите о любви и т. п.? Это все больше ничего, как упрямство со стороны этого глупца. Какая тут любовь! Он не позже, как вчера, у меня рассказывал своим братьям, как устроит свою жизнь на Кавказе и как будет там важничать, потому что, находясь там единственным представителем своего семейства, будет разыгрывать роль «высочайшего». Как же, тут любовь!»

Против таких аргументов я должен был замолчать.

Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. Разговор о токах глухарей и тетеревов.

В Совете по поводу утверждения земских смет в губерниях, где не существует земства, Абаза выставляет несоразмерное возрастание этих смет и останавливает внимание Совета на этом факте ввиду рассматриваемого ныне земского законопроекта, в коем предлагается отдать в руки администрации дело земского обложения.

После заседания у вел. князя совещание. Разумеется, постановляют рассматривать земский законопроект, не ожидая окончательной разработки устава о земском обложении.

В 9 час. вечера заседание Исторического общества в Аничковом дворце под председательством государя. Собираются в библиотеке: государь, наследник, Владимир Александрович, Гирс, Влангали, Бычков, Грот, Победоносцев, Феоктистов, Бартенев, гр. Шереметев, Веселаго, Дубровин, Куломзин, Сергеевич, Штендман.

Я сижу по левую руку государя между ним и цесаревичем. Подробности заседания описаны в газетах[11]. Государь очень весел и интересуется как сообщаемыми мною сведениями, так и чтениями Веселаго, Грота, Дубровина.

Все идет чинно и оживленно, исключая всегдашних грубых выходок Бартенева, редактора «Русского архива», который, желая понравиться, всегда отпустит какую-нибудь наглость по адресу поляков или немцев.

17 [марта]. Суббота. Заседание по делу о земских учреждениях. Совет установляет право обжалования распоряжений министра внутренних дел Сенату.

Изнемогаю от своего пространного писания государю, коему посылаю подробные донесения о ходе каждого заседания.

18 [марта]. Воскресенье. Пресерьезные и пренеприятные у меня хлопоты со вновь построенною при Невской бумагопрядильне ниточною фабрикою. Товар выделывается отличный, все расчеты оказываются составленными правильно, а между тем дело не идет потому, что главные шотландские производители и во главе их некто Коте составили синдикат, сложились капиталами и продают свой товар себе в убыток, но рассчитывая нас разорить. Одобряю изготовленную директором фабрики Беком записку о повышении пошлины[12].

Обед у Оболенских в честь невесты.

19 [марта]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича разговор о петухах и глухариных токах. Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича, который, говоря о Новом клубе, удивляется тому, что

Новосильцов, Голицын, Оболенский стараются пред императрицею выставить клуб в дурном свете. «Как будто, — прибавляет наивный вел. князь, — это может ее интересовать». Хочу сказать, что если бы мы приняли воришку Шереметева, то отзывы эти изменились бы, но на этот раз благоразумное молчание спасает меня от новых враждебных выходок. После Общего собрания заседание соединенных Департаментов по делу о земских учреждениях. Бездарный Дурново отступает по всей линии, не умея привести ни единого аргумента в защиту своего проекта. Плеве, напротив, с ловкостью испытанного, ни пред чем не останавливающегося адвоката приводит на все рассуждения*, которые, впрочем, не убеждают собрания[13].

Мое донесение государю выходит несколько длинно. Надо сказать всю правду, но при этом не слишком представлять Дурново в жалком виде. Во-первых, он имеет приказание от государя не уступать, а во-вторых, для Совета такой уступчивый министр — клад. Хуже будет, если на его место назначат какого-нибудь глупого и упрямого генерала.

20 [марта]. Вторник. Объяснение с Краузольдом о ниточной фабрике. Не знаем, что делать, чтобы защититься от шотландского разбоя. Теперь продают присылаемый из Шотландии товар за полцены, а опасаясь повышения таможенных пошлин, устраивают фабрику, которая будет продолжать продавать по полцене товар, будто бы сделанный в России, до тех пор, когда мы должны будем прекратить свое производство, и тогда они подымут цену так, чтобы наверстать все теперешние убытки.

24 [марта]. Суббота. Заседание соединенных Департаментов по делу о земских учреждениях. Единственный на этот раз спорный вопрос — право министра внутренних дел назначать в гласные крупных землевладельцев. Гр. Толстой предлагал, чтобы такие лица без всякого избрания, исключительно в силу своей собственности, делались гласными в земских собраниях. Победоносцев сделал замечания против предположения установить таких, как он выражался, лендлордов и предлагал заменить их лицами из той же категории, но по избранию министра внутренних дел. Дурново долго и упорно настаивает на этом праве, но пред единогласным натиском всех присутствующих отказывается от своего требования.

25 [марта]. Воскресенье. Полковой праздник Конногвардейского полка. Государь во время парада объявляет полковому адъютанту кн. Н. Оболенскому, что берет его в свою свиту. В прошлое царствование такие назначения сопровождали всякий полковой праздник, но

* *Так в подлиннике.*

в нынешнее — это первый пример, и Оболенский до того мало ожидает милости, что слова государя принимает за приказание играть марш из «Фауста».

Обед дома с братьями А. и Н. Долгорукими. Пьем французское белое вино 1841 г.

26 [марта]. Понедельник. Заседание соединенных Департаментов по делу о земских учреждениях. Вышнеградский настаивает на участии представителя Министерства финансов в обсуждении земством вопросов об обложении. Дурново видит в этом посягательство на права губернатора. Мирятся на том, чтобы управляющий казенною палатою сообщал свои замечания губернатору, от которого будет зависеть, принять или не принять эти замечания.

Всякий самый важный законодательный вопрос сводится у нас к размерам вопроса ведомственного, т. е. личного, а не принципиального.

По вопросу о праве министра внутренних дел изменять решения земства по существу Дурново настаивает на сохранении за собою этого права и остается при своем мнении, несмотря на оппозицию не только членов Совета, но и других министров, здесь присутствующих.

27 [марта]. Вторник. Приходит ко мне вице-директор Департамента таможенных сборов Забугин. По-видимому, весьма умный, знающий, вникающий в дело, желающий добра, а не личной пользы человек. Говорим о нашей ниточной фабрике, будущность коей ввиду войны шотландцев он видит в очень дурном свете, не находя возможности защититься от действий синдиката Котса и К°. Забугин передает интересные факты относительно торговли нашей с Китаем. Вследствие неудовольствий, испытанных нашими консулами в пограничных провинциях, русские власти запрещали вывоз хлеба, и после двух или трех вызванных этим голодовок китайцы выучились хлебопашеству и ныне не нуждаются более в нашем хлебе. То же самое и с зажигательными спичками, вывоз коих прекратился вследствие чрезмерного увеличения в России акциза на спички.

28 [марта]. Среда. Совещание с Беком и Стефаницем, все по несчастному ниточному делу.

29 [марта]. Четверг. Красовский передает о сделанных ему Манасеиным предложениях относительно места директора департамента Министерства юстиции. Ему дают 10 тыс. руб. содержания и казенную квартиру, тогда как по статс-секретарской должности он получает всего-навсего 7 тыс. При возвышающихся таким образом окладах в министерствах становится трудно удерживать на местах чинов Государственной канцелярии.

Вечером у Абазы. По поводу назначения Александра Бобринского обер-гофмейстером, а Алексея Бобринского гофмейстером Абаза вспоминает рассказ гр. Алексея Алексеевича, отца первого и деда последнего, о назначении его шталмейстером.

В феврале 1838 г. Алексей Бобринский окончил с большими затруднениями первую в России железную дорогу (Царскосельскую).

Государь назначил увеселительную в Царское Село по новой дороге прогулку и пригласил 150 человек. Накануне в Царское Село отправили поезд с придворною прислугою. Поезд этот сгорел, и государь, узнавший об этом в театре, немедленно потребовал к себе в ложу Бобринского, которого разбранил с чрезвычайною горячностью. Бобринский требовал расследования, что еще пуще раздосадовало государя. Тем не менее следствие было назначено и обнаружило, что пожар произошел от неосторожности куривших в вагоне служителей. Царская поездка состоялась, и на обратном пути строитель пожалован государем в шталмейстеры.

Любопытно, что для достройки дороги оказалась необходимою сумма в 800 тыс. руб. Бобринский обратился к министру финансов Канкрину, который категорически отказал ему в помощи, прося раз навсегда не говорить более о таких пустяках, как железные дороги. Бобринский обратился к Штиглицу, который предложил ему взять на вес лежавшие уже на пути рельсы.

30 [марта]. Пятница. Захожу к Воронцову узнать, получила ли Сашина невеста фрейлинский шифр. Отвечает с улыбкою: «Je n'en sais rien»*. Благодарю его за вмешательство. Неполучение сего знака равносильно было бы исключению Софьи из списка лиц, приглашаемых на придворные балы, так как Саша до полковничьего чина не дает жене своей права на такое приглашение.

Получаю от министра финансов представление в Государственный совет об открытии рисовальной школы в селе Иванове-Вознесенске на казенный счет.

Пишу Вышнеградскому, что предлагаю ему принять устройство и содержание этой школы на счет нашего штиглицкого Рисовального училища. Вызываю Месмахера, сообщаю ему все дело и сильно журю его за стремление отталкивать всех, сосредоточивать все исключительно в своих собственных руках, отчуждать симпатии и возбуждать справедливую критику на то, что все дело все более и более делается не национальным, а личною его забавою, потому что, несмотря на полную добросовестность Месмахера и успешность его занятий с учениками, публика не знает и не может знать о результате трудов его. Да в этом и нельзя винить ее, а между тем подобный порядок вещей угрожает училищу в будущем прежде всего со стороны правительства, олицетворяемого на этот раз Министерством финансов.

* «Я ничего об этом не знаю».

31 [марта]. Суббота. Заезжает Грессер и сообщает некоторые подробности о жидовско-шотландском намерении убить нашу вновь созданную ниточную фабрику.

Поздравление старухи гр. Паниной по случаю ее 80-летия. София получает фрейлинский шифр в числе семи других девиц: Игнатьева, Фредерикс, Воронцова, Оболенская, Горчакова, Грузинская.

В 9 час. вечера выслушиваю с Шидловским замечания воспитателя моего сына Муселиуса на представление Делянова о сокращении числа уроков в гимназиях. Все ложь и подтасовка.

Заутреня в Зимнем дворце. Особенно много наград досталось придворным и духовным.

Разгавливаемся у гр. Левашевой вместе с Сашею и Софьею.

1 [апреля]. Пасхальное воскресенье. В 9 час. объезжаю великокняжеские передние довольно благополучно, т. е. не встретив никаких высочайших особ, кои могли бы упрекнуть меня в моей немундирной оболочке.

У старухи гр. Бобринской встречаю княгиню Паскевич, сестру Воронцова, которую гр. Бобринская преследует ходатайствами о разных милостях.

Вечер за чтением нового тома бумаг Петра Великого[14]. Всего любопытнее листки из его записной книжки. О чем человек этот не думал и как все это укладывалось в его голове!

Пишу вел. кн. Михаилу Николаевичу, что так как государь переезжает в Гатчину во вторник, то я желал поехать к нему в среду, накануне доклада министра внутренних дел и что для достижения этого можно бы воспользоваться тем предлогом, что в среду вел. кн. Ольга Федоровна уезжает на месяц в Крым.

2 [апреля]. Понедельник. Вел. кн. Михаил Николаевич вызывает меня, чтобы расспросить, зачем я хочу ехать к государю. Я объясняю, что, так как Дурново уперся на вопросе о предоставлении его личной власти отменять постановления земства, то по этому вопросу, очевидно, он останется один, с ним согласится государь и Совету будет новое посрамление, не говоря о существе закона (что вел. князя мало интересует). Я желал бы рассеять необходимо сложившееся в уме государя представление о том, что здесь идет речь о конфликте между правами земства пред властью министра, а по возможности объяснить, что почти всякое распоряжение земства имеет денежную подкладку и

что, следовательно, и этот вопрос подлежит разрешению таким же порядком, как остальные финансовые вопросы, т. е. при участии прочих министров, а не одного министра внутренних дел. Все это вел. князю весьма неприятно, но тем не менее он не может отказать в моем требовании и обещает испросить разрешение государя.

От вел. князя захожу к вел. княгине проститься. По обыкновению стараюсь избегнуть всякого разговора о своих делах, а говорю о ней, о ее здоровье, о ее детях. Она сообщает, что сыновья Александр и Сергей отправляются в дальнее плавание на яхте первого, что их путешествие не будет иметь ничего общего с путешествием цесаревича и что она, великая княгиня, настаивала на том, чтобы Александр Михайлович не путешествовал вместе с цесаревичем, потому что опасалась, чтобы последний не был силою вещей затмен блестящею личностью первого.

В 3 часа у нас в доме собрание внучат и внучек. При этом присутствует старуха гр. Панина и старик гр. Бобринский.

9 [*апреля*]. Вторник. Делая визиты, захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу. Его рассказы. Первый: «На днях захожу в пятом часу в Аничков; в этот час у императрицы пьют чай; она сидит вдвоем с государем, и я замечаю, что при моем входе они переменяют разговор; вскоре выясняется, что они разговаривают о только что полученной государем записке от брата Алексея, который просит позволения поехать в Париж навестить Зину Богарне, о чем последняя прислала ему телеграмму чрез посредство своего мужа Евгения Максимилиановича».

Государь очень смущен этим ходатайством, говорит, что разрешил бы эту поездку, если бы была хоть какая-нибудь возможность устроить ее под предлогом посещения строящихся за границею судов или под каким-либо иным благовидным предлогом, но что при отсутствии таких предлогов поездка вел. кн. Алексея произведет скандал. Вернувшись домой, Владимир Александрович уведомил о всем этом своего брата Алексея, который написал ему, что отказывается от своего намерения ехать.

Второй рассказ: находящийся ныне за воровство под следствием бывший конференц-секретарь Академии Исеев, между прочим, бесследно израсходовал сумму в 180 тыс. руб., отпущенную из государственного казначейства на приобретение для Екатерининского сквера бюстов главнейших современников великой государыни. Он воспользовался тем, что чиновники Министерства финансов послали эти деньги прямо в Академию, а не в кассу Министерства двора. У этого Исеева, несмотря на множество украденных им сумм, нет ни копейки, и он умоляет вел. князя сохранить ему на время президентское жалованье вел. князя (1800 руб.), кои, как оказывается, он, Исеев, всегда получал.

4 [*апреля*]. Среда. Приезжает, по случаю своего назначения товарищем министра юстиции, Аракин. Он служил в I департаменте Сената секретарем, в то время когда я был обер-прокурором.

Впоследствии я рекомендовал его в помощники статс-секретаря Государственного совета, откуда он удалился вследствие разлада с бывшим в то время государственным секретарем Перетцем. Тогда я же рекомендовал его Ребиндеру в Департамент уделов. Когда меня назначили государственным секретарем, то я взял Аракина в статс-секретари Гражданского департамента, откуда Манасеин перевел его в Министерство юстиции.

Аракин очень добросовестный, трудолюбивый, честный, нравственно твердый, но вовсе не блестящий ни в каком отношении деятель, хотя среди тех посредственных личностей, коими за последнее время наполняются ряды высшего петербургского правительства, он, конечно, может казаться выдающимся по сравнению с другими.

Заезжаю к Победоносцеву. Застаю его дома одного без всяких посетителей, читающего «Revue des deux mondes». Еще в прошлом году невозможно было провести с ним покойно пяти минут без вторжения какого-нибудь человека, пришедшего за его покровительством. Теперь, по его собственному показанию, никто более из высших чинов к нему за советами или покровительством не ездит, исключая министра внутренних дел, который все-таки считает осторожнее разыгрывать роль, будто о чем-то с Победоносцевым совещается, но и в этих случаях всегда говорит лишь о предметах второстепенных и не имеющих существенного значения.

Между прочим Победоносцев упоминает, что Дурново был у него накануне, встретил здесь Манасеина и в разговоре казался весьма поколебленным относительно того, отстаивать ли заявленное им в последнее заседание соединенных Департаментов отдельное мнение о том, чтобы ему, министру внутренних дел, было предоставлено собственною властью перевершать постановления земства по существу.

Узнав это, еду от Победоносцева к Дурново, который прямо заявляет мне, что выражает согласие подчиниться заключению соединенных Департаментов о том, чтобы министр внутренних дел вносил подобные вопросы на рассмотрение Комитета министров.

5 [*апреля*]. Четверг. В $9^1/_2$ час. утра на Варшавской железной дороге; еду в Гатчину с Дурново и Рихтером. Последний сообщает, что Котя Оболенский назначен флигель-адъютантом с тою целью, чтобы

сопровождать в предстоящих путешествиях цесаревича, имея при этом положение не подчиненного, а несколько авторитетного спутника.

К государю меня зовут после министра внутренних дел, который докладывает ровно три четверти часа. Я остаюсь весьма недолго, так как главная цель моей поездки, вследствие выраженного накануне министром внутренних дел согласия, более не существует.

Государь говорит, что не мог принять меня накануне потому, что должен был принимать поздравления по случаю Пасхи от служащих в Гатчине, причем один из них во время христосования так сильно ударил государя головою по носу, что во время разговора со мною государь продолжал тереть нос.

Я заявляю, что мне приходится извиняться в том, что я с такими пустыми бумагами беспокою государя, но что у меня есть два-три назначения по Государственной канцелярии, коих назначаемые лица ожидали уже к Пасхе, а что я не знаю, когда вел. князь будет опять иметь случай докладывать о них.

Государь тотчас соглашается на мое представление и подписывает принесенный мною указ.

По этому поводу речь заходит о том, что ст.-секретарь Красовский переходит на место директора департамента Министерства юстиции.

Я говорю о трудностях замещения статс-секретарских должностей, особливо когда они оказываются обставленными так, что выгоднее служить в должности директора департамента.

Упоминаю об Аракине и высказываю свое о нем мнение.

В заключение разговор касается хода в Совете земского законопроекта; государь говорит, что дело, кажется, идет хорошо, я отвечаю, что иначе оно идти не может с таким человеком, как Дурново, и при этом очерчиваю его достоинства так, чтобы изобразить личность, во всем противоположную покойному гр. Толстому.

После доклада завтракаю у Черевина вместе с Дурново, Рихтером, И. Голицыным. Еду на станцию с Дурново, который сообщает, что уговаривал государя быть крайне осторожным, потому что получены самые тревожные известия из Парижа и Лондона о замыслах нигилистов[15], возбужденных сибирскими событиями[16] и получивших значительные с разных сторон денежные суммы.

6 [*апреля*]. Пятница. Проведший зиму за границею Балашев, вернувшийся к свадьбе племянницы своей гр. Воронцовой, расспрашивает о происходившем в его отсутствие в Петербурге. Как подвести итоги, так Петербургу хвастать нечем.

7 [*апреля*]. Суббота. Заседание соединенных Департаментов по представлению Делянова о сокращении числа уроков в гимназиях.

Представление в сущности ложь, потому что занятия скорее умножаются, чем уменьшаются, но, чтобы удовлетворить общему неудовольствию, сокращается весьма небольшое число уроков по латинскому и греческому языкам. Совет переносит вопрос на сокращение классического обучения, и в этом смысле говорят Редкин, Бунге, Филиппов, Вышнеградский. Кончается тем, что все присутствующие, за исключением Делянова, считают нужным сократить 14 еженедельных уроков греческого и латинского, приближая по возможности к гимназическому уставу 1828 г. гр. Уварова. Оставшись в одиночестве, Делянов после пятичасовых прений заявляет, что должен еще обдумать и сообразить этот вопрос[17].

Вечером в 9 час. у гр. Паниной, которая пожелала меня видеть, чтобы рассказать следующее: когда она представляла императрице только что просватанную внучку свою, то, оставшись наедине с императрицею, сказала, что имеет желание передать мужу внучки своей, т. е. моему сыну, титул и имя покойного своего мужа; что мысль эта принадлежит не ей, а покойному государю, который предлагал ей это, но в то время она, гр. Панина, отказалась это исполнить, потому что Софья, будучи ребенком, находилась в руках своей матери, которая таскала ее по мужицким избам берегов Волги и могла выдать ее замуж так, что титул и фамилия Паниных не только не сохранились бы на память потомству, а, напротив, попали бы в грязь. Императрица, выслушав гр. Панину, обещала передать это желание государю, прошло несколько недель, не получая ответа, графиня чрез Рихтера попросила ответа и получила в ответ категорический отказ, мотивированный тем, что ближайшие родственники этого не желают.

Дело в том, что здесь ближайшим родственником является Щербатов (его мать Панина), который прикидывается влюбленным в императрицу, постоянно танцует с нею и крайне враждебно относится к свадьбе моего сына.

Нисколько не дорожа осуществлением желания гр. Паниной, я всячески убеждал ее отказаться от намерения, но она упорно настаивала на своем уважении к памяти мужа и желании продлить существование имени гр. Паниных. Я всячески стараюсь отговорить графиню от ее намерения, но мне удается лишь достигнуть того, что она откладывает на некоторое время исполнение своего намерения. Я прошу ее в таком случае не делать ничего до свадьбы Саши, а после свадьбы прежде всего переговорить с ним самим.

8 [*апреля*]. Воскресенье. В $3^1/_2$ часа свадьба старшей дочери Воронцова с сыном Павла Шувалова. Она не красива, но чрезвычайно мила во всех отношениях, он, по слухам, черств и себе на уме. Тор-

жество происходит с особенною пышностью вследствие присутствия их величеств и всей царствующей фамилии. Толпа приглашенных шатается по гостиным, громко болтая во время свадебной церемонии, совершающейся в домовой церкви Воронцовых в их доме на Английской набережной.

Получаю вечером бумагу от Делянова с просьбою возвратить ему его представление о сокращении числа гимназических уроков. Разумеется, решаю не выпускать из ловушки попавшегося в нее гадкого зверя.

9 [апреля]. Понедельник. Председатель, проведя ночь на охоте, спит, и потому не еду к нему, а прямо к Владимиру Александровичу, где и завтракаю. Разумеется, говорят всего более о вчерашней свадьбе. Вел. княгиня меня спрашивает: «Pourquoi n'ai-je pas vu les enfants de votre fille Bobrinski?»* Я (к удовольствию ген. Далера, воспитывающего детей вел. князя): «Parce qu'elle éleve bien ses enfants et ne les traîne pas comme des petits singes à des ressemblements où ils n'ont que faire»**.

В Совете Делянову отвечаю, что уже от меня не зависит возвратить ему дело, когда оно находится на рассмотрении департаментов.

Делянов обращается с тою же просьбою к Абазе (председателю департамента), который отвечает, что, по учреждению Совета, председатель лишь руководит прениями, а возвращение зависит от самого департамента, коему Делянов и может предъявить в четверг свое желание.

После заседания приглашаю к вел. князю Абазу и моего предшественника на месте государственного секретаря Перетца, которые разъясняют долженствующий по сему предмету существовать в Государственном совете порядок на тот случай, если бы вел. князь счел возможным предварить государя, завтракая у него в среду. Все это делается, как говорят французы, par acquit de conscience et en pure perte***.

10 [апреля]. Вторник. Рождение вел. кн. Владимира Александровича. Весь город с их величествами и целым императорским семейством наполняет залы его некрасивого дворца.

После обедни поздравляют их высочеств, а затем завтракают в бальном зале и большой столовой. После завтрака стоят кучею в тех же комнатах, где завтракали, и даже некоторые курят; все это весьма

*«Почему я не видела детей вашей дочери, Бобринской?»

**«Потому что она хорошо воспитывает своих детей и не таскает их, как маленьких обезьянок, по собраниям, где им нечего делать».

***Для очистки совести и в чистый убыток.

неэлегантно и непридворно. Оно больше похоже на толпу путешественников в какой-нибудь железнодорожной станции.

В этот же день праздник у вел. кн. Екатерины Михайловны в ее прелестном обширном Михайловском дворце.

В $9^1/_2$ [часа] приезжают их величества и на самой лестнице их встречают представлением живой картины Гверчино «Аврора». Причем гр. Голенищев-Кутузов читает написанное им по этому случаю стихотворение.

Посмотрев на картину, гости отправляются в самую большую залу и там усаживаются на поставленные рядами стулья. Пред публикою вместо театральной сцены является эстрада, на которой устроен пир, несколько напоминающий своею композицией картины Веронезе. Многочисленные, участвующие в этом представлении одеты в костюмы более или менее италианские XVI столетия.

Посреди пира сначала принцесса Елена Георгиевна, а за нею и другие лица поют разные старинные песни, и в заключение несколько пар сходят с эстрады и исполняют весьма удачно старинные танцы. Представление кончается еще двумя живыми картинами: одною, изображающею рисунок Брюллова, а другою — «Аврору» Гида. Вечер оканчивается ужином, и преблагоразумно около 12 час. можно отправляться по домам.

11 [апреля]. Среда. Дубровин приходит толковать о печатаемом им томе переписки Закревского[18], решаем отбросить пустяки.

В 11 час. вечера еду с вел. кн. Михаилом Николаевичем к себе в Колтуши на глухариный ток. Он стреляет по четырем и убивает двух. У меня ни один не поет.

12 [апреля]. Четверг. Заседание соединенных Департаментов с Деляновым, который заявляет свое желание получить обратно представление об уменьшении числа учебных часов в гимназиях. Абаза отвечает, что это должно быть обсуждено присутствием. Вызванный на заявление Дурново (только что приехавший с доклада государю) заявляет, что ему известно, что государь император желает, чтобы дело это было рассмотрено Советом в настоящую сессию. Делянов, разумеется, подчиняется и просит лишь дать ему одну неделю на размышление и собрание материалов, на что департамент, конечно, соглашается.

13 [апреля]. Пятница. Совещание по ниточному делу, которое особенно хромает неустройством продажи. Для организации продажи приглашаю некоего Гаммершмидта. Устанавливаем окончательно список лиц, приглашенных на свадьбу; увеличиваем его вследствие увеличения панинского списка. Держу корректуру тома сборника о Комитете 1826 г.[19] Крайне интересно и назидательно.

14 [апреля]. Суббота. Заседание соединенных Департаментов. По проекту о земских учреждениях, согласно предложению Сольского, решают рассмотреть проект по статьям в комиссии, составленной из небольшого числа членов, а уже потом рассматривать в соединенном присутствии.

Слушается дело о предельном возрасте, который министр юстиции хочет установить в судебном ведомстве (62 для членов, 65 для председателей). Манасеин упорно отстаивает свое представление и остается один с Философовым, который всегда соглашается с подлежащим министром[20].

Выходим из заседания с Н. Абазою и много говорим о трудности приискания членов в Совет.

15 [апреля]. Воскресенье. В 9 час. утра еду с Сашею осматривать его квартиру на нашей даче в Царском Селе; при этом вспоминаю прошедшее, как мы впервые поселились в Царском Селе в 1866 г. в ту осень, когда приехала принцесса Дагмара, нынешняя императрица, как в 1867 г. на этой самой даче родился Саша.

Разговор со Штендманом о Чистовиче как сотруднике по биографическому словарю. Штендман опасается его жадности к деньгам.

Получаю от Девиса уведомление о смерти Шпицера, коллекцию коего желал бы видеть приобретенною государем.

16 [апреля]. Понедельник. Обычная болтовня с Михаилом Николаевичем под предлогом Совета, завтрак у Владимира Александровича.

В Совете цесаревич рассказывает, что в первый раз в жизни был на глухарином току с отцом и ничего не убил.

Докладывается представление Манасеина, конечно по приказанию Победоносцева, о преследовании раскольников за публичное исповедание своих верований[21]. Оппонентом является Филиппов из вражды к Победоносцеву, конечно, а не по государственным соображениям.

В департаментах возвращают Безаку его представление о том, чтобы казенные почтовые отправления оплачивались наравне с частными.

17 [апреля]. Вторник. Еду с Питом в Щиглово вечером на глухариный ток. Какой-то чухонец, громко распевая в лесу, портит мне охоту.

18 [апреля]. Среда. Заседание соединенных Департаментов о земских учреждениях. Возбуждается вопрос о евреях, относительно права участия их в земских собраниях. Перетц считает правильным вопрос этот выделить из настоящего закона, а изложить в общем законоположении о евреях. Дурново восстает против этого и настаивает на том, чтобы было повторено правило, им в проекте своем предположенное. Сольский, чтобы выйти из затруднения, предлагает выделить этот вопрос из рассматриваемого текста и изложить отдельным параграфом.

Дурново передает мне, что государь питает особенную ненависть к евреям; в доказательство приводит, что на записке, поданной недавно Гинцбургом в защиту евреев, государь, в числе прочих резких резолюций, написал, что все евреям приключающееся заслужено ими, потому что сами они хотели, чтобы кровь Иисуса Христа осталась «на нас и на детях наших!».

19 [апреля]. Четверг. Заседание соединенных Департаментов. Делянов заявляет желание взять назад свое представление. Только что приехавший с доклада из Аничкова дворца Дурново довольно бестактно заявляет присутствию, что ему, Дурново, известно, что государь ожидает быстрейшего и непременно в нынешнюю сессию окончания этого дела. Подлый и подобострастный Делянов немедленно подчиняется такому заявлению; обсуждение продолжается, и число уроков уменьшается по латинскому до 36 часов и по греческому до 30.

После одержания такой победы предлагают ввести преподавание естествоведения[22] и рисования. На последнем особенно настаивает Вышнеградский. Делянов к стыду своему говорит такую глупость, что рисованием могут заниматься только те лица, кои имеют талант!.. Вышнеградский отвечает, что рисование составляет теперь везде предмет общеобразовательный и что современные приемы преподавания совершенно откинули в сторону вопрос о талантливости.

Выйдя из заседания, пишу об этом письмо Месмахеру, который всегда утверждает, что без признания рисования общеобразовательным предметом успехи его невозможны.

20 [апреля]. Пятница. Объясняю ст.-секретарю Красовскому, которого Манасеин берет себе в директоры, всю неловкость положения, в которое себя поставил будущий его начальник представлением своим о предельном возрасте для судей и в особенности упорством, которое выказал на заседании.

21 [апреля]. Суббота. На заседании соединенных Департаментов Дурново передает, что Петрункевич настоятельно добивается чрез жену свою разрешения жить в столицах[23] и что в этом вопросе ему отказывается «из Гатчины», читай от императрицы, которая продолжает меня ненавидеть за то, что я не дал себя обокрасть или по крайней мере не в больших размерах ее любимцу Шереметеву.

Вечер дома с Сашею. Утешительные разговоры накануне его свадьбы.

22 [апреля]. Воскресенье. В $2^1/_4$ часа выступаем из дому. Саша едет в карете со мною, шафера Пит и Андрей вместе, и по приезде нашем в дом гр. Протасова-Бахметева отправляются в дом гр. Паниной уведомить о нашем прибытии. Свадебная церемония по обык-

новению весьма продолжительна; дело не обходится без молебна и проповеди.

По приезде к нам в дом молодые заходят вниз, где моя жена и я благословляем их. В это время съезжаются наверх приглашенные в числе приблизительно 200. Поздравления происходят наверху в большом бальном зале и длятся около часу. В $4^1/_2$ [часа] все разъезжаются и новобрачные отправляются в Царское Село.

23 [апреля]. Понедельник. Обычное и ничего выдающегося не представляющее заседание Общего собрания. Прошу Рихтера доложить государю, что до меня дошли слухи о том, будто бы в окрестностях Нарвы будут нынче летом маневры и что я прошу его величество располагать домом моей жены, если бы он мог на что-либо пригодиться.

24 [апреля]. Вторник. В Комитете министров рассматривается дело о Севастопольском порте[24]. На совещании у государя Гюббенет был один за Феодосию, но государь довольно ясно выказал свои симпатии, и в Комитете министров вследствие того голоса поделились пополам.

25 [апреля]. Среда. Еще заседание о земских учреждениях, после которого идут навестить хворающего Велиопольского, который приехал сюда благодарить за полученную ленту и получить окончательные приказания относительно пребывания их величеств будущею осенью в Спаль и Скерневицах для охоты. Императрица, у которой Велиопольский был сегодня, хныкала, что сыновья ее уже не будут с нею охотиться в Польше, потому что уезжают в продолжительное морское плавание.

Обед в клубе с Ауербахом и Анненковым. Первый объясняет последнему проект Сосьво-Вычегодской железной дороги.

27 [апреля]. Пятница. Саша с женою завтракают, приехав в Петербург в первый раз после свадьбы.

28 [апреля]. Еду к Абазе и с планами в руках объясняю ему проект Богословской железной дороги.

В 4 часа приезжает Черевин просить расширения квартиры, занимаемой им в доме на Сергиевской. По обыкновению мало говорит лестного о Гатчине и гатчинских царедворцах.

29 [апреля]. Воскресенье. Обедаем в Царском Селе у молодых. Небывало ранняя весна, можно сказать, лето.

30 [апреля]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича приблизительно такой разговор.

Я: «Вы знаете, Ваше высочество, что я не могу довольно благодарить Вас за те отношения, кои Вам угодно было установить в отношении меня, но это самое с Вашей стороны благорасположение обязывает меня к наибольшему высказыванию правды относительно лежащих на мне

служебных дел. За последнее время ведение дел в Государственном совете становится все труднее и труднее.

Разумеется, Совет должен сообразоваться с взглядами государя, но это для него невозможно, потому что он их не знает. В прежнее время председатели обращались прямо к государю, излагали ему то, что считали нужным, Вы в нынешнем году ни разу этого не делали, несмотря на мои настояния; между тем происходит вот что: министры, как, например, то сделали в последнее время Делянов и Манасеин, вносят в Совет представления, кои обсуждаются в соединенных Департаментах; здесь происходит разногласие как с Манасеиным, тогда он забегает к государю и сообразно тому, что выпросит, меняет или не меняет свое мнение. С Деляновым еще хуже, он сначала согласился, потом пошел к государю и, как слышно, выпросил, чтобы число латинских уроков было снова увеличено до размера существовавшего в уваровское время. Это согласие, будто бы полученное от государя, сделано известным чрез Дурново, и теперь Делянов после трехдневного труда Государственного совета опять ставит дело в первобытное положение. Вы понимаете, какое это впечатление производит на членов Совета. Когда я начинаю с ними разговаривать и упоминаю о том, что, вероятно, Ваше высочество, доложите об этом государю, то знаете ли, что мне теперь отвечают? «Да Ваш вел. князь совсем не то, что был вел. кн. Константин Николаевич; он никогда не решится ничего говорить».

В этих условиях становится весьма трудно вести дело, и позвольте мне прибавить еще следующее, я совсем не понимаю Вашего образа действий. Вы идете к полному отречению, и я очень опасаюсь, что в один прекрасный день Вы очутитесь в весьма неприятном положении».

Вел. князь: «Что же это доказывает? То, что я совсем непригоден для этой должности. Что я и говорил государю при назначении. Я совсем не имею дара слова».

Я: «Извините, Ваше высочество, Вы имеете более словесных средств, чем половина членов Совета, но вся беда в том, что Вы не решаетесь говорить пред государем. Поверьте, это должно изумлять его самого».

На этом наш разговор и кончился. Я мог бы прибавить, что зло лежит в том, что дела Совета его не интересуют и никаких наслаждений ему принести не могут. Выгоднее говорить о делах семейных, в особенности об устройстве судьбы своих сыновей.

У вел. кн. Владимира Александровича. *Вел. князь:* «Очень рад Вас видеть, у меня к Вам просьба. 6 августа начнутся маневры в Нарве. Дайте мне Ваш дом для меня и моей свиты». *Я:* «Очень рад». *Вел. князь:* «В таком случае я велю написать Вам формальную бумагу». *Я:* «Нет, Ваше

высочество, этого разговора довольно, тем более, что я никакого дела с Вашим начальником штаба Бобриковым иметь не желаю. Он сделал нам грубость, устроив так, что в последнее Ваше пребывание в Нарве Вы обращались с домом моей жены как с трактиром, ели там и пили, а жили у кого-то другого. Впрочем, я должен сказать Вам, что я предложил дом жены моей государю; должен получить от него ответ и вследствие Ваших слов прошу Вас об этом переговорить с государем, хотя с своей стороны напишу государю о том же».

Посылая меморию, присовокупляю письмо, в коем прошу распоряжаться нарвским домом, как ему угодно.

Кончаю корректуру любопытного тома о Комитете 6 декабря 1826 г.

2 мая. Среда. Получаю от государя весьма любезный ответ на мое предложение: «Сердечно благодарим за любезное приглашение».

В $11^1/_2$ часа едем на прием вел. кн. Марии Павловны по случаю ее рождения. Здесь весь город, начиная с величеств. После обедни завтрак на всю многочисленную наличную публику; завтракаю рядом с Дурново, которому императрица посылает со своего застольного места приветливые улыбки, поспешно отворачиваясь, когда ей предстоит опасность мне поклониться. После завтрака, по введенному вел. князем весьма неуместному и далеко не придворному обычаю, отзавтракавшие начинают курить. Запах табаку, кушанье, беспорядочно толпящиеся гости, старающиеся добиться высочайших любезностей, — все это производит такое впечатление, что гораздо скорее можно думать, что находишься на железнодорожной станции, чем в великокняжеских чертогах. Стоя в углу и наблюдая за движениями этой толпы, я случайно делаюсь свидетелем комической сцены. Ко мне подходит вел. кн. Екатерина Михайловна, и на вопрос мой, скоро ли она переезжает на свою каменноостровскую дачу, отвечает, что переедет в воскресенье, но что пребывание на Каменном острове весьма неприятно, потому что в последнее время нахальство публики сделалось так велико, что к берегу пристают лодки, из коих в сад ее высочества выходят гуляющие, которые и располагаются здесь, как у себя дома.

Я отвечаю на это, что, конечно, градоначальник не замедлит защитить ее от подобных вторжений, и привлекаю к разговору близ стоящего ген. Грессера. Вел. княгиня повторяет ему то, что сейчас мне высказала, но все это говорит по-французски, причем я скоро замечаю, что Грессер не понимает ни единого сказанного ею слова. Тогда я передаю слова вел. княгини по-русски, и Грессер поспешает заявить, что не замедлит послать полицейских охранителей. Вел. княгиня, выслушав его заявление, обращается ко мне (правда, по-французски) со словами: «Как приятно быть на даче и постоянно иметь около себя полицейских солдат».

3 [мая]. Четверг. В соединенных Департаментах вопрос о сельскохозяйственном винокурении под предлогом покровительства земледелию, чиновническая завистливость и страсть к регламентам диктует законы, кои разорят многих, а обогатят лишь западных жидов в ущерб помещичьему винокурению. Все это говорится с такою торжественностью и убеждением в непогрешимости, которое свойственно только медным пуговицам[25].

Свиданье с Анненковым после путешествия младшего Ротшильда в Мерв, Анненков имеет от Ротшильдов обещание получить от них всю нужную на постройку Сибирской железной дороги сумму, если эта постройка будет поручена ему, Анненкову.

Вышнеградский, с коим Анненков имел свидание в этот самый день, обещал ему, что будет стараться, чтобы постройка эта была отдана ему, если по осмотре на месте, в Закаспийской области, он, Вышнеградский, убедится, что дорога выстроена Анненковым не только дешево, но и прочно, для удостоверения в этом Вышнеградский поедет нынешнею осенью в Закаспийскую область.

Вышнеградский — всецело купленный Ротшильдом человек.

Анненков уезжает в Париж и надеется при переговорах с Ротшильдом о постройке Сибирской дороги поставить в связь постройку нашей Богословской дороги[26].

4 [мая]. Пятница. Провожу день за переводом на французский язык записки о Богословской железной дороге, составленной Ауербахом для Ротшильдов.

5 [мая]. Суббота. В соединенных Департаментах слушается представление Островского и Дондукова об орошении на Кавказе. В основу проекта положена мысль, что вода, как и земля, должна принадлежать государству, которое допускает подданных пользоваться этими благами в известных только условиях.

Дервиз и Фриш начинают оспаривать такое странное юридическое положение.

Дондуков с свойственными ему легкомыслием и нахальством говорит, что в этой истине лежит основа спокойствия и благоденствия всех мусульманских народов, по их убеждению, земля и вода всецело принадлежат калифу, а пользование лишь в известной мере может принадлежать населению.

Абаза очень остроумно осмеивает выходку Дондукова, высказывая, что Россия должна проводить свое объединяющее влияние в своих

окраинах, а не преклоняться пред тем, что в прежнее время проводили калифы.

Дондуков немедленно переменяет тон, и решено проект переделать на таком основании, что государство в видах общей пользы издает правила, ограничивающие пользование водою[27].

Еще свиданье с Анненковым, который полон надежд по отношению к Ротшильдам.

6 мая. Воскресенье. В $10^1/_2$ часа большой выход в Зимнем дворце по случаю крестин первого ребенка вел. кн. Павла Александровича[28]. Равным образом в первый раз несколько торжественно празднуется рождение наследника цесаревича. Во время обедни выходим с Абазою в Александровский зал и он мне рассказывает, что к нему в церкви подошел Филиппов и довольно самонадеянно требовал, чтобы назначенное на завтра в Совете заседание для окончательного заключения по делу о числе греческих и латинских уроков было отложено, потому что он, Филиппов, едет к государю в Гатчину с докладом и будет говорить об этом деле. Абаза ему отвечал, что дела не отложит и что изумляется, как это лица, участвовавшие в заседании, решаются утруждать государя докладами о делах, рассматриваемых в Совете, но еще не решенных.

Когда к Абазе подошел Делянов (который накануне прислал мне заявление, что отступает от выраженного в заседании согласия на сбавку числа латинских уроков до 36) и просил о том же, что и Филиппов, то Абаза отвечал еще резче, сказав, что в Совете был пущен слух о том, будто Делянов докладывал об этом государю и получил согласие на увеличение числа уроков до 42, но что он, Абаза, не может этому верить, потому что такой порядок прямо противоречил бы установленному в Государственном совете ходу дел. При покойном государе вследствие доклада, представленного Тимашевым вместе с Толстым, было объявлено высочайшее повеление, чтобы министры не позволяли себе обеспокоить государя докладами по делам, находящимся на рассмотрении Государственного совета.

Делянов позеленел, но, разумеется, с свойственною ему подлостью промолчал.

Спрашиваю (все во время обедни, покуда в соседних залах не то гостиная болтовня, не то деловая биржа) Чихачева и Розенбаха их мнение об Анненкове. Оба отзываются о нем как о замечательно энергическом и дельном деятеле, не получившем в отечестве заслуженного им признания заслуг, справедливо оцениваемых в других странах.

При встрече с гр. Шереметевым спрашиваю его, принимавшего у себя в деревне нашего державного владыку, какие у него особенные привычки.

Ответ: «Кислое молоко, да, пожалуй, больше ничего».

У императрицы никаких привычек нет.

7 [мая]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Передаю вчерашние разговоры в церкви Зимнего дворца в доказательство того, как увеличивается общая в отношении Государственного совета бесцеремонность. Завтракаем в Новом клубе. Вел. кн. Михаил Николаевич, Владимир Александрович и я. Владимир Александрович рассказывает мне, что, получив письмо от Бретейля относительно дозволения принцу Орлеанскому[29] приехать, он прочитал письмо это государю, который выразил согласие, но с тем, чтобы приезд не последовал немедленно, так, чтобы оно не имело вида отместки за наложенное на него французским правительством наказание в форме тюремного заключения. На эту тему Гирсом было заготовлено письмо, но так как в письме этом не назначалось никакого для приезда принца срока, то Владимир Александрович дополнил с согласия государя пробел этот, сказав, что принц может приехать [на] будущий 1891 г. летом для присутствования при военных, лагерных занятиях.

Спрашиваю Владимира Александровича, поедет ли летом за границу. Отвечает, что доктора посылают его в Эмс, но что он все-таки не поедет, а хотел бы исключительно ехать в Париж. «Mais là-dessous on me fera des ennuis»*.

Выйдя из Совета, отправляемся с ним гулять пешком. Рассказывает со слов цесаревича, что последний едет морем в Индию, путешествует сухим путем по Индии, снова садится на корабль, плывет в Китай и Японию до Владивостока, откуда возвращается домой чрез Сибирь.

Как будто боятся показать ему образованные части света!..

Протасов-Бахметев рассказывает, что на днях был приглашен обедать к сотоварищу по опекунскому совету бар. Корфу. Обед был в честь вел. кн. Константина Константиновича, у жены коего состояла фрейлиною дочь Корфа. Но умысел другой тут был. После обеда Корф отвел Протасова в сторону, чтобы дать возможность Зубову, ныне временно управляющему IV отделением, уговаривать вел. князя принять место главноуправляющего; причем, конечно, или Зубов сохранил бы свое положение, или Корф был бы назначен товарищем главноуправляющего. Вел. кн. Константин Константинович отвечал, что не примет никакого назначения, покуда, следуя обычному ходу своей военной карьеры, не прокомандует полком в течение пяти лет, а это будет приблизительно тогда, когда ему минет 45 лет. Таких

*«Но по этому поводу у меня будут неприятности».

почтенных отзывов не часто удается слышать в петербургской служебной сфере.

8 мая. У Анненкова свидание с инженером, отправляющимся в Богословск для изысканий относительно направления железной дороги.

В 8 час. отъезд дочери Оболенской.

В 9 час. вторичное у Анненкова совещание.

9 мая. Среда. Разговор с моряком Шокальским, который отправляется для исследования Вычегды. Выпрашиваю для него разрешение от директора Морского корпуса Арсеньева. В $4^1/_2$ [часа] отъезд с женою в Нарву.

10 [*мая*]. Четверг. Осмотр собственного дома и четырех управительских домов с точки зрения помещения их величеств и многочисленных сопровождающих их лиц.

11 [*мая*]. Пятница. Возвращение из Нарвы в 10 час. вечера. Нахожу на столе множество бумаг и, между прочим, два представления, подлежащие докладу в департаменте и в Общем собрании, несмотря на то что министры обязаны вносить дела не позже 15 марта.

12 [*мая*]. Суббота. Владимир Александрович приезжает из Царского Села завтракать. Что-то очень озабочен и нахмурен.

Не иду в Совет, потому что в Департаменте экономии слушается представление о повышении пошлины на нитки[30].

Получается письмо от Котса с первым словом соглашения.

13 [*мая*]. Воскресенье. Целый день за мемориею. Отъезд Штендмана за границу по обыкновению на Иерские острова. Получаю от Делянова просьбу пригласить в заседание, где будет слушаться журнал о числе уроков латинского и греческого языков, Помяловского и Никитина.

14 [*мая*]. Понедельник. Завтрак с обоими принцами в клубе. Приехал в Совет, заявляю Делянову, что нельзя приглашать лиц, о коих он просит, потому что, по учреждению Совета, такие лица приглашаются лишь для дачи объяснений преимущественно фактических, а никак не могут принимать участие в обсуждении журнала.

В департаменте слушается последнее представление Делянова о наложении на харьковское купечество обязательства содержать коммерческое училище под предлогом верноподданнических чувств купечества по поводу чудесного избавления 17 октября!..[31]

Приведенный в негодование подлостью Делянова и Филиппова, пишу об этом письмо государю.

15 [*мая*]. Вторник. Сижу дома и читаю полученный от Рамбо том инструкций французского правительства дипломатическим агентам при русском дворе, вместо чем ехать в Исаакиевский собор на нескончаемую в торжественные дни обедню. (Сегодня день коронации.)

Совещание с директорами ниточной фабрики по поводу полученного от шотландских конкурентов письма.

16 [*мая*]. Среда. Лежу в постели. Посылаю Воронцову планы нарвского дома для представления их государю. Объявляю Коковцову условия, на коих возьму его в Государственную канцелярию.

17 [*мая*]. Четверг. Приходит ко мне ст.-секретарь Департамента законов Красовский, возмущенный податливостью председателя Сольского относительно требований Дурново об исключении всяких сколько-нибудь веских рассуждений, помещенных в журнале о земских учреждениях. Даже такое соображение, как то, что неудовлетворительность действий земских учреждений имела отчасти причиною отсутствие наказов по разным отраслям ее деятельности и необходимость составления таких наказов в будущем по настоятельному требованию министра внутренних дел, исключается из журнала. Вместо чем объяснить, почему изменено представление министра внутренних дел, требуют, чтобы было просто написано, что министр внес то-то, Совет постановил то-то. До сих пор законы писались разумнее.

Влангали рассказывает, что Бильбасов просил его открыть ему архив Министерства иностранных дел для написания II тома истории Екатерины. Влангали передал записку, содержавшую это ходатайство, Гирсу, который, согласно мнению невежественного начальника архива Стюарта, написал доклад государю так, что государь, утвердив этот доклад в банальной форме поступления по установленному законом порядку, на самом деле отказал Бильбасову в просьбе.

18 [*мая*]. Пятница. Гр. Протасов-Бахметев назначен главноуправляющим Собственною канцеляриею по делам императрицы Марии. Это прекрасный в нравственном смысле человек, безукоризненно честный, правдивый, добросовестный, но при весьма ограниченном кругозоре, не имеющий понятия ни о государственном, ни о каком бы то ни было ином управлении. Он весь пропадет на мелочах, а большими делами будет вертеть первый, кто им овладеет и притом весьма легко овладеет.

Вечером в клубе разговор с Абазою об обуховском деле, подлежащем докладу на следующий день. Абаза находит единственно правильным основанием к разрешению этого дела удовлетворение ходатайства Николая Левашева о возвращении пайщиками истраченной ими на покупку паев суммы.

19 [*мая*]. Суббота. Воздерживаюсь от сделанной однажды глупости ехать на спуск корабля.

В соединенных Департаментах окончательное рассмотрение текста закона о земских учреждениях[32]. Н. Абаза возбуждает вопрос о

том, чтобы члены земских управ и собраний удалялись от должностей лишь по суду, а не по произвольному распоряжению министра внутренних дел.

Дурново с горячностью отвергает такое предположение. Сольский, Фриш, Манасеин, обещавшие Абазе его поддерживать, молчат, и Абаза берет свое заявление обратно.

Во время перерыва подхожу к Манасеину и заявляю ему, что такое поведение министра юстиции для него срам, и трижды повторяю ему это слово.

Слушается так называемое обуховское, весьма характерное дело: лет 30 тому назад некто Обухов представил правительству вновь изобретенный им способ выделки стали, в коей нуждались армия и флот. При пособии казны этот Обухов с Путиловым и другими лицами составили компанию на акциях для устройства Обуховского завода, на котором и начали производить с успехом пушки, корабельные и крепостные брони и т. п. Правительство, т. е. главным образом Морское министерство, состоявшее под начальством вел. кн. Константина Николаевича, поддерживало и обогащало завод не только заказами, но просто затратами на его улучшение. О юридической стороне никто из правительственных агентов не заботился. Паи оставались в руках первоначальных пайщиков или их правопреемников, и в один прекрасный день возник вопрос, да кому же в сущности принадлежит этот Обуховский завод, ценность коего возросла до значительной цифры — 11 млн. руб. Немного поздно спохватившееся о том правительство начало скупать паи, но, разумеется, по мере того как паи скупались, цена их увеличивалась. Оставалось более половины паев, о покупке коих сделано было представление в Комитет министров, собственники паев просили по 27 тыс. за пай. Комитет нашел цену слишком высокою, и паи были немедленно проданы по 46 тыс. частным лицам.

Тогда правительство, но инициативе покойного морского министра Шестакова, отказало признать право участия этих покупщиков в собственности Обуховского завода. Шестаков внес представление в Государственный совет, который имел слабость согласиться на экспроприацию этого завода в пользу казны, которая незадолго пред тем сама скупала эти паи, признавая тем их законную действительность. Началась оценка имущества, причем оценщики, желая понравиться лицам, власть имеющим, оценяли не самое имущество, а значение паев. Одновременно суды утверждали права собственности пайщиков. Наконец, дело в порядке, установленном для дел о вознаграждении частных лиц за отчуждение их собственности на общественные надобности, снова предстало на обсуждение соединенных Департаментов, кои, чувствуя всю неловкость и беззаконность своего положения, по инициативе Абазы высказали намерение решить это дело на основании не каких-либо статей свода законов, а полной équité*.

В деле оказалось заявление покойного гр. Николая Левашева, просившего лишь о возвращении тех денег, кои были затрачены им и другими лицами, одновременно с ним купившими паи. На основании этого заявления, поданного 2 апреля 1885 г., решено возвратить пайщикам всю затраченную ими сумму со сложными с того дня процентами. Сумма эта составила около 4 млн.

Оппонировал лишь Сольский, потому что он был государственным контролером в то время, когда неправильно тратились казенные деньги на Обуховском заводе. Его оппозиция смолкла пред замечанием Абазы, что вся беда произошла от того, что Комитет министров отказал в покупке паев по 27 тыс., а отказ этот произошел по настоянию тогдашнего государственного контролера, т. е. Сольского[33]. Приезжает гр. Протасов-Бахметев рассказать [про] свое назначение на пост главноуправляющего Собственною его императорского величества канцеляриею по учреждениям императрицы Марии.

В качестве бывшего командира гатчинского Кирасирского полка[34] он был приглашен на полковой праздник 9 мая. После парада Протасов был приглашен к столу, за коим сидели их величества, и тут начались шутки императора о том, что он, Протасов, так балует воспитанниц Смольного монастыря, коего состоит попечителем, что, вероятно, его нельзя будет долго оставить на этом месте.

После завтрака во время разговора их величеств с присутствовавшими императрица сказала ему: «Vous ne voulez pas me connaîtrt. Vous ne venez jamais me voir»**, и когда он выпучил изумленные глаза, то она прибавила: «Venez me voir samedi à 11 heures»***. Разумеется, Протасов был осыпан поклонами и рукопожатиями.

В назначенное время Протасов явился к императрице, которая сказала ему, qu'elle a une très grande prière à lui adresser et le prie instamment de ne pas lui donner de refus. C'est d'accepter le poste de**** главноуправляющего.

Протасов стал отказываться, доказывая, что он не имеет надлежащей опытности, указывал на вел. князей Константина Константиновича и Павла Александровича, о коих императрица воскликнула: «Il ne peut pas

*На принципе справедливости.

**«Вы не хотите меня знать, вы никогда меня не навещаете».

***«Навестите меня в субботу в 11 часов».

****Что у нее очень большая к нему просьба и она настоятельно его просит не отказать ей. Дело касается принятия им поста.

en être question!»* В конце концов Протасов, конечно, согласился, получив от императрицы приказание молчать еще в течение десяти дней.

Чрез несколько дней явился к нему Зубов, получивший приказание заготовить указ о назначении Протасова и вместе с тем утративший надежду на получение должности, которую исправляет временно более года.

В следующем заседании опекунского совета Дурново стал высказывать Протасову, что он должен бы был своевременно сообщить Зубову о содержании разговора своего с императрицею, но Протасов с некоторою запальчивостью отвечал, что он уже 26 лет состоит в сношениях с императрицами и знает, как ему надлежит поступать. Тогда Дурново переменил тон и стал просить Протасова, чтобы он при первом у императрицы докладе выпросил для Зубова звание ст.-секретаря. Затем они оба, и Дурново и Зубов, убедительно просили Протасова сохранить Зубова в должности товарища главноуправляющего, чего, разумеется, Протасов не намерен делать, потому что, состоя почетным опекуном, убедился в том, что все управление Дурново и Зубова имело с их стороны одну цель — делать себе побольше влиятельных друзей с полным пренебрежением к нуждам и интересам вдов, детей, сирот и всяких несчастных, призреваемых опекунским советом.

Дурново глупый в общем смысле, но преисполненный хитрости для понимания могущих служить ему слабостей людских, очень недоволен назначением Протасова, во-первых, потому, что Протасов смещает креатуру Дурново — Зубова, а во-вторых, потому, что выбор этот сделан без его ведома, несмотря на то что императрица обещала ему, Дурново, посоветоваться с ним об этом назначении. Протасов чрезвычайно благородный, честный человек, преисполненный самых благих намерений, но далеко не блестящего ума и притом без всякой административной опытности. Он очень испуган предстоящею ему ответственною деятельностью и убедительно просил меня подумать о приискании ему товарища и директора канцелярии.

20 [мая]. Воскресенье. Приезжает ко мне секретарь императрицы Оом, благодарит за то, что я беру на службу в Государственную канцелярию зятя его Коковцова. Никак не может уразуметь, что я никаких от него благодарений не принимаю, потому что считаю его совершенно посторонним моему выбору.

Говоря о назначении Протасова, Оом думает, что главное затруднение для Протасова будет «чрезвычайная доброта императрицы», которая принимает всякие ходатайства, в особенности ходатайства Шереметева, и желает их исполнить, хотя бы это было невозможно.

* «Об этом не может быть речи!»

В подтверждение этого Оом рассказывает, как однажды императрица заявила ему желание определить в какой-то институт какую-то девочку, родом из той губернии, откуда только что приехал Шереметев. Оом отвечал, что нет вакансий. В следующий доклад императрица объявила Оому, что желает поместить эту девочку своею пансионеркою. Оом отвечал, что и это невозможно по неимению места. В следующий за тем доклад Оом увидел на столе пачку ассигнаций, кои императрица вручила ему, что тут сумма годичного за пансионерку платежа.

Выходя из кабинета императрицы, Оом увидел ожидающего здесь Шереметева и спросил его: «Вы дали эту пачку денег императрице?» — «Да», — отвечал Шереметев. «В таком случае возьмите их назад, потому что, покуда я служу секретарем государыни, я не допущу, чтобы она платила за пансионерок чужими деньгами».

Размышляя о том, кого рекомендовать Протасову в товарищи, останавливаюсь на Верховском, которого взял со школьной скамьи, будучи обер-прокурором. Это человек выходящий из ряду по способностям. По службе обер-секретарем Сената и начальником отделения в Комитете министров знаком с ходом административных дел. По обязанности директора Кредитной канцелярии хорошо ознакомился с финансовыми делами и отказался от этой влиятельной и материально обеспеченной должности потому только, что не хотел работать с человеком столь бесчестным, как Вышнеградский.

21 [мая]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича, разговор о его путешествии в Москву навстречу Ольге Федоровне. Их пребывание в Ильинском у вел. кн. Сергея Александровича.

У вел. княгини обычные, малонадежные любезности. *Она:* «Le grand duc m'a dit qu'il avait reçu de moi une lettre dans laquelle je lui écrivais à peu près la même chose que vous veniez de lui dire». *Я:* «J'en suis flatté, madame, mais je crains d'en avoir dit plus que vous». *Она:* «Je suis sûre d'avoir dit d'avantage». *Я:* «J'ai dit qu'il perdait toute position, n'ayant pas le courage de parler et que j'entendais des membres du Conseil dire que ce n'était pas la peinte de rien lui dire, car ce n'était plus comme au temps du grand duc Constantin». *Она:* «Vous lui avez dit cela?» *Я:* «Oui, madame»*. Затем она говорит о своем здоровье, о своих детях, о предполагаемых путешествиях и т. п.

* *Она:* «Великий князь сказал мне, что он получил мое письмо, в котором я писала ему почти то же, что вы только что ему говорили». *Я:* «Я польщен, ваше высочество, но боюсь, что сказал больше, чем вы». *Она:* «Я убеждена, что сказала больше вас». *Я:* «Я сказал, что он утрачивает свои позиции из-за того, что у него не хватает мужества сказать правду, и что я слышал, как члены Совета говорили, будто нет смысла что бы то ни было сообщать ему, так как теперь не то, что было во времена вел. кн. Константина». *Она:* «Вы ему сказали об этом?» *Я:* «Да, ваше высочество».

Протасов восхищен мыслью взять Верховского в товарищи.

22 мая. Вторник. Вследствие вчерашнего праздника заседание Общего собрания Государственного совета перенесено на сегодня, а так как сегодня день смерти императрицы Марии Александровны и наш председатель едет в Петропавловскую крепость на панихиду, то заседание Совета назначено в 2 часа. Поэтому имею время до заседания поехать к гр. Паниной, где бывший опекун моей невестки член Государственного совета Перетц передает мне и Саше, попечителям Софии, принадлежащий ей капитал и отчеты за время управления ее состоянием в бытность ее несовершеннолетнею. Заседание Совета без эпизодов.

23 мая. Среда. Посылаю государю отпечатанный, но еще не выпущенный том о Комитете 6 декабря 1826 г., испрашивая разрешения, как его выпустить: томом сборника Исторического общества или изданием Государственной канцелярии. При этом пишу письмо о значении предполагавшихся реформ, о пользе коллегиального их обсуждения и постепенного осуществления и о том, что некоторые из этих реформ и во главе их уничтожение чинов до сих пор ожидают своей очереди. На этот раз успеваю списать с этого письма копию.

24 [*мая*]. Четверг. Заседание соединенных Департаментов о введении в действие закона о земских начальниках в десяти губерниях[35].

Дурново с храбростью почти военного человека ни в чем не сомневается. Манасеин играет непростительную роль отмалчивания и пожертвования всем, что угодно, только бы его, Манасеина, оставили в покое при месте и жалованье.

Вечером прогулка по Неве с Боголюбовым, который, живя в Париже, влюбился в тамошние учреждения по части изящных искусств и предлагает немедленно уничтожить все у нас существующее и ввести то, что существует во Франции. Как это легко и какие тут были бы последствия!

25 [*мая*]. Пятница. Заседание совета Рисовального училища для обсуждения устава рисовального училища в Иванове-Вознесенске. Министр финансов внес это представление в Государственный совет, а я, получив это представление, предложил Вышнеградскому передать это в совет нашего училища, которое примет на себя хлопоты и издержки по учреждению и содержанию этой первой филиальной школы. Я этого давно добивался от директора училища Месмахера, и очень рад был в этом данном случае иметь за себя авторитет Вышнеградского, чтобы посильнее влиять на Месмахера.

В наше заседание приглашен директор Департамента торговли Бер, какой-то заспанный, неопрятный канцелярский чиновник.

Обедаем у Саши в Царском Селе.

Отсюда еду на Аптекарский остров к Дурново, на дачу министра внутренних дел, которую гр. Толстой обвел высокою каменною стеною, за которою жил, как в тюрьме. У Дурново застаю Делянова и Зубова, которые о чем-то шепчутся и при появлений моем скоро исчезают. Затем приезжают обыкновенные партнеры нашего виста: 2 Абазы, Чихачев, Влангали, Мордвинов, Убри. Ужин, на котором сильно настаивает хозяин, затягивает дело, так что домой возвращаюсь в третьем часу при чудном восходящем солнце.

26 [*мая*]. Суббота. В 9 час. утра, согласно предварительному уговору, прихожу к Воронцову, чтобы передать ему планы нарвского дома для испрошения у государя указаний относительно распределения комнат во время его там пребывания. Застаю Воронцова в его кабинете, в доме на Дворцовой набережной. Пред ним сидит полковник Генерального штаба Гудим-Левкович, который был, кажется, начальником штаба той пехотной дивизии, которой командовал когда-то Воронцов. Полковник сильно критикует все распоряжения Военного министерства относительно постройки крепостей, мобилизации войск и т. д., доказывая, что со стороны Пруссии нам угрожают великие и неотвратимые бедствия. Воронцов все это слушает, поддакивает. Разглагольствования полковника продолжаются полчаса, и вдруг в заключение он говорит: «Спастись ото всего этого есть одно лишь средство — когда император Вильгельм приедет нынче летом, то заключить с ним союз, предложив разделить Австрию пополам». Болтовня, доходящая до такого безумия, выводит меня из терпения. Я встаю. Воронцов отпускает полковника и берет от меня планы. Передавая их, я делаю некоторые дополнительные объяснения, кои, разумеется, мой Воронцов забывает в ту минуту, как мы расстаемся.

Вечером по чудесной погоде прогулка в катере до Кронштадта.

27 [*мая*]. Воскресенье. В 12 час. завтрак у Григория Голицына (сенатора) с архангельским губернатором, также кн. Голицыным, который объясняет трагическое вымирание Архангельского порта и вообще Северного края. Объясняю ему предположения о постройке Сосьвинско-Вычегодской железной дороги, за которую он ухватывается, как за средство спасти Архангельск, и просит у меня разрешения поместить это предположение в свой всеподданнейший отчет. Я, разумеется, соглашаюсь.

В 2 часа еду в Царское Село к Рейтерну на заседание Финансового комитета, собирающегося в не совсем обычном порядке, для обсуждения разногласия, произведенного в Комитете министров государственным контролером Филипповым по представлению Вышнеградского о вознаграждении акционеров Либавской железной дороги[36]. Филиппов

весьма скоро отказывается от своего мнения, и Абаза справедливо ему замечает, что каждый из нас имел бы право взыскать с него 2 руб., израсходованные на проезд в Царское Село. Обед дома с приехавшими из Лондона Бутеневым и из Вены Будбергом. Оба весьма милы.

28 [*мая*]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Слушаю его похвальное слово умершему шталмейстеру Новосильцову. Это был человек, живший исключительно для того, чтобы попасть в милость к великим мира и получить побольше приглашений в самые знатные гостиные, начиная с Аничкового дворца. Это олицетворение пошлости, ничтожества, подобострастия, низкопоклонничества пред высшими и высокомерия пред низшими. У всех швейцаров его имя периодически записывалось в книги, на всех вкусных обедах он являлся неизменно прихлебателем, приводя всегда готовый запас сплетен всякого рода. В последние годы он сделался любимым гостем императрицы, которая постоянно приглашала его на свои самые немногочисленные собрания; вследствие этого он, разумеется, пользовался расположением Михаила Николаевича, который, по случаю его смерти, отзывался о нем как о друге и в доказательство теплоты и искренности его чувств приводил то обстоятельство, что в самый день смерти Новосильцова, когда Михаил Николаевич и Ольга Федоровна пришли узнать о его здоровье, то он услыхал их голоса из соседней комнаты и пожелал их видеть!..

Завтракаю в клубе с Михаилом Николаевичем и Владимиром Александровичем.

В Совете слушается дело о числе уроков греческого и латинского. Абаза язвительно смеется над Деляновым, который просит прощения в том, что так легкомысленно три раза переменял мнение. Филиппов говорит длинную, но не талантливую речь с такими продолжительными паузами, что в одну из них проснувшийся от прекращения звука 90-летний Новосильский восклицает: «Опять остановился».

Прекрасно, от души, со слезами говорит Редкин.

Уходя, цесаревич говорит мне: «А Редкин-то молодчина?! А Делянов во время его речи все ухмылялся».

Я: «Негодяй, у которого в душе нет ни капли патриотического чувства».

Наследник: «Да, армянин». Протасов рассказывает мне, как происходило первое под его председательством заседание опекунского совета и какую неприличную выходку дозволил себе Зубов, раздосадованный тем, что его не назначили главноуправляющим.

Так вот о чем он шептался с Деляновым и Дурново!

29 [*мая*]. Вторник. Заезжаю проститься к уезжающей в Германию старухе гр. Паниной. Разговор, естественно, касается ненавистной ей

Петрункевич — матери моей невестки, и, по этому случаю, старуха рассказывает мне несколько любопытных обстоятельств. Вот сущность ее рассказа: в 1880 г., тотчас вслед за взрывом в Зимнем дворце, госпожа Петрункевич, уже предавшаяся революционной партии, явилась однажды в контору гр. Паниной и вытребовала от растерявшегося управляющего капитал, принадлежавший дочери и состоявший из нескольких сот тысяч рублей. Гр. Панина, узнав это, перепугалась и поспешила написать письмо государю Александру Николаевичу с просьбою назначить опекуна над внучкою.

В это время Настасия Николаевна Мальцева (мать госпожи Петрункевич) не покидала императрицы Марии Александровны и упросила ее не давать удовлетворения просьбе гр. Паниной, оставляя внучку в полной власти своей матери. Для объявления такого решения к гр. Паниной явился всемогущий в то время Лорис-Меликов, но каков был переполох, когда он узнал, что, по всей вероятности, капитал малолетней, вероятно, будет употреблен на какие-нибудь новые революционные предприятия. Лорис-Меликов немедленно отправился к Петрункевич и истребовал от нее похищенные деньги обратно.

Прошло еще несколько месяцев. Однажды гр. Панина получает известие о последовавшей в то утро кончине императрицы. Она тотчас отправляется в Зимний дворец, и, о ужас, на лестнице ей встречается сам император, который, приехав из Царского Села на самое короткое время, спешил обратно в объятия княжны Долгорукой.

Встреча была неприятная, графиня охотно спряталась бы в какой-нибудь угол, но государь начал весьма любезно разговаривать с нею и рассказал, что при свиданье с женою накануне дал ей обещание никогда не брать от госпожи Петрункевич ее дочь. «Это был последний наш разговор, последний предмет, о коем шла речь».

Это дешевое обещание Александр II сдержал в продолжение своего царствования, и София была взята под охрану от сумасбродного влияния матери своей лишь при нынешнем государе.

30 [*мая*]. Среда. Рождение моего младшего сына, коему минуло 16 лет. Жена моя уезжает в Рагац. Провожаем ее до Раптей.

31 [*мая*]. Четверг. Мне минуло 58 лет. Панихида на могиле матушки в Черемснецком монастыре.

1 июня. Возвращаюсь в 6 час. в Петербург и еду обедать в Новый клуб, где меня ожидает Протасов-Бахметев, чтобы рассказать, как была принята кандидатура Верховского. Императрица ему сказала, что Бунге (назначивший Верховского директором кредитной канцелярии) делал обыкновенно весьма неудачные выборы в людях, но что, впрочем, она предоставляет Протасову избрать кого он хочет.

После этого разговора Протасов был у государя и имел неосторожность говорить ему о назначении своим товарищем Верховского, которого он никогда не видал.

2 [июня]. Суббота. В 5 час. отправляюсь на пароходе Чихачева сделать прогулку на взморье в многочисленной компании: кн. Куракина, Нелидова с племянницей Голицыною, супруги Сумароковы-Эльстон Юсуповы, Абаза, Убри, Дурново (Иван Великий), Мордвинов, Н. Долгорукий, Влангали. Осматриваем элеватор в морском канале, а потом галерную гавань с сохраняющимися здесь галерами времени Петра Великого.

3 [июня]. Воскресенье. В 11 час. приходит ко мне Дондуков узнать, не получал ли я чего о его увольнении от должности главноначальствующего на Кавказе. Отвечаю, что я слышал только, что Обручев был вчера с докладом и что указ об увольнении его от должности подписан, равно как и пожалованный по этому случаю рескрипт. Дондуков бранит Обручева, который до сих пор его не уведомил, а затем бранит и всех, о ком заходит речь.

В $1^1/_2$ [часа] открытие тюремного конгресса[37]. Исполненный чувства приличия Галкин-Врасский заставляет французского делегата Гербетта говорить ему, Галкину, комплименты. Правда, после Галкина очередь доходит и до государя.

Сижу целый день за нескончаемою мемориею.

4 [июня]. Понедельник. Последнее заседание Общего собрания Совета. Я настаиваю на изменении редакции указа о земских учреждениях, требую удаления условной формы речи, как не соответствующей достоинству верховной власти. Фраза эта была включена по настоянию Дурново, который учился грамоте на медные деньги, а побывши министром, не сомневается ни в чем, даже в литературных своих талантах.

Вел. князь собирает совещание: Абазу, Сольского, меня, и мое домогательство уважживается.

Рекомендую Протасову в директоры канцелярии помощника ст.-секретаря Кочукова, которого я узнал во время моей ревизии в Киеве, где он был товарищем прокурора судебной палаты.

5 [июня]. Вторник. Утомительное писание. Обедаю с Влангали, который высказывает мне опасение, что Австрия хочет сделать Константинополь столицею Болгарского царства, что для нас натворило бы много затруднений.

6 [июня]. Среда. Везу на своем пароходе Вышнеградского осматривать ниточную фабрику. Он осматривает все весьма дельно, но решительно никакой поддержки не обещает и вообще больше заботится о миллионе, получаемом с этого товара таможенной пошлины, чем о

развитии новой отрасли отечественной промышленности. Собирается ехать в Среднюю Азию, чтобы посмотреть, нельзя ли оказать покровительство русскому хлопку и при этом немедленно обложить его пошлиною. Это не министр финансов, а приходо-расходчик, всегда готовый надуть того, кто, на свое несчастье, имеет с ним дело. В его извинение надо сказать, что он не имеет самого элементарного понятия о том, что называют нравственностью.

Завтракать приходит Боголюбов и рассказывает, как был на днях у государя, по обыкновению завтракал там и после завтрака излагал свои мысли о реформе Академии художеств. Уговаривал он государя купить коллекцию Шпицера, но это, кажется, не удастся. Государь выразил ему желание видеть фотографии, снятые с этой коллекции, кои я и послал ему немедленно.

7 [июня]. Четверг. Телеграмма от Бека из Англии о том, что Котс желает встретиться со мною в Берлине. Я, разумеется, выражаю согласие.

С Влангали заезжаю вечером к Ванновскому, который живет на Каменном острове в отведенном ему придворном доме. Он сильно хворает и едва ли будет в состоянии вернуться к деятельной службе.

8 [июня]. Пятница. Опять целый день за мемориею.

9 [июня]. Суббота. По десятичасовому поезду еду в Александрию откланиваться государю. В приемной миниатюрного домика, занимаемого их величеством, ожидает Ванновский. Приехавшего со мною секретаря императрицы прошу доложить ей о моем желании ей откланяться. Она немедленно меня принимает, несмотря на то что у нее сидит греческая королева[38]. Извиняюсь в причиняемом беспокойстве. Она спрашивает о здоровье жены моей. Отвечаю, что она уехала в Рагац лечить нервные боли, происходящие от суетливой петербургской жизни. Заходит речь о женитьбе моего сына. Большие похвалы моей невестке. Отвечаю: «Que nous sommes heureux de ce mariage; qu'il n'y a qu'un ombre au tableau: c'est la maman»*. В заключение говорю: «Que nous serons très heureux de recevoir leurs majestés à Narva, mais que je suis malheureux de n'avoir pas jusqu'à prèsent appris la moindre des choses sur les habitudes de sa majesté». *Она:* «Je n'en ai pas, ni l'empereur non plus». *Я:* «Pardon, madame, pour l'empereur il y a le простокваша»**. На этом расстаемся.

---

* «Мы счастливы этим браком; только одна тень омрачает картину: это матушка».

** «Мы будем счастливы принять ваши величества в Нарве, но нас огорчает, что до сих пор я ничего не узнал о привычках его величества». *Она:* «У меня их нет, как и у императора». *Я:* «Извините, ваше величество, что касается императора, то я знаю о простокваше».

Возвращаюсь в столовую дожидаться приема у государя. Разговор с Гиршем, бездарным и невежественным врачом государя. Жалуется на то, что государь не делает достаточно движения. Скоро, насытившись этим разговором, принимаюсь за чтение взятого с собою нового романа Maupassan, как дверь отворяется и входит вел. кн. Михаил Николаевич и обращается ко мне с вопросом: «Вы по какому случаю?» *Я:* «Я приехал откланиваться государю». *Вел. князь:* «Вам назначено государем?» *Я:* «Да». *Вел. князь:* «А мне никто не назначил, а я сам приехал, узнав, что Ванновский докладывает сегодня о том, какое ружье должно быть принято для нашей армии, магазинное или нет[39]. Я фельдцейхмейстер, а Ванновский меня знать не хочет. В своем отчете государю приписывает себе все то, что я предложил сделать. А с вел. кн. Николаем Николаевичем Ванновский поступает совсем иначе. Кантика не переменят в кавалерии, не спросив его. Я непременно пойду присутствовать при докладе военного министра».

Все это я слушаю с неодобрительным молчанием.

Вел. князь уходит к императрице и вслед за тем чрез четверть часа уезжает, дав мне понять, что исполнил свое намерение.

После Ванновского зовут меня наверх в кабинет государя, который по обыкновению начинает разговор с того, что извиняется в том, что заставил ждать, потом спрашивает о том, когда я намерен уехать. Отвечаю: «Когда получу обратно последнюю меморию». Затем разговор касается дел Государственного совета, но я стараюсь перейти к другому, не желая высказывать неприятных истин, когда в близком будущем буду принимать у себя государя как гостя. Речь заходит о Нарве. Спрашиваю о распределении комнат. Государь подтверждает желание жить наверху, а германского императора поместить внизу. О германской императрице[40] выражается так: «Я ее не приглашаю, потому что мне некуда ее поместить. У Вас, конечно, было бы место, а потом, когда мы пойдем маневрами, не могу я поместить ее в палатках, в которых мы будем сами жить». Выражает желание, чтобы в Нарве все было по возможности просто. Я отвечаю, что знаю его вкус к простоте и соображусь с этим. Прошу позволения сделать лишь следующее: осветить дом и окружающую его местность электричеством, выстроить временную станцию, устроить 5 августа народный праздник. Предлагаю 5 августа утром сделать на катерах прогулку к морю вниз по Нарве.

Потом разговариваем о коллекции Шпицера. Цифра 25 млн. франков, очевидно, пугает. Государь говорит, что этой цели уже удовлетворяет музей нашего училища.

В заключение говорим о его здоровье. Я ему очень советую устроить для себя jeu de pomme*. Он говорит, что очень желал бы это сделать. Я возражаю, что во всяком случае, покуда он приведет это намерение в исполнение, следует делать больше движения. Отвечает, что решительно некогда, и при этом рассказывает, как проходит весь день: «С утра принимаю доклады вплоть до завтрака. После завтрака иду гулять и потом опять принимаюсь за бумаги. В 5 час. иду пить чай к жене, это единственное время, когда ее вижу. После обеда хочется что-нибудь почитать, а там опять бумаги до третьего часу».

Я: «Да, я нередко проезжаю мимо Аничкова дворца, иногда весьма поздно. Еду домой от Абазы, где играю в вист, и всегда вижу Ваш кабинет освещенным. Но я думаю, что можно бы значительно сократить [число] бумаг, посылаемых Вам для прочтения».

Государь: «Я уж и так сократил. Например, по Министерству иностранных дел я запретил посылать мне бумаги, касающиеся мелких государств, как, например, Испании и Португалии».

Отпускает меня со словами: «До свиданья, в Нарве у Вас, 4 августа».

Я: «Слушаюсь. Если будут какие приказания, то благоволите их мне прислать».

Государь: «Помилуйте, какие еще, Вы уж и так столько делаете».

18 [июня]. Среда. В 11 час. еду в Царское Село к вел. князю. Владимир Александрович хворает и стареет, глупо проводит время в обществе отвратительных личностей вроде Бенкендорфа; все по влиянию пустейшей и занятой исключительно собою Марии Павловны.

14 [июня]. Четверг. Поездка в Михайловское. Болтовня с Ольгою Федоровною. Она показывает мне свое духовное завещание. Советую ей совершить его с соблюдением порядка, установленного гражданскими законами.

Вел. князь горько сетует на Ванновского, который не выказывает ему достаточного уважения.

Возвращаюсь в поезде с Протасовым. Любопытные подробности доклада у императрицы. Например: «Vous n'êtes pas aimable pour moi». — «Pourquoi?» — «Parce que vous ne me recevez jamais en toilette bleu»**. (Он командовал синими кирасирами ее величества.) «Et bien, j'étais en bleu pas plus tard qu'hier». — «Oui, mais je n'y étais pas»***.

15 [июня]. Пятница. Получаю от государя последнюю меморию. Продаю паи Екатерингофской бумагопрядильни по 9500 руб.

---

*Игра в мяч.

**«Вы не любезны со мной». — «Почему?» — «Потому что вы никогда не принимаете меня в голубом платье».

***«Но ведь я была в голубом только вчера». — «Да, но меня не было».

Еду обедать в Осиновую рощу к Левашевым вместе с вернувшимися из Марфино Сашею и Софиею.

Левашев счастлив благополучным для него окончанием обуховского дела.

16 [июня]. Суббота. В своем Рисовальном училище встречаюсь с Вышнеградским, который приехал, чтобы взять обратно бронзовые вещи, стоявшие в квартире министра финансов и поставленные на выставку музея училища по распоряжению Бунге.

Спрашиваю Вышнеградского, какой он мне даст совет по отношению к ниточной фабрике и войне, объявленной нам шотландцами. Он отвечает, что никакого совета дать не может. Спрашиваю, что он сделает, если шотландцы построят фабрику и будут продавать в убыток. Отвечает: «Ничего сделать не могу».

Я решаюсь на основании таких ответов войти в соглашение с шотландцами.

Уезжаю в Берлин в 7 час. вечера.

17 [июня]. Воскресенье. Со мною в поезде оказывается ген.-ад. Воейков, который в прошлое царствование был постоянным распорядителем в императорских путешествиях. Он рассказывает несколько характерных анекдотов об Александре II:

1) В 1871 г. государь по обыкновению пил воды в Эмсе. В это время прусские войска возвращались из Франции. Императрица Августа, проживавшая в Кобленце, пригласила однажды русского императора на завтрак в обществе офицеров полка его имени. В одной комнате был приготовлен сидячий завтрак для императрицы, ее придворных и для русского императора с его свитою. В соседней комнате был приготовлен буфет, пред которым завтракали стоя офицеры полка. Среди завтрака император Александр обратился к императрице Августе с просьбою посадить за стол старших офицеров полка, и на ответ, что за столом нет более места, император сказал: «Я сейчас сделаю место», а затем, обратясь к лицам своей свиты — Воейкову, Рылееву, Долгорукову, Салтыкову, сказал им: «Эй вы, подите в ту комнату и пришлите оттуда старших офицеров».

2) В последнее время царствования императора Александра его свита приняла такие размеры, что ни он сам, ни командующий Главною квартирою гр. Адлерберг не знали имен многих флигель-адъютантов. Когда приезжали в Петербург иностранные государи, то император по заведенному обычаю представлял им всех лиц своей свиты. При этом Адлерберг подсказывал ему имена представляемых, имея в свою очередь суфлером Воейкова. На одном таком представлении Воейкову пришлось назвать флигель-адъютанта Дуткина. Адлерберг, принимая

такое название за неуместную шутку, серьезно рассердился на Воейкова.

3) Во время пребывания в Москве эрцгерцога Альбрехта был парад, после которого государь уехал дальше и пригласил с собою эрцгерцога. За обедом, обращаясь к эрцгерцогу, государь заметил, что дежурными при нем в этот день были флигель-адъютант Ильинский, сын горничной сестры государя, и генерал свиты Эллис, сын горничной матери императора. Воейков, сидевший за столом против государя, исполняя обязанности походного гофмаршала и имевший в то время звание свиты генерала, не знал, куда деваться.

18 [июня]. Понедельник. Провожу день с Шуваловым, который не перестает говорить, что от предстоящего нарвского свиданья будет зависеть мир Европы, и очень сожалеет, что германская императрица не получила приглашения приехать в Россию. По всей вероятности, она отказалась бы от этого приглашения, но самолюбие ее и ее мужа было бы удовлетворено, а это не безделица.

19 [июня]. Вторник. Словесное соглашение с Котсом о ниточной фабрике.

20 [июня]. Уезжаю в Рагац, где нахожу жену и младшего сына.

25 июля. Возвращаюсь в Царское Село на помощь моей бедной жене, приехавшей заранее и заваленной хлопотами и неприятностями. Пребывание в Нарве принимает невероятные размеры. Между тем гофмаршал кн. Владимир Оболенский проводил лето за границею и вернулся лишь в середине июля. Так как я еще из Швейцарии написал письмо Рихтеру с просьбою послать кого-нибудь в Нарву, чтобы указать число имеющих прибыть туда лиц и распределить между ними имеющиеся помещения, то дело это было поручено Оболенскому, который, приехав в Нарву, все раскритиковал, выразил неудовольствие о том, что мы с женою имеем помещение, хотя и весьма скромное, приказал изменить распределение комнат в том виде, как оно было сделано самим государем, потребовал постройки трех новых кухонь, множества бараков, наконец, по просьбе нашего управляющего Абеля назначил ему свидание в 3 часа ночи для получения окончательных приказаний и затем уехал из Нарвы в 12 час. с тем, чтобы оставить Абеля, по возможности, в невыясненном положении. Вернувшись в Петербург, Оболенский стал рассказывать, что удивляется, как при скромности нашего помещения мы решились пригласить их величества, что с нашей стороны весьма неделикатно находиться в Нарве во время пребывания их величеств, занимая при этом комнаты, кои могли пригодиться свите, и т. п.

Из настоящего дневника видны подробности того, как состоялось высочайшее прибытие, как я получил приказание от государя его

встречать. Не говоря о том, что отсутствие наше было бы справедливо истолковано, как грубость или по крайней мере недостаток вежливости.

26 [июля]. Четверг. В Петербурге заседание для рассмотрения устава ниточной мануфактуры по соединении с шотландцами. Обед в Новом клубе с Протасовым-Бахметевым, который очень доволен тем, что ему удалось назначить Верховского товарищем, а Кочукова — управляющим делами. Я думаю, что с этими двумя мною рекомендованными Протасову людьми управление его учреждениями императрицы Марии пойдет гораздо лучше прежнего. О порядках, заведенных Дурново, о его личности и характере Протасов весьма плохого мнения, и мнение это начинает разделять императрица. На днях, говоря о Дурново, она сказала Протасову: «Il m'a mis sur le dos Зубов et après cela n'a rien voulu faire pour m'en débarasser»*. На это Протасов рассказал, что, говоря о Зубове, Дурново сказал: «Давно этому глухарю пора убираться, как он этого не понимает». — «Et cela s'appelle des amis!»** — воскликнула императрица, видевшая Дурново постоянно в течение стольких лет и не расчухавшая лакейство этой души или, скорее, полюбившая это лакейство.

В этот же день она сама выдала свою приятельницу Шереметеву, сказав Протасову: «Elle m'a tant poursuivi que j'ai été ebligée de lui promettre»***.

Уезжаю на охоту с легавою собакою в Колтуши.

28 [июля]. Суббота. Возвращаясь с охоты в Царское Село, встречаю А.М. Скалон, с которой еду кататься по парку в Павловске. Будучи дружна с моей женою, она встревожена взрывом интриг и всякой клеветы, воздвигаемых против нас по поводу императорского в Нарве пребывания.

29 [июля]. Воскресенье. Еду в Красное Село, чтобы повидаться с Воронцовым и сколько-нибудь защититься от грубых выходок его подчиненного гофмаршала Оболенского. Застаю Воронцова спящим и потому захожу к вел. кн. Владимиру, которого по обыкновению застаю читающим журналы. На вопрос, как прошло лето, отвечает: «Без всяких нравственных неприятностей».

Я говорю, что больше нечего требовать от жизни, но он придает большое значение неприятностям физическим, во главе коих стоят военные упражнения, не представляющие для него интереса.

*«Он навязал мне Зубова и теперь ничего не желает сделать, чтобы освободить меня от него».

**«И это называется друзья!»

***«Она так меня преследовала, что я была вынуждена дать ей обещание».

В 10 час. возвращаюсь к Воронцову и рассказываю ему мелкие гадости Оболенского. На что он мне отвечает: «Тебя это удивляет, потому что ты имеешь с ним дело в первый раз, а мне приходится иметь постоянно дело с этим негодяем, у которого одно стремление — вертеться на глазах у их величеств».

Самое хозяйство идет отвратительно, беспорядок полный, а деньги тратятся без толку и без счету. Ко всему этому надо прибавить, что ему неизвестны первые основания благовоспитанности. Покуда мы разговариваем на эту тему, вел. кн. Михаил Николаевич приглашает меня к себе. Здесь нахожу Ольгу Федоровну. Меня осыпают любезностями и затем уходят к обедне, а я возвращаюсь в Царское Село.

30 [июля]. Понедельник. По приглашению вел. кн. Ольги Федоровны еду завтракать к ней в Михайловское. По обыкновению эта женщина, обладающая великим природным умом, сосредоточивается исключительно на мелких сплетнях. Вот бюллетень ее, на этот раз касательно последних дворских событий.

Государю приезд германского императора надоедает. На днях про него было сказано: «Insupportable gamin qui ne peut pas se tenir tranquille»*. Императрица наотрез отказала пригласить в Нарву германскую императрицу. Когда Ольга Федоровна говорила с ней о том, то получила в ответ: «Ce serait trop ennuyeux»**. Обсуждая этот ответ копенгагенской мещанки, а не русской царицы, Ольга Федоровна заключила: «Elle oublie qu'elle est d'origine allemande elle-même»***.

За последним завтраком в Красном Селе государь, сидя подле Ольги Федоровны, не переставал говорить о размещении своих комнат в нарвском доме, повторяя: «Почему Оболенский хочет, чтобы мы жили внизу, когда Половцов предлагает, чтобы мы поместились наверху; ведь Половцов должен знать свой дом лучше, чем Оболенский. Все это я увижу и переменю по прибытии в Нарву».

За этим же завтраком подали государю шампанское вино, отзывавшееся пробкою. Государь велел переменить поданное вино и при этом заметил, что его следовало бы пробовать прежде, чем подавать, причем вел. кн. Алексей Александрович с свойственною ему развязностью добавил: «Du moins ce la se fait ainsi dans les bonnes maisons»****.

На семейных собраниях забавляет, а теперь начинает озабочивать вел. кн. Николай Николаевич. Он заговаривается, употребляя одно слово вместо другого, повторяет сказанное, перепутывает лица и со-

*«Несносный мальчишка, он не может сидеть спокойно».

**«Это было бы слишком скучно».

***«Она забывает, что сама немецкого происхождения».

****«По крайней мере так делается в хороших домах».

бытия. Очевидно, его опухоль на щеке не простая и приближается к мозгу. Теперь его idée fixe, что вел. кн. Михаил Николаевич дозволяет себе слишком свободно обращаться с дамами, принадлежащими к его семейству. Сидя возле вел. кн. Елизаветы Федоровны, Михаил Николаевич приподнял ногой кончик платья, чтобы видеть, какая у нее была надета обувь. Потом императрица ударила Михаила Николаевича в спину, а он, продолжая войну, развязал ленты, коими была завязана ее шляпа. Вел. кн. Николай Николаевич, увидав то и другое, серьезно стал выговаривать младшему брату неуместность подобных вольностей, угрожая, что подобное поведение рассердит государя. И... испортит положение, коим Михаил Николаевич пользуется при дворе.

Говоря об императрице, Ольга Федоровна говорит с некоторою снисходительностью: «Mini is so thoroughly good»*.

Сокрушается об отъезде сына Александра Михайловича в дальнее плавание на такой скорлупе, какова «Тамара», яхта, купленная им в Англии.

Из Михайловского заезжаю к Сольскому, который еле ходит, но головою еще свеж.

Победоносцева, живущего в Сергиевском монастыре и только что возвратившегося из Перми, не застаю дома.

31 июля. Вторник. В $4^1/_2$ часа уезжаем в Нарву по еле двигающейся Балтийской железной дороге и приезжаем около 11 час. Прямо со станции отправляемся осмотреть дом, освещенный и внутри и извне электричеством.

1 августа. Среда. Я думал, что для помещения двух императоров и их свит достаточно будет главной дачи и четырех довольно обширных домов, занятых управляющими и другими служащими на фабриках лицами. Но всего этого оказалось мало, так как пришлось позаботиться о помещении 112 человек, не считая прислуги, для которой построены были обширные барачные помещения.

Провожу целый день в осмотре приготовленных квартир.

На самой даче помещаются государь и императрица, дочь их Ксения, германский император с братом принцем Генрихом. Приемные комнаты оставлены без всякого изменения, а спальные вновь затянуты и мебель обита ситцем. В смежном с дачею флигеле живут: благовоспитанный кн. Оболенский с ген. Кутузовым, женатым на сестре Оболенского, Мартынов, заведующий конюшнями, Эшаппар и Озеров — офицеры, принадлежащие к охране.

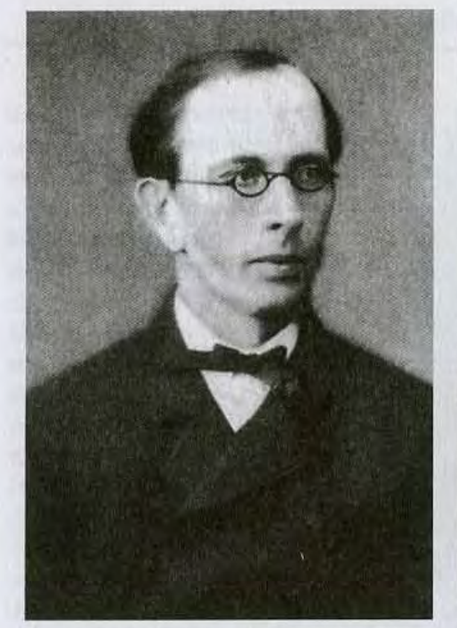
*«Мини так истинно добра» *(англ.)*.

Княгиня Елизавета Григорьевна Волконская

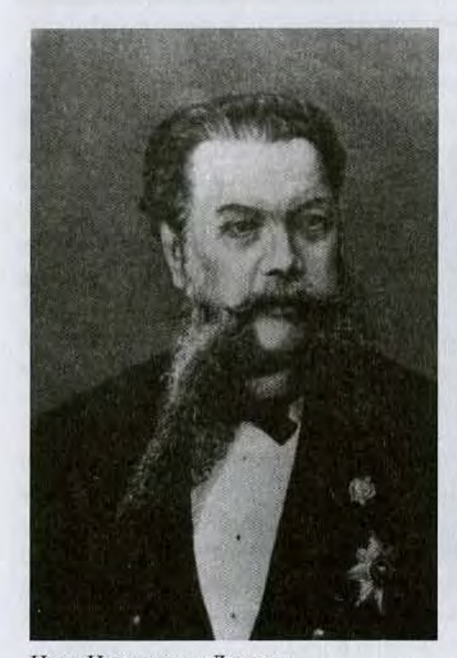
Графиня Мария Эдуардовна Клейнмихель

Константин Петрович Победоносцев

Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский

Иван Николаевич Дурново

Петр Васильевич Оржевский

Граф Николай Павлович Игнатьев

Граф Петр Александрович Валуев

Князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков

Михаил Иванович Чертков

Федор Логгинович Гейден

Павел Александрович Кривский

Георгий Иванович Бобриков

Князь Владимир Анатольевич Барятинский

Князь Александр Владимирович Барятинский

Сергей Юльевич Витте

Николай Николаевич Герард

Иван Логгинович Горемыкин

Николай Васильевич Исаков

Князь Сергей Никитич Трубецкой

Петр Михайлович Кауфман

Павел Павлович Демидов, князь Сан-Донато

Светлейший князь Николай Петрович Лопухин-Демидов

Графиня Мария Александровна Стенбок-Фермор

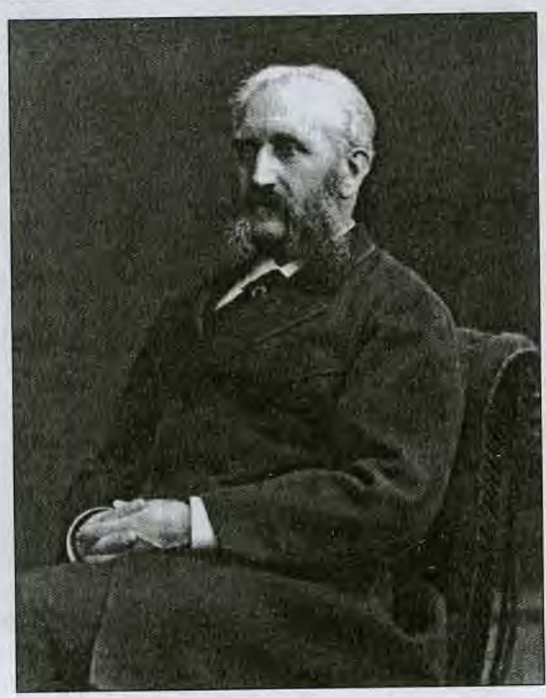
Графиня Надежда Александровна Бобринская

Граф Алексей Александрович Бобринский

Князь Александр Дмитриевич Оболенский

Николай Николаевич Шипов

Эммануил Дмитриевич Нарышкин

В квартире садовника помещены 5 лиц свиты германского императора: ген.-ад. Виттих, свиты ген. Ведель, флигель-адъютанты Цицевиц и Шоль и врач Лейттольд.

В доме главного директора льнопрядильни Кинеля, где мы поместились сами, живут в качестве наших гостей гр. Воронцов-Дашков, военный министр Ванновский, командующий Главною квартирою Рихтер, посол в Берлине гр. Шувалов и начальник охраны ген.-ад. Черевин.

В доме второго директора — вел. кн. Николай Николаевич и флигель-адъютант германского императора Сенден-Бибран. В доме главного техника — начальник гражданского кабинета германского императора Луканус и с ним еще шесть лиц. В доме директора суконной фабрики младшего Пельцера — канцлер Каприви, обер-гофмаршал Эйленбург, ген.-ад. Ганке и еще четыре прусских чиновника.

В доме умершего Пельцера-отца — вел. кн. Сергей Александрович с вел. кн. Елизаветою Федоровной и ее фрейлиною, принц Гессенский[41] с сыном[42], принц Ольденбургский[43], герцог Лейхтенбергский[44].

В здании суконной фабрики — посол Швейниц и советник посольства гр. Пурталес. В доме рядом — два адъютанта принца Генриха Прусского. В доме старшего брата Пельцера, что насупротив водопада, — вел. кн. Владимир Александрович с вел. кн. Мариею Павловною и ее фрейлиною Лобановой, вел. кн. Михаил Николаевич с сыном Александром, герцог Мекленбургский[45] и принц Саксен-Альтенбургский[46], а также три адъютанта вел. кн. Владимира.

В следующем за тем доме — министр иностранных дел Гирс, обер-гофмаршал кн. Трубецкой и состоящий при императрице кн. Иван Голицын.

В только строившейся казарме для рабочих на скорую руку приготовили помещение для русской свиты и иностранных военных агентов, а именно: генерал-адъютанты Глинка-Маврин, Мердер, Стюрлер, Жуковский, Обручев, Галл, Розенбах, ген. Миркович, свиты генералы Пушкин, Лопухин-Демидов, Гессе, флигель-адъютанты Шереметев, Рейтерн, Ризенкампф, Косач, Палтов, Фуллон, Пашков, Павловский, Белосельский, Бенкендорф, Корф, Дерфельден, гофмаршал Сергея Александровича, гр. Стенбок, доктор Гирш и 15 иностранных офицеров.

Корме того, в квартирах служащих помещены: чины походной канцелярии гр. Олсуфьев и Будберг, живописец Зичи, 6 лиц свиты Николая Николаевича и один адъютант Михаила Николаевича — кн. Вяземский.

2 [*августа*]. Четверг. Продолжаю осматривать помещения и распределять купленную для сего случая мебель, в особенности кровати и

умывальные приборы, коих не могли получить достаточное число в Петербурге и в значительном количестве со всевозможною поспешностью выписали из Парижа. Начинают появляться всякие придворные прислужники, предъявляя всевозможные требования. Приходит 100 человек солдат охраны, им отводят приготовленные для них бараки, но вслед за ними является казацкий конвой, несущий службу конной охраны, и требует казарм себе и конюшен для лошадей и т. п.

Оболенский, приехав в Нарву на один день, предъявив всякого рода требования, приказал нашему управляющему Абеля прийти за приказаниями об окончательном распределении в 3 часа ночи, а когда Абеля пришел, то узнал, что Оболенский уехал в час ночи. Таким образом, Абеля, быв лишь садовником, должен был заняться устройством комнат, не имея понятия о значении и свойствах жильцов. Разумеется, произошли недоразумения, которые стараюсь поправить, чтобы не подвергнуться горьким осуждениям за невнимание к гостям или неумение жить. На мое счастье приезжает полковник Гернет, по должности своей смотритель Зимнего дворца, но по расторопности делающий все то, что должен бы делать сам гофмаршал Оболенский, наживаясь при этом на каждой безделице так, что чуть не всякий лакей прямо называет его вором.

3 [*августа*]. Пятница. Продолжаю возиться с Гернетом, у которого в некоторых вопросах своеобразные воззрения. В особенности он не одобряет обилие орудий чистоты и даже приказывает выносить часть из них, под тем предлогом, что всякий гость может спросить себе то, что найдет необходимым. Я настаиваю на своем распоряжении, и он мирится с ним, говоря: «А действительно, в жаркую погоду может быть приятно после дня, проведенного на маневрах, облиться холодною водою», не допуская мысли, чтобы у кого-нибудь была привычка ежедневно омывать все тело. В человеке, занимающемся устройством дворцовых помещений, такое воззрение весьма характерно.

Хотя мы накануне царского приезда, тем не менее постоянно происходят перемены и делается известным о прибытии новых гостей. Так, вел. кн. Николаю Николаевичу было отведено помещение в городе, он обиделся, потребовал непременного назначения квартиры у нас и, получив таковую, привез с собою шесть человек свиты, рассчитывавших пожить и повеселиться на казенный счет, не заботясь нисколько [о] делаемых тем затруднениях.

Вел. кн. Александр Михайлович должен был отправляться в плавание, но по неловкости машиниста, его яхта налетела на берег в Неве, разбилась сама и разбила каменную набережную; этим случаем немедленно воспользовались, чтобы пригласить юного моряка на сухопутные

маневры с тем, чтобы дать ему лишнюю возможность видеться с Ксениею Александровной.

Обер-гофмаршал кн. Трубецкой, получив приглашение приехать в Нарву, спросил у своего подчиненного кн. Оболенского, где ему будет отведена квартира, но получил в ответ, что на него не рассчитывали и что ему квартиры не будет. Трубецкой телеграфировал мне, прося остановиться в комнате, отведенной его приятелю с детства Шувалову. Я тотчас приказал устроить ему комнату, что и было сделано к великому негодованию Оболенского.

4 [*августа*]. Суббота. В 2 часа приезд свиты, о которой нельзя не сказать два слова. Несмотря на то что нынешний государь сократил свиту наполовину (с 500 до 250) и намерен продолжать сокращение, от прежнего времени осталось множество никуда не пригодного хлама, который в настоящее время и составляет персонал, появляющийся для сопровождения императора. Для народного самолюбия, признаюсь, несколько обидно видеть при свидании двух императоров немца, окруженного лучшими людьми, достойными проводить жизнь в интимном общении с своим владыкою, а нашего царя, привезшего подонков, случайно получивших императорский вензель, ни на какое серьезное дело не годных лиц.

К 7 час. еду на устроенную нами для этого случая деревянную железнодорожную станцию, где собрались встречать их величеств государева свита, нарвские жители, рабочие наших фабрик, кои расставлены по пути следования государя, по обе стороны дороги и притом так, что впереди стоят дети, потом женщины, а уже за ними мужчины. В 7 час. подходит императорский поезд и по счастию к этому времени дождь, ливший последние дни постоянно, прекращается и вся картина, испещренная толпою, флагами, мундирами и т. д., освещается веселым солнцем.

По выходе на площадку их величеств им подносят хлеб и соль сначала депутация от г. Нарвы, потом депутация от ремесленного общества, затем рабочие и директора наших фабрик и, наконец, моя жена и я. Она передает государю золоченое блюдо, исполненное по рисунку одного из учеников нашего Рисовального училища, с такими надписями: «Нарва 4 августа 1890 г. Милости просим! Добро пожаловать!» Государь очень любезно приветствует мою жену. Императрица же, взяв от меня букет из орхидей, не оставляет его ни минуты в своих руках, а тотчас передает его состоящему при ней кн. Ивану Михайловичу Голицыну, наградив меня молчаливым поклоном.

Хотя я давно испытываю ее нерасположение ко мне, но, признаюсь, такой прием меня несколько смущает, и я, подавая букеты вел.

княгиням, сбиваюсь в их старшинстве, что вызывает замечание Марии Павловны, что я ее больше знать не хочу.

При выходе из станционного павильона императрица, вероятно под впечатлением своего дурного расположения, забывает на станции свою 16-летнюю дочь Ксению (которая не имела и не имеет воспитательницы, а проводит время с горничными). Отъехавшую несколько шагов коляску останавливают и берут с собою Ксению. Народ, по дороге стоящий толпами, кричит «ура», и императорская чета благополучно достигает главного дома.

На станции кн. Оболенский подходит к жене и ко мне, приглашая к императорскому столу.

В $8^1/_2$ часа обед в большой палатке, раскинутой вблизи от дома на лужайке, причем распоряжением Абеля сделан в палатке деревянный пол. Здесь дожидает собравшаяся в числе сотни человек свита и среди нее одна дама — жена моя и один гражданский чиновник — я. В $8^1/_2$ часа выходят высочайшие особы и усаживаются за стол, император садится возле императрицы; прочие лица по старшинству. Мне приходится сидеть возле Стюрлера, сосед коего довольно презренный во всех отношениях Глинка-Маврин завязывает с ним под видом шуточек перестрелку, в которой не остается победителем, несмотря на то что императрица старается поддержать Глинку. Несколько удивленный такою, можно сказать, перебранкою, я после обеда спрашиваю Стюрлера о ее причине. Он мне отвечает, что ему просто гадко смотреть на этого гадкого старика, который для устройства своих грязных делишек разыгрывает роль влюбленного в императрицу. Стюрлер замечает, что это нравится императрице, и тем пуще старается осмеивать Глинку. Государь еще пред обедом говорил Стюрлеру: «Не обижайте старика», на что Стюрлер, весьма умный и бойкоречивый, отвечал: «Под тем условием, чтобы он меня не трогал».

В материальном отношении обед самый простой.

Войдя в палатку, государь подходит к жене моей и объявляет, что поселился во втором этаже сообразно моему первоначальному предположению; говорится это, как объявление о какой-то победе, мною над Оболенским одержанной. Несчастный государь, среди какого вечного конфликта самолюбия ему приходится жить.

После обеда присутствовавшие приглашаются пройти в пальмовый садик, куда приходит Нарвское певческое собрание (Liedertafel*) петь немецкие песни. Государь, очень любящий хоровое пение, благодарит

* Певческое общество (*нем.*).

их и говорит с некоторыми из них по-немецки. Вечер чудесный, наше электрическое освещение удалось отлично. Около 11 час. все расходятся по домам.

5 [*августа*]. Воскресенье. В нашей квартире, как я писал, поселились гостями Воронцов, Рихтер, Черевин и Шувалов. Каждому из них была отведена спальная и приемная. Встав утром, я застал их за чаем, обсуждавшими важный вопрос: объявлено было, что государь поедет в нарвский городской собор к обедне, а оттуда отправится на закладку двух православных церквей, одной на Кренгольмской мануфактуре, а другой в Гунгербурге, при устье Нарвы. Возбуждено было сомнение о том, в какой форме следует ехать — в мундирах или сюртуках. Накануне Рихтер после обеда спросил государя о том и получил ответ: «В мундирах», но, по удостоверению служителей, ночью приходил скороход и объявил, что государь приказал быть в мундирах*. Покуда об этом разговаривали, кто-то из слуг заявил, что пришел *еще* скороход; пошли допрашивать нового скорохода и получили ответ: «В мундирах». Такое новое заявление окончательно сбило с толку командующего Главною квартирою, и для разъяснения этого сомнения он решился пойти испросить личных указаний императора. Все это происходило в начале 11-го часа, а к 11 час. надо было съехаться в собор.

Слушая это, я невольно припомнил, что накануне вел. кн. Сергей Александрович, проведя ночь в отведенной ему квартире, вышел в сопровождении своего адъютанта в сад и, подойдя к находившемуся там садовнику Абеля, спросил его о том, где находится место расположения бивака Преображенского полка, коим его высочество изволит командовать. Сопоставляя выразившиеся таким образом недоумения, я подумал: только бы не пришлось нам драться с пруссаками.

Закладки церквей последовали благополучно, погода благоприятствовала.

В 8-м часу вечера приехал из Ревеля германский император, запоздавший в пути вследствие тумана.

Государь ездил к нему навстречу до железнодорожной станции. Мне Воронцов посоветовал оставаться дома, что я и сделал, почитая его совет авторитетным, хотя несогласным с законами вежливости.

Так как Месмахер заготовил для нас два блюда: одно золоченое в русском стиле, а другое серебряное в стиле Людовика XV и последнее у меня сохранилось, то я поставил его с хлебом-солью в комнату германского императора.

* *Здесь, вероятно, ошибка. Должно быть* в сюртуках.

Войдя в обеденную палатку, он, ведший к столу императрицу, самым любезным поклоном выразил мне свою благодарность за полученный подарок.

После обеда общество было приглашено к вел. кн. Владимиру Александровичу, из гостиной коего открывался красивый вид на водопад, освещенный бенгальскими огнями.

Вслед за иллюминациею повторилось на этот раз пение квартета мужских голосов, а под конец наши церковные певчие из фабричных пропели несколько русских песен. Слушавшая этот посредственный концерт публика представляла весьма любопытную картину. Так как в гостиной стоял лишь ряд простых стульев вдоль стены, то на этом ряде и водворились высокие гости.

Русский император, уже сменивший прусский мундир на русский, добросовестно и внимательно, как все, что он делает, слушал пение, германский император, с ушами набитыми ватою, был весьма равнодушен к музыкальному наслаждению и старался быть любезным со всяким, кто находился вблизи от него, прежде всего с русскою императрицею, которая довольно холодно принимала его любезность, немногое находила ему отвечать и, казалось, сожалела, что не имеет другого соседа, как, например, Глинку-Маврина, уже не говоря о Володе Шереметеве или Володе Оболенском.

Ксения Александровна сидела тихо, смирно, неподвижно, не пророняя ни слова и как будто чувствуя, что она находится в очень затруднительном и несколько опасном положении.

Мария Павловна, помня, что она хозяйка дома, хотела бы выказать это чем-нибудь и прежде всего по отношению к германскому императору, но это как-то не удавалось, и ей приходилось ограничиваться разговором с принцем Генрихом, который, кстати, весьма красивый, статный, чрезвычайно любезный, словоохотливый юноша.

Вел. кн. Елизавета Федоровна была прелестна, восхитительна, обаятельна, исполнена такта и грации, отуманена каким-то облаком нравственного гнета, как всегда, как всегда любезна со всяким и притом не выработанною любезностью, а выражением доброго, снисходительного человеческого чувства.

Ее отец, принц Гессенский, с красным лицом человека, который не прочь выпить при случае, с прищуренными старательно улыбающимися глазами и полною готовностью рассмеяться даже при рассказе о похоронах, думая таким дешевым способом снискать популярность.

Сын его, весьма милый малый, не творящий никакой бестактности, что для приезжего в Россию немца всегда бывает трудно. Брат Марии Павловны герцог Мекленбургский — безгранично глупый,

бесцветный, безволосый, бессловесный, но и беспритязательный гусарчик.

Принц Саксен-Альтенбургский, долго служивший в России, командовавший Гродненским гусарским полком, ныне бригадир прусской службы, в полном смысле слова officier de fortune*, умный, остроумный, веселый, неумолкаемый рассказчик с неистощимым запасом анекдотов, готовый на всякую проделку, могущую сколько-нибудь улучшить его положение, привезенный в свите германского императора как специалист в деле русской придворной жизни, в дружеских отношениях со всеми, не внушая доверия никому.

Вел. кн. Николай Николаевич с довольно невзрачною опухолью на щеке, желтый, очевидно быстро приближающийся к смерти и, несмотря на то, жаждущий насладиться светом и теплотою, кои распространяет императорское присутствие вокруг себя, не совсем доверяющий самому себе в хорошем обществе, потому что провел всю жизнь в самом дурном.

Вел. кн. Михаил Николаевич, постоянно думающий о том, кому поклониться или чем обидеться. На этот раз окрыленный тем, что дело женитьбы его сына на Ксении, по-видимому, идет вперед.

Владимир Александрович, более других своих родственников привыкнувший к общежитию, но постоянно думающий о чем-то другом, а не о предмете разговора, без всякой причины возвышающий голос так, что можно подумать, что он рассердился, когда ничего такого нет, могущий очень хорошо и верно судить о происходящем вокруг него, но не находящий к тому времени за помышлениями о еде, питье и т. п.

Алексей Александрович, приехавший только потому, что по обязанности генерал-адмирала встречал германского императора. Он думает лишь о том, как бы без нарушения приличий улизнуть поскорее и вернуться к кровати Зины. Скука крупными чертами изображается на его лице.

Сергей Александрович с фальшивым взглядом, с какими-то странными ужимками и покачиваниями прижатых к телу локтей, сосредоточен на мысли о сохранении собственного достоинства, которое весьма задето тем, что до сих пор его держат на должности полкового командира и даже не генерала свиты.

Принц Александр Ольденбургский, постоянно согнутый, без всякого, впрочем, подобострастия, постоянно торопясь, заикаясь, захлебываясь своими словами, несмотря на все это производит впечатление истинно благородного, порядочного человека и вельможи.

---

* Выслужившийся солдат.

Вел. кн. Александр Михайлович, олицетворение героя самого идеального романа, красив, мил, с пушком молодости и отвагою моряка. Прелестное явление.

Евгений Лейхтенбергский* — le roi Georges**. Дурак в полном смысле слова и притом набитый чванством, лишенным всякого основания, но исходящим более всего из преследующей его мысли, что, как всем известно, он — сын Григория Строганова.

Упомянуть ли еще о двух канцлерах: Каприви — высокий гренадер с руками по швам, с насупившимися бровями, с неподвижным взглядом, точно пушка большого калибра; Гирс — с откосным лбом, огромными ушами, заячьим взглядом, испуганный пред всем и всеми, приехавший только потому, что Шувалов сказал ему, что иначе поступить было бы неприлично, и мечтающий лишь о том, как бы поскорее возвратиться в канцелярии и иметь пред собою лишь бумаги, не могущие ничего возразить, а тем паче сказать что-либо неожиданное, на что, чего боже сохрани, еще придется что-нибудь отвечать.

Император Вильгельм благодарит меня за хлеб-соль. Я стараюсь объяснить ему значение этого обычая и настаиваю на том, что блюдо будет служить ему воспоминанием о России, будучи сочинено в нашем Рисовальном училище.

Он восхищается пальмовым садиком и выражает намерение отправиться в него завтра утром для подробного осмотра растений.

6 [августа]. Понедельник. Выйдя на утреннюю прогулку, встречаю своего садовника-управителя Абеля, который встретил германского императора в пальмовом садике и в течение 45 минут выдержал от него самый любезный экзамен относительно садоводства в России, относительно качеств и недостатков русского рабочего и т. п.

По случаю праздника Преображенского полка парад на устроенной нами вблизи от дома площади, где проведена дорога, поставлены эспланада для императорской палатки и бараки для хранения парадной обмундировки солдат. Никому не приходит в голову пригласить мою жену ни смотреть на парад, ни к следующему за парадом завтраку. В 3 часа устроенное мною народное гулянье, их величества проезжают по месту гулянья, отправляясь в Нарву, где осматривают кой-какие древности. Обычный обед в $8^1/_2$ часа. Государь, заметивший, вероятно, что моя жена не была приглашена к завтраку, усиленно выказывает ей чрезвычайную любезность и, постоянно разговаривая с нею, даже рассказывает всякие истории, что совсем не в его привычках.

* *По-видимому, следует* Георгий Максимилианович.
** Король Георг.

7 [августа]. Вторник. Проливной дождь, начинаются маневры под Ямбургом.

После обеда вел. кн. Владимир Александрович приглашает меня к себе играть в пикет с германским императором. Иных приглашенных, кроме нас двоих, нет. Император Вильгельм чрезвычайно весел, любезен, все время шутит, смеется, рассказывает анекдоты и т. п. В пикет играет неважно, карт не может держать вследствие своей однорукости, и эту обязанность за него исполняет Аби Мекленбургский, с коим он обращается довольно бесцеремонно.

Мария Павловна с Александром Михайловичем, с Саксен-Альтенбургским — с молодежью сидит за чайным столом.

8 [августа]. Роздых. Вечером в $8^1/_2$ часа опять обед в палатке, несмотря на страшную сырость. После обеда снова пикет с Вильгельмом. Обыгрываю его на 500 руб. За обедом государь, выпив за здоровье жены, с неизменною любезностью обращается в мою сторону и пьет мое здоровье. Его примеру следуют император Вильгельм, но императрица, сидящая против первого и возле второго, увидав, что дело касается меня, делает вид, что не замечает оказываемой мне вежливости, в коей не желает участвовать, вероятно опасаясь заслужить неудовольствие двух Володей.

9 [августа]. Четверг. В 10 час. оба императора со свитами приезжают осматривать льнопрядильную и суконную мануфактуры. По моему распоряжению, директоры стараются показать лишь существенное, не обременяя их величеств излишними подробностями, но наш государь настаивает на том, чтобы осмотреть каждый угол и показаться каждому рабочему, Вильгельм заказывает на суконной фабрике 600 метров сукна для своего любимого гвардейского батальона. По мере того, как комнаты были осмотрены высокими посетителями, рабочие, освобожденные на этот день от работы, выходят на улицу, и здесь, по выходе их величеств, встречают их пением народного гимна и криками «ура».

2-тысячная толпа бежит за коляскою государя, сопровождая его до пределов окружающего дома сада. Такой прием, сделавшийся редким за последние смутные годы, приятно поражает государя, особливо ввиду сопровождающего немца.

Вильгельм подходит ко мне и, поблагодарив за гостеприимство, говорит, что так как я любитель искусства, то он делает мне подарок, имеющий художественную ценность, — мраморный свой бюст, очень хорошо исполненный.

Я отвечаю, что я ценитель не только искусства, но и всего, что любезно, возвышенно, а потому премного благодарю его за подарок.

Вильгельм прибавляет, что он собственноручно установил бюст свой на камине в доме, где жил.

Все это сказано весьма человечно и мило, без всякого чванства, без всякой надутости.

Завтрак в палатке. Сижу, как и в предыдущие разы, возле гр. Веделя, любимца императора, и, восхищаясь сближением, которое должно быть последствием настоящего свидания, стараюсь рассеять его опасения относительно панславистской партии, которая будто бы имеет представителей и в прессе, и в самом правительстве. Прессу отдаю в жертву и даже сознаюсь, что ее выходки подчас находят защиту в недостатке единства в органах правительства, но всякие панславистские тенденции отрицаю; выставляя на вид личность и опыт нынешнего государя, в противоположность побуждениям покойного.

В 2 часа отъезд с нашей железнодорожной станции. Государь еще усиленно благодарит меня и жену. Императрица делает комплименты нашему неоцененному садовнику Абеля, коему нарвский прием всецело обязан успехом. Меня императрица не замечает и уже из вагона, вероятно по чьему-нибудь внушению, подзывает к окну и подает руку.

Поезд двигается при криках «ура», я восклицаю «уф!», как неаполитанский король[47], потеряв из виду коляску прогостившего несколько дней в Неаполе императора Николая.

По счастью, все сошло без особых приключений, но, присмотревшись к хаосу придворной службы, к презренной личности играющего в этом первую скрипку Оболенского, я опасался какой-нибудь козни или интриги, могущей выразиться таким фактом, в коем вся виновность без возможности оправдаться была бы свалена на хозяев местности.

Думаю, что материальные подробности образа жизни несколько облегчили условия свиданья и, быть может, прямее привели к той ноте радушного сближения, которое составляло основную цель свиданья.

Уезжаем из Нарвы в 5 час. и около 11, пересев в Гатчине на тройку, достигаем отдохновения в Царском Селе.

11 [*августа*]. Суббота. Получаю от сенатора Евграфа Рейтерна уведомление, что скончался гр. Михаил Христофорович Рейтерн. Немедленно доношу о том государю, присовокупляя, что агония продолжалась всю ночь, что покойный не раз говорил мне о том, что сжег всю свою переписку, и что поэтому, кажется, нет оснований принимать меры к сбережению его бумаг.

Рейтерн был человек весьма почтенный, но далеко не блестящий. Во всяком вопросе он непременно доходил до конца, вырабатывал себе убеждение и оставался ему верен в своих действиях, но никогда нельзя

было ожидать от него тонких соображений или предугадывания, предчувствования, определения чутьем такого, что французы называют seconde vue* и что в действительности составляет лишь проявление совокупности не всегда поддающихся анализу способностей человека. При этом, однако, он умел нравиться людям сильным, быть может, именно потому, что молчаливость, наружная скромность составляли отличительную черту его характера.

Я знал его в начале 50-х годов товарищем герольдмейстера, т. е. обер-секретарем. Вследствие дружбы с Головниным он перешел к Константину Николаевичу в Морское министерство, а так как вел. кн. Константин Николаевич был в то время всесильным (и, между прочим, доселе числится председателем Финансового комитета), то Рейтерн и попал в министры финансов, чему послужила основанием записка, присланная из Америки, о тогдашнем финансовом кризисе, а больше того отсутствие людей и неуменье находить их.

В последние годы Рейтерн сделался равнодушным ко всему отчасти вследствие угнетавшей его болезни, отчасти вследствие неуважения к людям и деяниям их, которое не может не испытывать человек, долго вращавшийся в влиятельных сферах. Он не воевал, не боролся ни с кем, ни с чем, поэтому жил в ладах со всеми и продолжал получать всякие украшения и награды, в том числе графский титул и императорский портрет.

В денежном отношении Рейтерн был совершенно безупречен. Он оставляет приблизительно 300 тыс. руб., подаренных ему покойным государем, когда он отказался от получения земель или лесов, кои расточались одно время высшим чиновникам, причем товарищ Рейтерна Грейг получил в Польше имение, оцененное в полмиллиона.

Рейтерн завещал похоронить себя в курляндском имении, которое было продано покойным бароном Штиглицем сестре Рейтерна баронессе Нолькен по чрезвычайно дешевой цене вследствие дружбы Штиглица с Рейтерном.

12 [*августа*]. Воскресенье. Приезжает гр. Протасов-Бахметев. Его рассказы весьма характерны.

Императрица согласилась на назначение Верховского товарищем к Протасову, но отказала в назначении его почетным опекуном и теперь отказывает в том, чтобы он исполнял обязанности главноуправляющего, покуда Протасов уедет в отпуск в деревню. Тут опять какие-то интриги Оболенского, который, подойдя к Протасову, спросил его: «Как Вы могли, граф, назначить своим товарищем такого подлеца?» — и при

* Ясновидением.

этом обвинил Верховского в том, будто бы он по делу Мальцевых взял взятку вместе с своим подчиненным Бриллиантовым. Протасов не нашелся отвечать на подобную клевету, но я его заверил, что тут не было ни единого слова правды, так как я исследовал это дело, приняв на себя обязанность разобрать претензии Мальцевых к Министерству финансов.

Делая визиты, моя жена заезжает к Н.Н. Мальцевой, которая спрашивает ее, когда она поедет благодарить императрицу за оказанную нам... честь. Разумеется, нам это и в голову не приходит, но на всякий случай захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу и прошу его заявить в Петергофе, что мы не делаем этого, боясь надоесть их величествам. Он подкрепляет меня в убеждении ненужности подобного поступка.

Владимир Александрович рассказывает, что император Вильгельм спросил у него совета: может ли он, Вильгельм, просить Александра Александровича принять Каприви. Владимир Александрович одобрил эту мысль, и Каприви был после того принят государем, который остался очень доволен свиданием с германским канцлером.

Каприви сказал Марии Павловне: «Je suis un soldat, je ne demande pas mieux que de suivre la politique droite suivie par mon maître, si cette politique devait changer un jour, je quitterais mon poste»*.

Заходит Шувалов и дивится, что нас не пригласили вчера в Петергоф на обед в честь германского императора, в коем участвовали чиновники моего калибра.

13 [августа]. Понедельник. Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. Он уезжает с государем на маневры, а потом на охоту в Спалу, куда Мария Павловна не приглашена, а потому едет в Кобург к герцогине Эдинбургской к своей бабушке Мекленбургской[48], что изображает довольно серенькое житье. После того оба мечтают, как бы попасть в Париж. Спокойный день, вечер у А.М. Скалон.

14 [августа]. Вторник. Свидание с Анненковым, который сообщает удовлетворительные сведения о ходе изысканий для Богословской железной дороги. Приехавший оттуда инженер утверждает со слов чердынских купцов, что в случае постройки проектируемой нами дороги весь хлеб с Волги пойдет на Архангельск. Анненков сильно занят мыслью о постройке главной Сибирской линии и нисколько не сомневается в том, что на сооружение нашей Богословской дороги легко будет найти деньги во Франции. Содействие Ротшильдов поколеблено вследствие распространяемых слухов о преследованиях, кои русское правительство намерено воздвигнуть против евреев.

---

*«Я солдат и хочу только следовать здравой политике своего властелина, но, если эта политика когда-нибудь изменится, я покину свой пост».

При свиданиях с многочисленными парижскими финансовыми знаменитостями Анненков получил не только намеки, но категорические факты, какие взятки берет Вышнеградский под видом комиссии при всех этих конверсиях.

Еду на ниточную фабрику. Читаю письмо Котса и одобряю ответ ему.

15 [августа]. Среда. Сижу чуть не целый день за письмами и этим дневником, в который все-таки не успеваю занести все то, что хотелось бы сохранить в назидание другим, коим не удастся видеть и слышать то, чего обстоятельства делают меня очевидцем и слушателем.

В этот день хоронят Рейтерна. Провожаю гроб до Варшавской станции и почти во все время иду возле Вышнеградского, который говорит мне, что поднятие курса заставляет его поднести государю указ о возвышении на 15% пошлин по всем статьям тарифа. На вопрос, какое мое мнение, отвечаю, что я бы возвысил до 20%, так как курс поднялся на 50%.

Вышнеградский подзывает Бера (директора) и Тимирязева (вице-директора), в которых мое мнение, конечно, не находит сочувствия. Вышнеградский приказывает им заготовить указ в двух редакциях — 15% и 20%[49].

16 [августа]. Четверг. Совещание с Кинелем о ходе расширения джутового дела, о помещениях для рабочих и т. д.

Верховский рассказывает, как принимавшие его министры и в особенности Делянов добивались узнать, кто рекомендовал его Протасову. Я предостерегаю его, что завистливое раздражение очень сильно и что он должен быть весьма осторожен.

В субботу, после императорского обеда, во время обратной поездки в Петербург Вышнеградский, обращаясь к Дурново, сказал: «Вот гр. Протасов требует от меня 424 тыс. на учреждения императрицы Марии. Я хотел ему отказать, но он освободил меня от такого чиновника, от которого я не знал как отделаться, и за это я готов не только дать ему просимую сумму, но еще прибавить два двугривенных».

Обедают Анненков и привезенный им из Франции главный директор тунисских железных дорог Дюпорталь, доказывающий, что Африка будет принадлежать тому европейскому государству, которое опередит другие в постройке железной дороги чрез Центральную Африку. Дюпорталь восхищается сооружением Закаспийской дороги и приехал в Россию, чтобы поучиться успешному ведению войны с сыпучими песками.

17 [августа]. Пятница. Обедают А.М. Скалон, супруги Келлер, Протасов, Рюмин, Степанов, Васмунт.

18 [августа]. Суббота. В 8 час. еду для последнего свидания с Анненковым и осмотра подвалов, затопленных не только на Большой

Морской, но и в доме у Большого театра. Возвращаюсь в вагоне с Скарятиным, который по дружбе рассказывает выдумки враждебного лагеря, как, например, что государь, уезжая из Нарвы, приказал Оболенскому заплатить моей жене все израсходованные ею на прием деньги.

Скарятин рассказывает, что в прошлую зиму он был приглашен в Аничков дворец на танцевальное утро. Императрица танцевала с ним мазурку и пригласила его обедать рядом с нею.

По другую сторону императрицы оказалось пустое место, и она позвала проходившего мимо обер-гофмаршала Трубецкого, ненавидимого Оболенским начальника. Трубецкой не расслышал и продолжал идти дальше, так что Скарятин счел обязанностью встать и передать Трубецкому приглашение, но Оболенский, увидав это, подошел к Трубецкому, взял его за руку и, несмотря на заявление Скарятина, что такова воля императрицы, увел Трубецкого в другую сторону.

Гуляя с Владимиром Александровичем, передаю ему этот характерный рассказ Скарятина, на что вел. князь отвечает мне еще более типичным рассказом.

Вел. кн. Мария Павловна за последнее время несколько раз слышала от императрицы двусмысленные намеки на беременность кн. Оболенской, рожденной Нарышкиной, муж коей состоит гофмаршалом вел. кн. Владимира Александровича.

На днях сделалось известным, что довольно гнусная по этому предмету инсинуация была сообщена императрице ее другом, кн. Сандрою Оболенского, женою старшего брата, неутешимою по статье собственной своей бесплодности.

Еще последняя любопытная подробность. Разъяснение это сделано старшею горничною императрицы старшей горничной Марии Павловны!..

В $8^1/_2$ [часа] приезжает с острова Уайта Пит, сильно укрепившийся здоровьем.

19 [августа]. Воскресенье. Прощальные визиты Мальцевой, Бобринским. В $8^1/_2$ часа отъезд с Колпинской станции в тамбовскую и воронежскую деревни.

19 [октября]. Пятница. Возвращаюсь из Парижа, где прожил 3 недели. Приехав в 2 часа, отправляюсь обедать в Новый клуб, где нахожу Абазу, Гирса, Убри, Влангали, Мордвинова, Гюббенета, Чихачева. Абаза очень доволен оказанным ему в Гатчине приемом; постарел, опустился, ко всему равнодушнее.

20 [октября]. Суббота. Ауербах с постоянно горькими известиями, привезенными им из Богословска. Заседание соединенных Департаментов. Укоряю Манасеина за назначение сенатором Петерса. Он отвечает, что получил приказание от государя вследствие упорных настояний вел. кн. Михаила Николаевича. С своей стороны Манасеин выставляет, что Петерс получил университетское образование и ни в чем предосудительном обвинен быть не может. Я ему повторяю всем известные факты, доказывающие, какого презрения заслуживает эта личность. Манасеин прикидывается, что фактов этих не знал. Дело в том, что, видя шаткость своего министерского положения, Манасеин готов был сделать угодное председателю Государственного совета на случай, если бы зашла речь о назначении Манасеина членом Совета.

Н.С. Абаза передает, что вследствие настояния Вышнеградского министром внутренних дел отложено внесение в Совет представления о новых против евреев ограничительных мерах[50]. Представлены будут лишь два проекта: один о реформе городского управления[51], другой о введении земских учреждений в Прибалтийском крае[52].

Совещание о ниточном деле до $6^1/_2$ час. Шотландцы согласны на соединение, но опасаюсь, что написанный ими устав встретит оппозицию среди узколобых чиновников[53].

Обед с детьми. Пит идет в своей гимназии отлично.

В 8 час. у Дурново. Ни единого дельного слова не слышу, но сплетен много. Самодовольствию и низкопоклонной пронырливости нет границ.

В 9 час. у Протасова-Бахметева. В высшей степени доволен любезностями императорской четы. Никаких промахов не было. Очень благодарит за Верховского и Кочукова, мною ему рекомендованных.

21 [октября]. Воскресенье. Захожу утром к Влангали, удобно помещенному в доме Министерства иностранных дел на Мойке, где прежде жил Жомини. Разговор у нас всегда один и тот же: я упрекаю его в равнодушной бесхарактерности, а он смеется над тем, что я хочу свет переделать и ничего, кроме неприятностей, не переживаю. К нему приходит советник германского посольства, уезжающий на службу в Берлин и сокрушающийся о необходимости покинуть Петербург. В 2 часа отправляюсь делать визиты, имея обыкновение по возвращении посещать министров, председателей департаментов Государственного совета и послов. Застаю дома лишь Гирса, растерянного, в обширных залах министерского дворца. Этот неизменно всего боящийся человек напоминает мне остроумную мысль французского писателя Daudet, который в одном из своих писем спрашивает читателя: «Думаете ли, что заяц во время преследования его борзыми собаками способен к глубокомысленным размышлениям?»

Заехав узнать, что творится в Рисовальном училище, застаю дома Победоносцева. К нему являются с визитами сначала Островский, а потом Капустин, который жалуется на то, что его Делянов перевел из Дерптского округа в Петербургский наперекор его, Капустина, желанию. Утверждает, что, занимаясь делом в Риге уже 7 лет и видя результаты своих усилий на пользу обрусения, он, Капустин, готов был принять Петербургский округ только под условием соединения Дерптского и Петербургского округов в один.

Присутствующий при этом объяснении Манасеин уверяет, что Делянов сделал это для того, чтобы Капустин не имел более возможности под предлогом приездов и отъездов являться к государю и высказывать ему свои взгляды на дело народного просвещения.

Встреченный мною вечером у Абазы Дмитриев утверждает, напротив, что Капустин добивался получения места попечителя Петербургского округа. Все это весьма характерно.

22 [октября]. Понедельник. По назначению государя еду являться в Гатчину по поезду $9^1/_2$ часа утра. Сижу в вагоне с Чихачевым и Островским.

В Гатчине отправляюсь сначала к императрице, которая по докладу камердинера немедленно и очень любезно меня принимает, но уж чресчур усиленно возвращается к нарвскому пребыванию и расточает любезности, как бы желая загладить оказанный там недостаток приветливости. Разговор заходит, конечно, о путешествии цесаревича, которое материнское сердце находит слишком длинным.

В 12 час. у государя. Застаю его весьма печальным. Очевидно, тяжело расставаться с сыном[54]. По обыкновению весьма любезен. О Нарве имеет такт не упоминать ни слова, за что я ему глубоко благодарен. Расспрашивает о воронежском и тамбовском имениях, где мы были в конце августа и начале сентября. Говорим о делах Совета, имеющих быть рассмотренными в эту зиму: городовое положение, земские учреждения в Балтийском крае, закон об охоте[55], таможенный тариф[56]. «Но министр финансов, верно, внесет еще и другие проекты», — прибавляет государь. Я уговариваю его, во-первых, купить коллекцию Шпицера или, по крайней мере, некоторые из нее отделы, а во-вторых, передаю ему разговор, бывший у меня в Париже с живописцем Бонна, который засвидетельствовал мне, что явится в Петербург для написания портрета государя, как только получит к тому приглашение.

Государь отнекивается тем, что скучно сидеть в качестве модели. Я, со слов Боголюбова, уверяю, что Бонна не будет его мучить. Государь говорит, что сделает это, когда будет постарше. Я возражаю, что тогда у него будет совсем другое лицо, а что теперь, после десяти лет царствования, на нем лежит нравственная обязанность оставить свой портрет. Отвечает, что поговорит с императрицею.

Подаю справки о назначении жалованья двум новым членам Бычкову и Роопу. Первому назначается 2 тыс. к тому, что он получает, а второму определяется 10 тыс. руб., как это делается в общем порядке для всех рядовых членов.

Возвращаюсь из Гатчины с Островским, который рассказывает ужасную историю, происшедшую на маневрах в Варшавском округе. Был убит какой-то вахмистр. Заподозрили трех вольноопределяющихся. Их судили и по утверждении приговора помощником Гурко гр. Мусиным-Пушкиным расстреляли. Чрез несколько дней после казни явился кузнец с повинною в том, что он убийца. Рассказывают, что отец одного из казненных купец Перлов предлагал внести залог в 400 тыс. руб. с тем только, чтобы казнь была отложена на несколько часов, но получил отказ[57].

Забыл записать, что после приема у государя я был принят цесаревичем, с которым имел приблизительно такой разговор.

Я: «Я пришел, Ваше высочество, пожелать Вам счастливого пути». *Цесаревич:* «Очень Вам благодарен». *Я:* «Я очень рад, что Вы на некоторое время удаляетесь из дворцовых коридоров, а в особенности, что Вы будете находиться среди людей, от Вас независимых и не имеющих необходимости или выгоды Вам нравиться. Об одном я сожалею, что Вы возвращаетесь чрез Сибирь, вместо чем проехать чрез Северную Америку и на обратном пути взглянуть на Англию». *Цесаревич:* «Я непременно хочу видеть Сибирь». *Я:* «Вы всегда успели бы видеть ее впоследствии, она у Вас всегда будет под боком, а в Америку важно было ехать, чтобы видеть направление, по которому стремятся новейшие человеческие общества». *Цесаревич:* «В другой раз поеду в Америку». *Я:* «В другой раз Вас более не пустят после столь продолжительной поездки». Увидал на его столе романы Лоти[57a], хвалю их и спрашиваю, много ли он взял с собою книг. Отвечает, что много, и при этом вспоминает о том, что прочитал рекомендованную мною ему книгу: «Parallèle des trois premiers rois Bourbon» par le duc de S.-Simon. Я благодарю его за то, что он это сделал, и останавливаю его внимание на том рельефном изображении последствий для дел сообразно тому или другому способу, коим короли занимались делами. Людовик XIV просто утверждал письменные доклады, а Генрих IV созывал живых людей, людей противоположных мнений и, вызывая между ними прения, на основании этих прений вырабатывал себе убеждение.

При прощанье желаю цесаревичу успеха в путешествии и заключаю словами: «В искренности моих пожеланий, Ваше высочество, не

можете сомневаться, потому что успехи Ваши я почитаю неразрывно связанными с успехами нашего отечества».

23 [октября]. Вторник. Первое заседание Общего собрания Государственного совета. Председательствует Абаза. Уговариваю его сказать несколько слов об утрате, понесенной Советом в лице Рейтерна, как это было сделано после смерти гр. Баранова, но Абаза не решается, опасаясь критики недоброжелателей.

Заседание, как обыкновенно бывает в эту пору года, продолжается лишь несколько минут.

Побывав на бумагопрядильне, заезжаю к старухе Паниной, приехавшей накануне из Парижа. Удивительно бодра, несмотря на свои 80 лет.

У Бобринских. Подросшие за лето мои четыре внучки очень милы.

Первое представление «Игоря». Нахожу музыку гораздо лучше, чем ожидал.

Конец вечера у Нелидовой. Все те же: Абаза, Убри, Дурново, Мордвинов, несносная гр. Клейнмихель пристает с приглашением обедать.

24 [октября]. Среда. Продолжительное с Ауербахом обсуждение положения богословского дела. Улучшение невозможно без разработки железных рудников, а это невозможно без железной дороги.

25 [октября]. Четверг. Заседание в соединенных Департаментах о преобразовании гимназий в Балтийском крае[58]. По вопросу о сохранении при реальных училищах местных попечительств Капустин говорит против Делянова и одерживает верх.

26 [октября]. Пятница. Захожу к Краузольду, который стареется и суживается, что представляет большие невыгоды для ведения промышленных предприятий.

Визиты: 1) Пещурову, который выражает желание быть назначенным в Департамент экономии и вообще производит на меня впечатление умного и порядочного человека; 2) старикам Бобринским*; 3) Дондукову — врет по обыкновению беспощадно. Говоря о болезни вел. кн. Николая Николаевича, утверждает, что она особенно поразила вел. кн. Михаила Николаевича потому, что он убедился, что человек непомерной глупости может тем не менее сойти с ума.

Обед в клубе. Здесь, между прочим, Протасов, который не может нахвалиться рекомендованными мною ему лицами Верховским и Ко-

---

**Далее зачеркнуто* «Он больно прост, но в высшей степени симпатичен искренностью и благородством чувств. Она умна, ловка, хитра, но далеко не правдива; если внимательно слушать ее, то часто в самых незначительных суждениях прорываются характерные взгляды, созданные с детства влиянием отца — царедворца в самом полном смысле слова и атмосферою зимнедворцовских коридоров и прихожих».

чуковым. Первый отличился сегодня блестящею произнесенною им в опекунском совете речью.

27 [октября]. Суббота. Заседание соединенных Департаментов о вексельном уставе[59]. Назначают комиссию для выработки основных положений. Прощанье с кн. Д.П. Оболенскою, которая уезжает сегодня за границу и берет с собою подробное письмо мое к жене, чтобы избегнуть вскрытия почтовыми чиновниками.

Вечером составляю свое мемориальное извлечение.

28 [октября]. Воскресенье. Визит Бычкову. Осмотр каменноостровских теплиц с Абазою. Читаю Фруда, очерк о Цезаре[60], и восхищаюсь.

29 [октября]. Понедельник. Ничтожное заседание в Общем собрании. Навещаю расхворавшегося почтеннейшего председателя Гражданского департамента Стояновского. Обед у несносной гр. Клейнмихель в первый и последний раз.

30 [октября]. Вторник. Решаю послать шотландцам проект соглашения о приобретении для ниточной фабрики ныне существующей Невской бумагопрядильни для соединения этих двух дел в одно. Первый экзамен внучкам Бобринским по их письменным занятиям русскою грамотою и арифметикою.

31 [октября]. Среда. Возвращается из Италии Саша с женою. Переделки в их помещении (№ 47) не готовы, и я предлагаю им жить в доме на Театральной площади, где помещается контора. Со вчерашнего дня я начал заниматься в архиве Министерства иностранных дел, собирая материалы для биографии императора Николая Павловича. Начальник архива Стюарт — круглый невежа. Имею дело с скромным его подчиненным Гюббенетом, который, чуя выгоду от переписки собираемых мною материалов, крайне любезно сообщает мне требуемые бумаги.

1 [ноября]. Четверг. День на охоте в Колтушах с Швейницем, Ауербахом и Абазою, адъютантом вел. кн. Алексея Александровича. Дичи мало, но запас здоровья большой.

2 [ноября]. Пятница. Еду в Царское Село к вел. кн. Владимиру Александровичу. Застаю его в больших хлопотах по Академии художеств. Секретарь Толстой объявил войну избравшему его Бобринскому и требует, чтобы вел. князь сделал выбор между ними двумя. Вел. князь привык к Толстому, который в течение года докладывает ему дела с глазу на глаз и желал бы как-нибудь умиротворить воюющих или, скорее, бунтующего. Стараюсь объяснить ему, что умиротворение невозможно и что необходимо принять сторону Бобринского, как старшего и притом выбравшего Толстого на это место. Доказываю вел.

князю, что с годами круг его занятий все более и более будет расширяться и что ему нужен в Академии человек как Бобринский, на которого он мог бы свалить всю работу, сохранив за собою высшее руководительство. Завтрак с вел. княгинею и детьми.

Обед в клубе. Между прочими обедает глупый Гюббенет, который под эгидою Дурново задумал неглупую штуку в своей войне с Вышнеградским. Он написал последнему бумагу о том, что ввиду возвышения вексельного курса необходимо понизить железнодорожные тарифы, чтобы дать возможность землевладельцам сбывать свои произведения. Это больное место управления Вышнеградского, который немедленно доложил государю, что такое понижение уменьшит государственные доходы на 5 или 6 млн., что понизить можно, но что возвысить будет очень трудно и что, наконец, в случае понижения по одной статье явятся со всех сторон ходатайства о понижении и по другим статьям. Все это, конечно, поколебало государя.

В 4 [часа] приезжает ко мне Витте. Разговариваем о железнодорожном деле вообще и в особенности о нашей Богословской дороге, которую он почитает вполне осуществимою. Витте производит на меня впечатление весьма умного и способного человека.

3 [ноября]. Суббота. В 11 час. отправляюсь в мундире и ленте во дворец к вел. кн. Михаилу Николаевичу, приехавшему в это самое утро из Крыма. Он находится под тяжелым впечатлением ужасного состояния здоровья, в котором оставил брата своего вел. кн. Николая Николаевича. Доктора объявили, что переезд из Крыма в Петербург мог бы произвести смерть; надежды на выздоровление никакой; больной не узнает никого, имеет припадки бешенства, отказывается от принятия пищи. Михаил Николаевич очень обижен тем, что в его отсутствие государь назначил трех членов Государственного совета, не предварив его о том ни единым словом. «Я непременно скажу ему, что не был приучен его отцом к такому обращению. Что же он меня принимает за индейского петуха, не обращая никакого внимания ни на мое рождение, мои лета, мое положение?»

Зная очень хорошо, что он не решится сказать государю ни единого слова, я считаю делом обязательной вежливости сделать вид, будто верю его словам, и советую не говорить об отце, о своем положении и т. д., а если непременно он того хочет, то остановиться исключительно на том, что положение председателя весьма затруднительно, если он не пользуется уважением членов, а что такой образ действий более и более ставит его, вел. князя, в глазах членов в положение человека, не пользующегося никаким авторитетом. К этому я доставил себе удовольствие прибавить: «Et puis, Monseigneur, l'empereur vous fait d'un autre côté des douceurs, auxquelles il vous croit plus sensible»*.

Мой вел. князь понимает, что я намекаю на его постоянные ходатайства о сыновьях и о других покровительствуемых им лицах и что просьбы, как, например, касающаяся назначения Петерса сенатором, отзываются на нашем бедном Совете.

Разговор принимает другое направление.

Являются сыновья для присутствования при молебне по случаю благополучно оконченного путешествия.

Вечер за мемориальным извлечением.

4 [ноября]. Воскресенье. Завтрак с Влангали и берлинским банкиром Мендельсоном, который приезжал сюда для заключения займа, отложенного ныне вследствие плохих биржевых обстоятельств, в особенности в Англии, где вследствие Аргентинской революции поставлены в затруднительное денежное положение первостепенные банкирские фирмы, как, например, братья Беринг. Мендельсон восхваляет деятельность Вышнеградского, сетует на своего германского императора, который запрещает им, берлинским банкирам, давать деньги России, сохраняя в глубине души опасение, что Россия питает по отношению Германии воинственные замыслы. Мендельсон высказывает желание Германии заключить с Россиею торговый договор.

Разговор с Мусницким, проектировавшим Пензо-Лозовую железную дорогу. Мусницкий утверждает, что теперь потеряна всякая надежда на осуществление этого проекта. Предлагает строить узкоколейную дорогу, которая вместо 45 млн. обойдется всего в 18 млн.

5 [ноября]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, предлагаю ему перевести в Департамент законов из Департамента экономии Менгдена, чтобы, таким образом, подкрепить ослабленный выбытием Перетца и Старицкого Департамент законов, подкрепить элементом почтенным, а не взятым в редакции «Гражданина», как, например, сенатор Татищев, о коем Мещерский уже начал писать хвалебные статьи.

Одновременно, таким образом, очищается место адмиралу Пещурову, которому государь выразил намерение дать занятия в Совете и который в Департаменте экономии может действительно принести пользу.

Комбинация эта еще имеет ту пользу, что затем посторонние Совету силы, прибавлю, невежественные силы, вроде Дурново, не могут

*«А затем, ваше высочество, император говорит вам нежности, к которым, он считает, вы чувствительны».

обвинять в слабосилии Департамент законов и стараться навязать нам своих сподручников. Если к 1 января зайдет речь о назначении новых членов, то можно будет толковать лишь о подкреплении Гражданского департамента, а туда поневоле надо назначать юристов.

Вел. кн. Михаил Николаевич едет на похороны одного из бывших своих подчиненных, а я отправляюсь завтракать с вел. кн. Владимиром Александровичем в Новый клуб. По обыкновению при разговоре с глазу на глаз он передает интересные факты и суждения.

В последнюю бытность в Берлине вел. князь просил императора Вильгельма сообщить, что ему известно об обстоятельствах смерти эрцгерцога Рудольфа. Император отвечал, что он вызвал принца Филиппа Кобургского, чтобы от него узнать подробности этого ужасного события, так как принц Кобургский находился в этот день на охоте с покойным, но на просьбу императора принц Кобургский отвечал, что он в числе прочих лиц, участвовавших в охоте, должен был, по желанию австрийского императора, принести ему клятву, что никогда никому не скажет ни слова о том, как дело было.

На основании других сообщений и тайных сведений германский император подозревает, что наследник австрийского престола пал жертвою ненависти иезуитов, коим выказывал явное нерасположение, к клерикалам вообще и иезуитам в особенности. Незадолго до смерти эрцгерцог Рудольф имел бурное объяснение с пражским архиереем, который в порыве гнева произнес даже угрозы. На брата императора эрцгерцога Карла-Людвига, известного своим сочувствием к клерикалам, падает подозрение в том, что он был в заговоре. Подозрение это еще подтверждается и тем, что после смерти Рудольфа он, Карл-Людвиг, предложил разобрать все бумаги племянника, ликвидировал все его дела, не говоря ни слова опечаленному отцу, от которого впоследствии получил всю израсходованную им на ликвидацию сумму. Последние подробности вел. князю передавал принц Альберт Саксен-Альтенбургский, охотившийся нынче осенью по приглашению государя в Спале.

На вопрос мой вел. князю о том, имел ли он случай говорить обо мне с государем, отвечает, что высказал ему мое желание отделаться от обязанностей государственного секретаря, обязанностей довольно тяжелых и несомых мною уже 8 лет. На это государь отвечал, что понимает мое желание. Владимир Александрович советовал брату назначить меня послом и в особенности указывал на лондонский пост. Государю эта мысль, по-видимому, понравилась. После ничтожного заседания в Общем собрании Государственного совета уезжаю на охоту к себе в Рапти. Швейниц, Алексей Абаза, Кауфман, Ауербах.

6 [*ноября*]. Вторник. На облаве по лисице Кауфман стреляет за линию. По несчастию, заряд попадает в мерзлую землю, по которой идет глубокая колея, от удара в колею происходит рикошет, так что одна дробинка 3-го номера, обходя непосредственного соседа Ауербаха, долетает на расстоянии ста шагов до Абазы и ударяет по веку правого глаза с такою силою, что в глазу разрываются кровеносные сосуды и излияние крови уничтожает для этого глаза зрение.

Посылаем в Лугу за врачом, который признает случай весьма серьезным. Спешим возвратиться в Петербург. Попадаем на поезд в 9 час. вечера и приезжаем в 1 час на Большую Морскую, где нас ожидает Магавли, признающий, что зрение легко может быть потеряно.

7 [*ноября*]. Среда. Сижу целый день за бумагами Совета. В 5 час. навещаю бедного Абазу, который с удивительною нравственною твердостью переносит свое положение.

8 [*ноября*]. Четверг. В 10 час. в мундире еду поздравлять вел. кн. Михаила Николаевича, которого уже застаю уезжающим на какое-то торжество. В этот день празднуется полковой праздник Московского полка, что по обыкновению, как для всех гвардейских полков, сопровождается приездом императорской четы в Петербург и завтраком в Аничковом дворце.

9 [*ноября*]. Пятница. Охота на лосей в Коломягах. Едем в 9 час. по Финляндской железной дороге. Вел. князья Михаил, Владимир, Швейниц, Ванновский, Фредерикс, кн. Д.Б. Голицын, Бобринский. Убиваем двух лосей и в $5^1/_2$ часа возвращаемся в Петербург. Уговариваю Ванновского вызвать из Закаспийской области Анненкова, которого положение после приезда Куропаткина, желающего над ним командовать, делается несносным.

10 [*ноября*]. Суббота. В соединенных Департаментах Вышнеградский берет назад представление об учреждении Балтийского пароходства, коему он дает субсидию в 180 тыс. руб. ежегодно. На ухо говорят, что тут взял взятку зять его Филипьев[61].

Обед у Дурново в доме министра внутренних дел, 2 Абазы, Рихтер, Убри, Влангали, Чихачев. Хлебосольство и радушие. Послеобеденный вист. Получаю от дочери Бобринской уведомление о смерти мужниного брата Александра, павшего жертвою безобразной своей жизни.

11 [*ноября*]. Воскресенье. Несмотря на сильный мороз, отправляюсь на лосиную охоту в Коломяги. Круг десяти лосей, из коих мы убиваем семь. Возле меня сидит Софья.

12 [*ноября*]. Понедельник. Вел. кн. Михаил Николаевич передает мне подробности своего объяснения с государем. Он начал с того, что, оставаясь один из четырех своих братьев, начинает думать, что, может быть,

и ему пора бы окончить свою карьеру и что он готов отказаться от обеих своих должностей, как генерал-фельдцейхмейстера, так и председателя Государственного совета. Государь выражает удивление, на что вел. князь выставляет ему выказанное ему, вел. князю, недоверие тем, что два члена Государственного совета Бычков и Рооп назначены без всякого предварительного его о том уведомления. Государь отвечает, что причиною тому отсутствие его, вел. князя. Вел. князь возражает, что его могли уведомить письменно, а не ставить его в положение узнавать об изменениях в составе Совета из газет. К этому вел. князь присовокупляет, что такие распоряжения усиливают затруднительность его председательского положения, уже весьма поколебленного в своем влиянии тем, что государь отнял у него право ходатайствовать о наградах членам, право, принадлежавшее всем председателям, не только вел. кн. Константину Николаевичу, но и Орлову, Васильчикову и другим. Государь настаивает на том, что право это принадлежать должно исключительно ему. Расстаются, впрочем, весьма дружественно, обнимаясь и целуясь.

Из пустого советского заседания еду к Бобринским, получившим известие о внезапной кончине одного из сыновей Саши, весьма, впрочем, неудачного. Заседание финансового комитета в Рисовальном училище.

Вечер за чтением бумаг семейства Паниных и биографической для словаря статьи об императоре Александре II.

13 [ноября]. Вторник. Из Комитета министров ко мне заезжает Абаза сообщить, что наш устав о товариществе ниточной мануфактуры прошел без всякого с чьей-либо стороны замечания[62]. Для меня это очень важная новость, потому что с чиновниками никогда нельзя знать, какой оборот примет дело, а между тем создание этой совершенно новой отрасли промышленности в нашем отечестве, устройство нового центра производительности потребовало больших трудов и затраты значительного капитала, доходящего ныне до 6 млн. Теперь после составления нового товарищества и соединения с шотландцами (Coats), владычествующими почти всемирно на ниточном рынке, есть надежда, что положенный в дело капитал не только не пропадет, но еще и принесет хорошие проценты.

14 [ноября]. Среда. Рождение императрицы. Прием в Аничковом дворце. К 11 час. приглашены: члены Государственного совета, генерал-адъютанты, офицеры Кавалергардского и Гатчинского кирасирского полка, коих императрица состоит шефом, первые чины двора, жены лиц, бывших адъютантами государя до вступления его на престол, а также более выдающиеся или более пролазливые женщины, имеющие отношение ко двору, как, например, Нарышкина, жена бывшего обер-

гофмаршала, когда о жене нынешнего обер-гофмаршала Трубецкой и речи нет, и т. п.

После обедни императрица и возле нее император становятся в главной гостиной пред дверьми, в которые поздравители входят один за другим, целуя руку императрицы и пожимая руку императора. Отсюда проходят в танцевальный зал, где за круглыми десятиприборными столами садятся завтракать под звуки, издаваемые придворными расположенными на хорах музыкантами. После завтрака в той зале, что возле надподъездного не столь давно устроенного помещения, присутствующие образуют круг, который императрица обходит, разговаривая с более выдвигающимися лицами. Точно так же и государь входит в комнату и довольно долго разговаривает с собравшимися как бы нечаянно у дверей андреевскими кавалерами. Здесь московский ген.-губ. Долгоруков, Тимашев, Абаза, Глинка-Маврин. Последний по обыкновению презренным образом разыгрывает роль шута, хвастаясь своими гимнастическими упражнениями для поддержания здоровья. Государь, чтобы поддержать разговор, обращается к Тимашеву с вопросом: «А вы занимаетесь гимнастикою?» На что тот отвечает: «Помилуйте, государь, для чего? Для того ли, чтобы достигнуть подобных результатов?» — указывая на Глинку-Маврина.

Разъезжаются в 2 часа. Приехав домой, захожу к Софье с Сашею, и мы отправляемся осматривать приготовленную им в доме на Крюковом канале квартиру. Из квартиры этой спускаюсь в манеж и езжу верхом на своем любимом коне Париже, приказав впервые осветить весь манеж только что вновь повешенными люстрами. Потом иду пешком к Сольским и, встретив вел. кн. Михаила Николаевича, разбираем вместе виденные на аничковском собрании туалеты: у императрицы было белое атласное платье, спереди оно раздваивалось и открывало серебряное глазетовое, серебром шитое трехугольное поле, точно так же по бокам были разрезы, в коих виднелись из атласа же сделанные, смятые, в несколько рядов расположенные пучки, на рукавах пониже плеч были весьма художественно исполнены перевязки. Все платье было оторочено мелкими шелковыми шариками, напоминавшими жемчуг. На шее у императрицы было превосходное в один ряд ожерелье из крупного жемчуга.

На вел. кн. Марии Павловне было тоже белое атласное платье, тоже с переднею частью, вышитою серебром.

На вел. кн. Елизавете Федоровне розовое, обшитое собольим мехом, имевшее форму, которую в конце прошлого столетия называли une polonaise*.

* Польский фасон.

Кн. Белосельская поразила нас тем, что на ней было почти темное платье, черносливного цвета. На выраженное мною о сем удивление, стоявший возле меня гр. Гендриков сказал: «Да ведь это чтобы показать, что она здесь почти дома».

После обеда отправляюсь вместе с детьми в Мариинский театр. Во время представления около 9 час. нам приходят сказать, что произошел пожар в нашем манеже. Я с Сашею спешим туда и уже на площади видим тучи густого дыма. С набережной Крюкова канала я вижу обильное пламя, выходящее из двух первых окон манежа. Пожарная команда уже приехала, но действует еще только ручными насосами, не производящими никакого результата. Пары разводятся в паровых качалках, но на это нужно четверть часа времени, а в эти четверть часа весь потолок, представляющий громадную деревянную массу*. Все усилия пожарных сосредоточиваются на том, чтобы защитить два боковых возле манежа здания: дома, вмещающего контору, где приготовлялось жилище для моего сына, и здания, в котором расположены конюшни и жилые помещения кучеров. Благодаря тихой безветренной погоде это удается сделать, но манеж сгорает совсем; остаются лишь две боковые каменные стены.

15 [ноября] Четверг. Отправляюсь на пожарище в 10 час. и еще застаю пожарную команду, льющую воду.

16 [ноября]. Пятница. Целый день производится дознание о причине пожара, которое, однако, ничего не открывает, установляя, впрочем, что все отопление и до него касающееся даже и после пожара сохранилось в полном порядке.

17 [ноября]. Суббота. В Государственном совете, в соединенных Департаментах, обсуждается вопрос об устройстве портового управления. Министр внутренних дел, несмотря на общее мнение, не хочет принять в свое заведование полицию в портах, а министр путей сообщения добивается, чтобы ему отдали управление портами, в том числе и полицию, но на это никто не соглашается[63]. Гюббенет говорит продолжительно, но замечательно бездарно.

Обед в нижнем помещении клуба, в члены коего при этом записываются Дурново и Тимашев. Настолько первый тускл, насколько второй остроумен и словоохотлив, несмотря на свои 73 года.

По городу ходят стихи, приписываемые сенатору Барыкову:

Весь сентябрь министры
Рыщут очень быстро,
С края и до края
Все обозревая.

* *Так в подлиннике.*

Вышел для вельможей
Промысел отхожий
При больших прогонах
В даровых вагонах.
Царские им встречи,
С хлебом-солью речи.
Флаги, люменации,
Чуть не коронации,
А народу, поглядишь,
Из объезда выйдет шиш.
Иль, быть может, хуже
Скрутят еще потуже,
Но чтоб зря нам не гадать
А наверное уж знать,
Ждать иль нет успеха,
Спросим лучше эхо.

«Что, у Вас министры были?» — «были»
«Нужды Ваши рассмотрели?» — «ели»
«Как же с ними поступили?» — «пили»
«Справедливо и умно ль?» — «ноль»
«Вышнеградский приезжал?» — «жал»
«Кризис общий разобрал?» — «брал»
«Много дал Вам за бакшиш?» — «шиш»
«Чем же кончил разговор?» — «вор»
«Как нашли Вы контролёра?» — «ёра»
«Ну, а прокурор не бес?» — «бес»
«Просвещенный есть успех?» — «эх!»
«А в хозяйстве и лесах?» — «ах!»
«Разве так Островский плох?» — «ох!»
«О Ванновском какой слух?» — «ух!»
«Сделал ли что Гюббенет?» — «нет»
«Так все вышла ерунда?» — «да»
«Ждать ли снова на весну их?» — «ну их».

18 [ноября]. Воскресенье. В 2 часа на квартире у Абазы (у Аничкова моста в собственном доме) собирается Финансовый комитет. Председателем этого комитета доселе продолжает числиться вел. кн. Константин Николаевич, но после увольнения его от должности председателя Государственного совета председательствовал в качестве старшего члена Рейтерн, а за его смертью ныне председательство перешло к Абазе.

Он открывает заседание воспоминанием о Рейтерне, политическую фигуру очерчивает очень верно, особенно останавливаясь на прямоте, трудолюбии, нравственной твердости покойного. Абаза вспоминает, что Рейтерн был назначен министром финансов из делопроизводителей Финансового комитета, а обязанности делопроизводителя ввиду состава Комитета имели весьма большое значение. Гр. Орлов после назначения председателем Комитета прямо заявлял, что он ничего в финан-

сах не понимает и что при назначении его император Николай сказал: «Я тебя назначаю для того, чтобы защищать моего старика (Канкрина) от нападков князя Любецкого».

Канцлер, гр. Нессельроде, председательствуя, говорил по-французски; на один из первых написанных Рейтерном журналов заметил: «Mais je crois que nous n'avons pas dit tout ce qui est écrit ici»*. На что Рейтерн отвечал: «Mais, monsieur le comte, si je m'en étais tenu à ce qui a été dit, le journal n'aurait pas dépassé les dimensions d'une demi page»**.

В последние годы, председательствуя, Рейтерн оказывал великую услугу делам, высказывая в положительном или отрицательном смысле свое авторитетное, умудренное многолетним опытом слово, на твердость коего всегда можно было безусловно полагаться.

Память усопшего Комитет почтил кратковременным молчаливым стоянием, после чего перешли к обсуждению нескольких малозначительных, впрочем, дел.

Речь шла о новом кредитном билете 25 руб. достоинства с неудачным белым пустым кругом, о суммах, поступающих от ликвидации польского банка, о замечаниях государственного контроля на отчеты по кредитной части и, наконец, о невозможности погашать 3% заем 1877 г. вследствие нежелания держателей продавать свои облигации. Вышнеградский по обыкновению высказывался ревнивым сберегателем казначейских интересов, умеющим ловко воспользоваться в этом отношении обстоятельствами. Конечно, его мелочное торгашество подчас раздражает, но не надо забывать безграничности и беззастенчивости предъявляемых к государственному казначейству требований, в особенности со стороны военного, морского и путейского ведомств.

Визит старухе Паниной, которая поразительно свежа, несмотря на свои 80 лет.

Вечер за мемориальным извлечением.

19 [*ноября*]. Понедельник. Обычный, довольно пустой разговор с вел. кн. Михаилом Николаевичем. Завтрак в клубе с Владимиром Александровичем и его вторым сыном. В Общем собрании Государственного совета Мансуров надоедает пустыми замечаниями по делу об орошении на Кавказе. В соединенных Департаментах он делается совершенно несносен, говоря большие пустяки но вопросу об узаконении детей.

Обед дома с Софьею и Сашею. Рассматриваем после обеда cabinet du roi.

---

*«Мне кажется, что мы не говорили всего того, что здесь написано».

**«Но, граф, если бы я ограничивался только тем, что говорилось, то размер журнала не превзошел бы полстраницы».

20 [*ноября*]. Вторник. Скучное делание визитов. Всеволожские, Рюмин. Кончаю Фруда.

21 [*ноября*]. Среда. В $9^1/_2$ часа продолжительный разговор с Мусницким об узкоколейной Пензо-Лозовской дороге.

Заключение на 3 года договора о продаже меди Boray.

В $12^1/_4$ [часа] на Николаевской станции прибытие тела А. Бобринского. Провожаю до Невской лавры. В этот же день уезжаю в Рапти, откуда возвращаюсь 23-го, пятница, встретив на Лугской станции жену мою, приехавшую из Парижа. На Царскосельскую станцию выезжает встретить нас Пит с объявлением, что Саша избег большой опасности и отделался легким ушибом. Он должен был идти со взводом принимать на железнодорожной станции штандарты, прибывшие к георгиевскому празднику. Верховая его лошадь, не привыкшая к палашу и кирасе, поднялась на дыбы и опрокинулась на всадника. По беспримерному счастью, все окончилось весьма легкими ушибами.

7 декабря. Почти все время провозился с приехавшими по делу о ниточной фабрике шотландцами Coats, Brook, Hirss, Clark. Заключенный мною с Котсом в Берлине словесный договор получил полное осуществление. Они соединились с нами в одно товарищество ниточной мануфактуры с 12-миллионным капиталом, разделенным пополам между обеими совершившими договор сторонами. Все это потребовало много времени, много разговоров, соглашений и окончилось лишь 5 декабря, когда шотландцы уехали обратно в Глазго.

За все это время ничего особенного в Государственном совете не произошло. Обсуждали лишь один серьезный законопроект об узаконении и усыновлении детей[64].

9 декабря. За последнее время сделались очень натянутыми отношения вел. кн. Владимира Александровича к своему вице-президенту Академии Алексею Бобринскому. Бобринский был назначен государем, не спрашивая вел. князя, что, конечно, не могло нравиться последнему. Принимая назначение, Бобринский пожелал иметь конференц-секретарем Академии гр. Толстого, который был у него секретарем Археологической комиссии. Это было сделано. С первых дней вступления своего в должность Толстой старался вкрасться в доверие вел. князя и по возможности иметь дело с ним одним, отстраняя всячески Бобринского от участия в делах. Дело дошло до того, что Толстой в присутствии Бобринского сказал вел. князю, что не желает служить с Бобринским и вообще выйдет в отставку, если не будут утверждены сделанные им, противно мнению Бобринского, представления по некоторым существенным для Академии вопросам. Бобринский настаивал на своем. Вел. князь принял мнение Бобринского, который остался

на службе, ожидая с часу на час отставки Толстого. Разумеется, отношения их постоянно ухудшались. На этой неделе вел. князь поехал с Бобринским осматривать выставку в Обществе поощрения художеств. Пробыв на выставке, они расстались в 12 час.; Бобринский зашел домой, а потом отправился в Академию. Каково было его удивление, когда он нашел там вел. князя и всех служащих, заранее предуведомленных о его посещении и потому сопровождающих его в белых галстуках. Все это происходило после завтрака у гр. Толстого. Бобринский поспешил рассказать это Воронцову, начальнику Академии, по должности министру двора; Воронцов сказал что-то вел. князю, от которого Бобринский вслед за тем получил по телефону приказание явиться. Между ними произошел приблизительно такой разговор. *Вел. князь:* «Мне говорил гр. Воронцов, что Вы обиделись тем, что я без Вас был в Академии». *Бобринский:* «Ваше высочество, я мог ожидать, пробыв с Вами до самого отъезда Вашего в Академию, что Вы мне что-нибудь о том скажете?» *Вел. князь:* «Я о том не подумал». *Бобринский:* «Во всяком случае гр. Толстой обязан был меня предуведомить о приезде Вашего высочества». *Вел. князь:* «Это личные Ваши с ним счеты, коя до меня не касаются». *Бобринский:* «Нет, Ваше высочество, разрешение теперешнего положения всецело во власти Вашей, как главного начальника. Гр. Толстой при мне заявил Вам, что намерен выходить в отставку, я ожидаю этого». *Вел. князь:* «Он несколько раз просил меня об увольнении, но я всякий раз его удерживал». *Бобринский:* «Во всех столкновениях с гр. Толстым я действовал на точном основании устава Академии». *Вел. князь:* «Устав 1858 г.[64а] совершенно неопределителен». *Бобринский:* «Извините, Ваше высочество, по моему мнению, он вполне определителен. Позвольте вообще высказать Вам, что я вижу Ваше ко мне нерасположение. Вы мне говорите на днях, что убедились в том, что Кондаков интриган, который своими интригами сбивает с толку гр. Толстого, и вслед за тем подписываете бумагу гр. Воронцову о назначении этого самого Кондакова членом комиссии для начертания нового устава Академии». *Вел. князь:* «Ну, так что же. Пускай он высказывает свои мнения в комиссии, точно так же, как и Вы, если будете назначены членом комиссии». *Бобринский:* «Мне кажется, Ваше высочество, что при таких условиях мне трудно оставаться на должности вице-президента и что мне остается просить об увольнении». *Вел. князь:* «Я Вас не удерживаю».

Бобринский немедленно отправился к Воронцову и заявил просьбу об увольнении от должности. Приехав в Государственный совет, встречаю Победоносцева и рассказываю ему бывшее на днях заседание Департамента экономии, в котором при рассмотрении сметы Министерства государственных имуществ было обнаружено, что, получая на раздачу денежных аренд служащим ежегодно 2 млн. руб., Островский раздает лишь 1600 тыс., а 400 тыс. ежегодно откладывает и производит из этих денег особые расходы, долженствующие доставить удовольствие государю, как, например: по 100 тыс. на приданое каждой из дочерей кн. Черногорского, 100 тыс. патриарху Константинополя и т. п. И это делает человек, бывший одним из ближайших сотрудников Татаринова но проведению контрольной реформы, в основе коей лежит принцип единства государственной кассы.

Победоносцев, ныне утративший свое влияние, начинает бранить Островского, а затем и других близких к нему по нравственному ничтожеству правительственных деятелей: Филиппова, Гюббенета и в заключение называет Протасова-Бахметева. Я, чтобы сказать что-нибудь, говорю, что Протасов, как мне кажется, очень удручен своими занятиями, не быв к ним привычен.

Победоносцев восклицает, что удручение это происходит от страшной угрожающей ему катастрофы, сущность коей заключается будто бы в том, что Протасов, состоя в связи с А.И. Дуббельт, составил вместе с нею подложное духовное завещание от имени впавшего в сумасшествие брата госпожи Дуббельт, Базилевского.

Протасов честный и благородный человек, все это, разумеется, клевета, пущенная в ход потому, что Протасов начал преследовать мошенничества всякого рода в управлении учреждений императрицы Марии.

Вот среди каких гадких интриг приходится жить!

Вечер у гр. Паниной, которая под секретом сообщает мне много интересного из имевшихся в ее руках фамильных панинских бумаг. Самое интересное, что несомненен факт намерения императрицы Екатерины отрешить от престола Павла, как признанного сумасшедшим. Намерение это обсуждалось и не приведено в исполнение вследствие упорной оппозиции гр. Никиты Ивановича Панина; следовательно, задолго до смерти императрицы, так как Панин умер в 1783 г.

Второй любопытный факт тот, что гр. Никита Петрович умер в изгнании, потому что императрица Мария Федоровна заставила сыновей своих, сначала Александра, а потом Николая, присягнуть, что они никогда не разрешат ему вернуться в Петербург. Ненависть же к нему императрицы была последствием того, что он, Панин, уже быв в изгнании, в письме высказал ей правду относительно Павла Петровича, начиная с неблагодарности к семейству Паниных, сохранивших ему престиж[65].

15 декабря. Скончался кн. Сергей Сергеевич Гагарин, скончался довольно скоропостижно, после нескольких дней нездоровья. Я был

с ним очень близок за последние 20 лет его жизни и не могу не сказать, что он был человек необыкновенный, только совсем в ином смысле, чем тот, который придается этому слову. Он был весь не в наружу, а в нравственную сущность жизни. В нем не было ничего показного, ничего блестящего, но зато было всегда, во всех положениях и отношениях жизни скромное по наружности, но глубоко искреннее, доброе, честное, самозабвенное отношение к делу и людям. С ранней молодости унаследовал значительное богатство, получив с самого рождения выдающееся светское положение, будучи избран императором Николаем в совоспитанники младших сыновей его, впоследствии, видя пред собою всякие почетные и самолюбивые наслаждения легко достижимыми, Гагарин, несмотря на то, предпочел удалиться от всего этого шума и блеска и посвятить жизнь свою деятельной помощи ближнему в самых разнообразных видах, но притом так скрытно, что до самой смерти люди, ему близкие, не подозревали, какое множество добра он делал всем, кому мог только его делать. В деревне он устраивал образцовые больницы, помогал всякому больному не только во время нахождения его в больнице, но и после выздоровления, в городе он с 9 час. утра, несмотря ни на какую погоду, отправлялся в самые отдаленные части города, посещая всякого рода меньшую братию, начиная с мастеровых, ремесленников и т. п., труды коих он умел тонко различать и ценить, быв лично высоко образованным знатоком всяких самых различных отраслей искусства.

Жена его, Вера Федоровна, рожденная графиня Пален, в молодости была замечательной красоты, по несчастью, никогда не имела детей и всю силу своего могучего, пылкого духа обратила в сторону религиозных стремлений, но не удовлетворяясь формами православия с свойственными ему преувеличениями в обрядной, внешней стороне и недостаточностью нравственного содержания, как в самих правилах церкви, так в особенности в личностях ее представителей, Вера Федоровна всецело отдалась учению, инициатором коего в России был некий лорд Редсток, но которое, не будучи облечено в строгую систему, представляется чем-то вроде русского протестантизма[66], о подробностях этого учения не могу говорить, не зная их, но из разговоров с Гагариною, которая несомненно умнее, чем ее единомышленницы Пашкова, Черткова, Шувалова, Ливен и др., я вынес убеждение, что ничего стройно определенного в воззрениях их и не существует. Прежде всего они исполнены благих намерений на пользу ближнего, помогают бедным, больным, немощным всякого рода, делают все это без всякой напыщенности, с великим самопожертвованием и простотою,

но при этом постоянно твердят тексты Священного Писания, смысл коего им будто бы близок вследствие прямого божественного откровения.

Не раз я спорил с кн. Гагариною о том, что личных ее убеждений никто не вправе касаться, но что и она не вправе посягать на чужие убеждения, особливо на религиозные воззрения и привычки темного люда, который, увлекшись ее проповедью, утратит прежнее верование, в его глазах связанное с основами нравственности, и не получит от ее проповеди ничего, кроме смутно понимаемых или вовсе не понимаемых слов, долженствующих заменить несомую им нравственную узду или скорее вовсе ее уничтожить.

В противность такому воззрению Гагарина и другие почитают первым долгом проповедование своих учений и притом возможно большему числу простонародья. Весьма естественно, и церковь и правительство не могли смотреть равнодушно на распространение таких учений. Пашков, собиравший у себя толпы простонародья, был выслан за границу. Женские главы секты продолжали дело пропаганды, и смерть Гагарина естественным образом подала повод к сражению.

Несмотря на мои убеждения, кн. Гагарина объявила, что любовь и преданность ее к Богу не дозволяют ей в такую торжественную минуту допустить в доме ее выходки лицемерия в форме панихид, тем более, что по учению церкви панихиды и не представляются обязательными. Точно так же она отказала наотрез допустить в свой дом духовенство для переноса тела в церковь. Самое погребение она решила произвести в фамильном Гагариных склепе, который находится в Сергиевском монастыре.

17 [декабря]. Понедельник. По обыкновению приезжаю в 11 час. к вел. кн. Михаилу Николаевичу, коего застаю в совещании с кн. С. [Трубецким], ныне номинальным обер-гофмаршалом, в прежнее время адъютантом вел. князя, воспитывавшимся с детства вместе с ним и покойным Гагариным.

Поводом к совещанию было следующее: накануне, как обыкновенно бывает по воскресеньям, младший сын вел. князя Алексей Михайлович ездил в Гатчину играть с детьми государя. Там было в его присутствии много говорено об упорстве кн. Гагариной. В ту минуту, как государь удалялся для занятий в свой кабинет и маленький Алексей Михайлович подошел к нему, чтобы проститься, государь сказал ему: «Мне все равно, какие у кн. Гагариной верования, но она не вправе запрещать, чтобы при теле мужа ее были отслужены панихиды. Скажи от меня своему отцу, что я приказываю ему поехать в дом Гагариных и отслужить панихиду».

Сообщив мне такое, по мнению вел. князя полученное им высочайшее повеление, он высказал, что для исполнения подобного приказания он считает всего более целесообразным послать сначала Трубецкого умолять кн. Гагарину, чтобы она разрешила ему, старому другу ее мужа, отслужить в доме своем панихиду, и только в случае отказа с ее стороны вел. князь собирался поехать с духовенством и отслужить панихиду, согласно высказанной государем воле.

Я возражал, что посылка Трубецкого ни к чему не поведет, так как все, что он был бы уполномочен сказать, уже было мною сказано и сказано тщетно, а относительно насильственно отслуженной панихиды я заметил, что, во-первых, служение панихид по правилам церкви не обязательно, а во-вторых, вторгаться для сего насильственно в дом никто не имеет права и подобное вторжение расположило бы в пользу кн. Гагариной и ее единоумышленниц всех тех, кои сегодня готовы осуждать их образ действий.

Поколебленный моим рассуждением вел. князь говорит, что, быть может, всего лучше было бы послушать, что скажет Воронцов, который провел, вероятно, весь вчерашний день в Гатчине. Я предлагаю немедленно привезти Воронцова, отправляюсь к нему и привожу в своей карете. В короткий переезд между домом Воронцова на Английской набережной и дворцом вел. кн. Михаила Николаевича убеждаюсь, что Воронцов вполне разделяет мой взгляд.

Выслушав Воронцова, вел. князь просит его обо всем этом написать государю донесение, а сам не считает себя более обязанным ехать к кн. Гагариной для присутствования при панихиде. Воронцов, с своей стороны, пишет просто государю, что видел вел. князя, который получил от государя выражение желания, чтобы по Гагарине была отслужена панихида, счел это желание выполненным тем самым, что в этот же день в 3 часа будет отслужена панихида у него, вел. князя, в домашней церкви.

Сюда приехали лица, коих вел. князь успел оповестить и кои были более близки к Гагарину, а именно: Бобринские, А. Долгорукий с семейством, Воронцовы-Дашковы, Балашевы, гр. Стенбок, М.С. Долгорукая, Тимашев, Убри, Влангали и т. д.

Вечером была отслужена у нас в Рисовальном училище панихида, причем пел прекрасный хор Архангельского.

18 [декабря]. Вторник. На другое утро в $9^1/_2$ [часа] тело умершего было отвезено в Сергиевскую пустынь без всякого при этом участия духовенства, что производило довольно тяжелое впечатление, так как не было слышно ни единого слова и все происходило хотя и в тишине, но, разумеется, далеко не безусловной.

19 [декабря]. Среда. Совершилось погребение с соблюдением всего церковного чина, причем вдова не присутствовала, сказав близким, что все эти церемонии расстроили бы ее теперешнее душевное спокойствие.

Эти два и следующий дни я просидел дома вследствие довольно сильной простуды; при этом редкие по складу петербургской жизни свободные часы употребил на ознакомление с материалом, необходимым для написания биографической о покойном императоре Александре II статьи, имеющей войти в составляемый Историческим обществом биографический словарь.

Во время этой работы пришел ко мне мой секретарь Штендман, перепуганный гонением, воздвигнутым на издателей исторических документов вследствие неприличных выходок, найденных государем в новом томе екатерининской истории Бильбасова. Бильбасов сослался на то, что приводимые им факты уже обнародованы Бартеневым в «Русском архиве» и Семевским в «Русской старине»; в отношении и того и другого последовали строгости. Задетые в своих самолюбивых и сребролюбивых расчетах эти промышленники исторического слова стараются всеми силами затянуть в свою беду будто бы солидарное с ними наше Историческое общество, председатель коего, т. е. я, представляет возможность в виде нападения на общество подвергнуться каким-нибудь выходкам людской зависти, находящей во мне обильную пищу.

21 [декабря]. Пятница. Заходит начальник Управления по делам печати Феоктистов, состоящий 25 лет казначеем Общества, с тем чтобы уверить меня, что опасения Штендмана лишены всякого основания, что, действительно, государь недоволен содержанием II тома истории царствования императрицы Екатерины II Бильбасова, что Бильбасов, оправдываясь, указывал на то, что главные заимствования текста, признаваемого нецензурным, сделаны им со страниц исторических журналов, в особенности «Русского архива» и «Русской старины», и что вследствие того государь приказал подтвердить издателям этих журналов, чтобы воздерживались от несвоевременного публикования исторических материалов, но что все это отнюдь не касается нашего Исторического общества.

23 [декабря]. Воскресенье. Заезжаю в Городскую думу на базар в пользу городских школ, где дочь моя Бобринская продает лотерейные билеты.

В 3 часа панихида у вел. кн. Михаила Николаевича по Гагарине, так как сегодня 9-й день после его кончины.

В $3^1/_2$ [часа] у Анненкова разговоры о Богословской железной дороге. Дело более и более представляется в выгодном свете.

В $7^1/_4$ часа на поезде в Гатчину, где дается при дворе театральное представление. По приезде захожу к Черевину, откуда к 9 час. отправляюсь в театральную залу.

Две французских пьесы: «Le caprice», «Camille». Первая — ветха, вторая — глупа. Две русских: «Дивиденд» — довольно пошлый водевиль и отрывок предполагавшейся комедии Гоголя «Собачкин» чрезвычайно пошлого содержания и тона. В заключение сцены Горбунова, тоже весьма тривиальные и в особенности неуместные в императорском дворце: осмеяние политического обеда, заседания акционерной компании и т. п., под этим желание угодить, осмеивая коллегиальные собрания.

В самой зале зрителей весьма мало оживления, что, конечно, довольно естественно, но еще менее изящества и щегольства в каком бы то ни было отношении, что, к сожалению, также начинает быть естественным и нормальным. Социальный переворот, пережитый высшими классами, постоянный упадок экономического уровня, несмотря на блестящие результаты финансового или, правильнее говоря, кассового положения, абсентеизм из Петербурга тех многочисленных людей, коих солнце или безденежье при легкости железнодорожных сообщений увлекают в другие, хотя и далекие страны; все это не способствует к умножению в Петербурге роскоши. Прибавьте к этому, что в единственных остающихся ныне центрах удовольствия — дворах членов императорского дома — преобладает сплетня, вынужденная обстоятельствами расчетливость, не говоря об имеющейся при каждом дворе кучке людей, не имеющих никакого права на чье бы то ни было уважение.

Независимо от всех этих условий на этот раз Гатчина представляла еще менее, чем обыкновенно, привлекательное сборище, потому что, вероятно, вследствие отсутствия наследника цесаревича молодежь и в особенности барышни приглашены не были, а следовательно, собрание состояло почти исключительно из зрелых и перезрелых физиономий, наряд коих не представлял ничего изящного. Тут были: Воронцовы-Дашковы, Балашевы, Дурновы (idem министр), гр. Игнатьева, Волконские (товарищ Делянова), граф и графиня Шереметевы, Салтыковы, кн. М.С. Долгорукая, ее брат обер-церемониймейстер, Шипова (оренбургский атаман), Оржевские, Всеволожские, кн. Барятинская, кн. М. Оболенская, которая ввиду болезни гр. Строгановой мечтает о месте обер-гофмейстерины, из стариков: два графа Гейдена, жалкий Глинка-Маврин, Абаза, Б.Ф. Голицын.

Во время антрактов государь уходил курить, а императрица разговаривала с присутствовавшими. Все это тянулось очень долго, так что

сели ужинать (за малыми столами в наибольшей гостиной, которая в центре дворца) после часу ночи, а домой, на Большую Морскую, я добрался в 4 часа без пяти минут.

Тяжелое предприятие даже и для мужчины. Каково же было для дам! Прибавьте, что во всю ночь бушевала снежная буря.

25 [декабря]. Вторник. Явясь к вел. кн. Михаилу Николаевичу по его вызову, узнаю, что он был у государя в Гатчине; предложил ему назначить одного члена Совета в Гражданский департамент, при этом вел. князь назвал трех сенаторов: Герарда, Шамшина и Мордвинова. Государь признал всех троих неподходящими и выразил намерение назначать на будущее время членами Совета не чиновников судебного ведомства, а по преимуществу лиц, занимавших место губернаторов и потому приобретших практические сведения о действительной жизни в провинции. При этом государь сказал, что ему называли двух таких лиц — сенаторов Татищева и Ушакова. Услышав эти два имени, вел. князь сказал государю, что обоих этих лиц знает еще с того времени, когда они сидели на школьной скамье Пажеского корпуса, но что ни тот ни другой по способностям своим не принесут никакой пользы Совету. Если же государь непременно желает назначить членом Совета лицо, занимавшее должность губернатора, то он, вел. князь, предлагает ему избрать сенатора кн. Григория Голицына. На это государь отвечал, что против Голицына ничего не имеет, хотя признает его ленивым. В итоге решено назначить членом Совета Голицына.

Разумеется, я наделал своему вел. князю комплиментов за его в этом случае находчивость, которая спасла Совет от вторжения совершенно несоответственного элемента, поддерживаемого достойным презрения Мещерским.

Отправляюсь вечером к Ванновскому и передаю ему, хотя и весьма вкратце и с опущением личных подробностей, сущность вышеприведенного рассказа. Мы оба того мнения, что если назначить теперь члена Государственного совета из военного ведомства, то Розенбах и Имеретинский имеют несравненно более прав, чем Гри-Гри Голицын. Ванновский решается ехать к государю в субботу просить о назначении Имеретинского.

26 [декабря]. Среда. Опасаясь какого-нибудь случайного, несогласного с достоинством Государственного совета назначения, еду к Бунге и предлагаю ему выставить кандидатуру в члены Совета управляющего делами Комитета министров Куломзина. Бунге немедленно вызывает но телефону Куломзина, который отказывается от такого назначения. Предметом его пожеланий мое наследство по должности государственного секретаря.

27 [*декабря*]. Четверг. В $9^1/_2$ часа на железной дороге в Гатчину. В вагоне Дурново, Делянов, Рихтер.

В 11 час. с Дурново в приемной у государя. Дурново пробывает в кабинете менее получаса и, выйдя оттуда, успевает лишь сказать мне, что о назначении членов Совета не было говорено ни слова, несмотря на то что он намеренно упомянул о Совете и имеющих быть внесенными в него делах; меня зовет камердинер и одновременно вносит в кабинет государя несколько захваченных мною с собою гравюр на дереве, исполненных учениками нашего Рисовального училища. С этого и начинается у нас разговор. Государь доволен исполнением гравюр, но сожалеет, что они отпечатаны в Париже, а не в России; находит их достойными быть повешенными на стенах какого-либо загородного дворца.

Затем происходит приблизительно такой разговор.

Я: «Я представляю Вашему величеству к наградам меньшее число лиц, чем то предоставлено мне Вашими высочайшими повелениями, а именно вместо 2-х статс-секретарей — одного и вместо 10 чиновников — только 9».

Государь рассматривает списки и все представления утверждает, исключая одного чиновника по особому присутствию, представленного к Владимиру 4-й степени, коему он дает Анну на шею.

Я: «Вел. князь приказал мне испросить у Вашего величества приказание относительно изготовления указа о назначении Голицына членом Государственного совета».

Государь: «Да. Вел. князь предложил мне таких кандидатов в члены Совета, кои совсем не подходящи. Что такое Шамшин, Мордвинов? Больше ничего, как чиновники. У нас и так уже судебного элемента много в Совете».

Я: «Кандидаты эти были предложены Вашему величеству вот по какому соображению: Гражданский департамент Государственного совета положительно требует подкрепления, Стояновский уже в преклонных летах; то же самое можно сказать о Философове и Саломоне, с тою разницею, что Стояновский прилежно работает, а Философов ничего не делает, Саломон же оказывается неспособным к полезной деятельности. Он был назначен по рекомендации Манасеина, который, кажется, имел, главным образом, в виду очистить вакансию председателя Кассационного департамента своему товарищу Маркову. О Мансурове 2-м и говорить нечего. С назначения членам Совета он не открывал рта.

Ввиду всего этого я, по поручению вел. князя, разговаривал с Манасеиным, и предложенные Вашему величеству кандидаты по соглашению с министром юстиции были взяты из числа таких судебных чинов,

кои проходили и административные карьеры, так что не ограничиваются тесно судебными познаниями. Шамшин управляет межевою частью, Герард управлял учреждениями императрицы Марии, Мордвинов служил в таможенном ведомстве.

Относительно того, что Ваше величество изволите замечать, что в Совете уже и теперь сидит много юристов, я высказывал Вам и прежде это мнение, но оно не имеет применения к Гражданскому департаменту. Здесь рассматриваются часто дела исключительно судебного свойства, дела, ведающие значительные личные и имущественные интересы. Заключения Гражданского департамента идут на утверждение Вашего величества помимо Общего собрания. Что, если Вашим именем, государь, будет закреплено неправильное толкование закона, имеющее сделаться обязательным в применении к нуждам Вашего народа? Конечно, в этом департаменте превосходный ст.-секретарь Боголюбов, замечательный по трудолюбию, способностям и нравственным качествам, но достаточно ли это?»

Государь: «В таком случае можно назначить кого-либо из юристов [из] нынешних членов, например, Набокова».

Я: «Государь, Вы лучше меня знаете, имеет ли этот человек то нравственное достоинство, которое должно принадлежать человеку, призываемому Вами к серьезной деятельности. Не стану говорить о том, что говорит весь город, что у сошедшего с ума Базилевского найдено на 200 тыс. руб. векселей Набокова, остановлю внимание Ваше на том, что Набоков получил Владимирскую ленту в Вашу коронацию в 1883 г., он прослужит год-другой в департаменте и Вы поставлены будете в необходимость его наградить. Что же Вы ему дадите? Андреевскую ленту?»

Государь: «Никогда».

Я: «Так что же?»

Государь: «Ничего».

Я: «Это будет невозможно». Возвращаемся к кандидатуре Голицына.

Я: «Я очень люблю Голицына. Он постоянно со мною охотится, но тем не менее я должен сказать, что назначение его в Гражданский департамент никакой пользы не принесет. Позвольте и еще с полною откровенностью сказать Вам, что в случае его назначения Вы будете поставлены приблизительно в то же положение, как после назначения Пещурова. Как военный министр пришел защищать право на назначение Роопа, так и теперь он Вам скажет: «Вы назначили членом Совета человека, который отказался ехать генерал-губернатором в Ташкент, а того человека, который пробыл ташкентским генерал-губернатором 6 лет, Вы отказываетесь назначить».

Государь: «Я не допущу такого объяснения».

Я: «Но позвольте, государь, спросить Вас, какая же необходимость непременно назначать членов Совета 1 января. Вследствие существования этого обычая в декабре месяце ежегодно разгуливаются аппетиты и начинаются всесторонние ходатайства. Вы назначили в течение прошлой осени трех членов, попробуйте раз никого не назначить 1 января».

Государь: «Да, это совершенно справедливо».

Я: «А то вот со мною в вагоне ехал Делянов, очевидно с целью просить Вас о назначении членом своего товарища Волконского».

Государь: «Я уже сказал ему, что Волконский неподходящий человек, и повторю это ему сегодня». В заключение решено ни о ком, не исключая Голицына, указов не заготовлять.

Затем разговор коснулся дел Государственного совета. Я, разумеется, обратил внимание государя на то, что до сих пор не внесено ничего из всего, что было обещано на настоящую сессию. Потом я напомнил о проекте об уничтожении чинов[67] и сказал, что следовало бы двинуть этот вопрос; причем привел несколько примеров тех уродливостей, кои загромождают ряды служащих в ущерб их деятельности. Государь совершенно с этим согласился и сказал, что помнит высказанное по этому предмету покойным Шестаковым мнение, которое с своей стороны признает вполне справедливым.

В заключение я доложил о делах Исторического общества. Прежде всего испросил категорическое разрешение выпустить в свет том материалов, касающихся Секретного комитета 6 декабря 1826 г., а потом оставил у государя на столе печатаемый мною ныне том депеш французского посланника о конце царствования Петра II и о вступлении на престол Анны Иоанновны с большими подробностями об ограничительных для власти ее условиях, выработанных верховниками[68]. Государь обещал прочитать отмеченные мною места, но при этом заявил мысль, что в нашем сборнике, как издании, предназначенном для библиотек, можно помещать много такого, напечатание коего не могло бы быть допущено в других изданиях. В заключение подношу государю гравюры, пополненные учениками нашего Рисовального училища.

Государь находит исполнение гравюр этих весьма хорошим, но сожалеет, что самое тиснение их происходит в Париже, а не в России. Говорю ему, что надеемся вскоре достигнуть того, чтобы и тиснение происходило дома, что, впрочем, я привез гравюры только для того, чтобы дать ему о них понятие, и прошу его бросить их в огонь. Он отвечает, что сохранит их и пошлет в Спалу, для того чтобы развесить их по стенам охотничьего дома.

Завтракаю у Черевина с Рихтером и Дурново.

На возвратном пути Делянов вызывает в коридор Дурново и сообщает по секрету ему, а он мне, что государь наотрез отказал ему, Делянову, в назначении Волконского членом Совета, сказав, что он никогда его членом Совета не назначит, а что если Делянов непременно хочет от него отделаться, то может посадить его, Волконского, в Сенат.

С железной дороги еду по обыкновению к вел. кн. Михаилу Николаевичу передать ему сокращенную сущность мною слышанного.

29 декабря. Бюджетное заседание в Общем собрании Государственного совета. Вышнеградский произносит речь, содержание коей составляет всеподданнейший его доклад. Филиппов считает нужным дополнить речь Вышнеградского недостойными нападками на его предшественника. За отсутствием Бунге, который по званию председателя Комитета министров находится в этот день в Гатчине, Абаза выступает с речью, в которой хвалит Вышнеградского, особливо за то, что он в своей речи не произнес ни единого слова хулы на своего предшественника, которому, впрочем, по таким-то причинам весьма легко было бы оправдаться. При этом постыдное имя Филиппова не произносится Абазою вовсе.

31 декабря. В 8 час. мне привозят бриллиантовую Александровскую звезду при, сравнительно с другими, довольно лестной грамоте. Надеваю мундир и еду благодарить вел. кн. Михаила Николаевича, исходатайствовавшего мне совершенно для меня неожиданно такое выражение монаршего благоволения.

Обнимаемся с вел. князем и благодарим друг друга за установившиеся между нами служебные отношения.

1891 год

1 января. Отправляюсь в $8^1/_2$ часа в санях расписываться у Алексея Александровича, Павла, Владимира, Михаила Николаевича, Константина Константиновича, Сергея Александровича и Екатерины Михайловны. В это время еще передние пусты, и эта операция берет менее времени; после же собирается в сенях каждого великокняжеского дома мундирная толпа, которая загромождает доступ к книге, в которой надо записать свое имя, и тем заставляет Вас тратить много времени, да еще и простуживаться при постоянном открывании входных дверей.

Выходя из дома вел. кн. Владимира, встречаю его самого; он зовет меня зайти к нему в кабинет и долго говорит о занимающей все их семейство смерти Николая Максимилиановича Лейхтенбергского в Париже. Я настаиваю на том, чтобы Владимир Александрович уговаривал государя ни в каком случае не решать имущественных вопросов своею личною властью, по докладу Воронцова или скорее его правой руки — Петрова, а непременно поручить рассмотрение правовых отношений какой-либо высшей, на этот случай избранной, коллегии людей, обладающих достаточными юридическими познаниями.

В 11 час. в Зимнем дворце. Высочайший выход, обедня, прием дипломатического корпуса, возвращение во внутренние покои. После чего происходит рукоцелование дам у императрицы.

Государю представляются лица, получившие в этот день высшие награды: Фриш, я, Мансуров 2-й, Дервиз, Ренненкампф, Протасов. Государь спрашивает, кто летами старше — Фриш или я. Оба утверждаем, что старше один другого, но оказывается, что я родился в 1832-м, а Фриш в 1833 г.

В $10^1/_2$ часа уезжаю по Варшавской дороге с Скарятиным, Голицыным и Гагариным на охоту.

2 января. Сворачиваем со станции Плюсса и охотимся около имения Городище, но неудача вследствие метели.

3 января. Убиваем довольно большого медведя, одного рыся и трех волков.

4 января. В 8 час. возвращаюсь с охоты и по обыкновению нахожу массу писем с требованиями всякого рода.

5 [января]. Суббота. Пит возвращается из воронежского имения, где провел рождественские праздники, но где волчья охота окончилась не совсем удачно, несмотря на множество имеющихся там волков. Обед у Абазы в честь Вышнеградского.

6 [января]. Воскресенье. Выход в Зимнем дворце по случаю Крещенья. Разговор с военным министром; передает подробности своего доклада государю относительно назначения Имеретинского членом Государственного совета на том основании, что он 10 лет управляет военно-судным делом; в течение этих 10 лет совершенно изменил плохие там существовавшие порядки. Имеретинский человек весьма способный и очень живой; его нельзя больше держать на таком сухом деле. «Он окончательно обескуражится и, ваше величество, потеряете полезного слугу».

Государь со всем этим соглашается, но предоставляет себе самому определить момент назначения.

Продолжительный разговор с Шереметевым, который высказывает свою вражду к петербургскому чиновничеству и в особенности к Островскому, который своими мелочными бюрократическими, самолюбивыми выходками вредит успехам кавказского лесного хозяйства.

7 [января]. Понедельник. Михаил Николаевич рассказывает, что государь ему накануне передавал, как Бунге добивался пожалования управляющему делами Комитета министров Куломзину Александровской ленты и как государь наотрез отказал ему в том.

Завтракаем у Михаила Николаевича, а не у Владимира Александровича и на его упрек при встрече в Совете отвечаем, что не получили от него приглашения. На что он возражает мне, что я приглашен к нему завтракать по понедельникам пожизненно. За завтраком у вел. кн. Михаила Николаевича приехавший из Крыма от вел. кн. Николая Николаевича ген. Орлов сообщает известия о здоровье последнего, которое в последнее время довольно удовлетворительно. О перевезении больного сюда по железной дороге доктора не считают возможным говорить.

В Совете присутствует вел. кн. Алексей Александрович, так как его еженедельный доклад происходит не в Гатчине, а Аничковом дворце.

Вел. князья толкуют о предстоящей свадьбе Протасова с вдовой Дуббельт, с которою он состоит 20 лет в связи. Высказывается мне-

ние, что Протасов поставлен этою женщиною в безвыходное денежное положение и что после женитьбы на таком презренном существе он ни в каком случае не может далее оставаться во главе женского образования.

Гр. Игнатьев по поводу рассмотрения дела об изменении устава компании Черноморского пароходства[1] предлагает установить максимальные тарифы морских сообщений, точно так же как они существуют для железных дорог. На его счастье, Абаза в этот день болен, и потому его предложение отбрасывается без язвительной критики.

8 [января]. Вторник. Читаю присланный вел. кн. Владимиром II том истории Екатерины Бильбасова. Чрезвычайно трудолюбиво составленный, полный о событиях рассказ, но рассуждения автора достойны и по тону и по содержанию самого безобразного в нравственном смысле простолюдина. В этот же день выпуск этой книги в свет воспрещается Комитетом министров[2].

9 [января]. Среда. Домашний спектакль в Царском Селе у Скалона. И он и она весьма милые люди и радушные хозяева, поэтому, несмотря на стужу, к ним отправляются из Петербурга с большою готовностью. Ужинаю между вел. княгинями Елизаветою Федоровною и Александрою Георгиевною. Первая, не говоря о замечательной красоте, чрезвычайно мила и женственна во всех отношениях, вторая умна и, по-видимому, бойка, сметлива, распорядительна.

10 [января]. Четверг. Провожу день за писанием статей об Александре II для своего биографического словаря.

12 [января]. Суббота. Похороны в Сергиевской пустыни Николая Максимилиановича Лейхтенбергского. Не еду туда, потому что боюсь простудиться, да к тому же никогда и не находился с ним в близких отношениях. С молодости он подавал большие надежды, был привлекателен не только по наружности, но и по своим вкусам, любви к науке, в особенности горному делу. В зрелом возрасте все это погибло благодаря несчастной связи с Акинфьевой. Он переселился за границу, жил в тяжелом душевном настроении, кончил жизнь вследствие усиленной морфинизации. Осталось 2 сына, коим дан титул герцогов Лейхтенбергских; возникает вопрос о состоянии, которое заключалось в значительных поземельных владениях, проданных отцом последнего герцога по желанию императора Николая. Часть этих имений составляла майорат; братья покойного утверждают, что и деньги, вырученные продажею, должны в порядке перехода наследникам следовать закону о майорате; покойный утверждал, напротив, что деньги эти составляют его личную и частную собственность. В подтверждение

своего права он часть этих денег прожил, а часть завещал своим сыновьям. Всегда жадные, промотавшиеся Евгений Максимилианович с Зиною точат зубы на наследство, в котором, между прочим, должны находиться бриллианты императрицы Жозефины[3], а между тем бриллианты уже припрятаны куда-то вдовою Николая Максимилиановича, а о капиталах пишет доклад Петров.

При разговорах о всем этом с вел. князьями Владимиром и Михаилом стараюсь уговорить их, чтобы внушили государю, что подобные вопросы о правах личных и имущественных надлежит решать не единоличным повелением, а необходимо подвергать обсуждению собрания лиц, хотя бы и нарочно для сего избранных, но имеющих специальные юридические познания.

Обедают у нас Балашевы. Она по обыкновению весьма мила; уезжает в Висбаден к Мецгеру лечить больного сына.

13 [января]. Воскресенье. В 2 часа крестины в Мраморном дворце. По обыкновению разговоры подчас весьма характерные, когда знаешь подноготную. Обручев ругает Вышнеградского за узкость взглядов, сосредоточивающую интересы и государства, и министра финансов исключительно на накоплении денег без всякой заботы об экономическом улучшении в будущем; Имеретинский хвастает тем, что на днях отказался от предложенного ему места финляндского генерал-губернатора; Рихтер рассказывает, что ездил к А.И. Дуббельт уговаривать ее отказаться от своих требований на то, чтобы Протасов на ней женился, и добился отсрочки.

Разумеется, чтобы слышать рассказы, надо и самому в свою очередь что-нибудь рассказывать, причем надлежит быть крайне осторожным. Рассказываю без соблюдения этого правила графине Келлер, как ее кузина, кн. Барятинская (рожденная Орлова-Денисова), после первого акта «Ромео» в пятницу обратилась к сидевшему с нею вдвоем в ложе Рейтерну и сказала громко, так что сидевшие в креслах люди явственно то слышали: «Ну что, почище твоего Фигнера!»

14 [января]. Понедельник. Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. Едем с ним вдвоем в Мариинский дворец. Спрашивает: «Que dites vous de la dégringolade de Martinoff?» (уволен из шталмейстеров, отстранен от управления императорскою конюшнею). *Я:* «Qu'il ne fallait pas le nommer à ce poste». *Вел. князь:* «Avez-vous entendu parler de son remplaçant?» *Я:* «On nomine Frederiks» (командир 1-й Кирасирской бригады). *Владимир Александрович:* «Il ferait une bêtise». *Я:* «Mais il n'a aucune envie de quitter Pétersbourg pour aller commander une division d'armée». *Вел. князь:* «Il pent être

sûr qu'il sera nommé au commandement de la division de la garde à la première vacance»*.

В Совете все пустые дела в ожидании серьезных, кои не поступают, а затягиваются в министерских канцеляриях.

15 [января]. Среда. У меня идут постоянные переговоры с Анненковым о постройке Богословской или, правильнее говоря, Сосьво-Вычегодской железной дороги[4]. Изыскания были сделаны командированными Анненковым инженерами, привели к весьма удовлетворительным результатам. Синдикат французских банкиров выражает готовность дать нужные для постройки деньги. Дело несколько остановилось потому, что Анненков одновременно имеет желание сделаться строителем сибирской линии. На постройку этой линии, протяжением в 7 тыс. верст, равным образом французские банкиры выражают готовность дать необходимые 300 млн. руб., но с тем, чтобы постройка была отдана Анненкову по цене 40 тыс. руб. верста, на чем Анненков вместе с ними полагает нажить не менее 2 или 3 тыс. с версты. При этих условиях Анненков обязуется окончить постройку всей линии до Владивостока в течение 3 лет. Защитниками такого предположения является прежде всего морское ведомство и в особенности вел. кн. Алексей Александрович. Противником — министр финансов Вышнеградский, во-первых, вследствие существующей между ним и министром путей сообщения Гюббенетом вражды, а во-вторых, потому, что единственную его заботу составляет казначейский избыток. Это кассир, а не министр, пекущийся о развитии экономических сил страны в будущем. Анненков составил несколько записок о значении постройки сибирской линии и ожидает рассмотрения дела на днях в Комитете министров[5].

Ввиду близкого разрешения этого вопроса к нему явился один человек, имя коего он обещал сообщить мне впоследствии, и заявил, что он весьма близок к герцогине Зине, жене Е.М. Лейхтенбергского, что ей нужны до зарезу и притом немедленно 50 тыс. руб. и что если Анненков даст ей эти деньги, то может быть уверен, что получит постройку сибирской линии. Не имея этих денег, Анненков приехал ко мне просить их взаймы. Я, разумеется, был поставлен в необходимость ему дать их или отказаться от постройки Богословской дороги, которая может состояться только при содействии Анненкова.

*«Что вы скажете о падении Мартынова?»... *Я:* «Что его не надо было назначать на этот пост». *Вел. князь:* «Слышали ли вы, кем его заменят?» *Я:* «Называют Фредерикса»... *Владимир Александрович:* «Он сделал бы глупость». *Я:* «Но у него нет никакого желания покинуть Петербург и отправиться командовать армейской дивизией». *Вел. князь:* «Он может быть уверен, что будет назначен командиром гвардейской дивизии при первой же вакансии».

16 [января]. Четверг. В Совете. Приезжает Шереметев для участия в обсуждении земской сметы Кавказского края. Приходит и вел. князь, которого всегда особенно интересуют кавказские дела.

20 [января]. Воскресенье. Удачная охота на лисиц в Колтушах.

21 [января]. Понедельник. Вел. кн. Михаил Николаевич под впечатлением несомненно доказанного факта, что при разрушительности в последнее время изобретенных снарядов никакие крепости не могут держаться и что для гарнизона гораздо опаснее оставаться в обрушивающихся на голову его стенах, чем выходить драться в открытое поле.

Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. Большое у вел. князей и вел. княгинь возбуждение против Воронцова. *Владимир Александрович:* «Мы теперь чувствуем, какая разница с прежним. Адлерберг старался по возможности смягчить все неприятное в отношениях нашего семейства, а Воронцов, напротив, находит удовольствие в том, чтобы делать нам всем неприятности».

Семейный обед.

22 [января]. Вторник. Много хлопот с новою ниточною и старою бумагопрядильною фабриками. Продолжительный визит члену Государственного совета Бреверну 84 лет, сохранившему полную свежесть ума и памяти. Во всех отношениях почтеннейший человек.

Чихачев дает обед в клубе и рассказывает за столом несколько характерных эпизодов из морской жизни.

Бал у английского посла ни в каком отношении никакого сочувствия не возбуждающего Морьера.

23 [января]. Среда. Посылая государю в понедельник вечером меморию, пишу в своем извлечении между прочим следующее: по поводу статьи, в которой разрешается израсходовать 340 тыс. руб. на покупку дома для расширения помещения государственного контроля. Такой расход служит новым доказательством чрезвычайного размножения чиновничества, особенно заметного по контрольному ведомству, со времени введения предварительного контроля, который удвоил смету государственного контроля с 2 млн. на 4, а между тем по самому принципу своего существования является не усовершенствованием, а уничтожением всякого контроля, заключаясь лишь в том, что производящее расход ведомство присоединяет к составу своему чиновника, предварительное согласие коего отменяет последующую проверку расхода. Такого рода порядок следовало бы заменить учреждением высшей счетной палаты наподобие французской cour des comptes*, что дало бы возможность значительно сократить затраты, на контроль

* Контрольной палаты.

производимые, и повело бы к установлению строгой и действительной отчетности.

24 [*января*]. Четверг. Гр. Левашева, к которой заезжаю пред обедом, рассказывает, что получены плохие известия о здоровье второго сына государя — Георгия и что, вероятно, императрица поедет в Грецию, куда этого юношу перевезут из Индии.

Вечером у Абазы: показывает мне толстую записку, написанную для Вышнеградского — Витте, где под предлогом обсуждения вопроса о железнодорожных тарифах горько критикуются действия Гюббенета по управлению Министерством путей сообщения[6].

25 [*января*]. Пятница. Заезжаю к Бобринским, где по пятницам собираются мои внуки и внучки, и выслушиваю от графини С.А. [Бобринской] хороший рассказ. В прошлую зиму к ней приехали старые девицы Нечаевы просить, чтобы она выхлопотала чрез гр. Воронцова придворное звание брату их, не добившемуся до сих пор ничего больше, как камергера. В подтверждение прав его на повышение эти женщины выставляли как заслугу то, что он, Нечаев, устраивая дела умершего Фелейзена, скрыл долги лиц, пользовавшихся расположением императрицы (читай Шереметева). Этим он пред гр. Бобринскою старался оправдать, что муж ее не получил почти ничего из денег своих, у Фелейзена находившихся.

Большой годичный бал в Зимнем дворце. Императрица даже по внешнему виду совершенно расстроена известиями о здоровье сына, и потому бал сокращается до минимума.

Идя к ужину, Ванновский, Дурново и я не находим более мест. Первые двое отправляются курить, а я сижу в ротонде с Посьетом, когда, проходя мимо нас, государь подшучивает над нашим уединением. Владимир и Алексей Александровичи расспрашивают о вещах, купленных мною у приехавшего из Голландии антиквария жида Гамбургера. Проходя мимо одного из буфетов, спрашивают приставленного служителя о числе выпитых бутылок шампанского и получают ответ — более 1 тыс.

2 [*февраля*]. По приглашению А.П. Ольденбургского еду с ним осматривать его Институт бактериологии, на который он истратил около 600 тыс. руб., а теперь должен бы тратить на ежегодное содержание еще не менее 150 тыс. руб., почему и просит о принятии его в казенное заведование. Дело весьма почтенное и организовано, по-видимому, прекрасно, но, как мне кажется, слишком велика претензия устроить на Аптекарском острове такое заведение, которое шло бы во главе всего по этой отрасли научного в Европе движения. Прежде всего не найдется людей, хотя принц и утверждает, что у нас есть замечательные в этой области ученые, но при этом прибавляет, что все они

находятся в иностранных государствах и возвращаться в Россию не желают.

Обедаю у вел. кн. Михаила Николаевича, покуда у меня дома большой званый обед, на котором хозяйские обязанности исполняет мой сын.

6 *февраля*. Рижский губернатор Зиновьев заезжает рассказать о том, что делается в Прибалтийском крае. По его отзывам, сами немцы с благодарностью принимают многие наши нововведения, как, например, судебное устройство. Немецкий элемент за последние годы много ослабел, но, с нашей стороны, неосторожно было бы слишком выдвигать эстов и летов и давать им самобытное существование. Петербургские чиновники стремятся испортить многое и такое хорошее в Прибалтийском крае существующее, что следовало бы не только сохранить, но и распространить на великороссийские губернии.

7 [*февраля*]. Четверг. Гр. Алексей Игнатьев приезжает поговорить о своих киевских делах. Поражает меня и своим природным умом и добросовестным изучением вопросов, хорошо известных мне, как ревизовавшему Киевскую губернию. По способностям своим это замечательный человек, и если бы он, действительно, стал проводить излагаемые им взгляды, то я первый желал бы видеть его немедленно на посту министра внутренних дел. Но характер его не внушает доверия. Он прежде всего старается нравиться и достигать личные цели, а потому едва ли способен к истинно благотворной государственной деятельности.

8 [*февраля*]. Пятница. Получаем приглашение на вечер к вел. кн. Владимиру. Моя жена отказывается, а я еду один и попадаю в незавидную компанию, созванную слушать каких-то испанских певцов самого грязного калибра.

9 [*февраля*]. Суббота. Большой обед в только что оконченном новом зале.

10 [*февраля*]. Воскресенье. В 2 часа Финансовый комитет на дому у Абазы. Вышнеградский предлагает приступить к конверсии внутренних займов[7]. Я высказываю мысль, что при этом следовало бы установить один общий тип ренты, наподобие французской, что облегчило бы ее помещение и распространение в народе. Мою мысль одобряют, но, по заведенному порядку, безусловно принимают предложения Вышнеградского. Бал у вел. кн. Павла Александровича в доме, купленном им у жены за 1600 тыс. руб. и стоившем строителю, покойному барону Штиглицу, более $3^1/_2$ млн.

11 [*февраля*]. Понедельник. Является ко мне член депутации, присланной городом Архангельском, чтобы ходатайствовать пред прави-

тельством о соединении железною дорогою Северной Двины с Волгою. Объясняю ему значение нашей Филькино-Керчемской железной дороги, и он выражает намерение присоединиться к нашему ходатайству.

15 [*марта*]. Пятница. Захожу к прихворавшему и гостящему у нас Лобанову, который, ежегодно приезжая в эти числа из Вены, каждый год более и более поражается понижением умственного уровня лиц, стоящих в высших рядах правительства, а также все умножающимся подобострастием. На этот раз Лобанов очень доволен тем, что ему удалось достигнуть покупки правительством дома герцога Нассауского в Вене для нашего посольства. Занимаемый ныне посольством дом гр. Паара хотя и отделан художественно внутри, но весьма неудобен и притом назначен в продажу. По приезде в Петербург Лобанов спросил меня, как я советую ему поступить, чтобы получить нужный на покупку Нассауского дворца 1 млн. гульденов. Я советовал ему взять с собою на приемную аудиенцию к государю план покупаемого дома и места. Он так и сделал. Государь выразил желание сделать это приобретение, но прибавил: «Надо уломать министра финансов». На это Лобанов заметил: «Я знаю только одного человека, который мог бы это сделать, — это Вы, государь». Разговор этот имел последствием приказание государя Вышнеградскому, и Лобанов беспрепятственно получил для посольства дом, приобретения коего тщетно добивался Гирс, при возбуждении малейшего вопроса дрожащий о сохранении своего места.

В 5 час. заходит к нам вел. кн. Владимир Александрович. Мимоходом упомяну, что находившаяся у вел. кн. Марии Павловны Скарятина была свидетельницею, как вел. князь встал и сказал, что едет к австрийскому послу Волькенштейну, не имея мужества сознаться вел. княгине, что едет к нам, пользующимся полным ее нерасположением.

Вел. князь заходит, между прочим, чтобы сказать мне спасибо за записку, составленную мною по его желанию, с выражением моего мнения относительно прав к оставшемуся после герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского наследству. По делу этому гр. Воронцов поручил Петрову составить доклад, который и представил государю. Государь, встретив сомнение относительно правильности этого доклада, дал его на прочтение вел. кн. Владимиру Александровичу, который пожелал иметь мое мнение. Мнение мое было на весьма скорую руку изложено приблизительно так.

После смерти герцога Максимилиана Лейхтенбергского все майоратное его имение перешло к старшему его сыну Николаю. В 1854 г. вел. кн. Мария Николаевна обратилась к баварскому королю, во владениях коего находился этот майорат, и просила об уничтожении этого

майората, который и был всецело уничтожен, а имения, его составлявшие, проданы баварскому правительству.

Никакого затем постановления русского правительства относительно майората или неприкосновенности вырученных от продажи его капиталов не последовало, и, следовательно, вопрос о правах к оставшемуся после Николая Максимилиановича Лейхтенбергского наследству должен быть разрешен на основании действующих законов. Если применять к покойному законы об императорской фамилии, то надлежит руководствоваться 88-й и последующими статьями учреждения; если же руководствоваться общими гражданскими законами, то следует признать законными наследниками ко всему оставшемуся наследству двух сыновей его, которые указом, последовавшим незадолго до смерти покойного герцога, узаконены ему с правами законного наследования.

В этом последнем случае я полагал, что нет основания вмешивать государя в дело об определении прав Лейхтенбергских к наследству отца их, а лучше предоставить им обратиться по общему порядку в суд для утверждения в наследственных правах их.

Как ни неприятно было вел. кн. Владимиру такое заключение вследствие дружбы его с Евгением Максимилиановичем и Зиною, тем не менее я должен отдать ему справедливость в том, что он вполне согласился с моим взглядом и даже настаивал пред государем на приведении этого взгляда в исполнение.

16 [*марта*]. Суббота. На утренней прогулке встречаю Имеретинского и передаю ему, что борьба между Вышнеградским и Гюббенетом до того ожесточилась, что немудрено, если ввиду заслуг, оказанных Вышнеградским, будет уволен от обязанностей Гюббенет, и тогда военный министр возобновит кандидатуру его, Имеретинского, на пост министра путей сообщения. Имеретинский просит меня при первой возможности уговорить Ванновского этого не делать, потому что он, Имеретинский, и от такого предложения откажется, как отказался от генерал-губернаторских в Киеве, а потом в Гельсингфорсе обязанностей. Отказ его имел бы причиною свойственную государю недоверчивость (надо прибавить, в особенности к нему, Имеретинскому), вследствие коей он, Имеретинский, не мог бы работать и при первой возможности снова удалился бы. Единственное его желание заключается в том, чтобы быть назначенным членом Государственного совета.

В соединенных Департаментах докладывается ходатайство принца Александра Петровича Ольденбургского о принятии в казну и содержании на казенный счет устроенного им на Аптекарском острове Института экспериментальной медицины[8]. Учреждение это весьма

почтенно, но мне кажется весьма сомнительным, чтобы оно принесло ту пользу, на которую рассчитывает его основатель. Принц претендует на то, чтобы в научных успехах этого совершенно нового дела его учреждение шло впереди других, несомненно более просвещенных, чем Россия, западных государств, но где же найти людей, для того способных. Принц постоянно произносит имя Мечникова, который живет в Париже и занимается с знаменитым Пастером, но которого, разумеется, не привлечет в Петербург прелесть здешней жизни, хотя бы ему дали 5 тыс. руб. жалованья, как о том просит принц Ольденбургский.

При отсутствии же выдающихся людей все это учреждение, которое будет стоить правительству 140 тыс. ежегодно, сведет результаты своей деятельности на более или менее проблематичное лечение двух-трех укушенных бешеными собаками.

Увидав в Совете Аракина, спрашиваю его, в какой мере справедлив слух о назначении ген. Мартынова, несущего обязанности шталмейстера, — сенатором. Аракин мне отвечает, что, действительно, в прошлый вторник была получена от Воронцова бумага, уведомлявшая о том, что государю угодно назначить Мартынова сенатором. На другой день Манасеин был у государя с докладом, но не имел мужества говорить о полученном повелении. Вслед за тем получена от Воронцова бумага с высочайшим повелением немедленно представить проект указа о назначении. Указ был послан с запискою Манасеина, в которой он просил государя не подписывать указа до выслушания его объяснений. Ответом на это послужил присланный обратно подписанный государем указ.

Надо знать, что такое Мартынов. Это был казацкий офицер, который понравился жене атамана Черткова в бытность его в Новочеркасске, за что и был взят в адъютанты к Черткову. Когда покойный государь приехал в Донскую область с нынешним государем, тогдашним атаманом, то сопровождавший государя всесильный в то время гр. Петр Шувалов, чтобы положить конец этому скандалу в семействе брата жены своей, предложил государю оказать милость Донскому Войску назначением Мартынова в адъютанты к цесаревичу. Государь согласился к крайнему неудовольствию цесаревича. Впоследствии, когда шталмейстер двора цесаревича кн. Волконский проворовался, то управление конюшнею отдали Мартынову, несмотря на продолжавшееся к нему в государе и в особенности в императрице отвращение. Конюшенное дело велось Мартыновым очень плохо, и в последнее время все более и более упорно держался слух о денежных его злоупотреблениях. Решено Мартынова прогнать. Он имел нахальство потребовать назначения в сенаторы, сначала государь расхохотался и

наотрез отказал, но впоследствии не устоял против ходатайств, и... Мартынов назначен сенатором.

Большой прощальный обед в честь уезжающего Лобанова. Сидящие возле меня за столом дамы, кн. Долгорукова и Шипова, рассказывают некоторые интересные анекдоты, например, в прошлом году вел. кн. Сергей Александрович убедительно просил кн. Долгорукую разрешить одной из дочерей ее принять участие в спектакле, что он устроил в Эрмитаже. Княгиня с трудом согласилась. После представления вел. князь прислал дочери букет. Встретив чрез несколько дней вел. князя, княгиня сказала ему, что благодарит Сергея Александровича за присланный букет, потому что дочь ее, как рассеянный ребенок, вероятно, не нашла еще случая это сделать. Сергей Александрович принял важный вид, выпрямился и сказал только: «Non, elle ne m'a pas remercié»*. Характерно для нового правителя Москвы.

Шипова рассказала, что императрица очень озабочена тем, кого назначить командиром Кавалергардского полка, которого состоит шефом, так как теперешними полковыми порядками она недовольна. Для обсуждения этого вопроса она дважды приглашала двух прежних полковых командиров гр. Пушкина и Шипова. Оба признали необходимым отвергнуть кандидатуру вел. кн. Николая Михайловича, который только этого и желает.

В продолжительном послеобеденном разговоре с Долгоруким (обер-церемониймейстером) слышу от него весьма умное замечание о теперешнем ходе управления: после 10 лет постоянного отрицания, молчания мы достигли высших результатов, кои может дать подобная политика, теперь придется переносить невыгоды ее, если продолжать подобный образ действий без определительного активного плана. Разумеется, неудобства почувствуются прежде всего в сфере внешней политики, но внутренняя тесно связана с внешнею.

17 [марта]. Воскресенье. По обыкновению воскресное утро занято писанием мемориального для государя извлечения. Вечером еду с Лобановым к неугомонной гр. Клейнмихель, у которой на домашнем спектакле разыгрывается шарада, довольно остроумно написанная господами Бенардаки и Адлербергом. Оттуда отправляемся к министру внутренних дел, который наслаждается лицезрением разношерстной толпы, созванной им на великосветский манер раута в гостиные официального палаццо, впервые устроенного Иваном Матвеевичем Толстым, а впоследствии иллюстрированного Тимашевым и в особенности, по счастью, ныне умершим гр. Толстым.

* «Нет, она меня не поблагодарила».

18 [*марта*]. Понедельник. Завтрак у вел. кн. Михаила Николаевича с Ольгою Федоровною, которая на этот раз особенно недовольна Петербургом и желает как можно скорее уехать в Крым.

В Государственном совете после заседания ко мне подходит вел. кн. Алексей Александрович и говорит следующее: «Я сейчас разговаривал с Вышнеградским, спросил его, кого он намерен предложить государю в кандидаты на председательствование комитета Музея прикладных знаний. Он отвечал мне, что этого назначения добиваются два лица: министр государственных имуществ Островский и ген.-ад. Кауфман. Я отвечал ему, что я желаю, чтобы председателем назначили Вас, потому что Ваше училище имеет капитал, помощью коего и может быть отстроено, как первоначально предполагалось, красивое здание, в центре линии Соляного городка, обращенной к Летнему саду, но при этом, — продолжал вел. князь, — я желаю, чтобы не пострадали учреждения, в здании этом ныне помещающиеся».

Я: «Не знаю, Ваше высочество, какое отношение Островского к нашему комитету. Он представитель сельскохозяйственного музея, но его музей не состоит с прочими заведываемыми комитетом музеями ни в каком общении. Что касается Кауфмана, то он, конечно, явился бы лишь представителем интересов Красного Креста, что не отвечает целям Музея прикладных знаний. Что касается занятия места и постройки, то, без сомнения, все это, если бы оно передано было училищу, сделалось бы лишь с сохранением неприкосновенным ныне принадлежащих разным учреждениям прав, но этот вопрос еще очень далек, а ныне предстоит разрешить исключительно тот простой вопрос, надлежит назначить председателя из среды самого комитета или извне и притом, какое значение имеет выбор особого на эти занятия лица, когда весь круг действий комитета ограничивается наблюдением за хозяйственною частью здания Соляного городка».

Окончив этот разговор, вел. князь спросил меня, что мне известно из дела о наследстве после герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского, так как вел. кн. Мария Павловна ему сказала, что Владимир Александрович давал мне читать относящиеся к тому бумаги для представления моего мнения. Я ему изложил свое мнение в том виде, в каком оно записано здесь. Это очень не понравилось Алексею Александровичу, и он стал доказывать мне, что это тесно юридический взгляд, что необходимо на дело посмотреть шире и помочь семейству Лейхтенбергских, которое оказывается разоренным за то, что герцог Максимилиан доверился государю Николаю Павловичу и послушно продал принадлежавшие ему во Франции и Баварии имения, которые ныне стоят несравненно более, чем незначительный денежный капитал, отдаваемый незаконным детям госпожи Акинфьевой (!). Что он, вел. кн. Алексей Александрович, имеет незаконного сына гр. Белевского, что он для него составил капитал сообразно имеющимся у него средствам, но что никогда не придет ему в голову мысль оставить этому побочному сыну все свое состояние в ущерб своим родным братьям.

На все это я отвечал, что меня спрашивали только о юридической стороне, а о политической, нравственной меня никто не спрашивает и эта сторона дела до меня не касается.

Вечером у дочери Оболенской встречаю Вяземского, который говорит мне, [что] ему как управляющему Департаментом уделов поручено было расследовать вопрос о существовании майората и что он ничего иного в делах удельного Департамента не нашел, как употреблявшееся в переписке выражение — майоратный капитал, выражение, не могущее иметь иного значения, как капитал, происшедший от продажи имения, составлявшего майорат.

19 [*марта*]. Вторник. Провожаю на железную дорогу Лобанова, который уезжает далеко не очарованный ходом дел в руках ничтожного во всех отношениях Гирса.

Протасов-Бахметев на радости, что отделался от преследовавшей его Дуббельт, дает большой обед в Новом клубе. После общего разъезда гостей остаюсь вдвоем с глупым Гюббенетом, который бесцеремонно бранит Вышнеградского, называя его и Витте ворами и утверждая, что во всех железнодорожных делах теперь нет более государственного интереса, а преследуются исключительно частные выгоды.

20 [*марта*]. Среда. В Новом клубе, большой (49 чел.) обед в честь уезжающего послом в Рим Влангали.

Влангали я знаю скоро 40 лет. Это добрый, честный человек, не способный ни на какой двусмысленный поступок. По происхождению он грек, отец его был морским офицером, кажется в Черном море, и состоял, не знаю почему, в близких сношениях с семейством гр. Строгановых. Эта протекция и была исходною точкою карьеры нынешнего Александра Георгиевича. Небольшой ростом, ни в каком отношении не блестящий, воспитанник Горного корпуса, вероятно, и заглох бы на горной службе, если бы не попал, благодаря представительству сильных мира, сначала в комиссию об определении границ Сербии, потом, если не ошибаюсь, генеральным консулом в Сербию, а затем посланником в Пекин, где пробыл 10 лет и собрал ту замечательную коллекцию, которую продал мне.

После 10-летнего пребывания в Пекине Влангали предъявил притязание на получение посланнического места в Европе, но кн. Гор-

чаков расхохотался, уволил его от службы и дал 5 тыс. руб. пенсии. Несколько лет Влангали скитался по главным центрам, везде сводя знакомство с более знатными жителями и в особенности русскими, за границею проживавшими. Тем временем на место Горчакова назначен ничтожнейший из чиновников по имени Гирс. Ему, конечно, захотелось назначить товарищем такого человека, который, обладая нравственными качествами, никогда не мог бы затмить его, Гирса. Путешествовавший по Испании Влангали получил телеграмму с предложением поста товарища министра. На этом посту он не замедлил сделаться любимцем всего петербургского и в особенности дамского общества. Он был приглашаем во всех углах, где горели две свечи, начиная с вел. княгинь. В делах он выказывал чрезвычайную любезность, предупредительность и полную безличность.

Гирсу все менее и менее нравилась, с одной стороны, его популярность, а с другой — то, что он избегал всякой ответственности и все сваливал на самого Гирса. Он спустил Влангали с почетом на место посла в Риме. Когда он впервые предложил государю эту кандидатуру, то государь отвечал: «Помилуйте, Николай Карлович, какой это посол», а вслед за тем уступил настояниям, как часто бывало и в других случаях.

Обед наш прошел чинно. На тост о его здоровье Влангали отвечал полным молчанием, что не мудрено, потому что ни говорить, ни писать он не умеет.

По обыкновению при таких многочисленных собраниях у меня бывают характерные с отдельными лицами разговоры. Например, бар. Фредерикс на вопрос мой, как мог он принять место шталмейстера, отвечает, что его никто о том не спрашивал, а просто министр двора объявил ему, Фредериксу, что по воле государя он, Фредерикс, назначен. Скалон, назначенный попечителем к двум сыновьям покойного Николая Лейхтенбергского, жалуется на жадность Евгения и Зины. Вел. кн. Алексей настаивает на том, чтобы я высказал вел. кн. Владимиру соображения его, Алексея, о необходимости оказать денежную помощь Евгению, т. е. Зине. Я передаю это заявление тут же Владимиру Александровичу, который говорит: «Да, они оба у меня были, просили. Я им отвечал, что очень люблю их, готов бы подарить им миллион, если бы мне средства мои то позволяли, но уговаривать государя сделать несправедливость я не могу».

21 [марта]. Четверг. На утренней прогулке захожу в Академию посмотреть выставку картин, более обыкновенного плохих. Пришедший завтракать с нами Боголюбов сетует на ультралиберальные глупости, творимые комиссией, созванной для написания нового устава Академии.

Заезжаю навестить хворающего Николая Долгорукого (бывшего посланником в Персии). Человек очень умный, энергичный, заброшенный, потому что не подходит под покровительствуемый ныне тип ничтожеств.

22 [марта]. Пятница. Спектакль у вел. кн. Алексея Александровича в выстроенном им дворце, что прежде был дом игрока Сабурова (директора театров). К 9 час. съезжаются приглашенные числом около 80; в $9^1/_2$ часа выходят их величества и их высочества; все собравшиеся переходят в большую галерею, имеющую назначение ужинной комнаты, там устроена сцена и поставлены стулья. В первые ряды садятся члены императорского семейства, за ними дамы, а позади их мужчины. Первая пьеса (французская, сочинения Коппе, совершенно салонного характера, довольно плохо разыграна Лего и Гитри); потом следует представление сцены из второй части «Мертвых душ» (визит Чичикова генералу Бедрищеву). Сцена эта разыграна превосходно Варламовым и Давыдовым. В заключение играют импровизированный фарс, сочиненный совокупными усилиями русских и французских актеров, кои изображают себя самих, будто бы задумавших дать представление сами не знают чего. Под этим предлогом они поют куплеты, передразнивают известных парижских и здешних актеров, словом, говорят всякий вздор, направленный к возбуждению смеха, в чем и успевают, впрочем. В 12 час. переходят все в бальную залу, где подают ужин гостям, разместившимся за небольшими 12-кувертными круглыми столами. Повар вел. князя считается первым в городе, почему я и запишу меню его ужина: «consommé au goût de cresson, bouchées à la reine et cakes fondants, délices de truites a la Ропша, aspic d'ortolans, cotelettes d'agneau de lait a la Clamard, timbale de gaufrettes à la glace violettes de Parme»*. В 1 час. все окончено.

В числе присутствующих, разумеется, старается выдаться Зина Лейхтенбергская, весьма, впрочем, заплывшая после болезни каким-то мертвенным жиром, сестра ее, глупая кн. Белосельская, силящаяся развязностью в этом доме напоминать, что она почти belle-soeur** хозяина. Милейшая вел. кн. Елизавета Федоровна горько сетует, разговаривая с моею женою, на трудности предстоящей ей московской жизни. Императрица по обыкновению намеренно меня не замечает. Ольга Федоровна подзывает меня, чтобы посмеяться над всем, нас окружающим. Го-

* «Консоме с крессом, буше по-королевски с пирожками, форель ропшинская, паштет из дичи, котлеты из молочного барашка по-кламарски, пармские вафли с фиалковым мороженым».

** Невестка.

сударь в антракт уходит курить. Мне приходится ужинать между кн. Салтыковою (рожденной Долгоруковой) и фрейлиною гр. Кутузовой. Обе весьма любезны и благовоспитанны. Вообще прием удается отлично; все проходит без каких-либо непредвиденных неудач и в малейших подробностях безупречно элегантно и правильно благодаря вниманию и старательности хозяина.

23 [марта]. Суббота. Заседание соединенных Департаментов. Вечером немецкий театр с какими-то заезжими славящимися артистами и винт у Скарятиных, несколько скучный, правда, но, вероятно, доставляющий удовольствие радушным и недюжинно милым и честным хозяевам.

24 [марта]. Воскресенье. Обед у итальянского посла Марокетти в честь Влангали. Все без исключения ниже самой малотребовательной посредственности.

25 [марта]. Понедельник. Заседания Совета нет вследствие праздника Благовещения. Еду проститься с вел. кн. Ольгою Федоровною, уезжающею в Крым. Застаю ее в слезах; она рассказывает мне, что накануне получено письмо от сына ее, Михаила Михайловича, с известием, что он уже 4 недели, как женился на дочери герцога Нассауского[9] от брака его с графинею Меренберг (Пушкиной, бывшей в замужестве за Дуббельтом). Вел. кн. Михаил Николаевич весь в слезах, но, несмотря на то, отправляется присутствовать при празднике Конногвардейского полка. Покуда мы разговариваем с Ольгою Федоровною об этом печальном для семейства их событии, входит вел. кн. Николай Михайлович и читает вслух письмо, написанное им своему меньшому брату. Письмо написано так умно, красно, дельно, что я советую ему прежде отсылки этого письма дать прочитать его государю, так как главный проступок Михаила Михайловича заключается в том, что нарушил данное государю обещание подчиниться высочайшему запрещению членам семейства заключать морганатические браки.

Еще прощальный в честь Влангали обед у Абазы. Обедают Убри, Рихтер, Дурново, Долгорукий, Чихачев, Балашев — всего 14.

Кончаю вечер у Анненкова, уговариваю архангельского купца Кларка пойти в учредители моей Сосьвинско-Вычегодской железной дороги.

26 [марта]. Вторник. Посылаю рекомендованного мне Вяземским Ильина обревизовать тамбовское имение Кулики в Моршанском уезде. Управляющий Воронцов-Вельяминов превосходный человек, но тем не менее не дает никакого дохода.

Вечер у Скалонов, где вместе с детьми играют сыновья покойного герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского. Юноши хорошо воспитаны; младший очень напоминает Николая Павловича в молодости.

27 [марта]. Среда. Осматриваю присланные из Парижа, купленные на публичной продаже, коллекции Берар, книги и рисунки. Бериеле исполнил мастерски данное ему поручение.

Продолжительный визит Ники Долгорукому.

Обед у дочери Оболенской с прочими детьми.

28 [марта]. Четверг. Первое заседание соединенных Департаментов по обсуждению нового тарифа, предлагаемого Вышнеградским[10]. Во вступительной речи он очень искусно представляет финансовую свою политику, но силою вещей приходит к выводу, что основу нашего богатства составляет земледелие, что же касается мер к улучшению земледелия, то он считает достаточным устройство Дворянского банка и понижение платежей земельным банкам.

А формы владения, а произвол администрации, а бездорожье?

Плеве нападает на предположение обложить ввоз химических удобрений, как обременяющий сельское хозяйство.

Молчавший в течение 4 час. государственный контролер Филиппов высказывается за эту меру, потому что она ляжет своею тяжестью на немецкие и польские окраины.

Много надо терпения, чтобы безмолвно слушать подобный вздор, как это мне приходится.

Приехавший на это заседание вел. кн. Михаил Николаевич передает мне сообщенное ему государем накануне сведение о телеграммах, посланных государем герцогу Люксембургскому[11] и герцогу Нассаускому относительно свадьбы вел. кн. Михаила Михайловича. Содержание телеграммы приблизительно такое: «Ce mariage ayant été contracté contrairement aux lois de notre pays, qui exige mon consenteinent préalable, sera considéré en Russie comme nul et non avenu»*. На что герцог Люксембургский отвечал: «Je désapprouve hautement la conduite de mon frère et partage entièrement l'opinion de votre majesté»**.

29 [марта]. Пятница. Трубецкой показывает в номинально заведуемом им Эрмитаже альбомы гравюр с портретов Рейнольдса, а также рисунки Клериссо, Персье и др. Все это содержится весьма неудовлетворительно, каталогов нет, хранители ничего не понимают, хотя г. Сомов и говорит весьма много.

---

*«Этот брак, заключенный наперекор законам нашей страны, требующим моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имевший места».

**«Я осуждаю в высшей степени поведение моего брата и полностью разделяю мнение вашего величества».

30 [марта]. Суббота. Обсуждение с Ауербахом вопроса о наилучшем способе построения нашей Богословской дороги. Еженедельное донесение Гаммершмидта об успешном ходе ниточного дела. Скучное заседание в соединенных Департаментах. Вечером в $10^1/_2$ часа за мною присылает вел. кн. Михаил Николаевич. Застаю его весьма встревоженным полученными о здоровье вел. княгини известиями. Тут же доктор Реймерс, который равным образом сильно обеспокоен ходом болезни, перешедшей из ангины в воспаление легких. По дороге в Крым вел. княгиня должна была остановиться в Харькове. Вел. князь решился выехать завтра утром, а старший сын Николай уехал немедленно.

31 [марта]. Воскресенье. В $7^1/_2$ часа утра еду к вел. князю, которого застаю в слезах. Ночью получены самые тревожные известия о здоровье вел. княгини. На основании телеграмм доктор Реймерс показывает на туловище вел. князя, в какой степени воспаление быстро распространилось, при этом особенно опасным представляется то обстоятельство, что у больной давнишний порок сердца, биения коего весьма слабы и порывисты. Вел. князь уезжает по экстренному поезду и увозит с собою сына Георгия.

Захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу, чтобы передать ему известия о дяде и тетке, известия о коих, живя рядом, он не имел понятия. Поздравляю старуху Панину, которой сегодня минул 81 год. Узнаю, что между петербургскими великосветскими дамами возникла мысль поднести императрице, по случаю 25-летия ее свадьбы, веер, к подписке приглашены 25 дам, почитающих себя имеющими неотъемлемое право на всякое, во всех отношениях первенство.

1 [апреля]. Понедельник. Утром в 10 час. вел. кн. Владимир телефонирует мне, что Ольга Федоровна скончалась вчера вечером, так что, следовательно, ни муж ее, ни сын не успели приехать и эта несчастная женщина, проведшая существование среди многочисленной семьи в блеске почета и роскоши, окончила жизнь в железнодорожной станции, оглушаемая шумом поездов и перевозимой ими толпы, не имея возле себя никого, кроме фрейлины Озеровой и гофмейстера Муханова. Об исчезновении этой женщины станут жалеть немногие, но эти немногие, к коим всецело принадлежу и я, составляют группу людей приближенных, имевших возможность оценить ее личность, личность, вмещавшую значительные противоречия.

Принадлежа к баденской фамилии, выйдя весьма молодою замуж за русского великого князя, поселясь в Тифлисе, где она царствовала 18 лет, найдя в муже послушного исполнителя ее велений, но ни в каком случае не руководителя своих действий, при чрезвычайно остром, природном уме, при отсутствии солидного образования, при довольно естественном в таких условиях равнодушии к окружавшей ее среде, Ольга Федоровна возбудила против себя всеобщее нерасположение. Зла она не делала, но, будучи невоздержанна в своих оценках и отзывах, она, естественным образом, делала себе многочисленных врагов из людей, у коих почти всегда интересы личного самолюбия стоят выше всего остального.

Будучи равнодушна к серой толпе, Ольга Федоровна не давала себе труда прикрывать это равнодушие какими-либо фразами, а постоянно заявляла, что всю теплоту чувств своих сосредоточивает на семье и друзьях. Другие делают это, но не говорят, она же имела искренность говорить это и проводить в жизни.

Конечно, ее можно было бы упрекнуть в том, что она не несла никаких трудов на пользу России, что она эгоистично проводила жизнь в чтении и обществе лиц, ей симпатичных, но кто же из этих немецких принцесс, поселяясь в России, посвящал жизни пользам нового отечества, а когда кто из них пробовал вмешиваться в дела воспитания или благотворения, то из этого выходило весьма мало толку.

С самого поступления моего на должность государственного секретаря я после первых с нею разговоров получил ее расположение, она поняла, что я могу быть полезен ее мужу, и стала меня поддерживать иногда наперекор ему самому. Таким образом, установились отношения, кои дали мне возможность вести дело, как я делаю это 9-й год, и я не могу не иметь к памяти ее чрезвычайную признательность.

В 1 час собираются члены Государственного совета на заседание, и я приглашаю их начать с панихиды в церкви Мариинского дворца. После панихиды входят в залу заседаний, где председательствует Абаза, говорит приблизительно следующее: «Сейчас мы возносили к Всевышнему мольбы об упокоении души вел. кн. Ольги Федоровны; взойдя сюда в залу обычных трудов наших, мысли каждого из нас невольно обращаются к руководителю трудов сих, августейшему нашему председателю. В среде членов Совета возникла мысль послать вел. князю выражение чувств наших. Не угодно ли Вам выслушать заготовленную на этот случай государственным секретарем телеграмму?»

Я прочитал следующее: «Государственный совет в сердечном сокрушении о понесенной Вашим императорским высочеством тяжкой утрате, единодушно приносит Вам выражение безграничной преданности и горячие желания, да укрепит Всевышний Ваши силы для доблестного служения престолу и отечеству».

Телеграмма эта немедленно была послана вел. князю, а государю мною о том донесено.

Посылаю также обычное мемориальное извлечение.

Абаза рассказывает мне, что в пятницу к нему приехал с доклада от государя Вышнеградский и рассказал, что председателем комитета Музея прикладных знаний назначен государем Островский, несмотря будто бы на то, что Вышнеградский докладывал государю о желании вел. кн. Алексея Александровича (почетного председателя комитета), чтобы председателем на место Исакова был назначен я. Абаза объясняет тем, что в происходящей ныне между Вышнеградским и Гюббенетом войне для него важен голос Островского. Семейный обед. Бобринские уезжают в Крым.

2 [апреля]. Вторник. В 12 час. панихида в домовой церкви дворца вел. князя, в 2 часа торжественная панихида в Исаакиевском соборе, служит митрополит. Окончательно редактируем проект устава нашей железнодорожной компании[12].

3 [апреля]. Среда. Прощальный завтрак с Бобринскими, уезжающими в Керчь на раскопки. Рассматриваем рисунки коллекции Бериеле. Вечер за бумагами.

4 [апреля]. Четверг. К 1 часу созываются на станцию Московской железной дороги лица, участвующие в погребальной церемонии. Государь и императрица выехали в Тосну навстречу вел. кн. Михаилу Николаевичу, сопровождающему тело Ольги Федоровны. Поезд прибыл в Петербург на станцию в 2 часа, отсюда шествие тронулось шагом и пришло чрез Литейный и Сампсониевский мост в крепость в $4^1/_4$ часа. С колесницы гроб был внесен на устроенный среди церкви катафалк государем и всеми присутствовавшими вел. князьями. Отслужена была панихида, после которой все разъехались, я же остался, был назначен дежурить с 6 до 8 час. вечера в качестве чина второго класса. Долженствовавший дежурить одновременно со мною чин третьего класса вовсе не прибыл на дежурство. Дежурная статс-дама была гр. Толстая, вдова министра внутренних дел; ей приходилось дежурить еще раз ночью. Дама второго класса была Сольская, а третьего — Воейкова. В 9 час. вечера была отслужена вторая панихида. С 10 до 12 час. вечера дежурила моя жена, так что мы вернулись домой в 1 час ночи.

5 [апреля]. Пятница. В 10 час. началась обедня, потом отпевание. К часу все грустные формальности, отличающиеся у нас своею продолжительностью, были окончены. На вел. кн. Михаила Николаевича нельзя было смотреть без слез, государь плакал и вообще держал себя отлично; в прочих мужских членах семейства горести заметно не было, а вел. кн. Мария Павловна, ненавидевшая покойницу, почти была довольна. Ольгу Федоровну похоронили в самом соборе, но при этом поговаривают, что у государя есть желание оставить в соборе могилы только тех лиц, кои царствовали, а всех остальных перенести в имеющую быть выстроенною для сего рядом с собором особую усыпальницу.

6 [апреля]. Суббота. Вел. кн. Михаил Николаевич приглашает меня к себе в час, застаю его за завтраком с принцем Баденским[13–14], братом покойной, Озеровою — фрейлиной ее, гофмейстером Мухановым и двумя сыновьями. Вел. князь обстоятельно рассказывает мне подробности того, как получил известие о смерти Ольги Федоровны из телеграммы, присланной ему государем и начинавшейся словами: «Из телеграммы Муханова узнал об ужасной катастрофе; бедный, бедный дядя Миша...» Уведомительная о смерти телеграмма одновременно была прислана Мухановым находившемуся в поезде с Михаилом Николаевичем сыну его Георгию, но, разумеется, телеграмма была подана сыну после получения телеграммы отцом.

Завещательных распоряжений покойная не оставляла, да и состояния у нее не было. Крымское принадлежавшее ей имение Айтодоры она желала оставить сыну Александру, но и об этом формального распоряжения не сделала, а показывала мне лишь записку, которую я часто советовал ей облечь в форму, установленную гражданскими законами для духовных завещаний. Значительную ценность составляют принадлежавшие ей бриллианты, но, говоря о них, вел. князь упомянул, что наиболее драгоценная парюра* из рубинов была подарена императором Николаем императрице Александре Федоровне по случаю рождения вел. кн. Михаила Николаевича и впоследствии отдана ему матерью, так что составляет его личную собственность. Советую ему приписать эту парюру к майорату.

Обедают Скалоны. Он рассказывает, что был у государя, который ему сказал, что Евгений Лейхтенбергский обратился к Сольскому с просьбою защитить его права, признав существование майората.

Государь при этом выразил опасение, чтобы этот семейный раздор не получил огласки.

Стараюсь в продолжительном разговоре доказать Протасову-Бахметеву, что в его положении легко сделаться куртизаном ее величества, вредным для дела, которое ему поручено. Он мне неизменно отвечает одно и то же, а именно, что императрица женщина, а потому с нею нельзя говорить как с мужчиною. Ну, так пускай сидит тогда за пяльцами.

7 [апреля]. Воскресенье. Целый день за писанием скучного мемориального извлечения.

* *От французского «la parure» — украшение.*

8 [*апреля*]. Понедельник. В 1 час панихида в крепости по случаю 9-го дня после смерти вел. княгини. В это утро приезжает из Канн дочь ее Анастасия Михайловна, присутствует на панихиде, но не выражает никакой чувствительности. Отношения дочери к матери были всегда натянутые, а за последние [дни] жизни Ольги Федоровны дочь ее написала письмо, принимая сторону брата ее Михаила в вопросе его женитьбы, что чрезвычайно раздражало Ольгу Федоровну и вызвало весьма горькое письмо, написанное в день отъезда из Петербурга.

В 3 часа заседание Общего собрания Государственного совета: Посьет надоедает, настаивая на том, что заведование портами должно быть передано министру путей сообщения. Остается один против 37.

Чихачев выступает против того, что при понижении консульских сборов понижение это не распространяется на субсидированные правительством мореходные общества. Дело возвращают в Департамент экономии для нового обсуждения.

9 [*апреля*]. Вторник. Получаю от государя в ответ на просьбу принять меня такую записку: «Могу принять Вас с докладом в четверг в 12 час.»

Так как я думал, что этот прием состоится до возвращения вел. князя, то поспешаю ехать к нему, чтобы объяснить, что я желал видеть государя до того, чтобы выслушать его взгляды на главные, подлежащие рассмотрению Совета дела, а именно: городовое положение[15], закон об охоте[16], таможенный тариф[17], ограничение отчуждения крестьянских наделов[18]. Вел. князь отвечает, что он тоже едет в Гатчину в четверг и что, вероятно, государь пожелает, чтобы он присутствовал на моем докладе. Я ему стараюсь дать понять, что в таком случае государь не будет высказывать своего взгляда. Он с полным добродушием соглашается пустить меня одного.

В заключение, стоя посреди своего кабинета, восклицает: «Quel vide, quel vide!»* — и заливается слезами.

10 [*апреля*]. Среда. Едем к 12 час. во дворец вел. кн. Владимира Александровича с поздравлениями по случаю его рождения. Пред нами входит туда же император, ожидаем окончания обедни и, поклонясь вел. князю и вел. княгине, возвращаемся домой. Поздравители и поздравительницы собрались толпою.

Заседание Департамента экономии о тарифе[19]. Департамент старается понизить размер таможенных пошлин, в особенности по тем статьям, по коим за недостатком отечественной производительности пошлина представляется не покровительственною, а чисто фискальным с потребления налогом. Спор с Вышнеградским обыкновенно кончается весьма незначительною скидкою.

* «Какое одиночество, какое одиночество!»

Вечер, разговор с Абазою, который противится моему предположению допустить по делу об охоте посторонних лиц с *правом* голоса.

11 [*апреля*]. Четверг. По поезду $9^1/_2$ часа утра еду в Гатчину, сижу в вагоне с Дурново и Рихтером.

Дожидаюсь в приемной с Шереметевым, который разыгрывает роль чуть не хозяина дома, надоедая Рихтеру, как командующему Главною квартирою, какими-то домогательствами относительно командуемого им конвоя. Потом приходит дежурный в этот день Оболенский, который, оставшись со мною наедине, иронически говорит: «Сейчас видел трогательную сцену Елена Григорьевна Шереметева держала за руки Анастасию Михайловну и не могла на нее наглядеться. Должно быть, голос крови!..» На что я ему замечаю: «Да, эта дружба дорого обойдется здешнему дому». *Оболенский:* «Цыплят осенью щипают»*.

От государя выходят сначала Дурново, потом Рихтер, восхищенные тем, что получили сполна для подчиненных награды, о коих просили.

В $12^1/_2$ часа зовут меня. Разговор приблизительно следующий:

Государь: «Это вновь отпечатанные тома сборника?»

Я: «Да, государь, и, между прочим, здесь 75-й том, в коем помещены депеши французских посланников и, между прочим, донесения о вступлении на престол императрицы Анны Иоанновны. Вы помните, что я представил Вам страницы, кои почитал сомнительными?»

Государь: «Я их прочитал и нахожу возможным печатать их в нашем сборнике. В повременных изданиях этого бы сделать нельзя, но наше издание ученое».

Я: «Тем более, что если мы их исключим, то эти документы парижского архива могут завтра же быть обнародованы за границею».

Сказав несколько слов о содержании остальных томов, я объясняю государю, что беспокоил его просьбою принять меня для доклада о делах Государственного совета потому, что не знал, сколько времени продлятся печальные церемонии и чрез сколько времени вел. князь вернется к своим занятиям. Государь выражает предположение, что вел. князь в эту сессию не станет председательствовать, но я возражал, что, по всей вероятности, вел. князь возвратится к председательствованию и что я рассчитываю на объемистые записки Государственного совета, чтобы обязательно отвлечь внимание вел. князя в другую сторону.

Переходя к делам, составляющим предмет моего доклада, испрашиваю дочери члена Государственного совета Редкина 1500 руб. по-

* *Так в подлиннике*

жизненной пенсии, потом докладываю о пожаловании нескольким чиновникам пособий на воспитание детей и, наконец, излагаю сущность письменного доклада, подписанного вел. князем, относительно приглашения в Государственный совет для рассмотрения законопроекта об охоте лиц, специально знакомых с этим вопросом: вел. кн. Николая Николаевича младшего, сенатора кн. Григория Голицына и управляющего Департаментом уделов кн. Вяземского.

Государь выражает на это согласие, тогда я говорю ему приблизительно следующее: «Обыкновенно лица, приглашаемые в этих условиях, заявляют только свое мнение относительно технических сторон вопроса и затем в обсуждении дела не участвуют, голосов не подают и журналов не подписывают. Я думаю, государь, что всем предлагаемым здесь лицам могло бы быть предоставлено при обсуждении закона об охоте право голоса. Прежде всего здесь приглашается вел. князь, затем позвольте мне высказать Вам по обыкновению всю мою мысль с полною откровенностью. Вы изволите припомнить, что прошлою осенью Вы разбирали, кого можно бы назначить членом Совета, и убедились, что никого из имевшихся в виду кандидатов нельзя было назначить. Действительно, найти людей, способных к обсуждению всех многочисленных и разнообразных дел, вносимых в Государственный совет, весьма трудно, но почему же не допустить, чтобы на обсуждение определенных вопросов были приглашаемы люди, имеющие специальные сведения, почему, например, если бы Совет был призван обсуждать формы землевладения, пользу замены общинного владения подворным, почему не привлечь к обсуждению каких-либо известных Вам, государь, землевладельцев.

Правда, и теперь существует порядок приглашения экспертов, так, например, профессор Менделеев дает свое заключение при рассмотрении таможенных пошлин на химические продукты, но он не участвует в обсуждении вопроса, он не подает голоса, а эта неравноправность с членами Совета не может не отражаться на независимости и свободе высказываемых мнений. Наконец, не всякий и пожелает быть приглашенным в таких условиях».

Государь: «Ведь уже об этом бывали предположения прежде».

Я: «Да, но вовсе не в том смысле, в котором я говорю Вам. Шла речь о приглашении лиц, избранных в среде земства. Я чужд конституционных, парламентских бредней. Я сегодня говорю Вам, государь, в таком смысле, чтобы, так сказать, расширить Вашу власть в отношении Вашего Совета. Почему Вы должны слушать советов, только исходящих от чиновников с медными пуговицами? Будто, кроме их, нет в России людей, могущих сказать полезное при обсуждении того или другого законопроекта слово».

Государь: «Хорошо, на этот раз можно будет им дать право голоса».

Я: «Я желал услышать от Вас, государь, не имеете ли Вы каких-либо указаний по важнейшим делам, ныне в производстве Государственного совета находящимся. У нас теперь идет рассмотрение тарифа».

Государь: «Министр финансов говорил мне, что при рассмотрении последующих статей он не ожидает таких возражений, как были заявлены в первое заседание».

Я: «Возражения предъявляются в особенности по тем статьям, кои, не представляя соображений о покровительстве какой-либо не существующей у нас отрасли промышленности, составляют всецело фискальную пошлину.

У нас есть еще проект об изменении городового положения, но до сих пор не получено заключений от министров, а между тем времени остается весьма мало. Желательно, чтобы в обсуждении этого закона участвовал старший Абаза, а Вы знаете, государь, что с его огромными занятиями по Департаменту экономии он ни за что не остается после 1-го июня, когда уезжает в Карлсбад».

Государь: «От кого нет заключения?»

Я: «От министров финансов и юстиции».

Государь: «Я им скажу».

Видя, что настаивать ни к чему бы не повело, хочу окончить свидание, но государь сам снова заговаривает о вел. кн. Михаиле Николаевиче. Пользуюсь этим случаем, чтобы сказать, что он весьма опасается, чтобы у Михаила Михайловича не отняли 150 тыс. годичного содержания, получаемого из уделов.

Государь: «Я и намерен это сделать, и Ольга Федоровна писала мне в том же смысле с дороги».

Я: «Государь, невозможно человека, рожденного русским великим князем, сделать нищим. А сверх того, ведь Вы накажете великого князя-отца, который должен будет содержать его из своих средств».

Государь: «Он заслужил это наказание, имел неосторожность отправить этого глупого Михаила Михайловича без сопровождения заслуживающего доверия человека».

Потом разговор снова возвращается к делам Государственного совета и, не припомню по какому поводу, государь ставит мне вопрос: «Почему же в среде Совета не высказываются такие мнения, как те, кои высказываю я?»

Я: «Потому, государь, что у нас в России всегда будет сильно слово того человека, который имеет к Вам личный доступ. Почему в прошлое царствование Совет имел большое значение в делах? Потому, что

вел. кн. Константин Николаевич лично высказывал государю свои взгляды и отстаивал взгляды Совета. Теперь этого нет. Члены Совета люди пожилые, понимающие, что им не по силам одержать победу над министром, который при личном докладе изображает Вам и самый вопрос, и советские прения, как заблагорассудится».

Государь: «Но ведь мнение членов доходит до меня в мемории».

Я: «Но может ли, государь, мертвая бумага бороться с живым словом. Вот почему, государь, я и решаюсь писать Вам что мне бог на душу положит о вопросах, даже до меня прямо не касающихся, как, например, о порядке раздачи аренды».

Государь: «То, что Вы мне писали об этом, было справедливо, исключая оценки заслуг лиц, коим аренды жалуются. Министр государственных имуществ представляет мне только о сумме, подлежащей раздаче, а оцениваю службу я сам».

Разумеется, на такое заявление отвечать было нечего. Видя, что приближается час завтрака, я прекратил всякий разговор. Тогда государь сказал: «Мне говорил Боголюбов, что он Вам благодарен за устройство его саратовского рисовального училища».

Я: «Я очень рад, что мне удалось это устроить. Наше училище понемногу подвигается вперед. Вам, вероятно, говорил вел. кн. Алексей Александрович о наших с ним предположениях».

Государь: «Нет, ничего не говорил».

После того как мы оба встали с своих мест, государь говорит мне: «А я должен еще благодарить Вас за присланные мне материи».

Я: «Это недоразумение, я никаких материй Вам не присылал».

Государь: «Вы забыли про сукна из Нарвы. Владимир уже сшил себе отличное пальто, а я сделаю его к осени, потому что для теперешней погоды оно слишком толсто».

Я: «Не Вам меня, а мне Вас благодарить за то, как Вы были добры, любезны с моею женою во время пребывания в Нарве».

Государь: «Да как же иначе, мы были у Вас гостями».

Я: «Если бы Вы знали, государь, что нам приходится переживать ежедневно, то поняли бы, с какою благодарностью мы с женою нередко вспоминаем о том, как Вы были добры, милы, сердечны».

На этом слове расстаемся с крепким рукопожатием. Завтракаю у Черевина и возвращаюсь в вагоне с Рихтером и Дурново. Последний по обыкновению являет черты своего недостаточного образования.

Говоря о Нарве, он думает, что у нас там водопад Иматра, а упоминая об Урале, думает, что у нас там рудники бронзы (*sic*).

В 7 час. обед у Протасова. Делянов, Победоносцев, Обручев, Маркус, Воейков, Шебеко, Грессер, Оржевский. Разговор общечиновничий.

Что за презрение внушает эта подобострастная, подлая, ничтожная фигура Делянова! Какой стыд для России иметь подобного человека во главе народного просвещения!

12 [апреля]. Пятница. Узнав, что у меня был накануне Островский, иду к нему. Застаю у него просительский прием. Всякого рода несчастные по преимуществу в белых галстухах ожидают счастья лицезреть раздаятеля благ.

Вхожу к нему в кабинет и слышу от него следующее: «Я был вчера у Вас в мундире, прямо от вел. кн. Алексея Александровича, которому являлся по случаю назначения председателем комитета Музея прикладных знаний. Государь меня назначил совершенно для меня неожиданно, я решительно не могу понять почему. Вел. кн. Алексей Александрович сказал мне, что Вы главный там деятель, что на Ваше содействие надо рассчитывать. Я и приехал к Вам, чтобы просить Вас об этом содействии».

Я: «Признаюсь, не знаю, в чем я могу выказать Вам это содействие».

Островский: «Ну нет, я Вас убедительно прошу — будем говорить откровенно».

Я: «Если Вы желаете, чтобы я говорил откровенно, то я Вам скажу, что мне о Вашем назначении известно. Однажды в Государственном совете вел. кн. Алексей Александрович сказал мне следующее: «Сейчас ко мне подошел Вышнеградский и спросил, кого я желал бы видеть назначенным на место Исакова. Я ему отвечал, что мой кандидат Вы (т. е. я, Половцов). На это Вышнеградский отвечал, что этого назначения желает Островский».

Выслушав такое заявление, Островский начал уверять меня, что все это выдумка Вышнеградского и что он, Островский, непременно будет иметь с ним, Вышнеградским, по этому вопросу объяснение.

Я ему сказал, что мне решительно все равно, кто будет председателем, а что если он спрашивает меня о моих намерениях, то намерение у меня было бы осуществить то, что предполагалось при первоначальном устройстве нашего Рисовального училища, т. е. выстроить в средине фасада Соляного города красивое здание, долженствующее служить украшением этой части города.

Расстаемся с тем, что Островский на днях приедет ко мне для обстоятельного и продолжительного разговора по этому предмету.

Что за гадкая ложь со всеми этими грязными людьми, которым совсем не место на министерских креслах!*

13 [апреля]. Суббота. Заседание по таможенному тарифу.

* *Далее зачеркнуто* 13-е, суббота. По случаю 9-го дня после кончины.

14 [*апреля*]. Воскресенье. Целый день за обширным мемориальным извлечением. Вечером собрание у Анненкова, чтобы выяснить хорошенько Ауербаху и Ржевскому, что именно они должны говорить Гюббенету и Вышнеградскому при представлении им проекта устава нашей Сосьвинско-Вычегодской дороги. Главное внимание должно быть, разумеется, обращено на взаимные отношения этих двух лиц, из коих каждый противится во что бы то ни стало всякому начинанию, всякой мысли противника. Нельзя сказать, чтобы подобное отношение к министерским обязанностям облегчало ход дел, этим господам порученных.

22 [*апреля*]. Понедельник. В $9^1/_2$ часа еду с вел. кн. Владимиром Александровичем в Коломяги на глухарей. Всю ночь мороз и снег, тем не менее вел. князь убивает одного петуха.

Разумеется, разговоров вдоволь. Я все повторяю ему, что ему должно бы быть совестно жить с подлыми шутами, а следовало бы делать, как делали его предки, т. е., посмеявшись над их выходками, удалять их из комнаты.

23 [*апреля*]. Вторник. Обедаю у вел. кн. Михаила Николаевича с тремя его сыновьями. Отец убит горем; сыновья возобновили прежние свои шуточки. После обеда вел. князь получает телеграмму от вел. кн. Александры Петровны на посланное ей по случаю именин поздравление: «Да наградит тебя царица небесная за молитвенное воспоминание». Эта отвратительная ханжа не потрудилась не только приехать на похороны мужа, но даже поклониться его праху где-нибудь по дороге.

24 [*апреля*]. В 9 час. утра на станции Московской железной дороги для встречи тела вел. кн. Николая Николаевича. Государственный совет опять должен идти пешком в крепость, но налицо оказывается лишь 3 члена: Философов, Мансуров 2-й и Фриш. По счастию, погода хотя и свежая, но ясная. Шествие начинает двигаться в $10^1/_4$ часа; на всем пути шпалеры войск, а на Троицком мосту военно-учебные заведения. После панихиды приезжаю домой в час, простояв на ногах 4 часа без отдыха.

Приехавший из Берлина принц Альтенбургский[20] передает мне, что имеет от германского императора поручение еще раз благодарить мою жену и меня за наше нарвское гостеприимство.

Поговаривают о том, что устраивается женитьба этого принца на Елене Георгиевне Мекленбургской, дочери вел. кн. Екатерины Михайловны. Она весьма добрая, честная девушка, но уже достигшая 34 лет; о нем многое можно сказать.

25 [*апреля*]. Четверг. Похороны В.В. Зиновьева, весьма почтенного, добросовестного человека, бывшего гофмаршалом при нынешнем государе до вступления на престол. Сделавшись императором, Александр Александрович предложил Зиновьеву быть министром двора, но Зиновьев наотрез отказался на том основании, что не признает за собою тех качеств, тех сил, того положения, кои, по его мнению, необходимы для успешного исполнения таких обязанностей; при этом Зиновьев посоветовал государю взять в министры двора гр. Воронцова-Дашкова.

26 [*апреля*]. Пятница. В 10 час. утра в Петропавловском соборе. Отпевание вел. кн. Николая Николаевича. По случаю пасхальной недели все духовенство не в черных ризах и пение, заимствованное из пасхальной заутрени, что удлиняет богослужение, так что приходится стоять на ногах более 3 час. Горести на лицах незаметно, покойный был человек не злого нрава, но весьма ограниченного ума и вульгарных вкусов, включая сюда и вкус к не имевшим ничего возвышенного людям обоего пола. Благодаря связи с танцовщицею Числовою он погрузился в среду, можно сказать, простолюдинов, что отозвалось и на его обращении со всеми и на выборе лиц, его окружавших. Он оставил, кроме двух законных сыновей, трех незаконных детей, одну дочь и двух сыновей; желая передать им все, что мог, он при давнишнем расстройстве денежных дел поставлен был продать Министерству двора свой дворец, с которым теперь удельное ведомство не знает, что делать. На днях со мною говорил об этом кн. Вяземский, и я предложил ему поместить во дворце Николая Николаевича Инженерное училище, коего он был начальником, а в здание Инженерного замка перевести библиотеку, которая просит теперь несколько сот тысяч для расширения в той скверной местности, где она находится, между гостиным двором, Александрийским театром и разными трактирами. Здание Публичной библиотеки представило бы удельному ведомству полное обеспечение задолженной покойным вел. князем суммы. Все это передаю во время отпевания Делянову и Бычкову, обещая им полное с своей стороны личное содействие.

27 [*апреля*]. Суббота. Разговор с Гаммершмидтом, которому поручаю изучить вопрос о производстве в России шелковой пряжи и шелковых ниток. Заседание в Государственном совете о введении земских начальников в 12 губерниях. Вечер у Скарятиных. Ужинаю рядом с вел. кн. Мариею Павловною, которая развивает мысль, что вел. кн. Михаилу Николаевичу необходимо непрестанное общество женщины и что после некоторого времени, посвященного грусти о смерти вел. кн. Ольги Федоровны, непременно явится законное или незаконное сожительное влияние. Мне это в голову не приходило, но дело весьма возможное.

28 [апреля]. Воскресенье. В 2 часа свадьба Всеволожской с Граббе в церкви Театрального училища. Невеста весьма непривлекательна физически и полна самого суетного тщеславия, жених один из многочисленных сыновей промотавшегося Граббе, когда-то блестящего кавалерийского офицера, а теперь перебивающегося довольно незавидными проделками для поддержания во что бы то ни стало столичного существования. Народу съехалось множество для получения дарового зрелища и угощения, как всегда бывает в подобных случаях.

29 апреля. Понедельник. В 1 час приезжает ко мне Вяземский объяснить, что не видит цели присутствования в Совете по делу об охоте, потому что находит в общем проект хорошо составленным и множество полезных, высказанных по этому предмету, мыслей, к коим он ничего нового прибавить не имеет.

Возражаю, что идет речь не о новых изобретениях, а о разборе существующего обильного материала, о мотивировании того, что будет принято, и составлении из принятого одного стройного целого. Он умный человек, но из осторожности хотел выведать, какая будет его роль.

В 2 часа заседание Общего собрания; часом позже, потому что сегодня празднуется рождение Сергея Александровича с завтраком, молебном и т. п. Эти церковно-придворные празднества отнимают ужасно много времени.

В 10 час. вечера еду с вел. кн. Михаилом Николаевичем в Щеглово на глухарей. Ночь превосходная, но мороз и происходящий от него шум при ходьбе мешает охоте. Вел. князь убивает одного глухаря.

30 апреля. Вернувшись с охоты, нахожу записку от вел. кн. Константина Константиновича, который просит уволить чиновника Государственной канцелярии Зеленого для того, чтобы привезти из Швейцарии детей вел. князя.

Отвечаю сухо, что к испрошению Зеленым заграничного отпуска вследствие данного о сем ст.-секретарем Шидловским отзыва я, с своей стороны, не имею препятствия.

Стояновский заезжает переговорить о том, чтобы подвести дела об ответственности генерал-губернаторов под общий закон об ответственности министров.

Покуда мы разговариваем, входит Дурново, который выждал ухода Стояновского, сообщает, что получено известие, что в Японии полицейский служитель бросился на цесаревича и нанес ему саблею две раны в голову.

Дурново думает, что покусившийся — нигилист[21], и при этом говорит, что ежедневно получает страшные угрозы относительно покушений на жизнь государя[22].

Дурново зашел ко мне, чтобы я имел в Совете время приготовить торжественное заседание, редактировать адрес государю и т. д., словом, проделать всю эту чиновничью процедуру, громадность этого несчастного факта как будто ускользает от внимания глубокомысленного министра внутренних дел — первого виновника подобных несчастий.

Не будь глупо-грубых жидовских гонений, не было бы и денег у нигилистов на новые проделки. Но все дрожит пред словами: «Государю угодно», не разбирая побуждений, вреда велений, исходящих по большей части от случайных причин.

1 мая. Среда. Комитет министров в торжественном заседании решает поднести государю и цесаревичу поздравления, а наследнику греческому принцу[23] дать медаль за спасение погибавших[24].

2 мая. Четверг. Рождение вел. кн. Марии Павловны. Весь город собирается у нее для поздравлений. После обедни завтрак за небольшими круглыми столами, расставленными в бальной и в ужинной залах. После тоста за здоровье вел. княгини вел. князь провозглашает тост за здоровье цесаревича, который сопровождается криками «ура». После завтрака императрица разговаривает с присутствующими в галерее, что вдоль бальной залы. В это время разрешается всем курить, что придает всему приему характер весьма неизящный.

Сижу за столом возле гр. Олсуфьевой, которая едет в Москву в качестве гофмейстерины вел. кн. Елизаветы Федоровны. Совершенно искренно восхваляю ее, вел. княгиню, и настаиваю на желании, чтобы она получила более влияния и могла заглаживать те многочисленные неловкости, коих я ожидаю от вел. князя, напыщенного всяким чванством, но неспособного к истинно человеческой, проникнутой теплотой, сердечностью деятельности.

За евреями[25] начнутся преследования раскольников, потом студентов, потом всего, что не будет ему кланяться.

В 2 часа в Государственном совете молебен, потом прочтение мною поздравительного адреса государю и цесаревичу. Затем заседание соединенных Департаментов законов и экономии. В начале заседания прочитывается представленный мною накануне чрез вел. князя государю доклад о том, чтобы при обсуждении дела не стесняться высочайше утвержденным мнением Государственного совета 1875 г., запрещавшим министру при составлении нового законопроекта включать соображения об охотничьем земельном цензе. По прочтении этого высочайше утвержденного доклада министр государственных имуществ, говоривший мне, что ни в каком случае не допустят этой мысли, немедленно присоединяется к высказанному прочими членами мнению о необходимости установления такого ценза. Затем идут вопросы о свидетельствах на пра-

во охоты, о весенней охоте и пр.[26] Все предположения Островского отбрасываются, и он каждый раз заявляет, что на предположении своем не настаивает.

Голицын в начале заседания держит себя прилично, а потом по привычке начинает кричать, не доканчивая начатых фраз.

Абаза председательствует с чрезвычайным терпением, несмотря на что подчас прения делаются весьма сбивчивыми.

Обедаю у Анненкова с проезжающим из Москвы в Париж бывшим французским министром иностранных дел Флурансом, который, по-видимому, довольно посредственный, но скромно себя держащий француз.

3 [мая]. Пятница. Оболенские уезжают к себе в пензенское имение. Читаю переписку Вальполя[27], покуда глаза терпят.

4 [мая]. Суббота. Возвратившийся из тамбовского имения, им обревизованного, Ильин представляет весьма утешительную о свойстве имения записку.

В соединенных Департаментах Государственного совета обсуждение представления о коштном межевании. Представление сделано первоначально мною из Киева в 1880 г. Пролежав 10 лет в канцеляриях, оно появляется теперь в виде представления Совету от министра юстиции по межевому управлению, писано оно управляющим межевою частью Шамшиным. Предлагается производить межевание, но без разверстания, т. е. укреплять за крестьянами участие в сервитутах и производить ни к чему не служащее межевание[28]. Абаза, которому я говорил о том накануне, остается один противником такого предложения.

В 9 час. вечера еду на охоту с военным министром Ванновским. Несмотря на проливной дождь, он убивает двух тетеревов, я же, опасаясь простудиться, вовсе не иду в лес. Ванновский сообщает о своем намерении провести в генерал-губернаторы Финляндии гр. Левашева, опасаясь, что государь захочет назначить гр. Мусина-Пушкина, человека крайне ограниченного, грубого и пьяницу.

5 [мая]. Воскресенье. Сижу за мемориею, которая к концу сезона делается все толще.

6 [мая]. Понедельник. Рождение цесаревича празднуется в Гатчине при участии лиц, коих лакеи привыкли называть «ближайшими» особами. Государственный совет приглашается лишь во дни рождения императора и императрицы, да и то только с тех пор, как я назначен государственным секретарем и мог устроить это в то время, когда вел. кн. Михаил Николаевич еще пользовался кой-каким значением.

7 [мая]. Вторник. Заседание Общего собрания Совета, дел много, но все пустые. Совещание у вел. кн. Михаила Николаевича о том, что

делать с законопроектом о реформе городского управления. Государь настаивает на том, чтобы дело было доложено до наступления вакантного времени; Дурново — чтобы дело числилось не за ним, а за Советом, внес его к нам, не испросив заключения прочих министров и, разумеется, заручившись для сего высочайшим повелением. Заключений этих не получено доселе, как же тут решать дело. Вел. князь боится говорить обо всем этом государю. Сольский, Абаза и я уговариваем его отвезти государю письменный, мною составленный о том доклад с испрошением разрешения на то, чтобы дело было доложено в департаменте до каникул, чтобы журнал был написан летом, а по возобновлении занятий дело было выслушано в Общем собрании. Вел. князь не может отказать в исполнении такого поручения, как оно ему ни неприятно.

Вечером у Нелидовой узнаю о смерти Нессельроде (гр. Димитрия Карловича), сына канцлера. Смерть эта никем оплакиваема не будет, несмотря на то что Нессельроде был человек вовсе недюжинный. Много природного ума и остроумия, много начитанности, можно сказать, до известной степени культуры, но все это вследствие избалованной молодости и сильной дозы прирожденного эгоизма и материализма погрязло исключительно в заботах о собственном благополучии без малейшего усилия стремиться к какому бы то ни было идеалу или облегчить существование ближнего. В последние годы с наступлением старости самые внешние проявления его личности сделались весьма непривлекательными для других; несмотря на остроумные, всегда неснисходительные к ближнему шутки, разговор с ним не представлял никакого удовольствия. Нессельроде все более и более чувствовал свое одиночество, уезжал чаще и чаще за границу, преимущественно в Ниццу, где и умер.

Абаза передает характерные подробности о суждениях Комитета министров по делу кн. Белосельского. Вот в чем дело. Грейг, бывши министром финансов, выдал Белосельскому ссуду в $2^1/_2$ млн. под его железные заводы на Урале с тем, чтобы ссуда эта была уплачена в течение 10 лет. Сегодня, по истечении 12 лет, ссуда не только не погашена, но возросла до 2800 тыс. руб. и Белосельский просит, во-первых, о сложении 300 тыс., умножающих капитальный долг, и о рассрочке остающегося долга на более льготных условиях. Вышнеградский поддерживает эту просьбу Белосельского такими аргументами: что деньги, выданные Белосельскому, во всяком случае, нужно считать пропавшими потому, что если в случае неисправности Белосельского взять его заводы в казенное управление, то казне придется, как по мальцевскому делу, платить владельцу вознаграждение сверх выданно-

го ему взаймы капитала. Абаза указывает на то, что Белосельский, получая доходы с своего завода, тратит на них ежегодно 100 тыс. руб. на себя, 90 тыс. на уплату процентов по залогу принадлежащего ему Крестовского острова, 40 тыс. на содержание какой-то главной конторы; что если брать в казенное управление заводы опасно, то, по крайней мере, следует предварить Белосельского, что в случае неисправности платежей он будет отдан под опеку, которая сократит его расходы. Комитет принимает это мнение[29].

8 [мая]. Среда. Осматриваю брезентную фабрику, купленную от Миллера Нарвскою льнопрядильною мануфактурою. То была в прежнее время дача кн. Урусовой, где когда-то собиралось гулявшее по островам общество и где я в ранней молодости был представлен славившейся в то время Воронцовой-Дашковой.

В 2 часа в Пантелеймонской церкви панихида по Нессельроде. Абаза, Убри, Левашевы, которым после панихиды показываю смежное с церковью здание вновь строящегося музея нашего училища. По просьбе Левашева заезжаю к нему, говорим о намерении военного министра назначить его финляндским генерал-губернатором. Левашев просит меня узнать настроение в этом вопросе Дурново.

Вечером у вел. кн. Михаила Николаевича, который передает, что заявил государю о необходимости отложить до осени доклад в Общем собрании законопроекта о городовом положении, но, так как в конце разговора государь сказал, что еще увидит завтра министра внутренних дел, то вел. князь поручает мне съездить к Дурново.

Последнего застаю за бумагами к всеподданнейшему на следующий день докладу. Передаю ему сообщенное мне вел. князем известие о согласии государя на то, чтобы дело о городовом положении слушалось в Общем собрании после каникул; прошу его поддержать эту мысль, если она подвергнется завтра обсуждению, и не возбуждать о ней разговора, если о городовом положении речи не будет. Спрашиваю его, расположен ли он поддерживать кандидатуру Левашева на пост финляндского генерал-губернатора, отвечает, что по соглашении с военным министром он уже говорил о том и что государь заметил только, что у него, Левашева, много своих частных дел, намекая на участие его в несчастном деле Обуховского завода.

9 мая. Четверг. В соединенных Департаментах слушается возбужденное мною 10 лет тому назад во время киевской моей ревизии дело о коштном межевании. Я предлагал производить сплошное межевание и связанное с ним разверстание угодий и уничтожение сервитутов, делающих невозможным какое бы то ни было хозяйство. Представление мое провалялось 10 лет в канцеляриях, и теперь министр юстиции предлагает отделить межевание от разверстания, т. е. уничтожить всякое его значение и закрепить фактически на будущее время существование сервитутов. Яркая иллюстрация петербургских канцелярских порядков.

В 4 часа приезжает ко мне из Гатчины Дурново, который сообщает, что государь позабыл говорить с ним о городовом положении и, таким образом, отстранилась опасность поспешного, суетливого рассмотрения этого важного дела. Дурново очень опасается невыгодных последствий того, что государь, выезжая из Гатчины в 4 часа утра, намеревается приехать в Москву в 8 час. вечера, т. е. в то время, когда уже там темно. Всячески убеждал его приехать засветло в 6 час. и выторговал один час; приедет в 7 час.

11 [мая]. Суббота. В соединенных Департаментах третье и последнее заседание по законопроекту об охоте. Островский настаивает на том, чтобы дело непременно окончено было в нынешнюю сессию. Я заявляю, что так как закон будет подлежать применению не ранее будущей весны, то торопиться нет никакой надобности, тем более что вследствие замечаний, сделанных в Совете, приходится весьма много писать в Государственной канцелярии.

Островский сердится и вообще сильно не в духе. В прошлую субботу он отправился к государю со всеподданнейшим докладом и на докладе припомнил государю, что в этот самый день минуло 10 лет со времени назначения его министром. Он, вероятно, ожидал лестных и поощрительных слов, но государь отвечал молчанием, и Островский вернулся в объятия своих подчиненных весьма раскислый, поговаривая о своей отставке. Обедаю у вел. кн. Михаила Николаевича с пятью его сыновьями и Трубецким (обер-гофмаршалом).

В послеобеденном разговоре вел. князь жалуется на несправедливость людскую, напрасно обвиняющую нового генерал-губернатора Москвы вел. кн. Сергея Александровича в жестокостях против евреев. Я возражаю, что мудрено иначе и судить о вел. князе, когда министр внутренних дел Дурново говорил мне, что получил от государя приказание об изгнании евреев, мотивированное такими словами: «Мой брат Сергей не хочет ехать в Москву, прежде чем она будет очищена от евреев»[30].

12 [мая]. Воскресенье. При дворе вел. кн. Владимира Александровича разыгралась новая история: вел. князь взял к себе в адъютанты гр. Ферзена, и вследствие того состоявший при вел. князе ген. Скарятин подал в отставку, потому что отец Ферзена убил отца Скарятина и притом, как думает последний, намеренно. Дело это было лет 20 тому назад, но столько наделало в то время шума, что мне до сих пор весьма памятно. Ферзен был обер-егермейстером, а Скарятин — егермейстером под его начальством; на одной из царских медвежьих охот, когда

охота кончалась, Ферзен, разряжая свое ружье, попал в спину Скарятина и убил его наповал. Так как между ними существовали дурные отношения и Ферзен пользовался далеко не безупречною в нравственном отношении репутациею, то стали обвинять его в намеренном убийстве, обвинение это получило еще большую силу вследствие того, что Ферзен вначале отрицал тот факт, что выстрел доследовал из его ружья, а утверждал, что Скарятин нечаянно застрелился сам. Бывая в то время довольно часто у Ферзена, я заехал к нему в то время и застал его по обыкновению на диване с длинною трубкою в руках. Он стал ходить по комнате, влача трубку за собою и объясняя, что Скарятин, вероятно, таким же образом тащил ружье за собою, что ружье задело за какой-нибудь сучок, отчего и последовал выстрел.

Стоявший на охоте возле Ферзена егерь донес о том, что видел, и Ферзен должен был покинуть Петербург, чего нельзя не признать весьма легким наказанием. Зная Ферзена, я отрицаю возможность намеренного убийства; это была такая мелкая натура, что никогда не решилась бы на такое крупное преступление и притом в таких [условиях], исключавших почти вполне возможность скрыть поступок. Но не таково мнение семейства Скарятиных, и вот теперь, когда вел. кн. Владимир Александрович взял Ферзена в адъютанты, ни слова не сказав Скарятину, последний немедленно заявил ходатайство об увольнении его от службы при вел. князе.

По этому поводу у меня был продолжительный разговор с вел. кн. Владимиром Александровичем, который доказывал, что Скарятин не прав, потому что сыновья не могут быть ответственными за деяния отцов. Соглашаясь с этим, я настаивал на том, что ему следовало предварительно объясниться со Скарятиным, что все дело во внимании к тому, что происходит в душе окружающих нас лиц, что невнимание отталкивает, а внимание привлекает и что в высоком положении вся задача заключается в том, чтобы уметь оценивать чувства других людей, без коих невозможна ни деятельность, ни жизнь, что если у Скарятина в этом случае проявилась чрезмерная чувствительность и раздражительность, то она, во всяком случае, происходила из чистого источника и между людьми, связанными 20-летней дружбой, заслуживала по меньшей мере своевременного объяснения.

13 [мая]. Понедельник. Пред заседанием Совета у вел. кн. Михаила Николаевича. Жалуется на то, что, несмотря на всю сердечную предупредительность «их величеств» по случаю его горя, с ним обращаются в других отношениях весьма нелюбезно. «Что могу я сказать своим сыновьям? — говорит вел. князь. — Мишу строжайше наказывают за его женитьбу на графине Меренберг, а Николай Николаевич, получив отказ

жениться на своей любовнице, открыто живет с нею по-супружески, принимает в доме на Васильевском острове подчиненных и продолжает пользоваться особым расположением в Гатчине. Никто из моих сыновей чинов за отличье не получал, а на днях я читаю в приказе, что Петюша Ольденбургский после полуторагодичного служения произведен за отличие в следующий чин. Вчера, — продолжает вел. князь, — я поехал кататься на острова и встретил на Троицком мосту Евгения Максимилиановича с адъютантом Алексея Александровича Ниловым, немного далее ехал Алексей вдвоем с Зиною, и мне говорят, что этот услужливый муж, почти постоянно пьяный, на днях будет назначен корпусным командиром. Во всем этом нет никакого принципа, а исключительно каприз. Что же мудреного, если мои сыновья заявляют, что не хотят служить, а собираются выходить в отставку и поселиться в деревне или за границею».

В Государственном совете дел много, но все ничтожные.

Из Совета Михаил Николаевич заезжает к моей жене, которая находит его чрезвычайно убитым и переменившимся со смерти Ольги Федоровны.

В присутствии вел. князя получаю письмо от Плессена, уведомляющего, что сын его отказывается от гагаринского наследства.

14 [мая]. Вторник. Продолжающий увлекаться розовыми надеждами относительно постройки Сибирской дороги, Анненков приезжает рассказать об успешном, по его мнению, настроении Вышнеградского по отношению к нашей Сосьвинско-Вычегодской дороге. Так как Вышнеградский лжет на каждом слове, то я не придаю никакого значения этому рассказу.

15 [мая]. Среда. Осматриваю бумагопрядильную фабрику наших союзников шотландцев на Выборгской стороне; дело отлично идет вперед.

16 [мая]. Четверг. Обедают у нас Абаза, Убри, Анненков, Винспиер, Фонтон, переведенный из Лиссабона в Бухарест за грехи Хитрово (Фонтон пустой, хотя любезный и приличный балагур), Бутенев, весьма милый, солидный, во всех отношениях почтенный советник нашего посольства в Лондоне.

17 [мая]. Пятница. Последнее заседание по делу об охоте. Весь проект Островского переделан целиком, надо составлять новый текст закона[31]. Спрошенный председателем (Абазою), я настаиваю на необходимости отложить доклад в Общем собрании до осени, к крайнему неудовольствию Островского.

Переезжаем в Царское Село.

18 [мая]. Суббота. Вел. кн. Михаил Николаевич, уезжая в этот день в Крым вместе с императрицею (едущею навстречу сыну своему Ге-

оргию), приглашает меня завтракать. Завтракаем наверху, где мне приходится быть в первый раз после смерти Ольги Федоровны, которая оживляла собрание чрезвычайною живостью своего ума. Теперь все как-то уж чересчур тускло и бесцветно.

После завтрака вел. князь изливает предо мною свое горе по поводу тех реформ, кои Ванновский делает в артиллерии, не говоря никогда ни слова ему, генерал-фельдцейхмейстеру[32]. «Приказ, отданный после смерти моего брата и уничтоживший управление генерал-инспектора инженеров, был моим похоронным приказом, — говорит вел. князь. — Я понимаю, что с артиллерийским ведомством хотят сделать то же самое, что и с инженерным». Стараюсь убедить его, чтобы он сам пошел навстречу этой неизбежной перемене и облегчил ее государю, но он и слышать о том не хочет.

19 [мая]. Воскресенье. По обыкновению целый день за мемориальным извлечением. Обедают молодые Шуваловы (дочь Воронцова). Она чрезвычайно мила, хотя и не красива. Он весь в отца — себе на уме и о себе лишь в уме. Переходит в Москву адъютантом к вел. кн. Сергею Александровичу, чтобы быть подальше от своей тещи.

20 [мая]. Понедельник. Заседание Общего собрания Совета, довольно, впрочем, бесцветное, так как наиболее важные дела вследствие позднего их поступления отложены разрешением до осени.

21 [мая]. Вторник. Пользуюсь хорошею погодою для прогулки пешком и верхом. Прочитываю третий том переписки княгини Ливен, значительно менее интересный, чем два первых[33].

22 [мая]. Спокойный день в Царском.

23 [мая]. Четверг. Заезжает ко мне Анненков все с надеждами, которые для меня представляются все менее и менее твердыми. Гюббенет выразил согласие на постройку Сосьвинско-Вычегодской дороги, но уже одно это согласие возбуждает сомнения в Вышнеградском, который оттягивает дело запросом каких-то бесполезных сведений.

Первое собрание комитета Музея прикладных знаний. Новый председатель Островский собирает меня, директора Департамента мануфактур Бера, директора другого, финансового департамента Кобеко, двух представителей от Технического общества Тилло и Эгерштрома. Толкуют о пустых расходах и в заключение назначают комиссию для обсуждения вопроса о том, что делать с помещением, отданным теперь под основанный Исаковым художественно-промышленный отдел. Островский всячески старается оттянуть его под свой Музей кустарной промышленности, а я, разумеется, буду стараться отдать его под наше училище, как оно и было первоначально предложено. Желаю устроить в этом помещении выставочные и концертные залы.

Обедают в Царском Селе Левашевы с дочерью, Винспиер, Фонтон, Мордвинов.

24 [мая]. Пятница. Дурново приезжает сообщить, что государь изъявил согласие на то, чтобы реформа городового управления рассматривалась только осенью. Я отвечаю, что заседание в соединенных Департаментах назначено на завтра и что в заседании этом будет лишь предварительный обмен мыслей, результат коего будет истребование дополнительных сведений. Дурново опасается, чтобы такое заключение не имело вид, что дело представлено недостаточно полным для рассмотрения. Успокаиваю его мягкостью характера Сольского, хотя, разумеется, такое заключение не может иметь иного значения.

Обедаю в клубе и вечером заезжаю проститься с старухою Паниною, которая уезжает на несколько *недель* в свою подмосковную — Марфино.

25 [мая]. Суббота. Слушается в соединенных Департаментах проект реформы городского управления. Вследствие полного отсутствия статистических сведений министру внутренних дел предоставляется воспользоваться летом для собирания таковых[34]. Председатель Сольский все ссылается как на пример на те статистические таблицы, кои приложены к моим ревизионным запискам о состоянии городского управления по Киевской и Черниговской губерниям. Дурново утверждает, что министру внутренних дел невозможно собрать столь полных сведений, как те, кои собирались ревизором-сенатором. Я не понимаю почему.

Сольский меня спрашивает, каким путем мне удалось составить такие обширные труды. Отвечаю, что прежде всего посредством разговоров я выяснил наиболее существенные стороны дела, а потом разослал вопросные пункты всем имевшим какое-либо к вопросу касательство лицам. Полученные ответы дали достаточный для составления записок материал.

26 мая. Воскресенье. По мере приближения к концу сессии приходится тратить более и более времени на скучный труд мемориальных извлечений.

27 мая. Завтрак в клубе с вел. кн. Владимиром Александровичем. Рассказывает, что накануне обедал у государя в Гатчине, три брата и Александра Георгиевна. Алексей Александрович продолжает приставать к государю с вопросом о наследстве Лейхтенбергского и просит принять Сольского и выслушать его мнение. Вследствие дружбы жены Сольского с Евгениею Максимилиановною, а также по прирожденному его подобострастию он готов сказать что угодно. Я замечаю, что весьма жаль, если Алексей Александрович тратит свой авторитет в глазах государя на подобные домогательства.

Заседание Общего собрания Совета с пустыми и бездарно длинными замечаниями Посьета.

28 [мая]. Вторник. Спокойное утро в Царском Селе за чтением Лекки[35].

Приезжает Анненков, чтобы рассказать, что накануне обедал у Делянова с Вышнеградским и Островским. Вышнеградский обещал ему полное содействие к постройке нашей Сосьвинско-Вычегодской дороги, но считает невозможным двинуть дело раньше осени. Боится Гюббенета, могущего обвинить его в излишнем ко мне усердии.

30 [мая]. Четверг. Питу минуло 17 лет. Точно вчера был день его рождения здесь же на царскосельской даче. У нас гостил Лобанов, и его приятель Михаил Лонгинов по этому случаю написал поздравительное послание в стихах.

31 [мая]. Пятница. По 10-часовому поезду отправляюсь к государю в Александрию, везу доклады о полугодичном распределении членов Совета, о каникулах, об отпусках и т. п. Собственно, все это делает председатель Совета, и никто из моих предшественников не имел доклада у государя. Несколько щекотливо то, что со мною в вагоне едет к государю откланиваться исполняющий председательские обязанности Абаза, который, впрочем, отчасти вследствие наших давнишних отношений, отчасти потому, что не дорожит докладом дел, могущих повлечь к неприятностям, делает вид, что не замечает моего вторжения в сферу его власти.

С нами же в вагоне едет со всеподданнейшим докладом Вышнеградский, который старается убедить Абазу замолвить слово государю по поводу войны его, Вышнеградского, с Гюббенетом.

По приезде в Петергоф отправляемся в комнаты, приготовленные в доме, что на площадке, где бывают парады, и, надев вицмундиры, белые галстухи и ленты, отправляемся в Александрию. Абазу принимают в 12 час., а меня в $12^1/_2$ часа по обыкновению наверху в небольшом кабинете, бывшем Николая Павловича. Садимся к столу, государь на диване, спиною к стене, а я против него на стуле, спиною к окнам. Начинаю с докладов, кои все утверждаются государем беспрекословно. Я опасался за бессрочный отпуск члену Совета Гроту с сохранением содержания, но это разрешается весьма легко. Представляю книгу, напечатанную в Государственной канцелярии, о нашем бюджетном законодательстве[36] и потом молчу.

Государь переходит к разговору о самых обыденных и ничтожных предметах. Спрашивает, мерзнем ли от холода, рассказывает, что было жарко в Москве.

Я вставляю, что читал во французских газетах описание посещения им выставки, причем французский корреспондент настаивает на простоте обхождения государя, выставляя это как какой-то политический маневр, что очень забавно читать тому, кто «знает Ваш характер».

Государь: «Надо отдать справедливость французам, что они также были весьма просты».

Я: «А что Вы купили на выставке?»

Государь перечисляет купленные им предметы и останавливается на каких-то подсвечниках из розового мрамора, которого у нас нет. Я настаиваю на том, что розовый мрамор у нас есть на Олонецком озере и из него построена лестница в доме бывшем гр. Кушелева, а ныне кн. Юрьевской. Говорим еще про городовое положение, про охотничий закон. Я замечаю, что теперь Островский меня возненавидит, как возненавидел гр. Толстой за решение вопроса о Сибирском университете[37], потому что каждый министр хочет, чтобы я служил ему, тогда как я служу одному государю.

При прощанье, уже стоя, государь говорит: «Да, пора отдохнуть». Я пользуюсь случаем, чтобы сказать, что, действительно, материальная сторона моего труда весьма тяжела и в особенности потому, что умственная несерьезна, состоя исключительно в изложении чужих мнений.

Завтракаю с Абазою, который очень доволен оказанным ему приемом. На возвратном пути Вышнеградский заявляет о своей готовности содействовать постройке Богословской железной дороги. Обедаю дома с детьми. Мне сегодня 59 лет.

1 [июня]. Суббота и *2 [июня]*. Воскресенье. Не отхожу от стола вследствие обширности мемории.

3 [июня]. Понедельник. Завтракаю в клубе с вел. кн. Владимиром Александровичем. Разговариваем о неотрадности нашего внешнеполитического положения. Повторяю, что наша политика свободных рук создала у дверей наших европейскую коалицию. Считаю в положении нашем внешнюю политику важнее внутренней. Владимир Александрович говорит мне следующие знаменательные слова: «Вы знаете, как мой брат памятлив. У него врезалось в памяти то, что кн. Горчаков, при докладах коего покойному государю он присутствовал, врезалось, что кн. Горчаков во время усложнений, предшествовавших последней войне, утверждал, что Россия не должна рассчитывать ни на кого, как на себя самою».

Последнее в эту сессию заседание Общего собрания Государственного совета. Дела так ничтожны, что журналы поспевают к прочте-

нию на 5 [июня], в среду. Председательствующий Абаза, прощаясь с присутствующими, заявляет пожелание, чтобы осенью собраться «без убыли».

6 [*июня*]. Четверг. В $10^1/_2$ часа у вел. кн. Алексея Александровича, с коим отправляемся осматривать вновь строящийся музей наш. Он в восхищении; Месмахер показывает все свои рисунки с проектами декораций различных комнат в различных стилях.

Завтракаю в Новом клубе вдвоем с вел. князем. Он положительно умен и весьма дельно разбирает и оценивает характеры людей, но при этом огромное самомнение и подчас пробелы чисто великокняжеской наивности.

Разговор с Кларком о необходимости послать в Сибирь дельного приказчика, который мог бы собрать серьезные данные о вероятности размера грузов, на которые может рассчитывать наша Сосьвинско-Вычегодская дорога.

8 [*июня*]. Суббота. У Гюббенета, который сообщает, что доложил государю о выгодах, представляемых стране нашей дорогой, причем упомянул о вероятности участия владелицы Богословского округа. Подозревает, что Вышнеградский пустил в ход какие-либо неблагоприятные намеки о моем участии.

Заезжаю на пароходе к Дурново, живущему на Аптекарском острове на казенной даче министра внутренних дел. Застаю его за чтением каких-то бумаг. Бездарен, безгласен, все отлично, никаких вопросов не существует, а есть чиновники и курьеры, чего же больше?

9 [*июня*]. Воскресенье. Мемории страшных размеров, ни глаз, ни пальцев у меня не хватает.

10 [*июня*]. Понедельник. Разговор с вел. кн. Владимиром Александровичем о присланном им мне проекте устава Академии художеств. Нахожу невозможным предполагаемое всемогущество безответственного секретаря. Нахожу, что обсуждение подобного учреждения должно пройти чрез Государственный совет. Относительно второго он согласен, относительно первого просит изложить мои замечания письменно.

12 [*июня*]. Среда. Свадьба старшей дочери Куракиных с сыном кн. Алексея Ивановича Шаховского в домовой церкви Воронцова. Захожу к хозяину, который лежит в постели, страдая подагрою. Начинаю разговор о проекте устава Академии.

Воронцов очень недоволен, во-первых, тем, что проект игнорирует существование министра двора, и, во-вторых, что вел. кн. Владимир Александрович показал этот неудовлетворительный проект государю и получил от него предварительное одобрение. Пробую предложить рассмотрение устава в Государственном совете, но Воронцов чуть не с запальчивостью настаивает на том, что никакой вопрос, касающийся Министерства двора, не подлежит рассмотрению Совета. Я говорю, что учреждение народного на пользу просвещения собрания не может почитаться предметом ведомства Министерства двора, но Воронцов и слышать не хочет о таких рассуждениях, хотя, как мне кажется, его нога не была в Академии. Неужели он воображает, что он ministre des beaux arts*.

В течение 10 лет я не мог добиться того, чтобы он заглянул в наше Рисовальное училище.

Обедают Балашевы. Она весьма мила. Он несколько комичен, особливо в надетом почему-то на этот раз егермейстерском сюртуке, но в сущности и он отличный, глубоко честный и добрый человек.

14 [*июня*]. Пятница. Еще две свадьбы. Одна — у Шебеко в жандармском доме у Летнего сада. Сын Шебеко женится на второй дочери Куракиных. Свадьба назначена на $1^1/_2$ [часа], а в 2 часа свадьба сына Воронцова с Орловой, которая приходится ему троюродною сестрою. Воронцов в гусарском мундире, на костылях, с видом мертвеца ожидает на лестнице их величеств. Свадьба, долженствовавшая быть третьего дня, отложена на пятницу потому, что в среду только императрица приехала из Крыма. Странный это обычай припутывать великих мира сего к семейным событиям. На мои глаза это отзывается лакейскою.

Присутствующих на свадьбе немного. Петербург опустел; благоразумные люди разъехались по деревням, минеральным водам и т. п.

Жених с кривою шеею и неповорачивающеюся на ней головою, как говорят, вследствие этого самого недуга избалован родителями и несносен для других; невеста весьма милое, умное существо, проведшее весьма тяжелую жизнь вследствие беспутности отца и необходимости жить чуть не в приживалках то у бабушки Шуваловой, то у тетушки Долгорукой. Она блещет счастием, что выбралась из тяжелого положения. Родители Воронцовы недовольны таким браком сына, а я на их месте был бы очень счастлив.

По выходе из церкви я стою в углу бальной залы и вдруг совершенно неожиданно для меня вижу направляющуюся в мою сторону императрицу, которая после первого незначительного вопроса ставит мне категорический вопрос, почему я перестал представлять ей извлечения из важнейших дел Государственного совета, как это было мною ей обещано.

* Министр изящных искусств

Я отвечаю, que je crains d'être importun*, хотя единственная причина была та, что, по моему мнению, мои донесения нисколько ее не интересовали.

Она настаивает, чтобы я возобновил свои донесения.

Желая заявить о моей преданности и отсутствии неудовольствия (к коему имел бы серьезные причины), говорю, что собирался на следующий день приехать к ней откланиваться. Она дает утвердительный ответ.

Между тем Рихтер спросил у государя, могу ли я быть у него на другой день. Государь подошел ко мне, находя, что мне незачем приезжать, пожелал счастливого леченья и сетовал на размеры присылаемых мною мемории, выражая желание, чтобы они не были столь объемисты в материальном бумажном смысле, и высказывая предположение о возможности заменить писарский почерк печатным машинным. Обещаю сделать мемории менее руко497ломными, как говаривал кн. Вяземский.

В 3 часа заседание совета училища, рассматриваем отчет по исполнению росписи за истекший год, сведенной по обыкновению с остатками; утверждаем смету на будущий год и решаем послать лучших учеников за границу.

Вечером пишу для императрицы обзор главнейших рассмотренных Советом в истекшую сессию дел.

15 [июня]. Суббота. В $9^1/_2$ часа выезжаю из Царского Села на тройке и в $11^1/_4$ [часа] приезжаю в Александрию.

В микроскопической приемной ожидают: военный министр, которого вскоре зовут к государю, дежурный флигель-адъютант глупый и чванный Георгий Лейхтенбергский, живой портрет Григория Строганова, рассказывающий все время анекдоты про своего отца герцога Максимилиана, чтобы рассеять впечатление, производимое сходством; Оом с докладом по Собственной ее величества канцелярии и состоящий при императрице гофмейстер кн. Иван Голицын, бесплатный должник, полушут, записной, хотя плохой актер, здесь нечто вроде первого камердинера.

Меня зовут в гостиную, императрица садится на диван и сажает меня рядом в кресла. Представляю ей свое письменное донесение, которое она откладывает не взглянувши. Потом говорит о своем путешествии, о французской выставке, на которой ей в особенности понравились бронзы, о путешествии цесаревича, о покушении на него, передает все события в малейших подробностях, избегаем разговора о здоровье Георгия Александровича, потом говорим о Михаиле Николаевиче и его горе. Я

* Что я боюсь быть назойливым.

защищаю память Ольги Федоровны от обвинений толпы. Она исполняла свой долг и была лишь невоздержанна на язык. Выражаю мысль, что полезно было бы собрать ее письма и в особенности письма королеве Виртембергской[38], а то, прибавляю, они появятся когда-нибудь как письма императрицы Елизаветы Алексеевны.

Она восхищается этою личностью и сравнивает ее с покойною императрицею Мариею Александровною, которая была ей племянницею.

Я повторяю слова Петра Мейендорфа... «C'est une lumière sous le boisseau»*.

Прибавляю от себя впечатления по единственному случаю, когда мне довелось быть в сношении с покойною императрицею, поручившею мне раздачу пособий моршанским погорельцам. Сожалею о том, что она устранялась от вмешательства в дела, и приписываю это влиянию лиц, окружавших государя, во главе их И.М. Толстого.

Императрица подтверждает это мнение, приводя в доказательство слова Аксаковой (фрейлины Тютчевой), которая в 1855 г. слышала от государыни слова: «Maintenant vous n'atendrez plus parler de moi»**.

Я сожалею о влиянии ее, выразившемся в доведении нас до Восточной войны[39].

Императрица сначала отрицает, но, вспоминая бал в пользу кандиотского восстания[39a], сборы пожертвований, публично производившихся от имени императрицы, соглашается со мною.

Я замечаю, что в итоге жизнь этой женщины прошла довольно бесследно, как это доказывают беспорядки в женских учебных заведениях, коими она специально занималась, беспорядки, «хорошо известные Вашему величеству».

Императрица говорит о неизлечимой грусти Михаила Николаевича, его доброте и пользе, которую ему принесло путешествие в Крым.

Я: «Думаю, что его нужно по возможности больше занимать и тем развлекать».

Распростившись, еду в Михайловское к Михаилу Николаевичу. Узнав, что я был у императрицы, спрашивает меня, не слыхал ли я чего о приглашении его к обеду в Александрию, так как их величества на следующий день уходят в финляндские шхеры.

Рассказывает мне кой-какие подробности о своем путешествии. При отъезде государь, провожая императрицу, настаивает на том, чтобы она не верила докторам.

* «Она была скрытым светильником».
** «Отныне вы ничего обо мне больше не услышите».

Доктор Алышевский тотчас по прибытии в Крым сказал вел. кн. Михаилу Николаевичу, что у Георгия Александровича категорическая чахотка, что ему приносит пользу лишь горный воздух, что будь его пациент частным человеком, он бы никогда не допустил его вернуться в Россию, а повез бы его в горы.

То же самое Алышевский сказал императрице, которая жаловалась Михаилу Николаевичу на Алышевского за то, что он прямо ей в глаза назвал болезнь ее сына чахоткою.

В Алжире и Корсике здоровье Георгия Александровича поправилось, но тотчас по получении известия о нападении на цесаревича лихорадка возобновилась, а по прибытии в Крым усилилась. О пребывании в Крыму Михаил Николаевич рассказывает, между прочим, что императрица была поражена роскошью дворца, сооруженного Островским для себя самого и на казенный счет среди Никитского сада.

Завтракаем с Винспиером, адъютантом Вяземским и гофмейстером Мухановым.

После завтрака получается высочайшее к обеду приглашение, и мой вел. князь выказывает видимое удовольствие. Передаю ему то, что делалось без него в Совете.

В заключение он прочитывает мне проект фамильного акта, который он хочет дать утвердить государю и коим он обязывает сыновей не давать носить своим морганатическим женам бриллиантов, унаследованных от матери. Я возражаю, что он может выразить о том желание сыновьям, желание, которое они, без сомнения, исполнят, но что он не имеет права ни стеснять их в гражданской их свободе пользования имуществом, доставшимся им мимо его, ни вовлекать государя в выражение высочайшей воли, лишенной правильного основания, ни в особенности объявлять сыновьям, что, не имея доверия к исполнению ими данного слова, он удержит у себя бриллианты до той поры, пока они вступят в равноправные браки.

При расставании говорит мне: «Благодарю Вас за Государственный совет, за дружбу, за Ольгу Федоровну».

Говорим о возможности встретиться в сентябре месяце на берегах Констанцкого озера, где он будет гостить у сестры.

Обедают Куракины, Оржевские, Скалон, Протасов, Голицын, Рюмин.

16 [*июня*]. Воскресенье. В 1 час в Петербурге панихида по Аракине у него в квартире, благородный, честный, редкой нравственной твердости, трудолюбия, добросовестности человек, бывший у меня секретарем в департаменте Сената и статс-секретарем в Совете. Для Манасеина трудно будет найти другого такого себе в товарищи.

По возвращении в Царское Село захожу к Бобринским. Она мучается своими личными болями.

Останавливаюсь у дверей вел. кн. Владимира, который в эту минуту возвращается с женою и детьми с прогулки. Они сегодня приехали из Москвы. Очень довольны выставкою[40]. Говорим еще об Академии.

При прощанье вел. князь мне говорит, что имеет в кармане отпуск, чтобы ехать за границу после лагеря, и что мы, вероятно, увидимся в Париже.

Мария Павловна так устроила дела, что уехала отсюда в день приезда императрицы, а вернулась из Москвы, когда их величества уже отплыли.

В $6^1/_2$ часа уезжаем в Париж.

19 [*октября*]. Суббота. В 2 часа возвращаюсь из Франции, где после лечения в Виши, вследствие ушиба ноги, не поехал на горы и озера дышать чистым воздухом, а остался в 41 rue Combon, куда приехала и жена моя после лечения в Гаштейне, принесшего ей значительную пользу.

В Париже одновременно с нами находились старинные приятели: кн. Лобанов (посол в Вене), бар. Мейендорф (советник посольства в Риме), семейство Скалон, старая гр. Панина. Саша с женою и Анна находились в Биаррице.

Вследствие постигшего меня пред самым отъездом из Парижа нездоровья, меня сопровождает доктор Bélin (21 rue Godot de Mauroi), получивший одновременно поручение от своего правительства осмотреть гошпитали в Петербурге.

Переговорив со своими разнородными управителями, еду вечером к Абазе, который сообщает мне сведения о том, что в Петербурге все министры поражены отчаянием по поводу обнаружившегося во многих губерниях голода, что никто не имеет ясного убеждения о том, что делать, но что все наперерыв предлагают самые дикие мероприятия; сегодня получен подписанный государем указ о запрещении вывоза всяких хлебов, кроме пшеницы, но, по всей вероятности, вывоз и самой пшеницы будет в непродолжительном времени прекращен[41]. Нахожу Абазу очень опустившимся, осунувшимся, постаревшим.

20 [*октября*]. Воскресенье. Прогулка и разговор с Краузольдом о ходе фабрик, на которые неурожайный год, конечно, оказывает сильное влияние. В 1 час еду делать визиты, начинаю с соседа — министра внутренних дел. Принимает меня весьма любезно, но говорит, что никак не может получить с мест точных сведений о неурожае, так как заявления властей столь противоречивы. Я пробую ему заговаривать о том, что форма землевладения имеет значительное влияние на ход

производительности, что теперь настал для него, министра внутренних дел, удобный момент, чтобы приступить к замене общинного землевладения подворным, на что Дурново отвечает мне сначала, что подобная мера возбудит сильное сопротивление, а так как я продолжаю настаивать, то он под видом добродушной дружбы заявляет, что тотчас после приезда государя будет просить о назначении меня министром внутренних дел.

В $2^1/_2$ часа у вел. кн. Михаила Николаевича, только что приехавшего с вел. кн. Сергеем Александровичем и Елизаветою Федоровною из Ильинского, где он гостил у них. Разговариваем о болезни Сольского, председателя Департамента законов. Я советую не обращаться к государю письменно, во опасении получить неожиданный и нежелательный ответ, а разъяснить собственно председательскою властью, что старший из членов Департамента законов (Перетц) должен председательствовать и в Департаменте и в соединенном присутствии Департаментов законов и экономии, а затем по возвращении государя из Крыма иметь с ним личное объяснение о том, кого назначить 1 января председателем департамента.

При разговоре о том, почему наш государь, возвращаясь из Копенгагена, не заехал в Берлин для отдачи визита германскому императору, вел. князь высказывает убеждение, что главным источником нерасположения Александра Александровича к Вильгельму служит поведение последнего в отношении сестры своей, супруги греческого наследного принца. Узнав, что она перешла в греческую религию и ездила в Берлин по воскресеньям в русскую посольскую церковь, император приказал ей по воскресеньям бывать в его придворной лютеранской церкви, а когда она отказалась это исполнить, то он запретил ей въезд в Германию.

Заезжаю к Сольскому, живущему в своем небольшом домике рядом с домом кн. Юрьевской (бывший гр. Кушелевой-Безбородко). Нахожу Сольского с весьма свежею головою, но с недвижимыми ногами; полон претензии вернуться к председательствованию. Его жена подбивает его на честолюбивые помыслы и чуть не разражается на меня злостью, когда я имею неосторожность сказать, что, по моим сведениям, врачи полагают немыслимым возвращение мужа ее к умственным занятиям.

У гр. Протасова-Бахметева обычное добродушие, но весьма усилившееся куртизанство вследствие приближения к ее императорскому величеству. Рассказывает, что по случаю 25-летия свадьбы их величеств он, Протасов, распустил на три дня женские и другие в его ведомстве состоящие учебные заведения!..

Вечер у Абазы с Чихачевым, Убри, Мордвиновым, Сабуровым.

21 [октября]. Понедельник. В 10 час. осмотр нового здания музея училища; хотя и медленно, но постройка подвигается и будет грандиозна.

По дороге в Совет захожу к Островскому, который, по отзыву его швейцара, «отдыхает». Спрашивается, от каких трудов. Советское заседание продолжается 5 минут. После заседания у вел. князя в кабинете совещание по вопросу о председательствовании в соединенном присутствии департаментов. Абаза настаивает на том, что не может председательствовать во всех соединенных с Департаментом законов присутствиях, а также на необходимости назначить 1 января председателя в Департамент законов, а не удовлетворяться временным председательствованием Перетца. Вел. князь с этим соглашается.

Заезжаю к Всеволожским. Она лежит с ушибленною ногою. Баллотирование в клубе. Избирают Владимира Бобринского, на днях приехавшего из Смелы.

22 [октября]. Вторник. В 8 час. у подъезда вел. кн. Михаила Николаевича, едем в Колтуши охотиться на зайцев: вел. князь, его сын Сергей, Пит, А. Орлов-Давыдов и Григорий Голицын. Возвращаемся в 7 час., ветер и стужа.

23 [октября]. Среда. Продолжительный разговор с Ауербахом, проведшим лето в Богословске. Большие залежи железа превосходного качества; разработка возможна только при существовании путей сообщения. О нашей железной дороге с Сосьвы на Вычегду теперь не приходится говорить, так как ни о чем, кроме голода, не говорят.

24 [октября]. Четверг. Приходит ко мне Островский, который критикует но обыкновению всех, кроме своего друга Вышнеградского; пробую сказать ему, что город прочит его в председатели Департамента законов. Он отвечает, что имеет обширные предположения относительно развития деятельности своего министерства и прежде всего устройства обширного сельскохозяйственного совета, составленного из агрономов, помещиков, кои будут указывать на нужды земледелия и средства удовлетворять их, что предположения эти одобрены государем и он, Островский, надеется, что ему дано будет привести их в исполнение.

Иду в Совет послушать, с какою легкостью Департамент экономии назначает правительственную продовольственную ссуду в 30 млн.

Как эти суммы расходуются и в какой степени можно быть уверенным, что они достигают цели, остается неизвестным.

При выходе из Совета Дурново уговаривает меня ехать с ним к Победоносцеву жаловаться на то, что митрополит Исидор не хочет служить

молебна в Исаакиевском соборе в день 25-летия свадьбы их величеств, на том основании, что день этот составляет семейное, а не церковное торжество. Разумеется, желание Дурново увенчивается успехом.

В 5 час. соглашение с Жуковым о продаже им своей бумагопрядильни нашей ниточной компании за 900 тыс. руб. Уничтожение этой конкуренции совершенно изменяет ход нашего дела.

25 [октября]. Пятница. Прощальная прогулка с доктором Bélin, 21 [rue] <...> de Mauroi, сопровождавшим меня из Парижа и уезжающим в восхищении от виденного в петербургских больницах. В 2 часа приезжает Анна из Парижа, встречаю ее на станции, визиты Орлову-Давыдову, Черткову, Владимиру Бобринскому. С последним искреннее объяснение о более глубоких, чем климатические случайности, причинах неурожая. Наступающие и угрожающие результаты общинного землевладения.

Один лишь из петербургских властителей разделяет мои взгляды — это Бунге, но у него не хватает мужества, чтобы громко говорить о том.

Заседание финансового комитета Рисовального училища. Упадок курса дал нам барыш в 15 тыс. руб.

Обед у вел. кн. Михаила Николаевича с Винспиером. Бесцветный разговор. Игра в винт, кончающаяся 50-копеечным проигрышем.

26 [октября]. Суббота. Прогулка с племянником Валерианом, проведшим лето в Кахетии. Подобострастный Фриш приезжает ко мне заискивать ввиду председательской вакансии. Ничтожное советское заседание. Визит Грессеру, который жалуется на то, что при запрещении вывоза ржи за границу выпустили из Петербургского порта 7 млн. четвертей, кои можно было бы купить по 10 руб., а теперь цена 17 руб. Петербург обеспечен на 2 месяца хлебом.

Уезжаю в Рапти с Орловым-Давыдовым, Г. Голицыным, Ауербахом и Питом. Возвращаемся поздно вечером в понедельник, убив 66 фазанов, 40 зайцев, 3 лисицы и избегнув торжественного молебствия в Исаакиевском соборе по случаю 25-летия императорского супружества.

31 [октября]. Четверг. В Департаменте экономии не состоялось заседания потому, что из пяти членов трое (Абаза, Каханов, Маркус) больны, а по 10-й статье учреждения Совета необходимо присутствие трех членов, чтобы составить заседание. Председательствующий Кауфман прочитывает статью закона Вышнеградскому и Островскому, весьма недовольным таким решением. Еду к вел. князю, и мы немедленно посылаем телеграмму в Ливадию государю о временном переводе в Департамент экономии из Департамента законов бар. Менгдена.

В тот же вечер получается утвердительный ответ. В 2 часа приезжают из Испании Саша с Софьею, в восторге от Кордовы и Гренады;

поселяются в новом своем жилище на Большой Морской № 47, дом, когда-то принадлежавший кн. Суворову в бытность его петербургским генерал-губернатором.

1 [ноября]. Пятница. Обедаю у вел. кн. Михаила Николаевича с Винспиером. Все по шаблону, кроме неблаговоспитанности сыновей.

2 [ноября]. Суббота. В $9^1/_4$ [часа] по Финляндской железной дороге едем на Успенское кладбище и охотимся за деревнею Новоселки. Вел. князь и я убиваем каждый по лосю, Ванновский, Григорий и Дмитрий Голицыны, Ауербах и Саша ничего не убивают; день солнечный, чудесный. Завтракаем в 3 часа и возвращаемся домой в $5^1/_2$ [часа].

Вечер за чтением переписки Морни[42], любопытной и весьма назидательной для петербургского легкомыслия.

3 [ноября]. Воскресенье. Нездоров, сижу дома и читаю советские дела.

4 [ноября]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя, разговор о генерал-губернаторствовании вел. кн. Сергея Александровича. Повторяю слышанное мною, что он неприветлив, недоступен, не принимает просителей, живет у себя в Ильинском и увозит туда своего правителя канцелярии.

Михаил Николаевич: «Вы увидите, что все это будет, но он не успел еще организовать приемы».

Я: «Но он в Москве уже 6 месяцев».

Михаил Николаевич: «Но он провел лето в Ильинском».

Я: «А населению какое дело до того, где ему веселее жить».

Разговариваем о необходимости назначения новых членов Совета, могущих подкрепить трудовые силы. Передаю вел. князю, что, ехавши на охоту в вагоне, я разговаривал с Ванновским и убедил его поддерживать кандидатуру Розенбаха в Департаменте экономии и притом тотчас по возвращении государя из Крыма, не ожидая 1 января и сопряженного с этим числом общего нападения различных кандидатов. До сих пор Ванновский не хотел назначать Розенбаха прежде, чем будет назначен Имеретинский, но я старался доказать ему, что место Имеретинского не в Департаменте экономии, а в Гражданском департаменте и что после назначения Розенбаха у него, Ванновского, будет лишний аргумент в пользу назначения Имеретинского, который старше Розенбаха.

После заседания вел. князь приглашает в свой кабинет Ванновского, с которым и заключается по этому вопросу соглашение.

Разговаривая с Дурново, отдаю в его распоряжение на голодающих жалованье, получаемое мною по должности государственного секретаря. Передаю ему слышанное мною от некоего Мусницкого об участии

его в составлении по поручению Плеве проекта Министерства земледелия[43]. Дурново ничего о том не знает и восклицает: «Какой же подлец Плеве!»

Обед в клубе с Владимиром Бобринским. Интересные воспоминания его о Крымской войне.

5 [ноября]. Вторник. Посылаю государю меморию о продовольственной ссуде, разрешенной Департаментом экономии, пишу следующее: «Забота о правильной раздаче продовольственных ссуд ныне почти всецело отдана земству. Земство не может и не должно в деле этом действовать самостоятельно, голод не есть вопрос местной нужды, голод вопрос государственный. Здесь подобает правительственной власти выступать на первый план, стоять во главе подания помощи гораздо более активно, чем оно теперь делается, несмотря на то что средства помощи исходят от него.

Имея сношения в голодающих губерниях, я знаю, как это делается: члены земских управ разъезжают по деревням и проверяют, часто весьма неверно, составленные списки нуждающихся; разумеется, их проверка может быть лишь весьма поверхностна. Появление этих управских членов возбуждает надежды населения, поддерживаемые журналами, но собранные сведения подлежат контролю полицейских властей; время идет, столь обычное у нас ведомственное соперничество оттягивает подание помощи, производит неудовольствие; наконец, все это, происходя в разрозненных уездах, лишено единства, так что, по словам министра путей сообщения, одна и та же дорога привозит хлеб в голодающую местность и увозит хлеб из той же местности.

Я смею думать, что необходимо в каждой губернии составить комитеты или комиссии под председательством назначенного правительством лица из лучших на месте людей, все равно земских или неземских, могущих объединить помощь всеми имеющимися средствами. Если дело помощи голодающим не будет скоро поставлено так, то пропадет драгоценное время, потратится много сил, ослабеет в народе доверие к той силе, которая при теперешних обстоятельствах должна бы выказаться особенно рельефно, — силе правительства, силе, не только предъявляющей требования, но и долженствующей играть роль провидения в годину народного бедствия».

8 [ноября]. Пятница. Именины вел. кн. Михаила Николаевича. В 10 час. еду поздравить его в мундире; сидим вдвоем полчаса; он в очень угнетенном настроении, плачет, вспоминая вел. княгиню. Получил телеграмму от государя, в которой говорится о смерти Владимира Оболенского, скончавшегося вчера в Ливадии.

Оболенский сделался для государя и императрицы в последние годы ближайшим и необходимейшим человеком. Не имея ни детей, ни имущественных забот, ни каких-либо иных высших стремлений или интересов, оба они, и муж и жена (рожденная Апраксина), поставили придворную жизнь и близость к их величествам целью своего существования. По обязанности гофмаршала он постоянно находился при своих хозяевах и по возможности монополизировал их в свою пользу; человек он был недурной, но вполне дюжинный, вследствие же умственного ничтожества окружавшей его придворной среды он вообразил себя великим государственным мужем, судил обо всем не задумываясь и в особенности искусно отстранял от двора своею оценкою всякого, кто мог в чем-нибудь стать поперек его дороги. В Гатчине императрица имела с ним ежедневные и продолжительные вдвоем прогулки, последствием коих, между прочим, было то, что она в последние годы не подает более руки гр. Воронцову-Дашкову, министру двора, а лишь сухо кивает головою.

Обед в клубе. Вечером у Николая Саввича Абазы, разговор о делах Государственного совета, в коем элементы серьезного обсуждения ежедневно умаляются.

Вчера в четверг завтракает у меня А. Орлов-Давыдов, только что назначенный обер-шталмейстером, и В. Бобринский. Пред завтраком показываю обоим наше Рисовальное училище.

Разговаривая после завтрака, оба они, недавно бывши в Москве, повторяют множество слышанных о вел. кн. Сергее Александровиче историй. Как, например, два известных Орлову-Давыдову лица, имея надобность в генерал-губернаторе, отправились к вел. князю в Ильинское, здесь они прождали сначала 2 часа, покуда вел. князь удил рыбу, потом 2 часа, покуда обедал, а затем им объявили, что вел. князю некогда их принять, и они должны были вернуться в Москву, потеряв целый день.

Собрав на днях купцов, чтобы уговаривать их на подписку в пользу голодающих, вел. князь вышел с правою рукою в перчатке, а левою без перчатки. Увидев столь осязательное проявление к ним отвращения, купцы, наиболее расположенные к пожертвованиям, оставили свои деньги в карманах.

16 ноября. Возвращается из Парижа моя жена. В этот же день их величества приезжают из Ливадии в Гатчину.

17 ноября. Воскресенье. Приходит Ауербах и приносит телеграмму, полученную из Тюмени от управляющего Богословским заводом Фигнера, о том, что хлеб, нужный для прокормления нашего заводского населения, хлеб, купленный нами в Томской губернии и замерз-

ший на реках Тобольской губернии, задержан в Тюмени вследствие распоряжения министра внутренних дел о том, чтобы из Тобольской губернии запретить вывоз хлеба. Отправляюсь немедленно к Дурново, который при мне отправляет пермскому губернатору телеграмму с приказанием пропустить хлеб, идущий чрез Тобольскую губернию транзитом в Богословский округ. Какое экономическое развитие возможно в стране, где подобные распоряжения являются выражением нормального хода управления! Вообще за те 4 недели, что я живу здесь со времени приезда из Франции, меня поражает ничтожность людей, составляющих петербургское правительство, ничтожность, доказываемая тем, до какой степени они потеряли голову пред таким фактом, как факт нынешнего хлебного недорода.

За обедом в Новом клубе в прошлую пятницу Дурново, обращаясь к Абазе, сказал: «Я видел сегодня К.П Победоносцева, который настаивает на том, что единственным средством выйти из теперешних затруднений представляется назначение правительством цены на хлеб и реквизиция хлеба по этой цене у всякого, кто имеет хлебные запасы».

Абаза, раскрасневшись, отвечал: «Да Вы лучше, Иван Николаевич, прямо выньте у меня из кармана мой бумажник. При Николае Павловиче, который был приверженец крутых мер, был в 1840 г. голод и хлеб дошел до цены 45 руб. за четверть. Государю донесено было, что помещик Тамбовской губернии Шиловский имеет запасы и объявил, что станет продавать их, когда цена дойдет до 50 руб. Николай Павлович ограничился тем, что приказал обязать Шиловского подпиской, что ниже 50 руб. хлеба своего продавать не будет».

Сидевший рядом со мною, хотя и весьма ограниченный по уму гр. Гендриков сказал: «Да что Победоносцев в этом вопросе понимает? Он может разве доставить своими молитвами манну небесную?»

За этим же обедом Абаза рассказал, что в этот день к нему приезжал Вышнеградский заявить, что намерен внести в Государственный совет проект нового налога... на урожайные местности.

Абаза ему категорически отвечал, что будет всеми силами ратовать против такого проекта.

18 ноября. Понедельник. Вел. кн. Владимир Александрович приезжает из Царского Села к нам завтракать, по поводу чего приглашаем и вел. кн. Михаила Николаевича, а также Абазу и Всеволожского. Завтрак проходит очень весело.

В Совете обычное, осеннее, кратковременное заседание. После заседания вел. кн. Владимир Александрович уводит в отдельную комнату Вышнеградского и объясняется с ним относительно написанной парижским послом Моренгеймом депеши, обвиняющей Ротшильда в

действиях предосудительных и враждебных нашему последнему займу и вообще русскому кредиту.

Альфонс Ротшильд был у вел. князя в Париже и дал ему слово, что все это выдумка и клевета, лишенная основания, тем более, что он, Ротшильд, был главным распространителем за последнее время русских фондов среди французской публики. Вел. кн. Владимир Александрович подозревает в Моренгейме, при составлении такого ложного донесения, грязную денежную подкладку. Я думаю, что им руководило желание поддержать мелкого банкира Госкье, приятеля Моренгейма, который получил от русского правительства выражение доверия, не отвечавшее силам этого финансового ничтожества, что и выказалось в падении нашего займа, который не мог быть поддержан господином Госкье и его сотрудниками.

Владимир Александрович намеревается рассказать все это государю. Я советую ему быть очень осторожным в вопросе о жидах, к коим государь питает такую ожесточенную ненависть.

Доказательством этой ненависти служит телеграмма, отправленная из Копенгагена французскими буквами, но русскими словами, на другой день после успеха, сопровождавшего первоначальную подписку на заем. Телеграмма говорила что-то в таком роде: «Вот доказательство, что нам жиды не нужны».

Такая оценка была опровергнута на следующий день падением займа и всех русских ценностей.

Вечер у Дурново, который ликует вследствие любезного приема, оказанного ему государем, который утвердил все его предположения и продержал его $1^1/_2$ часа.

О предоставлении Анненкову заведовать публичными работами, долженствующими дать заработать населению, государь сказал: «Лучше нельзя было выбрать человека».

20 ноября. Среда. Иду вечером к вел. кн. Михаилу Николаевичу расспросить о подробностях поездки в Гатчину.

Войдя в кабинет, вел. князь сказал, что Департамент экономии нуждается в подкреплении посредством назначения нового члена. Государь прямо сказал: «Военный министр мне говорил о назначении Розенбаха, и я согласен. Я не назначил Розенбаха прямо в Совет, потому что был недоволен тем, что он мало времени оставался генерал-губернатором в Туркестане, но теперь ничего не имею против этого назначения, хотя эти молодые генералы могли бы еще работать прежде, чем быть членами Совета. Вот военный министр еще просит о назначении Имеретинского. Я отвечал, что я не против, но что еще подумаю и, во всяком случае, откладываю это до 1 января».

27 - 923

Затем говорит вел. князь: «Я сказал государю, что здоровье Сольского поправляется, что он, вероятно, скоро вернется к председательствованию, а что во время его болезни обязанности председателя будет исполнять Перетц. При этом государь заявил, что ничего против председательствования Перетца не имеет». «Alors le coup monté par ces messieurs a réussi»*, — заметил я.

Вел. князь ничего не нашелся отвечать, потому что я доказывал ему необходимость назначения не временного, а постоянного председателя и притом пользующегося доверием государя. При этом я настаивал на том, что всякая иная комбинация понизит авторитет Совета, отзываясь на ходе дел.

Чтобы говорить в подобном смысле, вел. князю необходимо было иметь отзыв пользовавшего Сольского врача — Шершевского, но он ограничился тем, что спросил мнения одной из приятельниц Сольской — Татищевой, которая написала вел. князю, что Сольский выздоравливает и в скором будущем возвратится к председательствованию в Департаменте законов.

Супруги Сольские алчут одного, чтобы за ними сохранялось высокое служебное положение; что касается интересов Государственного совета, интересов службы, пользы отечества, то они к подобного рода вопросам совершенно равнодушны.

21 [ноября]. Четверг. Охота в Колтушах с Орловым-Давыдовым, Голицыным, Бибиковым. Убиваем четырех рысей.

23 [ноября]. Суббота. Заходит утром Балашев, только что приехавший из Киевской губернии. В Юго-Западном крае в нынешнем году урожай хорош, но осенние всходы крайне плохи.

24 [ноября]. Воскресенье. Поздравляю именинниц: Всеволожскую, Балашеву, Левашеву, внучку Бобринскую. Кончаю чтение замечательной книги Guyau «L'irréligion de l'avenir».

25 [ноября]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя. Он избегает разговора о Сольском, подозревая, что я имею какие-то личности против этого разлагающегося трупа. Сообщаю ему записку, переданную мне накануне Абазою и составленную Бунге, на такую тему, что с уничтожением специального железнодорожного фонда железнодорожные дела рассматриваются в Комитете министров, а затем Департаменту экономии остается только принять к исполнению решение Комитета и отпустить надлежащую сумму, что для устранения такого порядка предполагается устроить соединенное присутствие из Комитета министров и Департамента экономии; причем председательствование в этом

* «Таким образом, затея этих господ удалась».

соединенном присутствии предоставляется или председателю Комитета министров, или председателю Департамента экономии, смотря по тому, кто из них старше в чине. Вел. князь нашел сделать лишь одно замечание, что так как он член Комитета министров, то он может оказаться участвующим в заседании, в котором председательствовать будет председатель Департамента экономии, которого он по обыкновению назвал при этом своим подчиненным.

Во время моего доклада приезжает Анненков, который долго советуется с вел. князем о своем предположении строить шоссе от Новороссийска до Сухума.

Приезжая в Совет, встречаю цесаревича, который весьма любезно благодарит за пожертвованные моею женою 50 тыс. пудов ржи (25 в воронежском имении и 25 в Тюмени), а также 10 тыс. мешков, отданных в распоряжение председательствуемого им, цесаревичем, комитета. Покуда мы с ним разговариваем, входит являться по случаю назначения Розенбах. В разговоре с ним цесаревич говорит, что, возвращаясь из Сибири нынче летом, он имел случай убедиться, что в Самарской, Саратовской, Оренбургской губерниях был полный неурожай.

После ухода Розенбаха я отзываюсь о нем как о человеке благородном, прямом, представителе такого элемента, который, к сожалению, весьма беден в стенах Совета, укрывающих много подобострастия и низкопоклонства.

Мою речь прерывает вел. князь, который, здороваясь со своим внучатым племянником, извиняется в том, что, не видав у подъезда его коляски, поднялся по лестнице «не торопясь». Вот и иллюстрация к моей оценке.

После заседания цесаревич принимает членов своего Комитета о помощи голодающим: Победоносцева, Островского, Дурново, Воронцова, Павла Строганова.

Вечер в Михайловском театре — «Новое дело»[43а]. Игра Давыдова.

26 [ноября]. Вторник. Возвращается Саша из воронежского имения жены своей, найдя там дела в лучшем, чем ожидал, состоянии.

Вечер с Ильиным, управляющим тамбовским имением. Учреждаем столовую для крестьян и обеспечиваем прокормление их скота.

27 [ноября]. Среда. Прогулка с директором Нарвской льнопрядильни Яковенко. Чтение устава Академии художеств, составленного для своего собственного возвеличения конференц-секретарем Толстым.

Приезжает Монтебелло, которого я знал мальчишкою при его отце в 60-х годах. Человек, на мои глаза, не отличающийся дарованиями, но вполне порядочный, спокойный, верный, надежный в сношениях, благоразумный, понимающий всю важность своего поста в тепереш-

них обстоятельствах, когда у нас послом в Париже шутливый мот — Моренгейм.

28 [ноября]. Четверг. Заседание Департамента экономии о смете Морского министерства. Из 5 млн., прибавленных в прошлом году, сбавляют 2 после продолжительных прений, в коих невольно становишься на сторону Вышнеградского, которого стращают вооружением Пруссии и высочайшими желаниями. Лучше было бы ехать из Копенгагена в Крым не чрез Данциг, а чрез Берлин.

В Александрийском театре плохая новая пьеса «Уголок Москвы»[436].

29 [ноября]. Пятница. На утренней прогулке встречаю Шишкина, товарища министра иностранных дел, который высказывает, между прочим, следующее: «Государь восхищается депешами Шувалова из Берлина и Извольского из Рима». О моем друге Лобанове отзыв такой, что он опустился, равнодушен, ничего серьезного не пишет. Я мог бы на это отвечать, что Лобанов не пишет, потому что, по его мнению, не стоит писать Гирсу, который никогда дельного слова не ответит.

Спрашиваю Шишкина, каким порядком составляются те выписки из иностранных газет, кои представляются государю. Ответ: «Занимающийся этим человек имеет от Гирса приказание не помещать ничего неприятного для государя для того, чтобы он не был в дурном расположении духа в те дни, когда Гирс имеет у государя всеподданнейший доклад».

30 [ноября]. Суббота. В соединенных Департаментах Совета слушается журнал по законопроекту об охоте[44], в котором не осталось ни единой буквы от первоначального представления Островского. Замечания, впрочем, на проект журнала самые ничтожные.

1 декабря. Воскресенье. Скучное писание мемории. Решительно становится не под силу.

Анненков рассказывает, что в Петербург прибыло 6 тыс. крестьян из голодающих местностей и градоначальник Грессер не придумал ничего лучшего, как обязать домовладельцев взять их в сверхкомплектные дворники. Не есть ли это приманка всякому голодающему, где бы он ни находился, ехать в столицу на готовый хлеб?

Узнав это, Анненков поехал к Дурново разъяснить это обстоятельство. Дурново отвечал, что, согласно его видам, петербургская дума решила дать средства к существованию 10 тыс. человек голодающих, вследствие чего и прибыли 6 тыс. человек. На другой день, однако, Анненков узнал, что постановление думы состоялось после того, как эти 6 тыс. чел. уже прибыли в стены столицы.

2 [декабря]. Понедельник. Еду в 11 час. к вел. кн. Михаилу Николаевичу, которого не застаю потому, что он на похоронах несчастного

артиллерийского офицера Панпушки, убитого разрывом бомбы, которую начинял для каких-то новых опытов[45]. Чрез четверть часа он возвращается, и мы говорим о предстоящих делах Совета.

Чтобы убедить вел. князя, что члены Совета не суть его подчиненные, как он выразился, привожу в пример отношение А. Грота (бывшего у него гофмейстером) к Петерсу, бывшему у него адъютантом. Оба сенаторы, Грот председательствует в Общем собрании, но не почитает себя начальником Петерса, заседающего в департаменте. Вел. князь говорит, что слово «подчиненный» у него сорвалось. Завтрак у нас: два великих князя, Тимашев и Убри. Не докончив завтрака, бегу в Совет принять цесаревича, приезжающего обыкновенно несколько минут ранее часа. Сообщает мне, что прочитал книгу, мною ему данную: «Parallèle des trois premiers rois Bourbon» par S.-Simon. Останавливаю его внимание на различия приемов Людовика XIV и Генриха IV при работе с министрами и вообще при деловых обсуждениях. Людовик XIV удовлетворялся письменным докладам, а Генрих IV всегда выслушивал устные речи людей и при этом старался иметь пред собою людей различных мнений. Говорю об охватывающей нас бумажной, чиновнической силе. Прошу позволения прислать на прочтение дело одного комитета, в котором я предложил уничтожить чины, сохранив должности. Нас прерывают великие князья Михаил Николаевич и Владимир Александрович. Начинаются семейные и охотничьи разговоры.

После Общего собрания Сольский идет разговаривать с вел. кн. Михаилом Николаевичем о своих предположениях и, возвращаясь оттуда, говорит мне, [что] получил от вел. князя согласие на то, что уедет весною за границу и возвратится лишь осенью и что во время его отсутствия Перетц будет исполнять его обязанности.

Вслед за тем совещание у вел. князя о том, чтобы Департамент экономии был приглашаем в заседание Комитета министров при обсуждении железнодорожных предположений. Я пробую доказать, что такие дела должны бы просто рассматриваться в Департаменте экономии с приглашением подлежащих министров, но это не нравится ни Бунге, председателю Комитета министров, ни авторскому самолюбию Абазы, участвовавшего в составлении записки. Мои соображения решено включить в рассуждения, не изменяя заключения. Бунге обещает мне, что будет всеми зависящими от него средствами хлопотать о назначении на мое место, в случае моего ухода, Шидловского, если же бы назначен был Куломзин, то на место Куломзина возьмет Шидловского в управляющие делами Комитета министров.

3 декабря. Вынос тела кн. Анастасия Гагариной, рожденной Штейнбок. Чрезвычайно милая, любезная, добрая женщина. Толпа народа.

Забыл записать вчерашний разговор с Манасеиным о назначении Горемыкина товарищем министра. Манасеин хотел иметь Красовского, теперешнего директора департамента, в высшей степени способного, но государь отказал под предлогом молодости лет (ему 41 год), а в действительности, вероятно, по наговорам Дурново, министра внутренних дел, враждебно настроенного к Красовскому как по делам Совета, так и по местным земским отношениям (оба помещики Черниговской губ.).

4 декабря. Среда. Приходит кн. Николай Долгорукий, которого министр внутренних дел посылает для подания помощи голодающим в Пермскую губернию. Человек очень умный, энергический, хотя несколько болезненный, но которого, конечно, было бы более полезно отправить послом в Париж или Лондон, чем раздавать милостыню на Урале.

Вечером концерт Архангельского. «Stabat mater» Pergolése*.

5 [*декабря*]. Четверг. Зайдя в Государственный совет, встречаю Ренненкампфа, присутствующего в Особом присутствии, и напоминаю ему об указе относительно утверждения в должности Протасова-Бахметева. Обещает напомнить государю, что этот указ подписан и ровно год хранится в столе у него, Ренненкампфа.

В 4 часа приезжает Анненков и рассказывает, что был накануне в Гатчине, куда его пригласил приехавший в 5 час. утра фельдъегерь. Оказалось, что такие приглашения сделаны были 28 генералам по ошибке, и когда они приехали в Гатчину, то им приказали вернуться в Петербург. Анненков пошел к императрице, которая его приняла, была с ним весьма любезна, радовалась, что дело поручено умному и энергическому человеку, плакала о том, что положение чрезвычайно тяжело. Когда Анненков говорил ей, что, к сожалению, программа работ чрезвычайно сужена, то она ему сказала, что само собою разумеется, что эту программу расширят.

Анненков завтракал у Черевина, который, не стесняясь присутствием нескольких приглашенных, ругал Дурново за его глупость и неспособность среди теперешних, тягостных обстоятельств.

Обедают Монтебелло, Левашев, Имеретинский, Голицын. После обеда Монтебелло и Голицын уезжают с Питом на волчью охоту в Лугский уезд.

Оболенский и Бибиков приходят из второго заседания у Дурново.

6 декабря. Пятница. В 5 час. приезжаю по приглашению, переданному вел. кн. Владимиром Александровичем, на станцию Балтийской железной дороги, чтобы участвовать в охоте на лосей в удельном име-

* Церковное песнопение «Стояла матерь» Перголезе.

нии Шишкино, верст за 30 проехав Ораниенбаум. До Ораниенбаума едем по железной дороге в царском поезде. Войдя в вагон, садятся за чайный стол, накрытый с обилием всякого рода яств и питий. Хозяином — наследник цесаревич, в высшей степени милый, любезный, простой, обходительный, внимательный.

Прочие приглашенные: вел. кн. Михаил Николаевич — весьма вежливый, но до крайности сдержанный и как будто все чего-то опасающийся; вел. кн. Владимир Александрович — страстный охотник, не имеющий ни к кому никаких дурных чувств, но отталкивающий тех, кто мало его знает, резкостью формы своего обхождения; вел. кн. Александр Михайлович — статный, красивый юноша, только что вернувшийся из дальнего плаванья, любящий свое морское дело, как будто тяготящийся пошлостью обыденной жизни; вел. кн. Николай Николаевич — огромного роста кавалерийский офицер, немножко слишком подчеркивающий в разговоре преданность своему военному делу и любовь к охоте; герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский, лишенный всякого нравственного чувства негодяй, промышляющий тем, что вел. кн. Алексей Александрович без памяти влюблен в жену его герцогиню Богарне, которая вместе с мужем вытягивает из Алексея Александровича как можно больше денег; Черевин — умный, добрый, честный, постоянно выпивший начальник охраны в Гатчине, радехонек, что хотя бы под предлогом охоты и сопровождения цесаревича удалось вырваться из гатчинской тюрьмы; кн. Барятинский — разбитый параличом, добрый и честный человек, но безгранично глупый, хотя и попавший сопровождать цесаревича в последнее его большое путешествие; ген. Васмунт — прежний адъютант вел. кн. Владимира Александровича, ныне командир Измайловского полка, весьма добросовестный, трудолюбивый, не лишенный образования и способностей человека, но щеголяющий особенностями армейского, провинциального слога в разговоре.

Обязанности егермейстера несет кн. Дмитрий Голицын, сын моего хорошего, умершего лет 10 тому назад приятеля кн. Бориса Дмитриевича. Человек крайне скромный, застенчивый, утонченных форм вежливости в обращении.

Сидя за чайным столом, доезжаем приблизительно в час времени до Ораниенбаума. Там ожидают почтовые сани, заложенные парами лошадей; в сани усаживаются равным образом попарно охотники и чрез час времени доезжают до Лоцманской слободы, именуемой Лебяжьею, на берегу моря.

Мне доводится ехать с Черевиным, который, между прочим, рассказывает два анекдота, служащие хорошим доказательством того, какого мнения государь должен быть о людях.

1. Когда в июне месяце император и императрица отправляются плавать в финляндские шхеры, то между ними и сопровождающею их компаниею усваивается тон чрезвычайно свободного, интимного обращения. (В эти дни, например, Е.Г. Шереметева говорит *ты* государю.) Понятно, что матросы — свидетели этой жизни нараспашку должны быть отборные люди. Прошлым летом императрица просила эскадр-майора Басаргина сменить боцмана, потому что он пьяница и может впоследствии неуместно болтать о том, что видел. Басаргин, передавая это Черевину, утверждал, что боцман этот никогда не берет в рот водки.

По возвращении в Петергоф за завтраком разговор этот возобновился, и государь, слыша заявление Басаргина, сказал императрице: «Да кто это сказал тебе?»

«Сандро» (Александр Михайлович), — отвечала императрица.

«Я должен заявить, — вмешался Басаргин, — что вел. кн. Александр Михайлович неоднократно просил меня назначить на место этого боцмана человека, который был с ним на «Тамаре».

«Ну, конечно, — заключил государь, — он желал иметь своего шпиона, который сообщал бы ему все, что у нас делается».

Все это слышал Черевин сам.

2. На днях, вернувшись с охоты, цесаревич рассказывал за столом родителей, что был удивлен тем, что во время охоты дядя Алексей ушел и лег спать в вагоне, где его и нашли в момент отъезда.

«Конечно, от него требуют, чтобы он был вечером свеж», — сказал государь, разумея под этим требовательность Зины.

Приехав в Лебяжью слободу, обедаем по обыкновению весьма роскошно, а затем до 12 час. играем по маленькой в винт.

Ночуем в весьма чисто содержимых домах лоцманов. Меня помещают в доме с гр. Воронцовым-Дашковым, который не приезжает вовсе, так что я остаюсь один.

7 [декабря]. Суббота. Напившись чаю, выезжаем в 10 час. в маленьких деревянных саночках. Очень холодно. Я убиваю лося с большими рогами. К обеду возвращаемся в Лебяжью. За столом цесаревич весьма оживленно рассказывает эпизоды из своего путешествия по Индии; разумеется, разговор часто касается охоты. По этому поводу цесаревич передает много подробностей о роли, которую играют в индийской жизни слоны.

Вечер, тот же послеобеденный винт.

8 [декабря]. Воскресенье. Второй день охоты. Ветер и снег, цесаревич убивает своего первого лося. Возвращаемся к обеду в Петербург.

9 [декабря]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Сообщаю ему составленную Абазою вместе с Бунге записку о предположении приглашать Департамент экономии в Комитет министров для обсуждения железнодорожных уставов.

Завтрак у нас: два великих князя, Убри и Анненков, который в восхищении от приема, оказанного ему государем в Гатчине, по случаю назначения его заведовать публичными работами, к коим будут привлечены голодающие.

После заседания Общего собрания у вел. князя совещание по записке Бунге. Председатель Совета настаивает на том, что все дела о вновь заводимых железнодорожных предприятиях должны рассматриваться в Департаменте экономии с приглашением подлежащих министров. Я, конечно, поддерживаю это мнение, но, видя, что Абаза и Бунге стоят за изобретенную ими комбинацию, я нахожу целесообразнее отступить от заявления, сделанного вел. князем, и сохранить лишь в соображениях мысль о всецелой передаче этих дел в Совет. Побуждениями у меня было, во-первых, что в случае разногласия вел. князь никогда не сумел бы отстоять свою мысль пред государем, а во-вторых, что Абаза и Бунге суть единственные наши политические союзники и ссориться с ними из-за такого, можно сказать, второстепенного вопроса нам никак не следовало.

В соединенных Департаментах докладывается дело о введении суда присяжных. Все бывшие в Астрахани губернаторы и все члены Совета настаивают на введении там суда присяжных[46]. Противниками этой меры являются только Манасеин и Дурново!..

10 [декабря]. Вторник. Рождение жены моей. Провожу день за накопившимися вследствие охоты письмами и бумагами.

11 [декабря]. Среда. Заезжает ко мне гр. Сергей Шереметев, в весьма темных красках оценивающий наше внутреннее государственное положение. К удивлению моему, он даже довольно энергически говорит о гатчинских порядках, скрывающих пред государем истинное положение дел. На мои расспросы Шереметев сообщает о занимающем его теперь разыскании исторических документов, доказывающих, что самозванец был не Лжедмитрий, а настоящий царевич. Со стороны гр. Шереметева подобное исследование, быть может, неуместно.

Обедаю у Абазы. Обед должен был состояться в честь Владимира Бобринского, проживающего в Петербурге, чтобы достичь силою правительственных распоряжений улучшения цен на производимый в России сахар. Бобринский по болезни не приехал обедать, и моими собеседниками оказались: Бунге — озабоченный лишь мыслью стушеваться и не

задеть ничьего самолюбия; Дурново с глупыми выпученными оловянными глазами, искусный лишь в одном, понравиться «собаке дворника, чтоб ласкова была»; Вышнеградский — идеал плута в малейшем слове и движении; Островский — неглупый от природы человек, олицетворяющий канцелярскую рутину и ничтожество; Филиппов — какой-то дьячок, не имеющий понятия ни о чем ни в сфере государственной жизни, ни общественного движения, сын ржевского аптекаря, воспитанный на Четьи минеях, сначала домашний учитель, а ныне лакей всего имеющего призрак силы; Чихачев — резко выделяющаяся из среды его министерских сотоварищей личность, человек умный, благородный, смелый, практический.

Разговор общечиновнический о погоде и т. п. Абаза, желая поддерживать разговор, в качестве хозяина дома рассказывает анекдоты из царствования императора Александра II. На этот раз речь идет о кн. С.Н. Урусове, который при большой природной талантливости отличался полною бесхарактерностью.

1) При докладе государю о наградах служащим в «Человеколюбивом обществе»[46а] Урусов щедростью испрашиваемых наград возбудил неудовольствие императора, который сказал: «Как ты лезешь с Владимирскими крестами для каких-то надворных советников, когда я отказываю в том полковым командирам!» — «Не я лезу, Ваше величество, митрополит лезет», — жалобно завопил Урусов.

2) В пору нигилистических покушений Урусов, входя в кабинет государя, увидел на столе его револьвер и скорчил испуганную фигуру. Государь взял пистолет и прицелился в Урусова, который стал бегать по комнате и, преследуемый развеселившимся самодержцем, спрятался окончательно под стол, где лежала государева собака.

«Не поверите, Александр Агеевич, — говорил Урусов, передавая эту проделку Абазе, — как мне приятно было возбудить искренний от сердца смех в этом удрученном событиями человеке».

Невольно вспоминаешь Фамусова, когда он рассказывает про дядюшку Максима Петровича.

12 [*декабря*]. Четверг. Заезжаю навестить Владимира Бобринского, у которого застаю Балашева. Разговаривая о вновь вышедшем третьем томе биографии его деда Паскевича[47], Балашев рассказывает, как во время венгерской кампании австрийский эрцгерцог[48] приехал в Варшаву просить Паскевича, чтобы он передал государю Николаю Павловичу ходатайство австрийского императора[49] защитить его и его столицу от наступавших венгерцев. Паскевич два дня сряду телеграфировал в Петербург посредством тогдашнего, говорившего знаками с башен, телеграфа. Между Вильною и Динабургом стоял густой туман, делавший сообщение невозможным. Сын фельдмаршала еще и ныне рассказывает, как он был свидетелем того, что австрийский герцог[50] на коленях стоял пред отцом его, умоляя послать войска. Паскевич, зная, конечно, взгляд Николая Павловича, но не получая из Петербурга ответа, решился тем не менее послать дивизию Панютина, которая и спасла Вену. Таким образом, война была объявлена не государем, а одним из его подданных. Николай Павлович во всю свою жизнь никогда не сказал Паскевичу об этом эпизоде ни единого слова.

13 [*декабря*]. Пятница. Продолжительный визит гр. Волькенштейн, весьма милая, хотя немного метящая на оригинальность женщина. Выборы в Новом клубе. В 10 час. еду снова на охоту в Шишкино, куда приезжаю в 1 час ночи. Будучи поселен с Черевиным и Воронцовым, застаю последнего не спящим, а первого несколько злоупотребившим спиртными напитками.

14 [*декабря*]. Суббота. Удачная для меня охота, убиваю большого рогача, а ни одному из присутствующих шести вел. князей не удается дать ни одного выстрела.

15 [*декабря*]. Воскресенье. Целый день за тягостным извлечением из скучной мемории.

16 [*декабря*]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Спрашивает меня, знаю ли что-нибудь о докладывающемся завтра в Комитете министров деле постройки Камышинской железной дороги[51]. Отвечаю, что, сколько мне известно, линия эта проектирована Витте (соумышленником Вышнеградского), который по соглашению с управляющим Рязанскою дорогою Ададуровым намеревается нажить барыши от постройки Камышинской линии. Грязе-Царицынская дорога потеряет свои грузы, акционеры Рязань-Козловской линии потеряют на доходности дороги, казна не будет иметь прямых убытков.

Завтрак у нас: вел. кн. Владимир Александрович, Фредерикс, Голицын. Приехав в Совет, застаю цесаревича. Рекомендую ему прочитать в «Revue des deux mondes» статью о папе[52]. Обещает. После заседания Общего собрания вел. князь приглашает Манасеина с Вышнеградским и просит их содействия к назначению ст.-секретаря Вильсона сенатором. Ответ, что они оба согласны, но что уже есть приказание государя о назначении сенаторами трех губернаторов, негодность коих сделалась очевидною при борьбе с голодом.

17 [*декабря*]. Вторник. В Комитете министров докладывается впервые при участии Департамента экономии дело о Камышинской железной дороге[53]. В совещании, предшествовавшем этому заседанию, только двое — Гюббенет и Петров высказались против Вышнеградского; се-

годня число противников возросло до 12. Главою такой оппозиции явился Николаев, который, признавая, что предприятие в денежном отношении выгодно для казны, настаивал на том, что оно задумано было министром финансов, который воспользовался предоставленным ему правом издавать железнодорожные тарифы, чтобы под угрозой разорения принудить Рязанскую дорогу строить Камышинскую ветвь. В чьих же интересах постройка этой дороги? Исключительно тех лиц, кои собираются быть строителями этой ветви. Намек этот был направлен на Ададурова, управителя Рязанской дороги, который рассчитывает нажить барыши при постройке дороги и для осуществления этих барышей заключил союз с Витте, возлюбленным соумышленником Вышнеградского в железнодорожном вопросе.

Получаю записку от Н.С. Абазы, который сообщает, что был у государя и получил согласие на назначение Шидловского и Вяземского членами назначенной под председательством его, Абазы, комиссии об устройстве неделимых заповедных дворянских поземельных участков[54]. Еду вечером к нему, чтобы объяснить, что высочайшее повеление по этому предмету должно быть испрошено не им, а председателем Совета. Из разговора с ним убеждаюсь, что у него весьма неопределенные об этом предмете понятия.

18 [*декабря*]. Среда. Читаю в английских газетах жестокие нападки на то, что у нас происходит. К сожалению, много правды и в основе всего лежит громадная бездарность и невежество, отличающие главных в петербургском правительстве воротил. Заезжаю вечером к Ванновскому, которому обещаю возобновить завтра в памяти государя назначение Имеретинского членом Государственного совета.

19 [*декабря*]. Четверг. В $9^1/_2$ [часа] утра сажусь в поезд с Дурново, Воейковым, Протасовым. По приезде в Гатчину около 11 час. иду в приемную комнату и дожидаюсь своей очереди. Несколько минут после 11 зовут Дурново в кабинет, и я остаюсь с Оболенским, дежурным флигель-адъютантом, который рассказывает подробности покушения на цесаревича в Японии[55], а затем объясняет мне повод неудовольствия государя на греческого принца, который, будучи приглашен путешествовать с цесаревичем, намеревался сопровождать его до конца, т. е. приехать чрез Сибирь в Петербург. Сообразно с этим довольно логичным выводом все было уговорено между молодыми людьми, когда грозная телеграмма из Гатчины приказала греческому принцу из Владивостока предпринять обратный путь домой тою же дорогою, по которой он приехал, что его весьма оскорбило[56].

Выслушивая это сообщение, я хожу с Котею Оболенским, и каково мое удивление, когда в конце одного из таких вдоль по комнате хождений я вижу, как Воейков (генерал-адъютант, приехавший с всеподданнейшим докладом вместо больного Рихтера, коего он исполняет обязанности) нежно обнимает и целует какого-то человека, который оказывается камердинером государя. После Дурново зовут в кабинет меня.

После доклада о наградах чиновникам Государственной канцелярии выражаю ходатайство о назначении сенатором статс-секретаря Департамента экономии Вильсона. *Государь:* «Я уже выразил согласие вел. князю и приказал министру юстиции заготовить указ. Кого Вы назначите на место?» *Я:* «Служившего помощником начальника Тюремного управления Коковцова, которого горячо рекомендует министр внутренних дел». Молчание.

Я: «Вашему величеству угодно было выразить волю о назначении членом Горсударственного совета кн. Имеретинского». *Государь:* «Военный министр уже 4 года сряду просит о том. Я ему отвечаю, что когда человек хорошо исполняет свои обязанности, то нет надобности его перемещать. Имеретинский — человек без всяких убеждений, но очень умный и который всегда хорошо исполнит дело, которое ему будет поручено». *Я:* «Так прикажете или не прикажете присылать указ к подписи Вашей?»

Государь: «Да, это можно будет».

Наступает молчание, которое я намеренно не прерываю. *Государь:* «А Вы в Шишкине убили двух лосей?»

Я: «Точно так, государь. Мне везло, большое счастие».

Государь: «Нет, Вы хорошо стреляете, ведь другие тоже стреляли, да, кроме Ельчанинова, ничего не убили».

Опять настает молчание. *Государь:* «Завтра будет ко мне министр финансов с докладом о чрезвычайных расходах по случаю голода. Положение его очень тяжелое».

Я: «Я думаю, что тяжело положение Ваше, а не его».

Государь: «Уж выдано 60 млн., а министр внутренних дел просит еще 80».

Я: «Если Вам угодно, государь, коснуться этого вопроса, то позвольте мне высказать мое мнение с обычною откровенностью. Не следует ли посмотреть поглубже на постигшее нас бедствие? Нет ли [, кроме] климатического несчастия, еще других причин, усугубляющих суровость нашего положения? Позвольте мне коснуться вопроса о формах нашего землевладения. Не думаете ли Вы, что если бы всякий был уверен, что он вполне как собственник владеет принадлежащею ему землею, то он иначе возделывал бы ее, получал другие результаты, имел бы возможность откладывать на черный день, и черный день не застал бы его столь сильно врасплох?

10 лет тому назад я приехал в Смелу к Владимиру Бобринскому и застал его за чтением писем, кои он писал отцу своему в 1847 г., приехав хозяйничать в деревню. В то время десятина помещицкой запашки давала 70 пудов хлеба, а крестьянин получал еле 50. С тех пор производительность десятины дошла в Смеле до 200 пудов, а мужицкая осталась при тех же 50. Что же было бы для России выгоднее: если бы каждая из полевой десятины ее давала 200 пудов или оставалась при прежних 50? А между тем мы только и слышим возгласы о необходимости расширения крестьянского землевладения? И притом какого? Общинного. В других странах земледелие совершенствуется ежедневно, изобретаются новые способы культуры. А у нас — мужик ковыряет скверной сохой плохую землю, не возвращая извлекаемого из нее. Что же угрожает в будущем? Обеднение, ухудшение экономического быта. Как помочь этому? Переходя от общинного владения к единичной собственности путем подворного, семейного владения».

Государь: «Но к этому трудно принудить крестьян. Там, где помещики живут на местах, там их пример и влияние могут достигнуть результата».

Я: «Да и принуждать не надо. Принуждать ни к чему не приведет. Довольно было бы иначе организовать сходы, дав в этих сходах преобладание хорошим, трудовым элементам, а не как теперь пьяным крикунам; конечно, всякие газетчики будут против подобной меры, потому что она исключает брань на кулаков и плач о батраках».

Государь: «Тогда возникнет вопрос об обезземелении».

Я: «Вот это слово и составляет наше несчастье. Что же это за созданный у нас тип землевладельца-земледельца, исключающий всякую другую форму культуры земли иначе, как собственными руками? Можно ли говорить о недостатке земли в стране более богатой землею, чем всякая иная? Почему человек, нанимающийся для земледельческого труда, непременно должен быть несчастливцем? Почему же трудом он не достигает сбережения и чрез несколько времени не сделается и собственником? Это все идеи Французской революции, идеи равенства, которого не может и не должно существовать на земле. Отношения между бедными и богатыми должны устанавливаться под влиянием религии, нравственности, а не полицейских распоряжений. Существование собственников крупных еще более чем мелких представляет гарантии порядка для правительства, отнимает почву у анархистов всякого рода».

Государь: «В Министерстве внутренних дел занимаются изучением этого вопроса». *Я:* «Извините меня, там этим не занимаются. Я говорил об этом с Дурново, и он отвечал мне только, что переход к подворному владению возбудит большую оппозицию».

Государь: «Это не причина».

Я: «Да, и не знаю я, о какой оппозиции может быть речь. Самые ярые участники реформ 60-х годов теперь не защищают более общинного владения. Я был уже не первой молодости в 61-м году. Помню, как необходимость реформы чувствовалась всеми. Искали людей, взяли, что нашлось лучшего, и если теперь, чрез 30 лет, опыт указывает на необходимость изменений, то изменения эти следует делать, не осуждая тех, кто участвовал в реформах 60-х годов».

В заключение, осведомясь о здоровье императрицы, которая хворает инфлюэнцей, я благодарю государя за то, что он дал мне возможность его видеть, прибавив, что поздравления и представления не мое дело, а служить, говорить то, что считаю правдою, составляет для меня большое наслаждение.

Завтракаю у Черевина с Дурново, Протасовым, Воейковым.

20 [декабря]. Пятница. Выборы в Новом клубе; между прочими вступает П.П. Дурново, который передает мне в разговоре характерный ответ наследника цесаревича бывшему своему воспитателю англичанину Хасу, который поздравлял его с назначением в председатели Комитета о голодающих: «Это можно было поручить и сестре моей Ольге» (меньшой).

В клубе же Тимашев заявляет намерение говорить в Общем собрании Государственного совета против некоторых параграфов законопроекта об охоте.

21 [декабря]. Суббота. Писание мемориального извлечения, которое становится подчас весьма тяжелым, и чтение третьего тома жизнеописания Паскевича.

22 [декабря]. Воскресенье. Заехав к Абазе, застаю его весьма возбужденным и рассерженным по поводу того, что члены председательствуемого им Департамента экономии высказались против него при обсуждении в Комитете министров вопроса о Камышинской железной дороге. Про Николаева, увлекшего других, Абаза говорит: «Это заговор против меня Воронцова, который спустил со своры Николаева, думая, что настал момент, когда Николаев может заменить Вышнеградского. В этом они оба ошиблись». Тщетно стараюсь его разуверить. Он раздражен в особенности потому, что снисходительностью к ухаживающему за ним Вышнеградскому поставил себя самого в неловкое положение.

Заезжаю вечером к Воронцову, уговариваю его приехать на другой день в Совет защищать законопроект об охоте, а перед тем приехать к нам завтракать, чтобы выслушать сущность нападений Тимашева.

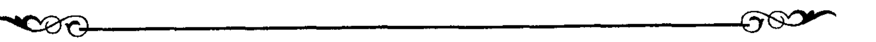
В заключение нашего разговора прошу Воронцова по старой нашей дружбе указать мне средство от надоевших мне тяжелых обязаннос-

теи государственного секретаря, не возбудив против меня неудовольствия государя. Подумав немного, Воронцов отвечает мне, что решительно никакого к тому средства не видит.

23 [декабря]. Понедельник. По обыкновению в 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Предваряю его о вероятных нападках на законопроект. В 12 час. завтрак с ним, Владимиром Александровичем, Тимашевым, Воронцовым, Г. Голицыным, который присутствовал в соединенных Департаментах в качестве эксперта и состоит главным виновником последовавших решений. Он очень категорически отвечает Тимашеву, который чуть не сердится. В заседании Общего собрания Тимашев выступает с двумя требованиями: а) чтобы собственник земли не был обязан брать охотничье свидетельство; б) чтобы закон был на первое время введен в действие лишь в самом небольшом числе губерний. Победоносцев, поддерживая эти предложения, идет гораздо дальше, нападая на всю экономию закона, который представляет чем-то феодальным. В особенности он высказывается против разрешения убивать бродячих собак и кошек. Разногласие, впрочем, сосредоточивается на одном вопросе, а именно, обязан ли собственник земли брать билет для охоты у себя. По этому вопросу 32 человека разделяют мнение Тимашева, а 10 — департаментского решения.

Первый квартетный вечер у сына. Анна играет концерт Шуберта.

[24—31 декабря]. Праздники проходят довольно покойно и без особых событий. Очень утешительна выставка работ учеников нашего Рисовального училища. Успехи осязательные и значительные, особливо в классах композиции и акварели, которые несколько отставали от прочих.

1892 год

1 января. Среда. По случаю болезни императрицы, которая хворает инфлюэнцей, нет выхода при дворе. На утренней прогулке захожу расписываться в великокняжеских прихожих. Встретившись с Бунге и Абазою, выслушиваю от них в почти тождественной форме любопытный рассказ о том, что происходило накануне в заседании Комитета министров. Министр внутренних дел внес представление о том, чтобы для удовлетворения нуждающихся в хлебе местностей принять следующие меры: 1) воспретить всякий вывоз хлеба из каждой губернии (число их 17), страдающей недостатком продовольствия; 2) в этих 17 губерниях разрешить продажу хлеба не иначе как с испрошением в каждом данном случае позволения губернского начальства. Вышнеградский начал с указания затруднений, кои подобные мероприятия создадут в ходе торговли, а затем Абаза, начав с заявления о том, в какой степени все представления министра внутренних дел принимаются Комитетом сочувственно, выставил всю несообразность ныне предлагаемой меры. Для приведения в исполнение подобного предположения необходимо на границах 17 голодающих губерний устроить кордон внутренней таможенной стражи. В особенности осмеял Абаза предположение Дурново заставить испрашивать разрешение губернского начальства для совершения продаж. «Я еще понял бы, если бы в избытке усердия Министерство внутренних дел, — сказал он, — обязало всех лиц, имеющих хлеб, продать его в определенный срок», но усложнять формальностями совершение продаж, надеясь, что от этого число их умножится, казалось Абазе непонятным.

Бунге ограничился тем, что опроверг ссылки проекта на иностранные законодательства, будто бы допускающие подобные мероприятия.

Дурново восклицал только: «В таком случае скажите мне, что делать?» Причем и не пробовал отстаивать свой проект.

Ему разъяснили, что следует покупать хлеб и продавать, если нужно, с убытком, что это следовало делать давно, что для этого нужны губернаторы поумнее тех, коих назначает он, Дурново[1].

Представление это послужило дебютом друга Дурново Кривошеина, назначенного им на должность директора Хозяйственного департамента.

2 и 3 [*января*]. Охота на волков в Лугском уезде. Забавно видеть ненависть к этому зверю населения и радость, выражаемую при избиении этого врага, крестьян.

4 [*января*]. Суббота. При рассмотрении в соединенных Департаментах представления государственного контролера об изменениях в организации контроля подвергается сильным нападкам со стороны Абазы мысль о предварительном контроле, который не представляет ничего иного, как удвоение управительного персонала, уничтожая возможность преследования, слагая всякую заранее ответственность, покрывая возможные злоупотребления участием лишнего чиновника, хотя и в мундире контрольного ведомства[2].

Вечером еду слушать «Героическую симфонию», исполняемую под управлением Рубинштейна. Отказываюсь ехать на репетицию оперы «Эсклармонд»[3] в Мариинском театре. К удивлению, на репетиции этой присутствует государь, несмотря на то что племянник его, герцог Кларанский[4], еще не похоронен. Правда, что поводом к этому присутствию служит необходимость разрешить нецензурное сомнение о том, позволительно ли давать представления этой оперы.

5 [*января*]. Воскресенье. Сижу по обыкновению воскресный день за мемориею. Приезжает Анненков, только что имевший объяснение с министром внутренних дел Дурново по предмету возложенных на него, Анненкова, общественных работ. Анненков поражен бездарностью, непонятливостью, невежеством Дурново. В ответ на его похвальбу о производимых им общественных работах говорю ему, Анненкову, что если он почитает себя русским Лесепсом, то Закаспийская железная дорога[5] останется его Суэцким каналом, а предпринимаемые ныне общественные работы будут идти в уровень с прорытием Панамского канала.

6 [*января*]. Понедельник. В 11 час. в Зимнем дворце. Высочайший выход без дам; у обедни присутствующих весьма немного, а особливо членов Государственного совета. Хочу уехать до завтрака, но меня удерживает Воронцов-Дашков, и я рискую расстроить желудок, чтобы остаться в приятной компании его, Орлова-Давыдова и Фредерикса. Пользуясь присутствием Трубецкого, директора Эрмитажа, уговариваю Воронцова дать ему разрешение допустить учеников нашего Рисовального училища к исполнению с предметов, хранящихся в музее, рисунков и акварелей, долженствующих послужить основанием художественного издания.

В 3 часа елка для детей и внуков. Первое представление оперы «Эсклармонд» с певицею Сандерсон.

7 [*января*]. Вторник. Один из приятелей гр. С.Д. Шереметева рассказывал мне, что он крайне тяготится частыми приглашениями детей его в Аничков дворец. Приглашения эти пренебрегают всякими учебными занятиями, повторяются ежедневно и не представляют ничего назидательного, состоя почти исключительно из физических упражнений не всегда безукоризненного вкуса.

8 [*января*]. Среда. Обед у вел. кн. Михаила Николаевича с Винспиером. Обычная неблаговоспитанность сыновей и неудовлетворительность пищи. Он сам с обычной ко всему этому полною доброты снисходительностью.

9 [*января*]. Четверг. В Департаменте экономии Дурново просит ассигнования 60 млн. на прокормление голодающих. Ни единого слова не умеет произнести в подкрепление своего ходатайства. Вышнеградский изъявляет согласие, а когда Маркус спрашивает, откуда эти деньги будут взяты, то Вышнеградский отвечает, что, разумеется, придется сделать заем[6]. Все это заседание имеет весьма поверхностный, чтобы не сказать, жалкий характер. По возвращении из Совета застаю у себя Протасова, который приезжает сказать, что был сегодня у императрицы и просил ее возвратить с резолюциею бумагу, посланную в Ливадию моею женою, с выражением желания устроить по случаю дня 25-летия свадьбы императорской четы детский приют на 25 сирот. Императрица отвечала, что потеряла эту бумагу. Видно, уж очень она принимает к сердцу эти бедные воспитательные и благотворительные учреждения, ей вверенные. Больше занимают ее величество сплетни и юбки.

10 [*января*]. Пятница. Приезжает ко мне инженер Кербедз, строящий Петровскую железную дорогу[7]. Рассказывает о бессмысленных распоряжениях посланного государем организовать перевозку хлеба полковника Вендриха. На Владикавказской дороге вследствие этих распоряжений стоит без движения 4 тыс. вагонов, так что дорога вместо наживать барыши вследствие усиленной перевозки ежедневно несет 8 тыс. руб. убытка.

В 2 часа свадьба в доме гр. Шереметева. Женится старший сын на дочери гр. Воронцова-Дашкова. Между матерями жениха и невесты был продолжительный спор о том, в чьей домашней церкви должен совершаться обряд бракосочетания. Спор разрешился, как большая часть дел в России, высочайшим словом. Приглашенных на свадьбу бесчисленное множество, начиная с наивысочайших особ. Дом (на Фонтанке) хотя и старинный, но весьма неизящный и притом доволь-

но посредственно содержанный. На столе, приготовленном для семейного обеда, стоят замечательные по художественности золоченые вазы французской работы XVIII столетия.

Заезжаю к Абазе, который хворает инфлюэнцей и очень слаб.

После обеда в клубе долго разговариваю с А. Долгоруким, прося его изобрести мне средство избавиться от надоевшей мне секретарской, хотя и государственной, обязанности. И он не видит средства это сделать, не возбудив неудовольствия государя, чего я отнюдь не желаю.

11 [января]. Суббота. Заходит Кобеко, председательствующий в комиссии об отдаче тому или другому учреждению места, оставшегося после своевольно распоряжавшегося этим Исакова. Обещает сделать то, что от него зависит, с тем, чтобы отделаться от наших конкурентов деньгами.

Получается известие о приближающейся смерти вел. кн. Константина Николаевича.

12 [января]. Воскресенье. Страшная стужа. Не выхожу из дому и оканчиваю чтение назидательной для петербургского жителя книги «Nicéphore Phocas» Шлумбергера[7a].

Манасеин заезжает сообщить, что по его представлению государь назначил моего зятя А.Д. Оболенского обер-прокурором II департамента Сената. При этом Манасеин всячески поносит министра внутренних дел Дурново.

13 [января]. Понедельник. Прочитав утром в «Правительственном вестнике», что ночью скончался вел. кн. Константин Николаевич, пишу государю, испрашивая его указаний о том, не отменить ли назначенное на этот день заседание Общего собрания. Получив утвердительный ответ, приказываю вместо заседания отслужить панихиду, на которой и присутствуют съехавшиеся для заседания члены Общего собрания. Не стану здесь говорить о Константине Николаевиче, личность коего слишком известна. Он отличался несомненным умом, но его грубое с людьми обращение, постоянная желчность, неровность характера, а за последние годы открыто распутная жизнь отталкивали от него порядочных людей и лишали его деятельность тех плодов, кои она принесла бы несомненно, если бы в этом человеке было более доброго, простого, человеческого чувства.

14 [января]. Вторник. Приезжает ко мне Плеве, чтобы передать от имени цесаревича желание поговорить с зятем моим Бобринским о том, согласится ли он ехать в Тамбовскую губернию в качестве уполномоченного от Комитета. Еду немедленно к Бобринскому, который, разумеется, тотчас изъявляет полное согласие. В 3 часа у меня наверху в малой библиотеке заседание совета Исторического общества. Грот — сильно

стареющий и опускающийся; Феоктистов — никогда много из себя не представлявший, а в особенности ровно ничего для нашего Общества не делавший, несмотря на то что был из числа учредителей; Сергеевич — почтенный труженик, издающий бумаги Екатерининской комиссии. Секретарь Штендман рассказывает содержание печатающихся ныне томов, а затем мои предположения об издании биографического словаря. Хочу разделить печатание на три отдела в постепенности азбуки и поручить печатание первого — Штендману, второго — Майкову, третьего — Собко.

В $8^1/_2$ [часа] заседание совета Рисовального училища под председательством моей жены. Утверждаем устав первого нашего филиального училища в Саратове, на которое Боголюбов (живописец) отдает после смерти своей все свое состояние, а до тех пор мы берем это училище на свое содержание.

В качестве товарища председательницы я предлагаю послать нынешним летом кого-либо от училища в Екатеринбург с целью изучить там работы из местных цветных камней. Предлагаю также приступить к изданию хранящихся эрмитажных коллекций драгоценных предметов.

15 [января]. Среда. Заезжаю в Европейскую гостиницу, желая видеть массера Мецгера, но вместо того попадаю в гостиную кн. Лопухиной, распоряжающейся Мецгером. Любопытная ассоциация этой чресчур бойкой барыни, ее мужа и Владимира Бобринского.

16 [января]. Четверг. Рано утром приезжает ко мне Мецгер и настаивает на том, чтобы будущим летом приехать к нему лечиться в Висбаден.

17 [января]. Пятница. Перевезение тела вел. кн. Константина Николаевича. Хотя холод сделался гораздо умереннее, тем не менее я не решаюсь ехать на Царскосельскую станцию и отправляюсь прямо в Петропавловский собор, где военных много, дам также, но гражданских чинов число весьма ограниченно. Церемония по обыкновению тянется весьма долго.

В 6-м часу приезжает ко мне Ренненкампф, чтобы сообщить, что получил от государя полученное им письмо Гюббенета с просьбою об увольнении от должности министра путей сообщения. На письме этом отметка государя: «Пришлите мне указ об увольнении его от должности и сообщите государственному секретарю, чтобы представил мне указ о назначении его членом Государственного совета». Немедленно посылаю такой указ государю, который и возвращает мне его подписанным в тот же вечер.

18 [января]. Суббота. В 10 час. опять Петропавловский собор и нескончаемая церемония похорон Константина Николаевича. Нигде не

видать ни единой слезинки. Стоящий подле меня Игнатьев неумолкаемо смеется, шутит и по обыкновению хвастливо лжет.

19 [января]. Воскресенье. Охота на волков в Заполье со станции Плюса.

20 [января]. Понедельник. Вел. кн. Михаил Николаевич рассказывает, что в день перевезения тела Константина Николаевича, когда государь со всем своим семейством ехал в Павловск, то он в вагоне громко при всех сказал, что Вендрих, докладывая ему о том, что происходит на железных дорогах, жаловался на то, что Министерство путей сообщения не только не содействует, но противодействует распоряжениям его, Вендриха; что среди молодых инженеров есть много способных и честных людей, но что в высших сферах старые инженеры воры на откупе у частных компаний; что Гюббенет не умеет с ними справиться, почему он, государь, и приказал Гюббенету подать в отставку; что на место Гюббенета надо бы назначить энергического человека, который бы привел все это в порядок; что самый подходящий человек был бы градоначальник Грессер, но что нельзя лишить столицу столь полезного градоначальника!..

Чего ожидать при таком понимании людей? Лишенный всякого образования полицейский чиновник может ли годиться в государственные министры, долженствующие понимать народную жизнь и цели, к коим правительство обязано направлять ее?

По окончании весьма мало делового, впрочем, разговора с вел. князем он сообщает мне, что намерен говорить с государем о майорате Лейхтенбергских. Я замечаю, что, сколько мне известно, майорат уничтожен баварским королем в 1843 г. и что теперь ни о каком майорате не может быть речи. На это вел. князь мне отвечает, что это, действительно, так, но что он и не говорит о недвижимом имуществе, а лишь о движимости, составляющей предмет семейных коллекций, как, например, собрание вещей, принадлежавших Наполеону I[8].

Какое значение может иметь подобная коллекция для русского царствующего дома? Наполеон — это исчадие революции, пришедшее разорять наше отечество. Если все его вещи будут разбросаны по углам толкучего рынка, так нам, русским, нет повода о том сожалеть.

Вел. князь: «Но семейство Лейхтенбергских не может рассуждать так о предметах, составляющих семейное достояние, а ныне достающихся незаконным сыновьям Николая Максимилиановича, уже и без того получившим 2 млн.».

Хотел я сказать, что под видом дорогих сердцу воспоминаний здесь идет речь о чужих бриллиантах, коими Зина хочет украситься, но... удержался.

Позавтракав у вел. кн. Михаила Николаевича, еду в Совет. Наследник и вел. кн. Владимир Александрович охотятся на медведей с шведским наследником принцем[9], но зато налицо rara avis* — Алексей Александрович, присутствующий в Совете только в те понедельники, когда государь принимает доклад морского министра не в Гатчине, а в Аничковом дворце.

Вел. кн. Михаил Николаевич советуется о том, следует ли комунибудь что-либо сказать о вел. кн. Константине Николаевиче. Зная, что в отсутствие хворающего Абазы легко может произойти словесная неловкость, я советую воздержаться, но вел. кн. Михаил Николаевич настаивает и поручает Сольскому сделать это.

Разлагающийся мозг Сольского внушает ему лишь самые неудачные фразы, в коих он особенно упирается на то, что не приготовился говорить, и делает то по настоянию вел. кн. Михаила Николаевича.

В заседании этом слушается проект об учреждении медицинских женских курсов. Победоносцев восстает против такого учреждения и остается один такого мнения против 38 членов[10].

После заседания спрашиваю Ванновского о том, кого он будет рекомендовать в министры путей сообщения. Ванновский отвечает, что знает лишь одного человека, на это место пригодного, — Имеретинского и его будет рекомендовать изо всех сил.

Иду к вел. князю и встречаю Сольского, который выходит из его кабинета. Спрашиваю вел. князя, сказал ему Сольский что-либо такое, что подлежало бы сообщению государственному секретарю.

Ответ: «Нет, он говорил со мною о майорате Лейхтенбергских и еще более убедил меня в необходимости для меня говорить государю».

21 [января]. Вторник. В 2 часа еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу, и между нами происходит приблизительно следующий разговор. *Я:* «Вам угодно было сообщить мне о намерении Вашем говорить с государем относительно майората Лейхтенбергских. Позвольте мне высказать Вам с полною откровенностью, как [если] бы сама покойная вел. княгиня присутствовала при нашем разговоре. Вы, Ваше высочество, председатель высшего законодательного учреждения и хотите уговаривать государя сделать вопиющую несправедливость и нарушение закона».

Вел. князь: «Ah, je vous prie, ne vous mettez pas sur vos grands chevaux**. Вы все это говорите как юрист, а я говорю как старший член царствующего семейства, желающий семейно устроить семейное дело».

* Редкая птица *(лат.)*.
** «Ах, я прошу вас, не горячитесь».

Я: «Какое же тут семейное дело? Эти молодые люди признаны законными наследниками к имуществу отца. Этот судебный приговор Вы хотите нарушить и каким же способом. Вы старший член царской семьи, Вы хотите чрез государя интимидировать* двух нижних чинов Конного и Преображенского полка, не имеющих никакой протекции»...[11]

Вел. князь: «Вы это говорите потому, что Вы не любите Евгения Лейхтенбергского и его жену».

Я: «Если Вы так понимаете мои побуждения, то мне остается замолчать».

Вел. князь: «Ну, скажем, что Вы к ним индифферентны».

Я: «Вполне, точно так же, как и к сыновьям Николая Максимилиановича, коих не знаю».

Вел. князь: «А я не равнодушен к сыну моей сестры, который просит помочь ему».

Я: «Просит потому, что уже всячески обращался к государю чрез Алексея Александровича и теперь решился выставить старшего члена, безупречного в сфере семейной нравственности и потому пользующегося любовью государя и авторитетом. А Вы, Ваше высочество, пойдете расходовать этот авторитет, получать отказ, приучать, чтобы Вам отказывали так, чтобы лишиться всякого влияния, когда речь дойдет до Государственного совета».

Вел. князь: «Тут нет ни малейшей связи».

Я: «А я вижу весьма большую».

Вел. князь: «Да почему же я Вам должен верить, когда Сольский тоже юрист, а говорит мне совершенно иное, чем Вы?»

Я: «Желал бы я, чтобы он решился сказать это в моем присутствии, Ваше высочество. Когда я вхожу в двери Вашего кабинета, то говорю себе, что великое число людей входят в эти двери с тем, чтобы наговорить Вам приятных вещей и получить себе выгоды. Я ничего не хочу, а считаю обязанностью высказывать Вам все то, что почитаю правдою».

Вел. князь: «Всему виною Ваш закон об императорской фамилии[12]. Слыхано ли это, чтобы потомство лишаемо было имени своего прародителя! За Вашим законом последовал закон о браках. Мои сыновья не могут жениться иначе, как на православных и равноправных. Где же они найдут таких невест? Что же им пулю в лоб? А государю решительно все равно».

Я: «Ваше высочество, я был лишь редактором мысли государя о том, что Россия не может выдерживать такого значительного числа вел. князей».

* *От французского «intimider» — запугивать.*

Вел. князь: «А в других странах?»

Я: «В других странах существует право первородства».

Вел. князь: «А в Австрии?»

Я: «Там они, действительно, сохраняют титул императорского высочества, но есть такие, кои имеют 10 тыс. гульденов дохода. Возможно ли это у нас?»

В заключение обнимаемся, целуемся и вел. князь благодарит меня за то, что я решился сказать.

Еду в комитет Музея прикладных знаний, где под председательством Кобеко комиссия обсуждает вопрос, кому отдать среднюю часть выходящего на Фонтанку фасада. Делянов просит это помещение для какого-то технического бюро, Техническое общество просит для себя, Островский просит для Музея кустарных промыслов. Я заявляю требование на получение этого помещения для расширения зданий нашего Рисовального училища устройством большой аудитории, могущей служить и концертным залом, устройством мастерских и выставочных залов.

В подтверждение своего права привожу, что это было первоначально отдано нашему училищу и что Исаков совершенно произвольно, своею единоличною властью, отдал часть этого помещения в наем министру государственных имуществ.

Вечером состоящий при вел. князе ген. Винспиер объясняет мне то состояние разгневанности против государя, в коем я его видел.

Вел. кн. Георгий Михайлович хочет жениться на старшей дочери герцогини Эдинбургской Марии Александровны. Он вследствие письма, от сей последней полученного, отправился к императрице просить государева разрешения, и вслед за тем наследник привез от имени государя категорический отказ, потому что невеста не православного исповедания.

22 [января]. Среда. Охота в Колтушах. Необходимое для меня средство устоять против петербургской возни и жизни в душных комнатах.

23 [января]. Четверг. Получаю высочайшее повеление о назначении Гюббенету 12 тыс. руб. жалованья. Приезжает ко мне Плеве и просит именем цесаревича узнать, согласится ли мой зять Бобринский ехать в Тамбов. Отправляюсь к нему с этим предложением; и он и она выражают полную готовность беспрекословно.

24 [января]. Пятница. Является вновь назначенный в Рисовальное училище инспектор Барч. Я давно добивался назначения инспектора и встречал большое сопротивление от директора Месмахера, который вследствие чрезмерной своей добросовестности хочет непременно все

делать сам лично, несмотря на то что работа расширяется в непомерных для одного человека пределах. Мы строили училище на 200 учеников, а теперь у нас их более 900.

В $2^1/_2$ часа у Н.С. Абазы вместе с Шмеманом обсуждение главных вопросов, долженствующих возникнуть при обсуждении проекта нового городового положения.

Заезжаю к Месмахеру рассказать о заседании комиссии относительно места, выходящего на Фонтанку.

В Европейской гостинице Голланда жиды Гамбургер накупили множество старинных вещей. Покупаю у них две chatelaines* и старинный русский крест.

Обед в клубе. Дурново неистовствует по поводу статьи Толстого, перепечатанной «Московскими ведомостями» из английских газет[13].

25 [*января*]. Суббота. Первое заседание соединенных Департаментов для обсуждения законопроекта о городовом положении[14]. Ничего важного не происходит. Нет более желчной озлобленной ноты гр. Толстого. Дурново бессловесен. За него постоянно выступает адвокат Плеве. Председательствует Перетц с постыдным раболепством и низкопоклонством. Пишу государю краткое о происходившем донесение и посылаю сделанные учениками нашей школы гравюры, замечательные по исполнению.

26 [*января*]. Воскресенье. Разговор с Монтебелло об основаниях, на коих он считал бы возможным уговориться на случай войны с Германией. По моему мнению, отсутствие таких соглашений лучше всего обеспечивает продолжение мира.

27 [*января*]. Понедельник. Государь присылает любезные слова об успехах учеников нашего училища. После бурного объяснения с вел. кн. Михаилом Николаевичем на прошлой неделе избегаю всяких при свидании с ним разговоров, имеющих сколько-нибудь деловой характер. Навожу его на воспоминания о прошедшем, и он рассказывает мне о том, как в 1851 г. сопровождал отца своего при поездке в Ольмюц[15], говорит, что постоянно вел хорошо сохранившийся журнал и имеет много писем от отца и братьев, а также черновые своих писем покойному государю за время своего наместничества на Кавказе.

Все это он хочет уничтожить, а не хранить для потомства[16]. Сообщает, что после Константина Николаевича сохранилось много писем, кои государь приказал отправить на хранение в архив[17]. Между Константином Николаевичем и императором существовали очень теплые отношения, прервавшиеся в 1863 г.[18]

---

* Дамские цепочки.

Говоря об отношениях покойного государя к братьям, спрашиваю вел. князя, известно ли ему, что после грозного, можно сказать, ругательного разговора, бывшего между Александром II и вел. кн. Николаем Николаевичем, относительно статьи, появившейся в «Nouvelle Revue»[19], с государем сделался нервный удар, так что у него отнялась рука и нога, которую он впоследствии влачил до самой смерти. Подробности эти были сообщены мне самим Боткиным, который говорил, [что] при этом произошло сильное в организме государя изменение и он, Боткин, весьма опасался, что это нервное расстройство усилится и государь впадет в малосознательное состояние, долженствовавшее произвести большие усложнения. Опасения эти он не переставал сообщать Лорис-Меликову, который с своей стороны передавал это наследнику — нынешнему государю.

Вел. князь говорит, что в первый раз это слышит, но что отношения этих двух его братьев действительно весьма ухудшились в последние годы прошлого царствования, чему доказательством служила в особенности сцена, происшедшая в Ропше.

Во время бывших там маневров всегда очень многочисленная свита Николая Николаевича приехала в государев дворец и, получив по распоряжению гоф-фурьера обеденный стол, принялась пировать, как вдруг приехал государь, взошел в комнату, где эти лица обедали, раскричался на них и прогнал их из комнаты, ругая их за бесцеремонность.

Выслушивая этот рассказ, я не мог не стать на сторону государя, но Михаил Николаевич настаивал на том, что все недоразумение произошло от того, что гоф-фурьер неудачно выбрал для обеда комнату, чрез которую должна была пройти ожидавшаяся в Ропшу княжна Долгорукая.

Покуда мы разговариваем, входит Александр Михайлович и рассказывает, что провел вечер накануне у гр. Шереметева, где были цесаревич и Ксения. Время проводили в том, что резвились, бегали по дому и прятались. Оригинальное препровождение времени для 24-летнего наследника престола!

Завтрак у Владимира Александровича, присутствует наследник, очень мил, вежлив, но уж больно смотрит ребенком. За завтраком как-то заходит речь о madame Maintenon. Я заявляю категорическое к ней отвращение, как виновнице уничтожения Нантского эдикта, что почитаю одною из главных причин революции.

Не знаю, понимают ли мои собеседники смысл моего намека.

Ничтожное в Совете заседание и прогулка с вел. кн. Владимиром Александровичем, который очень занят вопросом о брачных для вел. князей стеснениях.

28 [января]. Вторник. Получаю от государя меморию с законом об охоте. Высочайше утверждено мнение 10 особ[20].

29 [января]. Среда. Приходит завтракать кн. Григорий Голицын, уезжающий в Тобольскую губернию с весьма широкими полномочиями распоряжаться помощью голодающим. Голицын бесспорно умный человек, исполненный добрых намерений, но, к сожалению, не получивший основательного образования и, проведя жизнь на военной службе, привыкший более командовать и повиноваться, чем обсуждать и рассуждать. Впрочем, зная состав петербургского правительства, трудно было сделать лучший выбор.

Получаю письмо от Гюббенета, который жалуется на то, что государь назначил ему 12 тыс. жалованья, и хочет, чтобы я уговорил вел. князя выпросить ему прибавку. Не желая давать ему письменного ответа, еду к нему сам, выслушиваю поток сетований. На вопрос мой, откуда он вытащил Вендриха, Гюббенет объясняет мне, что Вендрих был определен им на службу в Министерство путей сообщения по непосредственному приказанию государя, что, вероятно, тут было влияние Мещерского, который постоянно просил Гюббенета дать занятие и ход Вендриху.

30 [января]. Четверг. Обед у нас в честь уезжающего в Киев Владимира Бобринского. Тимашев сильно глохнущий и хромающий, Балашев и пустейший Горчаков.

31 [января]. Пятница. Охота с вел. кн. Алексеем Александровичем у Средней Рогатки. Во ожидании какого-то загона имею продолжительный разговор с вел. князем о необходимости уничтожения общины. Он согласен с этим, но это, по-видимому, не занимает его более, чем цвет попавшейся навстречу лошади.

В числе охотников ген. Арапов, прежний командир Кирасирского полка. При виде дома, бывшего когда-то охотничьим домом императрицы Елизаветы Петровны, Арапов вспоминает, что в один из последних годов царствования последнего государя около этого дома был привал во время маневров. Шел сильный дождь. Государь выразил желание завтракать в этом доме, который оказался опечатанным по распоряжению судебного пристава. Арапов, бывший в этот день дежурным флигель-адъютантом, слышал, как государь приказал сорвать печати, наложенные судебною властью, но находившийся при этом кн. Суворов уговорил государя отменить это приказание. Тогда раздосадованный император приказал поставить батарею и дать залп под окнами дома, в коих, разумеется, стекла разлетелись на куски.

«Пускай помнят, что я был здесь», — сказал царь-освободитель.

...И характерно и неостроумно.

За завтраком тот же Арапов рассказывал, что покойная императрица, бывшая шефом Кирасирского полка, выразила неодобрение цвету солдатских пик. Арапов пошел к горничной императрицы, вырезал кусок любимого ее синего платья и по этому образцу выкрасил пики.

1 [февраля]. Суббота. В 1 час заседание соединенных Департаментов по проекту нового городового положения. Н.С. Абаза очень мужественно выступает, указывая на те неудобства прежнего времени, кои в 1870 г. вызвали издание нового городового положения.

Теперь следует исправить недостатки, указанные опытом, но при этом надлежит опасаться впасть в прежний бюрократический произвол, связанную с ним неурядицу и неизбежное отвращение людей, независимых и честных, участвовать в деле, в коем они бессильны будут принести пользу. Дурново поддается на уступки, Островский по обыкновению предлагает бюрократические мероприятия, как, например, штрафы с гласных думы, кои не будут являться в заседания, или участие в собраниях думы представителей таких казенных ведомств, кои владеют недвижимостью в городе. Оба предложения отвергаются.

Николаев рассказывает, что банкир Гинцбург, будучи стеснен в своих денежных делах, просил Вышнеградского оказать ему поддержку, на что получил ответ, что поддержка будет ему оказана в том случае, если он, Гинцбург, восстановит хорошие отношения между ним, Вышнеградским, и Ротшильдом. Так как Гинцбург отвечал, что это не в его силах, то министр финансов кончил категорическим отказом.

Рассказываю Победоносцеву слышанное мною от Гюббенета об участии Мещерского в его свержении. «А он не рассказывал тебе, — отвечает Победоносцев, — как он был усердным посетителем собраний у Мещерского, как «миньон» Мещерского, некий Колышко, был взят им на службу в Министерство путей сообщения, как он имел глупость сказать государю, что в таком-то вопросе Мещерский разделяет мнение его, Гюббенета, как вследствие неудовольствия за это государя произошел разрыв между Мещерским и Гюббенетом!..»

2 [февраля]. Воскресенье. Целый день за мемориею.

3 [февраля]. Понедельник. Поздравляю именинницу дочь Анну, коей муж назначен обер-прокурором II департамента Сената. В 1 час завтрак у вел. кн. Алексея Александровича, втроем с его адъютантом Абазою. После завтрака остаемся вдвоем, и тогда происходит весьма оживленный и задушевный разговор. Сообщив вел. князю о содержании бывшего в Соляном городке заседания комитета относительно отдачи центральной части фасада, выходящего на Фонтанку, я излагаю свои предположения относительно этого места, а именно намерение

выстроить здесь красивое здание в стиле XVI столетия французской школы. Вел. князь обещает всячески меня поддерживать.

Говоря о незавидном положении современного хода правительственных дел в отечестве, уговариваю вел. князя не ограничиваться ролью моряка, а деятельнее вступать в общегосударственные дела. Он отвечает мне, что чувствует себя не довольно для того образованным и слишком ленивым. Я советую ему сравнить с теми, кто его окружает и имеет влияние на решение дел, и по сравнению с ними откинуть излишнюю скромность, что принесет несомненную пользу отечеству.

Возвращаюсь к своей давнишней мысли, что в прежнее время около трона были люди, пользовавшиеся доверием государя и приносившие ему пользу своими советами, а теперь таких решительно нет более и все решается случайностями личного с глазу на глаз доклада. Возлагаю значительную долю вины в таком ходе дел на Победоносцева, который отстранил советников, уничтожил введенные в начале царствования совещания, надеясь остаться единственным руководителем и не предвидя, что будет тоже при первом случае прогнан самодержцем и помазанником Божиим, который по самим теориям Победоносцева не нуждается ни в чьих советах.

Вечером в Новом клубе узнаю чрез Владимира Бобринского, находящегося на лечении у Мецгера, что императрица, которую он массирует, сказала ему сегодня, что германская императрица убежала от своего мужа вследствие грубого с нею обхождения. Возможно ли повторять подобные сплетни, даже и в том случае, если бы они были справедливы, а не выдуманы, и притом кому — лицу, не только низкостоящему по положению, но и по занятиям ограничивающемуся чисто физическими услугами?

Другой приятель передает слышанное им от одной из приятельниц императрицы от нее самой относительно припадка гнева императора по поводу женитьбы вел. кн. Михаила Михайловича: «Il marchait dans la chambre et prononçait des paroles terribles, comme je ne lui en ai jamais entendu prononcer. Il disait: «Macar... Macar»*, т. е., вероятно, он угрожал новобрачному сослать его туда, куда Макар телят не гонял.

4 [февраля]. Вторник. Получаю от государя меморию, в которой им сделана отметка о согласии с Победоносцевым по делу об открытии женского медицинского института, тогда как 38 членов Общего собрания Совета, в том числе представлявший дело министр Делянов, все остальные министры и все великие князья были противного мнения, т. е. считали полезным учредить такой институт. Газеты были наполнены статьями, восхвалявшими эту меру, общее неудовольствие будет значительно.

5 [февраля]. Среда. Обедаю в клубе. Новый князь Юсупов Сумароков-Эльстон рассказывает, как он 1 марта 1881 г. дежурил в качестве адъютанта при Лорис-Меликове, у которого в момент взрыва убившей государя бомбы находились градоначальник Федоров и начальник охраны Рылеев, а также Валуев.

По приезде в Зимний дворец Лорис нашел государя мертвым и тотчас послал Сумарокова приказать остановить отсылку депеш и отъезд поездов.

6 [февраля]. Четверг. В соединенных Департаментах Государственного совета рассматривается представление Делянова об изменении устава клинического института вел. кн. Елены Павловны в смысле разрешения назначать директора и не из клиницистов, потому что таково желание вел. кн. Екатерины Михайловны. Приглашенный в заседание сенатор Шумахер энергически отстаивает существующий порядок, выражающий волю основательницы. Совет не решается посягнуть на неприкосновенность устава, но Перетц в порыве свойственного ему подобострастия предлагает представить государю о необходимости сделать на этот раз исключение. Совет соглашается с этим предложением и делает постановление о свершении административного противозакония, на что не имел никакого права. Жалко смотреть на то неуважение, с коим обращаются к воле людей, учреждающих что-либо на пользу общую.

Я помню в молодости надпись на доме гр. Румянцева, завещавшего России свои коллекции: *«От графа Румянцева на благое просвещение»*. Теперь, когда я по утрам гуляю по Английской набережной, то не вижу более этой надписи, а в тех комнатах, где хранились румянцевские коллекции, наслаждается жизнью герцогиня Зина.

7 [февраля]. Пятница. Завтракают два французских сенатора Lesueur и Decauville. Они приехали предложить правительству постройку Сибирской дороги до Владивостока с обязательством внести всю могущую понадобиться на это сумму (около 300 млн. руб.[21]). Мне представляется сомнительным успех их предложения, но они исполнены надежд. Дековиль — изобретатель узкоколейной, переносной железной дороги, весьма милый, образованный человек.

Зять мой Бобринский, назначенный председателем думской комиссии о злоупотреблениях по покупке муки, выражает убеждение, что злоупотребления несомненно были, но что представить тому категорические доказательства невозможно, и что «влиянием городской головы» дело кончится ничем[22].

* «Он ходил по комнате и произносил ужасные слова, которых я никогда от него не слышала. Он говорил: «Макар... Макар».

8 [февраля]. Суббота. По предварительно испрошенному Победоносцевым согласию приезжает к моей жене англичанка Марсден, которая с первых слов выдает себя за продувную промышленницу. Слова эти заключаются в том, что она была в Сибири, в Якутской области, где отыскала целое население прокаженных, благосостояние коих намеревается улучшить постройкой для них церкви. О всем этом на прошлой неделе в течение $1^1/_2$ часа докладывала императрице, которая пожертвовала 1 тыс. руб., велела объехать весь город, собрать побольше денег, потом привезти императрице список полученных ею сумм с указанием того, что дано каждым отдельным лицом, и тогда по скоплении известного капитала императрица станет во главе этого благотворительного предприятия.

Придя в Совет, укоряю Победоносцева за рекомендование подобных личностей, но он уверяет меня, что это лишь проявление свойственной английскому характеру оригинальности.

В соединенных Департаментах горячее прение о 69-й статье проекта о городовом положении, по которой министру внутренних дел предоставляется право отменять всякое распоряжение всякой думы и заменять его своим собственным. По настоянию Н.С. Абазы устанавляется перенос дела в Сенат, когда есть нарушение закона, в Совет, когда речь идет об обложении, в Комитет министров, когда нарушены интересы правительства или населения постановлениями дум губернских или более значительных уездных городов, и только постановления этой последней категории, состоявшиеся в думах мелких уездных городов, оставлены на произвол министра. Решительно главная задача Совета обезвреживать вносимый к нему проект.

В Париже умер член Государственного совета обер-камергер гр. Хрептович, человек довольно ничтожный, выдвинувшийся тем, что был женат на дочери гр. Нессельроде. В последние годы последнего царствования он состоял в числе приближенных царедворцев, игравших с государем в карты и ездивших с ним на охоту. В нынешнее царствование он не приезжал из-за границы.

9 [февраля]. Воскресенье. Охота в Колтушах с Дековилем. Интересные сообщения об изученном им проекте постройки Сибирской железной дороги.

10 [февраля]. Понедельник. Зимний парад с горячим в нем участием председателя Совета, потому заседание Общего собрания начинается в 2 часа. Спрашиваю Евреинова, временно управляющего Министерством путей сообщения, как он справляется с сумасбродным Вендрихом. Отвечает, что был весьма доволен приемом государя, который категорически разъяснил ему, что Вендрих состоит под начальством его, Евреинова, управляющего министерством, но что в воскресенье вечером им была получена от государя присланная от Вендриха телеграмма, требовавшая немедленного увольнения 9 лиц, служащих на южных железных дорогах. На телеграмме государя была помета: «Немедленно исполнить». Евреинов написал государю, что просит дозволения представить объяснения, но на это последовал такой ответ: «Сперва исполните, а потом можете представить объяснение». Между тем такое исполнение имеет последствием изгнание из службы и лишение куска хлеба людей, много лет беспорочно прослуживших и пользующихся хорошею репутациею. Передаю это все военному министру, который завтра имеет доклад у государя и, как говорят, пользуется теперь его расположением.

После заседания по обыкновению разговор в великокняжеском председательском кабинете. *Вел. кн. Михаил Николаевич:* «Да кто рекомендовал государю этого Вендриха?» *Я* (указывая на вел. кн. Владимира): «Да в городе говорят, что и его императорское высочество не чужд этому назначению». *Вел. кн. Владимир Александрович:* «Я только сказал, что военное ведомство было довольно сношениями с Вендрихом, сказал это по засвидетельствованию Бобрикова (начальника штаба), который теперь говорит мне, что Вендрих хлыщ и на самостоятельную должность назначен быть не может».

Оставшись вдвоем с вел. кн. Владимиром, упрекаю его в том, что он навязывает императрице в почетные опекуны Блока, бывшего командира конной гвардии, человека во всех отношениях пошлого, без всякого достоинства, прибегающего к денежным займам без отдачи у приятелей, и т. п. Перехожу отсюда к вечному давнишнему обвинению вел. князя в равнодушии и к нравственному достоинству людей и вообще к пользе отечества. *Вел. князь:* «La patrie se débrouillera». *Я:* «Seulement je voudrais qu'elle se débrouille avec sa dynastie régnante en tête»*.

Посылая государю меморию, пишу письмо, в котором напоминаю о существовании Исторического общества, хотя при громадности занятий его величества считаю почти неуместным такое напоминание. Обед у Монтебелло с мелкими дипломатишками.

11 [февраля]. Вторник. Получаю ответ от государя: «Можно собраться у меня в четверг 27-го в 9 час.»

Еду в свое Рисовальное училище, чтобы ускорить представление Месмахером проекта для постройки на Фонтанке, а также чтобы проверить исполнение библиотекарем моих распоряжений по библиоте-

* *Вел. князь:* «Родина сама выпутается». *Я:* «Я бы только хотел, чтобы она выпуталась во главе со своей правящей династией».

ке, которую почитаю могущественным образовательным для русской публики орудием даже и независимо от училища.

12 [февраля]. Среда. Абаза присылает мне для прочтения журнал Комитета министров, в коем по поводу отменяемых Комитетом распоряжений министра внутренних дел, распоряжений, заключавшихся в запрещении перевозить хлеб из одного уезда в другой, Комитет министров приводит на справку взгляды правительства в 1833-м и 1840 гг. в борьбе с голодом, основанные прежде всего на неприкосновенности свободы торговли хлебом[23]. Правда, тогда во главе управления стояли люди гораздо более образованные, чем ныне.

13 [февраля]. Четверг. Старший сын мой и зять Бобринский уезжают помогать голодающим в Тамбовской губернии. Советую Бобринскому взять дело пошире и обратить внимание на причины голода, не ограничиваясь раздачею пособий.

14 [февраля]. Пятница. Захожу к кн. М. Барятинской (рожденной Барятинской), только что приехавшей из Курской губернии и пораженной тем, сколько в провинции встречается дельных людей. Петербургское чиновничье правительство должно бы проникнуться этим убеждением.

Абаза сообщает о назначении министром путей сообщения Витте. Вышнеградский, достигнувший этого назначения, рассчитывая иметь в министре путей сообщения подчиненного себе приказчика, утверждает, что в течение 10 дней государем был назначен на место министра глупый Вендрих, натворивший непростительную путаницу.

15 [февраля]. Суббота. Приезжает Анненков, которому Витте сообщил о своем назначении. К нему же, Анненкову, пришел сегодня утром Корф, генерал-губернатор Восточной Сибири, и сказал, что наследнику удалось уговорить государя согласиться на постройку Сибирской дороги французами и принять представителя этих французов Lesueur и Decauville, ныне здесь находящихся[24].

16 [февраля]. Воскресенье. По поводу полученного от Вышнеградского журнала Финансового комитета, в котором написаны никогда не высказывавшиеся в заседании соображения, еду к Бунге, который бранит Вышнеградского, но не решается выступать категорически, а требует лишь, чтобы в журнале мнение каждого члена было изложено отдельно, чего в прежнее время не делалось. Я настаиваю на необходимости исключить из журнала заявление о том, что Вышнеградский покупал и продавал золото и таким манером приобрел 4 млн. казначейству. Я не сомневаюсь в том, что он наживает барыши, но не желаю, чтобы его аферничанье, будучи упомянуто в журнале Финансового комитета, получило хотя и косвенно нашу санкцию[25].

Протасов рассказывает, что императрица слушала в Зимнем дворце кантату, пропетую воспитанницами женских институтов и написанную Рубинштейном по случаю 25-летия свадьбы их величеств. Пред этим почетные опекуны поднесли императрице чернильницу в память 25-летней ее службы по учреждениям императрицы Марии. Поднесение чернильницы сопровождалось чтением адреса, которое весьма рассердило государя за то, что на все это не было предварительно испрошено его разрешение. Неудовольствие по этому поводу он выразил категорично и громко, свое неудовольствие за то, что на поднесение адреса императрице не было предварительно испрошено его разрешение.

В 6 час. приезжают ко мне французы Lesueur и Decauville и рассказывают о том, как они были приняты в этот день государем. Прием начался с того, что государь объявил им, что правительством еще в прошлом году решено строить Сибирскую железную дорогу казначейскими средствами, а не концессионным способом. Такое заявление их несколько озадачило, «mais nous nous sommes dit qu'il fallait rattraper la conversation»*. Тогда они отвечали, что такого содержания прошлогоднее решение им известно, но что с прошлого года многое переменилось. Происшедшее по поводу кронштадского свидания[26] между Россиею и Франциею сближение заставляет Францию желать, чтобы Россия была в состоянии весь избыток средств своих употребить на усиление свое по западной границе, что на эту цель могли бы быть употреблены все суммы, предназначавшиеся для постройки Сибирской линии, а Сибирская дорога могла бы быть построена на деньги, имеющие быть внесенными тем синдикатом банкиров, коего они состоят представителями. Затем они указали на ту пользу, которая произошла бы для Сибири не только от сооружения нового пути сообщения, но от развития механических и металлических производств, связанных с таким огромным сооружением. В заключение разговора государь сказал им, что многое зависит от соображений министра финансов, но что ввиду высказанных ими обстоятельств дело будет подлежать новому пересмотру[27]. По выходе их из кабинета государя они были приглашены в гостиную императрицы, где весьма любезно приняты были в течение минут десяти.

Узнав, что они намерены на следующий день отправиться к Вышнеградскому, я посоветовал им для приобретения его содействия предложить ему взять на себя помещение 200 млн. франков находящегося в Париже обратно скупленного им последнего неудавшегося займа.

* «Но мы решили про себя, что надо возобновить разговор».

Анненков сообщает со слов Витте, что государь выразился так о Евреинове: «Это человек, который не знает, с кем говорит».

17 [февраля]. Понедельник. Заседание соединенных Департаментов по законопроекту о городовом положении. Товарищ министра народного просвещения кн. Волконский настаивает на том, чтобы городские думы платили деньги, нужные на содержание школ, но чтобы все по школам распоряжения делались чиновниками Министерства народного просвещения. Ему возражают, что тогда не будет школ, и в доказательство пользы, приносимой делу народного образования городскими управлениями, выставляют, что до введения городового положения в Петербурге[28] было 14 школ и в них 800 учащихся, а теперь 290 школ и 14 тыс. учащихся. Присутствующий при этом Островский восклицает, что об этом нужно сожалеть, а не радоваться.

Победоносцев рассказывает о неудовольствии государя на Евреинова, осмелившегося ему высказать правду о Вендрихе. Осуждая теперешний образ действий государя, сообщает, что после отмены приема в Новый год он, Победоносцев, писал государю о необходимости принять дипломатический корпус, хотя бы за обедом, но что письмо это осталось без последствий.

Обедает у нас Протасов и получает неожиданное уведомление о внезапной смерти мною рекомендованного ему директора канцелярии Кочукова, человека весьма умного, работящего, энергического, которого я нашел товарищем прокурора судебной палаты во время моей там ревизии.

18 [февраля]. Вторник. Сергей Татищев приходит условиться относительно издания донесений Савари, кои он достал в парижском архиве иностранных дел. Татищев — человек весьма умный и даровитый, но слишком самолюбивый и потому не ужившийся в дипломатической карьере. Из секретаря посольства в Вене он сделался теперь журнальным сотрудником и, работая в «Русском вестнике» и «Новом времени», зарабатывает около 10 тыс. руб. ежегодно. По его словам, Суворину «Новое время» дает 300 тыс. дохода. Самая распространенная газета «Свет», руководимая гр. Игнатьевым, но в финансовом отношении управляемая так неумело, что не дает дохода вовсе.

Протасов приезжает сообщить о полученном им от государя приказании немедленно уволить от службы почетного опекуна Барановского, которому 72 года от роду и который живет уже 5 лет в бессрочном отпуску.

Заходит вел. кн. Владимир Александрович. Рассказываю ему, что мне известно о постройке Сибирской дороги, и высказываю мысль, что надлежало бы учредить специальный под председательством наследника цесаревича комитет, который бы занялся сначала изучением вопроса о постройке, а затем и самою постройкою. Владимир Александрович отвечает, что это было бы весьма кстати, потому что цесаревич тяготится бездействием.

А между тем председатель Географического общества Семенов просил о назначении наследника почетным председателем общества на место умершего Константина Николаевича, но от государя последовал такой ответ, что цесаревич слишком занят, и председательство это отдано вел. кн. Николаю Михайловичу.

Обедают французы Lesueur и Decauville. Сообщают, что Вышнеградский очень обрадовался их предложению заняться поправлением результатов неудавшегося займа и тотчас, говоря о Сибирской линии, как о деле решенном, начал обсуждать технические подробности исполнения. Когда французы сказали, что об этом намеревались говорить с министром путей сообщения, то Вышнеградский отвечал им, что новый министр путей сообщения его человек и что с кем из них обоих говорить, все равно, что Витте надо дать недели две, чтобы осмотреться, а что он, Вышнеградский, знает железнодорожное дело не хуже Витте. Для устройства дела о 200 млн. Дековиль немедленно уезжает в Париж. Видя, какое впечатление на него произвел Вышнеградский, я распространяюсь о плутнях Кристофля — главного директора парижского поземельного кредита. Дековиль меня спрашивает: «Vous connaissez m. Cristofle?» *Я:* «Non, je ne l'ai jamais vu». *Дековиль:* «C'est absolument le portrait de m. Vichnegradsky»*, и затем в течение разговора прибавляет: «En partant pour Paris, je laisse ici m. Lesueur, qui a le doigté très délié» (sic)**.

Монтебелло сидит во весь вечер и высказывает свое убеждение о необходимости какого бы то ни было между Франциею и Россиею, на случай столкновения с Германиею, соглашения.

19 [февраля]. Среда. Приезжает Витте являться по случаю назначения министром путей сообщения в мундире. Объясняю, что в мундире ездят только к высшим, а что я для него не высший. По-видимому, очень умен, сдержан, будет полезен в своем ведомстве, но в смысле честности, добросовестности не внушает никакого доверия. Спрашиваю его, присоединит ли к своему министерству Тарифный департамент, которого был начальником. Отвечает, что, конечно, отказываться от такого присоединения не будет, но что инициативу такого присоединения всецело предоставляет Вышнеградскому.

---

*«Вы знаете г-на Кристофля?» *Я:* «Нет, я его никогда не видал». *Дековиль:* «Это точный портрет г-на Вышнеградского».

**«Уезжая в Париж, я оставляю здесь г-на Лесюера, у него большая сноровка» (так).

Анненков рассказывает, что на днях вице-директор Министерства путей сообщения некто Изнар в ресторане «Кюба» сказал по поводу назначения Витте министром: «Да, это распоряжение Павла Петровича; скоро нам придется при встрече на улице с государем выходить из карет, чтобы ему кланяться». На другой день Изнар был уволен от службы.

Обед у вел. кн. Михаила Николаевича с обер-гофмаршалом (по имени только) кн. Трубецким. После обеда интимный разговор втроем.

Военный агент в Берлине Голенищев-Кутузов назначен гофмаршалом на место покойного Оболенского. Он будет лишь исполнителем приказаний вдовы покойного именитой Сандры.

20 [*февраля*]. Четверг. В 10 час. вынос тела Кочукова. Оттуда по соседству захожу к Протасову и предлагаю назначить на место Кочукова давно служащего при мне и близко мне известного Кауфмана, сына генерал-адъютанта. Человек этот полон благородных стремлений, весьма умен, быть может, не имеет достаточной административной опытности, но дела канцелярии, ему поручаемые, нисколько не сложны и требуют лишь здравого смысла.

Протасов с удовольствием принимает мое предложение и в этот самый день едет доложить о том императрице. На лестнице его ожидает аничковский фаворит Шереметев и передает ему памятную записку с просьбою назначить директором канцелярии какого-то своего кандидата; в приемной комнате камер-фрау Флотова повторяет тот же маневр и при этом читает Протасову нотации о том, как он вообще должен управлять своим ведомством, особенно же настаивает Флотова на увольнении двух начальниц женских институтов, на место коих она желает назначить покровительствуемых ею лиц. На днях, по приказанию императрицы, назначен почетным опекуном ген. Дершау исключительно за то, что он брат Флотовой.

Протасов вовсе не знал этой Флотовой, но при одном из первых его в Гатчине докладов она пришла к нему в комнату, где он останавливался, заявила, что она родилась в один день с датскою королевою, состоит с нею в близких отношениях и постоянной переписке, а затем начала предъявлять всякие требования.

Получив от императрицы немедленное согласие на назначение Кауфмана, Протасов сказал ей, что в четверг у него в доме концерт с благотворительною целью и что он просит позволения пригласить вел. княжну Ксению Александровну. Императрица отвечала, что не отпускает никуда дочь свою без себя, и обещала сама приехать.

21 [*февраля*]. Пятница. Саша приезжает из Моршанска, чтобы взять Софью и с нею возвратиться в Кулики помогать голодающим.

Побыв в Тамбове, он оттуда приехал на санях в имение Кулики и по дороге не был поражен нуждою населения; гораздо более его поражают губернатор Рокасовский, который был преимущественно занят блинами и шампанским, и вице-губернатор Чоглоков, который хлопочет об устройстве клуба для катанья на коньках и стреляния голубей.

Заезжает ко мне приехавший на днях из Варшавы Гурко. Он очень мрачен и относительно возможности восстания в Польше и относительно воинственных приготовлений Пруссии. Он (как я слышал) подал записку на ту тему, которую мне развивал 10 лет тому назад Дмитрий Мирский, а именно, что мы напрасно выставляем на западную границу такие массы войска, кои не могут получить в случае мобилизации следующих им контингентов в такой же срок, как пруссаки, и, следовательно, мы рискуем потерять свои кадры, как французы под Седаном. Лучше было рассчитать, на каком пункте отступления наша армия может оказаться в достаточных для борьбы с пруссаками силах, и на этом расчете основать операционный план защиты[29].

Абаза сообщает полученное от Вышнеградского известие о назначении наследника цесаревича членом Финансового комитета. Гирс говорит, что имеет надежду, что государь, ехав на свидание с датским королем[30] для празднования золотой свадьбы последнего, заедет в Берлин для свидания с германским императором, хотя до сих пор императрица упорно тому сопротивляется.

После смерти покойного цесаревича Николая Александровича вел. кн. Елена Павловна громко говорила, что управление государством должно перейти к Владимиру Александровичу.

22 [*февраля*]. Суббота. Заседание соединенных Департаментов по проекту городового положения. Горячий спор с Волконским о городских школах. Какой недобросовестный, лишенный прямоты и благородства человек!

Саша с Софьею уезжают в Моршанск.

Когда умирал вел. кн. Константин Николаевич, то во время агонии вел. кн. Александра Иосифовна приказала пустить к нему прощаться с умирающим всех многочисленных слуг вел. князя. Каждый из них подходил к нему и целовал его, причем умиравший выказывал насколько мог неприятное чувство, производимое этим беспокойством. Гр. Комаровская, гофмейстерина вел. княгини, попробовала уговорить ее отменить это мучение, но вел. княгиня отвечала: «C'est une réparation»*.

* «Это возмещение за прежнее».

23 [*февраля*]. Воскресенье. Протасов приезжает прямо от государя, от которого получил согласие на назначение Кауфмана директором канцелярии. При этом Протасов возбудил объяснение по предмету неудовольствия государя за поднесение адреса императрице. Государь сказал: «Это была виновата императрица, которая меня не предуведомила».

Приезжает и Кауфман-отец благодарить за мое участие в назначении сына. Благородный, честный человек, занимавший по военному ведомству такие места, на коих наживаются состояния, и всегда сохранявший незапятнанное имя. Теперь в Совете равным образом неизменно добросовестно исполняющий свои обязанности, несмотря на преклонные лета.

Вел. кн. Михаил Николаевич приходит с визитом к жене моей. Разговор по обыкновению мало содержателен. Доволен тем, что наследник цесаревич занимается в артиллерийской батарее.

Пишу Дубровину, чтобы в предстоящем у государя чтении выбросил то, что предполагал читать о декабристах[31]. Весьма предупредительно соглашается.

24 [*февраля*]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Рассказывает, что к нему являлся Витте и на вопрос о том, что он намерен предпринять с наделавшим такую неурядицу Вендрихом, отвечает, что Вендрих пустой, неуживчивый человек, что он наделал много вреда, но что прямо о том говорить государю невозможно, а потому Витте намеревается заставить самого Вендриха расхлебывать заваренную им кашу, т. е. распоряжаться эксплуатациею до тех пор, пока его бездарность и вред действий сделаются осязательными для государя.

В Совете. Я, обращаясь к военному министру Ванновскому: «Что у Вас такое желтое лицо? Опять кишки?» *Ванновский:* «Нет, но не сплю ночей, думая о том, что пруссаки не могут не объявить нам войны, зная наше теперешнее положение; если они этого не сделают, то они или совсем глупы, или страшные трусы; а между тем они ни то ни другое».

25 [*февраля*]. Вторник. Представление в мундирах новому сочлену нашему по Финансовому комитету. Являемся в комнате Департамента экономии: председатель Абаза приветствует его несколькими словами, Вышнеградский заявляет, что на днях будет заседание Комитета для обсуждения заключения нового займа, необходимого при теперешних тяжелых обстоятельствах[32]. Цесаревич говорит, что о назначении своем в Финансовый комитет узнал из бумаги по сему предмету, полученной от министра финансов. О существовании Комитета он прежде не знал.

26 [*февраля*]. Среда. Большой выход в Зимнем дворце по случаю дня рождения государя. В первый раз в нынешнее царствование. Толпа значительная. По выходе из церкви прием дипломатического корпуса в Георгиевском зале. После того baise-main* у императрицы для дам. Вернувшись домой, пишу отчет для годичного заседания Исторического общества.

27 [*февраля*]. Четверг. Прогуливаясь утром, встречаю Имеретинского, который подтверждает все слышанное мною об опасениях Гурко, кои сам разделяет.

Анненков приезжает проститься пред отъездом в Казань и Симбирск для наблюдения за производящимися под его наблюдением общественными работами[33]. На днях Витте сказал ему, что обещает полное содействие к постройке Сибирской и Сосьво-Вычегодской железной дороги.

В $8^3/_4$ [часа] в Аничковом дворце собираются: Грот, Бычков, Сергеевич, Дубровин, Победоносцев, Куломзин, Бестужев-Рюмин, Мартенс, Феоктистов, Веселаго, Бартенев, Гирс. Выходит вел. кн. Владимир Александрович и начинает с Бартеневым спор о том, что императрица Екатерина не была замужем за Потемкиным и что Бартенев не вправе печатать это в своем «Русском архиве»[34].

Цесаревич вызывает меня к государю, который спрашивает меня, не будет ли предложено новых членов. Отвечаю, что со стороны Совета не будет, если он сам не имеет кандидата. Государь выражает желание, чтобы избран был вел. кн. Константин Константинович, президент Академии наук. Докладываю, что приступил к печатанию донесений Савари Наполеону, что в них есть весьма любопытные, но щекотливые сообщения и что я прошу позволения присылать ему на пропуск то, что мне покажется сомнительным, соглашается[35]. Заседание проходит оживленно. Государь принимает участие, разговаривает с членами гораздо более прежнего.

28 [*февраля*]. Пятница. Еду во 2-м часу в Мраморный дворец к вел. кн. Константину Константиновичу объявить ему о вчерашнем избрании. Очень доволен. Говорит, что давно этого желал. Расспрашивает о том, как наше общество создалось. Рассказываю, как 26 лет тому назад в литературе существовали лишь бранные на нашу историю, на наш царствующий дом статьи, как обнародование серьезного материала дало возможность беспристрастно заниматься нашею историею, изменило тон писания ее.

Константин Константинович сообщает, что занят писанием истории Преображенского полка, коего состоит командиром. Приглашаю его взять на себя напечатание тома сборника из долженствующих хра-

---

* Обряд целования руки.

ниться у него материалов, принадлежавших отцу его. Жалуется на нескромность Семевского.

29 [февраля]. Суббота. В «Правительственном вестнике» напечатан высочайший указ об учреждении комитета под председательством Воронцова в качестве канцлера орденов для рассмотрения представлений о наградах, прежде чем представления эти восходят на высочайшее утверждение[36]. Другими членами Комитета назначены сенатор Гедеонов, член Государственного совета Розенбах, управляющий Собственною канцеляриею Ренненкампф, директор канцелярии Капитула орденов Панов и чиновник Собственной канцелярии Танеев. Указ этот производит неудовольствие, доходящее до раздражения в министрах, кои ничего о том не знали до напечатания указа. Конечно, можно было привлечь их к обсуждению этой меры, но они сами виноваты в том, что чрезмерностью своих представлений, с одной стороны, уронили значение наград, а с другой — обременили государя. Необходимо было урегулировать это наградное дело, хотя, может быть, урегулирование это произошло несколько насильственно и в некоторых отношениях не вполне обдуманно.

В соединенных Департаментах рассматривается окончание проекта закона о городовом положении. Разногласие происходит по вопросу о допущении евреев к участию в городском управлении. Проект допускает лишь, что в западных губерниях губернаторы будут назначать нескольких гласных из числа благонадежных евреев. Дурново пред заседанием шепчет на ухо каждому члену, что такова воля государя, а на заседании объявляет, что останется при этом мнении, хотя бы был один. Старший Абаза после продолжительных между остальными членами прений говорит, что вопрос получит окончательное решение, как государь решит его, но что здесь каждый из членов обязан высказать свое убеждение с полною откровенностью. Убеждение же его, Абазы, на этот раз противоречит мнению, высказываемому министром внутренних дел, потому что, хотя он, Абаза, и не приверженец, хотя он, напротив, не желает дать им в городском управлении преобладающего влияния, но достигнуть предполагаемых министром внутренних дел целей можно более разумными целями, а невозможно, выгнав евреев из деревень, согнав их в города, где они сосредоточили все свои имущественные интересы, лишить их всякой возможности защищать эти интересы[37].

С Дурново соглашаются Островский, Победоносцев и Тимашев. Заезжаю к старикам Бобринским и спрашиваю Александра, есть ли у него какие-либо намеки на то, что Екатерина венчалась с Потемкиным. Отвечает, что никогда того не слыхал и что в рукописной

биографии Потемкина, у него хранящейся и написанной Самойловым, никакого на то намека нет[38].

София Андреевна при этом рассказывает, что Александр II просил ее быть посаженою матерью на свадьбе его с Долгорукою. Она отказала на том основании, что никогда не была с государем в таких близких дружественных отношениях, кои могли бы давать ему право на такое требование.

Тогда ей было сказано, что за нею приедет карета поздно вечером и что она вернется с церемонии домой, так что никто никогда ничего не узнает.

Она отвечала, что во всю жизнь не выходила из дому иначе, как так, чтобы всякий мог о том знать.

2 [марта] *. Понедельник. На утренней прогулке встречаю инженера Кербедза — строителя Петроковской железной дороги. Делает любопытный расчет о том, сколько в России пропадает непроизводительного труда исключительно по причине множества пустых, бесполезных чиновничьих преград.

В 12 час. еду в Исаакиевский собор на молебствие по случаю восшествия на престол императора. Все вел. князья, множество военных и несколько гражданских чинов. Вечером Абаза рассказывает, что Дурново по вопросу, произведшему разногласие в субботу, испросил предварительно письменную высочайшую резолюцию.

1 [марта]. Воскресенье. Осматриваю вновь приобретенное рядом с ниточною фабрикою место для сооружения складочных магазинов и жилищ для служебного персонала. На обратном пути заезжаю к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Рассказывает, что был на панихиде в Петропавловской крепости, оттуда вернулся домой, не получив приглашения к завтраку у их величеств. Уже за вторым блюдом своего собственного завтрака получил по телефону приглашение приехать в Аничков дворец, что и поспешил исполнить!.. Идет в комнаты императора Александра II, в коих он скончался.

3 [марта]. Вторник. Вследствие вчерашнего праздника заседание Общего собрания Государственного совета перенесено на вторник. Согласно сему еду в 11 час. к вел. князю, которого равнодушие ко всему, что делается в Совете, принимает ежедневно большие размеры. В субботу рассматривался в соединенных Департаментах конец законопроекта о городском самоуправлении с вклеенным туда параграфом относительно евреев. Еще год тому назад председатель пришел бы послушать прения. Сегодня он поглощен исключительно заботами о свадебных со-

* *Запись за 2 марта дается в Дневнике ранее записи за 1 марта.*

ображениях своих сыновей, о своем собственном здоровье и т. п. Под впечатлением такого отношения его к делу я сообщаю ему о субботнишнем заседании, сопровождая свое сообщение припевом: «Как жаль, что Совет находится теперь в таком положении, что государь ничего не узнает о подробностях этого заседания». В прежние годы вел. кн. Константин Николаевич немедленно передал бы обо всем государю, повлиял бы на его взгляды, отклонил бы действие забегающих к государю министров и достиг бы правильного, по своему убеждению, решения, а теперь никто не решится сказать ни слова. «Я думал, — продолжаю я, — что полезно было бы уговорить цесаревича посидеть на этом заседании, полезно и для него самого и для дела, потому что он мог бы передать некоторые подробности прений государю, но я не имел случая его видеть». *Вел. князь:* «Да, это и не имело бы никаких последствий, потому что наследник боится своих родителей и не решается ни о чем говорить с ними. Мои сыновья нередко пробовали просить его, чтобы он передал государю то или иное, но он всегда отказывается».

За завтраком у вел. кн. Владимира Александровича хозяин дома, возле меня сидящий, спрашивает меня: «А что это за наградной комитет?» Вел. кн. Михаил Николаевич, сидящий на другом конце стола, с улыбкою, выражающею его неодобрение, говорит Владимиру Александровичу: «Да, да, спроси Алексея Александровича, он тебе расскажет». На что я замечаю: «Эти награды приняли такие безрассудные размеры, что пора было положить некоторые границы подобным злоупотреблениям и освободить государя от таких хлопот, несоответственных с лежащими на нем обязанностями». Мой мудрый Михаил Николаевич, услыхав мой ответ, пожал плечами и сказал «дипломат» на том основании, что я пред ним высказывал убеждение, что состав наградного комитета мог бы быть лучше.

Только что мы сели после завтрака в мою карету, чтобы ехать в Мариинский дворец, как мой председатель обратился ко мне с такою речью: «Какой Вы чудак, что Вы сказали Владимиру о наградном комитете». *Я:* «Не знаю, Ваше высочество, кто из нас чудак. Неужели Вы считаете возможным, чтобы я при 15 лицах, сидящих за завтраком, в том числе детях, няньках, адъютантах, мог повторять то, что говорю Вам с глазу на глаз?» *Вел. князь:* «Да, я не обратил внимания, что за столом сидел наследник».

После заседания Общего собрания по обыкновению вел. князья собрались в кабинете председателя, и здесь произошел следующий разговор.

Вел. кн. Михаил Николаевич, обращаясь к племянникам: «Вот, господа, Вы бы послушали, какое у нас произошло разногласие в субботу».

Вел. кн. Алексей Александрович: «Да, я слышал о том и нахожу весьма нежелательным в этом еврейском вопросе ставить опять государя в такое положение, что он будет иного мнения, чем большинство его советников, министров».

Михаил Николаевич: «Да, говорят, что министр внутренних дел заранее испросил высочайшее повеление о том, как этот вопрос должен быть решен».

Алексей Александрович: «В таком случае он должен был объявить это».

Я, обращаясь к внимательно слушающему цесаревичу: «Да, если допустить такой порядок испрашивания высочайших резолюций прежде внесения дела в Государственный совет, то следует уничтожить самый Совет, который делается излишним».

4 [*марта*]. Среда. Прогуливаясь утром, захожу к вел. кн. Алексею Александровичу. Разговор о происходившем накануне в заседании Комитета министров. Разбиралось в присутствии варшавского ген.-губернатора Гурко какое-то школьное дело. Филиппов стал произносить заученную заранее речь, остановился посредине, замолчал и сказал лишь, что потерял нить. Раздосадованный своим неуспехом, он удовлетворил себя грубостью, которую сказал председателю Бунге, почтеннейшему и скромнейшему человеку, который, отбирая мнения, сказал Филиппову: «А Ваше мнение заключается в том-то», на что Филиппов возразил: «Я еще не сошел с ума».

Подобная выходка доказывает лишь, в какой степени поднимает голову эта шайка канцелярских пролетариев, самым отвратительным и пошлым представителем служит аптекарский сын по происхождению, семинарист по образованию и циник по нравственности и подлому подобострастию пред тем, кто может быть ему полезен, — Филиппов. Шайка эта уверяет государя, что она проводит в управлении первенствующее значение дворянских элементов. Очень надо быть наивным, чтобы этому верить.

5 [*марта*]. Четверг. В Мариинском дворце встречаю Ренненкампфа, который рассказывает, что учреждение комиссии для рассмотрения представлений о наградах вызвано злоупотребительными излишествами, коими в особенности отличались представления министров внутренних дел и финансов. Между прочим, был один такой случай, что по одному ведомству государь отказал в Анненской ленте какому-то чиновнику, который не позже как чрез месяц спустя получил ту же ленту, будучи включен в представление министра внутренних дел.

6 [*марта*]. Пятница. По законопроекту о городовом положении произошло разногласие лишь в одном пункте о правах евреев на уча-

стие в городском управлении. Министр внутренних дел заявил, что считает возможным допускать евреев лишь в западных губерниях и притом по назначению губернатора; во всех остальных местностях, не исключая тех, в коих еврейская оседлость допущена, евреи никакого участия иметь не должны.

Поговорив с Плеве, я узнал, что резолюция эта есть повторение резолюции, написанной государем на какой-то записке, поданной Дурново государю.

Отправляюсь к Дурново, который, действительно, вынимает из ящика записку от него государю, представлявшуюся с резолюцией, точного текста коей не припомню, но смысл коей вполне соответствует мнению, заявленному Дурново в соединенных Департаментах Совета.

Не сомневаясь в том, что в случае разногласия резолюция эта перейдет в закон, стараюсь убедить Дурново согласиться на следующее: 1) чтобы допущение евреев к участию в городском управлении имело место не в одних западных губерниях, но во всех тех местностях, где евреям жить дозволено, 2) чтобы лица, к тому избираемые, не были назначаемы единоличною властью губернатора, а чтобы губернские управы составляли списки евреев, имеющих право участия в городском управлении, а затем губернские по городским делам присутствия из этого списка избирали определенное число гласных, 3) чтобы допустить участие в городском управлении и в тех местностях, где евреям селиться запрещено, но где некоторым избранным категориям евреев это в виде исключения дозволяется. Эти категории по численности своей так ничтожны, что, например, в Петербургской городской думе присутствует лишь один еврей банкир Гинцбург.

Против последнего предположения Дурново высказывается категорически, но с первыми двумя соглашается[39].

На приведенный мною пример Гинцбурга Дурново отвечает, что пример этот, напротив, доказывает опасность еврейского влияния, потому что за последние годы всякий раз, когда начинались беспорядки в университете, Гинцбургу была сообщаема угроза высылки и беспорядки тотчас прекращались[40].

Обедаю в клубе с вел. кн. Владимиром Александровичем и Абазою, которому передаю подробности соглашения, достигнутого с Дурново. Абаза присоединяется к этому компромиссу, после чего можно считать разногласие устраненным.

7 [*марта*]. Суббота. В 9 час. утра иду к Воронцову, зная, что в этот день он едет по обыкновению в Гатчину со всеподданнейшим докладом. Уговариваю его предложить государю передать в новый наградной комитет все дело об уничтожении чинов, несколько лет тому назад мною возбужденное, в Государственный совет внесенное и здесь застрявшее вследствие тупого сопротивления министров-чиновников с гр. Толстым во главе[41]. По возвращении с доклада Воронцов сообщает мне, что государь вполне одобрил мою мысль.

Обедаю у Протасова с Бунге, Верховским, Кочуковым*.

8 [*марта*]. Воскресенье. Приходит к нам завтракать вел. кн. Алексей Александрович, с тем чтобы после завтрака рассматривать старинные увражи французских архитекторов прошлого столетия и выбрать такой, на основании которого переделать одну из гостиных своего дворца. Избирает Мейсонье. Я рекомендую ему для этой работы архитектора Маршнера, строящего мне дом в Раптях по гравюрам Опенора. Навещаю хворающего вел. кн. Михаила Николаевича, который очень занят свадебными замыслами своего сына Георгия, желающего жениться на дочери герцогини Эдинбургской Марии Александровны.

9 [*марта*]. Понедельник. В Общем собрании Совета председательствует Абаза вследствие болезни вел. князя. После заседания совещание соединенных Департаментов об участии евреев в городском самоуправлении; составляется единогласие.

Еду сообщить об исходе дела вел. князю, который, впрочем, довольно равнодушно выслушивает мои сообщения.

10 [*марта*]. Вторник. Завтрак с английским послом Морьером в Новом клубе, что было мною ему давно обещано. Человек очень умный, но грубый и вовсе не на месте в дипломатической карьере, постоянно проговаривается относительно своего к России недоброжелательства.

11 [*марта*]. Среда. Совещание с Кахановым о том, как повести дальше дело об уничтожении чинов. Полагаем необходимым выработать план мер предварительных, которые облегчили бы самое уничтожение чинов. Захожу к все хворающему вел. князю, у которого ежедневно собирается раут молодых дам и во главе их кн. Барятинская (рожденная Орлова-Денисова), открыто живущая с старшим сыном вел. князя и замечательная по лакейству своих чувств, прикрываемому внешностью независимости речи; самая же независимость ничего более, как грубость в отношении тех, от кого ей ожидать нечего.

12 [*марта*]. Четверг. Еще разговор с Ренненкампфом о том, как устроить дальнейший ход дела об уничтожении чинов. Наградная комиссия завалена работой, и притом состав ее не довольно авторитетен; лучше восстановить прежнее существовавшее по сему предмету

* *Так в подлиннике. О смерти Н.М. Кочукова сообщается в записи от 17 февраля 1892 г.*

совещание, а на место умершего Танеева назначить председателем канцлера орденов гр. Воронцова-Дашкова, уже председательствующего в наградной комиссии.

Разговор с амурским ген.-губернатором Корфом. Он добивается постройки Сибирской железной дороги, но имеет мало надежды достигнуть цели.

Приехавший с Кавказа Ауербах рассказывает о тамошней неурядице, о неопределенности прав поземельного владения и в особенности о пошлых распоряжениях Островского, преследующего две цели: демократическую разорганизацию и собственное возвеличение и чванство.

13 [марта]. Пятница. Завтракаю вдвоем с Воронцовым в клубе. Уговариваемся относительно античиновничьего совещания, решаем включить в число членов Розенбаха для вопросов, соприкасающихся с военною службою. Читаю ему составленный мною по сему предмету всеподданнейший доклад.

14 [марта]. Суббота. Еду с Воронцовым в Гатчину. В приемной у государя дожидаюсь вместе с вел. кн. Дмитрием Константиновичем, дежурным флигель-адъютантом, который рассказывает подробности только что окончившегося в суде процесса об убийстве, совершенном в казармах Конного полка. Картина, раскрываемая процессом, отвратительна и страшна. Дмитрий Константинович старается объяснить многое неудобством устройства казарм, в коих живет более 600 человек постороннего народа[42].

Прием у государя по обыкновению весьма любезный. Прежде всего дело уничтожения чинов. Он решился это сделать и готов идти вперед решительно. Останавливаю внимание на оппозиции всего чиновничьего люда; вкратце напоминаю ход дела и, сколько приличие позволяет, посылаю загробные комплименты гр. Толстому. Прошу позволения не докладывать Совету представление министра внутренних дел об ограничении права отчуждать крестьянские наделы[43]. Выставляю неудобство касаться этого вопроса в голодный год. *Государь:* «Да, вероятно, министр внутренних дел и не настаивает на скорейшем разрешении этого представления». *Я:* «Нет, не настаивает». *Государь:* «Ну, так можно приостановиться докладом».

Упомянув вкратце о положении дел в Совете, молчу. Тогда государь заговаривает о лежащем у него на столе томе бумаг Н.П. Панина, издаваемом кн. Мещерскою, испрашивающею разрешения на выпуск этого тома[44]. Государь не видит препятствий к их обнародованию. Я молчу.

Государь говорит о здоровье Гирса, внушающем ему большие опасения: «На этом месте нужен представитель традиций». *Я:* «Думаю, государь, что традиция и уважение к ней необходимы во всех отраслях управления».

В заключение разговор касается назначения цесаревича членом Финансового комитета.

Позавтракав у Черевина, еду в Петербург и, разумеется, немедленно отправляюсь к вел. кн. Михаилу Николаевичу, который раздосадован на меня за то, что я ездил к государю, несмотря на то что поездка эта была сделана с согласия его самого. Выражает свое неудовольствие тем, что говорит мне несколько колкостей, что в особенности неуместно потому, что происходит в присутствии весьма милой, но не имеющей никакого отношения к делу молодой кн. Юсуповой.

Говоря о своем докладе у государя, я забыл записать, что по поводу вопроса об уничтожении чинов я сказал ему: «Если Вы, государь, в царствование свое уничтожите чины, общинное владение да половину праздников, так оставите после себя совсем другую Россию». Из его ответа можно было вывести заключение, что чины он готов уничтожить, общинного владения касаться не решается и в некоторой степени ему сочувствует, сокращение числа праздников почитает делом затруднительным.

16 [марта]. Понедельник. Обычный завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. После Общего собрания Совета заседание Финансового комитета в кабинете председателя Комитета министров. Так как цесаревич присутствует в первый раз, то председательствующий Абаза, приветствуя его, очерчивает деятельность Комитета, напоминая его заслуги. Неблаговоспитанный контролер Филиппов из соседней залы Совета приходит в Комитет чрез 5 минут после начатия заседания и не извиняется ни пред кем, не исключая наследника. Вышнеградский выставляет свои необыкновенные заслуги, приведшие финансы в превосходное будто бы положение, но видит в голоде преграду дальнейшим своим успехам. При этом Вышнеградский указывает на затруднительность положения в особенности потому, что не усматривает в настоящее время возможности делать ни внутренних, ни внешних займов. Абаза и Сольский делают ему комплименты и повторяют то, что им было сказано. Я высказываю мнение, что если внутри России не найдется капиталов для покрытия займов, необходимых для удовлетворения государственных потребностей, то я не разделяю взгляда, высказанного в Комитете, о невозможности получить нужные нам средства на иностранном денежном рынке. Если последние неблагоприятные события, как банкротство лондонского дома Беринг, расстройство дел Аргентинской республики и т. д., по-

влияли на заграничный биржевой рынок, то нельзя не принять во внимание, что рынок этот отличается чрезвычайною упругостью вследствие множества скопившихся в Европе капиталов, вследствие сильного развития промышленности, вследствие значительных сбережений, делаемых населением. Достаточно взглянуть на еженедельно выходящий нумер французской газеты «Économiste», помещающей всякий раз перечень того, что происходило в соответственные дни последних 5 лет, чтобы убедиться в том, как быстро меняются условия европейского денежного рынка. Чтобы воспользоваться им, для России необходимо одно: благополучно окончить операцию последнего неудавшегося займа в Париже. Скупленная русским правительством обратно часть выпущенного пред тем займа лежит бременем на успешной финансовой деятельности нашей, и я полагаю, что Иван Алексеевич Вышнеградский не откажется сообщить нам свои соображения по сему предмету[45]. Вышнеградский, зная по русской пословице, чье мясо кошка съела, покраснел до ушей и, рассчитывая на наивность наследника, начал говорить прежде всего о том, что все находящиеся у Министерства финансов за границею деньги хранятся вполне обеспеченными.

Такое заявление не имело никакого смысла, потому что я говорил не о деньгах, а скупленных им обратно листах последнего займа; причем выражал заботу не о хранении их неприкосновенными, а, напротив, о скорейшем их сбыте. Относительно существа самой этой операции и, можно прибавить, допущенных им при этом мошенничеств Вышнеградский сказал, что теперь производится окончательная по этой статье ликвидация счетов, о чем и будет представлено им Финансовому комитету в течение июня месяца. Иными словами: оставьте меня в покое, в июне месяце все вы разъедетесь. После этого утвердили несколько пустых представлений, о которых Вышнеградский имеет обыкновение писать журналы заранее.

17 [марта]. Вторник. Осматриваем вместе с Лобановым выставку акварелей в доме Общества поощрения художеств, представляющую, впрочем, мало интереса.

Заезжаю к старухе Паниной, которая очень сердита и на меня, и на Лобанова, приписывая нашему влиянию то, что государь не разрешил выпуск в свет последнего тома панинских бумаг, издаваемых кн. Щербатовою.

Я категорически ей заявляю, что Лобанов предварял кн. Щербатову о невозможности, по его мнению, выпускать в свет обвинения против Александра Павловича в том, что он, а не Панин стоял во главе заговора против Павла I и что я, с своей стороны, вполне разделяю

этот взгляд, хотя и не высказывал его государю, когда он говорил мне об этом томе[46].

Обвинение в цареубийстве, лежащее на памяти ее тестя, чрезвычайно смущает старую графиню, и она всячески старается при каждом разговоре со мною обвинение это рассеять. Она повторяет мне, что главною причиною опалы Никиты Петровича было нерасположение к нему императрицы Марии Федоровны, нерасположение, вызванное письмом к ней Никиты Петровича, в коем он резко высказал ей правду относительно ее собственного поведения. По вступлении на престол Николая Павловича его мать потребовала от юного императора клятвы, чтобы он никогда не позволял Н.П. Панину возвращаться в столицу. Император Николай строго исполнил свое обещание, но всячески старался личною любезностью в отношении других членов семейства смягчить суровость свою к Никите Петровичу. Этим объясняется быстрая карьера гр. Виктора Никитича, который при вступлении на престол императора Николая находился в Мадриде советником посольства и, получив известие о бунте 14 декабря, написал письмо гр. Нессельроде, прося перейти на службу внутри империи ввиду смутного времени.

18 [марта]. Среда. Возвращаюсь домой с обычной утренней прогулки, застаю у себя вел. кн. Константина Константиновича, который приехал просить, чтобы я отпустил для сопровождения за границу детей его служащего в Государственной канцелярии Зеленого. Я даю обычный ответ, что Зеленой может испросить какой ему понадобится отпуск.

Идем с Лобановым в Эрмитаж возобновить в памяти его превосходные коллекции. Оттуда проходим в внутренние покои Зимнего дворца и осматриваем комнаты, в которых умерли императоры Николай и Александр. Николай Павлович хотя и жил в 3-м этаже той части здания, которая выходит углом частью на Неву, частью на Адмиралтейство, тем не менее в последние годы он полюбил две крошечные комнаты в нижнем этаже того же корпуса, комнаты, выходящие на угол площади, составляющей углубление для подъезда, именуемого Салтыковским. Здесь он и скончался. Кровать, на которой он спал, на которой и умер, почти вполне перегораживает комнату; возле кровати стоит стол, два-три кресла. Все это носит печать отсутствия всяких удобств, отсутствия, до того усиленного, что представляется поневоле, со стороны обитателя этого помещения, желанием позировать. Такое произвели эти комнаты впечатление на меня.

Комната, куда принесли умиравшего Александра II, совсем иная. Она расположена во втором этаже окнами на ту же площадку, разме-

рами гораздо пространнее, имеет форму спальни, разделенной на две неравные части колоннами. В первой части стоят два письменных стола, один завален книгами, портфелями и т. п., другой, очевидно, служил для занятий покойного императора. Пред этим последним столом стоит еще стол, на котором установлены разные головные уборы императора Николая, его любимые кивера, фуражки. Посреди этой странной коллекции стоит в рамке изображение трех профилей, одного на другом, а именно: императора Александра II, императрицы Екатерины и Петра I. Разумеется, первый на первом плане и больше других по размерам.

Характерно!

Во второй части комнаты стояла постель, о которой покойный Боткин рассказывал мне, что, приходя к государю утром в 9-м часу, слышал обыкновенно такой ответ: «Еще почивают». Чрез несколько минут, однако, Боткина вводили, и он подходил к постели, на которой Александр II представлялся только что пробудившимся от сна, между тем, как Боткин узнал впоследствии, государь ночевал в верхнем этаже у княжны Долгорукой и лишь для Боткина спускался по подъемной машине. 1 марта истекшего кровью императора принесли и положили на эту же кровать, вынеся ее в первую, более светлую часть комнаты. Показывавший нам все это служитель утверждал, что в этот памятный день он не отходил от постели умиравшего, который с момента прибытия во дворец не произнес ни единого слова.

19 [марта]. Четверг. В соединенных Департаментах Совета слушается представление Протасова-Бахметева о предоставлении учреждениям императрицы Марии взимать сбор с театральных представлений[47]. Защиту этого спорного в существе своем представления прекрасно произносит товарищ главноуправляющего Верховский. Я очень доволен, что доброму, но неспособному к делам Протасову я мог рекомендовать такого способного, как Верховский, человека, правда, что для него деятельность затруднительна вследствие нерасположения к нему императрицы, наслушавшейся клевет Мальцева, Белосельского, Шереметева, Оболенского, но что же делать, если этой пустой женщине приглянее одни пустые люди.

20 [марта]. Пятница. В специальной комиссии Министерства путей сообщения слушается проект сооружения Сосьво-Вычегодской железной дороги, которая признается общеполезною[48].

21 [марта]. Суббота. В соединенных Департаментах слушается проект приамурского ген.-губернатора Корфа о заселении Уссурийского края[49]. Островский силится вводить общинное владение и временное наделение землею.

Лобанов дает обед в теплице каменноостровской дачи моего сына. Именитые гости — вел. кн. Владимир и вел. кн. Мария Павловна. За обедом и после обеда поют цыгане.

В этот вечер Владимир Александрович должен был ехать в Малый театр с вел. кн. Алексеем Александровичем. По обыкновению были приглашены их приживальщики шуты Бенкендорф и Ушаков. По приглашению дядей в театр приехал и наследник цесаревич. На следующий день государь сильно выговаривал братьям за то, что они показывают наследника публично с такими людьми, которых прячут в своих собственных домах во дни посещения им, государем.

22 [марта]. Воскресенье. Захожу к приехавшему из Перми Ники Долгорукому, которого рассказы весьма интересны и сходятся вполне с тем, что узнаешь по службе в Петербурге. Бездарность чиновничьего управления беспримерна.

Иллюстрациею такой бездарности служит министр внутренних дел Дурново, который на днях сообщал Абазе, что по настоянию государя он выразил согласие еще некоторое время оставаться на своем посту, но под одним условием, чтобы подати на будущее время собираемы были не деньгами, а хлебом! (sic).

Приехавший из Гродно командующий там дивизиею кн. Щербатов заходит просить доступа в архив Государственного совета для писания биографии Паскевича и при этом сообщает о страшной неурядице, отличающей распоряжения Генерального штаба на случай мобилизации. Например, его дивизия состоит из 8 тыс. человек, а в военное время будет вмещать 20 тыс. Он обязан по первой телеграмме идти на определенный пункт прусской границы. У него хранится обмундирование и вооружение для 12 тыс. человек, которые должны дополнить его дивизию, но что делать с этим обмундированием и вооружением, когда дивизия будет в ходу, решительно неизвестно.

23 [марта]. Понедельник. В Совете пробую объяснить управляющему Министерством путей сообщения неосновательность его представления о том, чтобы всем управляющим железными дорогами дать чины и должности на государственной службе. Он весьма заносчиво отвечает, что уже докладывал о том государю императору, что такова воля государя императора и т. д.

Посылаю государю меморию, в коей предполагается нарушить устав Еленинской больницы, предоставив попечительнице вел. кн. Екатерине Михайловне назначить директором лицо, не имевшее обязанностей начальника клиники.

24 [марта]. Вторник. Получаю обратно от государя посланную ему вчера меморию с отметкою, в коей выражается сомнение о том, имел

ли Совет право предлагать нарушение никем не измененного устава. Еду сообщить обо всем этом вел. кн. Михаилу Николаевичу. Так как отметка написана в тоне, для Совета не любезном, то предлагаю отметку не показывать, а послать государю доклад с указанием на то, что Совет уважил представление министра народного просвещения, сделанное гр. Деляновым с высочайшего одобрения.

25 [марта]. Среда. Возвращаются из Тамбовской губернии Бобринские, полные самых печальных рассказов о виденном, в особенности относительно бездарности и пошлости административных на местах лиц. В особенности замечателен губ. Рокасовский, который назначен на это место как лицо, близко известное министру внутренних дел, при коем он был вице-губернатором во время службы Дурново екатеринославским губернатором. Обед у Балашевых.

26 [марта]. Четверг. В соединенных Департаментах представление Островского о нефтяном промысле[50]. Эпиграфом могли бы служить слова: «Храни Бог Россию от крупных промышленников и вообще богатых людей. Чем серее и беднее толпа, тем чиновнику веселее». Вышнеградский уходит из заседания, жалуясь на головную боль, которая оказывается началом паралича мозга.

27 [марта]. Пятница. С Лобановым осматриваю медленно подвигающееся вперед строение нового музея своего Рисовальньного училища.

Получаю от государя свой доклад по делу о Еленинской больнице с простою отметкою: «Отклонить».

28 [марта]. Суббота. Заезжаю навестить хворающего Николаева, который мне рассказывает, что на днях захворал Бунге (председатель Комитета министров) и тогда Куломзин (управляющий делами) написал о том донесение государю, от коего донесение вернулось с такою отметкою: «Жаль этого бедного Бунге» (sic).

29 [марта]. Воскресенье. Неизвестный мне доселе Шумигорский приносит свою книгу о Марии Федоровне. Книга выше среднего уровня современных отечественных исторических сочинений[51].

Заехавший поблагодарить за подаренную ему собаку врач Красовский рассказывает о кой-каких своих при дворе похождениях, как, например, о том, как велел вскрыть обивку мебели в комнатах, где императрица должна была родить, причем в самой мебели оказались черви от гнили и нечистоты, но поступок вскрытия мебели был актом героического мужества, так как государь строго запрещает изменять что-либо в окружающей его движимости.

30 [марта]. Понедельник. В Совете Ванновский, разговаривая о пошатнувшемся здоровье Вышнеградского, резко осуждает его и сообщает, что не раз выставлял государю хищнические проделки этого

человека, а также замещение им родственниками своими всяких таких мест в Кредитной канцелярии, в разных банках, на коих можно наживаться самому и покрывать козни Вышнеградского. О Мещерском, пресловутом Вово, Ванновский утверждает, что произведенным по военному ведомству следствием доказано обвинение его [в] мужеложстве, что Мещерский приходил к нему, Ванновскому, просить у него прощения, причем Ванновский не подал ему руки и в глаза сказал ему, что его презирает.

Протасов, обедая у нас, рассказывает о том, как его преследует Дурново, добиваясь, чтобы Протасов выхлопотал у государя Александровскую ленту для некоего Алексеева, коему он, Дурново, должен деньги и коего он, Дурново, назначил почетным опекуном, несмотря на то государь в ходатайстве отказал.

31 марта. Годовщина смерти вел. кн. Ольги Федоровны. Посылаю узнать, что панихида в крепости в 2 часа, надеваю мундир и отправляюсь туда. Каково мое удивление, когда при входе в собор вижу одно царское семейство в сборе и ожидающее приезда императора. Собираюсь обратиться вспять, когда вел. кн. Михаил Николаевич указывает мне в другом углу церкви группу его адъютантов, к коим я и присоединяюсь.

В 4 часа за мною присылает вел. князь. Приехав к нему, узнаю, что из Петропавловского собора государь приехал к нему и тут он выпросил у него, согласно моей просьбе, назначение сенатором ст.-секретаря Шидловского. Одновременно государь объявил ему о назначении членом Государственного совета Пещурова, управляющего эмеритальною кассою морского ведомства. Отживший, бесцветный, хотя вполне честный и благородный человек.

1 апреля. Среда. Вел. кн. Владимир Александрович присылает мне бумагу, полученную им от гр. Воронцова, в которой сообщается, что им, министром двора, получено уведомление прокурорского надзора об окончании следствия над конференц-секретарем Академии Исеевым о растрате более 200 тыс. руб. денег, что растрата эта произведена вследствие доверия, оказанного Исееву вел. князем в нарушение законом установленного порядка, что посему прежде, чем отвечать прокурорскому надзору, Воронцов спрашивает заключения вел. князя.

Вел. князь в записке ко мне просит сообщить ему мое мнение. Я иду к нему и говорю, что я считаю возможным один лишь ответ, а именно, что он, вел. князь, признавая, что злоупотребление его доверием повело к растрате, принимает на себя пополнение растраченных сумм; относительно же ответственности Исеева полагает, что делу должен быть дан ход в установленном законами порядке.

Вел. князь вполне соглашается с моим мнением и просит заготовить ответную такого содержания Воронцову бумагу, что я и исполняю немедленно.

2 апреля. Четверг. Возвращается с Кавказа Анненков. Он поражен нищетою всех виденных им частей России, поражен последствием поражающей богатство в корне политики Вышнеградского*. Проездом чрез Москву Анненков имел случай слышать отзыв Захарьина о безнадежности состояния Вышнеградского.

Лобанов, посетив Гирса, сообщает, что нашел его в самом жалком положении здоровья. Гирс уверял его, что чувствует слабость своих сил и невозможность когда-либо возвратиться к деятельной службе. Выражает ему почти уверенность, что он, Лобанов, будет его преемником, и передает ему свою оценку как политического нашего положения, так и отдельных личностей, под начальством его, Гирса, находящихся.

3 [апреля]. Пятница. Товарищ министра финансов Тернер назначен временно исполнять должность уезжающего в Крым министра, который при этом запер в свой стол все важнейшие бумаги, а директору канцелярии Кобеко поручил наблюдать, чтобы никаких серьезных бумаг Тернеру из департаментов не подавали.

Тернер начитанный, но весьма ограниченный чиновник. О назначении его товарищем к Вышнеградскому мне очень остроумно сказал Победоносцев, что это та лампада, которая горела пред образом у нигилиста Желябова, когда его пришли арестовать. Тернер безукоризненно честный человек.

4 [апреля]. Суббота. Показываю двум старшим внучкам своим Бобринским Рисовальное свое училище, число учеников в коем превосходит ныне 900, когда первоначально все заведение рассчитано было на 200.

Решаемся купить дом Кассини, бывший Бибиковой на Дворцовой набережной с целью помещения в нем Нового клуба. Покупная цена 280 тыс. Невольно при этом вспоминаю, что дом моей матушки, занимающий половину Михайловской улицы (правда, более 40 лет тому назад), был продан за 200 тыс.

Зайдя к вел. кн. Владимиру Александровичу, узнаю, что он подписал и отправил Воронцову ответ, мною проектированный.

Светлая заутреня в Зимнем дворце. Обычное христосование с величествами, но между присутствующими обычай этот более и более ослабевает. Помню, как во времена молодости моей все наименее близкие между собою люди троекратно лобызались, теперь наиболее близкие выражают поздравления одним рукопожатием.

* *Так в подлиннике.*

Ст.-секретарь Ренненкампф — воротила новой наградной комиссии сообщает, что к празднику было сделано представление о награждении 2600 человек, из коих удостоены награды 300. Это весьма разумно, если правительство желает сохранить какую-либо цену за своими награжденьями.

Шидловский назначен сенатором. Это выходящий из ряду по способностям и нравственным достоинствам человек. Приняв решение во что бы ни стало уйти из государственных секретарей, я весьма доволен, что мог устроить судьбу этого ближайшего своего сотрудника, не оставив его в зависимости от случайности моего замещения.

5 [апреля]. Воскресенье. Изучаю проект Вышнеградского о подоходном и притом прогрессивном налоге. Во всей записке его чувствуется начало паралича мозга[52].

6 [апреля]. Понедельник. Зять мой Бобринский рассказывает, что был призван в комитет цесаревича для представления отчета о поездке своей на помощь голодающим в Тамбовской губернии. При этом Плеве предварил его, что его рассказ ни в коем случае не должен продолжаться более 20 минут. Тот же Плеве отказался опубликовать в «Правительственном вестнике» самые неприятные по содержанию места отчета, написанного Бобринским.

Лобанов обедает в Аничковском дворце в честь гессенского ген. Герца, приехавшего объявить о вступлении на гессенский престол нового владыки[53].

После обеда государь говорит с ним несколько минут и затем разрешает отправиться обратно в Вену, не приезжая более в Гатчину для прощальной аудиенции.

7 [апреля]. Вторник. Визит уезжающему в Баден-Баден Сольскому. Он свеж головою, но совершенно разваливается телом. Несмотря на то, желает сохранить за собою председательствование в Департаменте законов и на будущее время. Это образчик тех чиновников, кои под внешним образованием имеют одну лишь заботу — устройство своих делишек всякого рода.

Собирающийся уезжать Лобанов, полный искренней любви к отечеству, сокрушается о положении нашей политики за границею и в особенности полным расстройством служебного персонала в самом Министерстве иностранных дел. Бездарный, раболепный Гирс хлопочет лишь о том, как бы прокормить толпу ребятишек, не уступающих ему в бездарности.

8 [апреля]. Среда. Вел. кн. Михаил Николаевич вызывает меня в Мариинский дворец, где в этот день принимает участие в заседании Комитета министров. До его прихода застаю Владимира Александро-

вича, который в разговоре со мною пеняет на своего дядю за его бесхарактерное, трусливое в отношении государя поведение.

Входит вел. кн. Михаил Николаевич и обращается ко мне со словами: «Есть вероятие, что я поеду с императрицею на Кавказ для посещения Георгия Александровича. Но все это очень странно. Вчера был дежурным мой Георгий в Гатчине и государь его спросил: «А что, твой отец едет с императрицею на Кавказ?» Мне же никто ни слова не говорит».

Я: «Что же тут удивительного? Вы дядя, старший в семействе. Государь не считает себя вправе Вам приказывать, а ждет, чтобы Вы сами выразили намерение ехать».

Вел. князь: «Да, это так по вашему, а не по моему взгляду. Но, если бы это состоялось, то, что Вы находите, могу ли я ехать ввиду дел Государственного совета?»

Я: «Смело можете, Ваше высочество».

Вел. князь (преклоняя предо мною тело и голову): «Так Вы благословляете?»

Я (давая благословение): «Вполне благословляю».

Владимир Александрович, глядя на все это, хохочет.

Обед у Абазы в честь Лобанова. Обеды эти повторяются ежегодно, но участники в них все сокращаются числом. На этот раз обедают Тимашев, Убри, Балашев, а из новых людей появляется Дурново, бывший плохим губернатором в те годы, когда Лобанов управлял Министерством внутренних дел. Из новых людей, во власти обретающихся, этот еще может быть принят в обществе людей благовоспитанных, но у Филиппова, Витте, Вышнеградского, Островского такие ухватки, что их и в дворницкую еле пустить можно.

9 [апреля]. Четверг. У вел. кн. Михаила Николаевича обычное прощанье, обниманье и т. д. Возвращаясь пешком домой, встречаю прогуливающегося Имеретинского, который выражает свое удивление относительно всего того, что узнал в Совете касающегося деятельности Совета и пользы, им приносимой.

Пишу государю, что прошу его принять меня по частному, лично меня касающемуся делу.

Большой парадный обед с вел. кн. Владимиром Александровичем, Мариею Павловною и Монтебелло с женою. Обедаем в библиотеке, так как большая новая зала еще не готова.

10 [апреля]. Пятница. Собираюсь ехать поздравлять вел. кн. Владимира по случаю его рожденья, когда узнаю, что всякий прием у него отказан вследствие смерти старой герцогини Мекленбургской[54].

В 3 часа приезжает к нам Нарышкина, рожденная Чичерина, по прозвищу «тетя Саша», олицетворение хамства, просит помогать ей

выслать на выставку в Чикаго произведения русского женского труда. Императрица назначила с этою целью дамский комитет под председательством жены Вышнеградского; при этом сама императрица отказала дать что-либо, несмотря на то что у нее множество комнат завалено приношениями, хотя бы только по случаю 25-летия ее свадьбы. Обещаем рисунки наших учениц.

11 апреля. Накануне дня, назначенного для отъезда, Лобанов получает повеление принять участие в секретнейшем комитете, собранном под председательством военного министра для обсуждения мер, долженствующих быть принятыми в Памире, где нам угрожает столкновение и с англичанами, и с китайцами[55].

12 [апреля]. Воскресенье. Получаю от государя обратно посланное мною ему письмо с надписью: «Могу принять Вас сегодня в Зимнем в 2 часа».

Надеваю вицмундир, белый галстух, ленту и отправляюсь в Зимний дворец, куда государь приехал из Гатчины на 4 дня, как говорят, для разбора бумаг покойного своего отца.

Поднимаюсь по лестнице с салтыковского подъезда в самый верхний этаж, прохожу чрез какие-то шкафные уборные комнаты, в коих вижу разложенными предметы одежды, обувь и т. п. Останавливаюсь пред открытою дверью в комнату, в которой стоят государь с наследником и смотрят в окно на Неву. Так как еще до 2 час. не хватает нескольких минут, то я, пользуясь тем, что меня не заметили, не вхожу, а остаюсь в смежном покое. В 2 часа меня зовут к государю. Он встречает меня по обыкновению весьма любезно, и между нами происходит приблизительно следующий разговор.

Я: «Позвольте мне благодарить Вас, государь, за то, что Вам угодно было при Ваших огромных занятиях исполнить частную просьбу одного из 100 млн. Ваших подданных и принять меня, как я Вас о том просил». (В это время я вижу в глазах его некоторое беспокойство о том, в чем именно может заключаться моя просьба.)

Я продолжал: «В $9^1/_2$ лет пребывания моего в должности государственного секретаря я нередко приходил к Вам, государь, с весьма стесненным сердцем. То же самое происходит со мною и сегодня. Я не могу довольно благодарить Ваше величество за ту снисходительность, с которою Вам всегда угодно было меня выслушивать, и потому мне еще труднее высказать Вашему величеству мою просьбу. После 41 года службы, после скоро 10-летнего исполнения обязанностей государственного секретаря я чувствую, что силы мои делаются недостаточными для дальнейшего несения этих обязанностей, и я пришел как милости просить Вас освободить меня от них. Свя-

занная с исполнением их механическая работа так велика, что делается для меня решительно непосильною».

Государь: «Да, это весьма ответственная обязанность».

Я: «Я никогда не боялся и не боюсь ответственности, но боюсь недосмотреть, боюсь промаха, которого в течение 10 сессий не было».

Государь: «Я совершенно это понимаю и ничего против не имею».

Я: «Я желал бы лишь одного, чтобы в мыслях Ваших не было ни в каком случае подозрения, что я не хочу по каким бы то ни было причинам более служить Вам; желал бы, чтобы Вы на меня за это нисколько не сердились».

Государь: «Уверяю Вас, что я нисколько не сержусь».

Я: «Во всяком случае, я хотел лишь сегодня получить Ваше согласие, но, разумеется, не поставлю Вас в затруднение заменять меня среди законодательной сессии. Я останусь до наступления каникул, и тогда у Вашего величества будет 4 месяца времени для избрания преемника».

Государь: «А Вы кого бы мне рекомендовали?»

Я: «Я никого иного не могу рекомендовать, как ближайшего своего сотрудника Шидловского, воронежского помещика, который служит здесь 26 лет, в том числе 10 лет ст.-секретарем, провел все самые крупные финансовые законы последнего времени; человек высокодаровитый, благородный. В случае назначения его ничего не изменится в ходе дел Государственной канцелярии и я останусь по-прежнему, коли прикажете, ближайшим участником в направлении дел; изменения не будет никакого, только я освобожусь от непосильного мне физического труда».

Государь: «Не говорите никому о всем этом; иначе я подвергнусь разным проискам и ходатайствам о назначении на Ваше место».

Я: «Слушаюсь».

Государь: «А что говорит вел. князь?»

Я: «Я не могу довольно благодарить вел. князя за его отношения ко мне, но когда я заговариваю с ним о намерении уйти, то он обнимает меня и приказывает молчать».

После сего государь заговорил о своей резолюции по делу об Еленинской больнице и сказал: «Мне Екатерина Михайловна говорит, что не может найти в директоры клинициста, что их в России нет и что поэтому она хочет назначить Анрепа. Я ей отвечаю, что в России есть десятки клиницистов и что в назначении одного из них никакой нет трудности».

Говорит еще о представлении Витте сделать всех управляющих железными дорогами чиновниками и на мое замечание, что это идет вразрез с предположением, уничтожая чины, уменьшить число чиновников, выражает несогласие с моею мыслью и твердое намерение чины уничтожить, оставив одни должности.

В заключение аудиенции государь спрашивает меня, знаю ли я те комнаты, в коих мы находимся? Отвечаю, что помню, как в них жил вел. кн. Алексей Александрович.

Государь: «Это была квартира моего деда, и я постарался собрать во всевозможных кладовых мебель, прежде здесь находившуюся».

Мебель эта состоит из тяжеловесных столов, кресел, диванов из карельской березы. Это светлое, почти белое дерево, в столь простых, непричудливых формах, эти невысокие комнаты с большими, смотрящими на Неву полными света окнами, составляют весьма характерную и согласную с его собственною личностью рамку живущего среди них человека. Он как-то особенно доволен этою обстановкою и, встав с кресла, показывает мне соседнюю комнату (угловую), убранную в том же роде.

Отдавая ему прощальный поклон, говорю: «Ну вот, и еще раз пришел к Вам с стесненным сердцем, а ухожу исполненный благодарности». Я мог прибавить: «И радости, что отделался от положения, делавшегося невыносимым». Мои предшественники имели в председателе Совета человека, близкого к государю, говорившего о делах и противодействовавшего выходкам министров, неизменно стремящихся сделать из Совета пассивное место регистрации законодательных импровизаций разных директоров департаментов и столоначальников. Вел. кн. Михаил Николаевич на это неспособен, во-первых, потому, что несведущ в делах и к ним довольно равнодушен, а во-вторых, потому, что его занимают при разговорах с государем преимущественно дела семейные и в особенности улучшение быта многочисленных его сыновей; если остается минута времени и капля авторитета, то они идут на артиллерию и на спорные между военным министром и товарищем фельдцейхмейстера Софиано артиллерийские вопросы. На долю Совета ничего не остается, я силился писать, но бумага все терпит, не исключая и безмолвного лежания, от времени до времени мне удавалось говорить с государем лично, но все это делалось урывками и сопровождалось весьма ничтожными результатами.

А между тем в это провозглашающее девизом восстановление дворянства царствование, все плотнее и плотнее сколачивается кучка поповичей, семинаристов, бурлаков, жадных проходимцев, которые морочат бедного владыку и добиваются разорения всего, что выше их, добиваются неприкосновенности диких стадных форм существования серой толпы, не желая знать ни истории, ни политической экономии, ни какой бы то ни было науки, развивающей, совершенствующей дух человеческий, ста-

вят идеалом русской политической жизни мнимую самобытность, выражающуюся поклонением самовару, квасу, лаптям и презрением ко всему, что выработала жизнь других народов. Идя по этому пути, разыгрывается травля против всего, что не имеет великорусского образа; немцы, поляки, финны, евреи, мусульмане объявляются врагами России, без всяких шансов на примирение и на совместный труд. Лютая, кроющаяся в сердце всякого животного вражда обрекает на смерть все иноверное и иноплеменное, все могущее претендовать на превосходство, забывая, что пред всякою смертью бывает предсмертная борьба, и дай бог, чтобы то была война не смертельная.

Облеченные властью представители подобных животных, чуждых культурным влечениям, невежественные в оценке государственных политических идеалов, осуществления коих добивались мудрейшие из правителей русской земли, видят во мне представителя совсем иных взглядов и каждый день более и более на меня наступают. Я не боюсь борьбы, но не безрассуден в такой степени, чтобы кулаками драться против железа.

Благоразумие требует удалиться.

13 [апреля]. Понедельник. Приехавший с предложениями о постройке Сибирской железной дороги француз Lesueur рассказывает, что по поводу переговоров с «Crédit foncier» в Париже имел поручение от Вышнеградского передать управляющему банком поземельного кредита Cristofle, что он, Вышнеградский, весьма недоволен теми порядками, при коих происходил выпуск последнего неудавшегося займа.

Cristofle отвечал на это, что заем не удался главным образом вследствие продажи подписчиками полученных ими облигаций с целью реализовать выгоду, происходившую от происшедшего на первых порах повышения. Но что первый пример такой продажи был подан с.-петербургским международным банком, в коем Вышнеградский доселе сохранил преобладающее положение, посадив туда в качестве представителя зятя своего, офицера Павловского полка, Филипьева. Передавая это Лесюеру, Кристофль прибавил, что ему это сделалось известным потому, что при распределении облигаций между различными банками были записаны номера, каждому банку доставшиеся, а так как первыми для продажи на бирже явились номера Международного банка, то всем и сделалось ясно, что русский министр финансов подает сигнал к реализации и сам подрывает доверие к делаемому им займу. По заявлению Кристофля, он имеет в руках еще иные доказательства мошеннических проделок, при этом Вышнеградским допущенных[56].

14 [апреля]. Вторник. Приезжает ко мне вновь назначенный членом Государственного совета Пещуров, маленький, худенький, веселого вида старичок, вне себя от радости, по случаю совершенно неожиданного возвышения. После скоро 50-летней службы просил Чихачева, чтобы его из заведующего эмеритальною кассою сделали членом Адмиралтейств-совета, а вместо того Чихачев чрез Алексея Александровича выхлопотал ему у государя назначение в члены Совета государственного.

15 [апреля]. Среда. В 12-м часу утра входит старик гр. Бобринский в мундире, чтобы рассказать, что в собрании дворянства Петербургского уезда был избран в кандидаты на должность уездного предводителя мой старший сын.

Должность еще принадлежит некоему Трубникову, который за смертью гр. Мордвинова исполняет обязанности губернского предводителя дворянства. В январе месяце предполагается избрание и губернского и уездного предводителей. Я очень рад, что моему сыну досталось это занятие, так как ныне должность уездного предводителя представляется средоточием всей уездной административной жизни.

16 [апреля]. Четверг. Николай Саввич Абаза передает подробности своего приема у государя по поводу работ председательствуемой им комиссии об учреждении майоратов[57]. Он сам не очень твердо понимает, чего именно хочет, проектирует минимальные неотчуждаемые земельные участки для всех сословий и говорит о необходимости распространить это начало и на крестьянскую собственность. Не совсем ясно, что из трудов этой комиссии может выйти.

Представление у французского посла гр. Монтебелло. Большая толпа неприглядных личностей.

17 [апреля]. Пятница. Приезжает ко мне Витте, совершенно переменивший тон после доклада у государя, который приказал ему переговорить со мною относительно зачисления правительственными должностями управляющих частными железными дорогами. Что за лакейство!

О Вышнеградском Витте выражается так: «К сожалению, это человек, на слова коего полагаться нельзя».

О пресловутом полковнике Вендрихе, что государь во что бы то ни стало хочет дать ему высокое положение, тогда как это ограниченный человек, на серьезное дело не способный.

19 [апреля]. Воскресенье. Просматриваем с Лобановым коллекцию рисунков Beurieley, хранящуюся в библиотеке нашего училища.

20 [апреля]. Понедельник. Интересное сообщение Лесюера о постройке моста чрез Ламаншский канал, о железной дороге, сооружаемой англичанами в Китае, чтобы отрезать нас от Владивостока.

1 мая. Годичный обед в Новом клубе.

2 мая. Суббота. Похороны градоначальника Грессера, умершего от лечения каким-то знахарем, к коему, впрочем, обращались и Черевин, и Банковский, и Имеретинский. Из лютеранской Аннинской церкви прямо к вел. кн. Марии Павловне, которая празднует свое рождение. Толпа, теснота, духота, темнота.

3 мая. Воскресенье. Лобанов уезжает в Вену, уладив памирское дело так, что нам не угрожает опасность войны[58]. Накануне, в субботу государь был у Гирса и ожидал, что тот попросит увольнения, но тот попросил лишь сохранить его еще в течение двух месяцев, после коих он явится к государю, чтобы судить, может ли он оставаться на своем посту или должен уходить. Окружающим своим Гирс [говорит], что государь умолял его оставаться, хотя бы с увольнением в годичный отпуск. Сказанные государем вел. кн. Владимиру слова не вполне подтверждают такое заявление.

4 мая. Понедельник. Удалось мне купить у разорившегося банкира Гинцбурга шесть прекрасных стенных ковров начала XV столетия за 12 тыс. руб. По-видимому, ковры изображают двор Людвига, доброго бургуна*.

Абаза передает, что был у государя и просил увольнения от обязанностей председателя Департамента экономии, что государь сказал, что надо бы изобрести комбинацию, по которой бы Абаза продолжал председательствовать по делам более важным, а кто-нибудь другой в прочих случаях. Я не понимаю, как это могло бы быть сделано.

Панихида в комнатах умершей кн. Долгорукой, рожденной Апраксиной.

5 [мая]. Вторник. Приезд вел. кн. Михаила Николаевича, еду к нему в 4 часа и выслушиваю малоинтересные подробности о пребывании ее величества на Кавказе. Проезжая по великорусским губерниям, вел. князь видел, что урожая следует ожидать плохого, что и было подтверждено ему на местах губернаторами, но когда он сказал это государю, то услышал, что министр внутренних дел утверждает противное.

Плохой обед во французском посольстве с Левашевыми и Балашевыми.

6 [мая]. Среда. В $9^1/_2$ часа вечера еду с вел. кн. Владимиром Александровичем на глухарей в Щиглово. В воскресенье был в Гатчине у государя семейный совет по поводу сватовства вел. кн. Георгия Михайловича к дочери герцогини Эдинбургской Марии Александровны. С обеих сторон есть расположение к заключению этого брака и препятствие лишь одно — требуемое государем обращение невесты в православие.

На совет были приглашены: императрица, наследник, Владимир и Алексей Александровичи, Михаил Николаевич. Всех больше говорил сам государь, который настаивал на том, что ни в каком случае ни один вел. князь не должен иметь права жениться на иноверной. Это мнение поддерживали, приводя аргументы, Воронцов и в особенности Победоносцев. Цесаревич молчал, и у него никто ничего не спрашивал. Владимир Александрович находился в фальшивом положении, так как вел. кн. Мария Павловна была первая, подавшая пример сохранения [неправославного вероисповедания] после вступления в брак. Владимир Александрович сказал между прочим, что не видит, какой вред принесло это обстоятельство, что никто из его детей никогда не был ни в какой иной, как православной, церкви, а что его жена, напротив, аккуратно посещает русскую церковь во всяких торжественных случаях. Алексей Александрович, будучи холостым, относился к этому вопросу равнодушнее других, но тем не менее заявлял о невозможности безусловного проведения такого начала. Михаил Николаевич, поддерживая последнее мнение, считал возможным сохранить правило о вступлении в супружество исключительно с православными только для сыновей государя. На это государь ему возражал, что если допустить отступление для остальных членов, то и его собственные сыновья не найдут более невест. (Ему следовало бы, напротив, по этому поводу провести резкую черту между сыновьями императора и остальными членами семейства.) Отстаивая свою тему, государь сказал даже, что он предпочтет разрешать морганатические браки, чем браки с иноверными. Тогда вел. кн. Михаил Николаевич справедливо возразил ему, что три года тому назад Михаилу Михайловичу, хотевшему жениться на гр. Игнатьевой, запрещено было о том и думать. Теперь он женился на честной девушке, племяннице царствующего принца, перешедш[ей] в православие, о ней также не хотят слышать. Рядом с ним вел. кн. Николай Николаевич открыто живет с какою-то потаскушкою и продолжает пользоваться внимательностью государя, а в силу заявления, сейчас сделанного, не сегодня завтра получит разрешение жениться. Где же тут логика и что должны принимать в руководство младшие члены семейства?

В конце концов совет ни к какому результату не привел. Решено отправить Георгия Михайловича к герцогине Эдинбургской с письмом от государя и с тем, чтобы он постарался понравиться девушке и уговорить ее перейти в православие!..

8 [мая]. Пятница. Заезжал проститься пред отъездом за границу почтенный, свыше 80-летний член Государственного совета Броверн.

** Так в подлиннике.*

Это олицетворение труда, уважения к науке, беспристрастия. Стыд такому обществу, среди которого подобные люди проходят незамеченными среди всякой кричащей дряни, преследующей исключительно личные цели, под предлогом громких, ложью переполненных афоризмов.

Абаза сообщает, что вел. кн. Михаил Николаевич передавал ему, что на днях государь спросил его: «А Половцов ничего не говорил тебе о том, что просил у меня увольнения от должности?» И на ответ — «Ничего», прибавил: «Сдержал слово». Затем, не спрашивая вел. князя о том, кто мог бы быть назначен государственным секретарем, государь прибавил: «Я решил назначить на место Половцова Муравьева. Это будет готовый министр юстиции».

Дурново, разговаривая со мною, сообщает, что государь выразил ему намерение на место не могущего более продолжать занятия Вышнеградского назначить министром финансов Витте.

10 [*мая*]. Воскресенье. Ванновский заходит ко мне и рассказывает несколько характерных столкновений своих, в особенности с кавказским Шереметевым, которого считает лентяем, не выходящим из комнаты в стране, где необходимо себя показывать народу. На днях государь говорит Ванновскому: «А Вы знаете, что вел. кн. Михаил Николаевич на Вас жалуется?» *Ванновский:* «Знаю, Ваше величество». *Государь:* «Почему Вы знаете?» *Ванновский:* «Потому что вел. князь при встрече со мною особенно любезно кланялся и жал руку».

Тотчас вслед за этим рассказом входит ко мне вел. кн. Михаил Николаевич, Ванновский исчезает, и между вел. князем и мною происходит следующий разговор. *Вел. князь:* «Я на Вас сердит». *Я:* «За что, Ваше высочество?» *Вел. князь:* «За то, что Вы мне ничего не сказали о том, что испросили у государя увольнение».

Я: «Да, государь запретил мне говорить о том».

Вел. князь: «Да это запрещение до меня не касалось».

Я: «Расскажите в подробности, как государь Вам передал о том».

Вел. князь передает в точности рассказ, уже слышанный мною от Абазы.

Я: «Так, если государь сказал, что я сдержал слово, то, следовательно, я не должен был говорить Вам о том».

Вел. князь: «На меня это запрещение не могло распространяться. Впрочем, хотите знать мое мнение о Вашем увольнении? Я изумляюсь, что Вы не сделали этого давным-давно».

Я: «Зачем же Вы так сильно меня отговаривали уходить, когда я заводил речь об уходе? Знаете, что меня особенно подвинуло на то, чтобы уйти? То, что мне как-то Владимир Александрович, с которым

я говорил о том, сказал мне: «Mais finissez, vous ne vous èn irez jamais parce que cela vous amuse»*. Мне в голову не приходило, чтобы я мог подлежать подобному подозрению. Я чрез силу оставался, думая приносить пользу и вынося тягости этой службы ввиду тех отношений, кои Вы установили между нами».

11 [*мая*]. Рапти.

12 [*мая*]. То же.

13 [*мая*]. Череменецкий монастырь. Тяжелые дни, лишенные интереса для тех, кто впоследствии будет читать дневник этот, имеющий главным образом значение исторического материала, подлинность и искренность коего никем опровергнуты не будут.

14 мая. Четверг. Еду вечером к Манасеину — министру юстиции, чтобы услышать от него, что такое Муравьев. Слышу следующее. Будучи прокурором Московской судебной палаты, Манасеин определил на службу Муравьева, который одарен отличными способностями, блестящим образом выдержал экзамен не только на кандидата, но и на магистра прав, очень прилежно трудился, обратил на себя особенное внимание, выступив обвинителем в процессе убийц 1 марта 1881 г. В последнее время Муравьев был прокурором Московской судебной палаты и, будучи снедаем честолюбием, втерся в милость к вел. кн. Сергею Александровичу, который при проезде государя чрез Москву доставил Муравьеву аудиенцию под предлогом представления Муравьевым государю составленной им книги «Руководства волостным судам», о том как творить суд после издания закона о земских начальниках. Разумеется, при этом свидании Муравьев высказался приверженцем администрации и земских начальников, быть может, наговорил что-либо нелестное о судах и вполне очаровал государя, который и намеревался назначить его товарищем министра юстиции, а теперь вследствие отказа Манасеина сделает его министром после кратковременного секретарства. К этому надо присовокупить, что Муравьев близкий приятель и чуть ли не родственник Черевина, который, находясь безотлучно при государе, при несомненном природном уме и безукоризненной честности имеет огромное влияние, особливо в вопросах личных.

Они вдвоем постоянно завтракают вместе в ресторане Кюба, который составляет нечто вроде биржи для устройства разных правительственных, финансовых, личных дел.

Муравьев был женат трижды: первая его жена умерла, со второю он развелся и она вышла замуж за Генкеля-Доннерсмарка, третья раз-

* «Бросьте, вы никогда не уйдете, потому что это вас занимает».

велась с мужем, чтобы выйти за Муравьева. Она принадлежит к римско-католическому исповеданию. Будучи приверженцем веротерпимости, я никакого в том неудобства не вижу, но где же логика со стороны владыки, который запретил назначать баталионных и чуть ли не ротных командиров из женатых на католичках офицеров.

16 [мая]. Суббота. Вел. кн. Георгий Михайлович по приезде в Мюнхен к герцогине Эдинбургской должен был немедленно уехать, не получив от нее разрешения видеть дочь. Герцогиня указала ему, что пошлет ответ в Копенгаген своему брату[59]. В ответе этом она написала, что принимает предложение разрешить молодым людям видеться только под условием, чтобы если по истечении определенного срока дочь ее не захочет менять религии, то чтобы брак состоялся тем не менее.

Заезжаю к Победоносцеву, который всхлипывает относительно всего, что происходит, и, остроумно называя Дурново Лжедмитрием, говорит, что уже на нем совсем другая краска — краска всесильного временщика.

17 [мая]. Воскресенье. Прогулка на яхте «Navadis», нанятой в Англии на два месяца, чтобы подышать иным, чем петербургский воздух.

18 [мая]. Понедельник. Заседание Общего собрания Совета о городовом положении. Серьезных замечаний никаких. Один Рооп говорит, да и то неудачно, о расширении больничного дела.

20 [мая]. Среда. Отъезд на яхте.

21 [мая]. Выборг. Буря. Питкапас.

22 [мая]. Гельсингфорс.

23 [мая]. Шхеры.

24 [мая]. Выборг.

25 [мая]. Возвращение в Петербург.

26 [мая]. У вел. кн. Михаила Николаевича. Весьма взволнован и раздосадован поведением герцогини Эдинбургской. Я настаиваю на том, что всякая разумная мать на ее месте поступила бы точно так же. Высказывает неудовольствие на распоряжение управляющего уделами кн. Леонида Вяземского, который объявил всем членам императорского семейства, что так как удельные капиталы достигли цифры 58 млн., то в кладовых удельного ведомства нет более места для капиталов членов императорского семейства, и он просит их эти капиталы взять и поместить где угодно.

Завтрак с Анастасиею Михайловною и кавказскими Шереметевыми. Она очень глупа, а Шереметева я считаю весьма умным и на месте находящимся человеком. Анастасия Михайловна очень подурнела.

Последнее заседание Государственного совета, после коего вел. князь благодарит моих чиновников. Мне выражает свое сожаление о моем уходе. Говорю ему, что, по собранным мною сведениям, Муравьев будет с успехом вести делопроизводство Государственной канцелярии, но что я опасаюсь, что он будет смотреть на свое положение как на средство подняться выше. В таком случае то, как со мною поступлено, будет в его глазах служить доказательством, что нужно принять систему, противоположную моей, т. е. не отстаивать Совета, а, напротив, стараться нравиться министрам, вносящим представления и имеющим влияние.

В таком случае и положение вел. князя сделается затруднительным, и самый Совет превратится в канцелярию регистрации.

31 мая. Мне минуло сегодня 60 лет. Обедает Протасов-Бахметев, которого я всячески упрекаю в подобострастии и раболепстве пред императрицею в ущерб пользам порученного ему дела. И она, и он знают о вопиющих злоупотреблениях некоторых начальствующих лиц и не решаются их уволить только потому, что лица эти и их благоволители будут надоедать императрице сетованиями. На все мои внушения Протасов мне отвечает: «Да ты забываешь, что императрица не мужчина, а женщина». Можно бы еще прибавить: «И весьма пустая».

2 [июня]. Вторник. Читаю в качестве цензора прекрасную статью об императоре Александре I, написанную для моего биографического словаря ген. Шильдером, директором Инженерного училища. Изготовив меморию о городовом положении, не решаюсь отправить ее в Копенгаген, находя неприличным, чтобы утверждение такого важного общегосударственного закона произошло в каком-то Бернсторфе, а не на русской земле.

3 [июня]. Среда. Абаза присылает полученную им от государя из Копенгагена телеграмму такого содержания: «Soglasen na ouvolnenie vas v otpousk po 1 Dekabria. Nadeus, sdorovie vache popravitsa». Может ли государь иметь уважение к человеку, который, очевидно, просил увольнения только в надежде, что его будут уговаривать остаться, и подобною просьбою об отпуске, очевидно, взял назад свое заявление?

Заехав вечером к Дурново, слышу подтверждение намерения государя назначить Витте министром финансов. При этом Дурново предсказывает, что следует ожидать самых невероятных назначений в члены Совета.

4 [июня]. Четверг. Завтракаю с вел. кн. Михаилом Николаевичем в Новом клубе и прошу его послать государю в Копенгаген для подписания указ о назначении меня членом Совета. Он отвечает мне, что желает переговорить с государем лично после возвращения его в

Россию. Узнав, что Абаза получил от государя непосредственно увольнение в отпуск, говорит: «Как же это мимо председателя? Si j'étais susceptible, je me serais offensé*».

Рассказывает, что в качестве ген.-фельдцейхмейстера телеграфировал наследнику о необходимости скорее вернуться в Красное Село для практических артиллерийских занятий. Выражает желание и весьма слабую надежду быть приглашенным государем на охоту в Спалу.

5 [июня]. Пятница. Дурново сообщает, что императрица уговорила государя остаться в Копенгагене до 26 июня.

7 [июня]. Воскресенье. Посылаю последнюю меморию, вмещающую 25 дел Общего собрания и 55 — департаментов. Итого приходится написать для государя извлечение из 80 дел.

8 [июня]. Понедельник. Так как подобные извлечения я делаю начисто без черновых, то, считая назначение Муравьева делом решенным, посылаю за ним и даю ему прочитать эти извлечения, чтобы не быть впоследствии принужденным производить этот труд в его назидание.

Муравьев производит на меня впечатление человека очень умного, очень энергического, очень сдержанного. Он как бы ошеломлен моим поступком. Я объясняю ему, что уеду в продолжительный отпуск и не хочу, чтобы по вступлении его в должность он был поставлен в затруднение вследствие моего отсутствия.

9 [июня]. Вторник. Получаю от вел. кн. Михаила Николаевича записку следующего содержания: «Возвращая Вам, любезный Александр Александрович, последние мемории, Вами подписанные, мне приятно при этом еще раз от души поблагодарить Вас за Ваше столь плодотворное и симпатичное сотрудничество мне в течение почти 10 лет. Уверен, что и в новом звании Вы также будете полезным государственным деятелем. Возвращение государя ожидается дней чрез десять, поэтому Вам не долго придется ждать решения Вашей судьбы. Сердечно Вас любящий и благодарный *Михаил*».

Отвечаю, что, «удаляясь от дел», благодарю вел. князя за снисходительную оценку посильных трудов моих.

12 [июня]. Отъезд на яхте в Нарву. До 16 [июня] в Нарве. В этот день отвратительный переезд чрез залив к финляндскому берегу в Алее.

17 [июня]. Гельсингфорс.

18 [июня]. Або.

19 [июня]. Стокгольм.

20 [июня]. Музей. Дротнингольм.

21 [июня]. Грипсгольм.

* Если бы я был обидчив, то оскорбился бы.

22 [июня]. Скоклостер и Упсала.

23 [июня]. Два музея, между прочим, один богатейший вновь устроенный: оружие, кареты, костюмы. В 1 час отбытие из Стокгольма.

24 [июня]. Гельсингфорс.

25 [июня]. Апсе.

26 [июня]. Петербург. Поселяемся в Царском Селе. Все ожидаю возвращения из Копенгагена императора, который приезжает в Петергоф 30 июня.

1 июля. Получаю телеграмму от вел. кн. Михаила Николаевича, извещающую, что государем подписан указ о назначении меня членом Государственного совета.

3 июля. Получив накануне от государя приказание приехать к нему в Петергоф в пятницу в 12 час., выезжаю из Петербурга на лошадях в 9 час. и останавливаюсь в $10^1/_2$ часа в Михайловском у вел. кн. Михаила Николаевича. Он встречает меня объятиями со словами: «От всей души сожалею, что лишаюсь такого опытного и симпатичного сотрудника».

Прошу его передать мне подробности свиданья с государем. Рассказ его следующий: «Меня не хотели пускать в Александрию, потому что еще не исполнилось шести недель с тех пор, как Алексей Михайлович захворал скарлатиною. Я, однако, рассчитал, что 1 июля императрица завтракает с воспитанницами женских институтов, а государь завтракает один, и потому я отправился гулять пред коттеджем в то самое время, когда государь после завтрака выходит гулять в сад. Так и случилось, он меня увидал, подошел, подал руку, и мы уселись на балконе, и тут он на мой вопрос о назначении Вашем тотчас выразил полное согласие».

Я: «А о моем преемнике не было разговора?»

Вел. князь: «Нет, все это произошло так поспешно. Тут пришел Владимир, который руки мне не дал, приехала императрица с Ксениею, которая взошла на другой балкон и оттуда мне кланялась».

Затем вел. князь стал мне подробно рассказывать о неприятностях с своим гофмейстером Мухановым, которого пришлось уволить потому, что он вовлек вел. князя в весьма значительные затраты, придумав выстроить в боржомском имении на Кавказе какую-то железную дорогу, долженствовавшую доставить доход облегчением эксплуатации леса, но вместо того потребовавшую затраты капиталов в размерах, превосходящих средства вел. князя.

Ко всему этому прибавились самые натянутые отношения Муханова к сыновьям вел. князя и в особенности к старшему Николаю Михайловичу, который, состоя прямым наследником майоратного боржомского имения, поехал туда, обнаружил неправильные, угрожавшие,

по его мнению, разорением действия Муханова, и перессорился с ним, так что дело дошло до обмена неуместными комплиментами.

Поговорив о намерениях вел. князя поехать летом навестить сестру королеву Виртембергскую[60] и сына Михаила, коего жена должна родить в сентябре, выслушав всегдашние сетования на то, что их величества не довольно внимательно относятся к членам своего семейства, я отправился в Александрию, где в крошечной приемной нашел, кроме дежурного флигель-адъютанта и ожидающего приказаний императрицы кн. И.М. Голицына, управляющего Министерством путей сообщения Витте, с апломбом, близким к нахальству, разглагольствующего о материях важных.

Прошу Голицына доложить о мне императрице. Просят. Только что вернувшаяся с пешеходной прогулки императрица стоит посредине своей гостиной в голубом платье и черной соломенной шляпе с светло-желтыми гладкими перьями. Разговор приблизительно такой. *Императрица* (видя меня в мундире): «Je vous félicite». *Я:* «Je vous remercie, madame. Il y a lieu de me féliciter d'être débarassé de ces fonctions, qui étaient positivement au-dessus de mes forces». *Императрица:* «Oui. Cela devait être bien pénible». Молчание. *Я:* «Votre majesté a eu une traversée bien mauvaise pour revenir de Copenhague?» *Императрица:* «Bien mauvaise». *Я:* «Mais en revanche pendant votre séjour vous avez eu un temps superbe». *Императрица:* «Supe...rbe!» *Я:* «Et ici nous avons eu un temps affreux». *Императрица:* «C'est affreux, je vois les lilas encore en fleur». *Я:* «Je ne me souviens pas d'un été semblable». Молчание. *Я:* «Votre majesté a fait à Bernstorf de belles promenades?» *Императрица:* «Magnifiques!» *Я:* «Vous avez aussi monté à cheval?» *Императрица:* «Beaucoup. Mon père m'avait préparé un cheval». *Я:* «Et aussi en bateau?» *Императрица:* «Oui». *Я:* «Peut être à la voile?» *Императрица:* «Non, seulement à la vapeur». Молчание. *Я:* «C'est si hereux pour votre majesté de séjourner en famille loin de Pbg où vous êtes entourée de jalousies, de rivalités, de convoitises de tout genre, dont vous êtes le but». Молчание. *Я:* «Et ces chateaux que vous avez habité sont si beau!» *Императрица:* «Vous les connaissez?» *Я:* «Oui, madame. Je suis allé les voir». *Императрица:* «Où allez-vous à présent?» *Я:* «Je vais faire une cure à Vichy». *Императрица:* «Et madame est déjà partie?» *Я:* «Non, madame, elle, reste encore quelque temps à Tsarsko»*.

---

* *Императрица:* «Поздравляю вас». *Я:* «Благодарю, ваше величество. Меня можно действительно поздравить с освобождением от обязанностей, которые положительно превосходили мои силы». *Императрица:* «Да. Это было, наверно, очень тягостно»... *Я:* «Ваше величество испытали очень тяжелый переезд, возвращаясь из Копенгагена?» *Императрица:* «Очень тяжелый». *Я:* «Но зато во время вашего там пребывания погода была великолепна». *Императрица.* «Вели...колепна!» *Я:* «А здесь была отвратительная погода». *Императрица:* «Это ужасно, я вижу, что сирень до сих пор еще не отцвела». *Я:* «Я не помню подобного лета»... *Я:* «Ваше величество совершали в Бернсторфе прогулки?» *Императрица:* «Великолепные!» *Я:* «Вы ездили также верхом?» *Императрица:* «Очень часто. Мой отец приготовил для меня лошадь». *Я:* «А также на яхте?» *Императрица:* «Да». *Я:* «Может быть, под парусами?» *Императрица:* «Нет, только под парами»... *Я:* «Вашему величеству так хорошо побыть в своей семье вдали от Петербурга, где вас окружают всякого рода зависть, соперничество и искательство»... *Я:* «И замки, в которых вы жили, так хороши!» *Императрица:* «Вы их знаете?» *Я:* «Да, ваше величество, я ездил их смотреть». *Императрица:* «Куда вы отправитесь теперь?» *Я:* «Я поеду на лечение в Виши». *Императрица:* «А ваша супруга уже уехала?» *Я:* «Нет, ваше величество, она останется еще на некоторое время в Царском».

Поклон, и мы удаляемся каждый в одну из боковых дверей.

Вслед за тем меня зовут к государю.

Вхожу, и мы садимся около круглого стола. Он курит папироску и от времени до времени отхлебывает квасу, налитого в серебряную кружку.

Я: «Позвольте, государь, еще раз благодарить Вас за милостивое увольнение».

Государь: «Куда Вы едете лечиться?»

Я: «В Виши».

Государь: «Алексей тоже собирается в Виши. У него болит печень».

Я: «Что же мудреного. Он целый день с Евгением Максимилиановичем пьет рюмочки в яхт-клубе. Кому прикажете, государь, передать мою должность?»

Государь: «Я хочу назначить Муравьева. Вы мне рекомендовали Шидловского. Но на этом месте необходим человек самостоятельный. Я Муравьева знаю. Если он не будет самостоятелен, как были Вы, то, во всяком случае, будет самостоятельнее, чем Шидловский, который — чиновник».

Я: «Мне не пришло бы в голову рекомендовать Вам лицо судебного ведомства, зная, в какой степени Вы не любите юристов».

Государь: «Это юрист, который понимает все, что есть неуместного и подлежащего отмене в судебных порядках».

Я: «Я почти не знаю Муравьева, но, по собранным мною сведениям, это человек весьма умный, образованный, энергический, но честолюбивый. На этом месте, государь, легко выкроить себе высокое правительственное положение. Стоит хвалить всякие представления влиятельных министров, а не высказывать о них правду. Тогда не будет никаких столкновений вроде того, что у меня бывало с гр. Толстым».

Государь: «В последнее время гр. Толстой был в болезненном, нервно-раздраженном настроении. Теперь ничего подобного нет».

Я: «Он Вас уверял, что Совет играет в парламент, делает Вам оппозицию, мстил Абазе, который в прежнее время лишил его портфеля Министерства народного просвещения. Какой парламент, какая оппозиция? Да Вы позовите тамбурмажора[61], да прикажите ему под этим окном выстроить членов Совета, и будут они маршировать в ногу. Вам гораздо труднее заставить их говорить, чем молчать. Кто же сомневается, что в России одна только власть и есть Ваша, но желательно, чтобы она имела правильно устроенные органы». Возвращаясь к вопросу о моем преемнике, государь приказывает мне прислать к его подписанию указ о назначении Муравьева, но я прошу позволения этого не делать до нового по сему предмету разговора между государем и вел. князем, чтобы последний не обиделся. Государь соглашается.

Потом разговор касается пребывания в Копенгагене. Государь говорит, что вначале было тяжело вследствие значительного числа съехавшихся туда лиц, но последний месяц было весьма приятно жить в семействе. Повторяю сказанное императрице о том, как приятно должно быть для него выйти из петербургского круга взаимной вражды и соперничества, а относительно тягостного общества его царственных собратий прибавляю, что, по моему мнению, всякие свидания такого рода укрепляют союзы правителей, сближают их и дают гарантии порядка и спокойствия, потому что настоящие враги царствующих лиц не их собратия, а темная поднимающаяся снизу демагогическая волна.

Государь: «В Дании демагоги особенного сорта. Они постоянно на площади приветствовали нас возгласами. Вот в Норвегии не так, там сегодня-завтра провозгласят республику».

Прощаясь, государь жмет мне руку и благодарит за «управление». Я отвечаю, что мне следует его благодарить.

Государь (с непритворным удивлением): «За что?»

Я: «За то, что Вы мне позволяли так всецело говорить Вам правду и при этом никогда не подозревали меня в каких-нибудь личных целях».

Государь: «Надеюсь, что Вы принесете пользу, служа в Совете или иначе».

Я: «Где хотите, хоть в Астрахани, хоть в Пекине. Только не хотел бы служить ни кому иному, как лично Вам».

На этом слове расстаемся.

26 ноября. Четверг. В 1 час возвращаемся из заграничного путешествия и в последнее время из пребывания в Париже, которое было сокращено вследствие получения известия о легочном воспалении Пита.

Позавтракав вместе с детьми, еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу, которого застаю только что вернувшимся с георгиевского в Зимнем

дворце праздника. Принимает меня очень любезно; обнимаемся, целуемся, причем я ему говорю, что я очень рад, что на будущее время буду приходить к нему, не имея более обязанности говорить ему неприятные вещи, как это приходилось мне делать в течение 9 лет.

Вел. князь очень огорчен тем, что государь назначил командиром Конногренадерского полка вел. кн. Дмитрия Константиновича, который состоит в чине ротмистра, тогда как старший сын вел. кн. Михаила Николаевича Николай Михайлович служит полковником в Кавалергардском полку. К этому надо прибавить, что вел. кн. Михаил Николаевич с самого своего рождения состоит шефом этого самого Конногренадерского полка.

Переходя к вопросам, касающимся Государственного совета, вел. кн. говорит мне, что очень затруднен тем, что надо будет на днях представлять государю расписание членов по департаментам на 1 января, что будет речь о председательствовании в Департаменте экономии, что несколько месяцев тому назад государь был весьма расположен к Абазе, а между тем, как слышно теперь, это расположение совершенно изменилось вследствие того, что Витте будто бы представил государю доказательства о том, что Абаза имел какие-то денежные аферы с одесским банкиром Рафаловичем[62].

Я: «Не думаю, Ваше высочество, чтобы Вы имели какие-либо в этом отношении затруднения. Вы знаете, что Абаза заявил государю, что не желает более председательствовать в Департаменте экономии, и просил увольнения еще с 1 июля. Государь просил его оставаться, устроив так, чтобы он имел руководительство важнейшими делами. Я видел теперь Абазу в Париже, и он повторил мне свою твердую решимость покинуть пост председателя».

Вел. князь: «Почему?»

Я: «Я не уполномочен мотивировать пред Вашим высочеством это решение. Вероятно, Абаза скажет Вам, что лета и здоровье служат помехою, но если Вам угодно знать личное мое мнение, то я нахожу его решение совершенно естественным.

Абаза служил покойному государю. Он имел сотоварищами людей как кн. Горчаков, гр. Панин, братья Милютины, Чевкин, Нессельроде, Рейтерн, Шувалов, Валуев и т. д. Все это были люди порядочные».

От Михаила Николаевича захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу, который приехал в Петербург к георгиевскому празднику, а до 1 января намеревается остаться в Царском Селе. Мария Павловна все еще нездорова.

27 [ноября]. Пятница. Начинаю обычные посещения своим товарищам сочленам Совета. Заезжаю к приехавшему в этот день Абазе,

которого застаю уже извещенным о распространяемых относительно его слухах.

Н.С. Абаза сообщает о рассказе Дурново, будто государь вычеркнул мое имя из списка членов финансового комитета. Факт кажется странным, но порядки делаются все более такими, что область, по-видимому, невозможного все более и более ширится.

28 [ноября]. Суббота. Обычный доклад все более преуспевающей ниточной фабрики. Накануне в Новом клубе Чихачев рассказывает мне, что он участвовал в совещании, обсуждавшем предположения Витте о постройке Сибирской железной дороги. Причем все присоединились к его мысли о необходимости строить дорогу как можно скорее, но три члена Бунге, Вышнеградский и он, Чихачев, остались противниками проекта строить дорогу на вновь выпускаемые бумажные рубли. Предполагается строить дорогу до Иркутска в 9 лет, но Чихачев находит этот срок чресчур длинным[63].

29 [ноября]. Воскресенье. Утомительные визиты. Вечером благословляю судьбу, что не обязан писать обширное, утомительное и бесполезное извлечение из мемории.

30 [ноября]. Понедельник. В $9^1/_2$ часа отправляюсь в Гатчину, сижу в вагоне с Чихачевым, который весьма откровенно и с сожалением рассуждает о ничтожности людей, к власти в последнее время призванных. Отцом зла, разумеется, почитает ограниченного, бездарного, невежественного, но изучившего до тонкости уменье угождать Дурново.

Приехав в гатчинский дворец, захожу сначала к Черевину, которого застаю за туалетом, туалетом, преследующим цели внешнего убранства более, чем безукоризненной чистоты.

Входя в государеву приемную, застаю в ней дежурного флигель-адъютанта вел. кн. Павла Александровича, Чихачева и министра государственных имуществ Островского. Последний, желая сказать мне что-либо неприятное, встречает меня вопросом: «Ну что, Вы успешно охотились в своем поместье около Парижа?» *Я:* «Каком поместье?» *Островский:* «Да как же, у Вас вилла в окрестностях Парижа» (по теперешним понятиям это было бы почти преступление).

Я: «Меня крайне удивляет, что министр государя императора может распространять столь неверные сведения».

Островский переменяет немедленно тон, как то делают обыкновенно непорядочные люди.

Покуда я дожидаюсь в приемной, приезжает в золотой карете откланиваться германский посол, уезжающий после 16-летнего здесь пребывания. Его провожают обер-церемониймейстер, чиновники и придворные лакеи. Швейниц (ничего не понимает в искусстве) расхваливает находящиеся в приемной государя вещи, весьма посредственного достоинства, за исключением стенных ковров XVII столетия, подаренных Петру Великому Августом, королем саксонским, как это явствует из современных донесений саксонских посланников, донесений, напечатанных мною в сборнике нашего Исторического общества.

Отвечая на любезности Швейница, я расхваливаю богатства Потсдамского дворца и настаиваю на обмене старинных французских предметов, в нем находящихся. Удовольствие по этому предмету Швейница отравляется мною, впрочем, рассказом о том, что император Вильгельм, захотев восстановить старинные материи, покрывающие стены и мебели Потсдамского дворца, должен был обратиться не к немецким, а к лионским фабрикам, на коих сохранились самые картоны, по коим в прошлом столетии были исполнены заказы Фридриха II.

После 20-минутного разговора со Швейницем государь призывает меня. Садимся, и начинается самый пустой разговор о том, где я был летом, чем лечился, какие были охоты в Спале, я рассказываю подробно историю болезни и операции Лобанова, как он приехал ко мне в Женеву, как после обнаружившегося кровотечения я отвез его в Виши и как после лечения в Виши Лобанов был оперирован в Париже известным врачом Гюйоном. Разговариваем о покупке художественных предметов, государь жалуется на дороговизну. Я утверждаю, что цены будут постоянно возвышаться и что все будет уходить в Америку.

Государь: «Когда-нибудь там будет крах, вследствие которого вещи вернутся в Европу».

Я: «Сомневаюсь в том тем более, что большинство увозимых в Америку вещей поступает в музеи. Где действительно есть крах и крах, постоянно усиливающийся, так это в Англии. Там все богатые землевладельцы разоряются потому, что фермеры не платят более аренды, и поместья, бывшие доходными, делаются теперь убыточными дачами. Крупное землевладельческое сословие уничтожается, как политический фактор, о чем нельзя не сожалеть не только для Англии, но и для всей Европы».

Государь: «В этом сами англичане виноваты».

Заявляю о желании римского князя Шара продать Эрмитажу лучшие из своих картин. Прошу позволения у государя прислать ему фотографии с картин этих. Присовокупляя, что если есть малейшая надежда на возможность приобретения картин сих, то я выпишу их к себе в Рисовальное училище и выставлю так, чтобы государь мог решить вопрос о покупке совершенно свободно.

В заключение благодарю государя за то, что вследствие его поддержки моя почти 10-летняя служба государственным секретарем могла принести кой-какую пользу.

Государь: «Теперь Вам будет несравненно покойнее».

Я: «Без сравнения. Теперь у меня остается лишь Государственный совет и Финансовый комитет. Заседания последнего особенно малообременительны, хотя Вы изволите помнить, что мне приходилось и о них писать Вам».

Государь: «Да, как же».

Я: «Позвольте, государь, заявить Вам еще одну последнюю просьбу. Позвольте, когда слишком накипит у меня на душе, то писать Вам в тех случаях, когда писание это может быть Вам полезно».

Государь: «Пожалуйста, пожалуйста». На этом слове мы расстались. Полагаю навсегда, навсегда. В силу разных обстоятельств и в особенности вследствие личной моей независимости я ненавистен той шайке ничтожных по нравственным и умственным качествам людей, кои окружают государя и пользуются властью прежде всего для улучшения собственных своих делишек.

Вот хорошее тому доказательство. Объезжая с визитами членов Государственного совета, застаю дома г. Витте в роскошных палатах министра финансов. Он ведет меня в свой кабинет и повествует следующее: «Не зная, кто должен председательствовать в Комитете финансов, я представил государю список всех членов комитета. При этом было говорено о праве Муравьева в качестве государственного секретаря быть назначенным в члены комитета». Государь оставил список у себя, а на другой день возвратил будто бы список Витте, вычеркнув мое имя и написав сбоку: «На место Половцова назначить Муравьева». Выслушав это, я сказал: «Прошу Вас об одном, сообщите мне бумагу о таком высочайшем повелении».

«Позвольте мне, — отвечал на это Витте, — еще раз при докладе упомянуть об этом его величеству».

«Я не имею права ни запрещать, ни поручать Вам это», — сказал я.

Заехавший ко мне на днях военный министр Ванновский рассказал, что 17 октября в день боркского крушения[64] он сидел за завтраком в Гатчине возле императрицы, а против него сидела гр. Воронцова рядом с государем. Между двумя последними лицами произошел приблизительно следующий разговор. Государь в доказательство того, что не следует назначать на места по протекции, сообщил, что в этот же день при докладе Ванновский сообщал, как один чиновник Военного министерства, запутавший дела до того, что представилась необходимость назначить ревизию, объявил ревизору, что сам ничего в своих

бумагах не понимает, а что все дела его вела его жена. Чиновник этот был назначен по влиянию покойного вел. кн. Николая Николаевича.

Гр. Воронцова: «Да кто же не состоит под влиянием другого? Вы сами состоите под влиянием Мещерского».

Государь: «Кто это говорит?»

Гр. Воронцова: «И Ваши братья, и Ваши министры».

Государь: «О братьях сомневаюсь, а кто из министров?»

Гр. Воронцова: «Мне говорил Победоносцев».

Государь: «У него с Мещерским личности. Я Мещерского не видаю и его газеты не читаю. На днях императрица прислала взять у меня какой-то номер «Гражданина», а его нашли у моего рейткнехта, который один из моих служителей его читает». Все это справедливо, но надо бы присоединить к рассказу, что государь получает письма от Мещерского, доставляемые Васильковским.

28 декабря. Понедельник. После завтрака дома вчетвером с вел. кн. Михаилом Николаевичем и Владимиром Александровичем еду в Государственный совет, где Витте читает свой всеподданнейший доклад, сопровождающий представляемый им бюджет на 1893 г. Сущность его финансовой программы такова: какие бы ни были потребности правительства, они должны быть удовлетворяемы. Если деньги нужны, то их можно получить, печатая ассигнации, если курс будет падать, то горе не велико, да к тому же у министра финансов, кроме 360 млн. золота, обеспечивающего выпущенные бумажки, остается еще 240 млн., которыми, в случае надобности, можно будет огреть заграничных банкиров, если бы они вздумали пойти на понижение нашего рубля.

Такая программа, признаюсь, не может внушать большого доверия, не может служить твердою основою государственного кредита.

После Витте говорил пошлый Филиппов, всегда превозносящий все, что делается людьми более его сильными. Он окончил заверением, что ни холера, ни голод не поколебали благосостояния русского народа, блаженствующего под отеческими попечениями своего царя, и что мы можем с презрением относиться к наступлению на нас европейских бирж, предводимых еврейством.

Такая речь была бы более уместна в каком-нибудь извозчичьем трактире, чем в Государственном совете.

Как понизился умственный и нравственный уровень этого Совета за те последние 10 лет, что я сижу в стенах его! Невольно вспоминаешь те годичные бюджетные заседания, когда Бунге в исполненной науки и скромности речи перечислял трудности, с коими приходилось иметь дело, но рядом с тем указывал и на средства, к коим полагал прибегнуть; Абаза с истинно государственным взглядом останавливал

внимание на главных чертах бюджета, громил нашу задолженность, проповедовал бережливость; Рейтерн с неподдельной искренностью высказывал истины, не имевшие, правда, ничего блестящего, но кои всегда полезно напоминать людям, власть имеющим; Сольский блестяще, красно, утонченно, вежливо силился малевать розовые картины, преследуя неизменно желание нравиться, но делая это в приличной форме; Головнин, изучив внимательно роспись, выступал с замечаниями не всегда дальновидно политическими, но всегда честными, благонамеренными.

Как все это далеко от легкомысленного подобострастия, от неотесанных выходок, отличающих новых деятелей!

29 декабря. Вторник. В 1 час еду на торжественное заседание Академии наук. Председательствует вел. кн. Константин Константинович, имея по правую руку Я.К. Грота, а по левую Бычкова. Читают отчеты Дубровин и Майков. Мне приходится сидеть между Деляновым и Филипповым. Все заседание сухо, вяло, бессодержательно, скучно.

30 [декабря]. Среда. Получаю известие о назначении членом Государственного совета кн. Г.С. Голицына. От его участия в делах будет больше шума, чем толку. Умен, поворотлив, деятелен, самолюбив, [у него] недостаточные сведения, нравственная стойкость, привычка умственного труда, уважение к другим и их мнениям.

31 [декабря]. Четверг. В 3 часа во вновь отделанном Месмахером ужинном зале елка для детей и внучат. Тут же старики Бобринские, Скарятина с детьми, madame Зографо с дочерью, Протасов-Бахметев, старая кн. Д.П. Оболенская и случайно заехавший гр. Волькенштейн и гр. Кутузова (рожденная Оболенская).

КОММЕНТАРИИ

1887 год

[1] См. комментарий 117 за 1886 г.

[2] В описи дел архива Государственного совета за 1886—1887 гг. (т. X) указанное дело не значится.

[3] См. комментарий 22.

[4] По-видимому, речь идет о книге: D a u d e t E. Les Bourbons et la Russie pendant la révolution française. Paris, [1886].

[5] В фонде Александра III (ЦГАОР) и в фонде Каткова (Отдел рукописей ГБЛ) указанная записка не сохранилась. В фонде Александра III имеется записка Каткова царю от 20 марта 1887 г. по вопросам внешней политики, в частности о заключении союза трех императоров (ЦГАОР, ф. Александра III, оп. 1, д. 823, л. 17—19).

[6] См. комментарий 152 за 1888 г.

[7] Свидание Александра II с австрийским императором Францем-Иосифом и прусским принцем-регентом Вильгельмом (впоследствии Вильгельм I) состоялось в Варшаве 10—13 октября 1860 г.

Свиданию сопутствовали совещания министров иностранных дел, на которых обсуждались вопросы о положении в Европе (объединение Италии). Было решено потребовать от Наполеона III гарантий в целях сохранения мира в Европе. Александр II решительно воспротивился стремлению Франца-Иосифа вмешаться в итальянские дела (Т а т и щ е в С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. Изд. 2. СПб., 1911. С. 248—250; «История дипломатии». Т. I. Изд. 2. М., 1959. С. 698).

[8] См. комментарий 98 за 1886 г.

[9] Речь идет о процессе над известным железнодорожным предпринимателем и аферистом Бетель-Генри Струсбергом в связи с делом о крахе Московского коммерческого банка. В 1875 г. Струсберг был приговорен к изгнанию из России.

[10] Митрофания (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен) — игуменья Владычне-Покровского монастыря в Серпухове — обвинялась в подлоге завещания богатого скопца Солодовникова, в подделке векселей на крупную сумму и т. д. Была судима в мае — октябре 1874 г. Суд лишил ее всех

прав и приговорил к ссылке на 11 лет в Енисейскую губернию. По указанию Александра II Митрофания была сослана на Северный Кавказ.

Привлечение к суду игуменьи Митрофании вызвало большой резонанс и свидетельствовало о действенности судебных уставов 20 ноября 1864 г. (Кони А.Ф. Собр. соч. Т. I. Из записок судебного следователя. М., 1966. С. 64—73).

[11] По-видимому, имеются в виду официальные документы, относящиеся к царствованию Николая I, в частности материалы Комитета 6 декабря 1826 г., опубликованные впоследствии в «Сб. РИО» (т. 74, 90).

[12] Речь идет об опере «Фенелла» композитора Даниэля Франсуа Обера.

[13] В середине 80-х годов в Морском училище, а также в Павловском и Константиновском пехотных военных училищах возникли революционные кружки. В Морском училище кружок был организован гардемарином, впоследствии мичманом Н.Н. Шелгуновым, сыном известного общественного деятеля революционно-демократического направления. В состав кружка входили Н. Черневский, Н. Хлодовский, А. Доливо-Добровольский и др. Члены кружка занимались изучением социально-экономических вопросов. Инициатором кружка в Павловском пехотном училище был юнкер Д. Бруевич. В него входили юнкера Б. Ширинкин, В. Шейдевандт, Н. Семашко, О. Кучин, Е. Шляхтин. Позднее к кружку примкнули С. Арабажин, А. Тулов, Н. Ушаков и Г. Копейкин. Кружок в Константиновском пехотном училище состоял из юнкеров М. Беклешова, П. Долгова, П. Благовещенского и др. Он возник по инициативе Д. Бруевича и студента Петербургского университета М. Брагинского. «Деятельность этого кружка, — указывалось в «Обзоре важнейших дознаний, производившихся жандармским управлением с 1 января 1887 г. по 1 января 1888 г.», — заключалась в чтении книг тенденционного и революционного содержания» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 252, д. 8, л. 54).

В начале 1886 г. кружки объединились. Однако единство в политических взглядах их участников отсутствовало. Часть из них продолжала оставаться на народовольческих позициях, часть же, отрицая террор, стремилась сблизиться с социал-демократическими кружками. «При обсуждении программы, — отмечалось в «Обзоре», — которую члены кружка желали выработать для руководства в своих действиях, обнаружилось разногласие в теоретических воззрениях отдельных членов: Брагинский вместе с моряками находил, что для успеха движения необходимо участие в нем всех заинтересованных слоев общества, почему и деятельность, направлявшаяся для достижения этого успеха, должна распространяться на все классы, на интеллигенцию военную и гражданскую и на народ, считая и городских рабочих. Противники же их, Слепцова, Гаевский и Бруевич, к которым присоединились и юнкера Константиновского училища, утверждали, что «успех движения может быть обеспечен преимущественно участием в нем военных, и признавали деятельность среди народа менее плодотворной, нежели деятельность среди военных» (там же, л. 56). На сходке, происходившей в июне 1886 г., присутствовавшие ознакомились с программой социал-демократов (по-видимому, программа группы «Освобождение труда»). Делались попытки распространить свое влияние на провинцию. Выработанная программа, как утверждается в «Обзоре», была направлена в Киев подпоручику И. Аксентовичу.

Однако в связи с арестом участников организации сближения с социал-демократами не произошло. К дознанию было привлечено 58 лиц. Часть их была привлечена к суду. Наиболее активные члены организации — Н. Шелгунов, Д. Бруевич, Н. Черневский и др. — были приговорены к ссылке на каторжные работы от 8 лет и более. При утверждении приговора Александром III наказание было смягчено. Все указанные лица были разжалованы в солдаты с обязательным 6-летним сроком службы. При этом было запрещено ходатайство о производстве в офицерское звание ранее этого срока. Другая часть была сослана в Сибирь, Архангельскую и Вологодскую губернии (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 201, д. 28; Брагинский М.А. Из воспоминаний о военно-революционной организации. 1884—1886 // Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1929; Селиванов В. Моряки-народовольцы. Изд. 2. М., 1931).

[14] Речь идет об обсуждении вопроса об ограничении публичности судебных заседаний (см. комментарий 98 за 1886 г.).

[15] См. комментарий 16.

[16] 7 февраля, 7 марта и 9 апреля 1887 г. в соединенных Департаментах законов и государственной экономии рассматривалось представление министра народного просвещения Делянова о развитии в России низшего и среднетехнического образования. С этой целью предполагалось создание сети следующих учебных заведений:

1) ремесленных училищ для подготовки квалифицированных рабочих и ремесленных подмастерьев. Для поступления в училища требовалась подготовка в объеме церковно-приходского или одноклассного сельского либо городского училища;

2) низших технических училищ для подготовки мастеров промышленных предприятий. Объем знаний, необходимых для поступления в эти училища, определялся курсом городских, уездных и двухклассных сельских училищ;

3) средних технических училищ для подготовки техников. Объем общеобразовательных знаний составлял курс преобразуемых реальных училищ.

По проекту, срок обучения в реальных училищах сокращался с 6—7 до 5 лет. Лица, окончившие реальные училища, лишались права поступления в высшие технические учебные заведения, оно сохранялось лишь за окончившими гимназии и среднеучебные заведения.

Департаменты одобрили представленный проект развития технического образования. По вопросу же реорганизации реальных училищ произошли разногласия: 5 членов (Делянов, Ванновский, Вешняков, Плеве, Вышнеградский) поддержали проект, а 13 (Абаза, Посьет, Кауфман, Грот, Каханов, Старицкий, Перетц, Бунге, Фриш, Николаев, фон Дервиз, Маркус и Марков) считали нужным «не только сохранить за реальными училищами настоящее их положение в учебной системе, но и всемерно озаботиться об их улучшении...» (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1887 г., д. 173, л. 568). При этом они полагали возможным $^1/_5$ часть реальных училищ преобразовать в пятиклассные (наименовав их прореальными училищами), создать при них дополнительные коммерческие и технические классы, т. е. превратить их фактически в среднетехнические училища. Указанные 13 членов Совета под-

черкивали необходимость сохранения за реалистами права поступления в высшие специальные учебные заведения.

При рассмотрении журнала соединенных Департаментов в Общем собрании по этому же вопросу снова произошли разногласия. 8 членов (Толстой, Делянов, Корнилов, Мансуров 1-й, Ванновский, Вышнеградский, Зубов, Вешняков) поддержали мнение «пяти». Остальные 34 члена во главе с председателем вел. кн. Михаилом Николаевичем выступили решительно против, полагая, что ликвидация семиклассных реальных училищ приведет к тому, что многие дети «из высших классов общества» окажутся неудачниками, «которые будут лишь увеличивать собой контингент недовольных — самый опасный элемент в государстве». «Удар, который будет нанесен таким образом высшим классам общества, — как отмечало большинство, — окажется особенно чувствительным для той части обедневшего дворянства, которая не устояла в экономической борьбе с другими классами населения... У небогатых дворян с закрытием реальных училищ будет отнято единственное отвечавшее их средствам реальное образование» (там же, л. 580) в силу того, что они не смогут по окончании реальных училищ поступить в высшие учебные заведения.

Ознакомившись с журналом Общего собрания, царь наложил следующую резолюцию: «Проект оставить без последствий. Я дал лично министру народного просвещения указания по этому вопросу» (там же).

4 октября 1887 г. Делянов внес в Государственный совет новое представление, в котором отмечалось, что царь рекомендовал установить 6-летний срок обучения в реальных училищах.

23 ноября 1887 г. и 21 января 1888 г. это представление рассматривалось в соединенных Департаментах. Одобрив проект организации промышленных училищ, Департаменты вместе с тем усомнились в необходимости коренной реорганизации реальных училищ, предложив «выделить вовсе вопрос об этих училищах из обсуждаемого дела». Для успешной разработки этого вопроса было решено создать междуведомственную комиссию. 28 февраля 1888 г. Общее собрание одобрило мнение соединенных Департаментов. 7 марта это заключение было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1888 г., д. 50).

[17] «Reveu des deux mondes», 15.II.1887, p. 721—752; 1.III.1887, p. 5—48. Половцов либо читал статью по корректуре, либо сделал запись задним числом.

[18] Речь идет о драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы». Об отношении к ней Александра III см.: Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929. С. 242—244.

[19] Имеется в виду рассмотрение в Государственном совете вопроса об ограничении публичности судебных заседаний (см. запись от 19 января 1887 г.).

[20] На совещании рассматривалось представление министра народного просвещения об открытии Томского университета в составе двух факультетов: физико-математического и медицинского. Было решено открыть в 1888 г. университет в составе одного медицинского факультета. 25 февраля это решение было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента

экономии, оп. т. X, 1888 г., д. 156, л. 85—104; см. также комментарий 6 за 1886 г.).

[21] ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1887 г., д. 22.

[22] 5 февраля 1887 г. министр внутренних дел гр. Д.А. Толстой внес в Государственный совет проект реформы крестьянского управления, разработанный А.Д. Пазухиным. Проект предполагал введение институтов земских начальников, назначаемых из числа местных дворян-помещиков. Идеолог реакционного дворянства, симбирский помещик А.Д. Пазухин ставил своей задачей предоставить дворянству главную роль в местном управлении.

В наиболее полном виде взгляды Пазухина нашли свое выражение в его статье «Современное состояние России и сословный вопрос», напечатанной в 1885 г. в «Русском вестнике», а через год изданной отдельной брошюрой под тем же названием.

[23] В правительственном сообщении, опубликованном 3 декабря 1886 г., говорилось, что в связи с событиями в Болгарии появился ряд статей в газетах, в которых указывалось, «что затруднениями, препятствующими удовлетворительному разрешению болгарского вопроса, мы обязаны преимущественно негласному воздействию Германии, которая выставляется опасным врагом России».

Далее отмечалось, что отношения с Германией «издавна упрочились и неоднократно выдерживали испытания». В силу этого выражалась надежда, что, поскольку правительство и впредь будет «с должным вниманием относиться к собственным германским интересам», оно имеет основания быть уверенным, что и Германия будет продолжать воздерживаться от всяких враждебных России действий.

В заключение говорилось, что «чем сложнее и щекотливее политические обстоятельства, тем более осмотрительности и хладнокровия требуется при их оценке и тем, следовательно, менее можно оправдать опрометчивость и заносчивость суждений, высказываемых органами печати, голос которых далеко не лишен значения в международных отношениях» (Правительственный вестник. 1886. 3 декабря).

Это сообщение было направлено в первую очередь против «Московских ведомостей».

[24] Речь идет о праздновании 90-летия со дня рождения германского императора Вильгельма I.

[25] Принц Иоганн Альбрехт Мекленбург-Шверинский.

[26] Елизавета Саксен-Веймарская.

[27] Министр юстиции Манасеин считал, что проект Толстого—Пазухина страдает рядом серьезных недостатков. Он выступал против соединения в крестьянском управлении, точнее, в руках земского начальника административных и судебных функций. Вместе с тем он возражал против огромных не контролируемых никем прав, предоставлявшихся земскому начальнику. «Проектируемый Министерством внутренних дел новый орган местного управления, — писал он, — явится в пределах своего участка правительственной властью с такими полномочиями, каких до сего времени не имело ни

одно административное учреждение в губернии, не исключая и высших губернских учреждений и должностных лиц» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 144). Манасеин не соглашался также и с требованиями, предъявляемыми к кандидатам на должности земских начальников (З а й о н ч к о в с к и й П.А. Закон о земских начальниках 12 июля 1889 г. // Научные доклады Высшей школы. Исторические науки. 1961. № 2. С. 42—72).

[28] Речь идет о «Русском биографическом словаре», издававшемся Русским историческим обществом под наблюдением А.А. Половцова. Первый том словаря вышел в 1896 г., последний — в 1918 г. под ред. Б.Л. Модзалевского. Всего опубликовано 25 томов, причем издание осталось незаконченным. Предварительный список лиц, предполагаемых к включению в биографический словарь, помещен в «Сб. РИО» (т. 60, 62).

[29] См. комментарий 108 за 1886 г.

[30] 1 марта 1887 г. группа «Террористическая фракция «Народной воли», возглавлявшаяся А.И. Ульяновым, предполагала осуществить покушение на Александра III. Половцов допускает неточность. На Невском проспекте 1 марта были арестованы не четыре, а три человека: В.Д. Генералов, П.И. Андреюшкин и В.С. Осипанов (1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.—Л., 1927; Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.—Л., 1927).

[31] См. комментарий 16.

[32] 8 марта Комитет финансов рассматривал представление министра финансов Вышнеградского о выпуске 4%-ного внутреннего займа с целью «подкрепления средств государственного казначейства». Комитет одобрил представление и решил выпустить 4%-ный внутренний заем на сумму 100 млн. кредитных руб. Погашение облигаций займа должно было производиться в течение 80 лет начиная с 1 апреля 1888 г. путем проведения ежегодного тиража погашения в Петербурге. 27 марта 1887 г. журнал Комитета финансов был утвержден Александром III (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 266, л. 2—4).

[33] 26 марта 1887 г. Вышнеградский внес в Комитет министров предложение о признании Мальцевского торгово-промышленного товарищества несостоятельным должником.

Товарищество Мальцевых возникло в 1875 г. Стоимость его имущества (земли, фабрики, заводы, дома, лавки и др.) составляла 10 230 тыс. руб.

Дела товарищества шли плохо, несмотря на то что оно несколько раз получало от государства ссуды. В 1885 г. долги товарищества составили около 10 млн. руб.

Комитет министров согласился с предложением Вышнеградского. Решение Комитета было одобрено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4589. Особый журнал от 26 мая 1887 г., л. 347—368).

[34] А.И. Ульянов.

[35] Речь идет о сыне М.А. Ананьиной — Николае Ананьине, гимназисте 14 лет. На ее квартире в Парголове, в которой проживал М. Новорусский, изготовлялись метательные снаряды. Ананьина была осуждена на 20 лет каторжных работ (1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.—Л., 1927; Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.—Л., 1927).

[36] Сражение 3 июля 1866 г. между прусскими и австрийскими войсками при Садова-Кениггреце более известно как сражение под Садовой.

[37] В передовых статьях «Московских ведомостей» от 8 и 11 марта 1887 г., посвященных отношениям России и Германии, Катков выступал решительным противником продления срока действия союза трех императоров. В связи с этим он обрушивался на правительственное сообщение, опубликованное 3 декабря 1886 г. в «Правительственном вестнике», в котором подчеркивалась нерушимость русско-германского союза.

[38] В результате переговоров Шувалова с Бисмарком 18 июня 1887 г. ими был подписан договор между Германией и Россией, получивший в литературе название «договора перестраховки». В первой статье его указывалось, что договаривающиеся стороны сохраняют благожелательный нейтралитет в случае войны с третьей державой. Это обстоятельство не распространялось на тот случай, если одна из договаривающихся сторон нападает на Австро-Венгрию или Францию. Во второй статье признавались права России на влияние на Балканах, особенно в Болгарии и в Восточной Румелии. Статья третья говорила о сохранении в силе договора 1881 г. о закрытии проливов (История дипломатии. Т. II. Изд. 2. М., 1963. С. 257—259).

[39] См. комментарий 37.

[40] Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1887 г. в фонде данного учреждения отсутствуют (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 2).

[41] Соединенные Департаменты, рассматривая проект «Основных начал нового закона о водах общего пользования», отмечали, что он в редакционном отношении расходится с новым проектом устава путей сообщения, в котором содержится и раздел о водах общего пользования. В силу этого было предложено проект закона о водах общего пользования «сообразить с внесенным в Государственный совет проектом устава путей сообщения» (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1887 г., д. 26).

[42] См. комментарий 33.

[43] Победоносцев в письме Александру III от 25 марта 1887 г. решительно высказывался против включения Ростова и Таганрога в состав Области Войска Донского (Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926. С. 145—146).

[44] Указанного письма в фонде Победоносцева не сохранилось (Отдел рукописей ГБЛ, ф. К.П. Победоносцева).

[45] Речь идет о пребывании Александра III в Берлине проездом из Копенгагена 6 ноября 1887 г. В течение этого дня состоялась его встреча с Вильгельмом I и Бисмарком (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 282. Запись в памятной книжке за 6 ноября 1887 г.).

[46] Совещание состоялось только 17 января 1888 г.

[47] Законопроект о преобразовании земских учреждений был внесен в Государственный совет 8 января 1888 г. Он ставил своей задачей усиление роли дворянства в земстве, а также предусматривал установление большего контроля за деятельностью земства со стороны местной администрации (ЦГИА

СССР, ф. Департамента законов, 1890 г., д. 23, ч. 1—2; Мамулова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. // Научные доклады Высшей школы. Исторические науки. 1960. № 4. С. 60—85).

[48] См. комментарий 16.

[49] См. комментарий 28.

[50] На заседании Комитета финансов рассматривалось представление Вышнеградского «О перестройке на новый 37-летний срок 5%-ных банковых билетов первого и дополнительного выпусков (1860-й и 1863 гг.)» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 270, л. 13—20).

[51] Волькенштейн-Тростбург.

[52] Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 244—248.

[53] 17 и 24 ноября 1887 г. Комитет министров слушал представление министра путей сообщения Посьета «О железных дорогах очереди 1888 г.». Посьет настаивал на включении в смету 1888 г. суммы в 4 млн. руб., необходимой для приступа к строительству Томско-Красноярского и Уссурийского участков Сибирской железной дороги. Вопрос этот предварительно рассматривался Особым совещанием под председательством А.А. Абазы. Посьет предложил также построить Владикавказско-Петровскую, Муромо-Казанскую и Шпола-Уманьскую железные дороги, причем последнюю — на средства Общества юго-западных дорог. Вышнеградский выступил решительным противником строительства новых железных дорог на средства казначейства.

Комитет министров, не решая вопроса о железной дороге в Восточной Сибири, высказался за ускорение окончания изысканий и составления сметы на сооружение участка дороги от Владивостока до реки Уссури (строительство этого участка было начато в 1891 г.) (см. комментарий 73 за 1889 г.). Что касается других железных дорог, то Комитет министров включил на 1888 г. лишь строительство линии Шпола—Умань—Казатин—Вапнярка, которое должно было вестись не за счет казны. Решение Комитета министров было утверждено Александром III 29 ноября 1887 г. (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4605, л. 368—425).

[54] Азиатский департамент, созданный в 1819 г., был одним из наиболее важных отделов Министерства иностранных дел.

[55] См.: Сб. РИО. Т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101. «Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета».

[56] См.: Сб. РИО. Т. 68. «Дворянские наказы губерний: Казанской, Эстляндской, Лифляндской, Выборгской, Нижегородской, Малороссийской, Слободско-Украинской, Воронежской и Белгородской».

[57] См.: Сб. РИО. Т. 70. «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I».

[58] См.: Сб. РИО. Т. 71. «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством», ч. III, 1560—1571.

[59] См.: Сб. РИО. Т. 64. «Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе», ч. 6, 1725—1727 гг.

[60] См.: Сб. РИО. Т. 61, 66. «Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе», ч. 5, 1711—1719 гг.; ч. 6, 1728—1783 гг.

[61] См. комментарий 16.

[62] Речь идет о Луизе-Виктории — дочери наследника английского престола принца Альберта-Эдуарда.

[63] 28 ноября и 2 декабря 1887 г. в соединенных Департаментах законов и государственной экономии рассматривалось представление военного министра «О преобразовании управления Кубанской и Терской областей, равно как Кубанского и Терского казачьих войск».

В представлении ставился вопрос о замене «двойственного в каждой области военно-гражданского управления системой общего для всего населения областей военного заведования с подчинением его непосредственно командующему войсками Кавказского военного округа в качестве войскового наказного атамана кавказских казачьих войск». Таким образом, не только казачье, но и все гражданское население, включая и жителей городов, должно было находиться в ведении военной администрации.

Департаменты в основном одобрили представление, сократив несколько права местной военной администрации в отношении населения. Если по проекту начальник области имел право административным путем подвергать аресту до 6 месяцев или штрафу до 500 руб., то Департаменты сократили срок ареста до 1 месяца, а сумму штрафа — до 50 руб. Соответственно уменьшались права в этой области прочей администрации.

29 февраля 1888 г. Общее собрание Государственного совета согласилось с мнением соединенных Департаментов. 21 марта Александр III утвердил решение Общего собрания (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1887 г., д. 88).

[64] Установить указанный факт не удалось. Писем Полякова в фонде М.Н. Каткова (Отдел рукописей ГБЛ) не сохранилось.

[65] 24, 31 октября и 7 ноября 1887 г. в соединенных Департаментах рассматривалось представление министра государственных имуществ по поводу издания Положения о сбережении лесов.

Департаменты в целом одобрили представление, в котором подлежащие охране леса делились на две категории: а) защитные — безусловно подлежащие сохранению; б) леса, которые «по их положению, предназначению или вследствие малолесья местности правительство признает необходимым подчинить особым правилам сбережения». Департаменты сочли лишь нужным территориально несколько ограничить действие положения в части лесов второй категории.

При обсуждении данного представления 1 и 8 февраля 1888 г. в Общем собрании Государственного совета возник вопрос: «Своевременно ли издание... узаконения в полном его объеме и не осторожнее ли было бы ограничиться в настоящее время утверждением одних только правил о лесах защитных?» 51 член Совета высказался за утверждение проекта в полном объеме. 2 члена (Победоносцев и Мансуров), считая, что принятие положения в целом будет являться «весьма чувствительным стеснением права собственности», предложили ограничиться изданием на 10 лет лишь правил о лесах защитных.

22 марта Александр III утвердил мнение 51 члена.

Разногласия произошли и по вопросу о способах обжалования решений губернских лесоохранительных комитетов. 16 членов Совета во главе с Пале-

ном (а не 17, как утверждает Половцов в записи за 1 февраля 1888 г.) высказались за то, чтобы жалобы на решения этих комитетов рассматривались в I департаменте Сената, а 33 члена (а не 32, как пишет Половцов) — за подачу этих жалоб на имя министра государственных имуществ, который должен был привлекать к рассмотрению заинтересованные ведомства и решать вопрос по согласованию с ними. Александр III утвердил мнение 33 членов (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1887 г., д. 86).

[66] 19 ноября 1887 г. в соединенных Департаментах рассматривалось представление министра финансов по вопросу об обложении акцизом осветительных нефтяных продуктов. Акциз на керосин, газолин и другие осветительные продукты, получаемые из нефти, был установлен в 1872 г. в связи с ликвидацией откупной системы. Однако в 1875 г. Кавказским отделением Русского технического общества был поставлен вопрос об освобождении от акциза нефтяных продуктов по крайней мере на 10 лет в целях оказания помощи развитию нефтяной промышленности. Для более подробного ознакомления с состоянием нефтяных промыслов на Кавказе и за границей на Кавказ был командирован профессор Горного института Лисенко, а в Америку — профессор Петербургского университета Менделеев.

1 сентября 1877 г. акциз на нефтяные продукты был отменен.

13 декабря 1886 г. при Министерстве финансов было образовано Особое совещание из представителей различных ведомств, Русского технического общества и нефтепромышленников, на котором, по-видимому, присутствовал и Менделеев. Несмотря на различные точки зрения по вопросу о возобновлении акциза, Министерство финансов представило в Государственный совет проект введения акциза.

Соединенные Департаменты предложили установить акциз в размере 40 коп. с пуда керосина и 30 коп. с пуда солярных масел. В целях охранения от иностранной конкуренции рекомендовалось увеличить ввозную пошлину с 70 коп. до 1 руб. с пуда.

Общее собрание Государственного совета 7 декабря 1887 г. одобрило мнение соединенных Департаментов о введении акциза с 1 сентября 1888 г. 21 декабря 1887 г. это решение было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1887 г., д. 440, 456; 1888 г., д. 206).

[67] См. комментарий 75.

[68] Речь идет о волнениях в Московском университете, начавшихся 22 ноября 1887 г. Поводом послужил инцидент в зале Московского дворянского собрания, где в тот день давался концерт хора и оркестра Московского университета. На концерте студент юридического факультета А. Синявский дал пощечину инспектору Брызгалову.

В результате волнений 30 ноября университет был временно закрыт. Волнения охватили другие высшие учебные заведения. В конце 1887 г. были также закрыты Петербургский, Харьковский, Казанский и Новороссийский университеты, а также Харьковский технологический и Казанский ветеринарный институты (Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958. С. 160—172).

[69] Граф Парижский был внуком короля Луи-Филиппа и являлся претендентом на французский престол. По решению республиканского правительства был изгнан из Франции и жил в Англии.

[70] Принц Фердинанд Кобургский, вступивший впоследствии на болгарский престол, был креатурой Австро-Венгрии. Русское правительство по поводу приглашения Фердинанда Кобургского на престол Болгарии заявило решительный протест (История Болгарии. Т. I. М., 1954. С. 401—402).

[71] Имеется в виду принц Людовик-Филипп Орлеанский.

[72] 14 декабря в Общем собрании Государственного совета слушался журнал соединенных Департаментов от 7 ноября 1887 г. по делу о разногласии, возникшем в I департаменте Сената, по вопросу о том, имеют ли право евреи, жившие в сельских местностях, после издания временных правил 3 мая 1882 г. переходить на жительство в другие сельские районы.

23 члена считали, что переезд евреев из селений, где они жили до 3 мая 1882 г., в другие следует запретить. 24 члена полагали, что евреи имеют право переезда из одного селения в другое в пределах черты оседлости. Александр III 24 декабря утвердил мнение меньшинства (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1887 г., д. 75).

[73] Имеется в виду статья Д.А. Толстого «Верельский мирный договор со Швецией 3 августа 1790 г. с приложениями писем Екатерины II, Густава III, графа Остермана, графа Безбородко, барона Игельстрома и записок Эренстрема» (Русский архив. 1887. № 12. С. 457—520).

[74] См. комментарий 152 за 1883 г.

[75] 7 декабря 1887 г. в соединенных Департаментах рассматривалось переданное из Комитета министров представление Д.А. Толстого о том, чтобы министру внутренних дел было дано право временно освобождать от должности лютеранское духовенство, против которого возбуждено судебное или административное преследование. Соглашаясь в принципе с требованием Толстого, Департаменты сочли более целесообразным не создавать по этому поводу отдельного закона, а изменить в соответствующем духе статью 375 устава евангелическо-лютеранской церкви. Общее собрание Государственного совета, рассмотрев этот вопрос 21 декабря 1887 г., постановило возвратить дело в соединенные Департаменты на новое рассмотрение.

23 января 1888 г. представление министра внутренних дел снова рассматривалось в соединенных Департаментах. При его обсуждении не было достигнуто единого мнения. 2 члена (Рихтер и Пален) считали, что увольнение пасторов министром произведет «огорчающее впечатление на всех верующих лиц лютеранского исповедания, которые в умалении значения своих вероучителей увидят религиозное преследование и стеснение их совести» (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1887 г., д. 101, л. 35). Поэтому они предлагали в случае несогласия генеральной консистории с министром вопрос об удалении пасторов рассматривать в I департаменте Сената. Остальные 11 членов согласились с представлением Толстого и одобрили проект статьи 375 устава евангелическо-лютеранской церкви, сделав ряд замечаний.

При рассмотрении этого вопроса в Общем собрании 22 февраля 1888 г. 28 членов Совета выступили против проекта, а 16 присоединились к мне-

нию 11 членов соединенных Департаментов. 22 марта 1888 г. Александр III утвердил мнение меньшинства (там же, д. 101; см. также комментарий 22 за 1885 г.).

[76] Речь идет о редакционной статье в газете «Русский инвалид» от 3 декабря 1887 г., написанной А.Н. Куропаткиным. В ней характеризовались состояние германской, австро-венгерской и русской армий, их дислокация, возможность сосредоточения в пограничных районах в связи с развитием железнодорожной сети и т. д. Эта статья была официальным ответом правительства на ту шумиху, которая была поднята в Австро-Венгрии в связи с передислокацией в Варшавский военный округ некоторых кавалерийских частей. Она вызвала широкий отклик в зарубежной печати (ЦГВИА, ф. Коллекция Военно-ученого комитета, оп. $^{4}/_{228}$, д. 60). В деле содержится записка начальника Главного штаба генерала Н.Н. Обручева Александру III по вопросу, освещаемому в статье.

[77] 3 ноября 1887 г. Комитет министров по представлению министра юстиции рассматривал вопрос об учреждении опеки над имуществом и делами потомственных дворян Сергея и Павла фон Дервизов.

Обстоятельства этого дела заключались в следующем. В 1881 г. после смерти П.Г. фон Дервиза над его двумя несовершеннолетними сыновьями (18 и 11 лет) была установлена опека, осуществлявшаяся, согласно духовному завещанию, братом умершего Д.Г. фон Дервизом и Д.В. Ростовцевым. В 1884 г. в связи с совершеннолетием старшего сына опека была снята.

В 1887 г. бывший опекун Д.Г. фон Дервиз обратился с всеподданнейшим прошением об установлении вновь опеки над «личностью», имуществом и делами Сергея Павловича и Павла Павловича фон Дервизов впредь до достижения совершеннолетия Павла Павловича и создании опекунского управления из трех лиц, которое подчинялось бы Петербургской дворянской опеке.

Необходимость установления опеки фон Дервиз мотивировал тем, что старший его племянник Сергей «вошел в сношение с несколькими иностранными аферистами» по вопросу постройки железных дорог в Персии, что создает угрозу состоянию как его, так и его брата. Министр юстиции поддержал это ходатайство, и Комитет министров, «принимая во внимание совершенно исключительное обстоятельство дела», принял решение об установлении опеки сроком на $3^{1}/_{2}$ года, впредь до совершеннолетия младшего брата. 9 ноября это решение было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4605. Особый журнал от 3 ноября 1887 г., л. 18—35).

Узнав об этом, вдова и старший сын Дервизы обратились к царю с жалобой на это решение. С. Дервиз писал, что обвинение его в расточительности и в связях с аферистами лишено всякого основания. Это прошение было передано Александром III вновь на рассмотрение Комитета министров. После всесторонней проверки имущественного состояния фон Дервизов Комитет министров 9 февраля 1888 г. вновь рассмотрел вопрос об опеке и пришел к заключению о возможности удовлетворить просьбу С. Дервиза о снятии опеки, имея в виду, что С. Дервиз «отказался от участия в компании с различными сомнительными иностранцами в постройке персидских

железных дорог». 18 февраля решение было утверждено императором (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, ф. 4648. Особый журнал от 9 февраля 1888 г., л. 82—96).

Установление опеки над имуществом Дервизов вызвало большое возмущение в высших сферах. Это приписывалось Победоносцеву, который неправильно информировал своих коллег по Комитету министров. А.А. Киреев писал в дневнике: «Государя опять подвели! Молодые Дервизы взяты в опеку; обвинены они в расточительности, в невыгодном для России употреблении капиталов и даже в том, что эти капиталы шли нигилистам... Победоносцев поддерживал Дервиза (бывшего опекуна. — *П. З.*), Манасеин докладывал дело, государь подписал. Теперь оказывается, что все обвинения ни на чем не основаны. Государю приходится отказаться от своей подписи... Победоносцев — главный виновник всего инцидента с Дервизом — теперь от него открещивается» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. А.А. Киреева, К-11, л. 38—39). Об этом же говорит в своем дневнике и А.В. Богданович (ЦГИА СССР, ф. Е.В. Богдановича, д. 238, л. 18).

1888 год

[1] В 1887 г. в период «военной тревоги» происходит известное сближение Англии с Австро-Венгрией и Италией. Большую роль в этом играл Бисмарк. В феврале 1887 г. произошел обмен нотами между Италией и Англией по вопросу о сотрудничестве в деле поддержания status quo в районе Средиземного и Черного морей. Однако дело до вступления Англии в союз с Германией, Австро-Венгрией и Италией не дошло (История дипломатии. Т. II. Изд. 2. М., 1963. С. 265).

[2] Имеются в виду воспоминания Ивана Александровича Гончарова «На Родине» (Вестник Европы. 1888. Кн. 1. С. 7—52; Кн. 2. С. 481—520).

[3] См. комментарий 73 за 1887 г.

[4] Весной 1874 г. вел. кн. Николай Константинович был уличен в воровстве ряда вещей в кабинете императрицы и в Мраморном дворце его отца. Об этом подробно рассказывает в своем дневнике Д.А. Милютин.

Так, в записи за 18 апреля он писал: «Государь рассказал мне все, как было, подробности возмутительны. Оказывается, что Николай Константинович после разных грязных проделок, продолжавшихся уже несколько лет, дошел, наконец, до того, что ободрал золотой оклад с образа у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи со стола императрицы. Все краденое шло на содержание какой-то американки, которая обирала юношу немилосердно. Всего хуже то, что он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже сваливал вину на других, на состоящих при нем лиц» (Дневник Д.А. Милютина. Т. I. М., 1947. С. 152—153; см. также: Дневник П.А. Валуева. Т. II. М., 1961. С. 309—310, 314, 343—344).

Вел. кн. Николай Константинович был сослан в Ташкент, где прожил до смерти.

[5] См. комментарий 47 за 1887 г.

[6] Речь идет о предполагавшейся женитьбе морганатическим браком вел. кн. Николая Николаевича младшего на купчихе С.И. Бурениной (Богданович А.В. Три последних самодержца. М.—Л., 1924. С. 67).

[7] Морганатический брак не переносил на жену или мужа и детей прав и состояния мужа или жены. В России понятие этого брака распространялось на лиц императорской фамилии, женившихся или выходивших замуж за лиц, не принадлежащих к той или иной правящей династии.

[8] Речь шла об ответе Толстого на замечания министра юстиции Манасеина (см. комментарий 27 за 1887 г.). Александр III обязал министра внутренних дел до своего ответа на эти замечания созвать совещание заинтересованных министров и прийти к предварительному соглашению. Однако Толстой всячески оттягивал созыв этого «согласительного» совещания. Оно состоялось только 17 января 1888 г.

[9] В 1885 г. в Государственный совет министром финансов по согласованию с Министерством юстиции был внесен проект закона о товарных складах, принимающих на хранение товары, о порядке выдачи владельцами этих складов свидетельств (варрантов) на принятые товары. Указанные свидетельства могли закладываться.

4 февраля 1888 г. соединенные Департаменты одобрили этот проект, внеся в него отдельные дополнения. 14 марта Общее собрание утвердило заключение Департаментов, а 30 марта Александр III утвердил журнал Общего собрания (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1888 г., д. 72; ПСЗ. Собр 3. Т. VIII. № 5099).

[10] 28 ноября, 5 и 19 декабря 1888 г., 9 и 23 января, 20, 27 и 31 марта, 14 и 20 апреля 1889 г. в соединенных Департаментах обсуждались представления министра юстиции: 1) о преобразовании судебной части в Прибалтийских губерниях и 2) о преобразовании крестьянских установлений в этих же губерниях. Департаменты одобрили представление министра юстиции о введении здесь судебных уставов 1864 г. и о ликвидации особого судебного строя. «Будучи основан на началах сословности и не составляя чего-либо цельного, ибо не только каждая губерния, но и многие отдельные местности края имели свои особые своеобразные установления, — указывали Департаменты, — строй этот должен быть признан устаревшим, как не отвечающий современным условиям отправления правосудия» (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1889 г., д. 34, ч. 2, л. 1). Департаменты одобрили представленный проект, сделав ряд замечаний. Вместе с тем они одобрили и проект преобразования крестьянских установлений.

22 мая 1889 г. Общее собрание утвердило заключения соединенных Департаментов, а 9 июля 1889 г. Александр III утвердил журнал Общего собрания (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1889 г., д. 34, ч. 1—2; ПСЗ. Собр. 3. Т. IX, № 6188, 6189).

Судебные уставы 1864 г. вводились в Прибалтийских губерниях с рядом ограничений. Так, мировые судьи и председатели мировых съездов не избирались, а назначались министром юстиции, в окружных судах отсутствовал суд присяжных и т. д.

«Положение о преобразовании судебных присутственных мест» состояло из двух частей: а) «Волостного судебного устава», предусматривавшего учреждение волостных верхних крестьянских судов, и б) «Временных правил об изменении состава и предметов ведомства крестьянских присутственных мест».

По этим правилам надзор за волостным общественным управлением крестьян возлагался на комиссаров по крестьянским делам (своеобразных земских начальников), назначаемых министром внутренних дел.

Эти реформы ставили своей целью укрепление правительственной власти в Прибалтийских губерниях. Вместе с тем они ослабляли влияние немецкого дворянства, в руках которого находились судебные учреждения, и уменьшали зависимость латышского и эстонского крестьянства от местных землевладельцев-дворян.

[11] В 1880-х годах в комиссии под председательством генерал-адъютанта П.Е. Коцебу разрабатывался вопрос о полевом управлении войск в военное время. Необходимость этого была вызвана тем, что «Положение о полевом управлении войск в военное время», разработанное в 1868 г., обнаружило во время войны 1877—1878 гг. ряд недостатков (отсутствие единого верховного командования, слабая организация тыла армии). Так, согласно положению 1868 г., снабжение армии должно было осуществляться военными округами, не находившимися в прямом подчинении главнокомандующих.

Проект нового положения был передан на заключение особой комиссии под председательством вел. кн. Николая Николаевича старшего. Окончательный проект нового положения был утвержден 26 февраля 1890 г. (Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881—1894. СПб., 1903. Ст. 74—76; о положении 1868 г. см.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952. С. 165—169).

[12] Дальнейшие совещания, происходившие без участия Толстого, не увенчались успехом, и единомыслия достигнуто не было. Ни к чему не привело и совещание в Государственном совете, созванное под председательством вел. кн. Михаила Николаевича 28 марта 1888 г. (см. наст. том. С. 99—100, а также: Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929. С. 273).

[13] См. комментарий 16 за 1887 г.

[14] «Correspondance de Marie-Louise 1799—1847, lettres intimes et inédites à la comtesse de Colloredo et M-lle de Poutet, depuis 1810 comtesse le Greuneville». Vienne, 1887, p. 345.

[15] 23 января 1888 г. в соединенных Департаментах обсуждалось представление министра внутренних дел «О распространении высочайше утвержденных 3 июня 1882 г. правил на вольных людей второго разряда».

3 июня 1882 г. был издан закон (ПСЗ. Собр. 3. Т. II. № 937), по которому бывшим вольным людям II разряда, проживающим на владельческих землях в губерниях Виленской, Ковенской и Гродненской, предоставлялось право приобретения путем выкупа арендуемого ими участка. Условия выкупа были следующие. Стоимость десятины земли определялась от 71 р. 50 к. до

32 р. 50 к., причем 85% стоимости (выкупная ссуда) покупатель должен был выплатить в течение 49 лет, а 15% внести единовременно владельцу. За невозможностью единовременной уплаты эта сумма могла быть рассрочена на 6 лет.

Вопрос о покупке земли следовало решить к 23 апреля 1886 г., в противном случае владелец земли по истечении срока аренды имел право прекратить арендные отношения.

Представление министра, во-первых, предполагало распространить правила 3 июня 1882 г. на бывших вольных людей, проживающих в юго-западных губерниях, и, во-вторых, продлить срок приобретения участков бывшими вольными людьми Виленской, Ковенской и Гродненской губерний, которые не выкупили участков до 23 апреля 1885 г. и срок аренды на участки которых еще не истек.

Соединенные Департаменты в целом согласились с представлением Толстого. Срок заключения сделок на покупку земли в Виленской, Ковенской, Гродненской губерниях был установлен до 1 января 1891 г. 29 февраля 1888 г. Общее собрание одобрило заключение Департаментов, а 21 марта 1888 г. журнал собрания был утвержден Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1888 г., д. 10; ПСЗ. Собр. 3. Т. VIII. № 5079).

[16] По-видимому, имеется в виду статья Тэна «Formation de la France contemporaine. Passage de la République à l'empire» («Revue des deux mondes», 15 janvier et 1-er fébrier 1888).

[17] Речь идет, по-видимому, о статье Д.А. Толстого в «Русском архиве» (см. комментарий 73 за 1887 г.).

[18] Имеется в виду заключенный 24 (12) сентября 1879 г. договор между Германией и Австро-Венгрией, направленный против России. В первой статье его говорилось, что договаривающиеся стороны в случае нападения России обязаны выступить друг другу на помощь (История дипломатии. Т. II. Изд. 2. С. 140—142).

[19] 28 января 1888 г. в соединенных Департаментах государственной экономии и законов рассматривалось представление министра финансов «Об облегчении порядка досрочного погашения ссуд, выдаваемых из Общества взаимного поземельного кредита».

Цель законопроекта заключалась в стремлении облегчить помещикам выкуп заложенных ими имений путем досрочного погашения их долгов «до окончания конверсии прежних 5% закладных листов Общества на новые $4^1/_2$% листы посредством взноса наличными деньгами суммы, образующейся через капитализацию из $4^1/_2$% годовых срочных взносов заемщиков, причитающихся с них впредь до окончательного завершения конверсии» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1888 г., д. 45, л. 2).

Соединенные Департаменты в целом одобряли представление, отклонив некоторые пункты ходатайства уполномоченных Общества взаимного кредита (там же, д. 45; ПСЗ. Собр. 3. Т. VIII. № 5055).

[20] По-видимому, идет речь о заседании особой комиссии под председательством вел. кн. Николая Николаевича (см. комментарий 11).

[21] См. комментарий 65 за 1887 г.

Недовольство проектом Палена, по-видимому, и нашло свое отражение в его предложении о порядке обжалования решений лесоохранительных комитетов.

[22] Генерал-фельдцейхмейстер — титул начальника артиллерии. С 1852-го по 1909 г. генерал-фельдцейхмейстером был вел. кн. Михаил Николаевич. Должность эта была почетной, однако давала возможность вел. князю вмешиваться в дела артиллерийского ведомства.

[23] См. комментарий 65 за 1887 г.

[24] См. комментарий 37.

[25] 6 февраля в соединенных Департаментах законов и государственной экономии рассматривалось представление министра внутренних дел «Об устройстве поселенцев иностранного происхождения в губерниях Юго-Западного края».

В представлении говорилось о необходимости прекращения колонизации иностранцами (точнее — немцами) западных окраин и выдвигалась задача «устранить те вредные последствия, которые означенное явление уже успело породить в настоящее время» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1888 г., д. 46, л. 3).

Указом от 14 марта 1887 г. было запрещено лицам иностранного подданства приобретать в пределах Юго-Западного края «не только право собственности, но и отдельные от него права владения и пользования оными» (ПСЗ. Собр. 3. Т. VII. № 4286).

Представление Толстого предусматривало колонистов, принявших русское подданство, включить в состав сельских и городских обывателей; колонистов, находящихся в иностранном подданстве, причислить для отбывания повинностей к волостям «без истребования приемных приговоров от подлежащих волостных судов». Колонисты этого разряда должны были подчиняться волостному управлению также и в полицейском отношении.

23 мая Общее собрание утвердило мнение Департаментов, а 15 июня журнал собрания был утвержден императором (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1888 г., д. 46; ПСЗ. Собр. 3. Т. VIII. № 5357).

[26] См. комментарий 77 за 1887 г.

[27—28] См. комментарий 53 за 1886 г.

[29] См. комментарии 75 за 1887 г. и 22 за 1885 г.

[30] См. комментарий 11.

[31] 26 января 1888 г. Толстой разослал ряду министров отношение с просьбой высказать свои соображения по поводу общего пересмотра как действующих законов о пользовании и распоряжении крестьянскими надельными землями, так и временных правил, которые предполагалось ввести еще до окончания общего пересмотра. Эти правила предусматривали значительное ограничение права пользования этими землями, несмотря на приобретение их в собственность на основе выкупной операции. Так, надельные земли могли продаваться лишь лицам, «принадлежащим к сельскому состоянию».

Воронцов-Дашков в своем отзыве, несмотря на выражение «полного сочувствия к основной мысли проекта», в отношении общего пересмотра и согласования между собой отдельных частей действующего законодательства о

крестьянском землевладении высказался против временных правил, намеченных Министерством внутренних дел. «Проектируемая ныне мера, — писал он, — совсем почти отнимает у крестьян всякое право свободного распоряжения приобретенными ими в собственность землями и разрушает, таким образом, в корне установленное самим законом понятие крестьян-собственников» (ЦГИА СССР, ф. Департамента окладных сборов Министерства финансов, д. 7774, ч. 2, л. 293).

Окончательно этот вопрос рассматривался в Государственном совете в 1893 г. (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1893 г., д. 77; см. также: Брусникин Е.М. Политика царизма по крестьянскому вопросу в период политической реакции 80-х — начала 90-х годов XIX в. М., 1965 (канд. дисс.).

[32] Пребывание Александра II в Берлине в 1872 г. подробно описано в воспоминаниях Д.А. Милютина (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д.А. Милютина, п. 16, д. 4, с. 88—114).

[33] Автор пьесы «Вторая молодость» П.М. Невежин.

[34] Речь идет о т. I «Писем и бумаг императора Петра Великого», вышедшем в 1887 г.

[35] По-видимому, идет речь о произведении М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина, жизнь и приключения Никанора Затрапезного», печатавшемся в «Вестнике Европы» в 1887—1889 гг.

[36] Имеется в виду семитомная биография «Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. По неизданным источникам составил Генерального штаба генерал-лейтенант князь Щербатов». По-видимому, речь идет о первом томе, вышедшем в 1888 г.

[37] 15 марта 1888 г. Комитет министров слушал представление министра юстиции об учреждении администрации над имуществом и делами банкира барона Фелейзена. По данным Министерства финансов, имущество Фелейзена оценивалось в 2 134 723 руб., а долги его составляли 3 871 886 руб.

Комитет министров поручил Манасеину созвать всех наличных кредиторов и, если они сочтут для себя выгодным, учредить из их среды администрацию с подчинением ее Петербургскому коммерческому суду (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4650, л. 135—149). Тот факт, что вопрос рассматривался по Особому журналу, говорит о стремлении придать делу секретность.

[38] Flammarion C. L'atmosphére météorologie, populaire... Paris, 1888.

[39] 19 марта в соединенных Департаментах законов и государственной экономии обсуждалось представление министра внутренних дел «О правах приамурского генерал-губернатора и о штате его управления». Департаменты сочли возможным предоставить генерал-губернатору «в виде опыта на 10 лет» широкие права в области финансового обложения. Ему разрешалось: 1) устанавливать плату за право добычи «естественных произведений, не состоящих в частном владении», за исключением золота; 2) допустить иностранный каботаж и облагать его особыми сборами; 3) устанавливать сбор со всякого рода судов; 4) устанавливать размер оброчной подати с китайского и корейского населения за пользование казенной землей; 5) облагать эту категорию населения особыми сборами и т. д.

2 мая Общее собрание утвердило заключение Департаментов, а 17 мая 1888 г. оно было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1888 г., д. 31).

[40] В фонде Комитета финансов (ЦГИА СССР) журнала Комитета от 20 марта 1888 г. не обнаружено.

[41] Речь идет о статье «По поводу зловещего слуха», помещенной в газете «Гражданин» от 18 марта 1888 г. В статье Мещерский обвиняет Государственный совет в попытке задержать обсуждение проекта о земских начальниках. По мнению газеты, Совет должен «обойти формальности канцеляризма, чтобы дело окончить как можно скорее». «Гражданин» не скрывал при этом своих реакционных взглядов. «Ведь за министра внутренних дел, — говорилось в статье, — вся Россия, за его противников — горсть чиновников-либералов, выдвигающая вперед крошечную и смешанную артиллерию загвоздок и прицепок, чтобы сперва остановить, а потом погубить гигантское благое дело» (см. также комментарий 22 за 1887 г.).

[42] Falloux F. Mémoires d'unt royaliste. Vol. I—II. Paris, 1888.

[43] Имеются в виду «Соображения члена Государственного совета Е.П. Старицкого «По проекту Положения о земских начальниках» от 15 апреля 1887 г.». В своей записке Старицкий полагал «наиболее правильным и осторожным» рассматривать этот вопрос в связи с реформой местного управления в целом. Он предлагал сосредоточить и объединить все уездные власти. Во главе уезда должна быть, по мнению автора, «поставлена власть, могущая объединить все органы управления и сосредоточить в руках правительства ближайшее руководство ими и надзор за их деятельностью. Такой властью могла бы быть власть уездного начальства» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 283). Таким образом, Старицкий предвосхищал идею, выраженную в проекте графа Воронцова-Дашкова (см. комментарий 48).

[44] 26 марта 1888 г. в соединенных Департаментах законов и государственной экономии рассматривалось представление министра путей сообщения «О способах осуществления надзора за железнодорожными тарифами». Предварительно по этому вопросу было созвано особое совещание из представителей различных ведомств, которое не пришло к единому мнению. Государственный контролер и министр финансов считали, что заведование тарифами должно принадлежать министру финансов, а министр путей сообщения полагал, что это функция его министерства.

Департаменты пришли к заключению, что вопросами тарифов должны ведать все ведомства, а также Совет по железнодорожным делам. В связи с этим представление министра путей сообщения было возвращено ему для доработки.

18 ноября 1888 г. «высочайшим повелением» руководство тарифами было возложено на финансовое ведомство. В соответствии с этим соединенные Департаменты 26 января и 1 февраля 1889 г. вновь рассматривали этот вопрос и утвердили «Временное положение», по которому рассмотрение тарифного дела сосредоточивалось в Министерстве финансов, а именно: в Совете по тарифным делам, Тарифном комитете и Департаменте железнодорожных дел.

8 марта 1889 г. решение Департаментов было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1888 г., д. 55; ПСЗ. Собр. 3. Т. IX. № 5831).

[45] 17 октября 1888 г. императорский поезд потерпел крушение на 277-й версте Курско-Харьковско-Азовской железной дороги между станциями Борки и Тарановка. Поезд сошел с рельсов. В результате крушения пять вагонов и два паровоза были сильно повреждены. 21 человек был убит и 43 получили различные повреждения. Императорская семья находилась во время крушения в столовом вагоне и не пострадала. После крушения министр путей сообщения Посьет и главный инспектор железных дорог барон Шернваль вынуждены были уйти в отставку (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 592. Материалы следственного производства о крушении императорского поезда; ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1889 г., д. 17; Кони А.Ф. Собр. соч. Т. I. М., 1966. С. 420—495; Витте С.Ю. Воспоминания, т. I. М., 1960. С. 184—200).

[46] Lecky W.E.H. History of England in the XVIII century, vol. I—VIII. London — New York, 1878—1890.

[47] Речь идет о здании Министерства государственных имуществ, находившемся на Исаакиевской площади рядом с Мариинским дворцом.

[48] В своей записке, представленной 23 сентября 1888 г., министр императорского двора И.И. Воронцов-Дашков критиковал проект Толстого, считая, что введение института земских начальников не устранит многоначалия в уезде, а, наоборот, усилит его. Воронцов-Дашков предлагал учредить институт уездных начальников, объединяющих в своих руках все функции административной власти в уезде. Уездные начальники должны были назначаться из числа дворян-помещиков. Этот проект, близкий по общей идее с толстовским, имел ряд особенностей. Уездный начальник в отличие от земского концентрировал в своих руках все отрасли административно-полицейского управления в уезде в отношении всех сословий. Согласно проекту, мировой суд сохранялся, а уездный начальник не обладал судебной властью (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 579, 622; Зайончковский П.А. Закон о земских начальниках 12 июля 1889 г. С. 72).

[49] См. комментарий 45.

[50] Речь идет, по-видимому, о первом золотом 4%-ном займе. Заем выпускался в целях конверсии 5%-ного займа 1877 г. на сумму по нарицательной цене в 125 млн. золотых руб. Указ о выпуске этого займа был издан 8 ноября 1888 г. Заем именовался «Российским золотым 4%-ным займом 1889 г.». Подписка на заем начала производиться с 28 ноября 1888 г. (Мигулин П.П. Русский государственный кредит 1769—1899. Т. II. Харьков, 1900. С. 86—92; см. также представление Вышнеградского в Комитет финансов // Исторический архив. 1959. № 3. С. 103—111).

Поздравляя Вышнеградского, Половцов, вероятно, имел в виду договоренность его о распространении займа за границей, во Франции, группой парижских банкиров.

[51] 16, 18 апреля и 9 мая 1888 г. в соединенных Департаментах рассматривалось представление министров внутренних дел и юстиции «Об ограничении ссылки в Сибирь». Соединенные Департаменты отвергли предложения министров об отмене административной ссылки, но вместе с тем сочли возможным внести ряд изменений в существующие законы о ссылке.

30 мая журнал соединенных Департаментов рассматривался в Общем собрании. При обсуждении вопроса возникли разногласия. 8 членов Совета полагали необходимым сохранить существующее право крестьянских обществ не принимать в свою среду «прежних своих членов, отбывавших тюремное заключение», а 34 члена считали возможным изменить этот закон. Александр III утвердил мнение 8 членов. Таким образом, представление министров было фактически отклонено (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1888 г., д. 60).

[52] См. комментарий 28 за 1887 г.

[53] Речь идет о восстании в северной части Афганистана, вспыхнувшем летом 1888 г., которое было направлено против главы государства Абдурахман-хана. 13 октября силы восставших были окружены правительственными войсками (Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX — начало XX в.). М., 1959. С. 142—143; ЦГВИА, ф. Главного штаба, Азиатская часть, оп. 260/910, 1888 г., д. 18).

[54] См. комментарий 4.

[55] См. комментарий 45.

[56] В описи дел архива Государственного совета за 1888—1890 гг. (т. X, XI), а также в фонде Министерства юстиции (Законодательное отделение за 1885—1888 гг.), оп. 86, 87, 89, 90 указанного представления и журнала обсуждения его в Государственном совете не обнаружено.

[57] См. комментарий 149 за 1883 г.

[58] См. комментарий 10.

[59] Имеется в виду проект Воронцова-Дашкова (см. комментарий 48).

[60] Половцов не совсем точен. И.А. Шестаков вел дневник лишь с 1882 г. вплоть до самой смерти. Дневник состоит из 8 книг in quarto.

За более ранний период им написаны воспоминания «Полвека общественной жизни» в семи частях. В них освещаются служба автора на флоте, его многочисленные путешествия по Европе, Америке, а также внешне- и внутриполитические вопросы жизни России. В приложении к первой части содержатся биографические очерки В.А. Корнилова и П.С. Нахимова.

[61] Воспоминания и дневники И.А. Шестакова хранятся в Отделе рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и не издавались. Машинописная копия дневника находится в его фонде в ЦГАВМФ.

[62] «Гражданин», 6 декабря 1888 г. (статья «Дневник»).

[63] По-видимому, речь идет об Особом совещании по вопросу о постройке железных дорог в Персии. 20 ноября 1888 г. министр иностранных дел Н.К. Гирс обратился к военному министру П.С. Ванновскому с письмом, в котором указывал на согласие Александра III на созыв Особого совещания по указанному вопросу (ЦГВИА, ф. Главного штаба, Азиатская часть, оп. 260/910, 1888 г., д. 99). В данном деле имеются различные записки, но журнал Особого совещания отсутствует.

В феврале 1890 г. было созвано по этому поводу Особое совещание под председательством А.А. Абазы. Журнал этого совещания опубликован в «Крас-

ном архиве» (1933. № 1 (56). С. 35—48). Переговоры с персидским правительством закончились в 1890 г. подписанием соглашения с шахом об отсрочке постройки железных дорог на 10 лет. Русское правительство считало, что проектируемая линия от Персидского залива до Тегерана может только облегчить доступ английским товарам в Персию (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 483. Общий обзор деятельности Министерства иностранных дел во время царствования императора Александра III, 1881—1894 гг.).

[64] Материалов совещания в фондах Канцелярии Военного министерства (ЦГВИА, ф. 1л), Военно-ученого архива (ВУА) и Коллекции Военно-ученого комитета (ф. 401) обнаружить не удалось.

[65] Материалов указанного совещания в фонде Канцелярии Военного министерства (ЦГВИА, ф. 1л) обнаружить не удалось.

О разногласии между министрами финансов и военным по вопросам бюджета упоминается во Всеподданнейших докладах по Военному министерству 1889—1890 гг. Так, в мае 1888 г. состоялось Особое совещание под председательством Александра III, которое, рассматривая необходимые ассигнования на военные нужды, вместо просимых Военным министерством ежегодно 18 млн. руб. сочло возможным отпускать в среднем по $6^1/_2$ млн. руб. в год (ЦГВИА, Библиотека, Всеподданнейший доклад по Военному министерству 1889 г., с. 192). В конце 1889 г. по этому же вопросу вновь состоялось Особое совещание под председательством Абазы, которое отвергло ряд предложений Военного министерства (см. указанный доклад 1890 г., с. 10—111).

[66] См. комментарий 60.

[67] О причинах увольнения Н.П. Игнатьева см.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964. С. 449—472.

[68] См. комментарий 28 за 1887 г.

[69] В заседании соединенных Департаментов 17 декабря разногласие возникло по вопросу о характере власти земского начальника: должна ли она быть общеадминистративной, как это предлагал Воронцов-Дашков (см. комментарий 48), или ведающей только крестьянским управлением. 7 членов — Толстой, Вышнеградский, Островский, Манасеин, Победоносцев, Философов и Мансуров 2-й высказались за второе предложение, остальные 18 членов поддержали первое (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 780—805).

[70] 27 октября 1888 г. в соединенных Департаментах государственной экономии и законов рассматривалось представление министра финансов «О полугодовых патентах на содержание заведений для раздробительной продажи крепких напитков в губерниях западных, новороссийских, малороссийских и бессарабских». Необходимость этого, по мнению Вышнеградского, объяснялась тем, что «приобретение годовых патентов является непосильным для большей части виноторговцев западной и южной полос империи и может вызвать закрытие значительного числа питейных заведений».

Соединенные Департаменты одобрили представление, внеся в него некоторые дополнения. В частности, министру финансов разрешалось распространить право выдачи полугодовых патентов на другие местности империи.

19 декабря 1888 г. в Общем собрании 6 членов (в том числе Б.П. Мансуров и Н.П. Мансуров) высказались против выдачи полугодовых патентов, имея в виду, что это приведет к увеличению числа питейных заведений. При этом они отмечали, что в 1885 г. Министерство финансов само настояло на отмене полугодовых патентов, руководствуясь именно этими соображениями. 38 членов поддержало решение соединенных Департаментов, ограничив предлагаемую меру до общего пересмотра закона 14 мая 1885 г.

10 января 1889 г. Александр III утвердил мнение большинства (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1888 г., д. 358).

[71] L. Schneider. König Wilhelm. Militärische Lebenbeschreibung. 1867—1871. Berlin, 1875.

[72] Заявление Д.А. Толстого о возможности крестьянского восстания летом 1889 г. лишено каких-либо оснований. По-видимому, и сам Толстой не верил этому и лишь пугал Александра III. На протяжении 1888-го — первой половины 1889 г. не было ни одного крупного выступления крестьянства (Крестьянское движение в России 1881—1889 гг. М., 1960).

[73] Архив Лорис-Меликова сохранился, по-видимому, далеко не полностью. Часть его хранится в ЦГИА СССР в Ленинграде (ф. 866—175 единиц хранения), часть в ЦГАОР в Москве (ф. 569—277 единиц хранения).

[74] См. комментарий 73.

[75] См. комментарий 28 за 1885 г.

[76] В фондах ЦГВИА указанной записки обнаружить не удалось.

Точка зрения на проблему Босфора излагается Обручевым в секретном письме бывшему военному министру Д.А. Милютину от 2 июля 1886 г. «Мне представляется несомненным, — писал он, — существование для России только двух коренных исторических вопросов, из-за которых стоит лить русскую кровь. Этот вопрос польский (или галицийский) и вопрос босфорский. Волей-неволей они должны решиться войной, и именно к этой войне нам следует готовиться» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д.А. Милютина, п. 71, д. 63).

[77] См. статью: «L'entrevue de Stuttgardt» par M.G. Bothan // Revue des deux mondes. 1.XII. 1888. P. 555—586.

[78] Во время подготовки закона о всесословной воинской повинности Шувалов (наряду с Толстым, Горчаковым и Победоносцевым) всячески боролся за сохранение некоторых привилегий для дворян (Дневник Д.А. Милютина. Т. I. М., 1947. С. 105—115).

1889 год

[1] Revue des deux mondes, 1.XII.1888.

[2] 4 августа 1888 г. Совет Главного управления по делам печати слушал представление Петербургского цензурного комитета «О предосудительном направлении газеты «Гражданин».

Рассмотрев представление и последние номера газеты, Совет пришел к выводу, что в течение последнего года газета «уже дважды навлекала на себя административные кары, а именно запрещение розничной продажи ее номе-

ров. Объясняется это тем, что, несмотря на заявления редактора о безграничной преданности его правительству и глубокой вере в незыблемость исторических вековых основ нашей государственной жизни, появляются на страницах «Гражданина» такие дерзкие и неуместные суждения, которые не могут не подрывать в обществе авторитет правительства» (ЦГИА СССР, ф. Главного управления по делам печати, оп. 2. д. 24, л. 160). В заключение Совет отмечал, «что редактор «Гражданина» даже в тех случаях, когда приходится ему выражать справедливые в основе мысли, впадает в такие крайности, которые производят удручающее впечатление» (там же, л. 163). Руководствуясь этим, Совет определил объявить «Гражданину» первое предупреждение.

Журнал утвержден министром внутренних дел 16 августа. Никаких помет Александра III на журнале не имеется.

[3] Никто из лиц, виновных в крушении 17 октября 1888 г. императорского поезда близ станции Борки, суду предан не был (см. комментарий 45 за 1888 г.).

[4] Имеются в виду, по-видимому, результаты голосования на заседании соединенных Департаментов 17 декабря 1888 г. (см. комментарий 69 за 1888 г.).

[5] См. комментарий 73 за 1888 г.

[6] См. комментарий 35 за 1888 г.

[7] Имеются в виду мировые посредники «первого призыва», т. е. вступившие в эту должность весной 1861 г. Среди них была известная часть либерально настроенных. Однако в большинстве своем они были реакционны.

[8] По-видимому, речь идет о переписке императрицы Елизаветы Алексеевны с ее возлюбленным офицером лейб-гвардии Кавалергардского полка А.Я. Охотниковым. Этот роман, стоивший Охотникову жизни, довольно подробно изложен в его биографии, где императрица фигурирует под именем «одной дамы высшего света» (Панчулидзев С.А. Сборник биографий кавалергардов. Кн. 3. СПб., 1906. С. 19—22).

[9] См. комментарий 13 за 1883 г.

[10] Рудольф-Франц-Карл-Иосиф.

[11] Установить, какое дело конкретно имеет в виду Половцов, не удалось.

[12] 16 января в Общем собрании Государственного совета рассматривался проект закона о земских начальниках, получивший одобрение меньшинства в соединенных Департаментах (см. комментарий 69 за 1888 г.). За проект голосовало в Общем собрании 13, против — 39, Александр III утвердил мнение меньшинства. Резолюция императора от 28 января на мемории Общего собрания гласила: «Соглашаясь с мнением 13 членов, желаю, чтобы мировые судьи в уездах были упразднены для того, чтобы обеспечить нужное количество надежных земских начальников в уезде и облегчить уезду тяжесть платежей. Часть дел мировых судей может перейти к земским начальникам и в волостные суды, а меньшая часть, более важные дела, могли бы отойти к окружным судам. Во всяком случае непременно желаю, чтобы эти изменения не помешали окончательному рассмотрению проекта до летних вакаций» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 853). Таким образом, Александр III не только утвердил проект Толстого—Пазухина в том виде, в каком он был представлен в Государственный совет, но принял решение об

упразднении мирового суда, что полностью соответствовало их сокровенным чаяниям. Об этом говорилось лишь в первоначальном проекте, единогласно всеми отвергнутом.

После этой резолюции вопрос об утверждении представленного проекта был фактически решен. Обсуждение проекта в соединенных Департаментах, происходившее в марте—июне 1889 г., ограничилось внесением в него частных исправлений. Общее собрание утвердило без изменений решение соединенных Департаментов 12 июля 1889 г. Александр III одобрил мнение Государственного совета (ПСЗ. Собр. 3. Т. IX. № 6196).

Тот факт, что Половцов говорит о согласии Александра III с мнением меньшинства в записи 25 января, в то время как резолюция была наложена только 28-го, говорит, по-видимому, о том, что запись сделана задним числом, в силу чего дата спутана.

[13] См. комментарий 132 за 1883 г.

[14] Людвига IV.

[15] См. комментарий 45 за 1888 г.

[16] Речь идет о проекте Положения о земских начальниках, утвержденном в целом Александром III 28 января 1889 г.

[17] Согласно ст. 287—294 Общего учреждения министерств (ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24686), все донесения, влекущие ответственность министров, поступали на «высочайшее» рассмотрение. Если этому донесению давался официальный ход, оно рассматривалось Общим собранием Государственного совета. Совет избирал из своей среды комиссию для производства следствия. Материалы следствия поступали снова на рассмотрение Общего собрания Государственного совета.

[18] Половцов имеет в виду ряд мер, предпринятых Александром III в первые годы своего царствования, по упрощению военной формы. К числу этих мероприятий относится также преобразование в 1883 г. армейских гусар и улан в драгуны. Впоследствии от этих упрощений стали отказываться.

[19] Согласно судебным уставам 20 ноября 1864 г. (ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXIX. Отделение второе. № 41476, 1076), министры, члены Государственного совета и государственного управления за преступления по должности предавались Верховному уголовному суду. Это противоречило Учреждению о министерствах 25 июня 1811 г., по которому эти лица подлежали суду Общего собрания Государственного совета.

[20] «Горящие письма» — комедия в одном действии П.П. Гнедича. «До поры до времени» — комедия в двух действиях В. Александрова (псевдоним В.А. Крылова).

[21] В представлении о выпуске нового займа в размере 175 млн. руб., или 700 млн. франков, И.А. Вышнеградский указал, что в январе 1889 г. группа иностранных банкиров обратилась к нему с предложением организовать конверсию всей совокупности русских 5%-ных займов. В результате переговоров с банкирами Вышнеградский подготовил для рассмотрения на Комитете финансов проект договора.

Этот проект предусматривал выпуск 4%-ного займа в сумме 175 млн. руб. в целях выкупа «остающихся еще в обращении 5% консолидированных обли-

гаций российских железных дорог выпуска 1871 года... с тем, чтобы часть сего займа, оставшаяся свободной за окончательным погашением 5% консолидированных облигаций выпуска 1871 года, будет обращена на погашение 5% консолидированных облигаций выпусков 1870, 1872, 1873 и 1884 гг.» (Исторический архив. 1957. № 3. С. 114). Облигации займа выпуска 1871 г. составляли примерно половину суммы займа, остальная же половина шла на погашение части облигаций других выпусков. Чистая прибыль от займа должна была составить 608 125 тыс. франков, имея в виду уплату банкирами 86, 87,5 за 100 нарицательных (С и д о р о в А.Л. Конверсия внешних займов России в 1888—1890 гг. // Исторический архив. 1957. № 3. С. 99—125; М и г у л и н П.П. Русский государственный кредит 1769—1899. Т. II. Харьков, 1900).

[22] Тот факт, что примерно половина суммы займа должна была погашаться частичной конверсией облигаций консолидированного займа различных выпусков, действительно создавал возможность для всяких мошеннических комбинаций.

[23] Имеется в виду указ Государственному совету от 15 февраля 1889 г. об ответственности высших членов государственного управления (см. комментарии 17 и 19). В указе устанавливался порядок рассмотрения жалоб и донесений по обвинению членов Государственного совета, министров и главноуправляющих. Они должны были поступать на «высочайшее имя», а затем передаваться для рассмотрения в Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. В случае необходимости предания суду этот вопрос рассматривался снова царем, и дело представлялось на рассмотрение Верховного уголовного суда (Правительственный вестник. 1889. 21 февраля).

[24] Т. е. штаба гвардейского корпуса.

[25] Речь идет о 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

[26] Имеются в виду воспитательные дома, приюты и женские учебные заведения, находившиеся ранее в ведении IV отделения с. е. и. в. канцелярии.

[27] 19 февраля в Комитете финансов было одобрено предложение Вышнеградского о выпуске конверсионного займа. Споры в Комитете финансов по поводу условий реализации выпускаемого займа отражены в журнале Комитета лишь в общей форме (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 274, л. 30).

[28] Указанного извлечения из мемориий с припиской в отношении заседания Комитета финансов (так же как и других извлечений) в фонде Александра III (ЦГАОР, ф. 677) не сохранилось.

[29] Речь идет о статье, точнее серии статей, представлявших собой вторую часть исследования С.М. Соловьева «Император Александр Первый. Политика. Дипломатия» (СПб., 1877).

[30] Имеется в виду Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 14 августа 1881 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. I. № 350; З а й о н ч к о в с к и й П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964. С. 400—410).

[31] См. комментарий 28 за 1887 г.

[32] Перу А.Н. Попова принадлежит ряд работ по истории Отечественной войны 1812 г.: «Сношения России с европейскими державами перед Отечественной войной 1812 г.» (СПб., 1876); «Москва в 1812 году» (СПб., 1876); «Французы в Москве» (М., 1876); «Отечественная война: от Малоярославца до Березины» (СПб., 1877); «От Смоленска до приезда Кутузова в армию» (Русская старина. 1893. № 11—12); «Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры» (Русская старина. 1897. № 6—10).

[33] La reconstruction de la France en 1800 // Revue les deux mondes. 15 mars et 1-er, 15 avril 1889.

[34] Половцов допускает неточность. П.А. Шувалов был назначен послом в Лондон летом 1874 г.

[35] Речь идет о Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

[36] О решениях Берлинского конгресса 30 мая 1878 г. см.: История дипломатии. Т. II. Изд. 2. М., 1963. С. 126—133.

[37] Имеется в виду речь Александра II, произнесенная им 30 октября 1876 г. в Кремле перед представителями московского дворянства и города. Он заявил о своем стремлении добиться разрешения восточного кризиса мирным путем. «Если же это не состоится, и я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечили бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на мой призыв» (Т а т и щ е в С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. II. Изд. 2. СПб., 1911. С. 310). Эта речь была первым официальным заявлением о готовности России начать войну. Однако независимо от нее вопрос о войне был решен несколько ранее, на ливадийских совещаниях в сентябре — первой половине октября» (Дневник Д.А. Милютина. Т. II. М., 1949. С. 91—102; Т а т и щ е в С.С. Указ. соч. Т. II. С. 302—304).

[38] В газете «Новое время» от 13 марта была опубликована статья без подписи «Граф П.А. Шувалов», в которой давалась отрицательная оценка его служебной и дипломатической деятельности. В статье подчеркивались реакционные воззрения Шувалова, указывалось, что он был решительным противником отмены крепостного права и реформ 60-х годов. Газета упрекала Шувалова в том, что по его вине Сан-Стефанский мирный договор был отдан на рассмотрение Берлинского конгресса.

[39] 19 марта 1889 г. в «Правительственном вестнике» была напечатана статья «Граф Петр Андреевич Шувалов», осуждавшая резкие отзывы о нем, появившиеся в газетах. «Над свежей могилой графа Петра Андреевича Шувалова, — говорилось в статье, — наша печать поспешила подвести итоги его деятельности, но, к сожалению, далеко не все из появившихся отзывов о покойном графе отличаются тем беспристрастием и осмотрительностью, которые следует соблюдать по отношению ко всякому усопшему, в особенности, когда он был участником в событиях, еще слишком близких к современной эпохе, и которые ввиду скудости материалов и живучести первых впечатлений, отчасти предубежденных, не могут считаться достоянием исторической критики».

[40] V o g u è E.-M. Villars d'après sa correspondance et des documents inédits. Avec portraits, gravures et cartes, t. I—II. Paris, 1888.

[41] Речь идет об ответах Посьета на вопросы членов Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета в связи с обвинением его как

министра путей сообщения в крушении императорского поезда 17 октября 1888 г. у станции Борки (ЦГИА СССР, ф. 1151, 1889 г., д. 17).

[42] Архив Государственного совета. Совет в царствование императора Павла I (1796—1801). Т. II. СПб., 1888. Данный том является публикацией протоколов Совета при высочайшем дворе, образованного Екатериной II 17 января 1769 г. (ПСЗ. Собр. 1. Т. XVIII. № 13232).

[43] Галкина-Врасского.

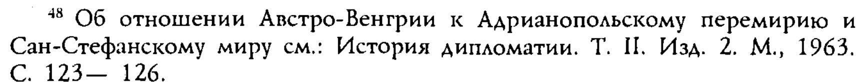
[44] По-видимому, имеется в виду кн.: Morley J. Edmund Burke. London — New York, 1888.

[45] Н.И. Ашинов — в 1883 г. он отправился в Абиссинию, чтобы содействовать политическому и религиозному сближению Абиссинии с Россией. В Абиссинии он выдавал себя за официального представителя России. Не добившись каких-либо ощутимых результатов, Ашинов в 1888 г. организовал экспедицию в Африку в числе 150 добровольцев. Под предлогом помощи Абиссинии пытался создать русскую африканскую колонию в Таджурском заливе, причем занял часть французской колонии Обок. Был арестован французскими властями и выдан России (Дневник В.Н. Ламздорфа. 1886—1890. М.—Л., 1926. С. 105, 108, 122—125, 127, 129, 135—137, 142—148, 150, 157, 168, 174—175, 229, 233; Constantin. L'archimandrite Païsi et l'ataman Achinoff... Paris, 1891; Отдел рукописей ГБЛ, ф. А.А. Киреева, К. 11. Записи в дневнике за 1888—1889 гг.).

[46] Накануне войны с Турцией, в начале 1877 г., была подписана в Будапеште секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией. Конвенция определяла доброжелательную позицию Австро-Венгрии по отношению к России в период ее войны с Турцией. Дополнительная конвенция была посвящена будущей политической организации народов Балкан в случае распада Турции. В ней указывалось, что Россия не будет создавать на Балканах большого славянского государства (что было ею нарушено в результате создания по условиям Сан-Стефанского мира единого Болгарского государства). По Будапештской конвенции Россия давала свое согласие на оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Этой конвенции предшествовало соглашение, заключенное в 1876 г. между Александром II и Францем-Иосифом в Рейхштадте, которое предопределило Будапештскую конвенцию.

Секретная Будапештская конвенция и Рейхштадтское соглашение опубликованы в журнале «Красный архив». 1922. № 1. С. 37—39, 51—61. Австрийский текст записи соглашения опубликован в кн.: Pribram A.F. The secret treaties of Austria-Hungary, vol. II. Cambridge, 1921, Appendix II, p. 188—190.

[47] Проект мирного договора был составлен Н.П. Игнатьевым и обсуждался на совещании 5 января 1878 г., на котором присутствовали: Александр II, Горчаков, Гирс, Милютин, Жомини и Игнатьев. «Предметом совещания, — пишет Милютин, — были вопросы касательно условий мира, изложенные Игнатьевым в форме проекта прелиминарий мирного договора. Дело, казалось бы, заслуживало самого серьезного обсуждения; однако же чтение Игнатьева было выслушано почти без всяких замечаний, и бо́льшая часть поставленных им вопросов осталась без категорического разрешения» (Дневник Д.А. Милютина. Т. III. М., 1950. С. 11).

[48] Об отношении Австро-Венгрии к Адрианопольскому перемирию и Сан-Стефанскому миру см.: История дипломатии. Т. II. Изд. 2. М., 1963. С. 123— 126.

[49] Действительно, разрешение Александра II вступить русским войскам в Константинополь было обставлено такими условиями, что главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич фактически не мог этого осуществить (Татищев С.С. Указ. соч. Т. II. С. 398—404).

[50] 3 октября 1876 г. министр финансов Рейтерн представил Александру II записку, в которой развивал мысль о невозможности войны из-за тяжелого финансового положения страны. На совещании в Ливадии, на которое был вызван Рейтерн, Александр II, по словам Милютина, возвратив ему записку, сказал, «что он вызвал его не для того, чтобы узнать его мнение, следует ли начинать войну или нет, а чтобы изыскать средства к покрытию тех издержек, которые вызовет война» (Дневник Д.А. Милютина. Т. II. М., 1949. С. 93). Записка Рейтерна опубликована в кн.: Рейтерн М.Х. Биографический очерк. СПб., 1910. С. 150—167.

[51] См. комментарий 55.

[52] Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.

[53] Министр финансов внес в Комитет финансов представление о выпуске второй серии 4%-ного займа для конверсии 5%-ных консолидированных облигаций российских железных дорог всех выпусков (1870, 1872, 1873 и 1884 гг.).

В представлении Вышнеградский указывал, что синдикат банкиров, реализовывавший консолидированный заем в размере 175 млн. (см. комментарии 21, 22, 27, 28), сделал предложение об изъятии из обращения оставшихся невыкупленными 5%-ных консолидированных облигаций российских железных дорог всех выпусков путем займа на сумму 43 548 200 ф. ст. или 310 498 тыс. руб. на тех же условиях (Исторический архив. 1957. № 3. С. 118—120).

26 апреля Комитет финансов одобрил это представление, «имея в виду, что предлагаемая синдикатом кредитная операция дает казначейству... ежегодно в платежах сбережения до $1^1/_2$ млн. рублей золотом» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 275, л. 16). В тот же день Александр III утвердил журнал Комитета финансов.

[54] Этот факт не находит подтверждения в материалах Департамента полиции (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 168, д. 15).

[55] 5 мая 1889 г. в соединенных Департаментах обсуждалось представление министра юстиции «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ныне ведению судебных мест с участием присяжных заседателей».

Манасеин предлагал изъять из ведения суда присяжных дела о преступлениях против порядка управления, по должности, «о преступных деяниях, за которые высшее по закону наказание соединено с утратой лишь некоторых особенных прав и преимуществ», и дела, связанные с преступлениями несовершеннолетних.

Дела против порядка управления и по должностным преступлениям он рекомендовал перенести на рассмотрение особого состава окружных судов с участием сословных заседателей, а другие упомянутые дела рассматривать в обычном составе суда без участия присяжных заседателей.

Соединенные Департаменты одобрили предложенные меры, однако отметили, что предполагаемый особый состав суда с участием сословных заседателей лучше заменить судебной палатой, наиболее квалифицированной и беспристрастной.

Департаменты считали, что вопрос о суде над несовершеннолетними необходимо подвергнуть всестороннему обсуждению. Департаменты остановились также и на вопросе об изъятии из ведения суда присяжных дел о многобрачии в соответствии с пожеланием обер-прокурора Синода. По этому вопросу они сочли целесообразным сохранить прежний порядок, но рассматривать эти дела после обсуждения их в духовном суде. 30 мая Общее собрание Совета утвердило решение соединенных Департаментов, не согласившись лишь с вопросом по делам о многобрачии. Общее собрание предложило изъять эти дела из ведения суда присяжных и передать судебным палатам для рассмотрения с участием сословных представителей.

7 июля 1889 г. Александр III утвердил заключение Общего собрания (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1889, д. 54). В ПСЗ это решение отражения не получило.

[56] Речь идет, по-видимому, о манифесте 29 апреля 1881 г. (Готье Ю.В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. Т. 2. М., 1938. С. 240—299; Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964. Гл. IV).

[57] Наср-ед-дин.

[58] Николай Петрович Негош.

[59] Yriarte Ch. Leg Borgia. César Borgia. Sa vie, sa captivité, sa mort. Vol. 1—2. Paris, 1889.

[60] См. комментарий 10 за 1888 г.

[61] Проект закона о волостных судах был составной частью проекта Положения о земских начальниках (см. комментарий 12).

В заседании 25 мая наибольшие споры возникли по поводу статьи 25 проекта, касавшейся органа, призванного рассматривать апелляции на решения волостных судов. По проекту это возлагалось на уездный съезд, точнее судебное присутствие этого съезда. Оно должно было состоять из земских начальников, почетных мировых и городских судей под председательством уездного предводителя дворянства. Член Совета Е.П. Старицкий внес предложение, чтобы второй инстанцией, рассматривавшей жалобы на решения волостного суда, было собрание председателей волостных судов, возглавляемое земским начальником. Соединенные Департаменты высказались против проекта Старицкого и приняли предложение Министерства внутренних дел, изложенное в проекте (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44. Приложение, л. 899—929).

[62] 27 мая в соединенных Департаментах рассматривался проект министра юстиции Манасеина о передаче части функций мировых судей судебным следователям. Против этого предложения выступил А.А. Абаза, заявив, что передача судебным следователям права рассмотрения уголовных и гражданских дел будет, в сущности, означать не что иное как сохранение в уездах мировых судей под другим названием.

В результате обсуждения этого вопроса было решено передать почти все дела, рассматривавшиеся мировыми судьями, земским начальникам. С этим решением в конце концов согласился и министр внутренних дел Дурново, первоначально выступавший против этого предложения (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44. Приложение, л. 930—960).

[63] 30 мая 1889 г. в Общем собрании Государственного совета наряду с другими делами рассматривались журналы соединенных Департаментов, где обсуждались три представления министра финансов: 1) Об издании Положения о банкирских заведениях; 2) «Об изменении и дополнении высочайше утвержденного 28 мая 1883 г. мнения Государственного совета о порядке продажи с торгов земельных участков, заложенных в Крестьянском поземельном банке»; 3) О порядке взыскания платежей Крестьянскому банку «с применением круговой поруки заемщиков». Цель первого представления состояла в том, чтобы «пресечь вредную деятельность развившихся за последнее время кредитно-торговых заведений, которые под названием банкирских домов, контор и меняльных лавок служат не столько потребностям правильного краткосрочного кредита, сколько занимаются биржевой игрой» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1889 г., д. 228, л. 21).

Соединенные Департаменты отнеслись к этому предложению в целом отрицательно, полагая, что «необходимо стремиться не к урегулированию деятельности всех вообще банкирских заведений, а к установлению таких мер, которые обеспечивали бы правительству возможность бороться с недобросовестными банкирскими фирмами и предупреждать вредные последствия пользования с их стороны свободой банкирского промысла» (там же, л. 21).

Общее собрание согласилось с мнением Департаментов, но отметило, что вопрос об ограничении деятельности того или иного банка следует рассматривать коллегиально в Совете министра финансов. По-видимому, эта поправка и была предметом спора Абазы с Вышнеградским. В журнале Общего собрания это не получило отражения.

Второе представление министра (об изменении сроков продажи земельных участков, уменьшении суммы задатка, рассрочке уплаты сумм, следуемых за приобретенную землю, и т. д.) было одобрено Департаментами, а затем утверждено Общим собранием (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 39).

11 мая соединенные Департаменты обсуждали третье представление министра. Департаменты считали возможным возмещение недоимки путем продажи земли недоимщика, купленной через банк. Министр же финансов просил предоставить ему право, в случае накопления недоимок на крестьянах, покупавших через банк землю, взыскивать с них недоимки, не прибегая к продаже земли. Таким образом, по отношению к недоимщикам банка должны были бы приниматься такие же меры, как к лицам, не уплатившим своевременно государственных повинностей, т. е. подлежало описи и продаже все

их имущество. Общее собрание, согласившись с заключением соединенных Департаментов, отвергло предложение министра финансов.

На этом же заседании Общего собрания был рассмотрен вопрос о «некоторых общих соображениях, касающихся задач и деятельности Крестьянского банка».

Общее собрание отметило, что задача Крестьянского банка состоит не в выдаче ссуд крестьянам-переселенцам, а в содействии развитию мелкой частной собственности. «Выдавая ссуды наиболее состоятельной части земледельческого населения, — говорилось в заключении Общего собрания, — банк оказал бы несомненную услугу государству образованием класса мелких собственников, который повсеместно служит источником экономического процветания и верной опорой гражданского порядка» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1889 г., д. 227, л. 34).

[64] См. комментарий 12.

[65] Имение Бобринских в Черкасском уезде Киевской губернии.

[66] См. комментарий 73 за 1886 г.

[67] См. комментарий 71.

[68] В «Правительственном вестнике» за 10 июня был опубликован указ Сената от 6 июня, в котором говорилось, «что брак мужского лица императорского дома, могущего иметь право на наследование престола, с особами другой веры совершается не иначе как по восприятию ею православного исповедания».

[69—70] Имеется в виду, по-видимому, Особая комиссия для рассмотрения ассигнований на нужды военного и морского ведомств. Как говорит в своих воспоминаниях С.Ю. Витте, эта комиссия была создана, «потому что считалось неудобным давать различные объяснения и вести такие разговоры в Государственном совете, которые могли бы выдавать государственные тайны» (Витте С.Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. 215). Кроме А.А. Абазы — председателя Департамента государственной экономии, в состав комиссии входили: вел. кн. Алексей Александрович, управляющий Морским министерством Чихачев, государственный контролер Д.М. Сольский, а впоследствии Тертий Филиппов, военный министр П.С. Ванновский, начальник Главного штаба Н.Н. Обручев, министр финансов Вышнеградский и министр путей сообщения Гюббенет. Фонд указанной комиссии в ЦГИА СССР не значится.

[71] Речь идет о книге М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Половцов допускает некоторую неточность. Кроме изданных в 1848 г. 25 экземпляров, в 1854 г. было издано столько же. В 1857 г. было предпринято три издания — третье, четвертое и пятое (первое, второе и третье «для публики»). Общий тираж этих трех изданий установить не удалось.

[72] См. комментарий 73 за 1886 г.

[73] Впервые вопрос о строительстве Сибирской железной дороги был поставлен в 1875 г. Он обсуждался в Особом совещании и в Комитете министров в 1887 г. (см. комментарий 53 за 1887 г.). Летом 1887 и в 1888 гг. были проведены изыскания на участке Владивосток — Графская, а позднее в Министерстве путей сообщения сделали соответствующие расчеты.

В мае 1890 г. министерство обратилось с представлением в Комитет министров о начале строительства этой дороги в 1890 г., однако Комитет счел это невозможным, так как на постройку линии требовалось 23 млн. руб. (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4782, л. 513—552).

В феврале 1891 г. вновь рассматривался вопрос о постройке Уссурийской железной дороги до станции Графской. Сметная стоимость постройки была определена в 18 млн. руб. Комитет министров разрешил приступить к строительству, предложив министру путей сообщения войти в Государственный совет с ходатайством об отпуске на 1891 г. 7 млн. руб. (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4843, л. 136—158). Закладка Уссурийского участка Сибирской железной дороги была произведена 19 мая 1891 г. во Владивостоке в присутствии наследника престола. Сибирская железная дорога строилась на отечественные средства (ЦГИА СССР, ф. Комитета Сибирской железной дороги, оп. 1, д. 1; см. также: Саблер С.В. и Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 1—128; ЦГАОР, ф. Александра III, д. 629. Отчет о деятельности Министерства путей сообщения по осуществлению Сибирской железной дороги (30 марта 1889 г. — 17 января 1892 г.).

[74] См. комментарий 10 за 1888 г.

[75] Имеется в виду лейб-гвардии Конногренадерский полк, входивший в состав 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

[76] Motley (John Lothrop). The Correspondence of John Lothrop Motley... Edited by George William Gurtis... London, 1889.

[77—78] См. комментарий 32 за 1890 г.

[79] Имеется в виду путешествие вел. кн. Павла Петровича и его жены Марии Федоровны.

[80] Это утверждение Победоносцева не лишено оснований. Действительно, влияние Победоносцева на Александра III постепенно уменьшалось. Это прослеживается по письмам Победоносцева к царю, число которых из года в год становилось все меньше (Письма Победоносцева к Александру III. Т. I—II. М., 1925—1926). Влияние Победоносцева уменьшилось потому, что он не имел никакой позитивной программы, ограничиваясь лишь критикой существующих порядков с позиций ортодоксального православия. Как говорил о нем граф С.Г. Строганов, «он всегда отлично знает, что не надо, но никогда не знает того, что надо» (Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч. III. СПб., 1912. С. 66).

[81] 12 марта 1889 г. министр внутренних дел внес в Государственный совет представление по вопросу «О переселениях лиц земледельческого населения на казенные земли и о перечислении переселенцев». Постановка этого вопроса была вызвана стремлением правительства ввести в законное русло процесс стихийного переселения крестьян. «Все старания правительства, — говорилось в журнале соединенных Департаментов законов и государственной экономии от 8 мая 1889 г., — остановить и урегулировать это аграрное движение административными мерами оказались тщетными. Бессилие их побудило Министерство внутренних дел обратиться к иному средству для борьбы с означенным злом и попытаться упорядочить переселенческое дви-

жение путем признания законности нового водворения тех переселенцев, которые предпримут передвижение с разрешения властей и подчинятся притом известным установленным законом условиям» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 43, л. 52). В представлении министра внутренних дел предусматривались порядок переселения, условия наделения землей и льготы. Общее собрание Государственного совета рассматривало этот вопрос 8 июня 1889 г. 13 июля решение Общего собрания было утверждено императором (там же, д. 43; ПСЗ. Собр. 3. Т. IX. № 6198; Брусникин Е.М. Переселенческая политика царизма в конце XIX в. // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 28—38).

[82] Писем И.Д. Делянова к Победоносцеву в фонде последнего не сохранилось (Отдел рукописей ГБЛ).

[83] Речь идет о позиции, занимаемой министром финансов А.А. Абазой в конце царствования Александра II и первые месяцы правления Александра III. Абаза действительно был ближайшим советником министра внутренних дел, а фактически диктатора Лорис-Меликова. Последний период диктатуры Лорис-Меликова можно характеризовать как период диктатуры триумвирата: Лорис-Меликова, Абазы и Милютина.

[84] Александр III имеет в виду «конституционные» проекты Лорис-Меликова, изложенные в его докладах 28 января и 12 апреля 1881 г. (Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964. Гл. III—IV).

[85] Александр III посетил Берлин в 1889 г., возвращаясь из Дании. Здесь он встречался с германским императором и Бисмарком. По словам германского посла Швейница, для Бисмарка эти встречи с царем означали «большой политический и личный успех» («Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz». Bd. II. Berlin, 1927. S. 390; см. также: ЦГАОР, ф. Александра III, д. 286, Памятная книжка за 1889 г., л. 10; Дневник В.Н. Ламздорфа. 1886—1890. М.—Л., 1926. С. 225).

[86] 11 октября 1889 г. в заседании Комитета финансов рассматривались две записки: 1) Вышнеградского о ходатайстве полтавского дворянства о понижении процентов по ссудам из Дворянского банка; 2) председателя Департамента экономии Абазы «О способах облегчения дворянского землевладения по платежам в Дворянский банк процентов и погашения по выданным из него под имения ссудам».

Комитет финансов признал «помощь дворянству необходимой» и принял решение, в котором предусматривалось: 1) понизить уплачиваемый дворянами процент по ссудам банка до $4^1/_2$; 2) с 1 ноября текущего года выдавать ссуды исключительно наличными без отчисления 2% на реализацию закладных листов; 3) сверхсрочные погашения ссуд принимать наличными деньгами в размере нарицательной суммы ссуды; 4) для предоставления банку средств, необходимых для кредитования дворян под залог их имений, разрешить единовременный выпуск закладных выигрышных листов на сумму до 85 млн. руб. на условиях, одинаковых со вторым внутренним выигрышным займом.

В заключение решения говорилось о необходимости отклонить всякие ходатайства о выпуске новых выигрышных займов.

С решением Комитета финансов не согласился Н.Х. Бунге. Заключение Комитета финансов было утверждено Александром III 12 октября 1889 г. (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 278, Журнал Комитета финансов от 11 октября 1889 г., л. 2—24).

[87] Указанной записки в фонде Александра III (ЦГАОР, ф. 677) не сохранилось. Об этой записке упоминается в «Дневнике В.Н. Ламздорфа. 1886—1890». М.—Л., 1926. С. 223.

[88] Речь идет об Особой комиссии под председательством Абазы по вопросу об увеличении сметы расходов на военные нужды. Как пишет военный министр Ванновский во Всеподданнейшем докладе по Военному министерству 1890 г., совещание отклонило его требования, за исключением сумм на перевооружение армии (ЦГВИА, Библиотека, Всеподданнейший доклад по Военному министерству 1890 г., с. 10—11; см. комментарии 65 за 1888 г. и 69—70 за 1889 г.).

[89] ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 84. «О некоторых изменениях и дополнениях в высочайше утвержденных 12 июля 1889 г. законоположениях о преобразовании местных крестьянских и судебных учреждений и приведении в действие сих положений...» в 6 губерниях.

[90] Согласно летописным данным, в русской армии артиллерия начала применяться с 1389 г. Празднование было приурочено ко дню рождения генерал-фельдцейхмейстера вел. кн. Михаила Николаевича (см. статью «Юбилей 500-летия русской артиллерии» // Артиллерийский журнал. Декабрь 1889 г. С. 1—98).

[91] См. комментарий 89.

[92] В ноябре 1889 г. в Карийской каторжной тюрьме разыгралась кровавая трагедия. В конце 1888 г. приамурский генерал-губернатор Корф отдал приказание перевести политическую заключенную Ковальскую из Кары в Верхнеудинскую тюрьму в наказание за то, что она не встала при входе его в ее камеру (Ковальская была больна туберкулезом и не могла встать с кровати). Возмущенные этим политические заключенные женщины потребовали смены коменданта Масюкова, отправившего в Верхнеудинск Ковальскую. Требование их не было выполнено, после чего они трижды объявляли голодовку. В конце концов одна из заключенных Н.К. Сигида, решив пожертвовать собой, дала Масюкову пощечину.

После этого Корф издал циркуляр, в котором телесные наказания были распространены на политических заключенных. 6 ноября 1889 г. Сигида была подвергнута наказанию (100 ударов розгами) и через двое суток скончалась.

Узнав о случившемся, трое политических заключенных — Ковальская, Калюжная и Смирницкая — покончили с собой, приняв яд. В мужской тюрьме в знак протеста отравилось 30 человек (из них двое — Калюжный и Бобохов — умерли, остальные были спасены). Один из заключенных, Геккер, стрелялся, но остался жив (Листовки Вольной русской типографии в Женеве. ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 168, д. 17, л. 88—89; см. также: Материалы о смерти Н.К. Сигиды в 1889 г. на Каре // Каторга и ссылка, 1924. Кн. 18. С. 128—142; Жуковский-Жук И. Карийская трагедия. М., 1930).

Как рассказывает в своем дневнике Е.М. Феоктистов, со слов министра внутренних дел И.Н. Дурново, распоряжение о наказании розгами Н.К. Сигиды исходило от самого Александра III. Более того, по словам Дурново, он после этого послал царю второй доклад, в котором указывал, «что преступница получила некоторое образование и что, вероятно, продолжительное заточение подействовало на ее нервную систему», и предлагал уменьшить ей наказание, сведя его до минимума. На это последовала такая резолюция: «Дать ей сто розог» (Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. Е.М. Феоктистова, п. 114, л. 11).

[93] См. комментарий 107.

[94] См. комментарий 89.

В результате отмены образовательного ценза для земских начальников многие из них не имели даже среднего образования. Так, по данным Земского отдела Министерства внутренних дел, составленным в 1903 г. по 10 губерниям (Витебской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Костромской, Новгородской, Полтавской, Самарской, Тульской и Херсонской), из 584 земских начальников у 124 не было среднего образования (Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие Положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. СПб., 1903).

Представление Дурново полностью отвечало точке зрения его предшественника — Толстого. Так, в заседании 11 февраля 1889 г. он говорил: «К чему требовать знания курса средних учебных заведений, когда лица, прошедшие только уездные училища, могут оказаться пригоднее для дела» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44. Приложение, л. 364).

[95] Речь идет о 44-м Нижегородском драгунском полке. До 1882 г. он именовался 16-м Нижегородским драгунским полком.

[96] 3 декабря в заседании Комитета финансов рассматривалась записка министра финансов «О сокращении на 18 млн. руб. государственного долга по билетам государственного казначейства». Комитет отметил, что за последние три года значительно увеличилось число казначейских билетов в кассах Министерства финансов (с 4 954 448 руб. на 1 января 1886 г. до 47 786 730 руб. на 1 января 1889 г.).

Комитет финансов одобрил предложение Вышнеградского и принял следующее решение:

1. Из общего долга казначейства в 240 млн., числящегося по выпущенным в обращение 80 разрядам этих билетов, погасить в 1889 г. 18 млн. руб., для чего предать уничтожению хранящиеся в Главном казначействе билеты выпуска 1887 г. на 6 млн. руб. и выпуска 1888 г. на 12 млн. руб.

2. Вызываемый этим погашением расход зачислить по отчету государственного контроля расходом 1889 г.

3. В 1891, 1895, 1896 гг. во время сроков для обмена билетов выпусков 1887-го и 1888 гг. выпустить в обращение новые билеты в уменьшенном размере, сократив выпуск их в 1891 г. на 3 млн., в 1895 г. — также на 3 млн. и в 1896 г. — на 12 млн. руб.

8 декабря решение было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 277, л. 11—12).

[97] См. комментарий 33 за 1890 г.

[98] Различные записки и письма В.Н. Каразина публиковались М.И. Семевским в «Русской старине» в течение 1870—1873 гг. Среди них письма и записки Александру I и Николаю I, в частности записка, поданная Александру I, «О разрешении составить общество для изыскания способов к освобождению крестьян от рабства» (1820 г.); записки и статьи на различные темы (Систематическая роспись содержания журнала «Русская старина», 1870—1884 гг. СПб., 1885. № 1922—1932; см. также: Сочинения, письма, записки В.Н. Каразина, собранные проф. Д.И. Багалеем. Харьков, 1910).

[99] Записки и дневник А.В. Никитенко «Повесть о самом себе» публиковались с купюрами в «Русской старине» с августа 1888 г. по март 1892 г. А.В. Никитенко вел свой дневник до самой смерти (1877 г.). Дневник (с цензурными купюрами) был опубликован в трех томах в 1893 г., вторично — М.К. Лемке в 1905 г. Полный текст дневника (без купюр) издан в трех томах в 1955 г.

[100] См. комментарий 89.

[101] См. комментарий 78 за 1886 г.

[102] 26 октября 1889 г. министр народного просвещения внес в Государственный совет представление «Об увеличении срока летних вакаций в средних учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения, а также в городских и уездных училищах».

11 ноября 1889 г. соединенные Департаменты законов и государственной экономии одобрили представление. 18 декабря журнал соединенных Департаментов слушался в Общем собрании Государственного совета, где, по предложению Вышнеградского, было решено объединить рассмотрение этого проекта с вопросом об уменьшении недельных часов и вернуть журнал в соединенные Департаменты для нового рассмотрения.

7, 12, 19 апреля и 17 мая 1890 г. в соединенных Департаментах обсуждалось представление министра народного просвещения «Об изменении таблицы числа недельных уроков в мужских гимназиях». Представление касалось двух вопросов: 1) изменения числа недельных уроков; 2) увеличения каникул до двух месяцев.

Второй вопрос не вызывал каких-либо возражений, по первому же развернулись прения. Эти прения характеризовали отрицательное отношение большинства членов Департаментов к толстовской классической системе. Так, большинство членов (16 из 26) высказалось за сокращение часов на преподавание латинского языка (с 42 до 36), увеличение числа уроков по физике и введение преподавания естествознания. Меньшинство же настаивало на сохранении объема часов по латинскому языку и исключении естествознания из числа предметов гимназического курса.

28 мая журнал соединенных Департаментов обсуждался в Общем собрании. Большинство Общего собрания (34 из 39) полностью поддержало мнение консервативного меньшинства соединенных Департаментов.

12 июня 1890 г. император утвердил заключение Общего собрания (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1890 г., д. 267).

[103] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. VII. Письма из Риги и история Риги. М., 1889.

[104] См. комментарий 89.

[105] Т. е. к ордену Белого Орла.

[106] Альберт-Эдуард.

[107] Эти бумаги были изданы (Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890).

Бумаги состоят из переписки А.А. Закревского с П.М. Волконским, А.П. Ермоловым, М.С. Воронцовым, Д.В. Давыдовым и И.П. Сабанеевым (1812—1852 гг.). В следующем году был издан второй том бумаг А.А. Закревского (там же. Т. 78. СПб., 1891). Том содержит переписку с П.Д. Киселевым, К.Я. Булгаковым, А.С. Меншиковым и другими лицами с 1814-го по 1840 г. Кроме того, в томе опубликованы различные бумаги официального содержания (приказы, воззвания, записки и т. д.).

[108] ЦГАОР, ф. Библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, ч. 2.

[109] Речь идет об ужине в память сражения 14 ноября 1877 г. при дер. Мечке (в 15 верстах к юго-западу от Рущука). В этом сражении войска рущукского отряда (12-й армейский корпус) под командованием наследника престола вел. кн. Александра Александровича одержали победу над турецкими войсками Сулеймана-паши (Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956; Волынец. Сражение при деревне Мечке // Военный сборник. 1879. Кн. 5).

[110] 23 декабря в Департаменте экономии рассматривались государственная роспись доходов и расходов на 1890 г., а также финансовые сметы министерств и главных управлений. Департамент одобрил представленную министром финансов роспись доходов и расходов: по доходам — на 891 491 308 руб., по расходам — на 890 050 539 руб. По сравнению с 1889 г. обыкновенные расходы увеличивались на 28 966 640 руб., а чрезвычайные — на 23 740 818 руб.

28 декабря журнал Департамента государственной экономии был утвержден Общим собранием Государственного совета (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1889 г., д. 497).

[111] Ecrits inédits de Saint-Simon. Vol. I. Paris, 1880.

1890 год

[1] Результаты этой работы см.: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I—IV. СПб., 1897—1898; Изд. 2. СПб., 1904—1905.

[2] Указанную записку обнаружить не удалось. О Карийской трагедии см. комментарий 92 за 1889 г.

[3] По-видимому, эта переписка Николая I с цесаревичем Константином Павловичем составила два тома «Сб. РИО» (т. 131 — переписка за период с 1825-го по 1829 г. СПб., 1910; т. 132 — за период с 1830-го по 1831 г. СПб., 1911).

[4] Мария Александровна.

[5] Альфред-Эрнест-Альберт.

[6] Речь идет о первом томе книги В. Бильбасова «История Екатерины II», изданном в 1889 г. Второй том был запрещен цензурой в 1891 г. В. Бильбасов не учел пожеланий Александра III, и книга была запрещена (см. комментарий 2 за 1891 г.).

[7] См. комментарий 32.

[8] 6 марта в заседании Комитета финансов по представлению министра финансов рассматривался вопрос о выпуске $4^1/_2$%-ного консолидированного железнодорожного займа. Комитет согласился с предложением министра финансов и вынес решение о выпуске $4^1/_2$%-ного внутреннего займа в сумме 75 млн. руб. «с целью получения средств для развития и улучшения наших железных дорог и для возврата государственному казначейству сумм, затраченных на железнодорожные сооружения» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 281, л. 7). Срок погашения облигаций — 81 год.

В этом же заседании Комитета рассматривалось представление министра финансов о выпуске седьмого 5%-ного займа 1862 г. Вышнеградский поставил вопрос о необходимости использовать благоприятное положение русских фондов за границей (успешная реализация второго выпуска 4%-ного золотого займа 1890 г.) и конверсировать заем 1862 г. С этой целью рекомендовалось разместить третий выпуск 4%-ного золотого займа 1890 г. на сумму 75 млн. руб. Вышнеградский сообщил, что им заключено соглашение с синдикатом банкиров во главе с Ротшильдом, который взял на себя обязательство реализовать новый заем. Комитет финансов согласился с представлением Вышнеградского (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 280).

[9] Как писал в секретной телеграмме от 5 (17) марта 1890 г. русский посол в Берлине граф П.А. Шувалов, Бисмарк в тот же день вызвал его к себе и сообщил, что его отставка принята императором. По словам Бисмарка, «император ставит ему, между прочим, в упрек проводившуюся им до сих пор русофильскую политику, а также то, что канцлер систематически скрывал от него опасность важных мероприятий, якобы принимаемых нами в течение стольких лет, и их угрожающий по отношению Германии характер» (Дневник В.Н. Ламздорфа. 1886—1890. М.—Л., 1926. С. 273).

Отставка Бисмарка была вызвана разногласиями по вопросам внутренней и внешней политики — об отношениях с Россией (История дипломатии. Т. II. Изд. 2. М., 1963. С. 263—264).

9 (21) марта Вильгельм II вызвал к себе Шувалова и сообщил, что истинная причина этого (отставки Бисмарка. — П. З.) — «состояние его здоровья», что «ничто абсолютно не изменилось в направлении нашей внешней политики, которую он вел и решил проводить дальше» (там же, с. 282—283).

[10] См. комментарий 32.

[11] На заседании Русского исторического общества был заслушан отчет А.А. Половцова о деятельности Общества за 1889 г. (Новое время. 1890. 15 марта).

[12] См. комментарий 30.

[13] См. комментарий 32.

[14] По-видимому, речь идет о т. II «Писем и бумаг императора Петра Великого», вышедшем в 1889 г.

[15] Косвенные данные об этом имеются в приложении к «Своду заслуживающих внимания сведений, полученных Департаментом полиции» с 26 февраля по 5 марта 1890 г. В копии заявления Бериша Гросмана сообщается о деятельности революционеров в Париже и изготовлении ими метательных снарядов. «Мне известно, — пишет Гросман, — что разрывные снаряды предположено было переправить в Россию через Вильну...» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 168, 1890 г., д. 17, л. 100).

[16] См. комментарий 92 за 1889 г.

[17] См. комментарий 102 за 1889 г.

[18] См. комментарий 107 за 1889 г.

[19] Сб. РИО. Т. 74. СПб., 1891 (журналы Комитета 6 декабря 1826 г.).

[20] См. комментарий 56 за 1888 г.

[21] 16 апреля в Общем собрании Государственного совета рассматривался журнал соединенных Департаментов гражданских и духовных дел и законов от 12 марта «Об установлении ответственности за публичное оказательство раскола со стороны его последователей» (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1890 г., д. 39).

Дело рассматривалось по представлению министра юстиции от 22 февраля 1890 г., возбужденному обер-прокурором Синода.

По закону 3 мая 1883 г. (см. комментарий 66 за 1883 г.), старообрядцам было разрешено «исполнять духовные требы и совершать богослужение по их обрядам... с тем лишь непременным условием, чтобы ими не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка» (там же, л. 2). Это означало запрещение публичных богослужений (крестные ходы, богослужение на улицах и т. д.). Однако наказания за это в законе 3 мая 1883 г. предусмотрены не были. Министр юстиции поддерживал Синод, требовавший установления наказания. Соединенные Департаменты сочли необходимым за публичность богослужения, «хотя бы сие действие совершено было и без обдуманного заранее намерения или умысла склонить или привлечь кого-либо из православных в раскол» (там же, л. 5), установить наказание: в первый раз — заключение в тюрьме сроком от 4 до 8 месяцев; во второй — от 4 месяцев до 1 года 4 месяцев. Общее собрание Государственного совета не утвердило журнал соединенных Департаментов, возвратив его на новое рассмотрение (причины этого в деле не указаны). Соединенные Департаменты вернули назад представление министра юстиции.

[22] См. комментарий 102 за 1889 г.

[23] Речь идет о земском деятеле Ив.Ил. Петрункевиче, высланном в 1886 г. из Черниговской губернии в Тверь. По-видимому, это ходатайство Петрункевича не увенчалось успехом, так как до 1904 г. он жил в Тверской губернии.

[24] 24 апреля и 1 мая 1890 г. в Комитете министров обсуждался вопрос о выборе места для Севастопольского коммерческого порта. В 1872 г. в Особом совещании под председательством генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича было решено соорудить коммерческий порт там же, где и военный, — в Южной бухте. Однако впоследствии от этого решения отказались из-за стратегических соображений. При обсуждении этого вопроса в Комитете министров все его члены единогласно сочли невозможным соединить в одном месте и военный, и коммерческий порты. По вопросу, где его сооружать, возникли разногласия: 10 членов (вел. кн. Алексей Александрович, Михаил Николаевич, Сольский, Островский, Филиппов, Вышнеградский, Дурново, Чихачев, Зубов и Обручев) высказались за Стрелецкую бухту Севастополя; председатель и 9 членов (наследник престола, Делянов, Абаза, Стояновский, Победоносцев, Фриш, Манасеин, Гюббенет и Влангали) — за Феодосию. Александр III утвердил последнее мнение (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4782, л. 20—128).

[25] 3 мая в соединенных Департаментах государственной экономии и законов рассматривалось представление министров финансов и государственных имуществ «О мерах по упорядочению винопромышленности и поощрению сельскохозяйственного винокурения» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1890 г., д. 221, л. 2—38). По мнению министров, «винокурение обнаруживает постоянную наклонность сосредоточиваться на крупных промышленных заводах, подавляющих своей деятельностью мелкие и средние заводы сельскохозяйственного типа» (там же, л. 168). В целях поощрения сельскохозяйственного винокурения предполагалось предоставить льготы сельскохозяйственным винокуренным заводам (таковыми считались расположенные в помещичьих имениях при наличии пахотной земли не менее 60 десятин). Рекомендовалось упорядочить торговлю вином, запрещалось виноторговцам открывать оптовые склады ближе 25 верст от заводов, был намечен ряд льгот для открытия этих складов владельцами сельскохозяйственных винокуренных заводов. Соединенные Департаменты согласились с представлением, установив систему дополнительного безакцизного отчисления со спирта сельскохозяйственной выкурки. По вопросу об упорядочении торговли вином Департаменты пришли к выводу, что рекомендуемые меры могут привести «к нежелательным последствиям, в силу чего предложили этот вопрос подвергнуть дополнительной предварительной разработке».

Журнал соединенных Департаментов был одобрен 22 мая Общим собранием Совета. 4 июня утвержден Александром III.

[26] В 1890 г. Анненковым была подана записка военному министру о сооружении Сибирской железной дороги с помощью Строительного общества, в котором должны были принимать участие иностранные капиталисты. По-видимому, в связи с этим он и ездил в Париж к Ротшильду. Предложение Анненкова не имело последствий (С а б л е р С.В. и С о с н о в с к и й И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 103—104). Как пишет в своем дневнике Т.И. Филиппов, решительным противником привлечения французских капиталистов к строительству Сибирской железной дороги был С.Ю. Витте (ЦГИА СССР, ф. Филиппова, д. 1, л. 24).

[27] 5 мая и 20 октября 1890 г. в соединенном присутствии трех Департаментов рассматривалось представление министра государственных имуществ «О пользовании водами для орошения земель на Кавказе». Соединенные Департаменты одобрили представленное по этому вопросу положение.

Основная мысль положения заключалась в том, что «права владельца на воды, когда они выходят за пределы одного владения, ограничиваются пра-

вом участия других владельцев в пользовании водой для орошения и для других целей». Таким образом, право пользования оросительной водой «составляло принадлежность владения землей и не могло принадлежать кому-либо вне его владения». Подчеркивалось, что продажа оросительной воды не разрешается (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1890 г., д. 117).

[28] Дочь Мария.

[29] Принц Людовик-Филипп.

[30] 12 мая в Департаменте государственной экономии слушалось представление министра финансов «О повышении таможенных пошлин на бумажную пряжу высших номеров и крученую, а также на нитки швейные». В представлении указывалось, что владельцы ниточных фабрик в Шотландии образовали синдикат «с целью принятия мер к окончательному подрыву возникающего у нас производства ниток» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1890 г., д. 222, л. 9). Далее сообщалось, что если гросс (144 катушки) ниток № 40 стоил в 1887 г. в Петербурге около 10 р. 50 к., то в настоящее время доходит до 6 р. 60 к. В связи с этим министр предлагал увеличить пошлины на нитки.

Департамент в своем решении признал «весьма желательным оградить не окрепшее еще у нас ниточное производство от усиленной иностранной конкуренции» (там же, л. 15). Пошлины на нитки были значительно увеличены. Так, нитки швейные на деревянных катушках с пуда брутто облагались пошлиной до 8 руб. вместо 6.

22 мая Общее собрание Государственного совета одобрило решение департамента. 4 июня оно было утверждено императором.

[31] См. комментарий 45 за 1888 г.

[32] Изменение Положения 1 января 1864 г. о земских учреждениях было одной из контрреформ, ставивших своей задачей ликвидировать буржуазные преобразования 60-х — начала 70-х годов (см. комментарий 47 за 1887 г.). Инициаторами проекта, так же как и Положения о земских начальниках, были уездный предводитель дворянства Симбирской губернии А.Д. Пазухин и министр внутренних дел Д.А. Толстой. Первоначальный проект был составлен, по-видимому, Пазухиным в 1886 г. и обсуждался в Особом совещании в конце 1886 г.

8 января 1888 г. Толстой внес в Государственный совет проект закона о земских учреждениях. Проект предусматривал ликвидацию самостоятельности земских учреждений. «Надлежит, — писал Толстой, — изменить самую постановку земских учреждений, признав земское дело делом государственным, подлежащим ведению правительства при содействии местного земского представительства. Соответственно сему предполагается изменить допущенную Положением 1 января 1864 г. самостоятельность земских учреждений в распоряжениях по местному хозяйственному управлению и вообще по всем предметам их ведомства» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1890 г., д. 23, л. 2).

В этих же целях рекомендовалось создание вместо земских управ земских присутствий из лиц по назначению администрации. Проект Толстого предусматривал изменение системы земских выборов для придания земствам откровенно дворянского характера, превращения курии частных землевладельцев в дворянскую и включения в состав земских собраний без выбора крупных землевладельцев.

Проект начал обсуждаться в соединенных Департаментах после смерти Толстого в марте 1890 г. и вызвал серьезную оппозицию в Государственном совете. Признав целесообразным введение в систему земских выборов принципа сословности, соединенные Департаменты высказались против включения в состав земских собраний лиц по назначению администрации. Была также отвергнута мысль о лишении земств самостоятельности, хотя Департаменты и высказались за усиление административного контроля. Таким образом, представленный проект претерпел существенные изменения.

28 мая 1890 г. решение соединенных Департаментов было одобрено на Общем собрании Государственного совета, а 12 июня оно было утверждено императором. Закон 12 июня 1890 г. все же не ликвидировал их самостоятельности в решении местных хозяйственных вопросов (ПСЗ. Собр. 3. Т. X. № 6922; ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1890 г., д. 23; см. также: Мамулова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 4. С. 60—85).

[33] 19 мая в соединенном присутствии трех Департаментов рассматривался вопрос о вознаграждении частных лиц за отчуждаемую от них долю участия в предприятии Обуховского сталелитейного завода. Этот вопрос был возбужден управляющим Морским министерством адмиралом Чихачевым.

Обуховский завод был основан по инициативе Морского министерства в 1863 г. для производства в России стальных артиллерийских орудий. Постройку завода и эксплуатацию его осуществляли инженер-полковник Обухов в компании с Путиловым и Кудрявцевым. Они учредили товарищество, основной капитал которого был разделен на 100 паев, делившихся поровну между ними. В 1868 г. было принято решение, по которому средства для завода должны выделяться по смете Морского министерства, чтобы постепенно завод перешел в казну. Вопрос об окончательном переходе завода в казну был решен междуведомственной комиссией под председательством генерала Обручева, созданной в конце 1883 г. В связи с этим наследники учредителей завода предъявили иск о компенсации имеющихся у них паев. Соединенные Департаменты сочли необходимым уплатить наследникам за $66^2/_3$ паев 3 081 267 руб.

Решение соединенных Департаментов было утверждено 13 июня Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1889 г., д. 145).

[34] Точнее, лейб-гвардии Кирасирский ее величества полк, стоявший в Гатчине.

[35] 24 мая в соединенном присутствии трех Департаментов рассматривался вопрос о введении положения 12 июля 1889 г. в губерниях: Екатеринославской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Полтавской, Псковской, Симбирской, Смоленской, Тульской и Харьковской. Соединенные Департаменты сочли необходимым сохранить в Харькове и Нижнем Новгороде ин-

ститут мировых судей на основаниях, определенных судебными уставами 20 ноября 1864 г. (министр же юстиции настаивал на сохранении мирового суда также и в Кременчуге) (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1890 г., д. 26).

[36] Представление Вышнеградского в Комитет министров о вознаграждении акционеров Либаво-Роменской железной дороги было вызвано ходатайством представителя акционеров дороги банкира Зака.

Этот вопрос рассматривался в Комитете министров 1, 8 и 15 мая 1890 г. 15 членов Комитета, т. е. большинство, высказались за выкуп в казну указанной дороги по экономическим, политическим и военным соображениям и отметили необходимость компенсации акционеров. Три члена Комитета сочли невозможным приобретение акций (стоимость их определялась законом в 4 550 000 руб.), «ибо акции эти, как не гарантированные и не приносящие никакого дохода, не имеют никакой ценности» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 284, л. 25), и указали, что по условиям концессии дорога через два года должна перейти в казну даром. Решение Комитета финансов было утверждено Александром III. Александр III утвердил мнение большинства, предложив Комитету финансов рассмотреть вопрос о целесообразности компенсации акционеров (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 284; см также: ф. Департамента государственной экономии, 1891 г., д. 111).

[37] 3—12 июня в Петербурге проходил Международный тюремный конгресс (предшествующий проходил в Риме в 1885 г.). Подробный отчет о деятельности конгресса см.: Новое время. 1890. 4—13 июня.

[38] Королева Ольга, дочь великого князя Константина Николаевича (уточнение ред.).

[39] В 1890 г. Военное министерство занималось вопросом о перевооружении пехоты. В конечном счете было решено остановиться на магазинной системе винтовки. В течение этого года в войсках испытывались винтовки систем Нагана и русского офицера капитана Мосина (ЦГВИА, Библиотека, Всеподданнейший доклад по Военному министерству 1891 г., с. 87—96). Позднее Военное министерство остановилось на винтовке системы капитана Мосина.

[40] Августа-Виктория.

[41] Людвиг IV.

[42] Эрнст-Людвиг.

[43] Александр Петрович Ольденбургский.

[44] Евгений Максимилианович князь Романовский.

[45] Иоганн-Альбрехт.

[46] Принц Альберт.

[47] Фердинанд II.

[48] Александрина-Фредерика-Вильгельмина (не Александра. — *Примеч. ред.*).

[49] Пошлины были увеличены на 20% (ПСЗ. Собр. 3. Т. X. № 7084).

[50] В фондах Министерства внутренних дел — Канцелярии министра и Департамента общих дел (ЦГИА СССР) — проекта указанного представления не обнаружено.

[51] См. комментарий 14 за 1892 г.

[52] Указанный проект не был внесен в Государственный совет. В декабре 1887 г. по вопросу о введении земских учреждений в Прибалтийских губерниях было созвано Особое совещание под председательством товарища министра внутренних дел Плеве. Однако совещание пришло к заключению «о невозможности введения земских учреждений в Прибалтийском крае, ибо, по его мнению, как бы ни было точно организовано самоуправление, оно всецело будет находиться в руках немецкого дворянства» (ЦГИА СССР, ф. Министерства юстиции, оп. 89, д. 11228, л. 5). «Вся совокупность условий, в которых находятся Прибалтийские губернии, — говорилось в решении, — привела совещание к единственному выводу о необходимости организации в названных губерниях как распорядительных, так и исполнительных учреждений по земским делам и повинностям — правительственного характера с участием в них представителей дворянства» (там же, л. 6). Однако и это предложение реализовано не было.

[53] См. комментарий 62.

[54] Имеется в виду отъезд наследника престола вел. кн. Николая Александровича вместе с троюродным братом греческим принцем Георгом на Дальний Восток. Об этом путешествии, носившем довольно легкомысленный характер, см.: ГБЛ, ф. А.А. Киреева, К-11. Дневник за 1891 г., л. 231, 235—239, 241.

[55] См. комментарий 31 за 1891 г.

[56] См. комментарий 10 за 1891 г.

[57] В описях фондов Варшавского военного окружного суда и Главного военно-судного управления (ЦГВИА, ф. 1837, 9) за 1887—1890 гг. указанное дело не значится. Об этом случае в различных вариантах рассказывает в своем дневнике и А.В. Богданович за 17 и 18 сентября 1890 г. (ЦГИА СССР, ф. Е.В. Богдановича, д. 248, л. 73—74). В записи за 31 октября того же года она пишет: «Начинают теперь говорить, что в Варшаве Гурко никого не расстреливал, что это выдумки, что будто бы никакого Перлова там не было. Другие говорят, что были расстреляны, но что это были австрийские шпионы» (там же, л. 88). По-видимому, этого случая в действительности не было.

[57а] Речь идет о романах Жюльена Вио (псевдоним Пьер Лоти) — автора многочисленных произведений: «Мой брат Ив», «Ребенок», «Исландский рыбак» и др. Романы Лоти были переведены на русский язык и пользовались в России в конце XIX — начале XX в. большой популярностью.

[58] Половцов не совсем точен. В заседании 25 октября рассматривался вопрос не о гимназиях, а «о применении к реальным училищам Дерптского учебного округа Общих устава и штата реальных училищ 9 июня 1888 г.» (ЦГИА СССР, ф. Журналов департаментов Государственного совета. Коллекция, оп. 2, д. 348, л. 125—128). Устав и штаты были введены в Дерптском учебном округе с некоторыми изменениями по сравнению с Общим уставом. Аналогичный вопрос о гимназиях был решен в марте того же года (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1890 г., д. 112).

[59] 27 октября в соединенном присутствии трех Департаментов проходило обсуждение проекта нового устава о векселях. Соединенные Департаменты

постановили этот вопрос отложить впредь «до представления Государственному совету законопроекта о вызывном производстве и об изменении действующих правил о порядке сокращенного судопроизводства по делам гражданским» (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1902 г., д. 197). Устав о векселях был окончательно рассмотрен 13 мая 1902 г. Утвержден Николаем II 27 мая 1902 г. (там же).

[60] Froude J.A. Caesar. London, 1879.

[61] По описям фонда Государственного совета (т. X—XI) и журналам и мемориям департаментов Государственного совета (ЦГИА СССР, ф. 1160) указанное дело не обнаружено.

[62] 13 ноября в Комитете министров рассматривался вопрос об учреждении товарищества Невской ниточной мануфактуры с основным капиталом в 12 млн. руб. Учредительницей этого товарищества была Надежда Михайловна Половцова. Устав был утвержден (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4798, л. 134—142).

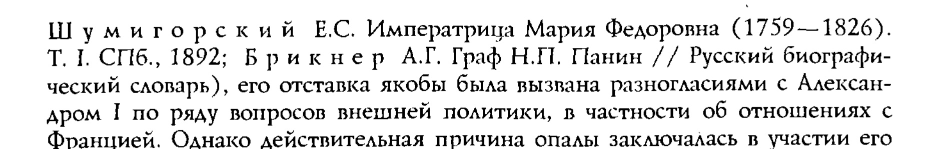
[63] Вопрос о портовом управлении рассматривался в соединенных Департаментах законов и государственной экономии 17 ноября 1890 г. и 25 января 1891 г. «Положение об административном заведовании торговым мореходством и портовой полицией в приморских торговых портах» было утверждено 8 апреля 1891 г.

Администрация порта подчинялась Министерству внутренних дел. Кроме главного администратора — капитана над портом, создавалось Особое по портовым делам присутствие из представителей разных ведомств под председательством губернатора или градоначальника (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1891 г., д. 17).

[64] 19 ноября, 3, 8 (а не 7-го, как указывает Половцов), 13 и 17 декабря 1890 г. в соединенном присутствии трех Департаментов слушалось представление министра юстиции «О детях, узаконенных и усыновленных». Вопрос об узаконении внебрачных детей, родители которых позднее вступили в законный брак, в каждом случае разрешался на основании прошений, «на высочайшее имя приносимых». В представлении министра юстиции рекомендовалось разрешать этот вопрос в судебном порядке. В проекте содержались также правила усыновления (усыновитель должен быть не моложе 30 лет, согласие обоих супругов, запрещение усыновлять детей иного вероисповедания и т. д.). Соединенные департаменты в основном согласились с мнением Министерства юстиции. В Общем собрании Государственного совета при обсуждении этого вопроса возникли разногласия. 38 членов в целом одобрили решение соединенных Департаментов, а 3 члена (Долгорукий, Мансуров 1-й и Филиппов) выступили против. 12 марта Александр III утвердил мнение большинства (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1890 г., д. 22/2; ПСЗ. Собр. 3. Т. XI. № 7525).

[64a] По-видимому, Половцов ошибся. Имеется в виду устав Академии художеств 30 августа 1859 г.

[65] Вице-канцлер Никита Петрович Панин был уволен по прошению от должности, и, как указывается в исторических источниках и литературе (Материалы для жизнеописания гр. Н.П. Панина. Т. I—VII. СПб., 1888—1892;

Шумигорский Е.С. Императрица Мария Федоровна (1759—1826). Т. I. СПб., 1892; Брикнер А.Г. Граф Н.П. Панин // Русский биографический словарь), его отставка якобы была вызвана разногласиями с Александром I по ряду вопросов внешней политики, в частности об отношениях с Францией. Однако действительная причина опалы заключалась в участии его в убийстве Павла I (Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907).

[66] См. комментарий 171 за 1883 г.

[67] См. комментарий 152 за 1883 г.

[68] Сб. РИО. Т. 75. Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе. Ч. VII. Донесения французского поверенного в делах при русском дворе Маньяна и ответы французского правительства за 1727—1730 гг. СПб., 1891.

1891 год

[1] 24 января в соединенных Департаментах законов и государственной экономии обсуждался вопрос об увеличении основного капитала и частичном изменении устава Общества Черноморско-Дунайского пароходства. Соединенные Департаменты удовлетворили представление Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. 4 февраля Общее собрание утвердило решение соединенных Департаментов, подчеркнув необходимость развития отечественного судоходства (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1891 г., д. 27).

В 1893 г. в Государственном совете снова рассматривался вопрос «О мерах к упрочению Общества Черноморско-Дунайского пароходства и об изменении устава сего Общества» (там же, 1893 г., д. 176).

[2] 8 января Комитет министров рассматривал представление министра внутренних дел Дурново о запрещении изданной без предварительной цензуры книги В. Бильбасова «История Екатерины II» (т. II. СПб., 1891). По мнению Дурново, «автор, избрав предметом своего исследования жизнь и государственную деятельность русской монархини, отступил в своем сочинении от серьезного исторического изложения и придал своему труду характер памфлета» (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4841, л. 124). В действительности книга Бильбасова представляет собой серьезное исследование, основанное на широком круге исторических источников.

[3] Герцогский дом Лейхтенбергских был основан сыном Жозефины Богарне Евгением (пасынком Наполеона I). Евгений Богарне женился на дочери баварского короля Амалии-Августе в 1806 г. После разгрома Наполеона король уступил своему зятю за 5 млн. франков ландграфство Лейхтенберг и часть княжества Эйхштет. Таким образом, Евгений Богарне стал герцогом Лейхтенбергским. Сын Евгения Максимилиан в 1834 г. женился на дочери Николая I Марии Николаевне. Тем самым Лейхтенбергские вошли в состав российского императорского дома, им был присвоен дополнительный титул князей Романовских. Евгений Максимилианович Лейхтенбергский претендовал на бриллианты императрицы Жозефины.

[4] По-видимому, эти переговоры не привели к желаемым результатам, так как в дальнейшем Анненков не участвовал в строительстве железной дороги (см. комментарий 12).

[5] Комитет министров, рассмотрев в двух заседаниях в феврале 1891 г. вопрос о строительстве Сибирской железной дороги, пришел к следующим решениям: «1) Сибирская железная дорога должна строиться сплошною; 2) что она должна начаться с запада от Златоуста и направляться на Челябинск, Омск и Томск, а с востока от Владивостока на Хабаровск; 3) что постройка должна производиться одновременно с двух концов и 4) что она должна быть исполняема за счет казны непосредственным распоряжением правительства». Начальником строительства Уссурийского участка был назначен инженер Урсата (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 629, л. 24; см. также: ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4843, л. 136—158; Саблер С.В. и Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 1—128).

[6] В фондах Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, Департамента железных дорог Министерства путей сообщения и Канцелярии министра путей сообщения (ЦГИА СССР) указанная записка не обнаружена.

[7] Речь идет о рассмотрении на заседании Комитета финансов вопроса о конверсии $5^1/_2$%-ных свидетельств, выпущенных Государственным банком в 1862 г. в связи с необходимостью выдачи помещикам сумм по выкупной операции. Срок обращения этих свидетельств истекал в 1914 г. К 1891 г. сумма их составляла 66 135 500 руб. (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 297, л. 2). Рекомендовалось выпустить новый заем — «Второй 4%-ный внутренний заем» — на сумму в 70 млн. руб. Комитет финансов утвердил представление Вышнеградского. На том же заседании рассматривался и другой вопрос — «Об оплате купонов от конверсированных и досрочно выкупленных займов» (там же, д. 296).

[8] В описи дел архива Государственного совета и журналах Департамента государственной экономии Государственного совета (ЦГИА СССР, ф. 1160) за 1890—1892 гг. указанное дело не значится.

[9] Софья — дочь герцога Николая-Вильгельма.

[10] 29 декабря 1890 г. министр финансов внес в Государственный совет представление «Об общем пересмотре таможенного тарифа». Этот вопрос стал подготавливаться с мая 1889 г., когда он был передан на рассмотрение биржевых комитетов и биржевых обществ. По получении от них отзывов были созданы в Министерстве финансов Особое совещание и комиссия для разработки проекта тарифа.

Министр финансов в своем представлении указывал, что общий пересмотр таможенного тарифа необходим «в видах согласования как его отдельных статей... так и всей совокупности тарифа с современными условиями нашей промышленности, дабы даровать надлежащее равномерное покровительство всем ее отраслям» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, оп. т. XI, 1891 г., д. 225, ч. 1, л. 3).

Департамент государственной экономии рассматривал этот вопрос в заседаниях 28 марта, 6, 10, 11, 13, 17 апреля и 9 мая 1891 г. Внеся уточнения

и изменения, департамент одобрил представленный проект, предложив ввести его в действие с 1 июля 1891 г.

Общее собрание Государственного совета 27 мая утвердило с некоторыми изменениями решение Департамента государственной экономии.

11 июня 1891 г. журнал Общего собрания был утвержден Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1891 г., д. 225, ч. I—V; ПСЗ. Собр. 3. Т. XI. № 7811).

[11] Адольф-Вильгельм-Карл-Август.

[12] Речь идет о строительстве железнодорожной линии от Богословского завода до с. Корчемского на Вычегде с веткой на Березняки (конечный пункт Луньевской ветки Уральской железной дороги). Изыскания для постройки этой железной дороги начались в 1890 г. (ЦГИА СССР, ф. Департамента железных дорог Министерства путей сообщения, оп. 6, д. 9602).

[13—14] По-видимому, принц Людвиг-Вильгельм-Август или его брат Карл-Фридрих-Густав.

[15] См. комментарий 14 за 1892 г.

[16] См. комментарий 31.

[17] См. комментарий 10.

[18] См. комментарий 43 за 1892 г.

[19] См. комментарий 10.

[20] Альберт — принц Саксен-Альтенбургский.

[21] Как указывалось в официальном сообщении, 29 апреля во время проезда наследника престола через Оцу его ранил в голову саблей полицейский. При попытке нанести второй удар этот полицейский был сбит с ног сопровождавшим наследника греческим принцем Георгом (Правительственный вестник. 1891. 1 мая).

[22] В «Своде заслуживающих внимания сведений, полученных Департаментом полиции» за апрель 1891 г. сообщения о подготовляющемся покушении не имеется (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 168, 1891 г., д. 20). По-видимому, эти сведения были получены из доноса. Так, в описи дел 3-го делопроизводства Департамента полиции за 1891 г. под № 1033 значится дело «По заявлениям о намерениях злоумышленников покуситься на жизнь высочайших особ», содержащее 10 доносов по этому поводу. Дело не сохранилось.

[23] Георгу.

[24] Комитет министров в чрезвычайном заседании наградил греческого принца Георга золотой медалью «За спасение погибающих» на Владимирской ленте за оказание помощи наследнику во время инцидента в Оцу (см. комментарий 21).

[25] См. комментарий 30.

[26] См. комментарий 31.

[27] Walpole H. Letters. Vol. 1—2. London — New York, 1890.

[28] 4 мая 1891 г. в соединенном присутствии трех Департаментов рассматривалось представление министра юстиции «Об особых правилах по коштному межеванию в Юго-Западном крае». Коштное межевание (разверстание помещичьих и крестьянских земель по требованию первых) начало проводиться в конце 70-х годов и было приостановлено в 1874 г. из-за происходивших

волнений. Эти волнения были вызваны тем, что в результате коштного межевания крестьяне теряли сервитутные права (пастьба скота по толоке, в лесах и т. д.).

Имея в виду, что коштное межевание представляется важным с точки зрения интересов частных землевладельцев, министр юстиции поставил вопрос о возобновлении коштного межевания при условии, что сервитутные права могут быть уничтожены только по добровольному соглашению крестьян с помещиками. В случае же споров о границах отведенных в надел земель таковые рассматривались в губернских по крестьянским делам присутствиях.

Соединенные Департаменты, утвердив представление министра юстиции, внесли в него некоторые изменения. Наиболее существенное из них заключалось в том, что «право пастьбы скота на землях и в лесах и другие сервитуты там, где они существуют, не отменяются коштным размежеванием» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1891 г., д. 61, л. 51).

Таким образом, вопрос о коштном межевании был разграничен с вопросом о сервитутах.

[29] 7 мая в Комитете министров рассматривалось представление министра финансов о рассрочке выданной в 1880 г. ссуды в размере 2 500 000 руб. князю Белозерскому-Белосельскому под залог находящихся в Уфимской губернии двух заводов. Ссуда была выдана сроком на 10 лет. По решению Комитета министров, погашение ссуды было рассрочено на 37 лет (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4852, л. 95—114).

[30] В 1891—1892 гг. было выселено из Москвы несколько десятков тысяч евреев, согласно законам 28 марта 1891 г. и 15 октября 1892 г. (ПСЗ. Т. XI. № 7581; Т. XII. № 8951). Точную цифру высланных установить не удалось.

По первому закону подлежали высылке из Москвы евреи-ремесленники, по второму — все отставные чины рекрутских наборов и члены их семейств, не приписанные к мещанским обществам или ремесленным цехам (А й з е н б е р г Л.М. Великий князь Сергей Александрович, Витте и евреи — московские купцы (Из истории изгнания евреев из Москвы 1891—1892 гг.) // Еврейская старина. Т. 13. Л., 1930. С. 80—99; Д у б н о в С. «Fouror judophibicus» в последние годы царствования Александра III, 1890—1894 // Еврейская старина. Т. 10. Пг., 1918. С. 27—59; В е р м е л ь С.С. Московское изгнание (1891—1892). М., 1924).

[31] 22 февраля 1891 г. министр государственных имуществ сделал в Государственный совет представление по «проекту правил об охоте». Для обсуждения этого вопроса в Государственном совете было образовано Особое присутствие под председательством А.А. Абазы. 2, 11, 17 мая и 30 ноября 1891 г. Особое присутствие рассматривало представленный проект и внесло в него существенные изменения. Наиболее важным из них был пункт о необходимости получения охотничьего свидетельства собственниками имений (в представленном проекте это требование отсутствовало). В проекте были конкретизированы условия охоты (сроки и т. д.).

23 декабря этот вопрос рассматривался в Общем собрании. При обсуждении опять возникли разногласия по вопросу о необходимости получения владельцами имений охотничьих свидетельств. 32 члена Государственного совета высказались за отмену этого пункта. 10 членов во главе с председателем считали правильным получение свидетельств всеми без исключения лицами.

Александр III 3 февраля 1892 г. утвердил мнение меньшинства (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1891 г., д. 468).

[32] Согласно Всеподданнейшему докладу Военного министерства за 1891 г., представленному в начале 1892 г., в течение 1891 г. в артиллерийском ведомстве были осуществлены следующие реформы: 1) в запасных батареях увеличено число орудий с 4 до 8; 2) сформировано 12 легких батарей, из них 10 для придания стрелковым бригадам и 2 — для 19-й артиллерийской бригады (для замены имеющихся в ней двух горных батарей); кроме того, проводились опыты по увеличению скоростей стрельбы из полевых орудий (ЦГВИА, Библиотека, Всеподданнейший доклад по Военному министерству 1891 г.).

[33] Correspondence of Princesse of Lieven and E. Carl Grey. Vol. 1—3. London, 1890.

[34] См. комментарий 14 за 1892 г.

[35] Имеются в виду сочинения по истории Англии Вильяма Лекки. В 1878—1890 гг. им была опубликована восьмитомная история Англии «A History of England in the eighteenth Century».

[36] Речь идет о книге «Обзор бюджетного законодательства России за 1862—1890 годы» (СПб., 1891).

[37] См. комментарий 20 за 1887 г.

[38] Ольга Николаевна, дочь Николая I.

[39] Эта точка зрения представляется сильно преувеличенной. Однако императрица действительно проявляла инициативу в организации благотворительной помощи балканским славянам, что способствовало росту антитурецких настроений (Дневник И.А. Валуева. Т. II. М., 1961. С. 379; Дневник Д.А. Милютина. Т. II. М., 1949. С. 101).

[39а] Речь идет об организации императрицей Марией Александровной помощи грекам — участникам национально-освободительной борьбы против турецкого владычества на о. Крите (Кандии) в 1866 г.

[40] В Москве в июне 1891 г. функционировали три выставки: французская, на которой с 16 июня осуществлялся подъем пассажиров на воздушном шаре, среднеазиатская и выставка картин С.-Петербургского общества художников («Русские ведомости» за июнь 1891 г.). По-видимому, имелась в виду французская выставка, так как, судя по прессе, она пользовалась наибольшей популярностью.

[41] Имеется в виду указ Сенату 16 октября 1891 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. XI. № 8010) «О распространении воспрещения отпуска за границу ржи, ржаной муки и отрубей всяких, на все прочие, кроме пшеницы, зерновые хлеба и картофель, а равно на приготовляемые из запрещенных к вывозу зерновых хлебов и картофеля: муку, солода, крупу, тесто и печеный хлеб». См. также указ Сенату 28 июля 1891 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. XI. № 7939).

[42] По-видимому, речь идет о книге: Extrait des Mémoires du duc de Morny. Une ambassade en Russie 1856. Paris, 1892.

[43] Указанный проект в фонде В.К. Плеве (ЦГАОР) не сохранился. По-видимому, проект в какой-то степени осуществился в представлении в Государственный совет министра государственных имуществ от 31 октября 1893 г., в котором ставился вопрос о преобразовании Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и государственных имуществ.

Этот вопрос рассматривался в соединенных Департаментах 18 декабря 1893 г., в Общем собрании 7 марта 1894 г. и был решен положительно. Первоначальной задачей созданного министерства было «попечение о распространении и усовершенствовании земледелия, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1893 г., д. 102, л. 396). В указанном деле проект Плеве также отсутствует (ПСЗ. Собр. 3. Т. XIV. № 10457).

[43а] «Новое дело» — комедия в четырех действиях Вл.И. Немировича-Данченко.

[43б] «Уголок Москвы» — комедия в четырех действиях В. Александрова (псевдоним В.А. Крылова).

[44] См. комментарий 31.

[45] 28 ноября на Главном артиллерийском полигоне погиб штатный преподаватель Михайловской артиллерийской академии штабс-капитан Семен Васильевич Панпушко в результате разрыва 6-дюймовой бомбы (Новое время. 1891. 1 декабря).

[46] 25 ноября и 9 декабря в соединенном присутствии трех Департаментов рассматривалось представление министра юстиции «О введении судебной реформы в полном объеме в губерниях Оренбургской, Уфимской и Астраханской».

При обсуждении этого вопроса у некоторых членов возникло сомнение в возможности введения в Астраханской губернии суда присяжных ввиду незначительного числа оседлого населения. Соединенные Департаменты приняли решение о введении судебных уставов только в Оренбургской и Уфимской губерниях. 24 февраля 1892 г. Общее собрание Государственного совета утвердило заключение соединенных Департаментов (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1891 г., д. 205).

[46а] Филантропическая организация «Человеколюбивое общество» была основана Александром I 16 мая 1802 г. Во главе общества стоял попечительный комитет. На протяжении XIX в. к нему было присоединено еще несколько филантропических организаций (Попечительный о бедных комитет — 1805 г., Общество посещения бедных — 1848 г.). К 1881 г. обществу было подведомственно 131 заведение (больницы, воспитательные дома, богадельни и т. д.). Число лиц, пользовавшихся помощью общества, в 1881 г. составляло 368 тыс. человек.

[47] Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. По неизданным источникам составил Генерального штаба генерал-лейтенант князь Щербатов. Т. III. СПб., 1891.

[48] Иоанн-Баптист-Иосиф.

[49] Франц-Иосиф.

[50] Эрцгерцог.

[51] Обсуждение вопроса о постройке Камышинской железной дороги в журналах Комитета министров за 1891—1892 гг. отражения не получило.

[52] La papauté, le socialisme et la démocratie // Revue des deux mondes. 15.XII 1891, p. 721—767.

[53] См. комментарий 51.

[54] Материалов указанной комиссии в фондах Министерства внутренних дел (Канцелярия министра, Департаменты общих дел и хозяйственный) обнаружить не удалось. В формулярном списке Абазы отсутствует упоминание о председательстве в этой комиссии.

[55] См. комментарий 21.

[56] По-видимому, недовольство Александра III греческим принцем Георгом было вызвано легкомысленным поведением его и наследника престола вел. кн. Николая Александровича в период их путешествия на Дальний Восток (С о л о в ь е в С.В. Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 115; см. также комментарии 21 за 1891 г. и 54 за 1890 г.).

1892 год

[1] 31 декабря 1891 г. проходило заседание Комитета министров по обсуждению представления министра внутренних дел Дурново от 26 декабря «О принятии некоторых мер по народному продовольствию».

По данным Дурново, общий урожай хлеба в 1891 г. составил 246 549 500 четвертей (1 972 396 000 пудов). За исключением вывезенных за границу 119,1 млн. пудов и семенного фонда, для внутреннего потребления оставалось 1217,6 млн. пудов, чего, по его расчетам, должно было хватить для прокормления населения (около 94 млн. человек, считая по 13 пудов в год) (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4870, ст. 1062, л. 775—777). Дурново отметил, что, рассчитывая на повышение цен на хлеб, хлеботорговцы и землевладельцы не выбрасывают его на рынок. Даже в неурожайных губерниях, по данным губернаторов, были сосредоточены большие запасы хлеба (в Саратовской — 6 млн. пудов, в Самарской — 10 млн. пудов) (там же, л. 764). Дурново сообщил, что с ноября после запрещения вывоза пшеницы за границу цены начали несколько падать. В соответствии с этим он полагал необходимым принять следующие меры: 1) запретить вывоз хлеба из 14 неурожайных губерний (Воронежской, Вятской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тобольской, Уфимской); 2) предоставить министру внутренних дел право обнародовать «наличие хлебных запасов, находящихся у частных людей», и запретить «владельцам значительных запасов продавать оные без разрешения местного губернского начальства» (там же, л. 774—775). Дурново не отрицал возможности «понуждения владельцев хлебных запасов к обязательной продаже их по назначенной цене» (там же, л. 775—786), но эту меру он предполагал применить лишь в крайнем случае. Вместе с тем Дурново считал целесооб-

разным сосредоточить покупку хлеба в ведении одного правительственного органа. Комитет министров отверг предложения Дурново, утверждая, что регламентация хлебной торговли (продажа по назначенной цене) может привести к исчезновению хлеба на рынках. В связи с этим Комитет министров предложил Дурново «озаботиться закупкой хлеба, необходимого для продовольствия нуждающегося населения и для обсеменения полей путем частных соглашений с владельцами хлебных запасов» (там же, л. 779—780). Таким образом, запрещение вывоза хлеба касалось не 17, как утверждает Половцов, а 14 губерний.

[2] 1 мая 1891 г. государственный контролер внес в Государственный совет представление об издании нового «Учреждения государственного контроля». Государственный контроль должен состоять: из государственного контролера, его товарища, Совета государственного контроля, канцелярии и архива, двух департаментов (гражданской отчетности, военно-морской отчетности), Железнодорожного отдела, Центральной бухгалтерии и Комитета для проверки денежной и материальной отчетности установлении государственного контроля. Местные органы контроля: губернские контрольные комитеты, местные контрольные части на казенных железных дорогах.

4 января 1892 г. Департаменты законов и государственной экономии утвердили с некоторыми изменениями представленный проект.

В государственном контроле создавалась еще Комиссия для проверки годовых отчетов местных железных дорог за прежнее время и текущих отчетов тех частных железных дорог, при которых не учреждено местного правительственного контроля. Кроме того, соединенные Департаменты дополнили «Учреждение государственного контроля» пунктом, по которому служащим этого учреждения запрещалось занимать должности или участвовать в коммерческих мероприятиях учреждений, подвергавшихся проверке государственного контроля, 28 апреля 1892 г. решение было утверждено императором (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 19; ПСЗ. Собр. 3. Т. XII. № 8548).

[3] Речь идет об опере Массне «Эсклармонда».

[4] Альберт-Виктор-Христиан-Эдуард, старший сын принца Уэльского.

[5] Начальный пункт Закаспийской железной дороги — восточное побережье Каспийского моря, конечный — Самарканд, протяженность 1347,5 версты, строилась с 1880-го по 1888 г. (см. комментарий 48 за 1885 г.).

[6] 29 декабря 1891 г. министр внутренних дел внес в Государственный совет представление о выделении 60 млн. руб. Дурново в своем представлении указывал, что министерство уже израсходовало в 17 голодающих губерниях (Симбирской, Самарской, Казанской, Саратовской, Тамбовской, Тобольской, Уфимской, Пермской, Оренбургской, Рязанской, Вятской, Тульской, Курской, Олонецкой, Таврической, Орловской, Херсонской) как на обсеменение полей, так и на продовольственную помощь 83 851 500 руб. (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1892 г., д. 1, л. 5). Министр внутренних дел отмечал, что цены на хлеб значительно выросли. Так, рожь для обсеменения полей приобреталась по 90 коп. — 1 руб. за пуд, а печеный хлеб — по 1 руб. 35 коп. — 1 руб. 40 коп. (там же, л. 2).

Департамент государственной экономии 9 января 1892 г. поддержал представление министра внутренних дел. 3 февраля решение Департамента было утверждено Александром III.

[7] Речь идет о постройке железнодорожной ветки от станции Беслан Владикавказской железной дороги до порта Петровск на побережье Каспийского моря. Строительство проводилось Обществом Владикавказской железной дороги. Вопрос о строительстве этой ветки (как и Минераловодской — от Минеральных Вод до Кисловодска) решался в Департаменте экономии Государственного совета 1 июня 1891 г. (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1891 г., д. 301).

[7а] Schlumberger L.G. Un empereur byzantin lu Xe siècle Nicéphore Phocas. Paris, 1890.

[8] См. комментарий 3 за 1891 г.

[9] Оскар-Густав-Адольф.

[10] В описи дел архива Государственного совета (т. XI) и журналах Департамента государственной экономии Государственного совета (ЦГИА СССР, ф. 1160) рассмотрение указанного вопроса не значится.

[11] По-видимому, Половцов имеет в виду Николая и Георгия Николаевичей, герцогов Лейхтенбергских, сыновей Николая Максимилиановича Лейхтенбергского.

[12] Имеется в виду «Учреждение об императорской фамилии» (см. комментарий 85 за 1886 г.).

[13] Речь идет о перепечатке из газеты «Daily Telegraph» от 14 января 1892 г. письма Л.Н. Толстого «Почему русские крестьяне голодают?», в котором он высказывался о тунеядстве господствующих классов, а также заявлял о полной неспособности привилегированных классов организовать борьбу с голодом. «*Привилегированные классы,* — писал он иронически, — *жиреющие и толстеющие от работы мозолистых рук народа,* не могущие двинуть ногой или рукой без помощи народа, хлопочут и хотят его покормить» (Московские ведомости. 1892. 22 января).

[14] 1 марта 1891 г. министр внутренних дед Дурново внес в Государственный совет проект нового городового положения. В своем представлении он указывал, что существующее городовое положение страдает существенными недостатками: 1) «в составе избирательных собраний»; 2) «в организации распорядительного и исполнительного органов общественного управления»; 3) «в порядке замещения общественных должностей и в условиях общественной службы»; 4) «в заведовании общественными имуществами и оброчными статьями, в распоряжениях запасными средствами, в производстве займов и принятии на городские поселения разного рода обязательств», в чем, по мнению министра, предоставляется органам городского управления «широкая свобода действий»; 5) «в действиях общественного управления относительно городских расходов смет и отчетов» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, л. 2—3). Обсуждение проекта в соединенных Департаментах проходило 25 мая 1891 г., 25 января, 1, 8, 10, 17, 22, 24 февраля и 25 апреля 1892 г. Соединенные Департаменты одобрили в целом представленный проект, внеся в него ряд изменений. 18 мая 1892 г.

решение соединенных Департаментов было одобрено Общим собранием Государственного совета. 11 июня оно было утверждено императором.

Новое городовое положение резко сократило число избирателей: в Петербурге — с 21 тыс. до 8 тыс., в Москве — с 20 тыс. до 7 тыс., в Харькове — с 6890 до 2291. Из 336 городских поселений в 154 численность избирателей не достигала 100 человек. Губернаторам предоставлялось право приостанавливать выполнение думских решений не только тогда, когда они не согласовывались с законами, но и тогда, когда, по мнению губернатора, они «не соответствовали общим государственным пользам и нуждам или явно нарушали интересы местного населения». Широкое толкование губернаторских прав создавало большие возможности для произвола (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38; ПСЗ. Собр. 3. Т. XII. № 8708; Шрейдер Г.И. Городская контрреформа 11 июня 1892 года // История России в XIX веке. Т. V. Гл. V. С. 181—228).

[15] Весной 1851 г. Николай I встретился в Ольмюце с австрийским императором Францем-Иосифом. Официально поездка в Ольмюц была ответным визитом на посещение Францем-Иосифом Варшавы в 1851 г., где были выработаны предварительные условия Ольмюцкого соглашения между Австрией и Пруссией о восстановлении Германского союза с руководящей в нем ролью Австрии (Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 105—117).

[16] В фонде вел. кн. Михаила Николаевича сохранились черновики его писем Александру II за время пребывания на Кавказе (ЦГАОР, ф. 649, д. 212—214). Писем же к нему Александра II, за исключением нескольких записок, относящихся к 1877 г., не имеется.

[17] Письма вел. кн. Константина Николаевича Александру II хранятся в ЦГАОР (ф. Александра II, д. 772).

[18] Ухудшение отношений между Александром II и вел. кн. Константином Николаевичем произошло вследствие разногласий по вопросу о политике в Царстве Польском. В частности, вел. кн. Константин Николаевич не одобрял действий М.Н. Муравьева в Литве (ЦГАОР, ф. 722, д. 124а. Копия дневника вел. кн. Константина Николаевича за 1863—1865 гг.).

[19] Речь идет о статье «La guerre russo-turque d'aprés des documents inédits», опубликованной в двух июньских номерах 1880 г. журнала «La nouvelle Revue», 1.VI, p. 473—508: 15.VI, p. 738—773. Характеризуя эту статью, Д.А. Милютин писал: «Это панегирик великому князю Николаю Николаевичу, написанный как будто бы под его диктовку. Чтобы выставить его великим полководцем, вся вина неудач в последнюю войну сваливается на государя, на Военное министерство, на кн. Горчакова» (Дневник Д.А. Милютина. Т. III. М., 1950. С. 258). По поводу этой статьи в «La nouvelle Revue» за тот же год в номере от 15 октября было помещено анонимное письмо редактору с опровержением ряда положений.

[20] См. комментарий 31 за 1891 г.

[21] См. комментарий 27.

[22] 10 июля 1891 г. С.-Петербургская городская дума приняла решение о закупке хлеба в связи с возможным резким повышением цен. В течение сентября — октября городской управой была закуплена партия пшеницы и ржи в зерне, а в конце октября член управы Ниман был послан в Прибалтийские губернии для приобретения муки. Ниман передоверил закупку купцу Пухтеру, который приобрел большое количество (свыше 150 тыс. пудов) негодной муки, что было окончательно установлено управой в первой половине декабря. В связи с этим была создана комиссия из 10 гласных под председательством графа А.А. Бобринского, которая в начале февраля 1892 г. представила Думе доклад. Комиссия обвинила некоторых членов управы «в легкомыслии». В конечном счете Думой было объявлено «неодобрение» членам управы Яблонскому, Ниману и товарищу городского головы Н.Н. Медведеву (в то время как комиссия предлагала предать суду Нимана и Яблонского) (С.-Петербургские ведомости. 1892. 8, 20, 23 февраля; Новое время. 1892. 6, 7, 8, 9, 13, 23 февраля, 5, 6 и 27 марта).

[23] В особом журнале Комитета министров от 4 февраля 1892 г. приводится подробная справка о мерах, принимавшихся правительством в 1833, 1834 и 1840 гг. в связи с неурожаем (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4912, л. 25—57). Этими мерами не предусматривались ограничения вывоза хлеба.

[24] См. комментарий 27.

[25] По-видимому, Половцов имеет в виду журнал заседания Комитета финансов от 2 февраля 1892 г., на котором рассматривался вопрос о временном выпуске кредитных билетов на 75 млн. руб. в связи с государственными расходами по покупке хлеба для голодающих районов. Все члены Комитета финансов высказались против продажи золота и сочли целесообразным вместо этого выпустить кредитные билеты. Министр финансов, как значится в журнале, заявил, что принципиально он не возражает против продажи золота, но в данном случае согласился с другими членами Комитета финансов. Вероятно, в журнал были внесены исправления, так как указанная Половцовым фраза в нем отсутствует. Золотой запас, по данным журнала, составлял 500 млн. руб. (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 310).

[26] 11 июля 1891 г. французская эскадра под флагом адмирала Жерве пришла в Кронштадт. Визит французских моряков продолжался около двух недель и превратился в демонстрацию франко-русского сближения. В это же время между министром иностранных дел Гирсом и французским послом Лабуле велись переговоры о франко-русском соглашении, нашедшем впоследствии свое окончательное выражение в союзе России с Францией (Дневник В.П. Ламздорфа. 1891—1892. М.—Л., 1934. С. 158—160; Манфред А.З. Внешняя политика Франции 1871—1891 годов, М., 1952. С. 505—517).

[27] Французские капиталисты проявляли большой интерес к участию в строительстве Сибирской железной дороги. Кроме предложения генерала Анненкова (см. комментарий 26 за 1890 г.), в Париже летом 1890 г. было учреждено специальное Общество для изучения условий этого строительства. Учредителями этого Общества были сенатор Ш. Лесюэр и другие лица, принимавшие участие в капитальных строительных работах в различных частях света. Однако Сибирская железная дорога строилась на казенные средства без

привлечения иностранных капиталов (см. комментарий 63) (Саблер С.В. и Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 102—103).

[28] Городовое положение 1846 г., разработанное для С.-Петербурга, ставило своей целью создание условий для успешного управления городским хозяйством. Однако по-прежнему общественное управление носило сословный характер, и самостоятельность его была ничтожной. Формы и содержание правительственной опеки оставались прежними (Дитятин И. Городское самоуправление в России. Т. 2. Ярославль, 1877. С. 399—502).

[29] Речь, по-видимому, идет об операционном плане 1890 г., который в отличие от плана 1887 г. предусматривал отход русской армии. В связи с быстрым ростом германской железнодорожной сети было решено сосредоточить основные войска для парирования наиболее опасного удара с севера. Левый берег Вислы предусматривалось фактически очистить, так как эту территорию предполагалось не оборонять, а «наблюдательно охранять». Вероятно, это и имел в виду генерал Гурко (Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. М., 1926).

[30] Христиан IX.

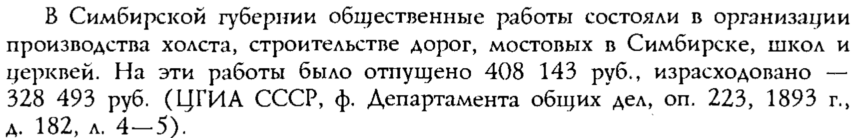
[31] По-видимому, имеется в виду рукопись работы Н. Дубровина «После Отечественной войны (Из русской жизни в начале XIX века)», в которой говорится об образовании и деятельности тайных декабристских обществ — «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Впоследствии она была частично опубликована (Русская старина. 1903. Кн. 11—12; 1904. Кн. 1—5). Конец работы не опубликован, по-видимому, по цензурным соображениям.

[32] По-видимому, идет речь о выпуске $4^{1}/_{2}$%-ного консолидированного железнодорожного займа. В своей всеподданнейшей записке, одобренной Александром III 6 марта 1892 г., Вышнеградский, говоря о необходимости удовлетворения чрезвычайных потребностей, вызванных неурожаем, указывал на невозможность покрытия этих расходов «обыкновенными поступлениями государственных доходов».

В силу этого министр финансов считал необходимым выпустить $4^{1}/_{2}$%-ный консолидированный заем в сумме 75 млн. руб., «из выручки коего 33 млн. руб. подлежали бы обращению в казну в возврат выданных железным дорогам авансов, остальная же сумма подлежала бы выдаче в 1892 г. и отчасти в 1893 г. Обществам железных дорог, нуждающимся в средствах на сооружение разрешенных к постройке новых путей и на другие надобности» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 313, л. 1—2).

16 марта Комитет финансов рассматривал предложения Вышнеградского и одобрил их. 20 марта предложение Комитета финансов о выпуске займа было утверждено Александром III.

[33] Общественные работы для помощи населению, пострадавшему от неурожая, в Казанской губернии, согласно отчету губернатора за 1892 г., выражались в строительстве шоссейных и грунтовых дорог, исправлении мостовых в Казани, заготовках леса, строительстве школ и церквей. Ассигнования на эти работы составляли 505 тыс. руб. (ЦГИА СССР, ф. Департамента общих дел, оп. 223, 1893 г., д. 236, л. 4—5).

В Симбирской губернии общественные работы состояли в организации производства холста, строительстве дорог, мостовых в Симбирске, школ и церквей. На эти работы было отпущено 408 143 руб., израсходовано — 328 493 руб. (ЦГИА СССР, ф. Департамента общих дел, оп. 223, 1893 г., д. 182, л. 4—5).

[34] Речь, по-видимому, идет о публикации в «Русском архиве» письма Екатерины II П.В. Завадовскому. В примечании к этой публикации сообщается, что Екатерина II состояла в тайном браке с Потемкиным (Русский архив. 1890. № 9. С. 102—103).

[35] Указанные донесения опубликованы в «Сб. РИО» (Т. 83. СПб., 1892). В предисловии нет оговорок о неполноте публикации, однако общий объем тома значительно менее обычного.

[36] В «Правительственном вестнике» за 29 февраля 1892 г. опубликован рескрипт правительствующему Сенату о создании «Комитета для рассмотрения представлений к высочайшим наградам». Председателем этого Комитета назначался канцлер российских императорских и царских орденов, т. е. министр императорского двора.

[37] В заседании соединенных Департаментов 29 февраля 1892 г. по инициативе Н.И. Стояновского был поставлен вопрос об участии евреев в городском общественном управлении. Большинство выступавших, как указывается в протоколе, высказывалось за предоставление евреям, проживающим вне черты оседлости, права принимать участие в городском общественном управлении. За это предложение голосовало 20 членов, за предложение министра внутренних дел — 4 (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38. Приложение, л. 347—360). Однако Александр III этому категорически воспротивился. В журнале соединенного присутствия содержание протокола не отражено.

[38] Биография Потемкина, представленная черновым автографом А.Н. Самойлова (родственник Потемкина), хранится в фонде Бобринских (Центральный государственный архив древних актов, ф. 1812, д. 788).

[39] Как видно из журнала соединенных Департаментов, Дурново действительно пошел на уступку по первым двум вопросам (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, л. 861—862).

[40] Реакционно-шовинистическое утверждение Дурново не имело под собой оснований. Оно предполагало, что студенческое движение организовывалось евреями.

[41] См. комментарий 152 за 1883 г.

[42] В с.-петербургских газетах «Новое время», «С.-Петербургские ведомости» за февраль—март 1892 г. указанный процесс отражения не получил.

[43] 22 февраля 1891 г. министр внутренних дел Дурново внес в Государственный совет представление «О мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель». В своем представлении он считал необходимым: «1) Отчуждение надельных земель, приобретенных целыми сельскими обществами, допускается не иначе как с разрешения министров внутренних дел и финансов, а отчуждение из состава надельных земель, приобретенных отдельными домохозяевами или состоящих в подворно-наследственном их пользовании, —

только членам того же общества, как прежним, так и вновь вступающим»; «2) Как целым обществам, так и отдельным крестьянам воспрещается залог надельных земель, хотя бы капитальный выкупной долг и был по оным уплачен» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1893 г., д. 77, л. 18).

Действие этого законопроекта должно было распространяться на те местности, на которые распространялось Положение 19 февраля 1861 г. Предложение носило реакционный характер, посягая на право крестьян свободно распоряжаться выкупленными ими землями. Объективный смысл его заключался в стремлении сохранить феодально-крепостнические пережитки в деревне.

Этот вопрос рассматривался в соединенных Департаментах Государственного совета в апреле 1893 г., представление Дурново было одобрено в несколько измененном виде.

В ноябре 1893 г. Общее собрание большинством голосов утвердило мнение соединенных Департаментов. На записке государственного секретаря Н.В. Муравьева по поводу состоявшегося решения Александр III написал: «Это утешительно и успокоительно» (там же, л. 968; см. также: ПСЗ. Собр. 3. Т. XIII. № 10151).

[44] См. комментарий 46.

[45] Речь идет о 3%-ном займе, выпущенном по указу 17 сентября 1891 г. Заем выпускался на сумму 125 млн. золотых руб., или 500 млн. франков. Как утверждает П.П. Мигулин, условия займа создавали благоприятную обстановку для спекулятивных операций и различных злоупотреблений (см. запись Половцова за 13 апреля 1892 г.). Реализацию займа взял на себя синдикат парижских банкиров. В 1892 г. было размещено облигаций только на 300 231 тыс. франков, а остальные были приняты в казну. Часть принятых в казну облигаций (на 5 млн. руб.) была в 1893 г. куплена Финансовым комитетом Центрального рисовального училища Штиглица (см. комментарий 46 к первому тому «Воспоминаний С.Ю. Витте». М., 1960. С. 528). По словам Мигулина, выпуск 3%-ного займа не вызывался необходимостью в получении кредита для погашения дефицита (М и г у л и н П.П. Русский государственный кредит 1769—1899. Т. II. Харьков, 1900. С. 182—189).

[46] По-видимому, речь идет не о последнем, а о предпоследнем — шестом томе «Материалов для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина» (СПб., 1892). В этом томе помещены материалы, относящиеся к марту — сентябрю 1801 г. Как шестой, так и седьмой тома были изданы в 1892 г. Вероятно, часть документов была изъята. Однако и в изданном томе содержатся фразы, из которых следует, что Панин не имел отношения к заговору 11 марта 1801 г. О взаимоотношениях императрицы Марии Федоровны с Паниным во введении говорится, что она «считала его (т. е. Панина. — П. З.) без всякого основания участником катастрофы Павла» (там же. Т. VI. С. 16). В действительности Панин принимал активное участие в заговоре против Павла I (Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907. С. 113—134).

[47] «Об изменении способа взимания сбора с публичных зрелищ и увеселений в пользу воспитательных домов» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1892 г., д. 91).

[48] Материалов указанной комиссии обнаружить не удалось. О железной дороге см. комментарий 12 за 1891 г.

[49] 16 декабря 1891 г. министр внутренних дел внес в Государственный совет представление «О продлении действия льгот для переселенцев в Амурскую и Приморскую области Сибири». Дурново вместе с тем считал необходимым несколько изменить существующие льготы. Так, он предлагал прекратить продажу земель в собственность, имея в виду, что отвод земель в постоянное пользование гарантирует в будущем как отдельных крестьян, так и целые общества от обезземеливания и от сосредоточения крестьянских земель в руках разбогатевших крестьян, а также от продажи их иностранным подданным. По мнению министра, переселенцы должны были освобождаться на 20 лет от платежей за землю. Существенным было также требование, чтобы переселившиеся крестьяне обладали достаточными средствами для переселения и устройства на новом месте жительства на свой счет и без всяких пособий со стороны казны (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 42, л. 12).

Приамурский генерал-губернатор барон Корф не соглашался с рядом предложений министра внутренних дел. В своем представлении от 14 марта 1892 г. Корф предлагал сохранить право приобретения крестьянами земли в собственность по цене не менее 3 руб. за десятину.

21 марта вопрос рассматривался в соединенных Департаментах законов и государственной экономии. Решение было принято в духе предложений Корфа. Так, земельные участки могли приобретаться переселенцами в собственность размером не свыше 400 десятин в одни руки. Запрещалась покупка земли иностранными подданными.

26 мая Общее собрание утвердило решение соединенных Департаментов. 18 июня оно было утверждено Александром III (ПСЗ. Собр. 3. Т. XII. № 8755).

[50] 26 марта 1892 г. в соединенных Департаментах законов и государственной экономии рассматривалось представление министра государственных имуществ «О пересмотре правил о нефтяном промысле». В своем представлении Островский указывал, что правила 1 февраля 1872 г. требуют пересмотра. По его мнению: «1) Нынешняя арендная плата с казенных нефтеносных земель не соответствует действительной стоимости арендуемых участков.

2) Постановления о порядке заведования отводами, произведенными в казенных землях для нефтяного промысла, нуждаются в изменениях.

3) Право распоряжения недрами казенных земель, предоставленных в пользование крестьянских обществ правилами 1872 г., недостаточно согласовано с правами казны на эти земли и с интересами нефтяного промысла.

4) Развившаяся на Апшеронском полуострове хищническая разработка нефтяных источников, частые пожары на промыслах и отсутствие строгих технических приемов при обращении с нефтяными фонтанами требуют создания соответствующих предупредительных правил.

5) В правилах 1872 г. не имеется необходимых для развития промысла постановлений об устройстве нефтепроводов.

6) Съезды нефтепромышленников требуют более прочной организации.

7) Права иностранцев и евреев по отношению к нефтяному промыслу нуждаются в урегулировании с политической точки зрения» (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1892 г., д. 129, л. 8).

Соединенные Департаменты одобрили в целом представленные правила, внеся в них частные изменения. 11 мая 1892 г. решение соединенных Департаментов было утверждено Общим собранием, а 3 июня — Александром III (ПСЗ. Собр. 3. Т. XII. № 8569).

[51] Речь идет о книге Е.С. Шумигорского «Императрица Мария Федоровна (1759—1828)» (Т. I. СПб., 1892).

[52] По-видимому, имеется в виду всеподданнейшая записка Вышнеградского, представленная Александру III в марте 1892 г. Записка без подписи и даты. На первом листе рукой Александра III написано: «Переговорю с Вами об этом подробнее при первом докладе». Ниже рукой Вышнеградского: «Получено от государя императора с собственноручной надписью из Гатчины 21 марта 1892 г.» (ЦГИА СССР, ф. Общей канцелярии министра финансов, оп. 22, д. 168, л. 57).

В записке отмечается, что в результате неурожая ожидается недобор в доходной части бюджета, который необходимо частично покрыть путем обложения тех разрядов населения, «которые или вовсе не облагались доныне прямыми налогами, или же, располагая сравнительно большим достатком, могут без ущерба для их имущественного положения и хозяйственной силы вынести несколько высшее обложение, нежели теперь» (там же, л. 73).

Руководствуясь этим, Вышнеградский предлагал установить новый подоходно-прогрессивный налог, который ежегодно мог бы приносить 15,1 млн. руб. дохода. Обложению этим налогом подлежали торгово-промышленные прибыли, доходы с капитала, с недвижимой собственности, вознаграждение за службу (правительственную и частную), гонорары врачей, юристов, литераторов и т. д. Обложению подлежали доходы начиная с 1 тыс. руб. в год. При этом доходы от личного труда должны облагаться вдвое меньше, чем с имуществ. Минимальный процент обложения должен был составлять 0,5—1, максимальный — свыше 50 тыс. руб. годового дохода — 6 (там же, л. 57—81).

[53] Эрнст-Людвиг.

[54] Александрины-Фредерики-Вильгельмины (не Александры — *Примеч. ред.*).

[55] Вопрос о границе на Памире был временно урегулирован в результате обмена с китайским посланником «при высочайшем дворе» нотами от 31 марта, 5, 7 и 11 апреля 1894 г., в которых «оба правительства обязались не нарушать существующего на Памире положения вещей впредь до окончательного разрешения памирского вопроса и дать соответствующее указание местным властям» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 483, л. 33).

[56] См. комментарий 45.

[57] См. комментарий 54 за 1891 г.

[58] См. комментарий 55.

[59] Т. е. Александр III.

[60] Ольга Николаевна.

[61] Главный барабанщик полка, назначаемый из унтер-офицеров. В русской армии эта должность была ликвидирована в 1881 г.

[62] В 1890 г. курс кредитного рубля в связи с хорошим урожаем стал резко повышаться. В связи с этим министр финансов Вышнеградский подал Александру III доклад, в котором ставил вопрос о необходимости продажи кредитных рублей и покупки золота. Это должно было содействовать понижению курса бумажного рубля. Доклад был послан на заключение председателю Департамента экономии Абазе и им одобрен. После этого Абаза через посредство банкирского дома Рафаловича стал играть также на понижении курса кредитного рубля и получил выигрыш в 900 тыс. руб. Рафалович же, не поняв комбинации Абазы, предпринял обратную игру и разорился. После того как афера Абазы стала известна (в 1893 г.), была создана комиссия под председательством Бунге, которая и выяснила всю неприглядность действий Абазы. В результате Абаза был вынужден оставить пост председателя Департамента экономии (В и т т е С.Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. 219—222, 230—231; см. также письмо Абазы Александру III от 14 февраля 1893 г., в котором он просит у царя прощения за свой поступок. Всячески оправдываясь, Абаза уверяет, что его доход от биржевой игры выразился в сумме 100 тыс. руб. и в 48 акциях, им не реализованных и потерявших впоследствии всякую ценность. ЦГАОР, ф. Александра III, д. 663; см. комментарий 57 к первому тому «Воспоминаний С.Ю. Витте». М., 1960. С. 534—535).

[63] Речь идет о заседании Особого совещания о постройке Сибирской железной дороги, проходившем 21 ноября 1892 г. На нем обсуждались четыре вопроса: о распределении строительства дороги на три очереди, о средствах для сооружения дороги, о последовательности строительства участков первой очереди и о создании Комитета Сибирской железной дороги.

На совещании рассматривалось предложение Витте, считавшего необходимым выпустить для строительства дороги особые кредитные сибирские билеты ввиду огромной стоимости дороги (строительство первой очереди должно было обойтись примерно в 150 млн. руб.) и невозможности изыскания других источников получения средств. Министр финансов считал возможным с этой целью возвратить Государственному казначейству из Государственного банка 92,7 млн. кредитных руб., внесенных в последний в соответствии с указом 1 января 1881 г. (указ предусматривал ежегодное уменьшение находившихся в обращении бумажных денег, выпущенных в связи с войной 1877—1878 гг.). Таким образом, новые кредитные билеты должны были быть выпущены вместо старых, уже изъятых из обращения. Это предложение было изложено Витте в его записках от 6 и 13 ноября 1892 г., озаглавленных «О порядке и способах сооружения великого Сибирского пути».

Против предложения о возвращении казначейству 92,7 млн. руб. выступили Бунге, Вышнеградский и Чихачев, усматривая в этом нарушение указа 1 января 1881 г. Они соглашались лишь на «временное позаимствование» этой суммы, что, по их мнению, не требовало бы издания какого-либо закона, отменяющего указ 1 января 1881 г. Окончательное же изъятие из Государственного банка 92,7 млн. руб. имело бы «неблагоприятное влияние на практические условия денежного обращения».

Однако остальные члены совещания — Сольский, Кауфман, Ванновский, Островский, Филиппов, Дурново, Горемыкин, Кривошеин и Витте — считали это опасение несущественным (с чем согласился и Александр III).

Совещание определило очередность строительства и его сроки. Так, к первой очереди был отнесен участок от Челябинска до Иркутска протяженностью 3084 версты, окончание строительства участка Владивосток—Графская и, наконец, строительство соединительной ветки между Уральско-горнозаводской и Сибирской железными дорогами на Екатеринбург. Участки первой очереди должны были быть закончены не позднее 1900 г.

Вторая очередь включала участок от Графской до Хабаровска и от станции Мысовая (начальный пункт) до Сретенска протяженностью 1356 верст.

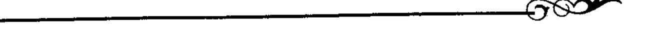
К третьей очереди относилась постройка Кругобайкальской железной дороги и участка от Сретенска до Хабаровска протяженностью 2292 версты. Сроки завершения строительства второй и третьей очередей не определялись.

Устанавливалась смета расходов на строительство первой очереди в размере 150 млн. руб.

Наконец, совещание ставило вопрос об учреждении Комитета Сибирской железной дороги из представителей министерств внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей сообщения, государственного контролера под председательством особого лица, назначенного императором.

Решение совещания было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Комитета Сибирской железной дороги, оп. 1, д. 1; С а б л е р С.В. и С о с н о в с к и й И.В. Указ соч. С. 111—123).

[64] См. комментарий 45 за 1888 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ И КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ К I И II ТОМАМ*

По сравнению с 1-м изданием настоящий именной указатель расширен и уточнен.

Добавлено 162 новых имени, сделано 280 уточнений в кратких биографических сведениях об упоминаемых персонах (в годах жизни, чинах, должностях, родственных связях). Наибольшим уточнениям подверглись сведения о представителях правящих династий европейских стран, а также членах многих русских аристократических фамилий (князьях Барятинских, Трубецких, Голицыных, Долгоруковых, Оболенских, графах Апраксиных, Бобринских, Воронцовых и Воронцовых-Дашковых, Стенбоков и Стенбок-Ферморов, Шереметевых, Шуваловых и др.). В целом изменения в указателе коснулись более 440 имен, что составило более 25% от общего их количества в 1-м издании (1627 имен).

Знаком «*» отмечено наличие портрета данной персоны в одном из томов дневника.

Иллюстрации взяты в основном из собрания А.Л. и С.А. Сапожниковых.

В.А. Благово и С.А. Сапожников,
ответственные редакторы

---

*Список принятых сокращений: ад. — адъютант; адм. — адмирал; акад. — академик; бар. — барон, баронесса; вел. кн. — великий князь, великая княжна; вел. к-ня — великая княгиня; внутр. — внутренний; воен. — военный; гв. — гвардия, гвардейский; ген. — генерал; ген. от арт. — генерал от артиллерии; ген. от инф. — генерал от инфантерии; ген. от кав. — генерал от кавалерии; глав. — главный, главное; гос. — государственный; гр. — граф; гр-ня — графиня; губ. — губерния, губернский; действ. ст. сов. — действительный статский советник; дир. — директор; е. и. в. — его императорское величество; иностр. — иностранный; кап. — капитан; кн. — князь, княжна; к-ня — княгиня; л.-гв. — лейб-гвардия; лейт. — лейтенант; м-во — министерство; нач. — начальник; о-во — общество; окр. — округ; полк. — полковник; пред. — председатель; секр. — секретарь; собств. — собственная; ст.-дама — статс-дама; ст.-секр. — статс-секретарь; тайн. сов. — тайный советник; ун-т — университет; упр. — управление; флиг.-ад. — флигель-адъютант; шт.-кап. — штабс-капитан; шт.-ротмистр — штабс-ротмистр.

В указатель не включены фамилии авторов книг и статей, на которые ссылается комментатор.

[1] На этой странице описана, по-видимому, церемония обручения, поскольку описываемая свадьба состоялась 26.07 (7.08. нов. ст.). 1889, когда А.А. Половцова не было в Санкт-Петербурге. (*Примеч. ред.*)

